

НАОМИ КЛЯЙН

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА NO LOGO: ЛЮДИ ПРОТИВ БРЭНДОВ

ДОКТРИНА ШОКА

РАСЦВЕТ КАПИТАЛИЗМА КАТАСТРОФ

НОВАЯ СЕНСАЦИОННАЯ ВЕРСИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ,
РАЗРУШАЮЩАЯ ПРИВЫЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И МИФЫ
О ДВИЖУЩИХ СИЛАХ И ИСТИННЫХ ПРИЧИНАХ
ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ XX—XXI ВЕКОВ

«Доктрина шока» — новая книга Наоми Кляйн, жестокая правда о современном мировом порядке, история о том, как американская «свободная рыночная экономика» покоряет другие народы и государства, испытавшие шок новых мировых катастроф.

Каждая катастрофа глобального масштаба завершается сегодня новым триумфом частного капитала: в результате войны в Ираке компании Shell и BP получают преимущественное право на разработку иракских нефтяных месторождений; после атак 11 сентября 2001 года война с террором отдается «на аутсорсинг» американским частным компаниям Halliburton и Blackwater; жители Нового Орлеана, едва пережив ураган «Катрина», обнаруживают, что пострадавшие от него больницы и школы больше никогда не возобновят свою работу.

Эти события — примеры новой стратегии завоевания мира, которую Наоми Кляйн называет «доктриной шока»: использование замешательства народов и государств, возникающего в результате массовых общественных потрясений — войн, террористических атак, природных катаклизмов, — для проведения непопулярных экономических мер, известных как «шоковая терапия».

Основанная на последних исследованиях новейшей истории и наблюдениях автора во время работы в «горячих точках» мира на протяжении последних четырех лет «доктрина шока» разрушает миф о том, что глобальная рыночная экономика торжествует по всему миру и принимается странами на основе свободного волеизъявления народов. Вы увидите, насколько глубоко связана молниеносная «корпоративная» модернизация современного общества с военными операциями вроде «Шока и трепета» и секретными экспериментами ЦРУ по управлению человеческим поведением.

Наоми Кляйн показывает, как сознательное использование «доктрины шока» политическими элитами приводит к событиям, радикально меняющим историю: от мятежа Пиночета в Чили в 1973 году до трагедии на площади Тяньаньмэнь в Китае в 1989 году и развала Советского Союза в 1991 году.

«Доктрина шока» — это новая сенсационная версия политической истории, разрушающая привычные представления и мифы о движущих силах и истинных причинах основных событий XX—XXI веков.

ISBN 978-5-98124-357-8



9 785981 243578

www.dkniga.ru

ДОБРАЯ КНИГА



книги для высокоэффективной жизни™

«Доктрина шока» — книга уникальная, это эпическое творение, это весть, которую необходимо услышать. С настойчивостью журналиста и ответственностью подлинного ученого Наоми Кляйн предлагает не что иное, как новую парадигму для понимания политики. Это честная и крайне необходимая книга. Благодаря точному анализу и удивительно широкому охвату мы можем противостоять высокомерным фанатикам воображаемого «чистого листа», оставляющим после себя только выжженную землю. «Доктрина шока» — это настоящая книга, и только Кляйн могла ее написать.

*Энтони Шедид,
иракский корреспондент
газеты Washington Post, лауреат Пулитцеровской премии*

Наоми Кляйн — это ангел-обвинитель. Ее книга, посвященная спасению жизни, таит в себе динамит, но утверждает спокойствие. Она раскрывает разительную параллель между техникой допроса заключенного в ЦРУ и техникой шантажа, применяемой Всемирным банком и МВФ ради насаждения капитализма катастроф по всему миру; в обоих случаях применяется шок, ведущий к утрате идентичности. Поэтому покой есть форма сопротивления. Эту книгу нужно читать повсюду.

*Джон Бергер, автор книг «G.»
и «Пути зрения», лауреат Букеровской премии*

«Доктрина шока» — это убийственная правда, которую власть имущие пытаются скрыть в застенках прошлого. Это ясное изложение тайной истории нашей эпохи, это труд журналиста, запечатлевшего не защитников несправедливой власти, но бедных, подвергнутых пыткам, и тех, кто несмотря ни на что борется за справедливость.

*Джеремии Скехилл,
автор книги Blackwater: The Rise
of the World's Most Powerful Mercenary Army*

Наоми Кляйн разоблачает неолиберальную экономику. Она срывает покров с идеологии «свободной торговли» и глобализации, маскирующей преступный заговор по приватизации войн и катастроф для захвата общественного достояния немногочисленной группой богачей... Ее книга — долгожданный анализ безудержного скатывания назад к феодализму под прикрытием социальных наук и «свободы».

Чэлмерс Джонсон, автор трилогии «Отдача»

Ее доводы прекрасно документированы и логичны, они захватывают и убеждают.

*Джейн Смилли, автор книг «Тысяча акров»
и «Десять дней среди холмов»*

Эта мастерски написанная книга — сдержанный, но яростный призыв к оружию. Наоми Кляйн — Антигона перед лицом царя, противоядие от неизбежности, требующей признать убийство законным средством экономической политики. У нее есть смелость, чтобы верить в справедливость, и мужество, чтобы вести подсчет людской стоимости идеологии, для которой недостаточно поклоняться идолам рынка — нужно убивать людей, чтобы напитать их. Кляйн идет впереди и призывает нас не вступать в самоубийственный клуб, делающий возможным корпоративный каннибализм. Это яркий триумф.

Джон Кьюсак, актер, режиссер

Эта прекрасно написанная, захватывающая книга бесстрашно запечатлела историю, вызывающую отвращение.

*Питер Кэри, автор книг «Оскар и Люсинда» и «Кража», лауреат
Букеровской премии*

Наоми Кляйн стоит в ряду лучших последователей традиции И.Ф. Стоуна и Эптона Синклера; разоблачая, она идет вглубь, когда остальным достаточно лежащего на поверхности. Я восхищаюсь ее внутренней силой и как мужчина XX столетия приветствую женщину XXI века.

Стадс Тэркел, историк, автор книги «Работа»

Откровение! С несравнимой отвагой и ясностью мысли Наоми Кляйн создала самую важную и насущную для своего поколения книгу. В ней она разоблачает лжецов, воров и убийц, срывая маску с экономической политики чикагской школы и являя миру ее связь с хаосом и кровопролитием, которые царят повсюду в мире. «Доктрина шока» — столь важная и столь убийственно разоблачающая книга, что она вполне могла бы стать катализатором, поворотным моментом, отправной точкой в движении за экономическую и социальную справедливость.

Тим Роббинс, актер и режиссер

ДОКТРИНА ШОКА

NAOMI KLEIN

**THE
SHOCK
DOCTRINE**

THE RISE OF DISASTER CAPITALISM

НАОМИ КЛЯЙН

ДОКТРИНА ШОКА

СТАНОВЛЕНИЕ
КАПИТАЛИЗМА КАТАСТРОФ

ДОБРАЯ КНИГА [®]
Москва 2009

УДК 111.32
ББК 65-64

К52 Кляйн Н.

ДОКТРИНА ШОКА/НАОМИ КЛЯЙН; ПЕР. С АНГЛ. — М.:
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДОБРАЯ КНИГА», 2009. — 656 с.

ISBN 978-5-98124-357-8

Перевод: М. Завалов

«Доктрина шока» — это новая сенсационная версия нашей политической истории, разрушающая привычные представления и мифы о движущих силах и истинных причинах основных событий XX и XXI веков.

Основанная на последних исследованиях новейшей истории и наблюдениях автора во время работы в «горячих точках» мира на протяжении последних четырех лет «Доктрина шока» разрушает миф о том, что глобальная рыночная экономика торжествует по всему миру и принимается странами на основе свободного волеизъявления их народов.

Вы увидите, насколько глубоко связана молниеносная «корпоративная» модернизация современного общества с военными операциями вроде «Шока и трепета» и секретными экспериментами ЦРУ по управлению человеческим поведением.



Издательство «Добрая книга»

Телефон для оптовых покупателей: (495) 650-44-41

Адрес для переписки/e-mail: mail@dkniga.ru

Адрес нашей страницы в Интернете: www.dkniga.ru

Все права защищены. Любое копирование, воспроизведение, хранение в базах данных или информационных системах или передача в любой форме и любыми средствами — электронными, механическими, посредством фотокопирования, записи или иными, включая запись на магнитный носитель, — любой части этой книги запрещены без письменного разрешения владельцев авторских прав.

СДЕЛАНО В РОССИИ
ISBN 978-5-98124-357-8

Copyright © 2007 by Klein Lewis Productions Ltd.

© Издание на русском языке, перевод на русский язык.

ООО «Издательство «Добрая книга», 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ОПУСТОШЕННОЕ — ПРЕКРАСНО:

ТРИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ОПУСТОШЕНИЯ И ПЕРЕКРОЙКИ МИРА 15

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДВА ДОКТОР-ШОКА: ИССЛЕДОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ 39

Глава 1. *Лаборатория пыток: Эвен Кэмерон, ЦРУ и маниакальная попытка начисто стереть и перекроить человеческую психику. 41*

Глава 2. *Еще один доктор-шок: Милтон Фридман и поиски лаборатории «радикальной экономической свободы» 73*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ: МУКИ РОЖДЕНИЯ 103

Глава 3. *Государства в состоянии шока: кровавое рождение контрреволюции 105*

Глава 4. *С чистого листа: террор делает свое дело 135*

Глава 5. *«Никакой связи»: как идеологию очищали от ее преступлений. 159*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВЫЖИВАНИЕ ДЕМОКРАТИИ: БОМБЫ ЗАКОНОВ 175

Глава 6. *Спасенные войной: тэтчеризм и его полезные враги. . . 177*

Глава 7. *Новое применение шоковой терапии: экономическая война вместо диктатуры 191*

Глава 8. *Кризис действует: упаковка для шоковой терапии 207*

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

**ПОТЕРИ ПЕРЕХОДА: ПОКА МЫ ПЛАКАЛИ,
ПОКА МЫ ДРОЖАЛИ, ПОКА МЫ ТАНЦЕВАЛИ 225**

Глава 9. *Захлопнувшаяся дверь истории:*
кризис в Польше и китайская бойня 227

Глава 10. *Демократия, рожденная в оковах: удушенная*
свобода Южной Африки. 255

Глава 11. *Костер для новой демократии: Россия выбирает*
«план Пиночета». 285

Глава 12. *Звериный оскал капитализма: Россия и новая эра*
хамского рынка 321

Глава 13. *Пускай горит: разграбление Азии и падение*
«второй Берлинской стены». 341

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ЭПОХА ШОКА: РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА КАТАСТРОФ. 365

Глава 14. *Шоковая терапия в США: мыльный пузырь*
национальной безопасности 367

Глава 15. *Корпоративистское государство: вместо*
вращающихся дверей — проходной двор 401

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ИРАК. КРУГ ЗАМКНУЛСЯ: ШОК ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ 423

Глава 16. *Опустошение Ирака: в поисках «образца»*
для Ближнего Востока. 425

Глава 17. *Идеологическая отдача: очень капиталистическая*
катастрофа 445

Глава 18. *Круг замыкается: от «чистого листа»*
к выжженной земле 471

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ПОДВИЖНАЯ «ЗЕЛЕНАЯ ЗОНА»:

БУФЕРНЫЕ ЗОНЫ И ВЗРЫВОЗАЩИТНЫЕ СТЕНЫ..... 501

Глава 19. *Опустошение побережья: «второе цунами»..... 503*

Глава 20. *Апартеид катастроф: мир «зеленых зон»
и «красных зон»..... 531*

Глава 21. *Когда мирная жизнь становится невыгодной:
Израиль как предупреждение..... 555*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

УСТРАНЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ШОКА:

НАРОД БЕРЕТ ВОССТАНОВЛЕНИЕ В СВОИ РУКИ..... 583

ОТ АВТОРА 615

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 623

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 643

ОБ АВТОРЕ..... 653

Снова посвящается Эви

Любое изменение есть переменная
предмета обсуждения.

*Сесар Айра, аргентинский писатель
Cinpleaños, 2001 г.*

ДОКТРИНА ШОКА

ВВЕДЕНИЕ

ОПУСТОШЕННОЕ — ПРЕКРАСНО:

ТРИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ОПУСТОШЕНИЯ И ПЕРЕКРОЙКИ МИРА

...Земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями. И воззрел Бог на землю, и вот, она растленна, ибо всякая плоть извратила путь свой на земле. И сказал Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот, Я истреблю их с земли.

Бытие 6:11—13

Шок и трепет порождают страх, ощущение опасности и катастрофы, непонятное основной массе людей, определенным элементам или сегментам общества либо его руководству. Шок и изумление могут пробуждать природные катаклизмы: торнадо, землетрясения, ураганы, потопаы, неукротимые пожары, голод и эпидемии.

«Шок и трепет: быстрое достижение господства», военная доктрина боевых действий США против Ирака¹

Я встретила с Джамаром Перри в сентябре 2005 года в большом приюте Красного Креста в Батон-Руж (штат Луизиана). Молодые улыбающиеся члены Церкви сайентологии раздавали обед, а Перри стоял в очереди. Перед этим меня ругали за то, что я разговаривала с людьми, эвакуированными без медицинского сопровождения, а те-

¹ *Edney B. Appendix A: Thoughts on Rapid Dominance / Ullman H.K., Wade J.P. Shock and Awe: Achieving Rapid Dominance. Washington, DC: NDU Press Book, 1996. P. 110.*

перь я — белая жительница Канады посреди моря чернокожих обитателей южных штатов Америки — изо всех сил старалась вписаться в мир окружающих меня людей. Я потихоньку встала в очередь за Перри и предложила ему поговорить как будто мы старые друзья, он охотно согласился.

Он родился и вырос в Новом Орлеане и уже неделю как покинул пострадавший от потопа родной город. На вид ему можно было дать лет семнадцать, однако он сообщил, что ему двадцать три. Он и его семья бесконечно долго ожидали автобусов, которые должны были вывезти их из опасной зоны; автобусы так и не пришли, и им пришлось отправиться в путь пешком под палящим солнцем. Так они оказались тут, в огромном выставочном центре, который обычно использовали для фармацевтических торговых ярмарок и таких увеселительных мероприятий, как «Столичный бой: последняя битва в стальной клетке». Теперь сюда втиснули 2000 кроватей и массу недовольных измученных людей под охрану раздраженных солдат Национальной гвардии, только что вернувшихся из Ирака.

В этот день по приюту разнеслась новость о том, что Ричард Бейкер, известный конгрессмен, республиканец из этого города, заявил группе лоббистов: «Наконец-то нам удалось очистить районы муниципального жилья в Новом Орлеане. Мы не могли этого сделать, но это совершил Бог»². Джозеф Канизаро, один из самых состоятельных людей, занимающихся развитием Нового Орлеана, недавно выразил подобное мнение: «Думаю, перед нами чистая страница, чтобы все начать заново. И этот чистый лист несет нам великие возможности»³. В течение всей той недели законодательное собрание штата Луизиана в Батон-Руже заполняли всевозможные корпоративные лоббисты, желавшие использовать эти великие возможности: снижение налогов, ослабление законодательных ограничений, дешевую рабочую силу и «уменьшенный и безопасный город», — на практике это означало отказ от проектов строительства муниципального жилья в пользу кооперативных частных квартир. Слушая разговоры о «свежем начале» и «чистых страницах», можно было почти забыть мучительное беспокойство от развалин, химических выбросов и человеческих останках всего в нескольких километрах отсюда вниз по шоссе.

² Harwood J. Washington Wire: A Special Weekly Report from The Wall Street Journal's Capital Bureau // *Wall Street Journal*. 2005. September 9.

³ Rivlin G. A Mogul Who Would Rebuild New Orleans // *New York Times*. 2005. September 29.

Здесь, в приюте, Джамар мог думать только об одном: «Для меня это вовсе не очистка города. Я вижу множество погибших людей, которые не должны были умереть».

Хотя он говорил тихим голосом, пожилой человек, стоявший в очереди перед нами, услышал наш разговор и вступил в беседу: «Что случилось с этими людьми из Батон-Ружа? Это никакие не “возможности”. Это чертова беда. Они что, ослепли?»

К нам присоединилась мать с двумя детьми: «Нет, они не ослепли, они просто погрязли во зле. Они все прекрасно видят».

Новые возможности увидел в затоплении Нового Орлеана и Милтон Фридман, великий гуру движения за нестесненный капитализм, который написал общепризнанный учебник современной сверхподвижной глобальной экономики. Хотя ему девяносто три и его здоровье уже сдает, дядя Милти, как его называют последователи, нашел в себе силы через три месяца после разрушения плотин написать комментарии в *Wall Street Journal*. «В Новом Орлеане разрушено большинство школьных зданий, — пишет Фридман, — как и жилищ детей, обучавшихся в этих школах. Теперь эти дети разбросаны по всей стране. Это трагедия. Но это также и новая возможность для радикальной перестройки системы образования»⁴.

Смелая идея Фридмана заключалась в том, что не стоит тратить миллиарды долларов на восстановление и усовершенствование прежней системы государственных школ Нового Орлеана; вместо этого правительство должно снабдить семьи ваучерами, чтобы можно было их использовать для поддержки частных учебных заведений, нередко приносящих прибыль, которые будут получать государственные субсидии. Крайне важно, писал Фридман, чтобы это фундаментальное изменение было не временной мерой, но «устойчивой реформой»⁵.

Группа правых идеологов горячо поддержала предложения Фридмана, и они повели наступление на город, который недавно подвергся атаке стихий. Администрация Джорджа Буша поддержала их планы, выделив десятки миллионов долларов на то, чтобы превратить школы Нового Орлеана в частные школы — организации, использующие общественные средства, которыми руководят частные организации по своим собственным правилам. Частные школы вызывают крайне противоречивое отно-

⁴ The Promise of Vouchers // *Wall Street Journal*. 2005. December 5.

⁵ Там же.

шение к себе в Соединенных Штатах, а особенно в Новом Орлеане, где многие афроамериканские родители воспринимают их как отказ от достижений борцов за гражданские права, которые стремились создать условия для того, чтобы каждый ребенок имел возможность получать образование, соответствующее общим стандартам. Но для Милтона Фридмана сама концепция системы государственных школ слишком похожа на социализм. По его мнению, государство должно заботиться только о том, чтобы «защищать нашу свободу как от внешних врагов, так и от наших сограждан: оберегать законность и порядок, способствовать заключению частных контрактов и развитию соревнования на рынке»⁶. Другими словами, государство должно лишь обеспечивать существование полиции и армии — все прочее, в том числе и бесплатное образование, является несправедливым посягательством на права рынка.

Восстановление дамб и электрических сетей заняло немало времени, по сравнению с этим создание новой школьной системы Нового Орлеана происходило просто в военных темпах и с военной точностью. В течение 19 месяцев, когда большинство беднейших горожан были еще в изгнании, новоорлеанская система общедоступных школ почти полностью была заменена частными школами. До урагана «Катрина» школьный отдел занимался работой 123 государственных школ, теперь же их осталось всего четыре. До катастрофы существовало лишь семь частных школ, теперь их стало 31⁷. Ранее учителей Нового Орлеана объединял сильный профсоюз, теперь же профсоюзный договор был расторгнут, и 4700 членов профсоюза вынуждены были покинуть город⁸. Некоторых учителей помоложе снова наняли частные школы, уменьшив их зарплату; большинство же учителей остались без прежней работы.

Теперь Новый Орлеан стал, цитирую газету *New York Times*, «самой выдающейся лабораторией страны, где исследуется процесс распространения частных школ», а Американский институт предпринимательства, хранилище идей Фридмана, торжественно провозгласил: «Ураган “Катрина” за один день совершил то... чего долгие годы

⁶ Friedman M. *Capitalism and Freedom*. 1962, repr. Chicago: University of Chicago Press, 1982. P. 2.

⁷ Интервью с Джо Дроузом, United Teachers of New Orleans. 2006. September 18 / Kunzelman M. *Post-Katrina, Educators, Students Embrace Charter Schools // Associated Press*. 2007. April 17.

⁸ Ritea S. N.O. Teachers Union Loses Its Force in Storm's Wake // *Times-Picayune*. New Orleans. 2006. March 6.

не могли сделать реформаторы школьной системы в Луизиане»⁹. Между тем учителя государственных школ, наблюдая, как деньги, выделенные жертвам стихийного бедствия, используются для «чистки» системы государственного обучения, на смену которому приходит образование частное, называли план Фридмана «захватом территории образования»¹⁰.

Я называю подобные организованные набеги на общественную территорию вслед за катастрофами, когда стихийное бедствие воспринимается как восхитительные возможности для рынка, «капитализмом катастроф».

Комментарии Фридмана по поводу событий в Новом Орлеане оказались его последней политической рекомендацией; не прошло и года, как 16 ноября 2006 года он скончался в возрасте 94 лет. Странно, что этого человека занимал такой относительно скромный вопрос, как создание системы частных школ в американском городе средних размеров, ведь Фридмана считали самым влиятельным экономистом второй половины XX столетия, а среди его учеников несколько президентов США, премьер-министры Великобритании, российские олигархи, министры финансов Польши, диктаторы стран третьего мира, секретари Китайской коммунистической партии, директора Международного валютного фонда и три последних руководителя Федеральной резервной системы США. И все-таки его стремление использовать новоорлеанский кризис для продвижения фундаменталистской версии капитализма причудливым образом стало прощальным приветом от неутомимого низенького профессора, который в свои лучшие времена говорил, что он совсем как «старомодный проповедник, произносящий воскресную проповедь»¹¹.

На протяжении трех десятилетий Фридман и его влиятельные последователи оттачивали именно такую стратегию: дождаться глубокого кризиса, потом распродать обломки государства частным игрокам, пока граждане еще не пришли в себя от пережитого шока, а затем быстренько сделать эти «реформы» устойчивыми.

В одной из самых известных своих статей Фридман сформулировал суть тактической панацеи капитализма, в которой я вижу док-

⁹ *Saulny S. U.S. Gives Charter Schools a Big Push in New Orleans // New York Times. 2006. June 13; Rugs V. de, Newmark K.G. Hope after Katrina? // Education Next. 2006. October 1, www.aei.org.*

¹⁰ *Educational Land Grab // Rethinking Schools. 2006.*

¹¹ *Friedman M. Inflation: Causes and Consequences. New York: Asia Publishing House, 1963. P. 1.*

трину шока. По его словам, «только кризис — подлинный или воображаемый — ведет к реальным переменам. Когда такой кризис возникает, действия людей зависят от их представлений. И в этом, полагаю, заключается наша главная функция: создавать альтернативы существующим стратегиям, поддерживать их жизнеспособность и доступность до тех пор, пока политически невозможное не станет политически неизбежным»¹². Некоторые люди запасают консервы и воду, готовясь к великим стихийным бедствиям; Фридман же рекомендует запастись идеями свободного рынка. И как только разражается кризис, уверяет профессор Чикагского университета, следует действовать быстро, молниеносно вносить необратимые изменения, пока охваченное кризисом общество не придет в себя и не вернется к «тирании статус-кво». Фридман утверждает, что «у новой власти есть от шести до девяти месяцев, когда можно добиться основных перемен; если она не использует этот шанс и не предпримет решительных действий в этот период, ей не будут даны другие столь же богатые возможности»¹³. Этот вариант совета Макиавелли — наносить «вред» «внезапно и весь сразу», кажется, остается самым главным и неизменным пунктом из всего стратегического наследия Фридмана.

Впервые Фридман учился использовать широкомасштабный шок или кризис в середине 70-х годов прошлого века, когда работал советником чилийского диктатора генерала Аугусто Пиночета. Жители Чили находились в состоянии шока не только из-за насильственного захвата власти Пиночетом, но и благодаря мучительной и резкой гиперинфляции. Фридман посоветовал Пиночету совершить моментальное преобразование экономики: снизить налоги, дать свободу торговле, приватизировать часть государственных функций, уменьшить расходы на социальную сферу и ослабить государственный контроль. В итоге на смену государственным школам в Чили пришли школы частные, финансируемые на основе ваучеров. Это был самый резкий переход к капитализму из всех, которые когда-либо где-либо предпринимались, и его называли революцией «чикагской школы», поскольку многие из экономистов Пиночета получили подготовку под руководством Фридмана в Чикагском университете. Фридман предсказывал, что скорость, неожидан-

¹² *Friedman M. Capitalism and Freedom*, p. ix.

¹³ *Friedman M., Friedman R.D. Tyranny of the Status Quo*. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1984. P. 3.

ность и масштаб экономических сдвигов вызовут психологическую реакцию населения, которая «облегчит процесс урегулирования»¹⁴. Он придумал название для такой болезненной тактики: экономическая «шоковая терапия». С тех пор на протяжении десятилетий, когда правительства осуществляли радикальные программы перехода к свободному рынку, использование этого лечения шоком «внезапно и сразу», или «шоковой терапии», стало просто вопросом выбора метода.

Пиночет облегчал процесс урегулирования и своими собственными шоковыми мерами: при этом режиме появились многочисленные камеры пыток, где корчились от боли те несчастные люди, которые, вероятнее всего, должны были воспротивиться капиталистическим преобразованиям. Многие люди в Латинской Америке видели прямую связь между экономическим шоком, после которого разорились миллионы людей, и эпидемией пыток для сотен тысяч тех, кто верил в иной общественный строй. Уругвайский писатель Эдуардо Галеано говорил: «Как же еще можно было поддерживать такое неравенство, если не с помощью встряски или электрошоком?»¹⁵

Ровно через 30 лет после этих трех форм шока, которые пришлось испытать Чили, та же схема была использована в Ираке, притом еще грубее. Сначала была война, затеянная, по мнению авторов военной доктрины «шока и трепета», чтобы «контролировать волю, восприятие и способность к пониманию ситуации противника, что делает врага буквально неспособным к действиям или реагированию»¹⁶. Затем, когда страна еще была объята пламенем, последовала радикальная шоковая терапия экономики: массовая приватизация, полная свобода торговли, единый 15-процентный налог, резкое сокращение государственного аппарата, — все эти меры проводил главный дипломатический представитель США Л. Пол Бремер. Временный руководитель Министерства торговли Ирака Али Абдул-Амир Аллави говорил тогда, что народ Ирака «смертельно устал быть участником экспериментов. Система уже пережила достаточно шока, так что нет нужды применять эту шоковую терапию еще и в сфере экономики»¹⁷.

¹⁴ *Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People: Memoirs. Chicago: University of Chicago Press, 1998. P. 592.*

¹⁵ *Galeano E. Days and Nights of Love and War / Trans. J. Brister. New York: Monthly Review Press, 1983. P. 130.*

¹⁶ *Ullman H.K., Wade J.P. Shock and Awe, p. xxviii.*

¹⁷ *Crampton T. Iraq Official Warns on Fast Economic Shift // International Herald Tribune. Paris.*

Когда жители Ирака начали сопротивляться переменам, их арестовывали и бросали в тюрьмы. Там тело и психика сталкивались с новыми видами шока, на этот раз куда менее метафоричными.

Я приступила к исследованию вопроса о том, как свободный рынок зависит от влияния шока, четыре года назад, в первые дни оккупации Ирака. Придя в Багдаде к выводу, что попытка Вашингтона применить шоковую терапию после военной стратегии «шока и трепета» провалилась, я отправилась в Шри-Ланку, за несколько месяцев до того, в 2004 году, опустошенную цунами, и увидела там очередную версию того же маневра: иностранные инвесторы и международные кредиторы сообща использовали атмосферу паники, чтобы отдать все прекрасное побережье в руки предпринимателей, которые быстро построили огромные курортные зоны, из-за чего сотни тысяч местных рыбаков были лишены возможности восстановить свои деревни около воды. «Природа, нанеся Шри-Ланке сокрушительный удар, подарила стране уникальную возможность, так что эта великая трагедия породит туризм мирового класса», — заявило правительство Шри-Ланки¹⁸. В это время на Новый Орлеан обрушился ураган «Катрина», и ряд политиков-республиканцев, интеллектуальных столпов, занимающихся развитием страны, заговорили о «чистых листах» и небывалых возможностях; и стало ясно, что теперь это уже превратилось в излюбленный метод достижения корпоративных целей: использовать момент коллективной травмы для применения радикальной социальной и экономической инженерии.

Большинство людей, переживших опустошительные катастрофы, отнюдь не восторгаются состоянием «чистой доски», но желают прямо противоположного: спасти все, что только можно, и начать восстановление того, что не до конца разрушено; они хотят снова восстановить связь с тем местом, где они росли и жили. «Когда я восстанавливаю город, у меня возникает ощущение, что я восстанавливаю саму себя», — сказала Кассандра Эндрюс, жительница новоорлеанского Девятого района, значительно пострадавшего от катастрофы, когда разбирала строительный мусор после урагана¹⁹. Но сторонники капитализма катастроф не заинтересованы в восстановлении про-

2003. October 14.

¹⁸ Rice A. Post-Tsunami Tourism and Reconstruction: A Second Disaster? London: Tourism Concern. 2005. October, www.tourismconcern.org.uk.

¹⁹ Powers N. The Ground below Zero // *Independent*. 2006. August 31, www.independent.org.

шлого. В Ираке, Шри-Ланке и Новом Орлеане происходил процесс, который ложно называли «реконструкцией», когда дело, начатое стихийным бедствием, доводили до логического завершения: стирали с лица земли все, что осталось и чем владело государство или местная общественность, чтобы взамен на скорую руку воздвигнуть корпоративный Новый Иерусалим — пока жертвы войны или природной катастрофы еще не способны объединиться и предъявить свои права на то, что им принадлежало.

Лучше всего это выразил Майк Бэттлз: «Страх и беспорядок несут нам реальные перспективы»²⁰. Этот 34-летний человек, ранее служивший в ЦРУ, говорил о том, как хаос в Ираке после вторжения помог его малоизвестной и неопытной частной фирме Custer Battles, занимающейся безопасностью, получить от федерального правительства контракты примерно на 100 миллионов долларов²¹. Его слова вполне могут служить лозунгом современного капитализма: страх и беспорядки позволяют совершить очередной скачок вперед.

Когда я приступила к исследованию взаимосвязи между сверхприбылью и масштабными бедствиями, я подумала, что буду свидетелем фундаментального изменения того, как стремление «освободить» рынок реализуется по всему миру. Поскольку я участвовала в движении против стремительно растущей власти корпораций, начало чему было положено в Сиэтле в 1999 году, мне было легко распознать политику, благоприятную для бизнеса, в грубом давлении саммитов Всемирной торговой организации или в условиях займов Международного валютного фонда. Три требования, являющиеся как бы торговой маркой этой политики: приватизация, отмена государственного контроля и резкое снижение затрат в социальной сфере, — обычно крайне отрицательно воспринимаются населением, но проведение их в жизнь все-таки предполагает согласие населения с правительством, а также консенсус среди экспертов. А теперь та же самая идеологическая программа осуществляется с помощью наихудших средств принуждения из всех возможных: на фоне военной оккупации после вторжения в чужую страну или сразу же после природного бедствия. Похоже, 11 сентября 2001 года открыло перед Вашингтоном зеленый свет, так что теперь уже можно не спрашивать, желает ли другая страна принять американскую версию

²⁰ King-jr. N., Dreazen Y.J. Amid Chaos in Iraq, Tiny Security Firm Found Opportunity // *Wall Street Journal*. 2004. August 13.

²¹ Eckholm E. U.S. Contractor Found Guilty of \$3 Million Fraud in Iraq // *New York Times*. 2006. March 10.

«свободной торговли и демократии», но можно насаждать ее с помощью военной силы, осуществляющей операцию «Шок и трепет».

Углубляясь в историю в попытке понять, каким образом подобная модель рынка распространилась по земному шару, я обнаружила, что идея использовать кризисы и бедствия была присуща школе Милтона Фридмана с самого начала — эта фундаменталистская версия капитализма всегда нуждается в катастрофе, чтобы двигаться вперед. Очевидно, эти «благоприятные» кризисы становились все масштабнее и вызывали более сильный шок, но то, что произошло в Ираке и Новом Орлеане, не было новым изобретением эпохи после 11 сентября. Скорее, эти откровенные эксперименты по использованию кризисов стали кульминацией трех десятилетий жесткого следования доктрине шока.

Если смотреть сквозь призму этой доктрины, последние 35 лет не похожи на другие годы. Самые вопиющие нарушения прав человека в этот период, которые представляются садизмом антидемократических режимов, были на деле либо совершены с сознательной целью запугать общество, либо активно использовались, чтобы подготовить почву для проведения радикальных «реформ» в пользу свободного рынка. Во время правления хунты в Аргентине в 70-е годы прошлого века «пропало» 30 тысяч человек, многие из которых были левыми активистами, и это было необходимо для реализации политики чикагской школы; сходным образом террор способствовал проведению экономических преобразований в Чили. Подобную роль сыграл шок от бойни на площади Тяньаньмэнь в Китае в 1989 году и последовавшего ареста десятков тысяч людей; это позволило Коммунистической партии превратить большую часть страны в огромную экспортную зону, где работники были слишком запуганы, чтобы заявлять о своих правах. В России в 1993 году решение Бориса Ельцина послать танки и открыть огонь по зданию парламента связало руки деятелям оппозиции, позволило провести приватизацию по сниженным ценам и породило печально известных русских олигархов.

Подобную службу для Маргарет Тэтчер в Великобритании сослужила война на Фолклендских островах в 1982 году: беспорядки и энтузиазм националистов после войны позволили ей использовать грубую силу для подавления забастовки шахтеров и осуществить безумную программу приватизации — впервые в истории западной демократии. Нападение НАТО на Белград в 1999 году создало условия для стремительной приватизации в бывшей Югославии — эта цель была намечена еще до начала военных действий. Разумеется, эконо-

мика не стала единственной причиной этих войн, но в каждом случае значительный шок для общества использовали как подготовку для проведения экономической шоковой терапии.

Травматические события, которые «облегчали» достижение цели, не всегда носили характер ярких бедствий. В 80-е годы в Латинской Америке и Африке долговой кризис заставил страны выбирать «приватизацию или смерть», как выразился один из бывших работников МВФ²². Запутавшиеся в хаосе гиперинфляции и неспособные сказать «нет» тем, кто предлагал иностранные займы, правительства согласились на «шоковую терапию» в надежде, что оно спасет их от худшего бедствия. Финансовый кризис 1997—1998 годов, по своей опустошительности почти сопоставимый с Великой депрессией, заставил присмиреть так называемых «азиатских тигров», так что им пришлось открыть свои рынки и устроить, как писал журнал *The New York Times Magazine*, «величайшую в мире распродажу по случаю выхода из бизнеса»²³. Во многих из этих стран существовала демократия, но радикальное введение свободного рынка проводилось там недемократическим путем. Напротив, как это понимал Фридман, атмосфера масштабного кризиса была необходимой предпосылкой для того, чтобы преодолеть сделанный избирателями выбор и передать страну в руки экономических «технократов».

Разумеется, в некоторых случаях принятие политики свободного рынка происходило демократическим путем: политики заявляли о своей жесткой программе и побеждали на выборах; прекрасный пример такого хода событий — США под управлением Рональда Рейгана, а из свежих примеров — победа Николя Саркози во Франции. Однако в подобных случаях приверженцы свободного рынка наталкивались на сопротивление общества и им приходилось пересматривать свои радикальные планы и соглашаться на постепенные реформы, а не на тотальные перемены. И эта закономерность объяснима: дело в том, что экономическая модель Фридмана может лишь частично применяться в условиях демократии, но для ее подлинной реализации необходим авторитаризм. Чтобы проводить шоковую терапию в экономике — как это было в Чили в 70-е годы, в Китае в конце 80-х, в России в 90-е и в США после 11 сентября 2001 года, — обществу

²² *Budhoo D.L.* Enough Is Enough: Dear Mr. Camdessus... Open Letter of Resignation to the Managing Director of the International Monetary Fund. New York: New Horizons Press, 1990. P. 102.

²³ *Lewis M.* The World's Biggest Going-Out-of-Business Sale // *The New York Times Magazine*. 1998. May 31.

необходимо пережить тяжелую травму, которая или приостанавливает функционирование демократии, или полностью ее блокирует. Этот идеологический крестовый поход берет начало от авторитарных режимов в Южной Америке, а на самых значительных недавно покоренных территориях — в России и Китае — он до сего дня весьма комфортабельно сосуществует рядом с тираническим правлением, принося хорошие доходы.

Шоковая терапия возвращается на свою родину

Движение чикагской школы Фридмана с 70-х годов завоевывало территории по всему миру, но до недавнего времени эта идеология не применялась в полном объеме в стране, где она зародилась. Конечно, Рейган проложил для нее путь, тем не менее США сохранили систему пособий по безработице и социального обеспечения, а также государственные школы, поскольку родители, по словам Фридмана, сохраняли «иррациональную привязанность к социалистической системе»²⁴.

Когда в 1995 году республиканцы получили контроль над Конгрессом, Дэвид Фрам, переселившийся в Америку из Канады, будущий спичрайтер Джорджа Буша, принадлежал к так называемым неоконсерваторам, которые призывали к экономической революции США в стиле шоковой терапии. «Вот как, думаю, это надо делать. Вместо того чтобы сокращать расходы по частям — немного тут, немного там, — я бы предложил нечто иное: в один определенный день этим летом мы приостанавливаем выполнение 300 программ, каждая из которых стоит по одному миллиарду долларов или меньше. Возможно, такое сокращение расходов не приведет к большим изменениям, но, ребята, это привлечет к себе внимание. И вы можете это сделать прямо сейчас»²⁵.

Тогда Фраму не удалось применить шоковую терапию на ее родине, и это объясняется тем, что в Америке не было кризиса, который бы подготовил благоприятную почву. Но в 2001 году все изменилось. На момент террористической атаки 11 сентября в Белом доме собралось множество учеников Фридмана, включая его близкого друга Дональда Рамсфельда. Команда Буша использовала момент всеобщей растерянности с потрясающей быстротой — не потому, что администрация, как некоторые думали, коварным образом подстроила этот кризис, но потому, что ключевые фигуры в администрации, ветера-

²⁴ *Sipchen B. Are Public Schools Worth the Effort? // Los Angeles Times. 2006. July 3.*

²⁵ *Tough P., Frum D., Kristol W. et al. A Revolution or Business as Usual?: A Harper's Forum // Harper's. 1995. March.*

ны экспериментов с капитализмом катастроф в Латинской Америке и Восточной Европе в прошлом, входили в движение, члены которого молятся о кризисе, как фермеры во время засухи молятся о дожде или как Свидетели Иеговы — о конце света и о том, чтобы их вознесли на небеса. И когда наступает долгожданная катастрофа, эти люди ментально понимают, что их час, наконец, пробил.

В течение трех десятилетий Фридман и его последователи методично использовали шоковые ситуации — эквиваленты 11 сентября для США — в других странах, начиная с военного переворота Пиночета 11 сентября 1973 года. А 11 сентября 2001 года настал момент, когда идеология, выкованная в американских университетах и нашедшая прибежище в организациях Вашингтона, смогла, наконец, вернуться к себе на родину.

Администрация Буша после террористической атаки мгновенно начала эксплуатировать страх не только для того, чтобы объявить «войну террору», но и для организации весьма прибыльного предприятия, новой, быстрорастущей промышленности, которая вдохнула новую жизнь в ненадежную экономику США. Если увидеть в этом комплекс капитализма катастроф, легче понять, что это явление куда более широкое, нежели военно-промышленный комплекс, против которого предостерегал Дуайт Эйзенхауэр в конце своего правления: это глобальная война, в которой на всех уровнях сражаются частные компании, получающие государственные средства и принявшие бессрочный мандат постоянно защищать родные Соединенные Штаты, одновременно устраняя всякое «зло» за границей. Всего за несколько лет этот комплекс расширил свой рынок: это уже не только борьба с терроризмом, но и международное миротворчество, муниципальное развитие, устранение последствий природных катастроф, которые стали происходить все чаще. Конечной целью корпорации, стоящей в сердцевине этого комплекса, является реализация модели доходного правительства. И эта модель проводится в жизнь с огромной скоростью в чрезвычайных обстоятельствах, она определяет обычные и повседневные функции государства; фактически это приватизация правительства.

Чтобы дать старт развитию комплекса капитализма катастроф, администрация Буша без публичных дискуссий и широкого обсуждения передала в частные руки многие из самых деликатных и ключевых функций государства: от заботы о здоровье солдат до допроса заключенных или сбора информации относительно каждого из нас.

Правительство в этой бесконечной войне ведет себя не как администратор, управляющий сетью подрядчиков, но как богатый капиталист — владелец предприятия, который сам вкладывает начальный капитал в создание комплекса, а затем становится самым значимым потребителем его новых услуг. Можно проиллюстрировать этот процесс тремя примерами. В 2003 году правительство США заключило 3512 контрактов с компаниями, которые занимаются обеспечением безопасности; в течение периода длиной в 22 месяца, который закончился в августе 2006 года, Министерство национальной безопасности заключило более 115 тысяч таких контрактов²⁶. На глобальную «промышленность национальной безопасности» — с экономической точки зрения малозначимую до 2001 года — теперь расходуется 200 миллиардов долларов²⁷. В 2006 году правительство США потратило на национальную безопасность в среднем по 545 долларов с каждой семьей²⁸.

И все это касается не только внутреннего фронта войны против террора, деньги тратятся на сражения и за пределами Америки. Это не только поставщики вооружения, доходы которых резко возросли благодаря войне в Ираке; содержание вооруженных сил США сегодня стало индустрией сервиса с самыми быстрыми темпами роста во всем мире²⁹. «Ни разу в истории две страны, в которых существует McDonald's, не вели войны одна против другой», — уверенно провозгласил обозреватель газеты *New York Times* Томас Фридман в декабре 1996 года³⁰. Его предсказание оказалось ошибочным всего спустя два года, более того, благодаря модели прибыльной войны армия США отправляется на сражения в сопровождении Burger King и Pizza Hut, и эти компании на льготных условиях продают свою продукцию солдатам на военных базах от Ирака до бухты Гуантанамо.

Кроме того, это гуманитарная помощь и реконструкция. Начиная с Ирака доходы от гуманитарной помощи и реконструкции уже стали новой глобальной парадигмой, при этом не важно, что было

²⁶ Monahan R., Beaumont E.H. Big Time Security // *Forbes*. 2006. August 3; Stoller G. Homeland Security Generates Multibillion Dollar Business // *USA Today*. 2006. September 10.

²⁷ Ratliff E. Fear, Inc. // *Wired*. 2005. December.

²⁸ Ruge V. de. Facts and Figures about Homeland Security Spending // American Enterprise Institute. 2006. December 14, www.aei.org.

²⁹ Bender B. Economists Say Cost of War Could Top \$2 Trillion // *Boston Globe*. 2006. January 8.

³⁰ Friedman T.L. Big Mac I // *New York Times*. 1996. December 8.

причиной изначальной катастрофы: предупредительные военные действия, такие как нападение Израиля на Ливан в 2006 году, или ураган. В условиях недостатка ресурсов и изменения климата, что все чаще порождает масштабные бедствия, реагирование на катастрофу слишком важно для развития рынка, чтобы передать эти действия в руки некоммерческих организаций. Почему школы должен восстанавливать ЮНИСЕФ, когда эту задачу может взять на себя Bechtel, одна из крупнейших инженерных фирм США? Зачем поселять людей, эвакуированных из Миссисипи, в пустые квартиры при поддержке субсидий, когда их можно разместить на туристических судах типа Carnival? Зачем приглашать миротворцев из ООН в Дар-фур, когда частные компании, занимающиеся безопасностью, такие как Blackwater, ищут новых клиентов? И это особенность эпохи после 11 сентября: ранее войны и бедствия открывали возможности перед узким сектором экономики — скажем, для производства истребителей или строительных компаний, которые восстанавливают мосты после бомбежки. При этом экономическая роль войны сводилась прежде всего к тому, что она позволяла открывать новые рынки, которые раньше были недоступны, и создавать повышенный спрос на продукцию при восстановлении мира. Теперь же война и бедствие целиком и полностью приватизированы — настолько, что сами становятся новым рынком и уже не нужно дожидаться окончания войны для роста спроса: способ передачи информации сам по себе является информацией*.

Одно из явных преимуществ такого постмодернистского подхода заключается в том, что с точки зрения рынка тут нет места неудаче. Как заметил один аналитик, говоря об особенно удачном для доходов энергетической компании Halliburton квартале, «Ирак превзошел наши ожидания»³¹. Это было сказано в октябре 2006 года, в самый ужасный месяц войны, когда зарегистрированные потери среди гражданского населения Ирака составили 3709 человек³². И тем не менее акционеры должны были высоко оценить эту войну, которая принесла одной-единственной компании доход в 20 миллиардов долларов³³.

* Автор цитирует философа и социолога Маклюэна (*The Medium is the Message*). — *Примеч. ред.*

³¹ *Quinn S. Halliburton's 3Q Earnings Hit \$611M // Associated Press. 2006. October 22.*

³² *Hurst S.R. October Deadliest Month Ever in Iraq // Associated Press. 2006. November 22.*

³³ *Glanz J., Norris F. Report Says Iraq Contractor Is Hiding Data from U.S. // New York Times. 2006. October 28.*

Таким образом, торговля оружием, армия, доходная реконструкция и индустрия национальной безопасности, появившиеся в результате применения шоковой терапии администрацией Буша после 11 сентября, — это вполне сформировавшаяся новая экономика. Она была построена в эпоху Буша, но теперь существует совершенно независимо от администрации любой политической ориентации и будет сохранять свою прочную позицию до тех пор, пока стоящая за ней доминирующая корпоративная идеология не будет идентифицирована, изолирована и поставлена под сомнение. Этим комплексом руководят американские фирмы, но он носит глобальный характер: британские компании делятся своим опытом применения вездесущих камер наблюдения, израильтяне являются специалистами по строительству высокотехнологичных стен и ограждений, канадские деревообрабатывающие фирмы поставляют сборные дома, которые в несколько раз дороже домов местного производства, и так далее. «Не думаю, что раньше кто-либо видел в ликвидации последствий катастроф настоящий рынок жилищного строительства, — сказал Кен Бейкер, руководитель корпорации лесоторговцев Канады. — В долгосрочной перспективе это стратегия, которую надо совершенствовать»³⁴.

По масштабам капитализм катастроф можно поставить в один ряд с зарождающимися рынками и скачком развития информационных технологий в 1990-х. Фактически инсайдеры говорят, что дела тут идут даже лучше, чем в эпоху доткомов, и «мыльный пузырь безопасности» продолжает раздуваться, хотя прочие уже полопались. Учитывая растущие доходы индустрии безопасности (которая только в США в 2006 году должна была принести 60 миллиардов долларов прибыли), а также сверхприбыли нефтяной промышленности (которые растут при каждом очередном кризисе), можно сказать, что экономика периода катастроф спасла мировой рынок от глубокого спада, который ему грозил накануне 11 сентября³⁵.

Попытка воссоздать историю идеологического крестового похода, высшей точкой которого стала радикальная приватизация войны и катастроф, наталкивается на одну проблему: эта идеология, как хамелеон, постоянно меняла названия и лица. Фридман называл себя «либералом», но его американские последователи, в чьих головах

³⁴ *Leung W. Success Through Disaster: B.C.-Made Wood Houses Hold Great Potential for Disaster Relief // Vancouver Sun. 2006. May 15.*

³⁵ *Treaster J.B. Earnings for Insurers Are Soaring // New York Times. 2006. October 14.*

либералы ассоциировались с высокими налогами и хиппи, обычно относили себя к консервативным «классическим экономистам», сторонникам свободного рынка, а позднее — к приверженцам рейганомики или *laissez-faire*, то есть политики невмешательства государства. В мире это учение преимущественно называют неолиберализмом, часто свободной торговлей или просто глобализацией. Лишь с середины 90-х годов это направление мысли, которое возглавляли столпы правого крыла, долгое время связанные с Фридманом, такие как фонд Heritage, Институт Катона и Американский институт предпринимательства, стало называть себя неоконсервативным. Это мировоззрение поставило всю мощь военной машины Соединенных Штатов на службу корпоративным целям.

Все эти идеологические инкарнации сохраняли верность политической триаде: устранению государственного контроля, полной свободе корпораций и минимуму социальных расходов, — но ни одно из перечисленного, похоже, не дает адекватного представления об этой идеологии. Фридман утверждал, что его движение представляет собой попытку освободить рынок от государства, но реальная история того, что происходит, когда его чистый замысел воплощается на практике, — это совсем другая вещь. В любой стране, где за последние три десятилетия применялась политика чикагской школы, возникал мощный альянс между немногочисленными самыми крупными корпорациями и группой самых богатых политиков, причем граница между этими группами была нечеткой и изменчивой. В России миллиардеры — частные игроки в таком альянсе — называются олигархами, в Китае их зовут «князьками», в Чили — «пираньями», в США, в правление Буша—Чейни, — «первопроходцами». Эти политические и корпоративные элиты отнюдь не освобождают рынок от государства, они просто сливаются с ним, присваивая себе право распоряжаться ресурсами, которые ранее принадлежали обществу, от нефтяных скважин России до общественных земель в Китае или контрактов на восстановительные работы в Ираке при отсутствии конкуренции.

Более точный термин для системы, которая стирает границы между Большим Правительством и Большим Бизнесом, — это не либерализм, не консерватизм и не капитализм, но корпоративизм. Ее главная характеристика — переход значительной массы общественного богатства в частные руки, часто при этом растут долги, возникает все более широкая пропасть между неимоверно богатыми и на все готовыми

ми бедняками и появляется агрессивный национализм, который позволяет оправдать бесконечные расходы средств на безопасность. Для людей, которые находятся внутри этого пузыря огромного богатства, это самое выгодное положение дел. Но поскольку подавляющее большинство людей оказывается вне пузыря, корпоративное государство начинает проявлять и другие характерные черты: агрессивный надзор (и снова в этом случае государство и огромные корпорации начинают торговать выгодами и контрактами), массовые аресты, ограничение гражданской свободы и часто, хотя и не всегда, пытки.

Пытка как метафора

От Чили до Китая и Ирака пытки молчаливо сопровождали глобальный крестовый поход свободного рынка. Но пытка не только средство, позволяющее навязать нежеланные политические меры протестующим людям, но и метафора, отражающая внутреннюю логику доктрины шока.

Пытки, или на языке ЦРУ «допросы с применением принуждения», — это набор специальных техник, которые должны вызвать у заключенного состояние глубокой дезориентации и шока, чтобы склонить его к признанию вопреки его собственной воле. Стоящие за этой техникой идеи разработаны в двух руководствах ЦРУ, которые были рассекречены в конце 90-х годов. Как объясняется в этих руководствах, для того чтобы «сопротивляющийся источник информации» заговорил, необходимо решительными действиями лишить узника способности осмысливать окружающий его мир³⁶. Прежде всего, следует прекратить доступ любых ощущений (с помощью капюшона, закрывающего глаза, ушных затычек, кандалов, полной изоляции), а затем тело заключенного подвергают чрезмерной стимуляции (стробоскопический свет, оглушительная музыка, избиения, электрошок).

Этот «подготовительный» этап должен действовать на сознание как ураган: узник впадает в глубокую регрессию и настолько запуган, что уже не в состоянии думать рационально или отстаивать собственные интересы. Именно на этой стадии шока большинство заключенных делают все, что хотят допрашивающие: выдают информацию, признаются в своей вине, отказываются от того, во что раньше верили. Как это достаточно сжато формулирует одно из руководств ЦРУ, «существует период — он может быть очень кратким — приостановки жизненных сил,

³⁶ Kubark Counterintelligence Interrogation // Central Intelligence Agency. 1963. July. Pp. 1, 101. Рассекреченное руководство полностью доступно по адресу www.gwu.edu/~nsarchiv.

нечто вроде психологического шока или паралича. Его вызывают травматические или близкие к ним переживания, которые как бы разрушают привычный мир субъекта и его образ самого себя в контексте этого мира. Опытный допрашивающий распознает подобные состояния, он знает, что именно в этот момент источник сильнее открыт к внушению, вероятнее пойдет на уступки, чем до воздействия такого шока»³⁷.

Доктрина шока в точности повторяет этот процесс, пытаясь обеспечить на уровне массового сознания то, что пытки позволяют достичь в отношении индивида. Наиболее яркий пример тому — 11 сентября, когда для миллионов людей был разрушен привычный мир и они впали в состояние глубокой дезориентации и регрессии, чем мастерски воспользовалась администрация Буша. Внезапно мы оказались в некоем нулевом году, когда все, что мы ранее знали об этом мире, можно было списать со счетов как «логику до 11 сентября». Никогда не отличавшиеся глубоким знанием истории, американцы превратились в «чистый лист бумаги», на котором «можно нарисовать новый, более прекрасный мир», как говорил Мао о своем народе³⁸. Немедленно материализовалась целая армия экспертов, которые стали набрасывать новые и прекрасные слова на податливом полотне нашего посттравматического сознания: «столкновение цивилизаций», «ось зла», «исламо-фашизм», «безопасность отечества». И пока каждый думал о неслыханных ранее цивилизационных войнах и столкновениях, администрация Буша смогла выполнить то, о чем до 11 сентября ей приходилось лишь мечтать: она начала приватизированные войны за границей, а дома выстроила корпоративный комплекс обеспечения безопасности.

Так работает доктрина шока: начальное бедствие — переворот, террористический акт, крушение рынка, война, цунами, ураган — вводит все население страны в состояние коллективного шока. Падающие бомбы, вспышки террора, ужасающие порывы ветра выполняют ту же подготовительную функцию для общества, что и оглушительная музыка или избиения в камерах, где пытаются заключенных. Подобно запуганному узнику, выдающему имена своих друзей или отрекающемуся от своих убеждений, общество, потрясенное шоком, часто отрекается от того, что в других условиях оно бы страстно защищало. Джамар Перри и его соседи, эвакуированные в Батон-Руж, должны были отказаться от своего жилья и государственных школ. После

³⁷ Kibark Counterintelligence, p. 66.

³⁸ Tse-Tung M. Introducing a Cooperative // *Peking Review* 1. 1958. № 15. P. 6.

цунами рыбаки Шри-Ланки уступили ценные участки земли на побережье в пользу отелей. Жители Ирака, если бы все совершалось по плану, должны были пережить шок и трепет и передать контроль над своими нефтяными запасами, государственные компании и свой суверенитет военным базам США и «зеленым зонам».

Великая ложь

В лавине хвалебных слов, обращенных к Милтону Фридману, роль шока и кризисов в продвижении мира вперед почти не упоминается. На самом деле его смерть послужила поводом для пересказа официальной истории о том, как бренд радикального капитализма стал официальной доктриной правительств почти по всему земному шару. Подобная мифологическая версия истории, заботливо очищенная от любых следов насилия и принуждения, тесно сплетенных с этим крестовым походом, представляет собой наиболее успешный пропагандистский ход последних трех десятилетий. Эта версия звучит примерно так.

Фридман посвятил жизнь мирной борьбе мыслителя против тех, кто думал, что правительство обязано регулировать рынок, чтобы смягчить его жесткие грани. По его мнению, «история вступила на ложный путь», когда политики начали прислушиваться к словам Джона Мейнарда Кейнса, интеллектуального создателя «Нового курса» и современной государственной системы социального обеспечения³⁹. Крах рынка в 1929 году породил всеобщее убеждение в том, что политика невмешательства провалилась и правительство обязано заботиться об экономике, чтобы перераспределять богатства и регулировать деятельность корпораций. В эти мрачные для политики невмешательства дни, когда коммунисты победили на Востоке, Запад с радостью вступил на путь государства всеобщего благосостояния, а экономический национализм пустил корни на постколониальном Юге, Фридман и его учитель Фридрих Хайек заботливо хранили пламя чистого капитализма, незапятнанного кейнсианскими попытками собрать общественное богатство, чтобы построить более справедливое общество.

«Это, как я думаю, огромная ошибка, — писал Фридман в письме к Пиночету в 1975 году, — верить в то, что можно делать добро с помощью чужих денег»⁴⁰. Но его не слушали; большинство людей с упор-

³⁹ Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People, p. 594.

⁴⁰ Там же.

ством держались убеждения, что их правительства могут и обязаны делать добро. В 1969 году газета *Time* пренебрежительно отзывается о Фридмане как о «мечтателе или зануде», которого если и почитают за пророка, то лишь немногие избранные⁴¹.

Наконец, после того как он провел нескольких десятков лет в интеллектуальной пустыне, наступили 80-е годы — эпоха правления Маргарет Тэтчер (она называла Фридмана «интеллектуальным борцом за свободу») и Рональда Рейгана (который, как заметили, носил с собой манифест Фридмана «Капитализм и свобода» во время предвыборной борьбы за президентский пост)⁴². Появились политические лидеры, готовые реализовать идею неограниченного рынка в реальном мире. По официальной версии, после того как Рейган и Тэтчер мирно и демократически дали волю рынкам в своих странах, это обернулось такой свободой и процветанием, что, когда началось падение диктатур от Манилы до Берлина, массы потребовали рейганомики наряду с бигмаком.

Когда в итоге распался Советский Союз, жители «империи зла» с радостью присоединились к революции Фридмана, как и коммунисты Китая, превратившиеся в капиталистов. Это означало, что уже ничто не преграждало дороги подлинному глобальному свободному рынку, при котором освобожденные корпорации не только получили свободу в своих странах, но и могут теперь беспрепятственно пересекать границы, чтобы вокруг них расцветало благоденствие по всему миру. Возник двойной консенсус относительно общественного строя: политических лидеров необходимо избирать, а экономика должна жить по законам Фридмана. Это был, по словам Фрэнсиса Фукуямы, «конец истории» — «конечная точка идеологической эволюции человечества»⁴³. Когда Фридман умер, журнал *Fortune* написал, что «он живо чувствовал ход истории»; Конгресс США принял решение объявить Фридмана «одним из величайших в мире борцов за свободу, и не только в сфере экономики, но и во всем»; губернатор Калифорнии Арнольд Шварценеггер объявил 29 января 2007 года Днем Милтона Фридмана для всего штата, и этому примеру последовали некоторые другие города и поселки. *Wall Street Journal* кратко выразил эту «причесанную» версию истории в своей заголовке: «Человек свободы»⁴⁴.

⁴¹ The Rising Risk of Recession // *Time*. 1969. December 19.

⁴² Jones G. Thatcher Praises Friedman, Her Freedom Fighter // *Daily Telegraph*. London. 2006. November 17; Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People, pp. 388—389.

⁴³ Fukuyama F. The End of History? // *The National Interest*. 1989. Summer.

⁴⁴ Fox J. The Curious Capitalist // *Fortune*. 2006. November 16; Res H. 1089: Honoring the Life of

Эта книга бросает вызов основному и нежно любимому утверждению официальной истории, что триумф свободного от постороннего вмешательства капитализма был рожден из импульса свободы, что неограниченный свободный рынок идет рука об руку с демократией. Вместо этого я намерена показать, что такой фундаменталистской форме капитализма постоянно сопутствовало самое грубое принуждение, направленное как на общественный политический организм, так и на тела бесчисленного множества людей. История современного свободного рынка, которая, если выразаться точнее, представляет собой становление корпоративизма, написана при помощи шока.

Ставки в этой игре высоки. Альянсы корпораций готовы устранить последние преграды: закрытую нефтяную экономику арабского мира и те сферы западной экономики, которые долгое время были защищены от погони за прибылью, в частности ликвидация последствий катастроф и содержание армий. Поскольку не видно хотя бы и лицемерных попыток добиться согласия общества на приватизацию таких важных функций, будь то внутри страны или за границей, чтобы достичь этой цели, понадобятся рост насилия и еще более опустошительные катастрофы. Но ввиду того что решающая роль шока и кризисов столь успешно заретуширована в официальной истории становления свободного рынка, экстремистские тактики, применяемые в Ираке и Новом Орлеане, часто ошибочно принимают за отдельные случаи некомпетентности или кумовства Белого дома в период правления Буша. Но фактически деяния Буша представляют собой крайне жестокую и тщательно разработанную кульминацию полувековой борьбы за тотальное высвобождение корпораций из-под власти государства.

Любая попытка заявить, что именно идеология повинна в преступлениях ее приверженцев, требует огромной осторожности. Слишком легко думать, что люди, с которыми мы не согласны, не просто ошибаются, но являются приверженцами тирании, фашизма или геноцида. И тем не менее некоторые идеологии опасны для общества, и эту опасность следует распознать. Это закрытые фундаменталистские доктрины, которые не могут сосуществовать с другими мировоззрениями; их последователи сетуют по поводу разнообразия мнений и требуют полной свободы для практической реализации своей «совершенной системы». Мир в его нынешнем виде должен быть опустошен, чтобы

освободить место для их «чистого» сознания. Укорененная в библейских образах Великого потопа и ужасающего огня, такая логика неизбежно ведет к насилию. Идеологии, которые жаждут недостижимого состояния «чистого листа», чего можно достичь лишь в результате катастрофы, относятся к весьма опасным.

Обычно именно крайне экстремистские религиозные или расистские идеи требовали стереть с лица земли целые народы и культуры, чтобы реализовать на практике свое безупречное мировоззрение. После падения Советского Союза многие люди узнали о величайших преступлениях, совершенных во имя коммунизма. Советские архивы открылись для исследователей, которые подсчитывали погибших — в результате искусственного голода, трудовых лагерей или убийств. Это породило горячие споры по всему миру о том, насколько совершенные зверства объясняются идеологией, а не ее искажениями со стороны приверженцев, таких как Сталин, Чаушеску, Мао и Пол Пот.

«Именно воплотившийся коммунизм породил массовые репрессии, которые нашли свое высшее выражение в царстве террора, поддерживаемом государством, — пишет Стефан Куртуа, соавтор вызывающей споры “Черной книги коммунизма”. — Неужели идеология тут совершенно безгрешна?»⁴⁵ Разумеется, это не так. Из этого не следует, что любая форма коммунизма неизбежно влечет за собой геноцид, как радостно провозглашают некоторые, но именно интерпретация коммунистической теории — доктринерская, авторитарная и ненавидящая плюрализм — породила сталинские чистки и лагеря перевоспитания Мао. Авторитарный коммунизм навсегда запятнал себя позором в своих реальных лабораториях — и таковым должен остаться.

Но что можно сказать о современном крестовом походе за освобождение мировых рынков? Военные перевороты, войны и кровавые бои, в результате которых устанавливаются благоприятные для корпораций режимы, никогда не рассматривались как преступления капитализма, их приписывали экстремизму ретивых диктаторов, горячим сражениям на фронтах холодной войны, а теперь — войне с терроризмом. И когда самых горячих противников корпоративной экономической модели систематически устраняют, будь то Аргентина 70-х или Ирак сегодня, эти жестокие меры воспринимают как часть грязного сражения против коммунизма или терроризма — но никогда как часть борьбы за продвижение чистого капитализма.

⁴⁵ Courtois S. et al. *The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression* / Trans. J. Murphy, M. Kramer. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. P. 2.

Я не утверждаю, что все формы рыночной экономики несут в себе жестокость. Теоретически может существовать рыночная экономика, которая обходится без насилия и не требует подобной идеологической чистоты. Свободный рынок товаров массового потребления может сосуществовать с бесплатной системой здравоохранения, государственными школами, крупными сегментами экономики, например в виде национальной нефтяной компании, находящимися в руках государства. Равно можно требовать, чтобы корпорации достойно оплачивали труд и уважали право работников создавать профсоюзы, а государство взимало налоги и перераспределяло богатства, сглаживая жесткое неравенство, характерное для общества при корпоративизме. Однако рынок нельзя создать на основе фундаментализма.

После Великой депрессии Кейнс предложил именно такую смешанную модель регулируемой экономики, и этот переворот в государственной политике породил «Новый курс» и повлек за собой подобные преобразования по всему миру. Именно против такой системы компромиссов, сдержек и противовесов была направлена контрреволюция Фридмана, которая методично разрушала эту систему в одной стране за другой. И в этом аспекте вариант капитализма от чикагской школы действительно имеет нечто общее с опасными идеологиями: это характерное стремление к недостижимой чистоте, к «чистому листу», с которого можно начать созидание образцового общества.

Это стремление к богоподобной власти над всем творением прекрасно объясняет, почему идеологов свободного рынка так сильно привлекают кризисы и катастрофы. Реальность без апокалиптических событий просто неприемлема для их амбиций. На протяжении 35 лет контрреволюцию Фридмана вдохновляли свобода и возможности, доступные только в периоды катастрофических перемен — когда люди с их неизменными привычками и устойчивыми требованиями отбрасываются в сторону, — в те моменты, когда демократия кажется практически неосуществимой.

Адепты доктрины шока убеждены, что только великие катаклизмы — потоп, война, террористический акт — могут создать широкое и чистое полотно, которое им так необходимо. Именно в такие моменты, когда нам психологически и физически не за что держаться, мы становимся особенно податливыми. И эти художники берут подготовленный материал в свои руки и начинают работу по переделке мира.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДВА ДОКТОР-ШОКА:

ИССЛЕДОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ

**Мы должны выжать тебя целиком,
и тогда мы наполним тебя собою.**

Джордж Оруэлл «1984»

**Индустриальная революция была нача-
лом революции настолько экстремальной
и радикальной, насколько такими были
самые отчаянные замыслы, воспламе-
нявшие умы фанатиков, но эти проблемы
можно было разрешить только при нали-
чии неограниченных материальных благ.**

Карл Полаanyi «Великая трансформация»

ЛАБОРАТОРИЯ ПЫТОК:

ЭВЕН КЭМЕРОН, ЦРУ И МАНИАКАЛЬНАЯ ПОПЫТКА НАЧИСТО СТЕРЕТЬ И ПЕРЕКРОИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ПСИХИКУ

Их психика подобна чистому листу, на котором мы можем писать.

Доктор Сирил Дж. Кеннеди и доктор Дэвид Энчил о выгодах электросудорожной терапии, 1948 г.¹

Я пришел на скотобойню, чтобы понаблюдать за так называемым электрическим забоем, и увидел, что к вискам свиней прикрепляли металлические зажимы, на которые подавался электроток (125 вольт). Как только зажимы оказывались на их головах, свиньи теряли сознание, цепенели, а через несколько секунд судорожно тряслись так же, как собаки в наших экспериментах. В период потери сознания (эпилептическая кома) мясник наносил удар ножом и выпускал кровь из животных без затруднений.

Уго Черлетти, психиатр, описание «изобретенной» им электросудорожной терапии, 1954 г.²

«Я больше не разговариваю с журналистами», — ответил напряженный голос на другом конце телефонной линии. А затем как бы приоткрылось крохотное окошко: «И чего вы хотите?»

¹ *Kennedy C.J., Anchel D. Regressive Electric-Shock in Schizophrenics Refractory to Other Shock Therapies // Psychiatric Quarterly 22. 1948. № 2. April. P. 318.*

² *Cerletti U. Electroshock Therapy // Journal of Clinical and Experimental Psychopathology and Quarterly Review of Psychiatry and Neurology 15. 1954. September. Pp. 192—193.*

Я понимала, что в моем распоряжении примерно 20 секунд на объяснения, и задача представлялась непростой. Как я объясню, что мне нужно от Гейл Кестнер, как расскажу о том, что привело меня к ней?

Правда показалась бы слишком странной: «Я пишу книгу о шоке. О том, как переживают шок страны — во время войны, террористических актов, переворотов и природных бедствий. И о том, как после этого их заставляют пережить еще один шок — это делают корпорации и политики, использующие страх и замешательство, чтобы осуществить шоковую терапию. А затем людей, которые сопротивляются этой шоковой политике, подвергают в случае необходимости еще одному шоку в третий раз — с помощью полиции, солдат или допросов в тюрьме. И я хочу побеседовать с вами, потому что вы одна из немногих людей, переживших тайные эксперименты ЦРУ с электрошоком и другими “специальными техниками допроса”. Кроме того, у меня есть основания предполагать, что методы исследований 1950-х годов в Университете Макгилла, в которых вы были испытуемой, сейчас применяют к узникам Гуантанамо и Абу-Грейб».

Нет, разумеется, я не могла это сказать. Вместо этого я сообщила: «Недавно мне пришлось путешествовать по Ираку, и я пытаюсь понять, какую роль там играют пытки. Мне сказали, что они нужны для получения информации, но я думаю, это не все. Может быть, это связано с попыткой создать образцовую страну, а для этого они хотят опустошить человека, а затем переделать его с нуля?»

Наступила долгая пауза, а затем мне ответил несколько изменившийся голос (все еще напряженный, но... возможно, в нем было облегчение): «Вы точно выразили именно то, что ЦРУ и Эвен Кэмерон делали со мной. Они пытались меня стереть и переделать. Но у них ничего не вышло».

Не прошло и суток, как я стучалась в дверь квартиры Гейл Кестнер в мрачном доме для престарелых в Монреале. «Открыто», — произнес еле слышный голос. Гейл сказала, что оставит дверь открытой, потому что ей трудно вставать. Это травмы позвоночника, которые все сильнее дают о себе знать, потому что к ним добавился артрит. Боли в спине — одно из многих напоминаний о том, как 63 раза она получала разряды тока от 150 до 200 вольт, направленные на фронтальные доли мозга, при этом ее сотрясали страшные судороги, ставшие причиной переломов, растяжений, искусанных губ, сломанных зубов.

Гейл здороваается со мной, сидя в голубом плюшевом кресле с откидывающейся спинкой. Как я узнала позднее, креслу можно придать

20 разных позиций, и Гейл постоянно их меняет, как фотограф в поисках фокуса. В этом кресле она проводит все свои дни и ночи, пытаюсь найти удобное положение и избежать сна, о котором она говорит: «мои электрические сновидения». Во сне она видит «его»: доктора Кэмерона, давно уже скончавшегося психиатра, который назначал шоковую терапию, а также другие пытки, применявшиеся к ней много лет назад. «Прошлой ночью ко мне дважды являлось это ужасное чудовище, — заявила она, как только я вошла в комнату. — Не хочу вас ни в чем обвинять, но это из-за вашего совершенно неожиданного звонка и ваших вопросов».

Я начала думать, что, возможно, мой приход сюда — это несправедливость. И это ощущение усугубилось, когда, оглядев квартиру, я обнаружила, что тут нет для меня места. На всех свободных местах лежали огромные стопки статей и книг, как будто случайными грудями, но сложенные в согласии с какой-то внутренней логикой. Все книжки были помечены желтыми наклейками. Гейл указала мне на свободное место в комнате, где стоял незамеченный мною деревянный стул, но она на миг испугалась, когда я попыталась найти 10-сантиметровое пространство для моего диктофона. На приставном столике перед ней свободного места не было: там было не меньше 20 пустых пачек из-под сигарет Matinee Regular, выложенных в виде пирамиды. (Гейл предупредила меня по телефону, что она непрерывно курит: «Простите, но я курю. И плохо ем. Я толстая, и я курю. Надеюсь, вам это не мешает?») Сначала мне показалось, что Гейл покрыла обратную сторону сигаретных пачек черной краской, но, приглядевшись, я обнаружила, что там крохотными буквами написаны имена, числа, тысячи слов.

В течение дня, проведенного за беседой, Гейл часто, наклонившись, писала что-то на клочке бумаги или на пачке из-под сигарет: «Заметка для себя, — объясняла она, — или я никогда этого не запомню». Груды бумаг и сигаретные пачки для Гейл не просто странная картотека. Это ее память.

На протяжении всей взрослой жизни Гейл ум ее подводил: факты мгновенно исчезали, воспоминания, если они там хранятся (многие — нет), были подобны моментальным снимкам, разбросанным по земле. Иногда она могла вспомнить какой-то случай совершенно отчетливо — это она называла «осколком воспоминаний», — но на вопрос о времени могла ошибиться на два десятка лет: «Это было в 1968 году. О нет, в 1983!» Поэтому она хранит этот каталог. Он до-

казывает, что она жила на самом деле. Сначала она извинялась за беспорядок. Но позднее сказала: «Он сделал это со мной. Эта комната — часть пытки!»

Много лет Гейл мучил вопрос о провалах в ее памяти, как и о других странностях. Она не могла, например, понять, почему слабый удар тока от устройства, открывающего гараж, вызвал у нее приступ неудержимой паники. Или почему ее руки дрожали, когда она подключала к розетке свой фен. Но прежде всего она не могла понять, почему может вспомнить почти все события своей взрослой жизни и почти ничего — из жизни до 20 лет. Когда ей приходилось встречаться с человеком, который говорил, что знает ее с детства, она отвечала ему фразой: «Я знаю, кто вы, но не могу точно припомнить, где мы встречались». Как она призналась: «Это было лукавство с моей стороны».

Гейл пришла к выводу, что все это — проявления ее нестабильного психического здоровья. Когда ей было 20—30 лет, она страдала депрессией и зависимостью от таблеток, иногда после нервных срывов она оказывалась в больнице в бессознательном состоянии. Из-за этого семья разорвала с ней отношения, так что Гейл осталась совершенно одна и иногда ей приходилось питаться отбросами, которые она находила в мусорных баках около продуктовых магазинов.

Но она смутно догадывалась, что нечто еще более страшное произошло раньше. До разрыва с семьей они с сестрой — однойлицевым близнецом — часто говорили о времени, когда Гейл была в еще более тяжелом состоянии, так что Зелле приходилось за ней ухаживать. «Ты не можешь себе представить, что я пережила, — говорила Зелла. — Ты мочилась в комнатах, сосала палец и разговаривала по-детски. Ты даже попросила бутылочку моего ребенка. Вот с чем мне приходилось справляться!» Гейл не могла понять, как относиться к этим заявлениям своей сестры. Мочилась на пол? Требовала бутылочку своего племянника? Она ничего не помнила об этих странных поступках.

Ближе к 50 годам Гейл подружилась с мужчиной по имени Джекоб, в котором нашла, по ее собственным словам, «родственную душу». Джекоб пережил холокост, и он также мучился из-за проблем с памятью. Джекоба, который умер уже более 10 лет назад, очень беспокоили забытые Гейл годы. «Должна быть причина, — говорил он об этих провалах. — Тут должна быть причина».

В 1992 году Гейл с Джекобом случайно проходили мимо киоска с газетами и увидели большой кричащий заголовок: «Эксперименты по промыванию мозгов: жертвам обязаны выплатить компенсацию».

Гейл стала просматривать статью, и несколько фраз моментально бросились ей в глаза: «детская речь», «потеря памяти», «недержание». «Я сказала: “Джекоб, купи эту статью”». Они присели в ближайшем кафе и прочли невероятную историю о том, как в 1950-х годах Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов оплачивало эксперименты над пациентами психиатрической клиники, которые проводил один доктор из Монреаля. Этот доктор неделями держал испытуемых в состоянии сна и в изоляции, а затем назначал им огромные дозы электрошока, а также экспериментальные смеси лекарств, в том числе психоделик ЛСД и галлюциноген РСР*, известный под названием «ангельская пыль». Эти опыты, в результате которых пациенты возвращались к довербальному младенческому состоянию, проходили в Институте имени Аллана при Университете Макгилла под наблюдением руководителя доктора Эвена Кэмерона. О том, что Кэмерона финансировало ЦРУ, стало известно в конце 70-х в силу Закона о свободе доступа к информации, что вызвало специальные разбирательства в Сенате США. Девять бывших пациентов Кэмерона, объединившись, подали иск против ЦРУ и канадского правительства, которое также оплачивало исследования Кэмерона. В ходе долгого разбирательства юристы пациентов пришли к выводу, что эти эксперименты нарушили все законы медицинской этики. Пациенты обращались к Кэмерону с не самыми серьезными нарушениями психики: по поводу послеродовой депрессии, тревоги, даже с трудностями в браке, — и их использовали, не спрашивая их согласия и не ставя в известность, в качестве лабораторных животных, чтобы удовлетворить интерес ЦРУ, желавшего знать, как можно контролировать психику человека. В 1988 году ЦРУ пришлось выплатить 750 тысяч долларов девяти пострадавшим — на тот момент самая большая сумма, которая когда-либо была выплачена этой организацией. Четыре года спустя канадское правительство согласилось уплатить по 100 тысяч долларов в качестве компенсации каждому пациенту, который был вовлечен в эти эксперименты³.

Кэмерон не только сыграл решающую роль в разработке современной американской техники пыток, его опыты также проливают свет на сокровенную логику капитализма катастроф. Подобно экономистам — адептам свободного рынка, которые убеждены, что лишь

* РСР — психотропное средство, вызывающее нарушение мыслительного процесса. — *Примеч. ред.*

³ *Foreman J. How CIA Stole Their Minds // Boston Globe. 1998. October 30; Bindman S. Brainwashing Victims to Get \$100000 // Gazette. Montreal. 1992. November 18.*

масштабные катастрофы, приносящие великое опустошение, могут подготовить почву для их «реформ», Кэмерон верил, что серия шоков, направленных на мозг человека, может опустошить сознание и стереть сложившиеся структуры психики, после чего можно выстроить новую личность на труднодостижимом иначе состоянии «чистого листа».

Гейл многие годы хранила на задворках памяти эту историю о ЦРУ и Университете Макгилла, не уделяя ей слишком много внимания, — она никогда не имела дела с Институтом Аллана. Но теперь, сидя рядом с Джекобом, она обратила внимание на рассказы пациентов о своей жизни — о провалах в памяти и возвращении в детское состояние. «Тогда я поняла, что эти люди должны были пройти через что-то, что прошла и я. И я сказала: “Джекоб, вот она — причина”».

Мастерская шока

Гейл обратилась в Институт Аллана с требованием предоставить ее медицинскую карту. Сначала ей ответили, что бумаги не сохранились, но в конце концов она их все-таки получила — все 138 страниц. Доктором, который имел право допустить ее к этим документам, был Эвен Кэмерон.

Письма, заметки и официальные медицинские документы содержали душераздирающую историю — о лишенной в 50-е годы свободы 18-летней девушке Гейл и о правительстве и врачах, злоупотреблявших своей властью. Записи начинаются с осмотра Гейл доктором Кэмероном при ее поступлении: блестящая по своим знаниям учащаяся школы медсестер в Макгилле, «до настоящего времени вполне уравновешенная личность», как описывает ее Кэмерон. Однако она страдает от тревоги, связанной, отмечает доктор, с плохим отношением к ней отца — «человека с глубокими нарушениями», который «регулярно совершает психологические нападения» на свою дочь.

Начальные записи отражают симпатию медсестер к Гейл, которая посвятила себя той же профессии, что и они, ее называют «веселой», «общительной» и «изящной». Но после нескольких месяцев, проведенных под их надзором и вне его, Гейл претерпевает радикальное изменение личности, что скрупулезно отражено в медицинской карте: через несколько недель она «демонстрирует детское поведение, выражает странные мысли и явно галлюцинирована и неадекватна». В записях указывается, что эта интеллигентная молодая женщина не способна досчитать до шести; она то «пытается манипулировать

персоналом, враждебна и крайне агрессивна», то становится пассивной и апатичной и даже неспособна узнать своих родственников. Ее заключительный диагноз — «шизофрения... с яркими истерическими проявлениями» — куда серьезнее, чем «тревога», на которую она жаловалась при поступлении.

Эти изменения, без сомнения, имели прямое отношение к лечению, которое также описано в истории болезни Гейл: огромные дозы инсулина, которые вызывали коматозное состояние, странное сочетание возбуждающих и тормозящих средств, долгий сон под действием лекарств и сеансы электрошока, которые в восемь раз превышали обычные дозы, применявшиеся в терапии того времени.

Сестры не раз отмечают стремление Гейл убежать от врачей: «Пытается выбраться отсюда... заявляет, что с ней плохо обращаются... отказывается от сеанса электрошока после инъекций». Такое поведение всегда было поводом для очередной отправки ее в то место, которое младшие коллеги Кэмерона прозвали «мастерской шока»⁴.

В поисках «чистого листа»

Несколько раз перечитав историю своей болезни, Гейл Кестнер почувствовала себя археологом, который ведет раскопки собственной истории; она собирала и изучала все материалы, которые могли бы объяснить, что происходило с ней в госпитале. Она узнала, что Эвен Кэмерон, американец с шотландскими корнями, достиг вершины успеха в своей профессиональной деятельности: он был президентом Американской психиатрической ассоциации, президентом Канадской психиатрической ассоциации, а также президентом Всемирной психиатрической ассоциации. В 1945 году он был одним из трех американских психиатров, которых пригласили освидетельствовать на предмет психического здоровья Рудольфа Гесса на Нюрнбергском процессе⁵.

Когда Гейл начала в этом разбираться, Кэмерон уже давно умер, но оставил после себя десятки научных статей и лекций. Кроме того, появилось несколько книг, рассказывающих о том, как ЦРУ финансировало эксперименты по контролю над психикой, и эти работы сохранили немало подробностей о взаимоотношениях Кэмерона с этой организацией⁶.

⁴ *Thomas G. Journey into Madness. New York: Bantam Books, 1989. P. 148.*

⁵ *Weinstein H.M. Psychiatry and the CIA: Victims of Mind Control. Washington, DC: American Psychiatric Press, 1990. Pp. 92, 99.*

⁶ Среди них: *Collins A. In the Sleeping Room* (удостоен премии генерал-губернатора);

Гейл все их прочитала, подчеркнув важные места, и составила хронологию событий, сопоставляя эти данные со своей историей болезни. Она узнала, что в начале 1950-х годов Кэмерон отказался от стандартного фрейдистского подхода «разговорной терапии» в попытке открыть «корневые причины» психических расстройств своих пациентов. Он мечтал не восстанавливать своих пациентов, но воссоздавать их при помощи метода, который он называл «управление психикой», по аналогии с тем, как человек управляет автомобилем⁷.

Как видно из опубликованных им в то время статей, он считал, что можно научить пациентов новому, здоровому образу жизни только одним путем: нужно проникнуть в их психику и «сломать старые, патологические паттерны»⁸. Первый шаг его метода — «избавление от модели поведения», при этом достигается потрясающий результат: возвращение психики к тому состоянию, когда она была, по словам Аристотеля, «дощечкой для письма, на которой еще ничего не написано», *tabula rasa*⁹. Кэмерон полагал, что может достичь такого состояния, атакуя мозг с помощью всех известных средств, которые нарушают его нормальную работу, внезапно и все сразу. Это была настоящая война «шока и трепета» против психики.

К концу 1940-х электрошок завоевал популярность среди психиатров Европы и Северной Америки. Он вызывал меньше необратимых изменений, чем хирургическая лоботомия, и, как всем казалось, был эффективен: истерические пациенты становились спокойнее, а в некоторых случаях электрические разряды, по-видимому, делали человека разумнее. Но это были лишь отдельные наблюдения, и даже те врачи, которые работали с этой техникой, не могли найти научного объяснения ее действию.

Конечно, они знали и о побочных эффектах этой терапии. Никто не сомневался, что электроконвульсивная терапия может вызвать амнезию; это было основной жалобой подвергнутых такому лечению. Еще

Marks J. The Search for the Manchurian Candidate; *Schefflin A.*, *Option E. Jr's.* The Mind Manipulators; *Bowart W.* Operation Mind Control; *Thomas G.* Journey into Madness; *Weinstein H.* A Father, a Son and the CIA (написана психиатром, сыном одного из пациентов Кэмерона).

⁷ *Cameron D.E.* Psychic Driving // *American Journal of Psychiatry* 112. 1956. № 7. Pp. 502—509.

⁸ *Cameron D.E.*, *Pande S.K.* Treatment of the Chronic Paranoid Schizophrenic Patient // *Canadian Medical Association Journal* 78. 1958. January 15. P. 95.

⁹ *Aristotle.* On the Soul. Book III // *Aristotle.* Great Books of the Western World. Vol. 8 / Ed. M.J. Adler, trans. W.D. Ross. Chicago: Encyclopaedia Britannica, 1952. P. 662.

одно побочное действие, часто отмечаемое и тесно связанное с потерей памяти, это регрессия. Десятки клинических наблюдений показывали, что сразу после такого лечения пациенты сосали пальцы, лежали в эмбриональной позе, ели с ложечки и звали к себе маму (часто ошибочно принимая врачей и сестер за родителей). Эти явления быстро проходили, но в отдельных случаях, когда применялись сильные дозы шока, наступала полная регрессия, так что пациент терял способность ходить и разговаривать. Мэрилин Райс, экономист, которая в середине 70-х годов стояла во главе движения за права пациентов, отказывающихся от электроконвульсивной терапии, в ярких красках описывала состояние, когда ее воспоминания и жизненный опыт были стерты с помощью электрошока: «Теперь я знаю, как должна была чувствовать себя Ева, которая была создана взрослой из чужого ребра, без какой-либо предыстории. Я чувствую себя столь же пустой, как Ева»¹⁰.

Для Райс и других пациентов такая опустошенность представляла собой незаменимую потерю. Однако Кэмерон видел в этом состоянии пустоты нечто иное: чистый лист, на котором можно написать новые поведенческие паттерны. Для него «масштабная потеря всех воспоминаний» в результате интенсивного применения электрошока была не дурным побочным эффектом, но важнейшим этапом лечения, который может вернуть пациента к ранним стадиям развития «задолго до того, как шизофреническое мышление и поведение начали проявляться»¹¹. Как военные ястребы, призывавшие «вбомбить» некоторые страны «обратно в каменный век», Кэмерон видел в шоковой терапии средство вернуть своих пациентов назад, к их младенчеству, вызвать у них полную регрессию. В 1962 году он написал статью, где описано то состояние, к которому он хотел бы привести пациентов вроде Гейл Кестнер: «Это не только потеря восприятия пространства и времени, но также утрата того ощущения, что они должны быть. На этой стадии у пациента наблюдаются также и многие другие явления, такие как утрата второго языка или представлений о своем браке. В более глубоких случаях они не в состоянии ходить без поддержки, самостоятельно принимать

¹⁰ Rouché B. As Empty as Eve // *The New Yorker*. 1974. September 9. Даже сегодня, когда электросудорожная терапия, став гораздо безопаснее и комфортабельнее для пациента, превратилась в почтенный и нередко эффективный метод лечения психозов, ее частым побочным осложнением остается временная потеря памяти. А некоторые пациенты утверждают, что у них нарушена и долговременная память.

¹¹ Cameron D.E. Production of Differential Amnesia as a Factor in the Treatment of Schizophrenia // *Comprehensive Psychiatry* 1. 1960. № 1. Pp. 32—33.

пищу, а также у них появляется недержание мочи и кала... Все аспекты функции памяти сильно нарушены»¹².

Чтобы «очистить от паттернов» своих пациентов, Кэмерон использовал новое устройство конструкции Пейджа—Расселла, которое позволяло подавать шесть последовательных разрядов тока вместо одного. Досадуя, что его пациенты все еще цепляются за остатки своей личности, доктор использовал для углубления дезориентации различные стимуляторы, депрессанты и галлюциногены: аминазин, барбитураты, амитал, закись азота, амфетамины, секонал, нембутал, веронал, меликон, хлорпромазин, ларгактил и инсулин. В 1956 году Кэмерон писал, что эти средства позволяют «растормозить его [пациента], так что его защита может быть ослаблена»¹³.

Когда «полная очистка от паттернов» достигнута и прежняя личность успешно устранена, можно начинать управление психикой. Оно заключалось в том, что Кэмерон проигрывал своим пациентам магнитофонные записи такого рода: «Ты прекрасная мать и жена, и люди рады тебя видеть». Психиатр-бихевиорист, он верил, что если заставит своих пациентов принять эти мысли, записанные на пленку, те начнут вести себя иначе¹⁴.

Пациенты, пережившие шок и накаченные лекарствами, становились настоящими «овощами», так что им приходилось выслушивать эти внушения от 16 до 20 часов в сутки; однажды Кэмерон проигрывал эти записи в течение 101 дня непрерывно¹⁵.

В середине 50-х годов некоторые исследователи из ЦРУ заинтересовались методиками Кэмерона. В то время уже начиналась истерия холодной войны, и Центральное разведывательное управление изучало «специальные техники допроса». Рассекреченная служебная записка ЦРУ объясняет, что программа была посвящена «исследованию разнообразных необычных техник допроса, включая действия, вызывающие психологический дискомфорт, а также применение таких методов, как “полная изоляция” и “использование лекар-

¹² Cameron D.E., Lohrenz J.G., Handcock K.A. The Depatterning Treatment of Schizophrenia // *Comprehensive Psychiatry* 3. 1962. № 2. P. 67.

¹³ Cameron D.E. *Psychic Driving*, pp. 503—504.

¹⁴ Если бы Кэмерон не занимал такого серьезного положения в профессиональной сфере, его «формирующие психику» записи были бы отвергнуты как шарлатанство. Он позаимствовал эту идею из рекламы так называемого цереброфона — магнитофона с динамиками в подушке, который представляли «революционным методом обучения иностранному языку во время сна».

¹⁵ Weinstein H.M. *Psychiatry and the CIA*, p. 120; Thomas G. *Journey into Madness*, p. 129.

ственных и других химических средств»¹⁶. Сначала проект получил кодовое название Project Bluebird, а затем Project Artichoke, а в 1953 году был переименован в MKUltra. В течение последующего десятилетия на проект MKUltra было потрачено 25 миллионов долларов. Он ставил перед собой цель найти новые способы «расколоть» заключенных, которые могли оказаться коммунистами или двойными агентами. В реализации программы участвовало 80 организаций, в том числе 44 университета и 12 больниц¹⁷.

Участники проекта с легкостью генерировали многочисленные идеи относительно того, как извлечь информацию из людей, которые не хотят ею делиться; проблема заключалась лишь в том, где опробовать эти идеи на практике. Деятельность участников проектов Bluebird и Artichoke в первые годы напоминала трагикомические шпионские фильмы: агенты ЦРУ гипнотизировали друг друга или незаметно подливали ЛСД в чашку коллеги, чтобы понаблюдать за эффектом (в одном случае таким эффектом стало самоубийство) — если не упоминать пытки людей, подозреваемых в шпионаже в пользу России¹⁸.

Подобные тесты больше походили на глупые проказы в кругу своих, чем на серьезное исследование, и их результаты не представляли никакой научной ценности для ЦРУ. Для этого нужно было огромное количество испытуемых. Несколько подобных исследований были проведены, но это было очень рискованно: если бы мир узнал, что ЦРУ испытывает опасные средства на американской территории, это могло бы привести к закрытию программы¹⁹. Именно в этот момент ЦРУ обратило внимание на канадских исследователей. Отношения с последними были установлены уже 1 июня 1951 года на встрече представителей трех стран (США, Канада, Великобритания) с участием служб разведки и ученых в монреальском отеле «Риц-Карлтон». Мотивом этой встречи была растущая озабоченность западных разве-

¹⁶ Memorandum for the Record, Subject: Project ARTICHOKE // Central Intelligence Agency. 1975. January 31, www.gwu.edu/~nsarchiv.

¹⁷ McCoy A.W. Cruel Science: CIA Torture & Foreign Policy // *New England Journal of Public Policy* 19. 2005. № 2. Winter. P. 218.

¹⁸ McCoy A.W. A Question of Torture: CIA Interrogation, from the Cold War to the War on Terror. New York: Metropolitan Books, 2006. Pp. 22, 30.

¹⁹ Некоторым людям на этой стадии исследований не по своей воле пришлось принимать ЛСД. В их числе оказались военнопленные из Северной Кореи, группа пациентов, получавших медикаменты в лечебном центре в Лексингтоне (штат Кентукки), 7000 американских солдат на базе химического вооружения Иджвуд в Мэриленде и обитатели тюрьмы Вейкавиль в Калифорнии. Там же, pp. 27, 29.

док относительно коммунистического мира, где, как полагали, были разработаны техники «промывания мозгов», которые применяются к военнопленным. Об этом свидетельствовал тот факт, что американские солдаты, попавшие в плен в Корею, выступали перед камерами — по-видимому, добровольно, — проклиная капитализм и империализм. Согласно рассекреченным протоколам этой встречи присутствующие — Омонд Солендт, глава канадского Научного совета по обороне, сэр Генри Тизард, возглавляющий Британский комитет по оборонной политике, а также двое представителей ЦРУ — были уверены, что Запад должен срочно узнать, каким образом коммунисты добиваются того, что пленные выступают с публичными исповедями. И первым шагом программы должны были стать «клинические исследования реальных случаев», чтобы понять, как может действовать «промывание мозгов»²⁰. Согласно официальной цели этих исследований власти Запада не собирались применять техники контроля над психикой к заключенным в своих тюрьмах, но хотели подготовить западных солдат к сопротивлению любым техникам принуждения, с которыми они могли столкнуться, оказавшись в плену.

Разумеется, у ЦРУ были и другие интересы. Но даже на закрытых встречах, подобных этой, было невозможно — вскоре после того, как весть о пытках, применяемых нацистами, глубоко возмутила весь мир, — открыто признать, что ЦРУ стремится разработать собственные альтернативные методики допроса.

Среди присутствующих на встрече в отеле «Риц» был и доктор Дональд Хебб, возглавлявший психологическое направление в Университете Макгилла. Согласно рассекреченным документам Хебб, пытаясь объяснить тайну публичных исповедей военнопленных, высказал гипотезу, что коммунисты для обретения контроля над психикой узников, возможно, помещают их в условия полной изоляции и блокируют доступ сигналов к их органам чувств. Эти слова произвели впечатление на руководителей разведывательных органов, и три месяца спустя Хебб получил грант на проведение ряда секретных исследований состояния сенсорной депривации от Министерства

²⁰ «Найденные в архивах анонимные заметки, написанные от руки, позволяют идентифицировать доктора Кэрила Хэскинса и командера Р. Дж. Уильямса как представителей ЦРУ на этой встрече». *Vienneau D. Ottawa Paid for '50s Brainwashing Experiments, Files Show // Toronto Star. 1986. April 14; Minutes of June 1, 1951, Canada/US/UK Meeting Re: Communist «Brainwashing» Techniques during the Korean War // Meeting at Ritz-Carlton Hotel, Montreal. 1951. June 1. P. 5.*

обороны Канады. Хебб работал с группой из 63 студентов Университета Макгилла: каждый испытуемый, получавший по 20 долларов в день, был помещен в закрытую комнату и носил черную повязку на глазах, наушники, в которых звучал белый шум, и картонные трубки, прикрывавшие руки, чтобы ограничить тактильные ощущения. В течение суток студенты плавали в океане пустоты, где глаза, уши и руки не могли помочь им сориентироваться, и они погружались в мир грез, который становился все ярче. Чтобы проверить, насколько сенсорная депривация увеличивает податливость испытуемых «промыванию мозгов», Хебб стал проигрывать им записи с разговорами о существовании привидений или о том, что наука представляет собой сплошной обман, и им внушали идеи, которые вызывали возражения студентов до начала эксперимента²¹.

В секретном отчете Научного совета по обороне об этом эксперименте сделаны выводы, что сенсорная депривация порождала замешательство и вызывала галлюцинации у студентов, участвовавших в исследовании, и «во время и вскоре после периода сенсорной депривации возникает выраженное временное снижение интеллекта»²². Более того, голод испытуемых по стимулам делал их неожиданно восприимчивыми к идеям, которые они слышали через наушники, и некоторые из них после эксперимента заинтересовались оккультизмом, причем этот интерес сохранялся и в течение нескольких недель после завершения эксперимента. Похоже, что замешательство, вызванное сенсорной депривацией, частично опустошало их психику, а затем с помощью сенсорных стимулов на чистом листе можно было создать новые паттерны.

Одна копия документа об исследовании Хебба была направлена в ЦРУ, кроме того, 41 копию получил Военно-морской флот США и 42 копии — сухопутные войска США²³. ЦРУ непосредственно наблюдало за экспериментом через одного из испытуемых, студента Мейтленда Болдуина, который обо всем информировал американцев в тайне от своего научного руководителя²⁴. Такое пристальное внимание ЦРУ к эксперименту не удивительно: по меньшей мере, Хебб

²¹ *Hebb D.O., Heron W., Bexton W.H. Annual Report // Contract DRB X38. Experimental Studies of Attitude. 1953.*

²² *Defense Research Board Report to Treasury Board. 1954. August 3, p. 2 declassified.*

²³ *Distribution of Proceedings of Fourth Symposium. Military Medicine. 1952, declassified.*

²⁴ *Kashmeri Z. Data Show CIA Monitored Deprivation Experiments // Globe and Mail. Toronto. 1984. February 18.*

доказал, что длительная изоляция влияет на умственные способности и делает людей податливыми к внушению, а это — бесценная идея для любого допрашивающего. В итоге Хебб понял, что его исследование содержит огромные возможности не только для разработки защиты попавших в плен солдат от «промывания мозгов», но и для создания практического руководства по психологическим пыткам. В своем последнем интервью Хебб, умерший в 1985 году, говорил: «Когда мы готовили отчет для Научного совета по обороне, нам было ясно, что мы описываем мощные техники допроса»²⁵.

Как зафиксировано в отчете Хебба, четверо подопытных «спонтанно сообщили, что пребывание в изоляции было для них чем-то вроде пытки»; это означало, что принуждать их оставаться в этой комнате дольше, чем они могут вынести, — два или три дня — было бы нарушением медицинской этики. Осознавая неизбежность подобных ограничений для эксперимента, Хебб писал, что более «точные результаты» недостижимы, потому что «невозможно принудить испытуемых провести по 30—60 дней в условиях изоляции»²⁶.

Что было невозможно для Хебба, было вполне возможно для его коллеги по институту и главного соперника на академическом поле — доктора Эвена Кэмерона. (Позднее Хебб, удалившийся от науки, называл Кэмерона «преступным тупицей»²⁷.) Кэмерон уже пришел к убеждению, что решительное разрушение психики пациента — это необходимый первый шаг на пути к психическому здоровью, а потому не является нарушением клятвы Гиппократова. Что же касается юридической стороны дела, то пациенты находились в полном распоряжении Кэмерона: стандартное соглашение наделяло доктора абсолютной властью, вплоть до проведения фронтальной лоботомии.

Хотя Кэмерон поддерживал контакт с ЦРУ уже многие годы, впервые он получил грант от Управления в 1957 году — через подставную организацию под названием Общество по исследованию экологии человека²⁸. И как только доллары ЦРУ стали поступать в Институт Аллана, это заведение все меньше напоминало госпиталь и все больше походило на мрачную темницу.

²⁵ Kaohmeri. Z. Data Shon CIA Monitored Deprivation Experiments.

²⁶ Hebb D.O., Heron W., Bexton W.H. Annual Report // Contract DRB X38, pp. 1—2.

²⁷ O'Neill J. Brain Washing Tests Assailed by Experts // *Globe and Mail*. Toronto. 1986. November 27.

²⁸ Thomas G. Journey into Madness, p. 103; Marks J.D. The Search for the Manchurian Candidate: The CIA and Mind Control. New York: Times Books, 1979. P. 133.

Прежде всего значительно выросли объемы применяемых электрошоков. Двое психиатров, придумавших весьма спорный прибор Пейджа—Расселла для электрошоковой терапии, рекомендовали проводить по четыре сеанса для каждого пациента, что в сумме составляло 24 отдельных шока²⁹. Кэмерон же назначал своим пациентам по два сеанса в сутки на протяжении месяца, так что один пациент получал ужасающее количество ударов — 360, что намного превосходило объемы лечения, которое пациенты, подобные Гейл, получали ранее³⁰. Если больным ранее назначали оглушительное количество медикаментов, теперь к ним добавились новые психотропные средства, весьма интересовавшие ЦРУ: ЛСД и РСР.

Доктор взял на вооружение и другие средства для опустошения мозга: сенсорную депривацию и продолжительный сон, комбинацию воздействий, которая, как он уверял, позволяет «уменьшить сопротивление индивида» и делает его гораздо более податливым к внушениям, записанным на пленку³¹. Когда в его распоряжении оказались доллары ЦРУ, Кэмерон использовал эти средства, чтобы перестроить старые конюшни рядом с госпиталем и превратить их в звуконепроницаемые комнаты. Кроме того, он оборудовал в подвале комнату, названную им «палатой изоляции»³². Он сделал эту комнату звуконепроницаемой, в ней постоянно звучал белый шум и было выключено электрическое освещение; каждый пациент получал темную повязку на глаза и «резиновые затычки» для ушей, а также картонные трубки на руки от кистей до плеч, «чтобы он не мог прикоснуться к своему телу — и таким образом можно было бы воздействовать на его собственный образ», как писал Кэмерон в статье 1956 года³³. Испытуемые в эксперименте Хебба не могли выдержать менее серьезных условий сенсорной депривации на протяжении двух суток, в то время как Кэмерон держал своих пациентов в изоляции на протяжении недель, а одному из них пришлось провести в изоляционной палате 35 дней³⁴.

²⁹ Russell R.J., Page L.G.M., Jillett R.L. Intensified Electroconvulsant Therapy // *Lancet*. 1953. December 5. P. 1178.

³⁰ Cameron D.E., Lohrenz J.G., Handcock K.A. The Depatterning Treatment of Schizophrenia, p. 68.

³¹ Cameron D.E. *Psychic Driving*, p. 504.

³² Thomas G. *Journey into Madness*, p. 180.

³³ Cameron D.E. et al. Sensory Deprivation: Effects upon the Functioning Human in Space Systems // *Symposium on Psychophysiological Aspects of Space Flight* / Ed. B.E. Flaherty. New York: Columbia University Press, 1961. P. 231; Cameron D.E. *Psychic Driving*, p. 504.

³⁴ Marks J.D. *The Search for the Manchurian Candidate*, p. 138.

Кэмерон усугублял сенсорный голод своих пациентов в так называемой комнате сна, где они, накачанные лекарствами, проводили от 20 до 22 часов в сутки; сестры лишь переворачивали больных каждые два часа, чтобы избежать пролежней, и будили их только для еды и посещения туалета³⁵. В таком состоянии пациента держали от 15 до 30 дней, хотя, как писал Кэмерон, «некоторые пациенты провели в состоянии непрерывного сна до 65 суток»³⁶. От персонала госпиталя требовалось не позволять пациентам разговаривать и не передавать им информацию о том, как долго придется находиться в этой комнате. Чтобы никто не мог вырваться из подобного кошмара, Кэмерон назначил одной группе пациентов малые дозы яда кураре, вызывающего паралич, так что они в буквальном смысле слова превратились в узников, заключенных в темнице своего тела³⁷.

В статье, написанной в 1960 году, Кэмерон говорит, что есть «два важнейших фактора», которые позволяют нам «управлять образами времени и пространства», другими словами, позволяют осознавать, где мы и кто мы такие. Это: «(а) постоянное поступление сенсорных стимулов и (б) наша память». С помощью электрошока Кэмерон мог разрушить память, а с помощью изоляции — устранить поступление сенсорных импульсов. Он пытался добиться, чтобы пациент полностью потерял представление о времени и пространстве. Заметив, что некоторые пациенты пытаются следить за временем по расписанию приемов пищи, Кэмерон распорядился, чтобы кухня работала беспорядочно, подавала еду в разные часы или предлагала пациентам суп на завтрак или овсянку на обед. «Меня расписание приема пищи и меню относительно ожидаемого, мы могли лишить пациентов возможности ориентироваться», с удовлетворением замечал Кэмерон. Но несмотря на эти меры и усилия, одна пациентка сохраняла связь с внешним миром, следя за «крайне слабым гулом» самолета, который пролетал над госпиталем ежедневно в девять часов³⁸.

Человеку, знакомому с показаниями людей, переживших пытки, эта деталь покажется вопиюще красноречивой. Когда бывших заключенных спрашивают, как они могли прожить месяцы и годы в условиях изоляции и грубого обращения, они часто рассказывают, как им

³⁵ Cameron D.E., Pande S.K. Treatment of the Chronic Paranoid Schizophrenic Patient, p. 92.

³⁶ Cameron D.E. Production of Differential Amnesia as a Factor in the Treatment of Schizophrenia, p. 27.

³⁷ Thomas G. Journey into Madness, p. 234.

³⁸ Cameron D.E. et al. Sensory Deprivation, pp. 226, 232.

помогал колокольный звон церкви, или призыв муллы к молитве, или голоса детей, играющих в соседнем парке. Когда жизнь сужена до четырех стен тюремной камеры, ритм этих звуков извне поддерживает связь с жизнью, он доказывает узнику, что тот остается человеком и по ту сторону пыток существует мир. «Четыре раза я слышала голоса птиц на рассвете — так я поняла, что прошло четыре дня», — рассказывала женщина, перенесшая тяжелые испытания при последнем диктаторском режиме в Уругвае³⁹. Безымянная женщина, которая в подвале Института Аллана ловила звук пролетающего самолета сквозь завесу мрака, лекарств и электрошока, была вовсе не пациенткой на попечении доктора; учитывая все обстоятельства этого эксперимента, она была заключенной, которую пытаются.

Многое доказывает, что Кэмерон прекрасно отдавал себе отчет в своей деятельности: он воспроизводил ситуацию пыток. Стойкий антикоммунист, он думал, что его работа с пациентами является важным вкладом в сражения на фронтах холодной войны. В интервью для популярного журнала в 1955 году он открыто сравнил своих пациентов с военнопленными на допросах, заметив, что первые, «подобно узникам коммунистов, стараются сопротивляться терапии и что это сопротивление надо сломить»⁴⁰. Год спустя он писал, что задачей «очистки от паттернов» является «настоящее “изнашивание” защит», добавив, что «аналогичное состояние переживает человек при постоянных допросах»⁴¹. В 1960 году Кэмерон выступал с лекциями о своих исследованиях сенсорной депривации не только перед психиатрами, но и перед военными. Во время выступления на базе военно-воздушных сил в Бруксе (Техас) он и не пытался утверждать, что лечит шизофрению, более того, он признал, что сенсорная депривация «порождает первичные симптомы шизофрении»: галлюцинации, сильную тревогу, ощущение потери контакта с реальностью⁴². В своих записях к этой лекции он упоминает сенсорную депривацию с «перегрузками на входе», обращаясь к своему опыту использования электрошока и бесконечных повторов

³⁹ *Weschler L. A Miracle, a Universe: Settling Accounts with Torturers. New York: Pantheon Books, 1990. P. 125.*

⁴⁰ Это интервью было опубликовано в канадском журнале *Weekend*; цит. по: *Thomas G. Journey into Madness, p. 169.*

⁴¹ *Cameron D.E. Psychic Driving, p. 508.*

⁴² Выдвинув этот тезис, Кэмерон процитировал в его поддержку другого исследователя, Нормана Розенцвейга. *Cameron D.E. et al. Sensory Deprivation, p. 229.*

магнитофонных записей, и это было предзнаменованием скорого появления новых методов допросов⁴³.

Работу Кэмерона до 1961 года финансировало ЦРУ, и долгое время оставалось неясным, что же правительство США намерено делать с полученными результатами. В конце 70-х и в 80-е годы, когда роль ЦРУ в проведении этих экспериментов была раскрыта на слушаниях в Сенате и вслед за этим пациенты подали иск против Управления, журналисты и конгрессмены склонились к тому, чтобы принять предложенную ЦРУ версию событий, что эти исследования были направлены на изучение техник «промывания мозгов» и защиты от них пленных американских солдат. Внимание прессы преимущественно привлекал сенсационный факт, что правительство финансировало применение наркотиков. Фактически, когда разразился скандал, ЦРУ и Эвена Кэмерона обвиняли в том, что эти эксперименты испортили людям жизнь, в чем не было ни малейшей необходимости: эти исследования не имели никакого практического значения, поскольку все уже знали, что «промывание мозгов» было одним из мифов холодной войны. Со своей стороны ЦРУ активно поддерживало эту версию, предпочитая выставить себя клоунами, увлекшимися научной фантастикой, но не признаваться в том, что они финансировали лабораторию пыток в престижном университете, — и имели на то свои резоны. Когда психологу ЦРУ Джону Гиттингеру, который первым вступил в контакт с Кэмероном, пришлось давать показания на совместном слушании в Сенате, он назвал поддержку Кэмерона «глупейшей ошибкой... ужасающей ошибкой»⁴⁴. Когда перед Сенатом предстал бывший директор проекта MKUltra Сидни Готтлиб и его попросили объяснить, почему он отдал приказ об уничтожении всех документов, касающихся программы стоимостью 25 миллионов долларов, тот ответил, что «проект MKUltra не принес каких-либо ценных для Управления результатов»⁴⁵. Как в разоблачениях 1980-х годов проекта MKUltra, так и в отчетах об официальных расследованиях, публикациях ведущих газет и книгах эти эксперименты описываются как попытки установления «контроля

⁴³ Weinstein H.M. *Psychiatry and the CIA*, p. 222.

⁴⁴ Project MKUltra. *The CIA's Program of Research in Behavioral Modification // Joint Hearings Before the Select Committee on Intelligence and the Subcommittee on Health and Scientific Research of the Committee on Human Resources. United States Senate, 95th Congr., 1st Sess. 1977. August 3.* Цит. по: Weinstein H.M. *Psychiatry and the CIA*, p. 178.

⁴⁵ Там же, p. 143.

над сознанием» и «промывания мозгов». Слово «пытка» при этом почти не употребляется.

Наука страха

В 1988 году газета *New York Times* предприняла сенсационное расследование участия США в пытках и политических убийствах в Гондурасе. Флоренсио Кабальеро, следователь печально известного своей жестокостью гондурасского батальона 3-16, рассказал газете, что он вместе с 24 коллегами был послан в Техас на курсы, организованные ЦРУ. «Они учили нас психологическим методам — выявлению страхов и слабостей заключенного. Заставляйте его стоять, не давайте ему спать, держите его голым в одиночке, в камере с крысами и тараканами, давайте ему скверную пищу, кормите его дохлятиной, обливайте холодной водой, меняйте температуру». Но он не упомянул еще об одном способе: электрошоке. Об этом рассказала газете *New York Times* Инес Мурильо, 24-летняя узница, которую «допрашивали» Кабальеро и его коллеги: ее столько раз пытали электрическим током, что она «страшно кричала и падала от шока. Крики просто вырываются из тебя. Я почувствовала запах дыма и поняла — это горит мое тело, сожженное электрическим током. Они говорили, что будут меня пытаться, пока я не сойду с ума. Я им не верила. Но затем они развели мои ноги и приложили провода к гениталиям»⁴⁶. Мурильо также сказала, что в комнате присутствовал кто-то еще: американец, задававший вопросы ее мучителям; они называли его «мистером Майком»⁴⁷.

Эти разоблачения повлекли за собой слушания в специальном комитете Сената по разведке, где заместитель директора ЦРУ Ричард Штольц подтвердил, что «Кабальеро действительно прошел в ЦРУ курс «по работе с человеческими ресурсами, то есть по ведению допросов»⁴⁸. Газета *Baltimore Sun* потребовала на основании Закона о свободе доступа к информации предоставить материалы, при помощи которых готовились такие люди, как Кабальеро. Долгие годы

⁴⁶ *LeMoyné J. Testifying to Torture // New York Times. 1988. June 5.*

⁴⁷ *Harbury J. Truth, Torture and the American Way: The History and Consequences of U.S. Involvement in Torture. Boston: Beacon Press, 2005. P. 87.*

⁴⁸ *Transcript of Proceedings before the Select Committee on Intelligence: Honduran Interrogation Manual Hearing // Senate Select Committee on Intelligence. 1988. June 16. Box 1 CIA Training Manuals. Folder: Interrogation Manual Hearings. National Security Archives. Цит. по: McCoy A.W. A Question of Torture, p. 96.*

ЦРУ отказывалось выполнить это требование; наконец, под угрозой судебного иска, через девять лет после того, как была предана огласке эта история, ЦРУ предъявило брошюру под названием «Допрос в контрразведке, методика Kubark». Название уже представляло собой шифровку: слово «Kubark» представляет собой, по мнению газеты *New York Times*, «криптоним, где KU — редкое сочетание двух букв, а BARK — кодовое название самого Управления в то время». По другой версии, «ku» указывает на «страну, или конкретную нелегальную организацию, или секретную деятельность»⁴⁹. Это секретное руководство на 128 страницах по «допросам сопротивляющихся источников» во многом основано на результатах программы MKUltra, причем влияние выводов и заключений как Эвена Кэмерона, так и Дональда Хебба чувствуется на многих его страницах. Руководство включает разнообразные методики: от сенсорной депривации, стресса, применения непрозрачного капюшона до использования боли. (В руководстве изначально признано, что многие из этих техник противоречат закону, поэтому допрашивающему советуют «предварительно заручиться согласием высшего начальства... при любом из перечисленных обстоятельств: 1) если надо нанести телесные повреждения; 2) если для достижения сотрудничества используются медицинские, химические, электрические методы или материалы»⁵⁰.)

Наставление подготовлено в 1963 году, в последний год осуществления программы MKUltra и через два года после завершения экспериментов Кэмерона, проплаченных ЦРУ. Как уверяет это наставление, при правильном применении описанных техник сопротивление источника информации будет сломлено, а «его способность сопротивляться — подавлена». Вот, оказывается, какая именно цель стояла перед программой MKUltra: не изучение «промывания мозгов» (это было лишь одной стороной программы), но разработка научно обоснованной системы извлечения информации из «сопротивляющегося источника»⁵¹, другими словами, разработка системы пыток.

⁴⁹ *Weiner T. Interrogation, C.I.A.-Style // New York Times. 1997. February 9; Kleinman S.M. KUBARK Counterintelligence Interrogation Review: Observations of an Interrogator, February 2006 // Intelligence Science Board, Educating Information. Washington DC: National Defense Intelligence College, December 2006. P. 96.*

⁵⁰ *Kubark Counterintelligence Interrogation // Central Intelligence Agency. 1963. July. Pp. 1, 8.* Рассекреченное руководство полностью доступно в Архиве национальной безопасности, www.gwu.edu/~nsarchiv.

⁵¹ Там же, pp. 1, 38.

С первых страниц этот учебник заверяет, что в нем описываются методики допроса, основанные на «обширных исследованиях, в том числе научных, которые проводили специалисты по смежным областям знаний». Это наставление представляет новую эпоху — точной и усовершенствованной пытки, в отличие от кровавых и малоэффективных мучений, применявшихся испанской инквизицией. В своеобразном предисловии к этому руководству сказано: «Служба разведки, вооруженная адекватными современными знаниями для решения встающих перед ней проблем, имеет огромные преимущества перед службой, использующей нелегальные методы XVIII века... и сегодня уже невозможно всерьез говорить о допросе, не ссылаясь на научные исследования последнего десятилетия». Далее следует практическое наставление по опустошению личности.

Большой раздел руководства посвящен сенсорной депривации со ссылкой на «эксперименты, проведенные в Университете Макгилла»⁵². За описанием устройства камеры для изоляции следует замечание: «Блокада притока внешних раздражителей порождает регрессию, поскольку психика субъекта лишена контакта с внешним миром, а потому вынужденно обращается на себя. В то же время дозированное применение информации и стимулов в момент допроса заставляет субъекта в состоянии регрессии относиться к допрашивающему как к отцовской фигуре»⁵³. Благодаря Закону о свободе доступа к информации стал доступным усовершенствованный вариант этого наставления, впервые изданный в 1983 году и применявшийся в странах Латинской Америки. Там, например, говорится: «Окна должны располагаться на достаточной высоте с возможностью полного прекращения доступа света»⁵⁴.

Случилось именно то, чего боялся Хебб: сенсорная депривация стала использоваться в качестве «высокоэффективной техники допроса». Но сама суть метода Kubark прямо связана с трудами Кэмерона, который рекомендовал разрушать «восприятие времени-пространства». В руководстве описано несколько техник, отточенных на пациентах в подвале Института Аллана. «Принципиально важно строить сеансы

⁵² Kubark Counterintelligence Interrogation, p. 88.

⁵³ Там же, p. 90.

⁵⁴ Human Resource Exploitation Training Manual — 1983 // Central Intelligence Agency. Новое переиздание книги 1983 года адаптировано к применению в учебных аудиториях, дополнено интересными вопросами для проверки знаний и дружескими напоминаниями («Всегда начинайте новую сессию допроса, располагая свежими батареями»).

таким образом, чтобы нарушить чувство хронологической упорядоченности у источника информации... Иногда допрашиваемых можно ввести в регрессию с помощью постоянных манипуляций со временем, подводя часы вперед или назад, подавая еду случайным образом: через 10 минут или 10 часов после предыдущего приема пищи. Нужно нарушить представление о времени»⁵⁵.

Но сильнее всего воображение авторов метода Kubark захватывали не столько отдельные техники, сколько внимание Кэмерона к состоянию регрессии — его мысль о том, что, лишая человека представлений, кто он такой и где находится во времени и в пространстве, взрослого можно превратить в зависимого ребенка, ум которого — чистый лист, податливый для любых внушений. Снова и снова авторы руководства возвращаются к этой теме: «Все применяемые техники, которые позволяют вывести допрос из тупика, весь их спектр — от простой изоляции до гипноза и наркоза — по сути ускоряют процесс регрессии. Когда допрашиваемый переходит от состояния зрелости к более инфантильному состоянию, его структура личности, созданная в процессе обучения, ослабевает». Иными словами, когда узник переживает состояние психологического шока или приостановки жизненных функций, о котором говорилось выше, наступает блаженный момент для палача, когда «источник открыт к внушению вплоть до полного подчинения»⁵⁶.

Альфред Маккой, историк Университета Висконсина, который проследил историю развития пыток со времени инквизиции в своей книге «Проблема пыток: допросы ЦРУ от холодной войны до борьбы против террора», называет основную идею Kubark о вызове шокового состояния с помощью сенсорной депривации с последующей сенсорной перегрузкой «первой подлинной революцией в жестокой науке причинения боли более чем за три столетия»⁵⁷. По мнению Маккоя, это было невозможно без опытов в Университете Макгилла в 1950-х. «Если очистить их от причудливых излишеств, эксперименты доктора Кэмерона, основанные на ранних достижениях доктора Хебба, заложили научную основу психологического метода двухэтапной пытки, применяемого ЦРУ»⁵⁸.

⁵⁵ Kubark Counterintelligence Interrogation, pp. 49—50, 76—77.

⁵⁶ Там же, pp. 41, 66.

⁵⁷ McCoy A. W. A Question of Torture, p. 8.

⁵⁸ McCoy A. W. Cruel Science, p. 220.

Там, где специалистов по допросам готовили на основе наставления Kubark, сформировались четкие методики — все действия направлены на создание, углубление и поддержание шока: в соответствии с наставлением узника арестовывают, чтобы как можно больше его дезориентировать, поздно ночью или при первых лучах солнца. Его глаза закрывают капюшоном или повязкой, его раздевают и бьют, а затем подвергают различным формам сенсорной депривации. И везде — от Гватемалы до Гондураса, от Вьетнама до Ирака, от Филиппин до Чили — применяют электрошок.

Конечно, все это не сводится исключительно к влиянию Кэмерона или программы MKUltra. пытка — это всегда импровизация, сочетание изученных методик с человеческой потребностью в жестокости, которая быстро высвобождается в условиях безнаказанности. В середине 50-х годов прошедшего века электрошок был рядовым средством французских солдат в Алжире, которое применялось к бойцам за освобождение, нередко при участии психиатра⁵⁹. В этот период военные руководители из Франции проводили семинары в американском военном училище «подавления беспорядков» в Форт-Брегге (Северная Каролина), где они знакомили учащихся с методиками, отработанными в Алжире⁶⁰. Но не менее очевидно, что модель Кэмерона по использованию шока в огромных дозах служила не просто для того, чтобы причинить боль, но для специфической цели — разрушить структуру личности; она оказала большое влияние на ЦРУ. В 1966 году ЦРУ направило в Сайгон трех психиатров, вооруженных устройством Пейджа—Расселла, тем самым аппаратом для электрошока, который так любил Кэмерон; аппарат использовали с таким ожесточением, что несколько узников погибли. По мнению Маккоя, «на самом деле они проверяли в полевых условиях, действительно ли техники “разрушения паттернов” Эвена Кэмерона могут вызывать изменения в поведении человека»⁶¹.

⁵⁹ Fanon F. *A Dying Colonialism* / Trans. H. Chevalier. 1965, repr. New York: Grove Press, 1967. P. 138.

⁶⁰ Пьер Мессмер, занимавший пост министра обороны Франции с 1960 по 1969 год, говорил, что американцы пригласили французов обучать солдат в США. В ответ на эту просьбу в Форт-Брегг отправился генерал Поль Оссарессес, печально известный французский специалист по пыткам, не выражавший раскаяния по поводу своей деятельности. Он обучал американских солдат техникам «ареста, допроса и пыток». *Death Squadrons: The French School* // Documentary directed by Marie-Monique Robin. Idéale Audience, 2003.

⁶¹ McCoy A.W. *A Question of Torture*, p. 65.

Сотрудники ЦРУ редко напрямую занимались подобными пытками. С 70-х годов и позже агенты из США предпочитали роль наставников или учителей, а не тех, кто непосредственно ведет допросы. В свидетельствах людей, подвергнутых пыткам в Центральной Америке в 70—80-е годы, постоянно попадаются загадочные люди, говорящие по-английски, которые часто заходят в камеру, задают вопросы или дают советы. Дайанна Ортез, американская монахиня, похищенная и брошенная в тюрьму в Гватемале в 1989 году, свидетельствовала, что люди, которые ее насиловали и наносили ей ожоги сигаретами, подчинялись человеку, говорившему по-испански с выраженным американским акцентом, которого прочие называли «боссом»⁶². Дженнифер Харбери, чей муж был подвергнут пыткам и убит гватемальским офицером по заданию ЦРУ, описывает много подобных случаев в своей заслуживающей внимания книге «Истина, пытка и американский путь»⁶³.

Хотя сменявшие друг друга правительства из Вашингтона давали на это свое разрешение, роль США в этих грязных войнах по понятным причинам оставалась тайной. Пытки — физические или психологические — являются грубым нарушением как Женевской конвенции, запрещающей любую форму пыток или жестокого обращения, так и собственного Единого свода военных законов армии США, который исключает жестокость и притеснение заключенных⁶⁴. Наставление Kubark на второй странице предупреждает читателя, что представленные в нем техники несут в себе «огромный риск позднее столкнуться с судебным преследованием», а версия 1983 года говорит о том же с большей прямотой: «Применение силы, психологическая пытка, угрозы, оскорбления или неприятное и бесчеловечное обращение любого рода в качестве вспомогательных средств допроса запрещаются законами, как международными, так и отечественными»⁶⁵. Другими словами, то, о чем написано в наставлении, противозаконно и поэтому должно храниться в тайне. И если кто-то будет задавать вопросы, почему служащие правительства

⁶² *Ortiz D. The Blindfold's Eyes. New York: Orbis Books, 2002. P. 32.*

⁶³ *Harbury J. Truth, Torture and the American Way.*

⁶⁴ Geneva Convention Relative to the Treatment of Prisoners of War // United Nations. Adopted 1949. August 12, www.ohchr.org; Uniform Code of Military Justice, Subchapter 10: Punitive Articles. Section 893. Article 93, www.au.af.mil.

⁶⁵ Kubark Counterintelligence Interrogation, p. 2; Human Resource Exploitation Training Manual — 1983 // Central Intelligence Agency.

США учат представителей развивающихся стран современным профессиональным полицейским методам ведения допросов, то нужно заявить, что сотрудники ЦРУ не могут отвечать за «эксцессы», происходящие вне учебных аудиторий.

11 сентября 2001 года эта стратегия благовидного отрицания, которой так долго следовали, была «выброшена в окно». Атака террористов, направленная на башни-близнецы и Пентагон, была другим видом шока, чем описанный в наставлении Kubark, но его эффект был замечательно сходным: глубокая дезориентация, крайняя степень страха и тревоги и коллективная регрессия. Как ведущий допрос в Kubark становился «отцовской фигурой», так и администрация Буша мгновенно использовала этот страх, чтобы разыграть роль способного оградить страну от всех бед родителя, который готов защищать «отечество» и его испуганное население любыми средствами. Резкий поворот в политике США был выражен в печально известных словах Дика Чейни о действии «темной стороны»; но эти слова не означали, что люди в администрации с радостью возьмутся за методы, которые возмущали многих ее более человечных предшественников (об этом неоднократно заявляли представители демократов, вдохновленные специфическим американским мифом «изначальной безгрешности», если пользоваться словами историка Гарри Уиллса)⁶⁶. Скорее, важный поворот заключался в том, что дела, ранее творившиеся чужими руками, с соблюдением необходимой дистанции, осторожности и отрицанием своей осведомленности об этом, теперь будут совершаться напрямую и открыто оправдываться.

Что бы ни говорили о пытках, подлинное новшество администрации Буша заключалось в том, что теперь граждане США применяли пытки к узникам в американских тюрьмах или перевозили их в порядке «чрезвычайной выдачи» в третьи страны на американских самолетах. Именно это отличает режим Буша от остальных: после терактов 11 сентября он без стеснения потребовал себе право применять пытки. Это ставило администрацию в положение нарушителя уголовного закона — проблему удалось решить с помощью изменения законодательства. Дальнейшая цепь событий хорошо известна: министр обороны Дональд Рамсфельд, получив полномочия от Джорджа Буша, постановил, что узники, захваченные в Афганистане, не подпадают

⁶⁶ Gilbert C. War Will Be Stealthy // *Milwaukee Journal Sentinel*. 2001. September 17; Wills G. Reagan's America: Innocents at Home. New York: Doubleday, 1987. P. 378.

под Женевскую конвенцию, потому что они относятся к «участникам незаконных вооруженных формирований», а не к военнопленным, и это подтвердил тогдашний юридический советник Белого дома Альберто Гонзалес (впоследствии ставший министром юстиции)⁶⁷. Затем Рамсфельд одобрил применение специальных методов ведения допросов в войне против террора. Сюда входят методы, описанные в учебниках ЦРУ: «использование средств изоляции сроком до 30 дней», «лишение света и звуковых стимулов», «дозволяется также во время транспортировки и допроса использовать капюшон, скрывающий голову и глаза задержанного», «лишение одежды» и «использование специфических фобий задержанного (например, боязнь собак), чтобы вызвать состояние стресса»⁶⁸. пытки все еще запрещены Белым домом, но теперь пыткой называются лишь такие действия, при которых вызванная боль «по интенсивности эквивалентна боли при серьезном телесном повреждении, таком как разрушение органа»⁶⁹. Согласно новым правилам правительство США может использовать методики, разработанные в 1950-х годах в условиях секретности и нежелания их открыто признать, — теперь это можно делать открыто, не опасаясь судебного преследования. Например, в феврале 2006 года Научный совет по безопасности, дающий консультации ЦРУ, опубликовал отчет ветерана Министерства обороны,

⁶⁷ Seelye K.Q. A Nation Challenged // *New York Times*. 2002. March 29; Gonzales A.R. Memorandum for the President. 2002. January 25, www.msnbc.msn.com.

⁶⁸ Phifer J. Subject: Request for Approval of Counter-Resistance Strategies // Memorandum for Commander, Joint Task Force 170. 2002. October 11, p. 6; declassified, www.npr.org.

⁶⁹ Memorandum for Alberto R. Gonzales, Counsel to the President. 2002. August 1 // U.S. Department of Justice, Office of Legal Counsel, Office of the Assistant Attorney General, www.washingtonpost.com; Military Commissions Act of 2006, Subchapter VII, Sec. 6, thomas.loc.gov; McCoy A.W. The U.S. Has a History of Using Torture // History News Network, George Mason University, 2006. December 4, www.hnn.us; The Imperial Presidency at Work // *New York Times*. 2006. January 15. Под давлением Конгресса и Сената, а также Верховного суда администрация Буша была вынуждена несколько смягчить свою позицию примерно в то же время, когда Конгресс принял Закон о военной комиссии в 2006 году. Хотя Белый дом в новом законопроекте декларирует отказ от любого рода пыток, он оставил удобные лазейки, позволяющие агентам и подрядчикам ЦРУ продолжать применение описанных в Kubark сенсорной депривации и перегрузки, а также других «креативных» техник, включая симуляцию утопления («водная посадка»). Прежде чем подписать закон, Буш приложил к нему уже утвержденное заявление, в котором отстаивал свое право «интерпретировать смысл и практическое приложение Женевской конвенции» так, как считает нужным. Газета *New York Times* называет это событие «односторонним изменением, затрагивающим более чем 200-летние традиции и закон».

занимавшегося допросами. Там прямо говорится, что «внимательное изучение наставления Kubark чрезвычайно важно для любого человека, участвующего в допросах»⁷⁰.

Одним из первых людей, столкнувшихся лицом к лицу с этим новым порядком, был американский гражданин и в прошлом член гангстерской шайки Хозе Падилья. Он был арестован в мае 2002 года в чикагском аэропорту О'Хара в связи с подозрением в намерении создать «грязную бомбу». Но ему не было предъявлено обвинения, не было и стандартной процедуры суда; вместо этого Падилью отнесли к «участникам незаконных вооруженных формирований», а это лишало его любых прав. Падилью доставили в тюрьму Военно-морского флота США в Чарльстоне (Южная Калифорния), где, как он рассказывает, ему ввели какое-то средство, — по его мнению, либо ЛСД, либо пи-си-пи, — и он был подвергнут интенсивной сенсорной депривации: его содержали в крохотной камере с затемненными окнами, не разрешив взять с собой часы или календарь. Когда его выводили из камеры, на него надевали наручники, глаза завязывали темной повязкой, а поступление звуков перекрывали с помощью тяжелых наушников. В таких условиях Падилья провел 1307 дней, при этом ему не позволяли контактировать с кем-либо, за исключением допрашивающих, которые, задавая ему вопросы, обрушивали на его изголодавшиеся органы чувств яркий свет и оглушительные звуки⁷¹.

Судебное заседание было назначено на декабрь 2006 года, хотя подозрение в намерении изготовить «грязную бомбу», из-за которого Падилья был арестован, не подтвердилось. Его обвинили в контактах с террористами, хотя он был не в состоянии защищать себя: согласно заключению экспертов техники регрессии Кэмерона успешно разрушили его взрослую личность — собственно, для этой цели они и разрабатывались. «Длительные пытки, которым был подвергнут мистер Падилья, оставили после себя повреждения, как психические, так и физические, — говорил на суде его адвокат. — Обращение правительства с мистером Падильей лишило его личности». Проводивший осмотр психиатр заключает, что Падилья «утратил способность участвовать в своей собственной защите»⁷².

⁷⁰ Kleinman S.M. KUBARK Counterintelligence Interrogation Review, p. 95.

⁷¹ Eggen D. Padilla Case Raises Questions about Anti-Terror Tactics // *Washington Post*. 2006. November 19.

⁷² Anderson C. Lawyers Show Images of Padilla in Chains // *The Associated Press*. 2006. December 4; Grant J. Why Did They Torture Jose Padilla // *Philadelphia Daily News*. 2006. December 12.

Тем не менее судья, назначенный Бушем, настаивал на том, что Падилья способен участвовать в стандартном судебном процессе. Тот факт, что в этом случае состоялся открытый суд, делает историю Падильи уникальной. Тысячи других узников тюрем, которыми управляют США — и которые в отличие от Падильи не являются американскими гражданами, — прошли через подобные пытки, но без суда, открытого для публики.

Многие узники томятся в Гуантанамо. Мамдух Хабиб, австралийский гражданин, оказавшийся в этих застенках, сказал: «Гуантанамо — это эксперимент... И то, что они там исследуют, — “промывание мозгов”»⁷³. И действительно, поступающие оттуда свидетельства очевидцев, отчеты и фотографии показывают, что это похоже на Институт имени Аллана 1950-х, перенесенный на Кубу. С момента ареста узники подвергаются интенсивному курсу сенсорной депривации, включая капюшоны, повязки для глаз и тяжелые наушники, блокирующие все звуки. Они проводят в изолированных камерах месяцы, а выводят их оттуда лишь для того, чтобы подавлять их сознание при помощи лая собак, яркого света и бесконечных звукозаписей с плачем детей, оглушительной музыкой или кошачьим мяуканьем.

Воздействие этих факторов у многих узников приводит к тому же результату, что и эксперименты Кэмерона в 1950-х, — к полной регрессии. Один из узников, вышедший на свободу, британский подданный, рассказал своему адвокату, что в одном из крупных отделений тюрьмы под названием «блок Дельта» содержится «по меньшей мере пятьдесят» узников, постоянно пребывающих в состоянии бреда⁷⁴. Рассекреченное письмо ФБР в Пентагон описывает одного особо важного заключенного, который «подвергался интенсивной изоляции продолжительностью свыше трех месяцев», в результате чего «его поведение соответствовало крайне тяжелой психологической травме (он разговаривал с несуществующими людьми, неоднократно сообщал, что слышит чьи-то голоса, часами сидел в камере скрючившись и накрывшись простыней)»⁷⁵. По описанию Джеймса Йи, бывшего мусульманского священника армии США, который служил в Гуантанамо, узники «блока Дельта» демонстрируют классические симптомы сильнейшей регрессии. «Я прекращаю разговор, а они продолжают обращаться ко мне детским голосом

⁷³ US Handling of Hicks Poor: PM // *Sydney Morning Herald*. 2007. February 6.

⁷⁴ Rasul Sh., Iqbal A., Ahmed R. Composite Statement: Detention in Afghanistan and Guantánamo Bay // Center for Constitutional Rights. New York 2004. July 26. P. 95, www.ccr-ny.org.

⁷⁵ Zagorin A., Duffy M. Inside the Interrogation of Detainee 063 // *Time*. 2005. June 20.

и говорят полную чепуху. Многие из них громко распевают детские песенки, повторяя их снова и снова. Некоторые стоят на стальных рамах кровати и ведут себя как дети — это напоминает мне игру в царя горы, в которую я играл с братьями, когда был маленьким». Ситуация заметно ухудшилась в январе 2007 года, когда 165 узников были переведены в новое крыло тюрьмы под названием «Лагерь Шесть», где стальные изолированные камеры препятствуют любому человеческому контакту. Сэбин Уиллетт, юрист, представлявший интересы нескольких узников Гуантанамо, предупреждал, что если продолжать в том же духе, то «у вас получится приют для душевнобольных»⁷⁶.

Правозащитники указывают, что Гуантанамо при всех ужасах этой тюрьмы на самом деле является наилучшей из всех составляющих «офшорную зону» пыточного насилия, применяемого США на территории других стран, с тех пор как она частично открыта для наблюдения Красного Креста и юристов. Неизвестно число заключенных, исчезнувших в так называемых «темных местах» по всему миру или которые были переправлены агентами США в тюрьмы других стран в порядке «чрезвычайной выдачи». Узники, которые вышли из этого кошмарного мира, рассказывают, что столкнулись там со всем набором шоковых методик Кэмерона.

Религиозный деятель Хассан Мустафа Осама Наср, живущий в Италии, был схвачен в Милане на улице группой агентов ЦРУ и итальянской тайной полиции. «Я не понимал, что происходит, — писал он позднее. — Меня начали бить кулаками в живот и по всему телу. Они заклеили всю мою голову и лицо липкой лентой, прорезав дырочки около носа и рта, чтобы я мог дышать». Его переправили в Египет и бросили в камеру без света, где «тараканы и крысы ползали по [его] телу» в течение 14 месяцев. Наср оставался в египетской тюрьме до февраля 2007 года, но ему удалось тайком переправить на волю 11-страничную рукопись с описанием пыток⁷⁷.

Он писал, что регулярно подвергался действию электрошока. По словам газеты *Washington Post*, его «привязывали к железной стойке, которую называли “невестой”, и стреляли из электрошокового пистолета», когда он был «привязан к мокрому матрасу на полу. Один

⁷⁶ Yee J., Molloy A. For God and Country: Faith and Patriotism under Fire. New York: Public Affairs, 2005. Pp. 101—102; Golden T., Williams M. Hunger Strike Breaks Out at Guantánamo // *New York Times*. 2007. April 8.

⁷⁷ Whitlock C. In Letter, Radical Cleric Details CIA Abduction, Egyptian Torture // *Washington Post*. 2006. November 10.

допрашивающий садился на деревянный стул, ножки которого при- давливали плечи узника, а второй в это время подавал разряды тока на стальные пружины матраца»⁷⁸. Кроме того, по данным Amnesty International («Международной амнистии»), ударам тока подвергали яички узника⁷⁹.

Участники всех дискуссий о том, действительно ли США применяют пытки или же это не более чем «креативный допрос», убеждены, что пытки при помощи электричества применяются к узникам, захвачен- ным США, не только в отдельных случаях. Джума аль-Доссари, узник Гуантанамо, который более десятка раз пытался покончить жизнь са- моубийством, дал письменные показания своему адвокату: когда он был в заточении у американцев в Кандагаре, «допрашивающий имел в руках небольшое устройство, похожее на мобильный телефон, но это было электрошоковое устройство. Он начал бить меня электрически- ми разрядами в лицо, спину, руки, ноги и половые органы»⁸⁰.

Мурат Курназ, уроженец Германии, столкнулся с подобным обра- щением в американской тюрьме в Кандагаре: «Это было только на- чало, поэтому там не было абсолютно никаких правил. Они могли делать все что угодно. Они избивали нас все время. Они применяли электрошок. Они погружали мою голову в воду»⁸¹.

Реконструкция не удалась

К концу нашей первой встречи я попросила Гейл Кестнер рассказать подробнее о ее «электрических сновидениях». Она сообщила, что ча- сто видит во сне ряды пациентов, спящих под воздействием лекарств. «Я слышу вскрики, стоны, голоса, говорящие: “Нет, нет, нет”. Я помню, что это такое — проснуться в этой комнате: я была вся потная, чувство- вала тошноту, меня рвало — а в голове было очень странное ощущение. Как будто бы у меня там какой-то шарик, а не голова». Рассказывая об этом, Гейл, казалось, внезапно куда-то унеслась: она откинулась в своем голубом кресле, а ее дыхание стало тяжелым. Она опустила веки, и я могла заметить, как под ними быстро вращаются глазные яблоки. Затем

⁷⁸ Zagorin A., Duffy M. Inside the Interrogation of Detainee 063 // *Time*. 2005. June 20.

⁷⁹ Italy, Abu Omar: Italian Authorities Must Cooperate Fully with All Investigations // Amnesty International. Public Statement, 2006. November 16, www.amnesty.org.

⁸⁰ Dossari J. al-. Days of Adverse Hardship in U.S. Detention Camps — Testimony of Guantánamo Detainee Jumah al-Dossari // Amnesty International. 2005. December 16.

⁸¹ Landler M., Mekhennet S. Freed German Detainee Questions His Country's Role // *New York Times*. 2006. November 4.

она приложила ладонь к правому виску и произнесла низким и насыщенным голосом: «У меня приступ воспоминаний. Надо, чтобы вы меня отвлекли. Расскажите мне об Ираке — о том, как там все было плохо».

Я напрягала ум, чтобы в этих странных обстоятельствах рассказать подходящую историю о войне, и мне пришли в голову относительно благополучные воспоминания о жизни в «зеленой зоне». Постепенно черты лица Гейл смягчились и дыхание стало глубже. Она снова посмотрела на меня своими голубыми глазами:

— Спасибо. У меня был приступ воспоминаний.

— Я знаю.

— Но как вы догадались?

— Вы же мне сами сказали.

Она наклонилась и написала что-то на клочке бумаги.

В тот вечер, простившись с Гейл, я продолжала думать о том, о чем не хотела говорить в ответ на просьбу рассказать об Ираке. Я не могла ей сказать, что она сама напомнила мне Ирак; я не могла избавиться от ощущения, что ее история — история человека, подвергнутого шоку, и история подвергнутой шоку страны каким-то образом связаны как различные проявления одной и той же ужасающей логики.

Теории Кэмерона основывались на том, что пациент после применения шока впадает в регрессивное состояние и это создает условия для «возрождения» нового, здорового человека. Хотя эта мысль вряд ли принесет облегчение Гейл с ее переломанными позвонками и разрушенной памятью, но Кэмерон в своих работах описывал это разрушительное воздействие как созидание, подарок его счастливым пациентам, которые в результате применения суровой шоковой терапии смогут родиться заново.

С этой точки зрения вся деятельность Кэмерона представляется полным провалом. Сколь бы ни была глубока регрессия, которую он вызывал у пациентов, они никогда не вбирали в себя и не усваивали бесконечно повторяющиеся внушения, записанные на пленку. Хотя доктор был гением разрушения, он так и не смог переделать человека заново. Согласно исследованию, проведенному после ухода Кэмерона из Института Аллана, 75 процентов его бывших пациентов чувствовали себя после терапии хуже, чем до ее начала. Из пациентов, которые до госпитализации имели работу с полной занятостью, более половины оказались не в состоянии ее продолжать, а многие из них, подобно Гейл, страдали от множества новых физических и психологических нарушений. «Управление психикой» абсо-

лютно не действовало, и Институт Аллана в итоге запретил эту терапию⁸².

Нетрудно понять, что проблема заключалась в предпосылке, на которой строилась вся теория: в идее, что прежде исцеления надо стереть все, что было раньше. Кэмерон был уверен, что, стоит отбросить все привычки, стереотипы поведения и реакций, воспоминания, пациент придет к девственному состоянию «чистого листа». Но сколько бы он ни применял электрошок, ни накачивал пациентов лекарствами и ни лишал их ориентации, это состояние оставалось недостижимым. Получался только обратный результат: чем яростнее было воздействие, тем сильнее расшатывалось здоровье пациента. Его психика не становилась «чистой», память разрушалась, уверенность изменяла.

Капитализму катастроф присуща та же самая неспособность отделить разрушение от созидания, мучение от исцеления. Я это постоянно ощущала в Ираке, нервно оглядываясь по сторонам в ожидании очередного взрыва. Ревностные энтузиасты, которые верят в благую силу шока, архитекторы американо-британского вторжения в Ирак, воображали, будто их силовое воздействие окажется столь ошеломляющим, столь мощным, что иракцы войдут в состояние, похожее на замедленную анимацию вроде той, что описана в руководстве Kubark. И это приоткроет дверь для новых возможностей: тогда завоеватели применят шоковое воздействие иного рода — экономическое, — и в результате на чистом листе послевоенного Ирака возникнет образцовая демократия со свободным рынком.

Но никакого чистого листа не появилось — только разбросанные булыжники и истерзанные озлобленные люди; как только эти люди начинали сопротивляться, на них воздействовали новыми шоковыми ударами, многие из которых основаны на опытах, применявшихся к Гейл Кестнер много лет назад. «Мы прекрасно умеем сражаться и все разрушать. Но день, когда я потрачу больше времени на восстановление, чем на битвы, будет прекрасным днем», — сказал генерал Питер Чиарелли, командир Первой бронекавалерийской дивизии армии США через полтора года после официального окончания войны⁸³. Этот день так и не наступил. Подобно Кэмерону, доктора шока в Ираке могут разрушать, но абсолютно неспособны что-то отстроить вновь.

⁸² Schwartzman A.E., Termansen P.E. Intensive Electroconvulsive Therapy: A Follow-Up Study // *Canadian Psychiatric Association Journal* 12. 1967. № 2. P. 217.

⁸³ Eckholm E. Winning Hearts of Iraqis with a Sewage Pipeline // *New York Times*. 2004. September 5.

ЕЩЕ ОДИН ДОКТОР-ШОК:

МИЛТОН ФРИДМАН И ПОИСКИ ЛАБОРАТОРИИ «РАДИКАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ»

Экономические технократы способны тут провести налоговую реформу, создать новый закон о социальном обеспечении или изменить режим обмена валюты там, но им никогда не доводилось действовать в роскошных условиях чистого состояния, где можно беспрепятственно выстроить оптимальную структуру экономической политики.

Арнольд Харбергер, профессор экономики Чикагского университета, 1988 г.¹

Немногие академические заведения были столь плотно окутаны легендами, как экономическое отделение Чикагского университета в 1950-е годы. Его представители осознавали, что это не просто учебное заведение, но школа мысли. Там занимались не обучением студентов, но созданием и укреплением чикагской школы экономики, рожденной в узком кругу консервативных ученых, идеи которых представляли собой революционный бастион сопротивления «статистическому» мышлению, господствовавшему в то время. Войдя в дверь корпуса социальных наук, над которой красовалась надпись «Наука — это измерение», человек попадал в знаменитый буфет, где студенты, испытывая интеллектуальные силы, дерзали оспаривать мнения своих великих профессоров; вошедший сюда понимал, что оказался тут не ради прозаического получения диплома. Он вступал в ряды бойцов. Как об этом говорил Гэри Бекер, экономист консервативного направления и нобелевский лауреат, «мы были

¹ Harberger A.C. Letter to a Younger Generation // *Journal of Applied Economics* 1. 1998. № 1. P. 2.

воинами в сражении почти со всеми остальными людьми нашей профессии»².

Подобно отделению психиатрии в Университете Макгилла в те же годы, отделение экономики Чикагского университета находилось под властью амбициозного и харизматичного человека, который сознавал свою миссию — он намеревался совершить полный переворот в сфере науки. Этого человека звали Милтон Фридман. Хотя многие его наставники и коллеги столь же неистово, как он, верили в *laissez-faire* — радикальную свободу рынка от вмешательства государства, — именно энергия Фридмана наполняла его школу революционным горением. «Меня постоянно спрашивали: “Почему ты так взволнован? Идешь на свидание с красивой женщиной?” — вспоминает Бекер. Я отвечал: “Нет, иду на занятие по экономике!” В самом деле, учиться у Фридмана — в этом было какое-то волшебство»³.

Миссия Фридмана, как и Кэмерона, основывалась на мечте о возвращении к состоянию «естественного» здоровья, когда все уравновешено до того, как действия людей создадут определенные стандарты мышления и поведения. Кэмерон мечтал вернуть к такому первоначальному состоянию психику, а Фридман мечтал избавить от старых паттернов общество, чтобы оно могло вернуться к состоянию чистого капитализма, очищенного от любых помех: регулирования со стороны правительства, препятствий для торговли и укоренившихся привычек людей. Кроме того, Фридман, подобно Кэмерону, считал, что, когда экономические отношения крайне искажены, есть только один путь достижения состояния до «грехопадения» — сознательно вызвать мучительный шок: только «горькие лекарства» помогут очиститься от этих нарушений и порочных паттернов. Кэмерон вызывал шок при помощи электричества; основным средством Фридмана была политика — шоковое лечение, к которому он призывал уверенных в своих силах политиков тех стран, где царил беспорядок. Однако в отличие от Кэмерона, который всегда мог применять свои любимые теории на практике, используя ничего не подозревавших пациентов, Фридману понадобилось два десятилетия исторических переворотов, пока ему не представился шанс осуществить свои заветные мечты о радикальном опустошении и воссоздании на практике.

² Anderson K., Skinner T. The Power of Choice: The Life and Times of Milton Friedman // Aired on PBS. 2007. January 29.

³ Peterson J. Milton Friedman, 1912—2006 // Los Angeles Times. 2006. November 17.

Фрэнк Найт, один из основоположников чикагской экономической школы, считал, что мыслящие профессора должны «внедрять» в своих студентов мысль о том, что любая экономическая теория есть «священная характеристика системы», а не гипотеза для дискуссий⁴. Стержнем такой священной чикагской доктрины было положение о том, что экономические силы спроса и предложения, инфляции или безработицы подобны природным стихийным силам, постоянным и неизменным. В условиях подлинно свободного рынка, о котором мечтали в чикагских аудиториях и писали статьи, эти силы находятся в совершенном равновесии: предложение соответствует спросу, подобно тому как положение Луны порождает приливы и отливы. Если экономика страдает от высокого уровня инфляции, это неизбежно означает — по жесткой фридмановской теории монетаризма, — что слепые политики запустили слишком много денег в систему, вместо того чтобы позволить рынку найти свое собственное равновесие. Подобно саморегулирующейся экологической системе, которая сама поддерживает свое равновесие, рынок, предоставленный самому себе, будет производить необходимое количество продукции по совершенно адекватным ценам, а производящие ее работники будут получать совершенно адекватные зарплаты, чтобы покупать эту продукцию, — и наступит рай всеобщей занятости и неограниченного созидания при нулевом уровне инфляции.

По мнению гарвардского социолога Дэниела Белла, эта любовь к идеализированной системе является самой характерной чертой радикальной экономики свободного рынка. Это капитализм, подобный «до совершенства отшлифованным движениям» или «божественному часовому механизму... производству искусства настолько совершенному, что на ум приходит история про Апеллеса, который нарисовал виноградную гроздь так реалистично, что к ней слетались птицы, пытаясь склевать ягоды»⁵.

Перед Фридманом и его коллегами стояла сложнейшая задача: продемонстрировать, что рынок, соответствующий их смелым идеям, может существовать в реальном мире. Фридман всегда гордился тем, что относится к экономике как к науке столь же строгой и точной, как физика или химия. Но в сфере точных наук ученый мог сослаться на поведение

⁴ Knight F.H. The Newer Economics and the Control of Economic Activity // *Journal of Political Economy* 40. 1932. № 4. P. 455.

⁵ Bell D. Models and Reality in Economic Discourse // *The Crisis in Economic Theory* / Ed. D. Bell, I. Kristol. New York: Basic Books, 1981. Pp. 57—58.

частиц, которое доказывает правоту его теорий. Фридман же не мог сослаться на какую-либо экономику из существующих для доказательства того, что, если устранить все «помехи», останется общество полного здоровья и изобилия, поскольку ни одна страна в мире не соответствовала его критериям полного невмешательства. Не имея возможности испытывать свои теории на центральных банках и министерствах торговли, Фридман и его коллеги занялись созданием совершенных и оригинальных математических уравнений и компьютерных моделей на семинарах, проводимых в подвале корпуса общественных наук.

Именно любовь к цифрам и системам привела Фридмана в экономическую науку. В автобиографии он вспоминает важнейший момент своего прозрения, когда учитель геометрии начертал на доске теорему Пифагора, а затем, восхищаясь ее изяществом, процитировал «Оду греческой вазе» Джона Китса: «Краса — где правда, правда — где краса! / Вот знание все и все, что надо знать»⁶. Фридман передал эту экстатическую любовь к прекрасной всеобъемлющей системе другим поколениям ученых-экономистов — наряду со стремлением к простоте, изяществу и точности.

Подобно любой фундаменталистской вере, экономическая наука чикагской школа была для истинных верующих замкнутым кругом. Ее начальное положение гласит: свободный рынок — это совершенная с научной точки зрения система, внутри которой индивидуумы, действуя из корыстных интересов, создают максимально благоприятные условия для всех. Отсюда неизбежно вытекает еще одно положение: если с экономикой свободного рынка что-то не в порядке, например царит высокий уровень инфляции или быстро растет безработица, это объясняется тем, что рынок по-настоящему несвободен. Что-то вмешивается в его работу, что-то вносит помехи в систему. И чикагская школа всегда предлагает одно и то же решение — еще более жесткое и всестороннее применение на практике фундаментальных положений ее теории.

Когда в 2006 году Фридман умер, авторы некрологов из всех сил старались показать масштаб его наследия. Один из них выразил это такими словами: «Мантра Милтона: свободный рынок, свободные цены, выбор потребителя и экономическая свобода — стала причи-

⁶ *Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People*, p. 24. Стихотворение Дж. Китса; цит. по: Английская поэзия в русских переводах XIV—XIX вв. / Пер. А.И. Лихачева. М.: Прогресс, 1981.

ной того глобального благоденствия, в котором мы сегодня живем»⁷. Тут есть доля правды. Природа этого глобального благоденствия — кто им пользуется, а кто нет, и откуда оно исходит — это вещь, разумеется, крайне спорная. Невозможно отрицать тот факт, что правила Фрийдмана относительно свободного рынка и хитроумные тактики их внедрения принесли некоторым людям величайшее благоденствие и почти абсолютную свободу — свободу игнорировать границы между странами, свободу от постороннего контроля и налогов, свободу накапливать все новые богатства.

Умение порождать идеи, приносящие большой доход, по-видимому, восходит к детству Фрийдмана, когда его родители, покинувшие Венгрию, приобрели фабрику по производству одежды в Раувей (штат Нью-Джерси). Квартира, где жила семья, помещалась в одном здании с лавкой, которую, писал Фрийдман, «сегодня бы назвали кондитерской»⁸. Это был интересный период для владельцев кондитерской: марксисты и анархисты помогали рабочим-иммигрантам создавать профсоюзы, которые боролись за соблюдение техники безопасности и за выходные дни, — и после смены обсуждали теорию права собственности рабочих. Сын босса Фрийдман, несомненно, мог смотреть на эти дебаты с самых разных точек зрения. В итоге фабрика его отца разорилась, но в своих лекциях и телевизионных выступлениях Фрийдман часто о ней вспоминал, используя ее как пример, показывающий преимущества капитализма, не стесненного законодательными ограничениями, как доказательство того, что даже самые низшие свободные от регулирования работы могут стать первой ступенькой лестницы свободы и процветания.

Во многом притягательность чикагской школы экономики объяснялась тем, что в ту эпоху, когда мир завоевывали радикальные левые идеи о власти рабочих, эта школа учила отстаивать права собственников, причем с не меньшим радикализмом и не без примеси своего идеализма. По словам самого Фрийдмана, его идеи касались отнюдь не права собственника фабрики снижать зарплату, но были направлены на поиск самой чистой формы «демократии участия», поскольку в условиях свободного рынка «каждый человек всегда может проголосовать за цвет галстука, который он хочет носить»⁹.

⁷ *Kudlow L.* The Hand of Friedman // The Corner web log on the National Review Online. 2006. November 16, www.nationalreview.com.

⁸ *Friedman M., Friedman R.* Two Lucky People, p. 21.

⁹ *Friedman M.* Capitalism and Freedom, p. 15.

Левые обещали рабочим свободу от начальников, гражданам — от диктаторов, странам — от колониализма; Фридман обещал людям «индивидуальную свободу», которая возвышает любого отдельного гражданина над любым коллективным делом и позволяет ему выражать свою совершенно свободную волю через потребительский выбор. «Особенно поразительными тут были те же самые качества, которые делали марксизм столь притягательным для многих молодых людей, — вспоминал экономист Дон Пэтинкин, учившийся в Чикаго в 40-х годах, — это простота в сочетании с очевидным логическим совершенством; идеализм, соединенный с радикализмом»¹⁰. Марксисты предлагали утопию рабочим, а теоретики из Чикаго предлагали утопию предпринимателям, и оба направления утверждали, что, если эти идеи реализовать, общество достигнет совершенства и равновесия.

Оставался еще один вопрос: как прийти к этому чудесному состоянию из нашей ситуации? Ответ марксизма был прост — революция: следует избавиться от нынешней системы и заменить ее социализмом. Для чикагских мыслителей ответ не был столь очевиден. Соединенные Штаты уже были капиталистической страной, но, с точки зрения Фридмана, пока недостаточно. В экономике США и других стран чикагская школа видела повсеместные препятствия. Чтобы сделать продукцию доступнее, политики устанавливали фиксированные цены; чтобы защитить рабочих от эксплуатации, они устанавливали минимальные зарплаты; чтобы дать каждому возможность получить образование, они передали эту сферу государству. Казалось, что эти меры помогают людям, но Фридман со своими коллегами был убежден, что на самом деле государственные меры причиняют вред, нарушая равновесие рынка. Поэтому чикагская школа видела свою миссию в очищении: необходимо очистить рынок от всех этих помех, чтобы восторжествовал свободный рынок.

По этой причине чикагские экономисты не считали марксизм своим настоящим врагом. Реальным источником проблем для них были сторонники Кейнса в Соединенных Штатах, социал-демократы Европы и так называемый девелопментализм¹¹ в странах третьего мира. Эти люди верили не в утопию, но в смешанную экономику, которая казалась чикагским теоретикам уродливой смесью из капитализма

¹⁰ *Patinkin D. Essays on and in the Chicago Tradition. Durham, NC: Duke University Press, 1981. P. 4.*

¹¹ Девелопментализм — направление политической и экономической мысли в странах Южной Америки, Азии и Африки, ставившее целью достижение политической независимости, экономическое и социальное развитие. — *Примеч. ред.*

в сфере производства и распределения продуктов потребления, социализма в сфере образования, государственной собственности на предметы первой необходимости, например в области водоснабжения, и всевозможных законов по ограничению крайностей капитализма. Подобно религиозным фундаменталистам, которые с натянутым уважением относятся к фундаменталистам других вер и открытым атеистам, но презируют поверхностного верующего, чикагские теоретики объявили войну всем сторонникам смешанной экономики. Если быть точным, они стремились не к революции, а к капиталистической Реформации — желали вернуться к незапятнанному капитализму.

Во многом такой пуризм восходит к Фридриху Хайеку, наставнику Фридмана, который также преподавал в Чикагском университете в 1950-х. Этот ученый, уроженец юга Австрии, предупреждал: любое вмешательство государства в экономику отбрасывает общество назад, «к крепостному праву», и от этого следует отказаться¹². По словам Арнольда Харбергера, который длительное время был профессором в Чикагском университете, «австрийцы», как прозвали эту группировку, были настолько ревностны, что воспринимали любое вмешательство государства не как ошибку, но как «зло... Понимаете ли, они верили в существование прекрасной, хотя и крайне сложной картины, обладавшей полной внутренней гармонией, и любое пятнышко на этой картине казалось им просто кошмарным пороком... тем, что портит всю красоту»¹³.

В 1947 году, когда Фридман с Хайеком создали Общество Мон-Пелерин (название связано с местом в Швейцарии, где оно базировалось), клуб экономистов — сторонников свободного рынка, мысль о том, что бизнес надо оставить в покое, дабы он правил миром как желает, не была слишком популярна среди респектабельных людей. Воспоминания о крахе рынка в 1929 году и последовавшей Великой депрессии все еще оставались свежими: накопления всей жизни, внезапно превратившиеся в прах, самоубийства, раздача бесплатных обедов, беженцы. Масштабы бедствия, связанного с рынком, заставили людей просить правительство срочно заняться этой ситуацией.

¹² Hayek F.A. The Road to Serfdom. Chicago: University of Chicago Press, 1944.

¹³ Интервью с Арнольдом Харбергером 3 октября 2000 года // Commanding Heights: The Battle for the World Economy. Boston: Heights Productions, 2002. Серии телепередач PBS (исполнительные продюсеры Даниэль Ергин и Сью Лена Томпсон, серийный продюсер Вильям Кран). Полная расшифровка интервью доступна на сайте www.pbs.org.

Депрессия не была знаком конца капитализма, но, по предсказаниям Джона Мейнарда Кейнса, сделанным за несколько лет до этой катастрофы, она предвещала «конец эпохи *laissez-faire*» — рынок утратил право регулировать себя самостоятельно¹⁴. Так что период с 1930-х по начало 1950-х годов был периодом уверенного «вмешательства»: благодаря энергичному воздействию «Нового курса» были предприняты героические усилия, чтобы запустить программы общественных работ, создающих столь нужные рабочие места, а также новые социальные программы, которые должны были остановить рост левых настроений среди множества людей. В ту эпоху никто не стыдился говорить о компромиссе между левыми и правыми, скорее это должно было предупредить наступление мира, в котором — как писал Кейнс президенту Франклину Рузвельту в 1933 году — «существующие ортодоксия и революция пойдут в своей борьбе до конца»¹⁵. Джон Кеннет Гэлбрейт, духовный наследник Кейнса в США, говорил, что важнейшей миссией как политики, так и экономики является «предотвращение спадов и безработицы»¹⁶.

Вторая мировая война обострила задачу борьбы с нищетой. Нацизм пустил корни в Германии в тот период, когда страна переживала опустошительную депрессию, вызванную выплатой мучительных репараций после Первой мировой войны, усугубленную экономическим крахом 1929 года. Кейнс заранее предупреждал, что, если мир будет следовать тактике невмешательства относительно нищеты в Германии, это породит нечто ужасное: «осмелюсь предположить, за этим последует месть»¹⁷. Тогда на эти слова никто не обратил внимания, но при восстановлении Европы после Второй мировой войны западные правители охотнее приняли на вооружение утверждение, что рыночная экономика должна в целом поддерживать достоинство человека, иначе разочарованные граждане снова обратятся к более привлекательным идеологиям, будь то фашизм или коммунизм. Этот прагматический императив лег в основу почти всего, что сегодня в нашем сознании связано с минувшей эпохой «капитализма с человеческим лицом»: социальной защитой в США, государственным

¹⁴ Keynes J.M. *The End of Laissez-Faire*. London: L & Virginia Woolf, 1926.

¹⁵ Keynes J.M. *From Keynes to Roosevelt: Our Recovery Plan Assayed* // *New York Times*. 1933. December 31.

¹⁶ Galbraith J.K. *The Great Crash of 1929*. 1954, repr. New York: Avon, 1979. P. 168.

¹⁷ Keynes J.K. *The Economic Consequences of the Peace*. 1919, repr. Westminster, UK: Labour Research Department, 1920. P. 251.

здравоохранением Канады, системой социальных пособий в Великобритании, защитой прав рабочих во Франции и Германии.

Подобное и еще более радикальное настроение поднималось в развивающихся странах. Оно обычно называлось девелопментализмом или национализмом стран третьего мира. Сторонники этого направления утверждали, что их страны окончательно освободятся от порочного круга нищеты лишь в том случае, если будут стремиться к созданию промышленности, ориентированной на внутренний рынок вместо экспорта в страны Европы и Северной Америки природных ресурсов, цены на которые падают. Они защищали регулирование нефтедобывающей, горнодобывающей и других важнейших отраслей промышленности как необходимую основу государственно-управляемых процессов развития.

К 1950-м годам девелопменталисты, как и кейнсианцы или социал-демократы в богатых странах, уже могли с гордостью продемонстрировать некоторые яркие плоды своего подхода. Ведущей лабораторией девелопментализма были страны южной части Латинской Америки, которые называли странами южного конуса: Чили, Аргентина, Уругвай и некоторые области Бразилии. Центром реформ была Экономическая комиссия ООН по Латинской Америке, находившаяся в городе Сантьяго в Чили, которую с 1950 по 1963 год возглавлял экономист Рауль Пребиш. Пребиш подготовил не одну команду экономистов, вооруженных теорией девелопментализма, которые служили экономическими советниками правительств по всему континенту. Политики этого направления, такие как Хуан Перон в Аргентине, с энтузиазмом реализовывали девелопментализм на практике: они вкладывали общественные деньги в создание инфраструктуры, например в строительство шоссе или металлургических заводов, щедро субсидировали местный бизнес для создания новых фабрик и поточного производства автомобилей и стиральных машин, обложив иностранный импорт чрезвычайно высокими пошлинами.

В этот головокружительный период развития страны южного конуса стали больше походить на государства Европы и Северной Америки, чем на других представителей Латинской Америки или третьего мира. Работники новых заводов объединились в мощные профсоюзы, боровшиеся за соответствие уровня их зарплат уровню доходов среднего класса, а своих детей они посылали учиться в новые госуниверситеты. Ужасающий разрыв между местной элитой — членами дорогих клубов и крестьянской массой начал сглаживаться.

К 1950-м годам Аргентина имела самую мощную прослойку среднего класса, больше чем в любой другой стране континента, а в Уругвае уровень грамотности достигал 95 процентов, и все граждане получали бесплатную медицинскую помощь. Успехи девелопментализма были столь поразительны, что страны южного конуса в Латинской Америке стали мощным символом для бедных стран всего мира: они доказывали, что при настойчивом применении разумной политики различия между первым и третьим миром можно в итоге устранить.

Подобные успехи управляемой экономики — на кейнсианском севере или девелопменталистском юге — омрачали жизнь экономического отделения Чикагского университета. Соперники чикагской школы, выпускники Гарварда, Йеля и Оксфорда, получали приглашения от президентов и премьер-министров, чтобы помочь им укротить дикого зверя рынка, и почти никого не интересовали смелые мысли Фридмана, согласно которым надо оставить рынок в покое, чтобы он вел себя еще более дико, чем раньше. Тем не менее были люди, которых кровно интересовали идеи чикагской школы, и это меньшинство обладало властью.

Для руководителей международных корпораций в США, столкнувшихся с менее благоприятными условиями в развивающемся мире и с более сильными и требовательными профсоюзами у себя дома, годы послевоенного бума были неприятными временами. Экономика бурно развивалась, порождая необъятное богатство, однако собственники и акционеры вынуждены были перераспределять значительную долю этого богатства в виде налогов, которыми облагались корпорации, и зарплат рабочим. Все процветали, но если можно было бы вернуться к эпохе до «Нового курса», дела небольшой кучки людей пошли бы куда замечательнее.

Кейнсианская революция против политики невмешательства дорого обошлась корпоративному сектору. И чтобы вернуть утраченные позиции, нужна была контрреволюция против кейнсианства и возвращение к капитализму, который регулируется еще меньше, чем в годы до Великой депрессии. Но Уолл-стрит не могла возглавить этот поход в условиях атмосферы тех лет. Если бы, скажем, близкий друг Фридмана Уолтер Ристон, глава Citibank, выступил за отмену минимальной заработной платы и налогов для корпораций, его бы немедленно обозвали «бароном-разбойником». Именно поэтому так важна была чикагская школа. Вскоре стало ясно, что если Фридман — талантливый математик и опытный спорщик — выдвинет те же предложения, они прозвучат совершенно

иначе. Их можно отбросить как ошибку, но от них исходила аура научной беспристрастности. Таким образом, корпоративные мысли, представленные в виде научных (или как бы научных) идей, имели огромное преимущество, именно поэтому чикагская школа получила огромную финансовую поддержку, более того, была создана глобальная сеть интеллектуальных центров и институтов правого крыла, поддерживавших и подкармливавших рядовых бойцов контрреволюции по всему миру.

Это восходит к простой идее Фридмана: все пошло не так с началом «Нового курса». Из-за этого так много стран, «включая мою собственную, пошли не тем путем»¹⁸. Чтобы вернуть правительства на верную дорогу, Фридман в своей первой книге для широкой публики под названием «Капитализм и свобода» показал всем, что должно стать учебником глобального свободного рынка и основой экономической программы неоконсервативного движения в США.

Во-первых, правительства должны отменить все правила и законы, которые мешают накапливать прибыль. Во-вторых, они должны распродать государственные активы, которые корпорации могут использовать для получения прибыли. И, в-третьих, они должны резко снизить финансирование социальных программ. Фридман внес массу уточнений в эту тройную формулу: дерегуляция, приватизация и снижение социальных расходов. Налоги должны быть низкими и взиматься по единой ставке. Корпорации должны получить право продавать свою продукцию в любой части мира, а правительства не должны защищать местных производителей или местную собственность. Любую стоимость, включая стоимость труда, должен определять рынок. Следует отказаться от минимальной заработной платы. Приватизации, по мнению Фридмана, подлежат здравоохранение, почтовая служба, образование, пенсии по старости и т.д. Короче говоря, он откровенно призывал к отказу от «Нового курса» — с таким трудом достигнутого перемирия между государством, корпорациями и трудящимися, которое позволило избежать народного возмущения после Великой депрессии. Чего бы в результате ни добились работники, какие бы ни были созданы государственные службы для сглаживания жестких граней рынка, чикагская школа в своем контрреволюционном порыве призывала от всего этого отказаться.

Чикагские теоретики требовали большего — они требовали экспроприации собственности, созданной работниками и правительством

¹⁸ *Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People, p. 594.*

за десятилетия лихорадочных общественных работ. Фридман призывал правительство распродать активы, появившиеся и обретшие свою ценность в результате долгосрочных инвестиций общественных денег и знаний. Согласно принципиальному мнению Фридмана, все это общественное богатство следует передать в частные руки.

Хотя Фридман пользовался математическим и научным языком, его видение точно соответствовало интересам крупных транснациональных корпораций, которые с алчностью взирали на огромные новые рынки, свободные от регуляции. На первой стадии капиталистического накопления такой хищнический рост обеспечивал колониализм — «открывая» новые территории и захватывая земли, за которые не надо было платить, а затем эксплуатируя природные богатства этих территорий, за которые местное население не получало никакой компенсации. Война Фридмана против «государства всеобщего благосостояния» несла в себе возможность нового быстрого обогащения — только на этот раз надо будет покорять не новые земли, а само государство, его общественные функции и имущество, распродаваемые на аукционах по ценам намного меньше их подлинной стоимости.

Война против девелопментализма

В Соединенных Штатах 1950-х доступ к этим богатствам был перекрыт на многие годы вперед. Даже когда в Белом доме сидели такие негибаемые республиканцы, как Дуайт Эйзенхауэр, радикальный поворот вправо, который предлагали чикагские мыслители, был невозможен: общественные службы и защита прав работников были слишком популярны, а Эйзенхауэр готовился к очередным выборам. И хотя Эйзенхауэр не имел особого желания отказываться от кейнсианства у себя на родине, он выразил готовность совершить этот переворот в других странах, чтобы победить девелопментализм. И в этой войне Чикагский университет должен был сыграть важнейшую роль.

Когда в 1953 году Эйзенхауэр занял свой пост, Ираном управлял девелопменталист Махаммад Моссадык, который уже национализировал нефтяную компанию, а Индонезия находилась в руках необычайно амбициозного Ахмеда Сукарно, говорившего об объединении всех сторонников национального освобождения третьего мира, которые станут силой, равноценной Западу или советскому блоку. Государственный департамент США также беспокоил экономический успех националистически ориентированных стран южного конуса Латин-

ской Америки. В эпоху, когда на значительной части земного шара распространялись сталинизм и маоизм, движение девелопменталистов за «замещение импорта» было на самом деле достаточно центристским. Тем не менее мысль о том, что Латинская Америка заслужила право на свой «новый курс», имела многочисленных противников. Местным феодальным землевладельцам больше нравился старый порядок вещей, который давал им возможность получать огромные доходы и давал в их распоряжение целую армию бедных крестьян, работавших на полях или в шахтах. И теперь они злились на то, что прибыль тратится на развитие других секторов экономики, их работники требуют перераспределения земли, а правительство искусственно занижает цены на их продукты, чтобы все могли купить себе еду. Американские и европейские корпорации, занимающиеся бизнесом в Латинской Америке, систематически жаловались своим правительствам: их продукцию останавливают на границах, работники требуют повышения заработной платы, и, что еще тревожнее, ходят слухи о национализации любого иностранного имущества — от шахт до банков — ради финансирования мечты Латинской Америки об экономической независимости.

Под давлением заинтересованных корпораций в американской и британской внешней политике возникли группировки, которые хотели поставить девелопменталистские правительства в ситуацию бинарной логики холодной войны. Эти люди говорили: нас не должна обманывать видимость умеренности и демократии — национальные движения третьего мира есть первый шаг к тоталитарному коммунизму, так что их надо пресечь в корне. К вождям этого направления относились Джон Фостер Даллес, государственный секретарь при Эйзенхауэре, и его брат Аллен Даллес, глава недавно созданного ЦРУ. Прежде чем они заняли свои посты, оба работали в легендарной нью-йоркской юридической фирме Sullivan & Cromwell, где они защищали интересы компаний, которые сильнее всего страдали от девелопментализма, в том числе J.P. Morgan & Company, International Nickel Company, Cuban Sugar Cane Corporation и United Fruit Company¹⁹. Как только братья заняли свои посты, они начали действовать: в 1953 и 1954 годах ЦРУ организовало два первых государственных переворота, хотя в обоих случаях свергнутые правительства

¹⁹ Kinzer S. All the Shah's Men: An American Coup and the Roots of Middle East Terror. Hoboken, NJ: J. Wiley & Sons, 2003. Pp. 153—154; Kinzer S. Overthrow: America's Century of Regime Change from Hawaii to Iraq. New York: Times Books, 2006. P. 4.

стран третьего мира ориентировались куда больше на Кейнса, чем на Сталина.

Первый переворот 1953 года произошел в Иране, где в результате заговора ЦРУ свергло Моссадыка, посадив на его место жестокого шаха. Затем при поддержке ЦРУ произошел переворот в Гватемале — по прямой просьбе United Fruit Company. Эта корпорация, пользуясь расположением братьев Даллесов со времен их работы в Sullivan & Cromwell, возмутилась тем, что президент Хакобо Арбенс Гусман экспроприировал часть неиспользуемых земельных владений компании, превращая Гватемалу, по его словам, «из отсталой страны с преобладанием феодальной экономики в современное капиталистическое государство», чего ему позволить не могли²⁰. Вскоре Гусман был свергнут, а United Fruit оказалась победителем.

Но куда труднее было искоренить девелопментализм в странах южного конуса, где он пустил глубокие корни. Эту проблему на встрече в Сантьяго в 1953 году обсуждали двое американцев: Элбион Пэттерсон, директор Администрации международного сотрудничества США в Чили — позднее его служба превратилась в Агентство международного развития USAID — и Теодор У. Шульц, возглавлявший экономическое отделение Чикагского университета. Пэттерсона беспокоил бешеный рост влияния Рауля Пребиша и других «розовых» экономистов Латинской Америки. Пэттерсон говорил: «Нам необходимо изменить формацию этих людей, избавить их от крайне пагубного влияния полученного образования»²¹. Это замечание отвечало убеждению Шульца, что правительство США ведет недостаточную интеллектуальную войну с марксизмом. «Соединенные Штаты должны пересмотреть свои экономические программы за границей... мы хотим, чтобы они [бедные страны] искали свое экономическое спасение в отношениях с нами, используя для экономического развития наши пути», — сказал он²².

Эти двое начали разрабатывать план, в результате которого Сантьяго, оплот ориентированной на государство экономики, превра-

²⁰ *El Imparcial*. 1951. March 16; цит. по: Schlesinger S.C., Kinzer S., Coatsworth J.H. *Bitter Fruit: The Story of the American Coup in Guatemala*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. P. 52.

²¹ В интервью, данном Хуану Габриэлю Вальдесу, Э. Пэттерсон называл аргентинских и бразильских экономистов «розовыми»; он говорил послу США в Чили Уилларду Бьюлаку о необходимости «изменить подготовку этих людей». Valdés J.G. *Pinochet's Economists: The Chicago School in Chile*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. Pp. 110—113.

²² Там же, p. 89.

тился бы в свою противоположность — лабораторию экспериментов со свободным рынком. Это давало Милтону Фридману долгожданную возможность — страну, на которой можно проверить его излюбленные теории. Первоначальный план был простым: правительство США будет на свои деньги посылать чилийских студентов изучать экономику в то заведение, которое, как все понимали, радикальнее всех в мире противостоит «розовым» теориям, — в Чикагский университет. Кроме того, будут финансироваться поездки Шульца и его университетских коллег в Сантьяго для изучения чилийской экономики и обучения местных студентов и профессоров фундаментализму чикагской школы.

Этот план отличался от других американских учебных программ поддержки латиноамериканских студентов своим откровенно идеологическим характером. Избрав Чикаго для подготовки студентов из Чили — заведение, где профессора призывали к самому полному устранению государства из экономики, — Государственный департамент США сделал первый выстрел в войне с девелопментализмом, ясно дав понять чилийцам, что американское правительство приняло решение о том, какие идеи должны изучать студенты. Это было настолько грубым вмешательством США в дела Латинской Америки, что, когда Элбион Пэттерсон пришел к декану Университета Чили, ведущего университета страны, с грантом на программу обмена, декан отверг его предложение. Он сказал, что согласится лишь в том случае, если его факультет примет участие в решении вопроса, кто в США будет готовить их студентов. Тогда Пэттерсон обратился в не столь известный Чилийский католический университет — более консервативное заведение, где не было экономического отделения. Декан Католического университета подпрыгнул от радости, услышав это предложение: так родился «чилийский проект», как его называли в Вашингтоне и Сантьяго.

«Мы пришли сюда сражаться, а не сотрудничать», — заявил чикагский экономист Шульц, объясняя, почему эта программа останется закрытой для большинства чилийских студентов, за исключением немногих избранных²³. Этот боевой дух был продемонстрирован с самого начала: «чилийский проект» призван был воспитывать идеологических бойцов, которые победят латиноамериканских «розовых» экономистов в битве идей.

²³ Со слов Джозефа Грюнвальда, экономиста Колумбийского университета, работавшего в то время в Чилийском университете. *Valdés J.G. Pinochet's Economists*, p. 135.

Официально проект был начат в 1956 году: в результате его реализации с 1957 по 1970 год около сотни чилийцев получили дипломы Чикагского университета, их обучение и другие расходы оплачивали американские налогоплательщики и фонды. В 1965 году программа была расширена, чтобы включить студентов из других стран Латинской Америки, особое внимание уделялось Аргентине, Бразилии и Мексике. Дополнительные расходы оплачивались грантом фонда Форда. В результате в Чикагском университете появился Центр изучения экономики Латинской Америки. В рамках программы там одновременно изучали экономику 40—50 латиноамериканцев — примерно треть студентов отделения. По аналогичным программам в Гарварде или Массачусетсе обучалось всего четыре-пять студентов из Латинской Америки. Это было выдающимся достижением: всего за одно десятилетие ультраконсервативный Чикагский университет стал основной учебной базой латиноамериканцев, желавших изучать экономику за границей, что предопределило историю региона на несколько последующих десятилетий.

Обучение студентов доктринам чикагской школы стало важнейшей задачей заведения. Арнольд Харбергер, свободно владеющий испанским экономист, который возглавлял эту программу, а также заботился о том, чтобы латиноамериканцы чувствовали хороший прием, был женат на женщине из Чили. Он называл себя «крайне преданным миссионером»²⁴. Когда в Чикаго стали прибывать студенты из Чили, Харбергер организовал специальный «чилийский семинар», где университетские профессора представляли свой крайне идеологизированный диагноз проблем южноамериканских стран и предлагали свои научные рецепты для их разрешения.

«Внезапно Чили и ее экономика стали темами обычных разговоров на экономическом отделении», — вспоминал Андре Гундер Франк, который учился у Фридмана в 1950-х, а затем стал всемирно известным экономистом девелопменталистского направления²⁵. Вся чилийская политика была дотошно проанализирована и признана негодной: ее мощные структуры социальной защиты, забота о национальной промышленности, торговые барьеры, контроль цен. Студентов учили презрительно относиться к этим попыткам устранить бедность, и многие из них в своих диссертациях критиковали неразумие латиноамерикан-

²⁴ Harberger A.C. Letter to a Younger Generation, p. 2.

²⁵ Frank A.G. Economic Genocide in Chile: Monetarist Theory Versus Humanity. Nottingham, UK: Spokesman Books, 1976. Pp. 7—8.

ского девелопментализма²⁶. Как вспоминает Гундер Франк, когда Харбергер возвращался из своих многочисленных путешествий в Сантьяго в 50—60-е годы, он брал чилийскую систему здравоохранения и образования — лучшую на всем континенте, — называя ее «абсурдной попыткой страны жить, не считаясь с ограниченными средствами»²⁷.

В фонде Форда возникали сомнения относительно финансирования столь откровенно идеологизированной программы. Кто-то заметил, что в Чикаго перед студентами в качестве латиноамериканских лекторов выступают исключительно выпускники этой же программы. «Хотя качество и значение этого начинания невозможно отрицать, его идеологическая узость является существенным недостатком, — писал Джеффри Пэриар, специалист фонда по Латинской Америке в одном из внутренних обзоров. — Изучение одной-единственной точки зрения мало соответствует интересам развивающихся стран»²⁸. Но мнение эксперта не повлияло на дальнейшее финансирование программы со стороны фонда.

Первые чилийцы, вернувшиеся на родину из Чикаго, были «большими приверженцами учения Фридмана, чем сам Фридман», как их характеризовал Марио Саньярту, профессор экономики Католического университета Сантьяго²⁹. Многие из них стали профессорами отделения экономики этого университета, быстро ставшего маленькой местной чикагской школой — такие же учебные курсы, те же англоязычные тексты, та же не подлежащая сомнению претензия на «чистое» и «научное» знание. К 1963 году 12 из 13 штатных сотрудников факультета были выпускниками Чикагского университета, а Серхио де Кастро, один из первых выпускников, возглавлял этот факультет³⁰. Теперь не было необходимости отправлять чилийских студентов в США — они могли изучать экономику чикагской школы, не покидая родной страны.

²⁶ Clements K.W. Larry Sjaastad, The Last Chicagoan // *Journal of International Money and Finance* 24. 2005. Pp. 867—869.

²⁷ Frank A.G. Economic Genocide in Chile, p. 8.

²⁸ Memorandum to William Carmichael, via Jeffrey Puryear, from James W. Trowbridge. 1984. October 24. P. 4; цит. по: Valdés J.G. Pinochet's Economists, p. 194.

²⁹ Там же, p. 206. Уолтер Хеллер, знаменитый экономист правительства Кеннеди, насмехаясь над культовым благоговением последователей Фридмана перед своим учителем, выделил среди них следующие категории: «фридманцы, фридманианцы, фридманутые, фридманианкальные и фридманьяки». The Rising Risk of Recession // *Time*. 1969. December 19.

³⁰ В 1963 году Серхио де Кастро покинул Сантьяго, чтобы углубить свои знания в Чикагском университете. Он возглавил факультет в 1965 году. Valdés J.G. Pinochet's Economists, pp. 140, 165.

Студентов, прошедших обучение по программе — в Чикаго или в его дочернем отделении в Сантьяго, — стали называть в Латинской Америке «чикагскими мальчиками». При финансовой поддержке USAID «чикагские мальчики» из Чили стали энергичными проводниками идей, которые латиноамериканцы называли «неолиберализмом», они ездили в Аргентину и Колумбию, чтобы создать там новые филиалы Чикагского университета и «распространить эти знания по Латинской Америке, опровергая идеи, закрепляющие нищету и отсталость», — как о том говорил один чилийский выпускник³¹.

По словам Хуана Габриеля Вальдеса, министра иностранных дел Чили в 1990-е годы, преподавание сотням чилийских экономистов доктрин чикагской школы — это «яркий пример организованной передачи идеологии из Соединенных Штатов в страну, находящуюся под их непосредственным влиянием... обучение этих чилийцев началось с особого проекта, который был разработан в 1950-е годы, чтобы повлиять на развитие экономического мышления в Чили». Вальдес указывает, что «они внесли в чилийское общество совершенно новые идеи, концепции, которые нисколько не были представлены на местном “рынке идей”»³².

Все это было откровенной формой интеллектуального империализма. Но оставалась одна проблема: эти идеи не работали. Согласно отчету Чикагского университета 1957 года перед учредителями из Государственного департамента «основной целью этого проекта» была подготовка поколения студентов, которые «станут интеллектуальными лидерами чилийской экономики»³³. Но «чикагские мальчики» ничем не руководили в своих странах. Фактически на них не обращали внимания.

В начале 60-х годов в странах южного конуса на повестке дня не стоял вопрос о выборе между капитализмом, свободном от вмешательств, и девелопментализмом — там обсуждали вопрос о том, каким образом лучше перейти к следующему этапу девелопментализма. Марксисты призывали к масштабной национализации и радикальным земельным реформам; центристы считали главным усиление

³¹ *Valdés J.G. Pinochet's Economists*, p. 89.

³² *Там же*, pp. 6, 13.

³³ Third report to the Catholic University of Chile and the International Cooperation Administration, August 1957 / Signed by G. Lewis, University of Chicago, p. 3; цит. по: *Valdés J.G., Pinochet's Economists*, p. 132.

экономического сотрудничества стран Латинской Америки, чтобы превратить этот регион в мощный торговый блок, способный соревноваться с Европой и Северной Америкой. Опросы населения и результаты голосований говорили, что страны южного конуса больше поддерживают левых.

В 1962 году Бразилия сознательно двинулась в левом направлении. Тогдашним президентом страны был Жоау Гуларт, сторонник национальной независимости в экономике, стремившийся произвести перераспределение земли, повысить заработную плату и заставить иностранные транснациональные корпорации вкладывать проценты от их доходов в бразильскую экономику, вместо того чтобы вывозить их из страны и распределять между акционерами в Нью-Йорке и Лондоне. Военное правительство Аргентины пыталось предотвратить подобные начинания, запретив партии Хуана Перона участвовать в выборах, но этот шаг только радикализировал новое поколение молодых последователей Перона: многие из них были готовы взяться за оружие, чтобы отвоевать для себя страну.

И в Чили — самом центре чикагского эксперимента — было особенно очевидно поражение в идейной битве. После исторических выборов 1970 года страна так быстро «полевела», что три главные политические партии выступали за национализацию основного источника доходов страны — медных рудников, которые тогда контролировали американские монополии³⁴. Другими словами, «чилийский проект» оказался дорогостоящим провалом. «Чикагские мальчики» — идеологические воины, сражавшиеся на интеллектуальном фронте против противников из левого крыла, — не выполнили своей миссии. Экономические дебаты двигались к левизне, более того, сами «чикагские мальчики» оставались полными маргиналами и даже не были представлены среди партий, участвовавших в выборах.

На этом все могло бы и закончиться, а «чилийский проект» упоминался бы только в небольших исторических подстрочных примечаниях. Но одно обстоятельство спасло «чикагских мальчиков» от полного забвения: президентом США был избран Ричард Никсон. Этот президент, по восторженным словам Фридмана, проводил «творческую и в целом эффективную внешнюю политику»³⁵. И ее творческий характер особенно ярко демонстрирует пример Чили.

³⁴ Интервью с Рикардо Лагосом 19 января 2002 года // *Commanding Heights: The Battle for the World Economy*, www.pbs.org.

³⁵ *Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People*, p. 388.

Именно Никсон дал «чикагским мальчикам» и их профессорам тот шанс, о котором они так долго мечтали, — доказать, что их капиталистическая утопия не просто теория, рожденная на академических семинарах. Им была дана возможность перекроить страну, начав с «чистого листа». Чилийская демократия была неласкова к «чикагским мальчикам», диктатура оказалась куда благосклоннее.

Сальвадор Альенде и правительство народного единства победили на выборах в Чили в 1970 году, в их программу входила передача руки правительства крупных секторов экономики, которыми управляли иностранные и местные корпорации. Альенде относился к новому поколению латиноамериканских революционеров: подобно Че Геваре, он был доктором наук, но в отличие от него больше был похож на скромного ученого, нежели на романтического партизана. Он мог произнести импровизированную речь столь же пламенную, как речи Фиделя Кастро, но при этом был убежденным демократом, который верил, что социалистические преобразования в Чили произойдут с помощью избирательных урн, а не благодаря оружейным стволам. Когда Никсон узнал, что Альенде избран президентом, он отдал знаменитое распоряжение директору ЦРУ Ричарду Хелмсу «заставить их экономику вопить»³⁶. Весть о выборах дошла также и до экономического отделения Чикагского университета. В момент победы Альенде Арнольд Харбергер был в Чили. Он написал письмо коллегам на родину, назвав это событие «трагедией», и сообщил, что «в правых кругах иногда обсуждается мысль о военном перевороте»³⁷.

Хотя Альенде обещал вести переговоры о достойной компенсации для компаний, которые теряли свою собственность и инвестиции, американские транснациональные корпорации боялись, что Альенде — то только начало, которое укажет направление развития событий в Латинской Америке; кроме того, многие из них не желали мириться с потерей быстро растущей прибыли. К 1968 году 20 процентов внешних инвестиций США были связаны с Латинской Америкой, у американских фирм в этом регионе было 5436 филиалов и дочерних предприятий. Эти инвестиции приносили невероятную прибыль. Так, горнодобывающие компании в течение предшествовавших 50 лет вложили один миллиард долларов в добычу чилийской меди —

³⁶ Notes on Meeting with the President on Chile // Central Intelligence Agency. 1970. September 15, declassified, www.gwu.edu/~nsarchiv.

³⁷ The Last Dope from Chile / Mimeo signed «Al H.», dated Santiago, 1970. September 7; цит. по: Valdés J.G. Pinochet's Economists, pp. 242—243.

самую большую промышленность такого рода в мире, но домой они отправили 7,2 миллиарда долларов³⁸.

Как только Альенде выиграл выборы, еще до его инаугурации, корпоративная Америка объявила войну его администрации. Центром этой деятельности стал специальный комитет по Чили в Вашингтоне, куда входили главные американские горнодобывающие компании, владеющие собственностью в Чили, а также фактический лидер комитета — International Telephone and Telegraph Company (ИТТ), которой принадлежало около 70 процентов чилийских телефонных компаний, оказавшихся теперь под угрозой скорой национализации. В деятельности комитета участвовали представители Purina, Bank of America и Pfizer Chemical.

Комитет ставил перед собой единственную задачу — заставить Альенде отказаться от идеи национализации под угрозой «коллапса экономики»³⁹. У них было много идей, как причинить Альенде боль. В рассекреченных протоколах заседаний комитета предлагалось приостановить выдачу американских займов Чили и «тайно вынудить крупные частные банки США поступать так же. Следует провести беседу об этом же и с другими иностранными банками. Приостановить закупки чилийских товаров на ближайшие шесть месяцев. Использовать американские запасы меди вместо покупки ее у Чили. Создать дефицит американских долларов в Чили». И так далее по списку⁴⁰.

Альенде назначил своего близкого друга Орландо Летельера на пост посла Чили в Вашингтоне, последний должен был вести переговоры об условиях экспроприации с теми самыми корпорациями, которые замыслили саботаж против правительства Альенде. Летельер, экстраверт и любитель удовольствий, обладатель прекрасных усов по моде 70-х и неотразимого голоса певца, пользовался большой любовью среди дипломатов. В своих самых теплых воспоминаниях его сын Франсиско рассказывает, как отец играл на гитаре, напевая народные песни, в кругу друзей в их вашингтонском доме⁴¹. Но несмотря на все обаяние и способности Летельера, переговоры были обречены на неудачу.

³⁸ Branford S., Kucinski B. Debt Squads: The U.S., the Banks, and Latin America. London: Zed Books, 1988. Pp. 40, 51—52.

³⁹ The International Telephone and Telegraph Company and Chile, 1970—1971 // Report to the Committee on Foreign Relations United States Senate by the Subcommittee on Multinational Corporations. 1973. June 21. P. 13.

⁴⁰ Там же, p. 15.

⁴¹ Letelier F. Interview *Democracy Now!* 2006. September 21.

В марте 1972 года, когда переговоры между Летельером и ИТТ были в полном разгаре, Джек Эндерсон, обозреватель многочисленных газет, опубликовал ряд сенсационных статей, документально подтвержденных, о том, что телефонная компания вступила в тайный союз с ЦРУ и Государственным департаментом с целью не допустить инаугурации Альенде еще два года назад. В связи с этими разоблачениями, появившимися, когда Альенде еще находился у власти, Сенат США, в котором преобладали демократы, начал расследование и раскрыл заговор, чреватый серьезными последствиями. Оказалось, что ИТТ предложила в виде взяток один миллион долларов чилийской оппозиции и «пыталась вовлечь ЦРУ в тайный план, который позволил бы повлиять на исход выборов президента в Чили»⁴².

Согласно отчету Сената, опубликованному в июне 1973 года, когда заговор не удался и Альенде пришел к власти, ИТТ перешла к другой стратегии, благодаря которой чилийский президент «не должен был продержаться свыше ближайших шести месяцев». Больше всего Сенат был встревожен, узнав о взаимоотношениях между руководством ИТТ и американским правительством. Показания и документы свидетельствовали, что ИТТ непосредственно участвовала в разработке политических планов США относительно Чили на самом высоком уровне. Высокопоставленный руководитель ИТТ писал советнику по национальной безопасности Генри Киссинджеру, что, «не ставя в известность президента Альенде, всем американским фондам, уже работающим с Чили, следует приостановить оказание финансовой помощи этой стране. Компания также осмелилась приготовить стратегический документ в 18 пунктах для администрации Никсона, включавший откровенную мысль о военном перевороте: «Обратитесь к надежным источникам среди чилийских военных... укрепляйте их недовольство Альенде, а затем поставьте перед ними необходимость его устранения»⁴³.

Когда сенатская комиссия задавала ядовитые вопросы относительно столь наглой попытки использовать силы правительства США для подрыва конституционного процесса в Чили ради экономической выгоды ИТТ, вице-президент компании Нед Гэррити, по видимому, испытывал замешательство. «Но что плохого в заботе о самом себе?» — задал он в ответ вопрос. Комитет зафиксировал

⁴² The International Telephone and Telegraph Company and Chile, pp. 4, 18.

⁴³ Там же, pp. 11, 15.

в отчете свой ответ: «Забота о себе не должна играть неподходящую ей роль, определяя направление внешней политики США»⁴⁴.

Но несмотря на годы грязных манипуляций со стороны Америки, среди которых деятельность ИТТ была более всего изученным примером, в 1973 году Альенде все еще находился у власти. Тайно было потрачено восемь миллионов долларов, чтобы ослабить позиции чилийского президента. Тем не менее на промежуточных парламентских выборах в том же году партия Альенде получила более сильную поддержку, чем на выборах 1970 года. Было очевидно, что стремление к иной экономической модели глубоко укоренилось в Чили и поддержка социалистической альтернативы становилась все сильнее. Враги Альенде, готовившие его свержение еще в ходе выборов 1970 года, начали понимать, что для решения проблемы недостаточно избавиться от президента — его может заменить кто-нибудь другой. Нужен был более радикальный план.

Уроки смены режима: Бразилия и Индонезия

Враги Альенде тщательно изучали в качестве потенциальных альтернатив две модели «смены режима»: одну — в Бразилии, а вторую — в Индонезии. Когда в 1964 году бразильская хунта генерала Умберто Кастелло Бранко при поддержке США захватила власть, военные планировали не только отказаться от программ защиты бедных Жоау Гуларта, но и распахнуть двери Бразилии иностранным инвесторам. Сначала бразильские генералы пытались реализовать свои планы относительно мирными средствами, хотя позднее стало известно, что некоторые «подрывные элементы» в это время подвергались жестоким пыткам, но их количество было относительно малым (особенно для этой огромной страны), так что информация об этом почти не выходила за пределы тюрем. Кроме того, хунта сознательно сохранила некоторые остатки демократии, включая ограниченную свободу прессы и собраний, — можно сказать, удачный джентльменский ход.

В конце 1960-х многие граждане Бразилии решили использовать эту ограниченную свободу, чтобы выразить протест против углубления нищеты, в чем обвиняли экономические программы хунты в поддержку бизнеса, часть которых была разработана выпускниками Чикагского университета. В 1968 году на улицы выплеснулись марши против хунты, самые крупные среди которых

⁴⁴ The International and Telegraph Company and Chili, p. 17.

возглавляли студенты, и режим почувствовал серьезную угрозу. В отчаянной попытке сохранить свою власть военные радикально изменили тактику: демократия была окончательно раздавлена, все гражданские свободы упразднены, пытки приобрели систематический характер и, по данным работавшей позднее комиссии расследования, «убийства, совершаемые государством, стали обычным явлением»⁴⁵.

События после переворота 1965 года в Индонезии развивались совершенно иначе. Со времен Второй мировой войны страной управлял президент Сукарно, Уго Чавес того времени (если не считать страстного отношения последнего к выборам). Сукарно вызвал ярость богатых стран, потому что защищал экономику Индонезии, перераспределил богатства и изгнал МВФ и Всемирный банк, подозревая, что за этими организациями скрываются интересы западных транснациональных корпораций. Сукарно был сторонником национальной независимости, а не коммунистом, но он тесно сотрудничал с коммунистической партией, в которой состояло три миллиона активных членов. Правительства США и Великобритании решили свергнуть Сукарно, и рассекреченные документы показывают, что ЦРУ получило указания на высшем уровне «ликвидировать президента Сукарно в зависимости от ситуации и имеющихся возможностей»⁴⁶.

После нескольких неудачных попыток такие возможности появились в октябре 1965 года, когда генерал Сухарто при поддержке ЦРУ начал захватывать власть и искоренять левых. ЦРУ тайно подготовило список ведущих левых активистов страны, и этот документ оказался в руках Сухарто; одновременно Пентагон снабжал генерала вооружением и полевыми радиостанциями, чтобы индонезийские военные могли поддерживать связь даже с самыми отдаленными частями архипелага. Сухарто послал солдат на охоту за 4000—5000 левых по его «расстрельным спискам», как их называло ЦРУ; американское посольство регулярно получало отчеты об этих мероприятиях⁴⁷. С помощью этих отчетов ЦРУ вычеркивало имена из списков, пока

⁴⁵ Archdiocese of São Paulo, *Torture in Brazil: A Shocking Report on the Pervasive Use of Torture by Brazilian Military Governments, 1964—1979* / Ed. J. Dassin, trans. J. Wright. Austin: University of Texas Press, 1986. P. 53.

⁴⁶ Blum W. *Killing Hope: U.S. Military and CIA Interventions Since WWII*. Monroe, ME: Common Courage Press, 1995. P. 195; Times Diary: Liquidating Sukarno // *Times*. London. 1986. August 8.

⁴⁷ Kadane K. U.S. Officials' Lists Aided Indonesian Bloodbath in '60s // *Washington Post*. 1990. May 21.

с удовлетворением не отметило, что левые в Индонезии ликвидированы. Одним из участников этой операции был Роберт Дж. Мартенс, сотрудник американского посольства в Джакарте. «Это было большой помощью для их армии, — рассказывал он журналистке Кэти Кэдейн 25 лет спустя. — Вероятно, они убили много людей, вероятно, кровь есть и на моих руках, но все это не так уж плохо. Иногда в решающие моменты надо сражаться изо всех сил»⁴⁸.

«Расстрельные списки» скрывали целенаправленные убийства, причем массовые расправы, создавшие Сухарто печальную славу, были поручены религиозно настроенным студентам. Их наскоро подготовили военные, а затем разослали по стране с инструкцией от главы военного морского флота «вымести» коммунистов из каждой деревни. «С радостью, — писал один корреспондент, — они созвали своих последователей, вручили им ножи и пистолеты, раздали дубинки и дали им поручение, о котором те давно мечтали»⁴⁹. Всего за месяц, по меньшей мере, полмиллиона, а возможно, даже миллион человек были убиты; по сообщениям журнала *Time*, в массовых бойнях погибали тысячи человек сразу⁵⁰. Путешественники, побывавшие в то время на Восточной Яве, «рассказывают о маленьких реках и ручьях, буквально запруженных телами; иногда это мешало плыть по реке»⁵¹.

Опыт Индонезии привлек пристальное внимание людей и организаций в Вашингтоне и Сантьяго, вынашивавших планы свержения Сальвадора Альенде. Их интересовала не только жестокость Сухарто,

⁴⁸ К. Кэдейн впервые опубликовала в *Washington Post* рассказ об этих списках на основании магнитофонных записей бесед с высокопоставленными служащими США, занимавшими в то время важные посты в Индонезии. Информация о вооружении и полевых радиостанциях, упоминаемых в письме К. Кэдейн в *The New York Review of Books* 10 апреля 1997 года, получена из тех же интервью. Расшифровки интервью, взятых К. Кэдейн, сейчас хранятся в Национальном архиве безопасности в Вашингтоне: *Kadane K. U.S. Officials' Lists Aided Indonesian Bloodbath in '60s*.

⁴⁹ *Hughes J. Indonesian Upheaval*. New York: David McKay Company, Inc., 1967. P. 132.

⁵⁰ Чаще всего упоминается цифра 500 тысяч, приведенная газетой *Washington Post* в 1966 году. По оценке британского посла в Индонезии, было убито 400 тысяч человек, но он говорил, что посол Швеции, предпринявший дополнительные расследования, называл это цифру «крайне преуменьшенной». Некоторые насчитывают один миллион жертв, хотя в отчете ЦРУ 1968 года говорится о 250 тысячах убитых, причем это названо «одним из самых массовых убийств XX века». *Silent Settlement // Time*. 1965. December 17; *Pilger J. The New Rulers of the World*. London: Verso, 2002. P. 34; *Kadane K. U.S. Officials' Lists Aided Indonesian Bloodbath in '60s*.

⁵¹ *Silent Settlement*.

но и важнейшая роль, которую сыграла в перевороте группа индонезийских экономистов, обучавшихся в Калифорнийском университете в Беркли, которых называли «берклийской мафией». Сухарто успешно расправился с левыми, но именно «берклийская мафия» готовила планы экономического будущего страны.

Параллель с «чикагскими мальчиками» напрашивалась сама собой. «Берклийская мафия» обучалась в США в рамках программы, запущенной в 1956 году и финансируемой фондом Форда. Вернувшись домой, они также создали экономическое отделение по западному образцу в Индонезийском университете. Для его создания фонд Форда посылал в Джакарту американских профессоров — точно так же чикагские преподаватели принимали участие в создании экономического отделения в Сантьяго. «В фонде Форда полагали, что деньги тратятся на подготовку людей, которые поведут за собой страну после ухода Сукарно», — откровенно объяснял Джон Ховард, возглавлявший в то время международную программу обучения и исследований в фонде⁵².

Студенты, обученные на деньги фонда Форда, стали лидерами университетской группы, участвовавшей в свержении Сукарно; кроме того, «берклийская мафия» тесно сотрудничала с военными при подготовке переворота, разрабатывая «план на непредвиденный случай», если правительство внезапно рухнет⁵³. Эти юные экономисты пользовались огромным влиянием на генерала Сухарто, который совершенно не разбирался в финансах. Как писал журнал *Fortune*, люди из «берклийской мафии» записывали на магнитофон уроки экономики для Сухарто, чтобы тот мог прослушивать их дома⁵⁴. Как с гордостью вспоминал один из членов группы, при личной встрече с «президентом Сухарто выяснилось, что тот не только прослушивал лекции, но и вел заметки»⁵⁵. Другой выпускник Беркли описывает свои взаимоотношения с властью такими словами: мы «представили военному руко-

⁵² *Ransom D. Ford Country: Building an Elite for Indonesia // The Trojan Horse: A Radical Look at Foreign Aid / Ed. S. Weissman. Palo Alto, CA: Ramparts Press, 1975. P. 99.*

⁵³ Там же, p. 100. Не все американские профессора, участвовавшие в этой программе, были довольны своей ролью. «Я считал, что университет не должен участвовать в том, что по сути стало восстанием против правительства», — говорил Лен Дойл, профессор из Беркли, назначенный руководителем индонезийской программы обучения экономике фонда Форда. Из-за своих взглядов Дойл был возвращен в Калифорнию, а его должность занял другой человек.

⁵⁴ *Lubar R. Indonesia's Potholed Road Back // Fortune. 1968. June 1.*

⁵⁵ *Mohamad G. Celebrating Indonesia: Fifty Years with the Ford Foundation 1953—2003. Jakarta: Ford Foundation, 2003. P. 59.*

водству — важнейшему элементу нового строя — “поваренную книгу” с “рецептами” для решения тяжелых экономических проблем Индонезии. Генерал Сухарто, верховный главнокомандующий армии, не просто принял нашу “поваренную книгу”, но также выразил пожелание, чтобы авторы “рецептов” стали его экономическими советниками⁵⁶. И действительно, Сухарто укомплектовал свой кабинет членами «берклийской мафии», вручив им все ключевые финансовые посты, в том числе посты министра торговли и посла в Вашингтоне⁵⁷.

Эта команда экономистов, прошедшая подготовку в относительно более свободном от идеологии заведении, не относилась к государству столь же радикально, как «чикагские мальчики». Выпускники Беркли верили, что правительство должно участвовать в управлении экономикой Индонезии и гарантировать доступность товаров первой необходимости, таких как рис. Но одновременно «берклийская мафия» весьма положительно относилась к иностранным инвесторам, желающим использовать неисчислимы запасы местных полезных ископаемых и нефти, названные Ричардом Никсоном «величайшей ценностью Юго-Восточной Азии»⁵⁸. Были изданы законы, позволяющие иностранным компаниям владеть всеми этими ресурсами, вводились временные освобождения от уплаты налогов, так что через два года природные богатства Индонезии: медь, никель, древесина твердых сортов, каучук, нефть — перешли в руки самых больших в мире горнодобывающих и энергетических компаний.

Для заговорщиков, замысливших свержение Альянде в те самые годы, когда Сухарто осуществлял свою программу, опыт Бразилии и Индонезии представлял значительную ценность. В Бразилии сила шока почти не использовалась, и прошли годы, прежде чем властям пришлось продемонстрировать свою жестокость. Эта ошибка легко могла привести

⁵⁶ В оригинале автор называет генерала Сэхарто; я заменила его более распространенным написанием для согласованности. *Sadli M. Recollections of My Career // Bulletin of Indonesian Economic Studies* 29. 1993. № 1. April. P. 40.

⁵⁷ Выпускники программы фонда Форда заняли следующие посты: министр финансов, министр торговли и коммерции, председатель Совета национального планирования, заместитель председателя Совета национального планирования, генеральный секретарь Отдела исследования рынка и торговли, председатель Группы по иностранным инвестициям, генеральный секретарь по промышленности и посол в Вашингтоне. *Ransom D. Ford Country*, p. 110.

⁵⁸ *Nixon R. Asia After Vietnam // Foreign Affairs* 46. 1967. № 1. October. P. 111. Любопытно, что в качестве консультанта для Министерства финансов Сухарто в 1975 году был приглашен Арнольд Харбергер. *Harberger A.C. Curriculum Vitae // 2003. November, www.econ.ucla.edu*.

правительство к краху, поскольку давала возможность противникам заново мобилизовать силы и даже организовать вооруженные отряды партизан. И хотя в итоге хунте удалось очистить улицы, подъем оппозиции тормозил осуществление экономической программы военных.

Сухарто показал, что если применить *упреждающие* массовые репрессии, страну охватит шок, так что сопротивление можно нейтрализовать в зародыше. Террор в Индонезии был таким беспощадным и в такой степени превосходил любые ожидания, что люди, которые еще неделю назад пытались вместе отстаивать независимость своей страны, теперь были настолько напуганы, что легко передали всю власть Сухарто и его приверженцам. Ральф Макгихи, руководивший оперативной деятельностью ЦРУ в годы переворота, говорил, что Индонезия — это «образцовая операция... Можно проследить, как все главные кровавые события направлялись из Вашингтона, чтобы привести Сухарто к власти. Их успех означает, что подобное можно повторять снова и снова»⁵⁹.

Другой важнейший урок Индонезии относится к сотрудничеству между Сухарто и «берклийской мафией», начавшемуся еще до переворота. Поскольку экономисты были готовы занять ключевые «технократические» посты в новом правительстве и уже обратили Сухарто в свою веру, переворот не только устранил угрозу национальной независимости, но и превратил Индонезию в одну из немногих максимально гостеприимных для иностранных монополий стран мира.

Когда начал складываться удобный момент для свержения Альенде, на стенах Сантьяго появились грозные предупреждения, нарисованные красной краской: «Джакарта приближается».

Вскоре после избрания Альенде его оппоненты в Чили начали в точности воспроизводить индонезийский сценарий. Католический университет, приют «чикагских мальчиков», стал основой формирования того, что в ЦРУ называли «атмосферой переворота»⁶⁰. Многие студенты вступили в фашистскую организацию *Patria y Libertad*^{*} и маршировали по улицам, открыто подражая гитлеровской молодежи.

⁵⁹ Pilger J. *The New Rulers of the World*, pp. 36—37.

⁶⁰ Secret Cable from Headquarters (Blueprint for Fomenting a Coup Climate), September 27, 1970. CIA // Kornbluh P. *The Pinochet File: A Declassified Dossier on Atrocity and Accountability*. New York: New Press, 2003. Pp. 49—56.

* *Patria y Libertad* («Родина и свобода») — чилийская организация правых террористов, действовавшая в период правления Альенде. — *Примеч. ред.*

В сентябре 1971 года, когда исполнился год правления Альенде, ведущие бизнесмены Чили созвали экстренное совещание в прибрежном городе Винья-дель-Мар, чтобы разработать всестороннюю стратегию смены режима. По словам Орландо Саенса, президента Национальной ассоциации производителей (щедро финансируемой ЦРУ и многочисленными иностранными монополиями, которые разрабатывали собственный заговор в Вашингтоне), собравшиеся решили, что «правительство Альенде несовместимо со свободой в Чили и существованием частных предприятий, поэтому единственный способ избежать катастрофы — это свержение правительства». Бизнесмены сформировали свою «боевую организацию», одна часть которой должна была наладить контакты с армией, а другая, по словам Саенса, заняться «подготовкой конкретных программ, альтернативных государственным, которые будут систематически направляться вооруженным силам»⁶¹.

Саенс привлек нескольких ведущих «чикагских мальчиков» к разработке этих альтернативных программ и предоставил им новый офис неподалеку от дворца президента в Сантьяго⁶². Группу возглавляли молодой выпускник Чикагского университета Серхио де Кастро и его коллега по Католическому университету Серхио Ундуррага; еженедельно они устраивали секретные встречи, на которых подробно обсуждался вопрос о радикальном изменении развития страны в соответствии с доктринами неолиберализма⁶³. Как показало расследование Сената США, «свыше 75 процентов» финансирования «исследовательская организация оппозиции» получала непосредственно от ЦРУ⁶⁴.

К тому времени планирование переворота шло по двум отдельным направлениям: военные составляли заговор с целью устранения Альенде и его сторонников, а экономисты тайно разрабатывали программу устранения их идей. Подготавливая энергию для нанесения удара, эти два лагеря вели между собой диалог при посредстве Роберто Келли, бизнесмена, связанного с финансируемой ЦРУ газетой *El Mercurio*. Через Келли «чикагские мальчики» послали пятистраничное резюме своей экономической программы адмиралу флота. Адмирал дал свое одобрение, и с этого момента «чикагские мальчики» старательно готовили свою программу к началу переворота.

⁶¹ Valdés J.G. Pinochet's Economists, p. 251.

⁶² Там же, pp. 248—249.

⁶³ Там же, p. 250.

⁶⁴ Covert Action in Chile 1963—1973 // Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities, United States Senate. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1975. December 18. P. 30.

Созданная ими «библия» объемом в 500 страниц — детальная экономическая программа, которой хунта должна будет руководствоваться с первых дней, — известна в Чили под названием «Кирпич». Согласно последующим данным комитета Сената США, «сотрудничавшие с ЦРУ экономисты готовили всестороннюю экономическую программу, которая послужила основой для принятия хунтой наиболее важных экономических решений»⁶⁵. Восемь из десяти основных авторов «Кирпича» изучали экономику в Чикагском университете⁶⁶.

Хотя свержение Альенде обычно описывается как военный переворот, Орландо Летельер, посол Альенде в Вашингтоне, считал, что в нем на равных участвовали как армия, так и экономисты. «“Чикагские мальчики”, как их называют в Чили, — писал Летельер, — убедили генералов, что они добавят к жестокости военных интеллектуальные качества, которых первым не хватает»⁶⁷.

Переворот в Чили сопровождался тремя формами шока, рецептура которых потом повторялась в соседних странах и даже в Ираке три десятилетия спустя. За непосредственным шоком от переворота последовали два других. Первой была капиталистическая «шоковая терапия» Милтона Фридмана, техника, которую на тот момент уже изучили сотни латиноамериканских экономистов, прошедших подготовку в Чикагском университете или его филиалах. Другой формой шока было применение электрошока, лекарств и сенсорной депривации Эвена Кэмерона, ставших основой методики пыток в руководстве Kubaik и с помощью многочисленных учебных программ ЦРУ распространенных среди полицейских и военных Южной Америки.

Эти три формы шока обрушились на тела латиноамериканцев и политический организм региона как неукротимый ураган взаимозависимых процессов разрушения и восстановления, опустошения и созидания. Шок переворота подготовил почву для экономической шоковой терапии; шок пыток грозил любому человеку, который мог бы препятствовать экономическим потрясениям. И в этой лаборатории возникло первое государство, созданное чикагской школой, это была их первая победа в глобальной контрреволюции.

⁶⁵ Covert Action in Chile 1963—1973, p. 40.

⁶⁶ Silva E. The State and Capital in Chile: Business Elites, Technocrats, and Market Economics. Boulder, CO: Westview Press, 1996. P. 74.

⁶⁷ Letelier O. The Chicago Boys in Chile: Economic Freedom's Awful Toll // *The Nation*. 1976. August 28.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ:

МУКИ РОЖДЕНИЯ

Теории Милтона Фридмана принесли ему Нобелевскую премию, Чили они принесли генерала Пиночета.

Эдуардо Галеано «Дни и ночи любви и войны», 1983

Не думаю, чтобы меня когда-либо считали «злым».

Милтон Фридман, цит. по: *Wall Street Journal*, 2006, July 22

ГОСУДАРСТВА В СОСТОЯНИИ ШОКА:

КРОВАВОЕ РОЖДЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Обиды нужно наносить разом: чем меньше их распробуют, тем меньше от них вреда.

Никколо Макиавелли «Государь», 1513 г.¹

Если мы примем такой шоковый подход, я полагаю, о нем надо заявить публично со всеми подробностями, чтобы он начал свое воздействие как можно быстрее. Чем лучше о нем осведомлена публика, тем сильнее ее реакции будут облегчать процесс урегулирования.

Милтон Фридман, из письма к генералу Аугусто Пиночету, 21 апреля 1975 г.²

Генерал Аугусто Пиночет и его приверженцы постоянно называли события 11 сентября 1973 года не государственным переворотом, но «войной». Действительно, Сантьяго выглядел как зона военных действий: бульвары заняли стреляющие танки, государственные здания атаковали с воздуха реактивные истребители. Но в этой войне было нечто странное: она была односторонней.

С самого начала Пиночет полностью контролировал армию, флот и полицию. В то же время президент Сальвадор Альенде отказался создавать вооруженные объединения из своих сторонников, поэтому у него не было собственной армии. Единственным источником сопротивления оставались дворец президента «Ла Монеда» и окружающие его крыши — Альенде со своим ближайшим окружением предприня-

¹ *Machiavelli N. The Prince / Trans. W.K. Marriott. Toronto: Alfred A. Knopf, 1992. P. 42.*

² *Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People, p. 592.*

ли смелую попытку защитить демократию. Силы противников были неравны: внутри здания находилось всего 36 сторонников президента, в то время как военные нанесли по дворцу 24 ракетных удара³.

Пиночет, тщеславный деятель и капризный командир (по характеру похожий на те танки, на которые он взбирался), очевидно, желал сделать это событие как можно более драматичным и травмирующим. Хотя переворот не был войной, он был призван дать ощущение войны — как своего рода предвкушение шока и трепета в чилийском варианте. И шок был самым сильным. В отличие от соседней Аргентины, которая за последние три десятилетия шесть раз меняла военные правительства, Чили не знала такого рода насилия: страна в целом уже 160 лет наслаждалась мирным демократическим управлением, причем в течение последних 41 года ничто не прерывало мира.

Теперь же президентский дворец был объят пламенем, прикрытое тело президента вынесли на носилках, а его ближайшие соратники лежали на улице лицом вниз под прицелом винтовок⁴. В нескольких минутах езды от президентского дворца Орландо Летельер, только что прибывший из Вашингтона, чтобы занять пост министра обороны Чили, утром шел в свой кабинет в министерстве. Как только он оказался за парадной дверью, его поджидала засада: 12 солдат в боевой униформе направили на него свои автоматы⁵.

В годы, предшествовавшие перевороту, американские преподаватели, многие из которых были связаны с ЦРУ, прививали чилийским военным антикоммунистическое бешенство, внушая им, что социалисты — это фактически русские шпионы, силы, чуждые чилийскому обществу, «внутренние враги». На самом же деле сами военные стали врагами собственного народа, готовыми направить оружие на людей, которых они должны были защищать.

После смерти Альенде, ареста членов его правительства и при отсутствии видимого массового сопротивления великая битва хунты завершилась еще до наступления вечера.

³ *Batalla de Chile* (документальный фильм в трех частях), материалы для которого собраны Патрисией Гусман, первоначально создан в 1975—1979 годах. New York: First Run/Icarus Films, 1993.

⁴ Альенде был найден с простреленной головой. До сих пор продолжаются споры, был ли он сражен пулей противника, обстреливавшего «Ла Монеду», или застрелился, чтобы чилийцы не вспоминали его как законно избранного президента, сдавшегося мятежникам. Вторая гипотеза вероятнее.

⁵ *Dinges J., Landau S. Assassination on Embassy Row*. New York: Pantheon Books, 1980. P. 64.

Летельер и прочие VIP-узники были в итоге доставлены на холодный остров Доусон в южной части пролива Магеллана — для Пиночета это была своеобразная Сибирь с ее лагерями. Однако хунта не могла остановиться на этом убийстве и арестах членов правительства. Генералы понимали, что смогут удержать власть, только если им удастся достаточно запугать людей, как это было сделано в Индонезии. По данным рассекреченных документов ЦРУ, в последовавшие дни примерно 13 500 граждан схватили, посадили в грузовики и развезли по тюрьмам⁶. Тысячи из них были доставлены на два крупнейших стадиона Сантьяго: Стадион Чили и Национальный стадион. На последнем вместо футбола зрелищем стала смерть. Солдаты рыскали по толпе в сопровождении осведомителей с прикрытыми лицами, те выявляли среди людей «подрывные элементы». Намеченную жертву тащили в раздевалки и кабинки, ставшие импровизированными камерами пыток. Людей убивали сотнями. Мертвые тела стали появляться по сторонам больших автострад или плавающими в темных колодцах городской канализации.

Чтобы быть уверенным, что террор распространился за пределы столицы, Пиночет послал одного из самых жестоких командиров, генерала Серхио Арельяно Старка, на вертолете в северные провинции, чтобы посетить ряд тюрем, где сидели «подрывные элементы». В каждом городе или поселке Старк и его передвижной отряд смерти отбирали самых известных узников, однажды 26 человек сразу, и затем их казнили. Кровавый след, оставшийся после четырех дней этого путешествия, назвали «караваном смерти»⁷. Очень быстро вся страна поняла, что ей хотели сказать: сопротивление влечет за собой смерть.

Хотя сражение Пиночета и носило односторонний характер, по своему эффекту оно воздействовало не меньше, чем гражданская война или иностранное вторжение: в целом около 3200 людей пропали без вести или были казнены, по меньшей мере, 80 тысяч брошены в тюрьмы, а 200 тысяч покинули страну по политическим причинам⁸.

⁶ Report of the Chilean National Commission on Truth and Reconciliation / Trans. Ph.E. Berryman. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1993, Vol. 1. P. 153; Kornbluh P. The Pinochet File, pp. 153—154.

⁷ Kornbluh P. The Pinochet File, pp. 155—156.

⁸ Об этих цифрах идут споры, поскольку военное правительство тщательно скрывало и отрицало свои преступления. Kandell J. Augusto Pinochet, 91, Dictator Who Ruled by Terror in Chile, Dies // *New York Times*. 2006. December 11; Chile Since Independence / Ed. L. Bethell. New York: Cambridge University Press, 1993. P. 178; Cornwell R. The General Willing to Kill His People to Win the Battle against Communism // *Independent*. London. 2006. December 11.

Экономический фронт

Для «чикагских мальчиков» 11 сентября было днем головокружительных надежд и бешеной активности. Серхио де Кастро работал в тесном сотрудничестве с военно-морским флотом, отправляя на одобрение одну за другой последние страницы «Кирпича». В самый же день переворота несколько «чикагских мальчиков» отправились в типографию газеты *El Mercurio*. Хотя на улицах раздавались выстрелы, они страстно спешили напечатать свой труд к первому дню деятельности хунты. Артуро Фонтейн, один из редакторов газеты, вспоминает, как станки «работали без остановки, чтобы напечатать копии этого большого текста». И они успели это сделать почти в срок. «До полудня в среду 12 сентября 1973 года генералы вооруженных сил, приступившие к выполнению правительственных задач, имели перед собой этот план»⁹.

Предложенные в последней версии «Кирпича» решения разительного напоминали предложения книги Милтона Фридмана «Капитализм и свобода»: приватизация, дерегуляция и снижение расходов в социальной сфере — триединство свободного рынка. Чилийские экономисты, подготовленные в США, уже пытались предложить эти идеи мирным путем, в рамках демократических дискуссий, но они были полностью отвергнуты. Теперь же «чикагские мальчики» снова явились со своей программой в условиях, которые были куда благоприятнее для их радикальных мыслей. В эту новую эпоху не надо было спрашивать чьего-либо согласия, за исключением горстки людей в военной форме. Их самые упорные противники были в тюрьмах, или убиты, или прятались; парад истребителей в небе и караваны смерти заставили всех умолкнуть.

«Для нас это была революция», — говорил Кристиан Ларрулет, один из экономических советников Пиночета¹⁰. И эти слова справедливы. 11 сентября 1973 года стало не только днем насильственного свержения мирной социалистической революции Альенде, но и днем начала контрреволюции, как об этом позже писал журнал *The Economist*, — первой реальной победой кампании чикагской школы над девелопментализмом и кейнсианством¹¹. В отличие от частичной революции Альенде, которой в условиях демократии приходилось искать ком-

⁹ Valdés J.G. Pinochet's Economists, p. 252.

¹⁰ Constable P., Valenzuela A. A Nation of Enemies: Chile Under Pinochet. New York: W.W. Norton & Company, 1991. P. 187.

¹¹ Harvey R. Chile's Counter-Revolution // *The Economist*. 1980. February 2.

промиссы с разнообразными иными направлениями, этот мятеж, совершенный с помощью грубой силы, позволял идти до конца. А в последующие годы те же самые меры, что описаны в «Кирпиче», будут внедряться в десятках других стран под прикрытием разнообразных кризисов. Но Чили была страной контрреволюции, осуществленной при помощи террора.

Хосе Пиньера, выпускник экономического отделения Католического университета Сантьяго, сам себя причисляющий к «чикагским мальчикам», во время переворота работал над своей диссертацией в Гарварде. Услышав эту «добрую весть», он вернулся на родину «содействовать созданию новой страны, верной свободе, на пепелище старой». По словам Пиньеры, ставшего позднее министром труда и горного дела у Пиночета, это была «настоящая революция... радикальное, всестороннее и устойчивое продвижение в сторону свободного рынка»¹².

До переворота Аугусто Пиночета ценили за его покладистость, всегдашнее подобострастное отношение к его гражданским начальникам. Став диктатором, Пиночет раскрыл новые грани своего характера. Он принял власть с явным удовольствием, окружив себя царскими почестями, и уверял, что на этот пост его вознесла «судьба». Очень скоро он совершил еще один маленький переворот, чтобы избавиться от трех других военных вождей, с которыми ранее по договоренности делил власть, назвав себя и верховным вождем нации, и президентом страны. Он обожал помпу и церемонии, подтверждавшие его право распоряжаться, и никогда не упускал возможности облачиться в свой мундир прусского фасона с пелериной. Для поездок по Сантьяго он всегда выбирал колонну дорогих пуленепробиваемых автомобилей Mercedes-Benz¹³.

Пиночет был умелым авторитарным правителем, но, подобно Сухарто, почти ничего не понимал в экономике. И это было проблемой, поскольку кампания корпоративного саботажа, возглавляемая ИТТ, привела экономику страны к катастрофе, так что к правлению Пиночета кризис уже назрел. С самого начала внутри хунты шла борьба двух направлений: одни хотели просто восстановить положение, которое было до Альенде, а затем быстро вернуть демократию; им возражали «чикагские мальчики», стоявшие за перекройку страны и создание свободного рынка, на что должны были уйти годы. Пиночет, купавшийся в своей власти, ненавидел мысль о том, что его

¹² Piñera J. How the Power of Ideas Can Transform a Country, www.josepinera.com.

¹³ Constable P., Valenzuela A. A Nation of Enemies, pp. 74—75.

предназначение сводится лишь к операции чистки — «восстановить порядок» и затем исчезнуть. «Мы не пылесос, который всосал в себя марксизм, чтобы отдать власть назад в руки господ политиков», — говорил он¹⁴. И мечта «чикагских мальчиков» о полной переделке страны отвечала его растущим амбициям, так что, как раньше это сделал Сухарто с «берклийской мафией», он немедленно назначил нескольких выпускников Чикагского университета своими главными экономическими советниками, в том числе и Серхио де Кастро, фактического их предводителя и основного автора «Кирпича». Он называл их «технос» — техники, — в соответствии с заверениями чикагской школы о том, что наладка экономики — дело науки, а не субъективного человеческого выбора.

Хотя Пиночет плохо разбирался в инфляции и процентных ставках, «технос» говорили на понятном ему языке. Для них экономика была подобна силам природы, которые надо уважать и которым следует подчиняться, потому что «действовать вопреки природе непродуктивно и означает обманывать самого себя», по словам Пиньеры¹⁵. Пиночет соглашался: люди, как он однажды писал, должны подчиняться структуре, потому что «природа показывает, что порядок и иерархия необходимы»¹⁶. И такое обоюдное стремление использовать высшие естественные законы стало основой альянса Пиночета с чикагской школой.

Первые полтора года Пиночет верно следовал инструкциям «технос»: он приватизировал некоторые, хотя не все, государственные компании (в том числе несколько банков); допустил существование некоторых крайних форм финансовых спекуляций; широко распахнул границы для иностранного импорта, устранив барьеры, которые столь долго защищали чилийских производителей; сократил правительственные расходы на 10 процентов, за исключением военных, которые значительно увеличились¹⁷. Он также упразднил контроль над ценами, что было радикальным преобразованием в стране, где цена предметов первой необходимости, таких как хлеб и постное масло, регулировалась десятилетиями.

¹⁴ *Constable P., Valenzuela A. A Nation of Enemies, p. 69.*

¹⁵ *Valdés J.G. Pinochet's Economists, p. 31.*

¹⁶ *Constable P., Valenzuela A. A Nation of Enemies, p. 70.*

¹⁷ Единственным торговым барьером при Пиночете была 10-процентная пошлина на импортные товары, что скорее можно отнести не к барьерам для торговли, но к незначительному налогу на импорт. *Frank A.G. Economic Genocide in Chile, p. 81.*

«Чикагским мальчикам» удалось убедить Пиночета, что если он резко устранил вмешательство правительства в эти сферы, «естественные» законы экономики сами восстановят равновесие, а инфляция — в которой они видели своего рода лихорадку экономики, вызванную присутствием нездоровых организмов на рынке, — волшебным образом приостановится. Но они ошибались. В 1974 году инфляция достигла 375 процентов — величайший показатель во всем мире, почти вдвое превысивший ее высший уровень при Альенде¹⁸. Цена продуктов первой необходимости, например хлеба, подскочила невероятно. В то же самое время чилийцев увольняли с работы, поскольку эксперименты Пиночета со «свободной торговлей» привели к тому, что страну заполнили дешевые импортные товары. Местные предприятия закрывались, не выдерживая конкуренции, безработица достигла рекордного уровня, а голод стал носить угрожающий арактер. Первый эксперимент чикагской школы обернулся бедствием.

Серхио де Кастро и прочие «чикагские мальчики» утверждали (в лучших традициях своей школы), что в этом виновата не теория, а тот факт, что ее не реализовали на практике с достаточной жесткостью. Экономика не лечит сама себя и не возвращается к гармоничному равновесию, потому что все еще есть «помехи» — наследие почти полувекового вмешательства государства. Для успеха эксперимента Пиночет должен устранить эти помехи — еще сильнее сократить расходы, активнее проводить приватизацию и увеличить скорость преобразований.

За полтора года многие представители национальной деловой элиты устали от экстремального капитализма, отчаянно внедряемого в жизнь «чикагскими мальчиками». Почувствовали себя лучше лишь иностранные компании и узкий кружок финансистов, названных «пираньями», которые зарабатывали большие деньги с помощью спекуляций. Промышленные производители, от всей души поддержавшие переворот, оказались не у дел. Орландо Саенс, президент Национальной ассоциации производителей, который сам подключил «чикагских мальчиков» к участию в перевороте, назвал результаты

¹⁸ Тут приведены самые осторожные подсчеты. А.Г. Франк пишет, что в первые годы правления хунты инфляция достигала 508 процентов, а если говорить о предметах первой необходимости, то ее уровень приближался к 1000 процентов. В 1972 году, в последний год правления Альенде, инфляция поднялась до 163 процентов. *Constable P., Valenzuela A. A Nation of Enemies*, p. 170; *Frank A.G. Economic Genocide in Chile*, p. 62.

этого эксперимента «одним из крупнейших провалов в истории нашей экономики»¹⁹. Промышленникам не нравился социализм Альенде, но управляемая экономика их в целом устраивала. «Невозможно продолжать работу в условиях финансового хаоса, воцарившегося в Чили, — говорил Саенс. — Необходимо вкладывать в производство миллионы и миллионы финансовых ресурсов, которые теперь используются в диких спекуляциях на глазах людей, у которых просто нет никакой работы»²⁰.

Увидев, что реализация их планов наталкивается на серьезные препятствия, «чикагские мальчики» вместе с «пираньями» (а эти две группы во многом пересекались) решили призвать на помощь тяжелую артиллерию. И в марте 1975 года по приглашению крупного банка в Сантьяго прилетели Милтон Фридман и Арнольд Харбергер, чтобы спасти эксперимент.

Пресса, подконтрольная хунте, встречала Фридмана как рок-звезду и гуру нового порядка. Каждое его заявление попадало в газетные заголовки, его лекции транслировали по национальному телевидению, и он удостоился самой важной аудитории из всех возможных: приватной встречи с Пиночетом.

На протяжении своего визита Фридман твердил одно и то же: хунта сделала правильные первые шаги, но ей нужно внедрять свободный рынок с большей энергией. В речах и интервью он употреблял термин, который ранее никогда не использовался в ситуации реального экономического кризиса: он призывал к «шоковой терапии». По его словам, это было «единственным лекарством. Без вариантов. Никакого другого. Иного долговременного решения не существует»²¹. Когда чилийский журналист напомнил, что даже Ричард Никсон, тогдашний президент США, применяет контроль, чтобы смягчить отдельные проявления свободного рынка, Фридман огрызнулся: «Я не одобряю эти меры. Я думаю, мы не должны их применять. Я противник вмешательства правительства в экономику как в моей стране, так и в Чили»²².

После встречи с Пиночетом Фридман сделал для себя заметки, которые опубликовал несколько десятилетий спустя в мемуарах. По его наблюдениям, генерал «с симпатией относился к идее шоковой тера-

¹⁹ *Que Pasa*. Santiago. 1975. January 16; цит. по: Frank A.G. Economic Genocide in Chile, p. 26.

²⁰ *La Tercera*. Santiago. 1975. April 9; цит. по: Letelier O. The Chicago Boys in Chile // *The Nation*. 1976. August 28.

²¹ *El Mercurio*. Santiago. 1976. March 23.

²² *Que Pasa*. Santiago. 1975. April 3.

пии, но его явно беспокоило, что это временно повысит уровень безработицы»²³. К тому моменту во всем мире уже знали, что именно по приказу Пиночета были организованы кровавые бои на футбольных стадионах, так что беспокойство диктатора по поводу человеческой стоимости шоковой терапии должно было заставить Фридмана задуматься. Но экономист продолжал настаивать на своем и послал Пиночету письмо, в котором восхвалял «чрезвычайно мудрые» решения генерала, однако предложил ему в еще большей степени сократить государственные расходы — «на 25 процентов в течение шести месяцев... всесторонне» и одновременно принять ряд мер в поддержку бизнеса, которые были бы движением к «полностью свободной торговле». Фридман предсказывал, что сотни тысяч людей, уволенных из общественного сектора, получат новую работу в частном секторе, который быстро разрастется благодаря устранению «любых препятствий, тормозящих сегодня частный рынок»²⁴.

Фридман уверял генерала, что если тот последует его советам, ему будет поставлено в заслугу «экономическое чудо»; он «приостановит инфляцию за несколько месяцев», проблема с безработицей разрешится «скоро — за месяцы, — и последующее восстановление будет стремительным». Пиночет должен действовать быстро и решительно; Фридман не раз отмечает значение «шока» — он трижды употребил это слово и подчеркнул, что «постепенность тут не годится»²⁵.

Пиночета удалось убедить. В своем ответном письме верховный руководитель Чили пишет о «моем высочайшем и уважительном благорасположении к вам» и уверяет Фридмана, что «этот план будет полностью реализован в ближайшее время»²⁶. Сразу после встречи с Фридманом Пиночет уволил своего министра экономики и поставил на его место Серхио де Кастро, которого позднее назначил министром финансов. Де Кастро привел в правительство своих многочисленных приятелей из «чикагских мальчиков», предложив одному из них возглавить руководство центральным банком. Орландо Саенс, недовольный масштабными увольнениями и закрытием фабрик, был смещен с поста директора Ассоциации промышленников, и его место занял человек с более позитивным отношением

²³ *Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People*, p. 399.

²⁴ Там же, pp. 593—594.

²⁵ Там же, pp. 592—594.

²⁶ Там же, p. 594.

к шоку. «Если некоторые промышленники на это жалуются, — заявил новый директор, — пусть убираются к черту. Я не намерен их защищать»²⁷.

Освободившись от недовольных, Пиночет и де Кастро начали работу по демонтажу социального государства, чтобы достичь состояния чистой капиталистической утопии. В 1975 году они одним ударом сократили общественные расходы на 27 процентов — и продолжали их сокращать, так что к 1980 году они составляли половину от того, что было при Альенде²⁸. Самые сильные удары выпали на долю здравоохранения и образования. Даже журнал *The Economist*, орган сторонников свободного рынка, назвал это «оргией саморазрушения»²⁹. Де Кастро провел приватизацию почти 500 государственных компаний и банков, он практически их раздал, пытаясь как можно быстрее найти им правильное место в новой структуре экономики³⁰. Он безжалостно относился к местным компаниям и ликвидировал практически все торговые барьеры; в результате в промышленности с 1973 по 1983 год количество рабочих мест сократилось на 177 тысяч³¹. К середине 80-х доля промышленного производства в экономике страны снизилась до уровня, который последний раз наблюдался лишь в годы Второй мировой войны³².

Шоковая терапия — удачное название для мероприятий, предложенных Фридманом. Пиночет вогнал страну в состояние глубокого спада, поскольку диктатор опирался на непроверенную теорию, согласно которой внезапное сокращение деятельности государства дает целительный стимул экономике. Это удивительно напоминает логику психиатров, которые в 1940—1950-х годах в массовом порядке прописывали пациентам электросудорожную терапию в убеждении, что целенаправленно вызванный эпилептический припадок волшебным образом оздоровит мозг пациента.

²⁷ Frank A.G. *Economic Genocide in Chile*, p. 34.

²⁸ Constable P., Valenzuela A. *A Nation of Enemies*, pp. 172—173.

²⁹ «В 1980 году общественные расходы на здравоохранение снизились на 17,6 процента по сравнению с 1970 годом, а на образование — на 11,3 процента». Цит по: Valdés J.G. *Pinochet's Economists*, pp. 23, 26; Constable P., Valenzuela A. *A Nation of Enemies*, pp. 172—173; Harvey R. *Chile's Counter-Revolution*.

³⁰ Valdés J.G. *Pinochet's Economists*, p. 22.

³¹ Hirschman A.O. *The Political Economy of Latin American Development: Seven Exercises in Retrospection* // *Latin American Research Review* 12. 1987. № 3. P. 15.

³² *The Uses of Chile: How Politics Trumped Truth in the Neo-Liberal Revision of Chile's Development* // Public Citizen. Discussion paper. 2006. September, www.citizen.org.

Теория экономической шоковой терапии отчасти опирается на роль ожиданий в поддержании процесса инфляции. Для обуздания инфляции необходимо не только изменение денежной политики, но и перемена поведения потребителей, работодателей и работников. И внезапное резкое изменение правил игры позволяет быстро изменить массовые ожидания, оно сообщает обществу, что ситуация радикально изменилась — цены больше не будут взлетать вверх, как и заработная плата. Согласно этой теории чем быстрее преодолевается ожидание инфляции, тем короче будет болезненный период спада и роста безработицы. Однако в странах, где правящий класс потерял доверие в глазах общества, только мощному и внезапному политическому шоку под силу «преподать» публике этот суровый урок³³.

Намеренный вызов спада или экономической депрессии — это жестокая идея, поскольку она неизбежно порождает массовую нищету, именно поэтому политические лидеры до сих пор не горели желанием испытать эту теорию на практике. Кто бы взял на себя ответственность за то, что журнал *Business Week* называл «миром безумного доктора Стренджлава, персонажа фильма С. Кубрика, который сознательно вызывает депрессию»?³⁴

³³ Некоторые экономисты чикагской школы уверяют, что первый эксперимент с шоковой терапией был проведен в Западной Германии 20 июня 1948 года. В тот момент министр финансов Людвиг Эрхард упразднил контроль над большинством видов цен и ввел новые деньги. Это было сделано внезапно и без предупреждения, так что немецкая экономика пережила огромный шок и безработица стала распространенным явлением. Но на этом параллели заканчиваются: реформы Эрхарда строго ограничивались ценами и денежной политикой, их не сопровождало сокращение социальных программ или быстрое введение свободного рынка, кроме того, многое было предпринято для защиты населения от этого шока, в том числе повышение заработной платы. После такого шока Западную Германию по классификации Фридмана легко было отнести к псевдосоциалистическому государству всеобщего благоденствия: оно субсидировало жилье, обеспечивало правительственные пенсии, общественное здравоохранение и государственную систему образования, при этом экономикой управляло государство, нередко при помощи субсидирования, начиная от телефонной компании и кончая фабриками по производству алюминия. Когда заслугу изобретения шоковой терапии приписывают Эрхарду, это делает ее историю более привлекательной, поскольку его эксперимент произошел после освобождения Западной Германии от тирании. Но шок Эрхарда имеет слишком мало сходства с опустошительными преобразованиями, которые сегодня называют экономической шоковой терапией, — пионерами этого метода являются Фридман и Пиночет, а впервые он был применен на практике в стране, только что утратившей свободу.

³⁴ A Draconian Cure for Chile's Economic Ills? // *Business Week*. 1976. January 12.

А Пиночет на это решился. В первый год проведения шоковой терапии, прописанной Фридманом, экономика Чили сократилась на 15 процентов, а безработица (составлявшая лишь 3 процента при Альенде) достигла 20 процентов — неслыханная цифра для Чили того времени³⁵. Страна, вне сомнения, билась в судорогах, вызванных «лечением». И вопреки оптимистичным прогнозам Фридмана, кризис безработицы продолжался годы, а не месяцы³⁶. Хунта, твердо усвоив врачебные метафоры Фридмана, не пыталась оправдаться, объясняя, что «этот путь был выбран потому, что только он прямо направлен на лечение болезни»³⁷. Подобным образом вел себя и Фридман. Когда один журналист спросил его, «не будет ли социальная цена его программы слишком высокой», он ответил: «Глупый вопрос»³⁸. Другому журналисту он сказал: «Меня заботит лишь одно: чтобы они двигались в этом направлении достаточно долго и достаточно энергично»³⁹.

Любопытно, что самая острая критика шоковой терапии исходила от одного из бывших студентов Фридмана Андре Гундера Франка. Родившийся в Германии Гундер Франк обучался в Чикагском университете в 50-х годах и так часто слышал разговоры о Чили, что, защитив диссертацию по экономике, решил своими глазами посмотреть на страну, которую его профессора описывали как дурную антиутопию девелопментализма. Ему понравилось увиденное, так что в итоге он стал преподавателем Университета Чили, а затем экономическим советником Сальвадора Альенде, к которому испытывал глубокое уважение. Как один из бывших «чикагских мальчиков», который отказался от доктрины свободного рынка, Гундер Франк находился в уникальном положении, наблюдая за экономическим развитием страны. Через год после того, как Фридман прописал стране максимальную дозу шока, Гундер Франк опубликовал яростное «Открытое письмо Арнольду Харбергеру и Милтону Фридману», в котором, используя свое чикагское образование, стремился «проверить, как чилийский больной реагирует на ваше лечение»⁴⁰.

³⁵ *Dworkin P. Chile's Brave New World of Reaganomics // Fortune. 1981. November 2; Valdés J.G. Pinochet's Economists, p. 23; Letelier O. The Chicago Boys in Chile.*

³⁶ *Hirschman A.O. The Political Economy of Latin American Development, p. 15.*

³⁷ Слова министра финансов хунты Хорхе Сауза. *Constable P., Valenzuela A. Nation of Enemies, p. 173.*

³⁸ *Crittenden A. Loans from Abroad Flow to Chile's Rightist Junta // New York Times. 1976. February 20.*

³⁹ *A Draconian Cure for Chile's Economic Ills?*

⁴⁰ *Frank A.G. Economic Genocide in Chile, p. 58.*

Он подсчитал, что означает для чилийской семьи жизнь на заявленный Пиночетом «прожиточный минимум». Около 74 процентов дохода при этом пойдут просто на покупку хлеба, что вынудит семью отказаться от такой «роскоши», как молоко или поездки на работу на автобусе. Для сравнения, при Альенде расходы на хлеб, молоко и проезд на автобусе составляли 17 процентов от заработка государственного служащего⁴¹. Многие дети не получали молоко и в школах, поскольку одним из первых шагов хунты была отмена школьной молочной программы. В результате этого сокращения в сочетании с отчаянной ситуацией дома многие школьники падали в обморок в классах, а другие вовсе бросили школу⁴². Гундер Франк увидел прямую взаимосвязь между жестокой экономической политикой, внедряемой его бывшими товарищами по университету, и насилием, которому Пиночет подвергает страну. Рецепты Фридмана настолько мучительны, писал разочарованный чикагский выпускник, что их невозможно «внедрить или выполнить без двух элементов, на которые они опираются: без военной силы и политического террора»⁴³.

Невзирая ни на что, экономическая команда Пиночета продолжала расширять поле экспериментов, используя самые передовые идеи Фридмана: систему государственных школ заменили ваучерами и частными школами, здравоохранение стало платным, детские сады и кладбища передали в частные руки. Самым радикальным шагом была приватизация чилийской системы социальной защиты. Хосе Пиньера, предложивший эту программу, сообщил, что почерпнул ее идею из книги «Капитализм и свобода»⁴⁴. Принято считать, что администрация Джорджа Буша впервые осуществила идею «общества собственников», но на самом деле идею «нации собственников» провозгласило правительство Пиночета на 30 лет раньше.

Чили превратилась в привлекающую общее внимание территорию нового мира, и энтузиасты свободного рынка со всего света, привыкшие обсуждать достоинства подобных мер в чисто академических кругах, следили за этой страной с пристальным вниманием. «Учебники по экономике говорят, что мир должен работать по этим законам, но где еще их осуществляют на практике?» — спрашивал аме-

⁴¹ Frank A.G. *Economic Genocide in Chile*, pp. 65—66.

⁴² Harvey R. *Chile's Counter-Revolution*; Letelier O. *The Chicago Boys in Chile*.

⁴³ Frank A.G. *Economic Genocide in Chile*, p. 42.

⁴⁴ Piñera J. *How the Power of Ideas Can Transform a Country*.

риканский деловой журнал *Barron's*⁴⁵. В статье, озаглавленной «Чили: лабораторные опыты для теоретиков», газета *New York Times* писала: «Нечасто ведущему экономисту с такими яркими взглядами дается шанс проверить свои предложения на крайне нездоровой экономике. И еще удивительней тот случай, когда клиентом такого экономиста становится не его родная страна»⁴⁶. Многие специально приезжали взглянуть своими глазами на чилийскую лабораторию, включая самого Фридриха Хайека, который посещал Чили в правление Пиночета несколько раз, а в 1981 году выбрал Винья-дель-Мар (город, где готовился переворот) в качестве места для региональной встречи Общества Мон-Пелерин, мозгового центра контрреволюции.

Миф о чилийском чуде

Даже три десятилетия спустя энтузиасты свободного рынка говорят о Чили как о доказательстве правоты взглядов Фридмана. Когда в декабре 2006 года умер Пиночет (пережив Фридмана лишь на один месяц), газета *New York Times* восхваляла покойного диктатора, «превратившего несостоятельную экономику в одну из самых процветающих в Латинской Америке», а редакционная статья в газете *Washington Post* утверждала, что он «ввел политику свободного рынка, которая породила чилийское экономическое чудо»⁴⁷. Но факты, стоящие за феноменом «чилийского чуда», все еще вызывают жаркие споры.

Пиночет удерживал власть на протяжении 17 лет и за это время не раз менял направление своей политики. Период устойчивого роста, в котором видят доказательство чудодейственного успеха, начался не раньше середины 1980-х — прошло 10 лет после того, как «чикагские мальчики» применили шоковую терапию, и успех пришел лишь тогда, когда Пиночет вынужден был серьезно подкорректировать радикальный экономический курс. Дело в том, что в 1982 году, несмотря на соответствие чикагской доктрине, экономика Чили пережила крах: долги страны невероятно возросли, снова возникла гиперинфляция, а безработица достигла 30 процентов — в 10 раз превысив свой уровень по сравнению с эпохой Альенде⁴⁸. И главной причиной этой ка-

⁴⁵ *Bleiberg R.M. Why Attack Chile? // Barron's. 1987. June 22.*

⁴⁶ *Kandell J. Chile, Lab Test for a Theorist // New York Times. 1976. March 21.*

⁴⁷ *Kandell J. Augusto Pinochet, 91, Dictator Who Ruled by Terror in Chile, Dies; A Dictator's Double Standard // Washington Post. 2006. December 12.*

⁴⁸ *Grandin G. Empire's Workshop: Latin America and the Roots of U.S. Imperialism. New York:*

тастрофы стало то, что «пираньи», которые создавали финансовые организации типа Enron и были освобождены «чикагскими мальчиками» от всякого контроля, покупали активы страны на взятые в кредит деньги, так что долги достигли невероятной цифры в 14 миллиардов долларов⁴⁹.

Ситуация оказалась настолько нестабильной, что Пиночету пришлось совершить то же самое, что сделал Альенде: он национализировал многие из этих компаний⁵⁰. На фоне надвигающейся катастрофы почти все «чикагские мальчики», включая Серхио де Кастро, потеряли свои важные посты в правительстве. Другие выпускники Чикагского университета, занимавшие видные места среди «пираний», были заподозрены в мошенничестве, что лишило их тщательно оберегаемого фасада научной беспристрастности, столь важного для имиджа «чикагских мальчиков».

Единственное, что спасло Чили от полного экономического коллапса в начале 1980-х, — это то, что Пиночет не приватизировал Codelco, государственную компанию добычи меди, национализированную при Альенде. Эта одна-единственная компания давала 85 процентов дохода от всего чилийского экспорта, и когда финансовый мыльный пузырь лопнул, у государства все еще оставался стабильный источник поступлений⁵¹.

Понятно, что Чили никогда и не была лабораторией «чистого» свободного рынка, как бы это ни утверждали энтузиасты рыночной экономики. На самом деле это была страна, в которой небольшая элита совершила скачок от просто богатства к богатству невероятному благодаря крайне выгодной схеме, основанной на долгах и получении огромных субсидий (при освобождении от долгов) за счет общественных средств. Если согласиться, что за этим чудом стояли обман и показуха, то придется признать, что Чили в правление Пиночета и «чикагских мальчиков» было не капиталистическим государством со свободным рынком, но государством корпоративистским. Первоначально корпоративизмом называли модель полицейского государства Муссолини, которым правил альянс трех основных сил общества: правительства, бизнеса и профсоюзов — при их стремлении к поряд-

Metropolitan Books, 2006. P. 171.

⁴⁹ Grandin G. Empire's Workshop: Latin America and the Roots of U.S. Imperialism, p. 171.

⁵⁰ Constable P., Valenzuela A. A Nation of Enemies, pp. 197—198.

⁵¹ Piñera J. Wealth through Ownership: Creating Property Rights in Chilean Mining // *Cato Journal* 24. 2004. № 3. P. 296.

ку во имя национализма. В Чили под властью Пиночета впервые была явлена эволюция корпоративизма: это взаимовыгодный альянс между полицейским государством и крупными корпорациями, которые вместе ведут всестороннюю войну против третьей силы — наемных работников, а это резко увеличивает долю национального богатства, находящуюся в распоряжении альянса.

Именно эта война, которую многие жители Чили воспринимали как войну богатых против бедных и среднего класса, стоит за так называемым чилийским экономическим «чудом». В 1988 году, когда экономика стабилизировалась и начался ее быстрый рост, 45 процентов населения жили за чертой бедности⁵². Зато у 10 процентов самых богатых чилийцев доходы выросли на 83 процента⁵³. Даже в 2007 году Чили остается обществом с ярко выраженным неравенством: в списке из 123 стран, отличающихся, по мнению ООН, значительным социальным расслоением, Чили стоит на 116-м месте, то есть входит в восьмерку стран с наиболее несправедливым социальным устройством⁵⁴.

Если Чили можно назвать чудом чикагской экономической школы по достигнутому неравенству, то, может быть, шоковое лечение давало встряску экономике вовсе не ради оздоровления. Может быть, оно было предназначено именно для того, чтобы богатство скопилось наверху, а значительная часть среднего класса под воздействием шока обнищала.

Именно так это понимал Орландо Летельер, бывший министр обороны в правительстве Альенде. Проведя год в тюрьме, Летельер сумел выбраться из Чили благодаря мощной кампании международной поддержки. В 1976 году, наблюдая издали за быстрым разорением своей страны, Летельер писал: «За последние три года несколько миллиардов долларов были вынуты из карманов работников и переданы в руки капиталистов и землевладельцев... и такое сосредоточение богатства не случайность, но закон; это не побочное следствие трудной ситуации — в чем хунта пытается уверить мир, — это основа их социального проекта; это не экономическая необходимость, но временный политический успех»⁵⁵.

⁵² Интервью с Алехандро Фоксли 26 марта 2001 года // *Commanding Heights: The Battle for the World Economy*, www.pbs.org.

⁵³ *Constable P., Valenzuela A. A Nation of Enemies*, p. 219.

⁵⁴ Field Listing — Distribution of family income — Gini index // Central Intelligence Agency. *World Factbook 2007*, www.cia.gov.

⁵⁵ *Letelier O. The Chicago Boys in Chile*.

В то время Летельер не догадывался, что Чили под управлением чикагской школы указывает будущее глобальной экономики и тот же стереотип будет повторяться от России до Южной Африки: неистовые спекуляции кучки людей в городах и сомнительная бухгалтерия, питающая сверхприбыли и лихорадочный консюмеризм на фоне полумертвых предприятий и разваливающейся инфраструктуры прошлого; около половины населения исключены из экономического процесса совершенно; коррупция и кумовство; истребление национального мелкого и среднего бизнеса; массовая передача общественного богатства в частные руки. В Чили, если ты не входишь в круг избранных, это чудо больше похоже на Великую депрессию, но внутри этого круга доходы поступают настолько быстро, что легкая нажива, идущая в руки после шоковых «реформ», с тех пор стала кокаином для финансового рынка. Именно поэтому финансовый мир не обращает внимания на явные противоречия чилийского эксперимента, которые ставят под сомнение основные предпосылки «свободного» капитализма. Вместо этого его реакции похожи на логику наркомана: «Где взять следующую дозу?»

Революция распространяется — люди исчезают

Очередная доза нашлась в странах южного конуса Латинской Америки, где быстро распространялась контрреволюция чикагской школы. Бразилия уже находилась под контролем поддерживаемой США хунты, и несколько бразильских учеников Фридмана занимали там важные посты. Фридман посещал Бразилию в 1973 году, на пике жестокости правящего режима, и назвал тамошний экономический эксперимент «чудом»⁵⁶. В Уругвае военные устроили переворот в 1973 году, а на следующий год решили пойти по чикагскому пути. Поскольку уругвайцев, окончивших Чикагский университет, не хватало, генералы пригласили «Арнольда Харбергера и [профессора экономики] Ларри Сьяастада из Чикагского университета с их командой, куда вошли бывшие чикагские студенты из Аргентины, Чили и Бразилии, чтобы реформировать налоговую систему и торговлю Уругвая»⁵⁷. Эффект их воздействия на прежде достаточно справедливое и равное уругвайское общество проявился моментально: реальные зарплаты снизились на 28 процентов, а на улицах Монтевидео впервые появились толпы людей, копающихся в мусоре⁵⁸.

⁵⁶ Friedman M. Economic Miracles // *Newsweek*. 1974. January 21.

⁵⁷ Biglaiser G. The Internationalization of Chicago's Economics in Latin America // *Economic Development and Cultural Change* 50. 2002. P. 280.

⁵⁸ Weschler L. A Miracle, a Universe, p. 149.

Затем, в 1976 году, к эксперименту присоединилась Аргентина, где хунта захватила власть, свергнув Исабель Перон. Это означало, что Аргентина, Чили, Уругвай и Бразилия — страны, ранее показывавшие пример девелопментализма, — попали в руки военных, пользующихся поддержкой США, и стали действующей лабораторией чикагской экономической школы.

Рассекреченные в марте 2007 года бразильские документы показывают, что за несколько недель до переворота аргентинские генералы связались с Пиночетом и бразильской хунтой и «очертили основные шаги, которые собирался предпринять будущий режим»⁵⁹.

Несмотря на это тайное предательство национальных интересов, военное правительство Аргентины не решилось зайти так далеко в экспериментах с неолиберализмом, как это сделал Пиночет; оно не стало приватизировать нефтяные запасы страны или, например, систему социальной защиты (это случится позже). Тем не менее, атакуя программы и организации, которые сумели превратить аргентинских бедняков в средний класс, хунта верно следовала Пиночету, опираясь на местных экономистов, обученных по чикагской программе.

Новоиспеченные аргентинские «чикагские мальчишки» заняли ключевые экономические посты в правительстве хунты: министра финансов, президента центрального банка, главы департамента ценных бумаг министерства финансов и ряд менее важных⁶⁰. Но, хотя они с энтузиазмом сотрудничали с военным правительством, самое важное место досталось не им, а Хосе Альфредо Мартинесу де Хос. Он был представителем благородных землевладельцев животноводческой ассоциации «Сосьедад рурал», долгое время контролировавшей экспорт из страны. Этих людей, ближайший аналог аристократии из всех, кого можно было увидеть в Аргентине, полностью устраивала

⁵⁹ Источником служат заметки бразильского посла в Аргентине того времени Жоао Бап- тиста Пинхейро: *Argentine Military Warned Brazil, Chile of '76 Coup* // Reuters, CNN. 2007. March 21.

⁶⁰ Министром финансов Аргентины во время диктатуры был Марио И. Блейер. Он получил степень доктора экономики в Чикагском университете за год до переворота. Адольфо Дис, выпускник Чикагского университета, во время диктатуры был президентом центрального банка Аргентины. Фернандо де Санибаньес, выпускник того же университета, тоже работал в центральном банке. Рикардо Лопес Мерфи, выпускник Чикагского университета, — национальный директор Бюро экономических исследований и фискального анализа при казначействе министерства финансов (1974—1983). Другие выпускники Чикагского университета заняли во время правления хунты посты экономических советников и консультантов.

феодалная экономика тех времен, когда им не надо было бояться, что их земли распределят между крестьянами или заставят снизить цены на мясо, чтобы все могли его купить.

Мартинес де Хос был президентом «Сосьедад рурал», а до него это место занимали его отец и дед, кроме того, он входил в правление нескольких транснациональных корпораций, включая Pan American Airways и ИТТ. И когда он занял свой пост в правительстве хунты, было ясно, что переворот был сделан в интересах элит и был контрреволюцией против достижений трудящихся Аргентины.

Приступив к обязанностям министра экономики, Мартинес де Хос сразу же запретил забастовки и дал право работодателям по своему желанию увольнять работников. Он упразднил контроль над ценами, из-за чего стоимость продуктов питания резко возросла. Он также постарался сделать Аргентину открытой, как и раньше, для иностранных компаний. Мартинес де Хос отменил ограничения на владение собственностью для иностранных компаний и в первые же годы продал сотни компаний, принадлежавших государству⁶¹. Благодаря этому у него появилась мощная поддержка в Вашингтоне. Согласно рассекреченным документам Уильям Роджерс, заместитель государственного секретаря по Латинской Америке, говорил своему боссу Генри Киссинджеру вскоре после аргентинского переворота: «Мартинес де Хос — хороший человек. Все это время мы с ним тесно контактировали». Киссинджер запомнил эти слова и организовал встречу с Мартинесом де Хосом, посетившим Вашингтон, «как символический жест». Он также предложил сделать пару звонков, чтобы помочь экономике Аргентины. «Я позвоню Дэвиду Рокфеллеру, — сказал Киссинджер министру иностранных дел хунты, имея в виду главу Chase Manhattan Bank. — И его брату вице-президенту [Соединенных Штатов Нельсону Рокфеллеру]»⁶².

Чтобы привлечь инвесторов, Аргентина выпустила 31-страничное рекламное приложение к журналу *Business Week* (его создала великая PR-компания Burson-Marsteller), где говорилось: «Немногие правительства в истории поддерживали частные инвестиции в такой мере, как мы... У нас совершилась подлинная социальная революция,

⁶¹ McCaughan M. True Crimes: Rodolfo Walsh. London: Latin America Bureau, 2002. Pp. 284—290; The Province of Buenos Aires: Vibrant Growth and Opportunity // *Business Week*. 1980. July 14, special advertising section.

⁶² Kissinger H., Guzzetti C.A. Memorandum of Conversation. 1976. June 10, declassified, www.gwu.edu/~nsarchiv.

и мы ищем партнеров. Мы освободились от бремени и горячо верим в ведущую роль частного сектора»⁶³.

И снова удар оказался безошибочным: за год зарплаты уменьшились на 40 процентов, заводы закрывались, ускоренно разрасталась нищета. До захвата власти хунтой в Аргентине было меньше бедных, чем во Франции или США, — всего лишь 9 процентов, а уровень безработицы составлял 4,2 процента⁶⁴. Казалось бы, Аргентина уже преодолела многие проблемы слаборазвитых стран, теперь же они вернулись. В бедных районах не было воды, и широко распространились болезни, которые можно было предупредить.

В Чили Пиночет благодаря шоку и ужасам, сопровождавшим захват власти, мог свободно при помощи экономической политики потрошить средний класс. Но хотя его боевые истребители и расстрельные команды были крайне эффективным средством распространения террора в стране, они сослужили ему дурную службу за рубежом. Сообщения в печати о кровавых преступлениях Пиночета вызвали возмущение по всему миру, и активисты в Европе и Северной Америке настойчиво требовали от своих правительств отказаться от торговли с Чили. Это было крайне неприятно для режима, который был установлен именно для того, чтобы открыть страну для бизнеса.

Недавно рассекреченные бразильские документы показывают, что аргентинские генералы, готовя переворот 1976 года, хотели «предотвратить международную кампанию, подобную той, что развернулась против Чили»⁶⁵. Для достижения этой цели нужны были менее сенсационные и драматичные тактики репрессий — нужно было организовать террор, но не столь заметный для назойливой иностранной прессы. В Чили Пиночет вскоре перешел к тактике исчезновений. Публичные расстрелы и аресты прекратились, солдаты похищали людей и отправляли их в тайные лагеря, пытали и часто убивали, а затем все отрицали. Тела жертв закапывали в общие могилы. По данным комиссии расследования, созданной в Чили в мае 1990 года, тайная полиция иногда избавлялась от своих жертв, сбрасывая их в океан с вертолета, «предварительно вспоров животы, чтобы тела не всплыли»⁶⁶.

⁶³ The Province of Buenos Aires. Хунта с такой поспешностью выставила страну на аукцион для инвесторов, что обещала «10-процентную скидку с цены земли для тех, кто начнет строительство в течение 60 дней».

⁶⁴ *McCaughan M. True Crimes*, p. 299.

⁶⁵ *Argentine Military Warned Brazil, Chile of '76 Coup*.

⁶⁶ *Report of the Chilean National Commission on Truth and Reconciliation / Trans. Ph.E. Ber-*

Эти тайные исчезновения оказались еще более эффективным средством распространения террора, чем открытые боины, настолько шокирующей была мысль, что государственный аппарат используется для того, чтобы люди бесследно исчезали.

К середине 70-х годов исчезновения стали основным средством воздействия военных хунт, верных чикагской школе, в странах южного конуса, но никто не использовал это средство с таким энтузиазмом, как генералы, занявшие президентский дворец в Аргентине. К концу их правления исчезло около 30 тысяч человек⁶⁷. Многие из них, как это делалось в Чили, были сброшены с самолетов в мутные воды реки Ла-Плата.

Аргентинская хунта нашла почти идеальный баланс между устрашением всего общества и отдельного человека, осуществляя террор достаточно открыто, чтобы каждый понимал, что происходит, но в то же время сохраняя нужную меру секретности, чтобы всегда можно было все отрицать. В первые дни прихода к власти хунта единственный раз продемонстрировала свою готовность убивать: из Ford Falcon (эти автомобили славились тем, что ими пользовалась тайная полиция) вытащили мужчину, привязали его к самому известному в Буэнос-Айресе памятнику — белому обелиску высотой 67,6 метра — и расстреляли из автоматов на виду у публики.

После этого хунта совершала убийства тайно, но они оставались постоянным фоном жизни. Исчезновения, которые официально отрицались, были общественным спектаклем, в котором безмолвно участвовали целые районы. К дому или месту работы намеченной жертвы подъезжали несколько военных машин, иногда над ними зависал вертолет, квартал оцепляли. На виду у окружающих в дневное время полиция или солдаты взламывали дверь и вытаскивали человека, который часто громко выкрикивал свое имя, прежде чем его заталкивали в поджидующий автомобиль, в надежде, что сведения о случившемся с ним передадут семье. Некоторые «тайные» операции совершались с еще большей наглостью: полиция заходила в переполненные городские автобусы и за волосы вытаскивала оттуда пассажиров; в городе Санта-Фе одну пару похитили прямо около алтаря в день их свадьбы на глазах у всей церкви, заполненной людьми⁶⁸.

ryman. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1993. Vol. 2. P. 501.

⁶⁷ Feitlowitz M. A Lexicon of Terror: Argentina and the Legacies of Torture. New York: Oxford University Press, 1998. P. ix.

⁶⁸ Там же, pp. 149, 175.

Публичность террора сохранялась и после арестов-похищений. Взятых под стражу направляли в один из более чем 300 лагерей пыток, разбросанных по всей стране⁶⁹. Многие из этих лагерей располагались в густонаселенных районах, например одно широко известное заведение такого рода размещалось в бывшем спортивном клубе на оживленной улице Буэнос-Айреса, другое — в школьном здании города Баия-Бланка, третье — в крыле действующего госпиталя. Вокруг этих застенков день и ночь крутились военные машины, через их плохо изолированные стены доносились крики, туда вносили и от туда выносили большие странные свертки, по форме напоминающие человеческое тело. Все это молча наблюдали местные жители.

Режим Уругвая действовал с таким же бесстыдством: один из главных пыточных центров размещался в бараках моряков около набережной в Монтевидео, где раньше прогуливались и устраивали пикники жители города. Во время правления диктатора это чудесное место оставалось пустынным, поскольку горожане не хотели слышать крики заключенных⁷⁰.

Аргентинская хунта с особой небрежностью избавлялась от останков своих жертв. На загородной прогулке человек мог в ужасе наткнуться на общую могилу, едва присыпанную землей. Тела с отрезанными пальцами и выбитыми зубами (как это сегодня происходит в Ираке) находили в мусорных баках, или они плыли по водам Ла-Платы, до полудюжины сразу, после очередного «полета смерти». Однажды они, сброшенные с вертолета, упали на фермерские поля⁷¹.

Почти все аргентинцы в какой-то степени были свидетелями уничтожения своих соседей, хотя многие из них говорят, что ничего не знали о происходящем. Одно выражение описывает тот парадокс, когда люди все видели, но ужас закрывал им глаза, — преобладающее состояние ума аргентинцев того времени: «Мы ничего не можем доказать».

Поскольку преследуемые хунтой аргентинцы часто скрывались в соседних странах, правительства региона сотрудничали в рамках печально знаменитой операции «Кондор». Разведки стран южного конуса делились информацией о «подрывных элементах», получен-

⁶⁹ Feitlowitz M. *A Lexicon of Terror: Argentina and the Legacies of Torture*, p. 165.

⁷⁰ Weschler L. *A Miracle, a Universe*, p. 170.

⁷¹ Report on an Amnesty International Mission to Argentina 6—15 November 1976 // Amnesty International. London: Amnesty International Publications, 1977. P. 35; Feitlowitz M. *A Lexicon of Terror*, p. 158.

ной с помощью наисовременнейшей компьютерной системы Вашингтона, и позволяли агентам соседних стран беспрепятственно пересекать границы, создавая общую зону пыток и похищений, что зловеще напоминает сеть ЦРУ для «чрезвычайной выдачи» наших дней⁷².

Кроме того, хунты обменивались информацией о наиболее эффективных методах получения сведений от своих заключенных. Некоторые чилийцы, которых пытали на Национальном стадионе в первые дни после переворота, обратили внимание на странную деталь: при пытках присутствовали бразильские солдаты, которые давали советы относительно наиболее изощренных методов использования боли⁷³.

Поле для такого сотрудничества в то время было достаточно широким, и многими подобными операциями руководили Соединенные Штаты при участии ЦРУ. В 1975 году, расследуя вмешательство США в дела Чили, Сенат установил, что ЦРУ обучало военных Пиночета методам «контроля над подрывной деятельностью»⁷⁴. Участие США в обучении полицейских Бразилии и Уругвая методам допроса отражено во многих документах. Согласно свидетельским показаниям на суде, которые цитируются в отчете комиссии расследования «Бразилия: это не должно повториться», опубликованном в 1985 году, офицеры армии посещали официальные «семинары по пыткам» в подразделениях военной полиции, где им показывали слайды, изображавшие различные методы мучений. Во время таких практических занятий приводили узников для «демонстрации» — их подвергали ужасным пыткам перед аудиторией из сотни смотревших и учившихся армейских сержантов. Одним из первых эту практику в Бразилии ввел Дэн Майтриан, офицер американской полиции. В первые годы военного режима в Бразилии Дэн Майтриан работал инструктором в полиции

⁷² Sanchez A. Uruguay: Keeping the Military in Check // Council on Hemispheric Affairs. 2006. November 20, www.coha.org. Эта латиноамериканская операция во многом копировала гитлеровскую «Ночь и туман». В 1941 году Гитлер решил, что бойцы Сопротивления в оккупированных нацистами странах должны доставляться в Германию, чтобы «раствориться в ночи и тумане». Некоторые из высокопоставленных нацистов нашли себе пристанище в Чили и Аргентине, и высказывалось мнение, что они могли обучать разведчиков стран южного конуса этим тактикам.

⁷³ Frank A.G. Economic Genocide in Chile, p. 43; Batalla de Chile.

⁷⁴ Covert Action in Chile 1963—1973 // United States Senate, Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1975. December 18. P. 40.

Белу-Оризонте, часто приводил нищих с улиц и пытал их в аудиториях, чтобы научить местных полицейских создавать конфликт между психикой и телом у заключенных⁷⁵. Затем Майтриан занялся подготовкой полиции в Уругвае, где в 1970 году его похитили и убили партизаны «Тупамару» — группа левых революционеров запланировала эту операцию, чтобы раскрыть участие Майтриана в обучении пыткам⁷⁶. Как свидетельствует один из его бывших учеников, он утверждал, подобно авторам учебника ЦРУ, что эффективная пытка — это не садизм, а наука. «Нужное количество боли в нужном месте» — таков был его лозунг⁷⁷. Отчеты комиссий по правам человека из стран южного конуса показывают результаты этих уроков в этот ужасный период. Все новые и новые свидетельства указывают на фирменные методы из наставления по пыткам Kubark: арест рано утром, капюшоны, интенсивная изоляция, лекарства и наркотики, лишение одежды, электрошок. Оно повсюду — ужасающее наследие экспериментов в университете Макгилла по искусственному вызову регрессии.

Бывшие узники Национального стадиона в Чили рассказывали про яркий свет, горевший по 24 часа в сутки, и про еду, которую подавали в неожиданное время⁷⁸. Солдаты заставляли многих узников покрывать головы одеялом, так что те не могли ничего видеть и слышать, — загадочная мера, поскольку все пленники знали, что их отвезли на стадион. В результате, по свидетельству заключенных, они теряли ощущение времени, а шок и ужас от переворота и последующих арестов становились гораздо сильнее. Казалось, что стадион превратился в огромную лабораторию, где они были подопытными кроликами в эксперименте по управлению ощущениями.

Более точные слепки экспериментов ЦРУ, «известные под названием “чилийские комнаты”», можно было увидеть в чилийской тюрьме «Вилла Гримальди» — это были деревянные изолированные камеры, настолько тесные, что заключенные не могли встать на колени» или лечь⁷⁹. Узников тюрьмы «Либертад» в Уругвае отправляли на остров: там были камеры без окон, освещенные одной лампочкой. Особо

⁷⁵ *Archdiocese of São Paulo: Torture in Brazil*, pp. 13—14.

⁷⁶ Это событие легло в основу великолепного фильма Коста-Гавраса «Осадное положение» (1972).

⁷⁷ *Galeano E. A Century of Wind. Memory of Fire / Trans. C. Belfrage. London: Quartet Books, 1989. Vol. 3. P. 208.*

⁷⁸ *Report of the Chilean National Commission on Truth and Reconciliation*, vol. 1, p. 153.

⁷⁹ *Kornbluh P. The Pinochet File*, p. 162.

важных заключенных держали в изоляции более 10 лет. «Мы начали думать, что уже умерли и наши камеры — это уже не камеры, но могилы, что внешнего мира нет, что солнце — это просто миф», — вспоминал Маурисио Росенкоф. Он видел солнце не более восьми часов за 11,5 лет тюрьмы. Его чувства за это время настолько обеднели, что он «забыл о красках — цвета не существовало»⁸⁰.

В одном из самых больших аргентинских центров пыток — Технической школе Военно-морского флота в Буэнос-Айресе — одиночные камеры назывались «капуча» — капюшон. Хуан Миранда, прошедший три месяца в камере «капуча», рассказал мне об этом мрачном месте. «Они надевают повязку на глаза и заковывают руки и ноги в кандалы. Ты лежишь на губчатом матрасе весь день на чердаке тюрьмы. Я не мог видеть других заключенных — от них меня отделяла фанерная перегородка. Когда стража приносила еду, меня заставляли повернуться к стене, — тогда они поднимали капюшон, чтобы я мог поесть. И это был единственный момент, когда мы могли присесть, все остальное время должны были лежать». Другие аргентинские узники подвергались сенсорному голоду в камерах размером с гроб, которые назывались «тубос».

Хуже изоляционной камеры была только комната допросов. Самой современной техникой допроса в регионе, захваченном военными, был электрошок. Они знали десятки способов применения тока на живых узниках: голые провода, военные телефоны, иглы под ногтями; прищепки на деснах, сосках, половых органах, ушах, губах, открытых ранах; на телах пленных, погруженных в воду для усиления воздействия; на телах, привязанных к столам или к бразильским железным «драконовым креслам». Хунта аргентинских скотоводов гордилась своим изобретением: узники получали разряд тока через железную кровать под названием «партилья» — барбекю, где их подвергали пыткам пиканой — так называется электрическая погонялка для скота.

Невозможно точно подсчитать количество людей, прошедших через пыточную машину стран южного конуса, но примерное их количество составляет от 100 до 150 тысяч, десятки тысяч из них были убиты⁸¹.

⁸⁰ *Weschler L. A Miracle, a Universe*, p. 145. Администрация тюрьмы «Либертад» работала в сотрудничестве с психологами, специалистами по поведению, чтобы разрабатывать техники пыток с учетом психологических особенностей заключенного; этот метод сегодня применяется в Гуантанамо. *Mayer J. The Experiment // The New Yorker*. 2005. July 11.

⁸¹ В Бразилии было 8400 политических узников, из которых тысячи пережили пытки. Ко-

Свидетельство тяжкого времени

В то время быть левым означало, что за тобой охотятся. Человек, не попавший в лагерь, постоянно стремился на один шаг опережать тайную полицию, используя тайные явки, телефонные коды и поддельные документы. Одним из таких людей в Аргентине был легендарный журналист, прославившийся своими расследованиями, Родольфо Вальш. Необыкновенно талантливый и общительный, подлинный человек эпохи Возрождения, автор детективов и рассказов, завоевавших разные литературные премии, Вальш был также прекрасным сыщиком, способным расшифровывать военные секреты и следить за шпионами. Он особо прославился, когда, будучи журналистом на Кубе, сумел перехватить и расшифровать телекс ЦРУ о вторжении в Заливе Свиней. Эта информация помогла Кастро подготовиться и защититься от нападения.

Когда военная хунта Аргентины запретила перонизм и удушила демократию, Вальш решил присоединиться к движению «Монтонеро» в качестве советника⁸². Из-за этого он занимал первые места в списке разыскиваемых военными, и каждое новое исчезновение вызывало опасение, что человек, подвергнутый пыткам пиканой, может выдать полиции убежище в маленькой деревне около Буэнос-Айреса, где Вальш скрывался со своей подругой Лилией Феррейра.

Используя широкую сеть источников информации, Вальш пытался следить за многочисленными преступлениями хунты. Он состав-

личество политических заключенных в Уругвае составляло 60 тысяч, и согласно сведениям Красного Креста пытки там применялись систематически. Около 50 тысяч чилийцев и не менее 30 тысяч аргентинцев были подвергнуты пыткам. Поэтому 100 тысяч переживших пытки — это соответствует самым осторожным подсчетам. *Rohter L. Brazil Rights Group Hopes to Bar Doctors Linked to Torture // New York Times. 1999. March 11; Report on the Situation of Human Rights in Uruguay // Organization of American States, Inter-American Commission on Human Rights. 1978. January 31, www.cidh.org; Campbell D., Franklin J. Last Chance to Clean the Slate of the Pinochet Era // Guardian. London. 2003. September 1; Feitlowitz M. A Lexicon of Terror, p. ix.*

⁸² Движение «Монтонеро» возникло в ответ на диктатуру. Когда перонизм потерпел поражение, Хуан Перрон, находившийся за границей, призвал своих сторонников вооружиться и сражаться за восстановление демократии. Они откликнулись на призыв. Хотя движение замешано в вооруженных нападениях и похищениях, оно сыграло важную роль в организации демократических выборов в 1973 году. Но когда Перрон снова пришел к власти, его напугала популярность «Монтонеро», он натравил на них команды убийц правой ориентации; в результате движение, вызывающее противоречивые оценки, к 1976 году утратило влияние.

лял списки погибших и пропавших без вести, карты массовых захоронений и тайных застенков. Он гордился своим знанием врага, но в 1977 году он сам стал жертвой безумной жестокости аргентинской хунты, направленной против своего народа. В первые годы режима военных десятки его близких друзей оказались в лагерях смерти; погибла также и его 26-летняя дочь Вики, из-за чего Вальш испытывал приступы безумного отчаяния.

Но пока повсюду разъезжали автомобили Ford Falcon, тихая жизнь была не для него. Понимая, что его время ограничено, Вальш решил по-своему отметить годовщину правления хунты. В потоке официальных речей, восхваляющих генералов за спасение страны, должны были появиться и его свободные слова, говорящие об упадке Аргентины. Его послание называлось так: «Открытое письмо писателя военной хунте». Оно писалось, по словам Вальша, «без надежды, что к нему прислушаются, с уверенностью, что оно вызовет гонения; я верен тому пути, который для себя избрал много лет назад — свидетельствовать в тяжкую годину жизни»⁸³.

Это письмо осуждало как государственный террор, так и экономическую систему, которой служило насилие. Вальш хотел распространить свое «Открытое письмо» тем же способом, каким он раньше распространял сводки новостей из подполья: он сделал 10 копий и разослал их, бросив в почтовые ящики разных людей, которые должны были распространить его послание дальше. «Я хочу, чтобы эти козлы поняли, что я тут, что я еще жив и все еще пишу», — сказал он Лилии, садясь за пишущую машинку «Олимпия»⁸⁴.

Письмо начинается с описания кампании террора, в которой генералы используют «сильнейшие, бесконечные пытки»; там также говорится об участии ЦРУ в обучении аргентинской полиции. После скрупулезного перечисления пыточных методов и тайных захоронений во всех ужасных подробностях Вальш резко меняет тему: «Эти события, которые должны возмутить сознание цивилизованного мира, тем не менее не являются главной причиной страдания аргентинского народа или самым ужасающим нарушением прав человека. Но экономическая политика правительства не только позволяет найти причину этих преступлений, но и является наибольшим зверством, которое целенаправленно ввергает миллионы людей в нищету... Достаточно несколько часов погулять по огромному Буэнос-Айресу, чтобы по-

⁸³ *McCaughan M. True Crimes*, p. 290.

⁸⁴ Там же, p. 274.

нять, с какой скоростью эта политика превращает город в трущобы для 10-миллионного населения»⁸⁵.

Система, которую описывал Вальш, была неолиберализмом чикагской школы, моделью экономики, призванной расчистить весь мир. За прошедшие десятилетия эта модель достаточно глубоко укоренилась в Аргентине, и более половины населения оказалось за чертой бедности. Вальш видел в этом не случайность, но точную реализацию плана — «запланированную нищету».

Он поставил на письме дату — 24 марта 1977 года — ровно год спустя после переворота. На следующее утро Вальш и Лилия Феррейра отправились в Буэнос-Айрес. Они захватили с собой несколько писем и бросили их в почтовые ящики. Несколькими часами позже Вальш шел на встречу с семьей пропавшего товарища. Там была засада: кто-то проговорился под пытками. Десяток вооруженных людей поджидали Вальша, чтобы его схватить. «Приведите ко мне этого чертова ублюдка живым, он мой», — лично приказал солдатам адмирал Массера, один из трех руководителей хунты. Вальш часто повторял: «Говорить — это не преступление, преступление — дать себя арестовать». Он немедленно выхватил свой пистолет и начал стрелять; ранил одного из солдат, и те открыли ответный огонь. Когда машина доставила его в Техническую школу военно-морского флота, он был уже мертв. Тело Вальша сожгли, золу и пепел бросили в реку⁸⁶.

Так называемая война против террора

Хунты стран южного конуса не скрывали своих революционных стремлений переделать общество, но им хватило ума отрицать то, в чем их обвинял Вальш: для достижения экономических целей они использовали массовое насилие и без применения системы запугивания и устранения препятствий их меры вызвали бы народное возмущение.

В тех случаях, когда им приходилось признаваться в убийствах, организованных государством, правительства хунт утверждали, что это была война против опасных террористов, сторонников Маркса, которых финансировал и направлял КГБ. Хунтам приходилось использовать «грязные» методы лишь потому, что они сражались против чудовища. Адмирал Массера, используя слова, которые кажутся до боли знакомыми сегодня, называл это «войной за свободу против

⁸⁵ *McCaughan M. True Crimes*, pp. 285—289.

⁸⁶ *Там же*, pp. 280—282.

тирании... войной против людей, стоящих за смерть, потому что мы стоим за жизнь... Мы сражаемся с нигилистами, агентами разрушения, которые стремятся исключительно к разрушению, хотя и скрывают это стремление под маской социального служения»⁸⁷.

В процессе подготовки к перевороту в Чили ЦРУ развернуло широкую пропагандистскую кампанию, чтобы представить Сальвадора Альенде замаскированным диктатором, коварным интриганом, который использовал конституционную демократию для захвата власти и вскоре создаст полицейское государство, от которого чилийцы никогда не смогут освободиться. Самые крупные левые группы в Аргентине и Парагвае — «Монтонеро» и «Тупамару» — были представлены как ужасающая угроза для национальной безопасности, что заставило генералов приостановить демократию, взять власть в свои руки и использовать все возможные средства для борьбы с противником.

Но в каждом случае эти страхи были либо крайне преувеличены, либо просто придуманы хунтами. Сенатское расследование 1975 года показало, что, по разведывательным данным, предоставленным правительству США, Альенде не представлял угрозы демократии⁸⁸. Что же касается «Монтонеро» в Аргентине и «Тупамару» в Уругвае, то, действительно, это были вооруженные группировки, широко поддерживаемые населением, способные нанести отчаянные удары по военным или общественным объектам. Однако в Уругвае «Тупамару» были устранены к тому моменту, когда военный режим захватил полную власть, а с «Монтонеро» в Аргентине расправились за первые полгода диктаторского режима, растянувшегося на семь лет (причина, заставлявшая Вальша скрываться). Рассекреченные документы Государственного департамента показали, что Сесар Аугусто Гуззетти, министр иностранных дел аргентинской хунты, 7 октября 1976 года сообщил Генри Киссинджеру, что «террористические организации уничтожены», однако в период правления хунты люди продолжали исчезать и после этого десятками тысяч⁸⁹.

В течение многих лет Государственный департамент США представлял «грязные войны» в странах южного конуса как суровые битвы

⁸⁷ Feitlowitz M. A Lexicon of Terror, pp. 25—26.

⁸⁸ Covert Action in Chile 1963—1973, p. 45.

⁸⁹ Weschler L. A Miracle, a Universe, p. 110; Secretary's Meeting with Argentine Foreign Minister Guzzetti. 1976. October 7. // Department of State. Memorandum of Conversation. Declassified, www.gwu.edu/~nsarchiv.

между опасными повстанцами и военными, которые иногда допускали эксцессы, но тем не менее заслуживали экономической и военной помощи. Однако большое количество фактов свидетельствует, что Вашингтон прекрасно понимал, какого рода военную операцию он поддерживает.

В марте 2006 года Архив национальной безопасности в Вашингтоне рассекретил протоколы заседания Государственного департамента, проходившего ровно через два дня после захвата власти хунтой в Аргентине в 1976 году. На этой встрече Уильям Роджерс, заместитель государственного секретаря по Латинской Америке, сказал Киссинджеру, что «вскоре нам следует ожидать развернутых репрессий, в Аргентине возможно длительное кровопролитие. Я думаю, они жестоко расправятся не только с террористами, но и с диссидентами из профсоюзов и рабочих партий»⁹⁰.

И эти ожидания оправдались. Подавляющее большинство жертв террора в странах южного конуса отнюдь не были членами вооруженных группировок, но мирными активистами с фабрик и ферм, из поселков и университетов. Среди них были экономисты, художники, психологи и члены левых партий. Их убили не потому, что они кому-либо угрожали оружием (которого у них и не было), но за их убеждения. В странах южного конуса, где зародился современный капитализм катастроф, «война против террора» была войной против всех препятствий на пути нового порядка.

⁹⁰ In Attendance—Friday, 1976, March 26. Рассекреченный документ доступен в Архиве национальной безопасности, www.gwu.edu/~nsarchiv.

С ЧИСТОГО ЛИСТА:

ТЕРРОР ДЕЛАЕТ СВОЕ ДЕЛО

Уничтожение людей в Аргентине не импровизация, оно не случайно и не иррационально: это систематическое разрушение важнейшей части аргентинского народа с намеренной целью изменить этот народ как таковой, перекрыть его существование, его взаимоотношения, его судьбу, его будущее.

Даниель Фейерштейн, аргентинский социолог, 2004 г.¹

У меня лишь одна цель — дожить до следующего дня... И не просто дожить, но дожить, оставаясь самим собой.

Марио Вильяни, переживший четыре года лагерей пыток в Аргентине²

В 1976 году Орландо Летельер возвратился в Вашингтон уже не как посол, но как активист прогрессивного мозгового центра — Института политических исследований. Помня о коллегах и друзьях, все еще подвергающихся пыткам в лагерях хунты, Летельер использовал свою вновь обретенную свободу для разоблачения преступлений Пиночета и защиты памяти Альенде перед лицом пропагандистского аппарата ЦРУ.

Его деятельность принесла свои плоды, и весь мир начал осуждать Пиночета, поправшего права человека. Но Летельера, опытного экономиста, огорчала одна вещь: мир ужасался свидетельствам

¹ *Feierstein D., Levy G. Hasta que la muerte nos separe: Practicas sociales genocidas en América Latina. Buenos Aires: Ediciones al margen, 2004. P. 76.*

² *Feitlowitz M. A Lexicon of Terror, p. xii.*

массовых казней и пыток с применением электрошока, но при этом большинство людей оставались равнодушными к шоковой терапии в экономике, а международные банки даже охотно предоставляли хунте всевозможные займы, откровенно восхищаясь Пиночетом как сторонником «основ свободного рынка». Летельер не мог согласиться с распространенным мнением, что хунта имела две разные программы, которые легко разграничить: это, с одной стороны, смелый эксперимент по трансформации экономики, а с другой — система омерзительных пыток и террора. Бывший чилийский посол утверждал, что это единый процесс, в котором террор был наиважнейшим средством внедрения свободного рынка.

«Нарушение прав человека, систему организованного насилия, жесткий контроль над мыслями и подавление всякого инакомыслия рассматривают (чаще всего осуждая) как феномен, лишь косвенно связанный — или не связанный вообще — с политикой “свободного рынка”, проводимой военной хунтой», — писал Летельер в своей пылкой статье для журнала *The Nation*. Он утверждал, что «эта весьма удобная концепция общества, в котором “экономическая свобода” и политический террор сосуществуют и не зависят друг от друга, позволяет думающим так финансистам поддерживать подобную “свободу”, одновременно говоря о защите прав человека»³.

Летельер даже заявил, что Милтон Фридман — «интеллектуальный творец и неофициальный советник команды экономистов, которые сегодня управляют экономикой Чили», — разделяет с Пиночетом ответственность за преступления этого режима. Он отверг возражение Фридмана, уверявшего, что предложение шокового лечения — это всего-навсего «технический» совет. «Строительство свободной “частной экономики” и контроль над инфляцией по рецепту Фридмана», пишет Летельер, невозможно осуществить мирным путем. «Такую экономическую программу необходимо вводить с помощью силы, а в отношении Чили это можно сделать, только убив тысячи людей, создав концлагеря по всей стране, бросив в тюрьмы за три года 100 тысяч человек... Откат вспять для большинства и “экономическая свобода” для маленькой привилегированной группы — это в Чили две стороны одной медали». «Есть, — уверяет он, — “внутренняя гармония” между “свободным рынком” и безграничным террором»⁴.

³ *Letelier O. The Chicago Boys in Chile.*

⁴ Там же.

Вызвавшая споры статья Летельера была опубликована в конце августа 1976 года. Меньше чем через месяц после ее публикации, 21 сентября, 44-летний экономист ехал на работу в центр Вашингтона. Когда он проезжал район посольств, раздался взрыв бомбы с дистанционным управлением, подложенной под водительское сиденье: машина подпрыгнула в воздух, взрывом Летельеру оторвало обе ноги. Тяжело раненного срочно повезли в Госпиталь Джорджа Вашингтона, оставив его ноги на тротуаре; по прибытии туда Летельер скончался. В машине бывшего посла находилась его коллега, 25-летняя американка Ронни Моффит, которая также погибла в результате взрыва⁵. Это было одним из самых возмутительных и наглых преступлений Пиночета с первых дней существования его режима.

Расследование ФБР показало, что взрыв бомбы совершил Майкл Таунли, крупный чин тайной полиции Пиночета, который предстал перед Федеральным судом США по обвинению в этом преступлении. Убийца проник в Америку по подложному паспорту с ведома ЦРУ⁶.

В декабре 2006 года Пиночет скончался. Ему удалось прожить 91 год, и многие хотели увидеть бывшего диктатора перед судом за преступления, которые он совершил, находясь у власти: от убийств, похищений и пыток до коррупции и уклонения от уплаты налогов. Семья Орландо Летельера десятилетиями пыталась добиться суда над Пиночетом в связи со взрывом бомбы в Вашингтоне, призывая раскрыть американские документы по этому делу. Но диктатор отправился в мир иной, избежав судебных процессов и оставив письмо, в котором оправдывал переворот и применение «максимальной суровости» необходимостью предотвратить установление «диктатуры пролетариата». Пиночет писал: «Как бы я желал, чтобы 11 сентября 1973 года не было необходимости применять военную силу! Как бы я желал, чтобы наше отечество никогда не знало марксистско-ленинской идеологии!»⁷

Не все латиноамериканские преступники времен террора были настолько удачливы. В сентябре 2006 года, 23 года спустя после

⁵ *Dinges J., Landau S. Assassination on Embassy Row. New York: Pantheon Books, 1980. Pp. 207—210.*

⁶ *Constable P., Valenzuela A. A Nation of Enemies, pp. 103—107; Kornbluh P. The Pinochet File, p. 167.*

⁷ *Gallardo E. In Posthumous Letter, Lonely Ex-Dictator Justifies 1973 Chile Coup // Associated Press. 2006. December 24.*

окончания военной диктатуры в Аргентине, один из главных организаторов террора был приговорен к пожизненному тюремному заключению. Этого человека звали Мигель Освальдо Эчеколац, он был полицейским комиссаром в провинции Буэнос-Айрес в годы правления хунты.

Во время этого исторического судебного процесса оказалось, что важнейший свидетель, Хорхе Хулио Лопес, исчез. Он уже исчезал в 70-е годы, был подвергнут жестоким пыткам, вышел на свободу — и вот все это повторилось снова. Лопес стал известен в Аргентине как человек, который «исчез дважды»⁸. В середине 2007 года его местонахождение все еще оставалось неизвестным, и полиция точно уверена, что это было похищение для устрашения прочих потенциальных свидетелей — тактика, хорошо знакомая по годам террора.

Судья Аргентинского федерального суда 55-летний Карлос Розански признал Эчеколаца виновным в шести случаях убийства, шести случаях незаконного ареста и семи случаях пыток. Объявив о своем решении, он сделал нечто необычное. Судья сказал, что это обвинение не отражает истинной природы преступления и что в интересах «коллективной памяти» ему следует добавить, что это были «всевозможные преступления против человека, совершенные в рамках геноцида, происходившего в Республике Аргентина между 1976 и 1983 годами»⁹.

Вынеся такое решение, судья внес свой вклад в пересмотр истории Аргентины: убийства левых в 70-е годы не были просто частью «грязной войны», где сталкиваются две стороны, совершая различные преступления, как было принято думать десятилетиями в рамках официальной версии истории. Так и исчезавшие люди не были жертвами безумных диктаторов, опьяненных садизмом и властью. Произошедшее имело более научную и пугающе рациональную основу. По выражению судьи, это был «план уничтожения людей, проводимый теми, кто правил страной»¹⁰.

Он пояснил, что убийства были частью целой системы: они заранее планировались, повторялись по единому образцу на территории всей страны и исполнялись с четким намерением не просто расправиться

⁸ Dos Veces Desaparecido // *Página 12*. 2006. September 21.

⁹ Карлос Розански был главным автором этого судебного решения, ему помогали судьи Норберто Лоренцо и Горацио А. Инсауральде. Federal Oral Court № 1. Case NE 2251/06. 2006. September, www.rodolfowalsh.org.

¹⁰ Federal Oral Court № 1. Case NE 2251/06. 2006, September, www.rodolfowalsh.org.

с отдельными людьми, но разрушить ту часть общества, которую эти люди представляли. Геноцид — это попытка уничтожить определенную группу, а не ряд отдельных людей; «следовательно, — утверждал судья, — эти действия — геноцид»¹¹.

Розански понимал, что применение слова «геноцид» может вызвать споры, и подробно описал, как он пришел к такому выводу. Да, он знал, что в Конвенции ООН по геноциду это преступление определяется как «намеренное действие, направленное на полное или частичное уничтожение какой-либо национальной, этнической, религиозной или расовой группы», то есть в Конвенции ничего не говорится об уничтожении группы на основе ее политических представлений, как это было в случае Аргентины. Однако Розански утверждал, что это не лишает его мнение юридической силы¹². Судья сослался на малоизвестную страницу истории ООН: 11 декабря 1946 года Генеральная ассамблея ООН единогласно приняла резолюцию, непосредственно связанную с нацистским холокостом, против актов геноцида, «когда уничтожаются полностью или частично расовые, религиозные, *политические* и другие группы»¹³. Слово «политические» было исключено из Конвенции два года спустя по требованию Сталина. Последний знал, что если назвать геноцидом уничтожение «политической группы», то проводимые им массовые аресты политических оппонентов и кровавые чистки полностью подпадут под действие этого документа. Сталина поддержали другие политические лидеры, которые хотели сохранить за собой право избавляться от своих политических противников¹⁴.

По мнению Розански, первоначальное определение ООН более законно, поскольку оно не подверглось редактированию из корыстных интересов¹⁵. Он сослался на решение суда Испании, вынесенное в 1998 году, осудившего одного из печально известных аргентинских преступников по обвинению в применении пыток. Там тоже

¹¹ Federal Oral Court № 1.

¹² Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, www.ohchr.org.

¹³ Kuper L. Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century // Genocide: An Anthropological Reader. Malden, MA: Blackwell, 2002. P. 56.

¹⁴ Schaack B., van. The Crime of Political Genocide: Repairing the Genocide Convention's Blind Spot // *Yale Law Journal* 107. 1997. № 7. May.

¹⁵ Уголовные кодексы многих стран, включая Португалию, Перу и Коста-Рику, запрещают акты геноцида, включая в это определение политические группировки или «социальные группы». Французский закон еще шире: геноцид там определяется как намерение уничтожить целиком или частично «группу, выбранную по произвольным критериям».

сказано, что аргентинская хунта повинна в «преступлении геноцида». Группа, которую хунта намеревалась уничтожить, названа там такими словами: «граждане, которые не соответствовали модели нового порядка в стране, выбранной властями»¹⁶. В следующем, 1999 году, испанский судья Бальтасар Гарсон, прославившийся тем, что выдал ордер на арест Аугусто Пиночета, также утверждал, что Аргентина пережила геноцид. Он же попытался дать определение той группе, которую стремилась уничтожить хунта. Цель хунты, писал испанский судья, заключалась в «установлении нового порядка, как и в гитлеровской Германии, и в этом новом порядке не было места для некоторых типов людей». Эти люди «составляли собой те сектора общества, которые препятствовали созданию задуманной идеальной конфигурации аргентинского народа»¹⁷. Конечно, преступления корпоративистских диктатур Латинской Америки в 70-е годы невозможно сравнивать по масштабам злодеяний с нацистами или с Руандой в 1994 году. Если геноцид тождествен холокосту, то преступления хунты не относятся к этой категории. Но если геноцид соответствует упомянутым определениям судов и представляет собой намеренную попытку устранить группы, препятствующие реализации политического проекта, тогда можно говорить о геноциде не только в Аргентине, но в той или иной мере и в других странах региона, превратившегося в постоянно действующую лабораторию чикагской школы. В этих странах «на пути идеала стояли» левые разных мастей: экономисты, работники бесплатных столовых, профсоюзные деятели, музыканты, фермеры, политики. Члены всех этих групп испытали на себе заранее определенную и сознательно проводимую по всему региону стратегию, которая могла легко пересекать границы с помощью операции «Кондор». Это был план искоренения и уничтожения всех левых.

Со времени падения коммунизма свободный рынок и свободные люди подаются «единым пакетом» как наилучшая идеология для человечества и единственная защита от повторения истории с ее общими могилами, трупами на полях сражений и камерами пыток. Однако в странах южного конуса, где современная религия свободного рынка, сбросившего оковы, вышла из подвальной мастерской Чикагского

¹⁶ Auto de la Sala de lo Penal de la Audiencia Nacional confirmando la jurisdicciyn de Espaca para conocer de los crimines de genocidio y terrorismo cometidos durante la dictadura argentina // Madrid. 1998. November 4, www.derechos.org; Schaack. B., van. The Crime of Political Genocide.

¹⁷ Garzón B. Auto de Procesamiento a Militares Argentinos // Madrid. 1999. November 2, www.derechos.org.

университета и впервые была опробована в реальном мире, она вовсе не принесла народам демократию, ее предпосылкой было свержение демократии в одной стране за другой. И она не принесла мир, но потребовала систематического убийства десятков тысяч и применения пыток для 100—150 тысяч человек.

По словам Летельера, существовала «внутренняя связь» между стремлением избавиться от определенных частей общества и идеологией, стоявшей в центре этого проекта. «Чикагские мальчики» и их профессора, дававшие советы хунтам и занимавшие ведущие посты при военных режимах в странах южного конуса, верили в чистую по самой своей природе форму капитализма. Их система основывалась на вере в «равновесие» и «порядок» и потребности избавиться от препятствий и «помех» ради успеха. Из-за этих особенностей режим, стремившийся воплотить в жизнь этот идеал, не мог мириться с существованием альтернативных или смешанных мировоззрений. Для достижения идеала требовалась монополия на идеологию, иначе согласно основным положениям теории экономические сигналы наталкиваются на помехи и вся система выходит из равновесия.

«Чикагским мальчикам» трудно было бы найти другую часть мира, более враждебную к их абсолютистским экспериментам, чем страны южного конуса в Латинской Америке 1970-х годов. Необычайный расцвет девелопментализма означал, что в этом регионе возникла сложная смесь именно таких подходов, которые чикагская школа воспринимала как помехи или «неэкономические идеи». Более того, этот регион кишел интеллектуальными движениями, прямо противоположными беспредельно свободному капитализму. И такие взгляды были тут не маргинальными, но типичными для большинства граждан, как это показывали многочисленные результаты выборов. Предложения чикагской школы могли рассчитывать здесь на такой же восторженный прием, как и идея пролетарской революции в Беверли-Хиллс.

Еще до того, как Аргентину захлестнула кампания террора, Родольфо Вальш писал: «Ничто не может остановить нас — ни тюрьма, ни смерть. Потому что вы не можете пересажать или убить весь народ и потому что большинство аргентинцев... знают, что только народ спасет народ»¹⁸. Сальвадор Альенде, наблюдая, как танки приближаются к президентскому дворцу, в последний раз обратился к народу

¹⁸ *McCaughan M. True Crimes*, p. 182.

по радио с подобными словами: «Я верю, что семена, посеянные нами на доброй почве сознания тысяч и тысяч чилийцев, невозможно уничтожить. Сейчас на их стороне сила, они могут заставить нас подчиняться, но они не в силах остановить социальные процессы с помощью преступлений или насилия. История за нами, и ее делает народ»¹⁹.

Вожаки хунты этого региона и их экономические советники прекрасно понимали эти истины. Один из ветеранов нескольких военных переворотов в Аргентине так описывает настроения заговорщиков: «В 1955 году мы думали, что проблема — это [Хуан] Перон, и мы его свергли, но к 1976 мы уже поняли, что проблема — это рабочий класс»²⁰. То же самое происходило и в других странах региона: проблема была обширна и глубока. И это значило, что для успеха неолиберальной революции хунта должна была сделать то, что, по словам Альенде, сделать было невозможно, — решительно искоренить семена, посеянные во время подъема левых сил в Латинской Америке. В своей декларации, выпущенной после переворота и посвященной основным принципам новой власти, диктатура Пиночета описывает свою миссию как «продолжительную и глубокую операцию по изменению чилийской ментальности», что перекликается с утверждением, высказанным на 20 лет раньше Элбионом Пэттерсоном из USAID, крестным отцом «чилийского проекта»: «Нам необходимо изменить сам склад этих людей»²¹.

Но как это сделать? Семена, о которых говорил Альенде, не были определенной идеей или даже группой политических партий и профсоюзов. В 1960-х и начале 1970-х годов в Латинской Америке левые представляли доминирующую массовую культуру: это поэзия Пабло Неруды, народная музыка Виктора Хары и Мерседес Соса, теология освобождения священников третьего мира, «театр угнетенных» Аугусто Боалья, радикальная педагогика Пауло Фрейре, революционная журналистика Эдуардо Галеано и самого Вальша; это легендарные герои и мученики прошлого и настоящего, от Хосе Хервасио Артигаса и Симона Боливара до Че Гевары. Поэтому когда хунта задумала опровергнуть предсказание Альенде и выкорчевать социализм с корнем, она объявляла войну всей этой культуре.

Этот императив отражали основные метафоры, которыми пользовались режимы Бразилии, Чили, Уругвая и Аргентины, — все

¹⁹ Constable P., Valenzuela A. A Nation of Enemies, p. 16.

²⁰ Levy G. Considerations on the Connections between Race, Politics, Economics, and Genocide // *Journal of Genocide Research* 8. 2006. № 2. P. 142.

²¹ Valdés J.G. Pinochet's Economists, pp. 7—8, 113.

эти фашистские образы чистки и мытья, искоренения и исцеления. В Бразилии облавы на левых носили название «Чистка». В день переворота Пиночет назвал Альенде с его кабинетом «мерзостью, которая хотела разрушить страну»²². Месяц спустя он поклялся «вырвать корень зла из Чили», совершить «моральное очищение» нации, «омовение от пороков», что перекликается с призывом одного из идеологов третьего рейха Альфреда Розенберга «безжалостно чистить железной щеткой»²³.

Чистка культуры

В Чили, Аргентине и Уругвае хунты начали операции мощной идеологической чистки. Они сжигали книги Фрейда, Маркса и Неруды, закрыли сотни газет и журналов, захватили университеты, запретили забастовки и политические митинги.

Особенно грязным нападкам были подвергнуты «розовые» экономисты, которых «чикагские мальчики» не могли победить до переворота. Из Университета Чили, — главного соперника базы «чикагских мальчиков» — Католического университета, были уволены сотни преподавателей за «несоблюдение морального долга» (среди них Андре Гундер Франк, отошедший от чикагской школы, который писал из Чили гневные письма своим бывшим американским профессорам)²⁴. Гундер Франк рассказывал, что во время переворота «шестерых студентов застрелили у главного входа в экономическое отделение, чтобы преподать наглядный урок всем прочим»²⁵. Когда хунта захватила власть в Аргентине, солдаты вломились в Южный университет в Баия-Бланке и арестовали 17 ученых по обвинению в «подрывной преподавательской деятельности»; и большинство из них были с экономического отделения²⁶. «Необходимо разрушить источники, которые питают, формируют и накачивают своими идеями подрывные элементы», — заявил один из генералов на пресс-конференции²⁷. В рамках «операции “Чистка”» пострадало 8000 «идеологически подозрительных» левых преподавателей²⁸. В вузах были запрещены груп-

²² *Constable P., Valenzuela A. A Nation of Enemies*, p. 16.

²³ Там же, p. 39; *Rosenberg A., Myth of the Twentieth Century: An Evaluation of the Spiritual-Intellectual Confrontations of Our Age*. 1930, repr. Newport Beach, CA: Noontide Press, 1993. P. 333.

²⁴ *Frank A.G. Economic Genocide in Chile*, p. 41.

²⁵ Там же.

²⁶ Report on an Amnesty International Mission to Argentina 6—15 November 1976, p. 65.

²⁷ Там же.

²⁸ *Feitlowitz M. A Lexicon of Terror*, p. 159.

повые презентации — как проявления скрытого коллективного духа, опасного для «индивидуальной свободы»²⁹.

В Сантьяго на Национальном стадионе среди других арестованных оказался легендарный левый исполнитель песен в народном стиле Виктор Хара. Неистовое стремление заставить культуру замолчать ярко отразилось в том, как с ним поступили. Сначала солдаты сломали ему обе руки, чтобы он не мог больше играть, затем, по данным чилийской комиссии «Правда и примирение», в него выпустили 44 пули³⁰. Чтобы он не мог никого вдохновлять после своей смерти, режим приказал уничтожить архивные оригиналы его записей. Мерседес Соса, представительница аналогичного музыкального направления, была вынуждена покинуть Аргентину, революционного драматурга Аугусто Боалья пытали и изгнали из Бразилии, Эдуардо Галеано изгнали из Уругвая, а Вальш был убит на улице Буэнос-Айреса. Культуру целенаправленно истребляли.

Параллельно ей на смену приходила другая — очищенная и здоровая — культура. В начале диктатур в Чили, Аргентине и Уругвае были позволены только два вида собраний публики: парады, демонстрирующие военную мощь, и футбольные матчи. В Чили женщину могли арестовать за ношение брюк, а мужчину — за длинные волосы. «По всей Республике проходит тщательная чистка», — заявляла передовая статья аргентинской газеты, подконтрольной хунте. Она призывала повсеместно соскабливать нарисованные левыми граффити: «Вскоре стены засияют, очищенные от этого кошмара с помощью мыла и воды»³¹.

В Чили Пиночет захотел отучить свой народ от привычки собираться на улицах. Самые крохотные скопления людей разгоняли при помощи специальных брандспойтов — водяных пушек, любимого орудия Пиночета для контроля над толпой. Хунта держала их повсюду, вплоть до самых маленьких, чтобы рассеивать горстки школьников с листовками на тротуарах. Даже погребальные процессии, если горе выражалось слишком шумно, грубо разгоняли. Эти брандспойты, прозванные «гуанако» — в честь лам, которые любят плевать, — использовали для очистки улиц от людей, как будто бы они были человеческим мусором, чтобы пустые улицы сияли чистотой.

²⁹ Taylor D. *Disappearing Acts: Spectacles of Gender and Nationalism in Argentina's «Dirty War»*. Durham, NC: Duke University Press, 1997. P. 105.

³⁰ Report of the Chilean National Commission on Truth and Reconciliation, vol. 1, p. 140.

³¹ Статья была напечатана в *La Prensa* (Buenos Aires); цит. по: Feitlowitz M. *A Lexicon of Terror*, p. 153.

Вскоре после переворота чилийская хунта издала распоряжение, в котором призывала граждан «участвовать в очистке вашего отечества», сообщая об иностранных «экстремистах» и «фанатиках-чилийцах»³².

Кто был убит и почему

Большинство исчезавших после облав были не «террористами», как их красноречиво называли, но скорее людьми, которые, как понимали хунты, являлись наиболее серьезным препятствием для реализации их экономических программ. Среди этих людей попадались и настоящие противники, но большинство были просто выразителями ценностей, противоположных ценностям осуществлявшихся революций.

Систематический характер этих чисток можно обнаружить, сопоставив даты и сроки исчезновения людей, зафиксированные правозащитниками и комиссиями по расследованиям. В Бразилии хунта воздерживалась от массовых репрессий до конца 60-х, но было одно исключение: как только совершился переворот, солдаты провели облавы на руководителей профсоюзов на фабриках и больших ранчо. Согласно данным, приведенным в книге «Бразилия: это не должно повториться», их поместили в тюрьмы, где многих подвергли пыткам «просто по той причине, что они были приверженцами политической философии, противоположной взглядам властей». Отчет комиссии расследования, основанный на судебных записях самих военных, показывает, что «Главное рабочее командование» (CGT), основное объединение профсоюзов, в документах хунты представлено как «вездесущий демон, которого надо изгнать». Отчет делает однозначный вывод, что военные, «пришедшие к власти в 1964 году, особенно тщательно занимались «чисткой» данного сектора», потому что они «боялись распространения... сопротивления профсоюзов экономическим программам хунты, основанным на уменьшении заработной платы и денационализации экономики»³³.

В Чили и Аргентине военные правительства воспользовались хаосом переворота, чтобы разгромить профсоюзное движение. Эти операции были тщательно запланированы заранее, поскольку систематические облавы начались уже в день переворота. В Чили, пока всеобщее внимание было приковано к президентскому дворцу, дру-

³² Constable P., Valenzuela A. *A Nation of Enemies*, p. 153.

³³ *Archdiocese of São Paulo. Torture in Brazil*, pp. 106—110.

гие армейские подразделения отправились на «фабрики в так называемый район промышленного пояса, где производили облавы и аресты. В течение нескольких следующих дней», по данным чилийской комиссии «Правда и примирение», были совершены облавы еще на нескольких фабриках «с последовавшими арестами множества людей, часть которых позже была убита или пропала без вести»³⁴. В 1976 году 80 процентов политических заключенных в Чили относились к рабочим или крестьянам³⁵.

В отчете аргентинской комиссии расследования «Это не должно повториться» отмечен параллельный хирургический удар против профсоюзов: «Мы обратили внимание на то, что значительная часть таких операций [против рабочих] прошла в день переворота или сразу после»³⁶. Среди описаний облав на фабриках один случай особенно ярко показывает, как ярлычок «терроризма» использовался в качестве маскировки для нападения на мирных рабочих активистов. Грасиела Геуна, политзаключенная лагеря пыток Ла-Перла, описывала, как ее охранники-солдаты тревожились из-за надвигающейся забастовки на электростанции. Забастовка оказалась бы «важным примером сопротивления военной диктатуре», и хунта не хотела, чтобы это случилось. Геуна вспоминает, что «солдаты решили превратить ее в незаконную, или, по их выражению, “монтонеризировать” ее (“Монтонеро” — название партизанской группы, с которой к тому моменту армия уже успешно расправилась). Забастовщики не имели ни малейшего отношения к “Монтонеро”, но это не играло никакой роли. Солдаты Ла-Перлы собственноручно распечатали листовки с подписью “Монтонеро”, призывающие рабочих к забастовке». Затем эти листовки стали «доказательством» права похищать и убивать руководителей профсоюзов³⁷.

Пытки за счет корпорации

Нападения на профсоюзных лидеров часто совершались при тесном сотрудничестве с владельцами предприятия; судебные дела последних лет дают документированные примеры прямого участия местных дочерних компаний иностранных монополистов в расправах над рабочими.

³⁴ Report of the Chilean National Commission on Truth and Reconciliation, vol. 1, p. 149.

³⁵ Letelier O. The Chicago Boys in Chile.

³⁶ Nunca Más (Never again): The Report of the Argentine National Commission of the Disappeared. New York: Farrar Straus Giroux, 1986. P. 369.

³⁷ Там же, p. 371.

В годы, предшествовавшие перевороту, растущая воинственность левых сил в Аргентине пугала иностранные компании как с экономической точки зрения, так и с точки зрения личной безопасности. В 1972—1976 годах пятеро руководителей компании Fiat были убиты³⁸. Судьба этих компаний круто изменилась, когда хунта захватила власть и приступила к реализации программы чикагской школы — теперь они могли беспрепятственно затопить местный рынок импортными товарами, снижать работникам зарплату, увольнять их по своему усмотрению и посылать полученную прибыль за границу.

Несколько транснациональных корпораций с энтузиазмом выразили свою благодарность. На ближайший Новый год после установления власти военных в Аргентине Ford Motor Company напечатала праздничную рекламу, в которой открыто заявляла о своем союзничестве с режимом — «1976: Аргентина снова выбирает свой путь. 1977: Новый год веры и надежды для всех аргентинцев доброй воли. Аргентинское отделение Ford Motor и его сотрудники будут бороться за осуществление великой судьбы отечества»³⁹. Иностранные компании не просто благодарили хунту за ее замечательную работу, некоторые из них активно участвовали в кампании террора. В Бразилии несколько транснациональных корпораций, объединившись, финансировали свою собственную приватизированную команду палачей. В середине 1969 года, когда жестокость хунты достигла своего пика, появились стоящие над законом полицейские силы под названием «Операция “Бандейрантес”», или ОБАН. По данным отчетов, приведенных в книге «Бразилия: это не должно повториться», эта организация, укомплектованная военными офицерами, финансировалась за счет «пожертвований различных транснациональных корпораций, включая Ford и General Motors». Существующая вне официальных военных и полицейских структур, ОБАН могла себе позволить «гибкость и безнаказанность в методиках допроса», как говорится в отчете, и скоро прославилась невероятным садизмом⁴⁰.

В Аргентине местная дочерняя компания Ford откровенно сотрудничала с аппаратом террора. Эта компания поставляла военным машины, и зеленые автомобили Ford Falcon с кузовом типа седан стали орудием тысяч похищений и исчезновений. Аргентинский психолог

³⁸ Report on an Amnesty International Mission to Argentina 6—15 November 1976, p. 9.

³⁹ Taylor D. *Disappearing Acts*, p. 111.

⁴⁰ Archdiocese of São Paulo. *Torture in Brazil*, p. 64.

и драматург Эдуардо Павловски называл эту машину «символическим выражением террора, машиной смерти»⁴¹.

Ford Motors поставляла хунте автомобили, а та в свою очередь оказывала ей ответные услуги: очищала сборочные конвейеры компании от доставляющих неприятности профсоюзных активистов. До переворота Ford была вынуждена сделать немало серьезных уступок своим работникам: вместо 20 минут на обед отводился один час, а 1 процент от стоимости каждой проданной машины тратился на социальные программы. Все это резко изменилось в день переворота, с началом контрреволюции. Фабрика Ford в пригородах Буэнос-Айреса превратилась в вооруженный лагерь, ее заполнили военные машины, в том числе танки и жужжащие над головами вертолеты. Согласно показаниям рабочих, подразделение численностью не менее сотни солдат постоянно находилось на фабрике⁴². «Казалось, как будто мы тут, на фабрике Ford, воевали. И все это было направлено против нас, рабочих», — вспоминает Педро Трояни, один из представителей профсоюза⁴³.

Солдаты прочесали здания, схватили наиболее активных членов профсоюза — по указанию мастера фабрики — и надвинули им на глаза капюшоны. Трояни также вытащили из конвейерного цеха вместе с другими жертвами. Причем, как он вспоминает, «прежде чем отдать меня под стражу, они провели меня по фабрике; они делали это совершенно открыто, чтобы другие могли видеть: таким образом Ford избавляется от профсоюзного движения»⁴⁴. Но самое поразительное произошло потом: вместо того чтобы быстро доставить в ближайшую тюрьму, солдаты, по словам Трояни и других, отвели их в камеры, созданные на территории самой фабрики. На том самом месте, где еще вчера они вели переговоры об условиях труда, рабочих избивали, том числе ногами, и в двух случаях подвергали электрошоку⁴⁵. Только потом их отправили во внешнюю тюрьму, где пытки про-

⁴¹ Robert K. The Falcon Remembered // *NACLA Report on the Americas* 39. 2005. № 3. November—December. P. 12.

⁴² Basualdo V. Complicidad patronal-militar en la última dictadura argentina // *Engranajes: Boletín de FETIA*. № 5. March, special edition.

⁴³ Расшифровка интервью с Педро Трояни и Карлосом Альберто Пропато, бывшими рабочими фабрики Ford и профсоюзными активистами, взятого Родриго Гутиэрресом для готовящегося к выходу на экран документального фильма о Ford Falcon (The Falcon Remembered).

⁴⁴ Demandan a la Ford por el secuestro de gremialistas durante la dictadura // *Página 12*. 2006. February 24.

⁴⁵ Robert K. The Falcon Remembered, pp. 13—15; расшифровка интервью с П. Трояни

должались неделями, а в некоторых случаях — месяцами⁴⁶. Как утверждают юристы рабочих, было схвачено по меньшей мере 25 представителей профсоюза местной фабрики Ford, причем половина из них содержалась под стражей на территории компании — группы прав человека Аргентины настаивают, чтобы это место внесли в официальный список тайных мест содержания арестованных⁴⁷.

В 2002 году федеральные прокуроры подали уголовный иск против аргентинского отделения Ford на основании жалоб Трояни и 14 других рабочих, заявив, что компания несет ответственность перед законом за репрессии, применявшиеся на принадлежащей ей территории. «Аргентинское отделение компании Ford и его руководители участвовали в похищении собственных работников и, я думаю, должны нести за это ответственность», — заявил Трояни⁴⁸. Подобное обвинение выдвинуто против Mercedes-Benz (дочерней компании фирмы DaimlerChrysler) на основании того, что эта компания в 1970-е годы сотрудничала с военными, проводя чистку своих фабрик от профсоюзных лидеров; в заявлении приводятся имена и адреса 16 рабочих, которые в тот период исчезли, 14 из них — навсегда⁴⁹.

Согласно Карен Роберт, занимающейся историей Латинской Америки, к концу диктатуры «практически все рабочие представители исчезли из самых крупных фирм страны... таких как Mercedes-Benz, Chrysler и Fiat Concord»⁵⁰. Как Ford, так и Mercedes-Benz отрицают какую-либо причастность своего руководства к репрессиям. Рассмотрение их дел продолжается.

Жертвами превентивного удара стали не только деятели профсоюзов, но и другие люди, мировоззрение которых опиралось на иные ценности, кроме погони за чистой прибылью. Особой жестокостью в странах этого региона отличались атаки на фермеров, выступавших за земельную реформу. В Аргентине хунта охотилась за лидерами Аргентинской аграрной лиги (они распространяли мятежные идеи о праве крестьян владеть землей), и их жестоко пытали — часто

и К. Пропато.

⁴⁶ Demandan a la Ford por el secuestro de gremialistas durante la dictadura.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Rohter L. Ford Motor Is Linked to Argentina's «Dirty War» // *New York Times*. 2002. November 27.

⁴⁹ Там же; Correa S. Los desaparecidos de Mercedes-Benz // *BBC Mundo*. 2002. November 5.

⁵⁰ Robert K. The Falcon Remembered, p. 14.

на тех самых полях, на которых они работали, на глазах у соседей. Солдаты использовали батареи тракторов для своих «пиканас», обращая обычные орудия сельского хозяйства против самих же фермеров. В то же время экономическая политика хунты была нежданной удачей, золотым дождем для землевладельцев и собственников скота. Мартинес де Хос снял ограничения с цены на мясо, и она подскочила более чем на 700 процентов, принося рекордную прибыль⁵¹.

В городских трущобах мишенью этих опережающих ударов были социальные работники, часто связанные с церковью, которые от лица беднейших представителей общества требовали заботы о здоровье, государственного жилья и образования, другими словами, «чикагские мальчики» демонтировали социальное государство. «Больше у бедных не останется добряков, которые о них заботятся!» — говорили тюремщики, обращаясь к Норберто Ливски, аргентинскому доктору, «поражая ударами тока [его] десны, соски, половые органы, живот и уши»⁵².

Аргентинский священник, сотрудничавший с хунтой, так объяснял ее основные принципы: «Враг — это марксизм. Марксизм в церкви и в моей родной стране — опасность для новой нации»⁵³. Слова об «опасности для новой нации» помогают понять, почему среди жертв хунты так много молодых. Например, в Аргентине 81 процент исчезнувших составляли люди в возрасте от 16 до 30 лет⁵⁴. «Сейчас мы работаем с прицелом на ближайшие 20 лет», — сказал известный аргентинский палач одной из своих жертв⁵⁵.

К молодым жертвам режима относится группа учащихся старших классов, которые в сентябре 1976 года объединились, чтобы попросить снизить плату за проезд в автобусе. Хунта увидела в этом коллективном действии знак того, что подростки заражены вирусом марксизма, и ответила им яростным геноцидом: шестеро школьников, осмелившихся выступить с такой подрывной просьбой, были подвергнуты пыткам и убиты⁵⁶. Мигель Освальдо Эчеколац, ко-

⁵¹ *McCaughan M. True Crimes*, p. 290.

⁵² *Nunca Más*, p. 22.

⁵³ *Marchak P. God's Assassins: State Terrorism in Argentina in the 1970s*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1999. P. 241.

⁵⁴ *Marchak P. God's Assassins*, p. 155.

⁵⁵ *Levy G. Considerations on the Connections between Race, Politics, Economics, and Genocide*, p. 142.

⁵⁶ *Marchak P. God's Assassins*, p. 161.

миссар полиции, осужденный в 2006 году, играл зловещую роль в этой расправе.

Таким образом, логика исчезновения людей была ясна: в то время как шоковая терапия была направлена на устранение всех пережитков коллективизма из экономики, шоковые отряды устраняли всех представителей народа с подобным мировоззрением с улиц, из университетов и фабрик.

Иногда по неосторожности даже передовые борцы экономической трансформации признавали, что для достижения их целей требуются массовые репрессии. Виктор Эммануэль из PR-компании Burson-Marsteller, который взялся рекламировать установленный аргентинской хунтой благоприятный для бизнеса режим, сказал исследователю, что насилие было необходимо, чтобы освободить «увязшую в попечительстве, статичную» экономику Аргентины. «Никто, ни один человек, не будет вкладывать деньги в страну, находящуюся в состоянии гражданской войны», — сказал он, признав, что там погибали не только вооруженные партизаны. «Может быть, там погибла масса невинных людей», — заявил он писательнице Маргерит Фейтловиц, но «в данной ситуации требовалось действовать с огромной силой»⁵⁷.

Серхио де Кастро, «чикагский мальчик» в роли министра экономики Чили, отвечавший за проведение шокового лечения, сказал, что никогда бы не смог этого сделать без железной хватки Пиночета. «Общественное мнение во многом было направлено против нас, так что для осуществления программы нужна была сильная личность. И нам повезло: президент Пиночет был способен нас понять и обладал сильным характером, чтобы противостоять критике». Кроме того, он заметил, что «авторитарное правительство» оптимально при переходе к экономической свободе из-за своего «безличного» использования силы⁵⁸.

Как это бывает почти во всех случаях государственного террора, целенаправленные убийства выполняли две задачи. Во-первых, устранялись реальные препятствия к реализации проекта — люди, которые, вероятнее всего, будут протестовать. Во-вторых, когда все поняли, что «смутьяны» исчезают, это стало грозным предупреждением тем, кто думал о сопротивлении, что также устраняло препятствия.

И террор делал свое дело. «Мы были сконфужены и встревожены, послушны и готовы выполнять указания... люди впадали в регрес-

⁵⁷ Feitlowitz M. A Lexicon of Terror, p. 42.

⁵⁸ Constable P., Valenzuela A. A Nation of Enemies, pp. 171, 188.

сию, они стали зависимее и боязливее», — вспоминал чилийский психиатр Марко Антонио де ла Парра⁵⁹. Иными словами, люди были в шоке. Поэтому, когда в результате экономического шока зарплаты упали, а цены подскочили, улицы в Чили, Аргентине и Уругвае оставались пустынными и спокойными. Не было голодных протестов или всеобщих забастовок. Семьи молча справлялись с новой ситуацией: пропуская обеды или ужины, они давали малышам мате — традиционный чай, подавляющий голод, и вставали до восхода, чтобы пешком за несколько часов добраться до работы, экономя на автобусных билетах. Если же кто-то умирал от голода или брюшного тифа, их тихо хоронили.

Всего 10 лет назад страны южного конуса — с их бурно развивающейся промышленностью, быстрым ростом среднего класса и мощными системами здравоохранения и образования — были надеждой развивающегося мира. Теперь же богатые и бедные оказались в двух разных экономических мирах: богатые становились почетными гражданами штата Флорида, а остальные люди были отброшены назад, к состоянию экономической отсталости, и этот процесс будет продолжаться и углубляться при помощи неолиберальной реструктуризации в эпоху после диктатур. Вместо окрыляющего примера эти страны стали грозным предупреждением о том, что случается с бедными странами, которые пытаются выбраться из третьего мира. Эта перемена аналогична тому, что происходило с заключенными пыточных камер: их заставили не только говорить, но и отказаться от своих убеждений, предать любимых и детей. Тех, кто не выдерживал пыток, называли «квебрадос» — сломленными. То же самое произошло со странами южного конуса: регион был не просто разбит, он был сломлен.

Пытка как «лечение»

Пока политики пытались устранить коллективизм из культуры, в тюрьмах при помощи пыток его устраняли из ума и духа. В 1976 году в редакционной статье одной газеты, сотрудничавшей с аргентинской хунтой, было сказано: «Умы также надо очищать, потому что ошибки рождаются именно там»⁶⁰.

Многие палачи чувствовали себя врачами или хирургами. Подобно чикагским экономистам с их болезненной, но необходимой шо-

⁵⁹ Constable P., Valenzuela A. *A Nation of Enemies*, p. 147.

⁶⁰ Статья из *La Prensa* (Buenos Aires), цит. по: Feitlowitz M. *A Lexicon of Terror*, p. 153.

ковой терапией, допрашивающие думали, что электрошок и другие орудия пыток оказывают терапевтическое воздействие: они назначают своего рода лечение узникам, которых часто в лагерях называли «апестосос» — нечистыми или больными. Их надо излечить от болезни социализма, от склонности к коллективным действиям⁶¹. Такое «лечение», конечно, мучительно, оно может даже привести к смерти — но проводится во благо пациента. «Если рука страдает от гангрены, ее надо отрезать, не правда ли?» — нетерпеливо отвечал Пиночет критикам, обвинявшим его в нарушении прав человека⁶².

Свидетельства узников, собранные комиссиями по расследованиям по странам региона, описывают систему мер, вынуждающих человека отречься от самых важных принципов своей жизни. Для большинства левых Латинской Америки самым дорогим принципом была, по словам аргентинского историка радикала Освальдо Байера, их «единственная трансцендентальная теология — солидарность»⁶³. Пытающиеся отлично понимали значение солидарности и старались вытравить социальные взаимосвязи из своих заключенных. Разумеется, на любом допросе они стремились извлечь ценную информацию и таким образом вынудить человека стать предателем. Но, по словам многих узников, их палачей интересовала не столько информация, которой они уже располагали, сколько акт предательства сам по себе. Таким образом палачи старались нанести необратимое повреждение тому качеству человека, которое побуждает его ставить помощь другим выше всего остального, — а именно в силу этого качества эти люди и стали активистами, — и заменить его стыдом и чувством унижения.

Иногда узники совершали предательства не по собственной воле. Когда был арестован аргентинец Марио Вильяни, при нем оказался его дневник. Записи указывали на место встречи Вильяни с его другом. Туда явились солдаты, и еще один активист исчез в мясорубке

⁶¹ Электрошок, совершив полный круг, вновь стал тем, чем был вначале: методом экзорцизма. Первый зарегистрированный случай применения электрошока относится к началу XVIII века. Швейцарский доктор, думая, что причиной психических расстройств является дьявол, приложил к телу пациента провода, подсоединенные к аппарату со статическим электричеством. На каждого демона было потрачено по одному заряду. Затем было объявлено, что пациент исцелен.

⁶² *Constable P., Valenzuela A. A Nation of Enemies, p. 78. Shirlaw L.M. A Cure for Devils // Medical World 94. 1961. January. P. 56; цит. по: History of Shock Treatment. San Francisco: Frank, 1978, September, P. 2.*

⁶³ *McCaughan M. True Crimes, p. 295.*

террора. Палачи, допрашивающие Вильяни, постоянно напоминали ему о том, что «они схватили Хорхе, потому что при [нем] оказались эти заметки. Они понимали, что мысль об этом была куда мучительнее разряда в 220 вольт. Вынести эти угрызения совести почти невозможно»⁶⁴.

Актами неповиновения в этих условиях были малейшие проявления доброты между заключенными, например, перевязка раны соседу по камере или готовность поделиться скудной едой. Когда надсмотрщики замечали подобное, за этим следовало суровое наказание. Тюремщики пытались превратить узников в крайних индивидуалистов, иногда предлагая им дьявольские сделки: выбор между самой невыносимой пыткой для себя или еще более грубыми пытками для другого заключенного. В некоторых случаях узников удавалось сломить до такой степени, что они помогали применять «пикану» для своих соседей или по телевидению отказывались от своих прежних убеждений. Такие случаи воспринимались тюремщиками как полная победа: их подопечные не только предали солидарность, но и ради собственного спасения подчинились жестокой морали, на которой основан капитализм без ограничений, — «заботе только о самом себе», по словам одного из руководителей ИТТ⁶⁵.

Обе группы шоковых «докторов» стран южного конуса — как генералы, так и экономисты — пользовались почти идентичными метафорами, описывая свою работу. Фридман говорил о том, что в Чили выполняет роль врача, который дает «чилийскому правительству советы по медицинским процедурам, чтобы остановить распростране-

⁶⁴ Feitlowitz M. A Lexicon of Terror, p. 77.

⁶⁵ Сегодня это стремление сломать личность можно увидеть в использовании ислама как орудия против мусульманских заключенных в тюрьмах, находящихся в ведении США. Многочисленные свидетельства из Абу-Грейб и Гуантанамо показывают, что узники постоянно испытывают две формы пыток — это нагота и систематическое издевательство над исламскими обычаями: заключенных заставляют сбривать бороды и пинать ногой Коран, их заворачивают в израильский флаг, мужчин заставляют принять гомосексуальные позы и их даже смазывают поддельной менструальной кровью. Муаззам Бегг, бывший узник Гуантанамо, рассказывает, что его часто насильно брили, а затем стражники спрашивали: «Где же то, что делает тебя мусульманином?» Они издеваются над исламом не потому, что его ненавидят (хотя и это возможно), но потому, что его любят заключенные. Поскольку целью пыток является изменение личности, все, на чем держится личность заключенного, у него систематически отнимают и разрушают — от его одежды до личных убеждений. В 70-х ради этой цели разрушению подвергалась солидарность, сегодня мишенью нападения стал ислам. Rose D. Guantanamo Briton «in Handcuff Torture» // *Observer*. London. 2005. January 2.

ние чумы» — «эпидемию инфляции»⁶⁶. Арнольд Харбергер, возглавлявший латиноамериканскую программу в Чикагском университете, зашел еще дальше. Выступая с лекцией перед молодыми аргентинскими экономистами, когда диктатура уже давно закончилась, он сказал, что хорошие экономисты сами по себе терапия — они служат «анти-телами, вступающими в сражение с антиэкономическими идеями и программами»⁶⁷. Министр иностранных дел аргентинской хунты Сесар Аугусто Гузетти произнес такие слова: «Когда социальное тело страны поражено заболеванием, которое разъедает его внутренности, оно образует антитела. Эти антитела не стоит сравнивать с микробами. По мере того как правительство одолевает и устраняет партизан, активность антител становится ниже, как это уже произошло. Это просто естественная реакция больного тела»⁶⁸.

Такой язык, конечно, соответствует риторике нацистов, которые утверждали, что, убивая «больных» членов общества, они исцеляют «народное тело». Нацистский доктор Фриц Кляйн говорил: «Я хочу сохранить жизнь. И из уважения к человеческой жизни я должен удалить гноящийся аппендикс из больного тела. Евреи — это воспаленный аппендикс в теле человечества». «Красные кхмеры» использовали такие же слова, чтобы оправдать массовую резню в Камбодже: «Зараженную часть следует отсечь»⁶⁹.

«Нормальные» дети

И нигде эти параллели не проявляются с такой яркостью, как в обращении аргентинской хунты с детьми в лагерях пыток. В Конвенции ООН по геноциду среди других проявлений геноцида упоминаются и такие, как «использование мер, предотвращающих рождение детей в данной группе», и «насильственное перемещение детей из одной группы в другую»⁷⁰.

Около 500 детей родилось в лагерях пыток Аргентины, и их судьбу немедленно включили в план перекройки общества и создания новой породы образцовых граждан. После короткого периода мла-

⁶⁶ Friedman M., Friedman R.D. *Two Lucky People*, p. 596.

⁶⁷ Harberger A.C. *Letter to a Younger Generation*, p. 4.

⁶⁸ Report on an Amnesty International Mission to Argentina 6—15 November 1976, pp. 34—35.

⁶⁹ Lifton R.J. *The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide*. 1986, repr. New York: Basic Books, 2000. P. 16; Ponchaud F. *Cambodia Year Zero* / Trans. N. Amphoux. 1977, repr. New York: Rinehart and Winston, 1978. P. 50.

⁷⁰ Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide.

денчества сотни детей отдавали (иногда за деньги) парам, прямо или косвенно связанным с диктатурой. Этим детей воспитывали в соответствии с ценностями капитализма и христианства, которые хунта считала «нормальными» и здоровыми, а их происхождение оставляли в тайне. Об этом свидетельствует группа по правам человека «Бабушки Пласа-де-Майо», с болью следившая за судьбой десятков таких детей⁷¹. Родители, считавшиеся слишком больными, чтобы позволить им воспитывать детей, почти все погибли в лагерях. Подобные преступления не были отдельными эксцессами, но частью организованной государственной операции. На одном судебном процессе в качестве доказательства был представлен официальный документ Министерства внутренних дел, озаглавленный: «Инструкции относительно процедур в ситуациях, когда родители несовершеннолетних детей политических или профсоюзных лидеров находятся в местах заключения или пропали без вести»⁷².

Эта глава аргентинской истории удивительным образом перекликается с массовым отрывом детей коренного населения от их семей в США, Канаде и Австралии, где их посылали в школы-интернаты, запрещая говорить на родном языке и избивая, пока они не «побелеют». В Аргентине 1970-х, без сомнения, государство пользовалось такой же логикой превосходства — на этот раз не расового, но превосходства политических убеждений, культуры и класса.

Один из самых наглядных символов взаимосвязи между политическими убийствами и революцией свободного рынка был продемонстрирован спустя четыре года после падения диктатуры в Аргентине. В 1987 году съемочная группа работала в подвале «Галериас Пасифико», одного из прекраснейших торговых центров Буэнос-Айреса, и внезапно обнаружила там брошенный центр пыток. Оказалось, что во время диктатуры Первый армейский корпус скрывал исчезнувших людей в недрах торгового центра; на стенах этой темницы все еще остались горестные записи давно погибших узников: имена, даты, просьбы о помощи⁷³.

⁷¹ HIJOS (организация по правам человека, следившая за детьми, родители которых пропали без вести) насчитывает свыше 500 таких детей. HIJOS. Lineamientos, www.hijos.org.ar; о 200 случаях говорится в Annual Report 2001 // Human Rights Watch, www.hrw.org.

⁷² *Boschi S.* Desaparición de menores durante la dictadura militar: Presentan un documento clave // *Clarín*. Buenos Aires. 1997. September 14.

⁷³ *Feitlowitz M.* A Lexicon of Terror, p. 89.

Сегодня «Галериас Пасифико» — жемчужина торгового района Буэнос-Айреса — свидетельство того, что город стал столицей капиталистического потребления и глобализации. Под сводчатыми потолками среди роскошных фресок красуются бренды известных фирм: Christian Dior, Ralph Lauren или Nike. Их товары недоступны большинству жителей страны, но являются удачной покупкой для иностранцев, которые устремляются в этот город, чтобы воспользоваться преимуществами падения местной валюты.

Для аргентинцев, которые чтят историю своей страны, этот торговый центр является ярким напоминанием о былых испытаниях. Как на ранней стадии колониального капитализма новые стройки часто возникали на кладбищах местных жителей, так и проект чикагской школы в Латинской Америке в буквальном смысле слова построен на месте тайных лагерей пыток, где исчезли тысячи людей, веривших в иное будущее своей страны.

«НИКАКОЙ СВЯЗИ»:

КАК ИДЕОЛОГИЮ ОЧИЩАЛИ ОТ ЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Милтон [Фридман] — живое воплощение истины, согласно которой «идеи имеют последствия».

Дональд Рамсфельд, министр обороны США, май 2002 г.¹

Люди сидели в тюрьмах, поэтому цены можно было отпустить на свободу.

Эдуардо Галеано, 1990 г.²

Был короткий период, когда казалось, что преступления в странах южного конуса могут положить конец неолиберальному движению, дискредитировав его еще до того, как оно выйдет за границы своей первой лаборатории. После судьбоносного визита Милтона Фридмана в Чили в 1975 году обозреватель газеты *New York Times* Энтони Льюис задал простой, но болезненный вопрос: «Если чисто чикагская экономическая теория может осуществляться в Чили исключительно ценой репрессий, не должны ли ее авторы чувствовать свою долю ответственности за это?»³

После убийства Орландо Летельера активисты вспомнили о том, что он призывал «интеллектуального архитектора» экономической революции в Чили к ответу за чудовищную цену этих мероприятий. В те годы каждую лекцию Милтона Фридмана прерывали цитатой из Летельера, и на нескольких мероприятиях, устроенных в его честь, Фридману приходилось пробираться в зал по запасному выходу.

¹ *Rumsfeld D.* Secretary of Defense Donald H. Rumsfeld Speaking at Tribute to Milton Friedman. White House, Washington, DC. 2002. May 9, www.defenselink.mil.

² *Weschler L.* A Miracle, a Universe, p. 147.

³ *Lewis A.* For Which We Stand: II / *New York Times*. 1975. October 2.

Студенты Чикагского университета были настолько возмущены сотрудничеством их профессора с хунтой, что требовали провести академическое расследование. Их поддержали некоторые ученые, в том числе австрийский экономист Герхард Тинтнер, убежавший из Европы от фашизма и оказавшийся в США в 1930-х. Тинтнер сравнивал Чили при Пиночете с Германией при нацистах и проводил параллель между деятельностью Фридмана, поддерживающего диктатора, и деятельностью технократов, сотрудничавших с Третьим рейхом (в свою очередь Фридман обвинил своих критиков в нацизме)⁴.

Как Фридман, так и Арнольд Харбергер охотно приписывали себе экономические чудеса, которые совершали в Латинской Америке «чикагские мальчики». В 1982 году Фридман, с интонациями гордого родителя, заявил в журнале *Newsweek*: «“Чикагские мальчики”... сочетали выдающиеся интеллектуальные и практические способности... со смелостью и преданностью, позволявшей им воплощать свои теории». Харбергер говорил: «Я горжусь моими студентами больше, чем любыми моими работами, фактически, в группу «латинос» я вложил себя куда больше, чем в литературу»⁵. Но как только вопрос заходило человеческой цене «чудес», совершенных этими студентами, оба теоретика немедленно заявляли, что не видят тут никакой связи.

«Несмотря на мое глубокое несогласие с авторитарной политической системой в Чили, — писал Фридман в колонке *Newsweek*, — я не вижу никакого зла в том, что экономисты дают практические экономические советы чилийскому правительству»⁶.

В своих мемуарах Фридман утверждает, что Пиночет на протяжении первых двух лет пытался управлять экономикой самостоятельно, и лишь «в 1975 году, когда инфляция все еще бушевала, а рецессия в мире породила экономический спад в Чили, — [только тогда] генерал Пиночет обратился к “чикагским мальчикам”»⁷. Но эта версия прошлого совершенно не соответствовала действительности: «чикагские мальчики» начали сотрудничать с военными еще до переворота, а экономические преобразования стали осуществляться с первых дней после

⁴ A Draconian Cure for Chile's Economic Ills?; *Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People*, p. 601.

⁵ *Friedman M. Free Markets and the Generals // Newsweek*. 1982. January 25; *Valdés J.G. Pinochet's Economists*, p. 156.

⁶ *Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People*, p. 596.

⁷ Там же, p. 398.

захвата власти хунтой. А иногда Фридман даже осмеливался утверждать, что весь режим Пиночета — 17 лет диктатуры и десятки тысяч людей, прошедших пытки, — был вовсе не насильственным демонстражем демократии, а обратным процессом. «Если говорить о чилийском бизнесе, то по-настоящему важная вещь заключается в том, что свободный рынок позволил построить свободное общество», — говорил Фридман⁸.

Через три недели после убийства Летельера одна новость заставила всех забыть про споры о связи преступлений Пиночета с движением чикагской школы. Милтон Фридман получил в 1976 году Нобелевскую премию по экономике за «оригинальные и весомые» труды о связи инфляции и безработицы⁹. В своей нобелевской речи он заявил, что экономика — столь же строгая и объективная наука, как и физика, химия или медицина, поскольку она занимается бесстрастным анализом доступных фактов. Фридман начисто забыл тот факт, что его основополагающая гипотеза, удостоенная награды, ярко доказала свою ложность, о чем свидетельствовали очереди за хлебом, эпидемия брюшного тифа и заводы в Чили, закрытые при безжалостном режиме, который решился осуществить эти идеи на практике¹⁰.

Спустя год произошло еще одно событие, повлиявшее на форму споров вокруг стран южного конуса: правозащитная организация Amnesty International получила Нобелевскую премию мира, преимущественно за смелую и энергичную работу, посвященную нарушениям прав человека в Чили и Аргентине. Разумеется, премия по экономике независима от премии мира, их присуждают разные комитеты и вручают в разных городах. Тем не менее, вручив две эти премии, самые престижные жюри в мире как бы вынесли свой вердикт: шок в камере пыток необходимо решительно осудить, но экономическое шоковое лечение заслуживает овации — значит, как саркастически писал Летельер, эти две формы шока «никак не связаны»¹¹.

⁸ Интервью с Милтоном Фридманом 1 октября 2000 года // *Commanding Heights: The Battle for the World Economy*, www.pbs.org.

⁹ Нобелевская премия по экономике стоит особняком от прочих премий, присуждаемых Нобелевским комитетом. Ее полное название звучит так: Премия Шведского банка по экономике памяти Альфреда Нобеля.

¹⁰ *Friedman M. Inflation and Unemployment // Nobel Memorial Lecture. 1976. December 13, www.nobelprize.org.*

¹¹ *Letelier O. The Chicago Boys in Chile.*

Шоры правозащитников

Эта интеллектуальная стена возникла не только потому, что экономисты чикагской школы отказывались признать какую-либо связь между их программой и применением террора. Проблема усугублялась тем, что на акции террора смотрели исключительно в узких рамках «нарушений прав человека», а не как на средство для достижения очевидных политических и экономических целей. Отчасти это объясняется тем, что страны южного конуса в 1970-е годы были не только лабораторией новой экономической модели, но также и лабораторией новой модели действия активистов: международного массового движения за права человека. Несомненно, это движение сыграло решающую роль в том, что удалось положить конец самым вопиющим нарушениям прав человека со стороны военных хунт. Но обращая внимание исключительно на преступления, а не на их причины, движение за права человека также способствовало тому, что идеологии чикагской школы удалось сохранить свою репутацию незапятнанной, несмотря на все, что происходило в ее первой кровавой лаборатории.

Эта ситуация восходит к зарождению современного движения за права человека. В 1948 году ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека. И как только этот документ был принят, он стал орудием борьбы в холодной войне, где обе стороны пытались доказать, что их противник — это будущий Гитлер. В 1967 году пресса разоблачила Международную комиссию юристов, зародыш группы прав человека, которая обличала нарушения в советских странах; комиссия уверяла, что является независимым арбитром, но на самом деле тайно финансировалась ЦРУ¹².

В такой трудной ситуации Amnesty International разработала принцип полной беспристрастности: ее будут финансировать исключительно сами члены организации и она останется полностью «независимой от интересов любых правительственных и политических групп, идеологии, экономики или религиозных убеждений». Стремясь показать, что права человека не используются для борьбы за какую-либо политическую программу, Amnesty International рекомендовала своим местным отделениям одновременно заняться судьбой троих узников совести, по одному из «коммунистической страны, западной страны и страны третьего мира»¹³. Позиция Amnesty

¹² Sheehan N. Aid by CIA Groups Put in the Millions // *New York Times*. 1967. February 19.

¹³ Report on an Amnesty International Mission to Argentina 6—15 November 1976, copyright

International, тогдашнего символа всего движения за права человека в целом, сводилась к тому, что, поскольку нарушения прав человека являются универсальным злом сами по себе, не обязательно заниматься исследованием причин этих нарушений, достаточно их фиксировать во всех подробностях, опираясь на надежные источники.

На этом принципе основывалась и хроника кампании террора в странах южного конуса. В условиях слежки и угрозы со стороны тайной полиции группы прав человека посылали своих представителей в Аргентину, Уругвай и Чили, которые встречались с сотнями жертв пыток и их семьями; эти активисты стремились также проникнуть в тюрьмы, насколько это было возможно. Поскольку независимая пресса была запрещена и хунты отрицали свои преступления, эти свидетельства стали первоисточниками для истории, которая могла бы остаться ненаписанной. Но эта работа при всей ее важности страдала ограниченностью: эти отчеты представляют собой просто юридический перечень самых отвратительных методов репрессий со ссылками на статьи Декларации ООН, которые были нарушены.

Эта узость отражена и в отчете Amnesty International за 1976 год по Аргентине, который стал великим обличением зверств хунты, достойным Нобелевской премии, однако никак не объяснял, чем вызваны эти нарушения прав человека. Там задается вопрос: «В какой степени эти нарушения можно объяснить необходимостью установить “безопасность”?» — чем хунта официально оправдывала свою «грязную войну»¹⁴. После исследования показаний отчет приводит заключение, что угроза со стороны вооруженных отрядов партизан левого направления несколько не соответствует уровню государственных репрессий.

Но, быть может, существовали иные цели, которыми «можно объяснить» эти акты насилия? Об этом отчет Amnesty International молчит. Фактически на 92 страницах документа ни разу не говорится, что хунта перестраивает страну по меркам радикального капитализма. Там не упоминаются массовое обнищание или резкое сворачивание программ перераспределения богатства, хотя эти феномены занимают центральное место в жизни страны под властью хунты. В отчете подробно перечислены все законы и постановления хунты, которые нарушают свободу граждан, но не упомянуто ни одного экономи-

page; Dezalay Y., Garth B.G. The Internationalization of Palace Wars: Lawyers, Economists, and the Contest to Transform Latin American States. Chicago: University of Chicago Press. 2002. P. 71.

¹⁴ Report on an Amnesty International Mission to Argentina 6—15 November 1976, p. 48.

ческого постановления, позволяющего снизить зарплаты и поднять цены, нарушая права человека на пищу и жилье — также закрепленные в Декларации ООН. Если бы революционные экономические преобразования хунты были подвергнуты хотя бы беглому анализу, стало бы ясно, зачем нужны эти чрезвычайные репрессии, а также почему среди узников совести, которые упомянуты в отчете, так много мирных профсоюзных деятелей и социальных работников.

В отчете Amnesty International был и другой важный недостаток: происходящее в Аргентине было представлено как конфликт между группой местных военных и левыми экстремистами. Другие участники событий: правительство США и ЦРУ, местные землевладельцы или транснациональные корпорации — не упоминаются. Без учета общего плана внедрения «чистого» капитализма в Латинской Америке и мощных интересов, стоящих за этой программой, акты садизма, отраженные в отчете, не имеют никакого разумного смысла — это просто отдельные беспричинные дурные поступки в политической сфере, которые все совестливые люди должны осудить, но не способны понять.

Движение за права человека действовало в рамках серьезных ограничений, вызванных разными причинами. Внутри стран, где эти нарушения происходили, первыми обращали внимание на террор друзья и родственники жертвы, но им приходилось об этом говорить крайне осторожно. Если бы они указали на связь исчезновений с политической или экономической программой режима, они сами могли бы пропасть без вести. Самым известным движением за права человека того времени является движение «Бабушки Пласа-де-Майо», известное в Аргентине под именем «Мадрес». Его участницы еженедельно устраивали демонстрации перед зданием правительства в Буэнос-Айресе, но не осмеливались выступать с лозунгами протеста, вместо этого они несли фотографии своих пропавших детей с надписью «*Dónde están?*» — «Где они?» И медленно ходили по кругу в белых платках с вышитыми именами своих детей. Многие участницы «Мадрес» имели четкие политические убеждения, но стремились не изображать угрозу режиму: они всего-навсего скорбящие матери, которые отчаянно желают знать, куда делись их невинные дети¹⁵.

В Чили самой большой правозащитной группой был Комитет мира, куда вошли оппозиционные политики, юристы и деятели церкви. Эти

¹⁵ После окончания диктатуры движение «Мадрес» стало одним из самых резких критиков нового экономического порядка в Аргентине и сохраняет ту же позицию и в настоящий момент.

опытные политические активисты понимали, что борьба за прекращение пыток и освобождение узников совести — это лишь часть более широкой битвы за то, кто будет контролировать богатства Чили. Но чтобы не превратиться в следующую жертву режима, они отказались от риторики осуждения капитализма и усвоили новый язык «всеобщих прав человека». Избегая разговоров о богатых и бедных, слабых и сильных, о Севере и Юге, они объясняли мир, пользуясь весьма популярными в Северной Америке и Европе понятиями, и указывали на то, что каждый человек имеет право на справедливое судебное разбирательство и на свободу от жестокого и унижительного обращения. Они не спрашивали «почему?», они утверждали: *так* происходит. Используя правозащитную лексику, эту смесь юридических терминов и гуманизма, они учили, что их заключенные «компаньерос» на самом деле являются узниками совести и это случай нарушения прав на свободу слова и свободу мысли, подпадающих под защиту статей 18 и 19 Всеобщей декларации прав человека.

Для людей, живущих под пятой диктатуры, этот новый язык был секретным кодом — подобным образом певцы маскировали политические заявления хитроумными метафорами; здесь же левизна облекалась в юридическую терминологию, что позволяло говорить о политике, не упоминая ее¹⁶.

Когда же кампания террора в Латинской Америке привлекла широкое внимание многочисленных групп международного правозащитного движения, у его активистов были свои, совсем иные причины не упоминать политику.

Форд против Форда

Отказ от поиска взаимосвязи между государственным террором и идеологическими программами режимов — характерная черта для практически всей правозащитной литературы того времени. Молчание Amnesty International можно объяснить стремлением сохранить беспристрастность среди напряжения холодной войны, но у многих других групп тут сыграл свою роль совершенно иной фактор: деньги.

¹⁶ Несмотря на все эти предосторожности, правозащитники все равно нередко становились жертвами террора. В чилийских тюрьмах содержалось множество юристов-правозащитников, а в Аргентине хунта поручила одному из своих главных палачей внедрить своих агентов в «Мадрес» под видом скорбящих родственников. В декабре 1977 года была устроена расправа над этой группой: 12 матерей исчезли навсегда, в том числе руководительница «Мадрес» Асусена де Висенти и две французских монахини.

На тот момент самым значимым источником финансирования этой деятельности оставался фонд Форда, крупнейшая филантропическая организация в мире. В 60-е годы фонд тратил на правозащитную деятельность крайне малую часть своих средств, но в 70-х и 80-х на защиту прав человека в странах Латинской Америки им была выделена колоссальная сумма — 30 миллионов долларов. Это позволяло фонду поддерживать и такие южноамериканские группы, как Комитет мира в Чили, и новые группы в США, например *Americas Watch*¹⁷.

До военных переворотов фонд Форда, работая в тесном сотрудничестве с Государственным департаментом США, в странах южного конуса занимался в основном подготовкой специалистов, большей частью в сфере экономики и сельского хозяйства¹⁸. Фрэнк Саттон, заместитель вице-президента международного отделения фонда, так объясняет философию своей организации: «Невозможно получить модернизированную страну без модернизированной элиты»¹⁹. Хотя фонд и действовал в жестких рамках логики холодной войны, стремясь создать альтернативу революционному марксизму, академические гранты фонда почти всегда отражали просто-напросто интересы правых: студенты из Латинской Америки отправлялись в университеты США, финансировались работы аспирантов в латиноамериканских университетах, включая крупные государственные заведения, славящиеся своими левыми пристрастиями.

Но существовали яркие исключения из этого правила. Как уже упоминалось, фонд Форда был главным источником денег для латиноамериканского проекта исследования и обучения в Чикагском университете, благодаря чему появились сотни «чикагских мальчиков» — уроженцев региона. Фонд также финансировал параллельную программу в Католическом университете в Сантьяго, в рамках которой студенты из соседних стран могли обучаться у чилийских «чикагских мальчиков». Таким образом фонд Форда, намеренно или невольно,

¹⁷ К тому времени как фонд Форда начал его финансировать, Комитет мира был переименован в «Викариат солидарности». *Americas Watch* входила в состав *Human Rights Watch*, которая начала свою деятельность под именем «Хельсинкской группы» с получения гранта в 500 тысяч долларов от фонда Форда. Сведения о 30 миллионах получены из беседы с Альфредом Айронсайдом в отделе контактов фонда. По словам Айронсайда, большая часть этих денег была потрачена в 80-е годы. Он сообщил, что «в 1950-е на правозащитную деятельность в странах Латинской Америки не тратилось практически ничего», а «в 1960-е была серия грантов на общую сумму 700 тысяч долларов».

¹⁸ *Dezalay Y., Garth B.G. The Internationalization of Palace Wars*, p. 69.

¹⁹ *Ransom D. Ford Country*, p. 96.

стал основным финансовым источником (более важным, чем даже правительство США) для распространения идеологии чикагской школы по Латинской Америке²⁰.

Когда «чикагские мальчики» пришли к власти под прикрытием штыков Пиночета, это не показалось хорошей новостью для фонда Форда. Миссия фонда заключалась в «улучшении экономических институтов ради достижения демократических целей»²¹. Теперь же экономические институты, построенные как в Чикаго, так и в Сантьяго на средства фонда, сыграли ключевую роль в низвержении чилийской демократии, а бывшие студенты, получившие образование в США в рамках этого проекта, применяли полученные знания с шокирующей жестокостью. Положение фонда осложнял и тот факт, что это был уже второй случай за несколько последних лет, когда подопечные фонда насильственно захватывали власть; первым случаем была «берклийская мафия», моментально получившая власть в Индонезии после кровавого переворота Сухарто.

Фонд Форда помог создать экономическое отделение Университета Индонезии с нуля, но как только Сухарто пришел к власти, «почти все экономисты, появившиеся благодаря этой программе, заняли места в новом правительстве», как говорится в одном из документов фонда. Не осталось почти ни одного преподавателя для занятий со студентами²². В 1974 году во время восстания националистов в Индонезии, направленного против «иностранной подрывной деятельности» в экономике, фонд Форда стал мишенью для народного возмущения — многие указывали на то, что именно эта организация научила экономистов Сухарто продавать нефть и полезные ископаемые страны западным монополиям.

«Чикагские мальчики» в Чили и «берклийская мафия» в Индонезии создали фонду Форда дурную репутацию: студенты, получившие образование в рамках двух его важнейших программ, стали участниками двух наиболее жестоких во всем мире правых диктатур. И хотя в фонде не могли предвидеть, что идеи, усвоенные его подопечными, будут применяться таким варварским методом, ему пришлось столкнуться с неприятным вопросом: каким образом организация, стремящаяся к распространению мира и демократии, оказалась пособником авторитаризма и насилия?

²⁰ Valdés J.G. Pinochet's Economists, pp. 158, 186, 308.

²¹ History. 2006 // Ford Foundation, www.fordfound.org.

²² Mohamad G. Celebrating Indonesia, p. 56.

Из опасений о своей репутации или из сожаления о случившемся — а возможно, тут действовала комбинация этих мотивов — фонд Форда, как это принято в хорошем бизнесе, занялся профилактикой этих проблем. В середине 70-х годов фонд сменил направление деятельности: раньше он поставлял странам третьего мира «технические знания», теперь же стал основным источником финансов для правозащитного движения. Этот поворот был особенно резким в Чили и Индонезии. После того как левые в этих странах были разбиты режимами, созданными на деньги фонда Форда, тот же самый фонд начал поддерживать новое поколение бесстрашных юристов, ведущих крестовый поход за освобождение сотен тысяч политических заключенных — узников тех же режимов.

Не стоит удивляться, что, приступив к поддержке правозащитников, фонд Форда, помня о своих сомнительных действиях в прошлом, определил сферу своей деятельности как можно уже. Фонд поддерживал те группы, которые вступают в юридические сражения на основе «законности», «прозрачности» и «государственности». Как сказал один из сотрудников фонда Форда, установка этой организации относительно Чили была такой: «Как можно это сделать, не втягиваясь в политику?»²³ Дело заключалось не только в том, что фонд по своей природе был консервативной организацией, работавшей в рамках официальной внешней политики США и преследовавшей сходные цели²⁴. Кроме этого, любое серьезное расследование причин репрессий в Чили неизбежно заставило бы вспомнить о роли фонда, который вооружил нынешних правителей страны фундаменталистским направлением экономической мысли.

Споры, особенно у рядовых правозащитников, вызывала также связь между фондом и Ford Motor Company. В настоящее время фонд Форда никак не связан с автомобилестроительной компанией и ее преемниками, но в 1950—1960-е годы, когда фонд поддерживал образовательные проекты в Азии и Латинской Америке, ситуация была иной. Фонд был основан в 1936 году на добровольные пожертвования

²³ *Dezalay Y., Garth B.G. The Internationalization of Palace Wars*, p. 148.

²⁴ В 1950-х годах фонд Форда нередко служил прикрытием ЦРУ, давая ему возможность финансировать ученых или деятелей искусства, враждебных марксизму, которые не догадывались об истинном источнике поступавших к ним денег. На основании документов об этом написано в книге Фрэнсиса Стонора Сондерса «Культурная холодная война». Фонд Форда не финансировал Amnesty International или наиболее радикальных правозащитников Латинской Америки, таких как «Бабушки Пласа-де-Майо».

в виде акций от трех руководителей Ford Motor, включая Генри Форда и Эдсея Форда. По мере умножения средств фонда он действовал все независимее от своих основателей, но окончательно освободился от их акций лишь в 1974 году, год спустя после переворота в Чили и несколько лет спустя после переворота в Индонезии, а в правлении фонда члены семьи Форда заседали до 1976 года²⁵.

В странах южного конуса это приводило к поразительному противоречию: благотворительная программа той самой компании, которая была теснее всего связана с аппаратом террора — эта компания разместила тайный центр пыток на своей территории и участвовала в уничтожении собственных работников, — оставалась лучшим и часто единственным, орудием борьбы за прекращение худших нарушений прав человека со стороны режима. В те годы поддержка правозащитников со стороны фонда Форда позволила спасти множество жизней. И косвенно это повлияло на решение Конгресса США сократить военную поддержку Аргентины и Чили, постепенно вынудив режимы стран южного конуса умерить размах своих самых жестоких репрессий. Но за помощь фонда правозащитникам приходилось расплачиваться — сознательно или нет — отказом от интеллектуальной честности. Решение фонда заняться защитой прав человека, «не втягиваясь в политику», создавало такие условия, при которых было практически невозможно задаться вопросом о нарушениях, зарегистрированных в отчетах комиссий: почему это происходит, кому это выгодно?

Это наложило отпечаток на представления об истории революции свободного рынка, где не упоминается о том, в какой ситуации чрезвычайного насилия она родилась. Чикагские экономисты не говорили о пытках (это не имеет отношения к их сфере познаний), подобным образом группы правозащитников почти не упоминали о радикальных преобразованиях в экономической сфере (это выходило за рамки их узкого юридического кругозора).

Лишь один крупный отчет правозащитников того времени показывает, что репрессия и экономика — это фактически единый проект. Речь идет о проекте «Бразилия. Это не должно повториться». Обращает на себя внимание еще один факт: это единственный отчет комиссии по расследованиям, независимой от государственной или иностранной поддержки. Он основан на документах военных судов,

²⁵ History. 2006 // Ford Foundation, www.fordfound.org; Saunders F.S. The Cultural Cold War: The CIA and the World of Arts and Letters. New York: New Press, 2000.

которые сумели скопировать отважнейшие юристы и деятели церкви в те годы, когда страна находилась под властью диктатуры. Описав некоторые из кошмарных преступлений, авторы отчета задают наиважнейший вопрос, которого столь тщательно избегают все остальные: почему? И дают простой ответ: «Потому что экономическая программа была крайне непопулярна среди широких масс населения, ее приходилось реализовывать с помощью насилия»²⁶.

Радикальная экономическая модель, пустившая столь глубокие корни во времена диктатуры, оказалась прочнее, чем генералы, которые ее внедряли. Прошли годы после того, как солдаты вернулись в свои бараки, а латиноамериканцам вернули право выбирать себе новое правительство, но логика чикагской школы сохранилась.

Клаудиа Акунья, аргентинская журналистка и преподаватель, рассказала мне, как трудно было в 70—80-е годы осознать, что насилие стало для хунты не самоцелью, но средством. «Нарушения прав человека были такими вопиющими, такими невероятными, что главной задачей стало их остановить. Но хотя можно было добиться уничтожения секретных камер пыток, невозможно было упразднить экономическую программу, которую начали осуществлять военные и которая продолжает реализовываться сегодня».

В итоге, как предсказывал Родольфо Вальш, гораздо больше жизней уничтожило «запланированное обнищание», чем пули. В каком-то смысле все произошедшее в странах южного конуса Латинской Америки в 70-х, что выглядело тогда как убийство, было на самом деле невероятно жестоким вооруженным ограблением. «Кровь пропавших без вести людей оказалась просто ценой экономической программы», — сказала Акунья.

Дебаты о том, можно ли действительно отделить «права человека» от политики и экономики, касаются не только Латинской Америки, этот вопрос возникает, когда государство применяет пытки для достижения своих целей. Несмотря на налет таинственности и естественное желание рассматривать их как отклоняющееся поведение, никак не связанное с политикой, пытки не такая уж сложная или таинственная вещь. Грубейшее средство принуждения, они используются с удивительной предсказуемостью, когда местный деспот или иностранный оккупант не встречает поддержки, необходимой для управления. Таковы Маркос на Филиппинах, шах в Иране, Сад-

²⁶ Archdiocese of São Paulo. Torture in Brazil, p. 50.

дам в Ираке, французы в Алжире, израильтяне на оккупированных территориях, США в Ираке и Афганистане. И этот список можно продолжать бесконечно. Массовая жестокость по отношению к заключенным — почти безошибочный индикатор того, что политики пытаются осуществлять программу — политическую, религиозную или экономическую, — которая не пользуется поддержкой большинства граждан. Как экологи могут определить экосистему по наличию некоторых видов растений или птиц — «видов-индикаторов», так и пытка есть индикатор режима, реализующего глубоко антидемократичный проект, даже если этот режим появился в результате законных выборов.

Известно, что пытка совершенно ненадежное средство для извлечения нужной информации на допросе, но как средство запугивания и контроля над населением она крайне эффективна. Именно по этой причине в 1950—1960-е годы жителей Алжира так сильно раздражали французские либералы, которые возмущались тем, что их солдаты пытаются борцов за освобождение электротоком или погружают в воду, но ничего не сделали для приостановки оккупации, которая и была причиной этих зверств.

В 1962 году Гизель Алими, французский адвокат нескольких алжирцев, которая была зверски изнасилована и подвергалась пыткам в тюрьме, гневно писала: «Эти слова — давно затасканные клише, и с тех пор, как в Алжире применяют пытки, они повторяются вновь и вновь, с тем же негодованием, с теми же призывами собрать подписи протестующих, с теми же обещаниями. И эта рутина, доведенная до автоматизма, не остановила ни одного удара током или ни одной пытки водой и нисколько не ограничила власть тех, кто их применяет». О том же пишет Симона де Бовуар: «Нравственные протесты против “эксцессов” или “злоупотреблений” — это ошибка, которая косвенно делает соучастником преступления. Тут не существует “злоупотреблений” или “эксцессов”, это одна всесторонняя *система*»²⁷.

По ее словам, оккупацию невозможно проводить гуманно, не существует гуманного способа управлять людьми вопреки их воле. И приходится выбирать, пишет Бовуар: или согласиться с оккупацией наряду со всеми ее методами принуждения, «или отвергнуть не только отдельные акции, но и главную цель, которая их оправдывает и для достижения которой они очень важны». Подобный выбор можно

²⁷ Beauvoir S., de, Halimi G. Djamila Boupacha / Trans. P. Green. New York: MacMillan. 1962. Pp. 19, 21, 31.

сделать относительно Ирака или конфликта Израиля с Палестиной сегодня, а в 1970-е годы только с такой позиции можно было относиться к странам южного конуса. Не существует доброго и мягкого способа осуществления оккупации, подобным образом невозможно мирным путем отнять у миллионов граждан то, что им необходимо для достойной жизни, а именно это стремились осуществить «чикагские мальчики». Чтобы разбоем отнять у людей землю или привычный образ жизни, необходима сила или по меньшей мере правдоподобная угроза, именно поэтому грабители носят пистолеты и нередко их применяют. Попытки омерзительны, но часто это рациональное средство достижения определенной цели, а возможно, даже единственное такое средство. И это заставляет поставить серьезные вопросы, которые так часто не решались задать себе люди, наблюдая за происходящим в Латинской Америке. Не является ли неолиберализм по самой своей природе идеологией насилия? Может быть, его цели требуют прохождения цикла жестокой политической чистки, за которой следует подчищающая операция по поводу нарушения прав человека?

Один из самых ярких ответов на этот вопрос дает Серхио Томаселья, фермер, выращивавший табак, и генеральный секретарь Аграрной лиги Аргентины, который испытал на себе пытки и провел пять лет в тюрьме, как и его жена, другие родственники и друзья²⁸. В мае 1990 года Томаселья сел в ночной автобус, направлявшийся из сельской провинции Корриентес в Буэнос-Айрес, чтобы выступить перед Аргентинским трибуналом, где проходили слушания показаний о нарушении прав человека во время правления хунты. Выступление Томасельи отличалось от всех прочих. Он стоял перед городскими жителями в рабочей обуви и одежде фермера и объяснял собравшимся, что стал жертвой длительной войны — войны между бедными крестьянами, которые мечтали о клочке земли для создания кооператива, и всемогущими землевладельцами, которым принадлежала половина всей земли этой провинции. «И эта история продолжается: те, кто отняли земли у индейцев, продолжают угнетать нас при помощи своих феодальных структур»²⁹.

Томаселья утверждал, что жестокость, которую пережил он и другие члены Аграрной лиги, нельзя отделить от мощных экономических интересов, ради которых причиняли боль их телам и уничтожали результаты их общественной работы. Поэтому вместо того, чтобы

²⁸ Этот рассказ взят из замечательной книги Маргерит Фейтловиц «Лексикон террора».

²⁹ Feitlowitz M. A Lexicon of Terror, p. 113.

перечислять имена солдат, которые его мучили, Томаселья стал перечислять названия корпораций, иностранных и аргентинских, которые получали прибыль от длительной экономической зависимости страны. «Иностранные корпорации навязали нам свои сельскохозяйственные продукты, свои химикаты, загрязняющие нашу землю, свои технологии и идеологию. И все это они совершили при посредстве олигархов, владеющих землей и контролирующих политику. Но нужно помнить, что олигархия также находилась под контролем тех же самых корпораций: Ford Motors, Monsanto, Philip Morris. Нам надо изменить именно эту *структуру*. Именно ее я обвиняю. Вот, собственно, и все».

В аудитории раздались аплодисменты. Томаселья завершил свои показания следующими словами: «Я верю, что в итоге восторжествуют истина и справедливость. На это уйдет жизнь нескольких поколений. Если я погибну в этом бою — пусть так и будет. Но в один прекрасный день мы победим. А сегодня я знаю моего врага по имени, как и мой враг знает меня».

Первое приключение «чикагских мальчиков» в 1970-х должно было бы прозвучать грозным предостережением для человечества: их идеи опасны. Но идеологию не удалось обвинить в преступлениях, совершенных в ее первой лаборатории; эта субкультура, не ставящая под сомнения свои взгляды, получила иммунитет и свободу продолжать свое дело покорения мира. Сегодня мы снова вступили в эпоху корпоративистских расправ, когда страны страдают от чудовищной жестокости военных наряду с организованными попытками переделать их по образцу экономики «свободного рынка», где исчезновения и пытки порождают ответную месть. И снова цель создания свободного рынка рассматривают вне всякой связи с причиной возникновения этой жестокости.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВЫЖИВАНИЕ ДЕМОКРАТИИ:

БОМБЫ ЗАКОНОВ

Нас ужасают военные конфликты между государствами. Но экономическая война не менее страшна, чем вооруженное столкновение. Она подобна хирургической операции. Экономическая война — это длительная пытка. И она оставляет после себя опустошение не менее ужасное, чем так называемая обычная война. Мы не задумываемся об экономической войне, потому что привыкли к ее смертоносному действию... Движение против войны — доброе дело. Я молюсь за его успех. Но меня гложет опасение, что это движение потерпит неудачу, если не будет направлено на корень всех зол — на жадность человека.

М.К. Ганди «Ненасилие — величайшая сила», 1926 г.

СПАСЕННЫЕ ВОЙНОЙ:

ТЭТЧЕРИЗМ И ЕГО ПОЛЕЗНЫЕ ВРАГИ

**Властитель — это человек, который может ввести
чрезвычайное положение.**

Карл Шмидт, нацистский юрист¹

Когда Фридрих Хайек, «святой покровитель» чикагской школы, вернулся в 1981 году из Чили, он был под таким сильным впечатлением от Пиночета и «чикагских мальчиков», что написал письмо своей подруге Маргарет Тэтчер, премьер-министру Великобритании. Он призывал ее взять за образец эту южноамериканскую страну для изменения кейнсианской экономики Британии. Позже Тэтчер и Пиночет стали такими друзьями, что она навещала престарелого генерала, находящегося под домашним арестом в Англии по обвинению в геноциде, пытках и терроризме.

Британский премьер-министр была прекрасно осведомлена о «замечательных успехах чилийской экономики», как она это называла, говоря, что это «потрясающий пример экономической реформы, который может нас многому научить». Но несмотря на восхищение Пиночетом, Тэтчер не была готова поддержать предложение Хайека о проведении шоковой терапии у себя в стране. В феврале 1982 года премьер-министр объясняла свои проблемы в частном письме к своему интеллектуальному наставнику: «Я знаю, Вы согласитесь, что в Британии, учитывая наши демократические институты и необходимость высокой степени согласия, некоторые из мероприятий, осуществленных в Чили, произвести невозможно. Наши реформы должны соответствовать нашим традициям и Конститу-

¹ *Schmitt C. Politische Theologie: Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität. 1922, repr. Berlin: Duncker & Humblot, 1993. S. 13.*

ции. Иногда кажется, что этот процесс идет с мучительной медлительностью»².

Главная проблема заключалась в том, что шоковая терапия в чикагском стиле была невозможна в условиях британской демократии. Тэтчер оставалась три года до окончания первого срока, ее популярность падала, и радикальные или непопулярные меры, которые предлагал ей Хайек, почти наверняка привели бы к поражению на очередных выборах.

Для Хайека и его движения это было разочарованием. Эксперимент в странах южного конуса приносил такие сказочные прибыли, хотя и узкому кругу деятелей, что глобальные транснациональные корпорации с жадностью ожидали покорения новых территорий — и не только в развивающихся странах, но и в странах богатого Запада, где в руках государств находились еще более доходные активы, которые можно было использовать для получения прибыли: телефонные компании, воздушные сообщения, радио- и телеканалы, энергетические компании. И в богатом мире эту программу могли бы начать два человека: Тэтчер в Англии или Рональд Рейган в Америке.

В 1981 году журнал *Fortune* опубликовал хвалебную статью под заголовком «Чилийский смелый новый мир рейганомики». Статья превозносила «пышные, наполненные роскошными товарами» магазины Сантьяго и «сияющие новенькие японские машины» на улицах города, начисто забыв о постоянных репрессиях и бурном росте трущоб. «Чему нас может научить чилийский эксперимент с экономической доктриной? — спрашивала статья и тут же приводила правильный ответ. — Если маленькая страна с неразвитой экономикой способна жить в условиях конкуренции, то, конечно, на это способна и наша экономика, ресурсы которой неизмеримо богаче»³.

Тем не менее, как о том ясно говорило письмо Тэтчер к Хайеку, не все было так просто. Избираемым лидерам приходилось беспокоиться о том, как избиратели оценивают их работу, что периодически проверяла процедура очередного голосования. И в начале 80-х, несмотря на то, что у власти находились Тэтчер и Рейган, а их влиятельными советниками были Хайек и Фридман, никто не знал, можно ли реализовать радикальную экономическую программу, внедренную в странах южного конуса с такой жестокостью, в Великобритании и Соединенных Штатах.

² Письмо М. Тэтчер от 17 февраля. Коллекция писем архива Ф. Хайека // Box 101, folder 26. Hoover Institution Archives, Palo Alto, CA. Особая благодарность Грегу Грандину.

³ *Dworkin P. Chile's Brave New World of Reaganomics.*

За десяток лет до этого Фридман и его движение глубоко разочаровались в американской политике, которой управлял Ричард Никсон — человек, казалось бы, прислушивавшийся к радикальным экономистам. Ричард Никсон помог «чикагским мальчикам» прийти к власти в Чили, но у себя дома избрал совершенно иной путь — и такую непоследовательность Фридман никогда не смог ему простить. Когда в 1969 году Никсон стал президентом, Фридман думал, что настал его час провести у себя в стране контрреволюцию против наследия «Нового курса». «Немногие из президентов выражали мысли, столь близкие к моим собственным», — писал Фридман Никсону⁴. Они регулярно встречались в Овальном зале, и Никсон поставил некоторых друзей и коллег Фридмана на важнейшие экономические посты. Среди них был профессор Чикагского университета Джордж Шульц, которого Фридман привлек к работе с Никсоном, а также Дональд Рамсфельд, которому тогда было 37 лет. В 1960-х годах Рамсфельд часто посещал семинары в Чикагском университете, о которых потом отзывался с глубоким уважением. Рамсфельд называл Фридмана и его коллег «скопищем гениев», к которым он и другие «щенки» (по его словам) могли «прийти, чтобы сесть у их ног и учиться... это бесценная привилегия для меня»⁵. Итак, его верные ученики делали политику, и у него были прекрасные личные взаимоотношения с президентом, поэтому Фридман мог надеяться, что его идеи будут применяться на практике в самой мощной экономике в мире.

Но в 1971 году США переживали экономический спад: росла безработица, а инфляция заставляла повышать цены. Никсон понимал, что, последуй он радикальным советам Фридмана, миллионы голодных граждан не отдадут ему свои голоса. Он решил установить ограничения цен на жизненно необходимые вещи, такие как плата за квартиру и нефть. Фридман был в ярости: из всех возможных правительственных «помех» для экономики контроль над ценами был худшим из зол. Он называл эти меры «раком, который лишает экономическую систему способности выполнять свои функции»⁶.

И что еще неприятнее, собственные ученики Фридмана осуществляли кейнсианские меры: Рамсфельд занимался программами контроля зарплат и цен под руководством Шульца, который в то время заведовал Административно-бюджетным управлением. Однажды

⁴ *Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People*, p. 387.

⁵ *Rumsfeld D. Secretary of Defense Donald H. Rumsfeld Speaking at Tribute to Milton Friedman.*

⁶ *Friedman M. Economic Miracles.*

Фридман пригласил Рамсфельда в Белый дом и подверг там «щелчка» жесткой критике. По словам Рамсфельда, Фридман говорил: «Тебе необходимо прекратить делать то, что ты делаешь». Новоиспеченный бюрократ отвечал, что, кажется, это работает: инфляция снижается, экономика растет. Фридман ответил, что это и есть величайшее преступление из всех возможных: «Люди начнут думать, что это делаете вы... Они получают неверный урок»⁷. Урок и в самом деле был усвоен: на следующий год Никсона переизбрали, он получил 60 процентов голосов. Во время своего второго срока президент еще меньше следовал учению Фридмана, он провел новые законы, устанавливающие более высокие стандарты защиты окружающей среды и безопасности на производстве. «Теперь мы все кейнсианцы», — прозвучала знаменитая фраза Никсона, и это было самым жестоким ударом⁸. Это предательство настолько потрясло Фридмана, что позже он назвал Никсона «наиважнейшим социалистом из всех президентов Соединенных Штатов XX века»⁹.

Правление Никсона было суровым уроком для Фридмана. Профессор Чикагского университета учил, что капитализм равнозначен свободе, однако свободные люди не желали голосовать за политиков, которые следовали его советам. Хуже того, лишь диктатуры — правительства, при которых свобода отсутствовала, — были готовы осуществлять доктрину свободного рынка на практике. Таким образом, непризнанные у себя на родине, светила чикагской школы в 1970-е годы прокладывали свою дорогу с помощью диктаторских режимов. И почти в любой стране, где власть захватывали правые военные, можно было ощутить присутствие Чикагского университета. В 1976 году Харбергер работал консультантом военного режима в Боливии и получил почетную степень аргентинского Университета Тукумана в 1979 году, когда университеты находились под контролем хунты¹⁰. И в то же время он был советником Сухарто и «берклийской мафии» в Индонезии. Фридман написал программу либерализации экономики для жестокой Коммунистической партии Китая, когда та решила перейти к рыночной экономике¹¹.

⁷ В расшифровке этой речи есть ошибка. Там слова Д. Рамсфельда читаются так: «Они получают они получают неверный урок». Я устранила повтор для ясности. *Rumsfeld D. Secretary of Defense Donald H. Rumsfeld Speaking at Tribute to Milton Friedman.*

⁸ *Allen H. Hayek, the Answer Man // Washington Post. 1982. December 2.*

⁹ Интервью с Милтоном Фридманом 1 октября 2000 года // *Commanding Heights: The Battle for the World Economy, www.pbs.org.*

¹⁰ *Harberger A.C. Curriculum Vitae.*

¹¹ *Там же; Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People, pp. 607—609.*

Ученый Стивен Хэггард, стойкий приверженец неолиберальной политики Калифорнийского университета, отмечал тот «печальный факт», что «наиболее масштабные экономические реформы в развивающихся странах происходили вскоре после военных переворотов»; кроме Индонезии и стран южного конуса он упоминал Турцию, Южную Корею и Гану. Другие подобные успешные истории происходили не после захвата власти военными, а в однопартийных государствах, таких как Мексика, Сингапур, Гонконг и Тайвань. Прямо противореча принципиальным положениям Фридмана, Хэггард сделал вывод, что «хорошие вещи — демократия и экономика, ориентированная на свободный рынок, — не всегда совпадают»¹². И действительно, в начале 80-х не было *ни одного такого примера*, чтобы страна с многопартийной демократией стремительно двигалась к свободному рынку.

Левые из стран развивающегося мира уже давно утверждали, что подлинная демократия, играющая по честным правилам, которые не позволяют корпорациям влиять на результаты выборов, неизбежно порождает правительство, которое перераспределяет богатства. Эта логика достаточно проста: в таких странах куда больше бедных, чем богатых. И такие меры, как непосредственное перераспределение земли и повышение зарплат, а не экономика «просачивающегося богатства», служат интересам бедного большинства. Если дать гражданам право голосовать и честный процесс выборов, они выберут политика, готового создавать рабочие места и перераспределять землю, а не того, кто призывает к свободному рынку.

Фридман долго размышлял об этом парадоксе. Как интеллектуальный наследник Адама Смита, он был совершенно уверен, что людьми управляют корыстные интересы и что общество работает лучше, когда эти интересы определяют почти все действия, за исключением одного — голосования. И поскольку большинство людей мира относятся к бедным или их доходы ниже среднего уровня (в том числе и в США), их ближайшим корыстным интересам соответствуют политики, обещающие перераспределение богатств с вершин экономики вниз, к этим людям¹³. Давнишний друг Фридмана экономист Аллан

¹² The Political Economy of Policy Reform / Ed. J. Williamson. Washington, DC: Institute for International Economics, 1994. P. 467.

¹³ DeNavas-Walt C., Proctor B.D., Lee C.H. Income, Poverty and Health Insurance Coverage in the United States: 2005 // U.S. Census Bureau, August 2006, www.census.gov; World Factbook 2007, www.cia.gov.

Мельцер, сторонник монетаризма, так описывает эту головоломку: «Голоса распределяются равномернее, чем доходы... Голосующие со средним или низким уровнем дохода выигрывают, если доходы начинают поступать к ним». Мельцер называл это явление «ценой демократического управления и политической свободы», но добавлял, что «Фридманы [Милтон и его жена Роуз] сопротивляются этому сильному течению. Они не могут остановиться или пойти вспять, но готовы зайти гораздо дальше в своих мыслях и действиях, чем большинство обычных людей и политиков»¹⁴.

В это время Тэтчер за океаном пыталась проводить английскую версию программы Фридмана, восхваляя так называемое «общество собственников». Ее мероприятия были направлены на государственное жилье — микрорайоны, застроенные муниципальными домами, — против чего Тэтчер возражала на основе своих убеждений, что государство не должно быть игроком на поле рынка жилья. В муниципальных домах проживали люди, которые не голосуют за тори, потому что это не соответствует их экономическим интересам; Тэтчер верила, что, если их сделать участниками рынка, они начнут идентифицировать свои интересы с интересами богатых людей, противников перераспределения. Имея это в виду, она предложила обитателям государственных домов весомые стимулы покупки своих квартир по низкой цене. Те, кто смог это сделать, становились собственниками, те же, кто этого не смог, вынуждены были платить за жилье почти в два раза больше. Это была стратегия «разделяй и властвуй» — и она принесла успех: наниматели жилья продолжали сопротивляться Тэтчер, на улицах больших городов Британии стало намного больше бездомных, но опросы показали, что более половины новых собственников изменили свои политические пристрастия в пользу тори¹⁵.

И хотя распродажа государственной собственности давала надежду проведения радикально правой экономической программы, Тэтчер все еще опасалась поражения на выборах после первого срока. В 1979 году она использовала лозунг: «Лейборизм не работает», но к 1982 году количество безработных под ее управлением удвоилось,

¹⁴ *Meltzer A.H. Choosing Freely: The Friedmans' Influence on Economic and Social Policy // The Legacy of Milton and Rose Friedman's Free to Choose / Eds. M. Wynne, H. Rosenblum, R. Formaini. Dallas: Federal Reserve Bank of Dallas, 2004. P. 204, www.dallasfed.org.*

¹⁵ *Campbell J. Margaret Thatcher: The Iron Lady, London: Jonathan Cape, 2003, Vol. 2. Pp. 174—175; Cosgrave P. Thatcher: The First Term. London: Bodley Head, 1985. Pp. 158—159.*

равно как и скорость инфляции¹⁶. Она вступила в сражение с одним из самых мощных профсоюзов — с шахтерами — и проиграла. За три года рейтинг Тэтчер снизился до 25 процентов — ниже, чем самые скромные показатели рейтинга Джорджа Буша-младшего или любые показатели британских премьер-министров со дней использования опросов. Поддержка ее правительства в целом упала до 18 процентов¹⁷. Поскольку приближались всеобщие выборы, тэтчеризму угрожал преждевременный и бесславный конец задолго до того, как тори удастся достичь своих амбициозных целей массовой приватизации и ликвидации рабочих профсоюзов. Именно в этот сложный момент Тэтчер написала письмо Хайеку, где вежливо сообщала своему наставнику, что трансформацию британской экономики в чилийском стиле произвести «невозможно».

Неудачный первый срок правления Тэтчер, казалось, подтверждал уроки президентства Никсона: радикальная и крайне доходная программа чикагской школы не приживается в рамках демократической системы. Становилось ясно, что успешное применение экономической шоковой терапии требовало для поддержки иных форм шока — будь то военный переворот или камеры пыток в условиях репрессивного режима.

Эта перспектива особенно расстраивала Уолл-стрит, потому что в начале 80-х авторитарные режимы начали распадаться по всему миру: Иран, Никарагуа, Эквадор, Перу, Боливия и многие другие страны должны были поддаться процессу, который консервативный политолог Сэмюэль Хангтингтон назвал «третьей волной» демократии¹⁸. И эти тенденции были тревожными: что помешает появиться новому Альенде, который получит голоса избирателей и поддержку своей популистской политики?

В 1979 году Вашингтон наблюдал за развитием такого сценария в Иране и Никарагуа. В Иране шах, поддерживаемый США, был свергнут союзом левых и исламистов. В новостях постоянно упоми-

¹⁶ *Jefferys K. Finest & Darkest Hours: The Decisive Events in British Politics from Churchill to Blair.* London: Atlantic Books, 2002. P. 208.

¹⁷ Основано на опросе, проведенном британской компанией MORI (согласно опросу Gallup Тэтчер набрала 23%). Президент Буш: общая оценка работы, доступно с 12 мая 2007 года, www.pollingreport.com; *Rutherford M. 1982: Margaret Thatcher's Year // Financial Times.* London. 1982. December 31.

¹⁸ *Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century.* Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1991.

нались заложники и аятоллы, озабоченность Вашингтона вызывала соответствующая экономическая программа. Исламский режим, еще не ставший окончательно авторитарным, национализировал банки и затем намеревался приступить к программе перераспределения земли. Он также начал жестко контролировать импорт и экспорт, повернув вспять политику свободной торговли при шахе¹⁹. А пять месяцев спустя в Никарагуа, где при поддержке США правил диктатор Анастасио Сомоса Дебайле, произошло восстание, в результате которого власть захватило левое правительство сандинистов. Они начали контролировать импорт и, подобно иранцам, национализировали банки.

Это делало воплощение мечты о глобальном свободном рынке менее вероятным. К началу 1980-х сторонникам Фридмана казалось, что их революция, от начала которой еще не прошло и 10 лет, может погибнуть под волной популизма.

Спасительная война

Через шесть недель после того, как Тэтчер написала известное письмо Хайеку, случилось событие, которое изменило ее мысли и сказалось на судьбе крестового похода корпоративизма: 2 апреля 1982 года Аргентина вторглась на Фолклендские острова — заповедник британского колониального владычества. Фолклендская (или, для аргентинцев, Мальвинская) война осталась в памяти историков как жестокое, но малозначительное сражение. В те времена Фолклендские острова не имели стратегического значения. Эта кучка островов у аргентинского побережья находилась в нескольких тысячах километров от Британии, так что их охрана и содержание были весьма дорогостоящим занятием. Аргентине они тоже были не слишком нужны, однако британский форпост в ее водах воспринимался как вызов национальной гордости. Легендарный аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес насмешливо назвал споры об этой территории «дракой двух лысых из-за расчески»²⁰.

С военной точки зрения боевые действия, продолжавшиеся 11 недель, практически лишены исторического значения. Но они имели огромное значение для проекта свободного рынка: именно Фолклендская война была для Тэтчер тем политическим прикрытием,

¹⁹ *Bashiriyeh H. The State and Revolution in Iran, 1962—1982. New York: St Martin's Press, 1984. Pp. 170—171.*

²⁰ *On the Record // Time. 1983. February 14.*

которое позволило ей впервые в истории приступить к программе радикальных капиталистических преобразований в западной стране либеральной демократии.

Обе стороны конфликта имели свои выгоды от этой войны. В 1982 году экономика Аргентины рушилась под давлением долгов и коррупции, и правозащитники умело использовали этот момент. Новое правительство хунты под руководством генерала Леопольдо Гальтиери, которое продолжало подавлять демократию, решило, что народный гнев может стать взрывом антиимпериалистических чувств, направленных на Британию, не желавшую отдавать острова. И вскоре бело-голубые аргентинские флаги были водружены на скалах посреди океана, и страна бодро начала готовиться к дальнейшим событиям.

В известии, что Аргентина установила суверенитет над Фолклендами, Тэтчер увидела последний шанс изменить свою политическую судьбу и немедленно прониклась боевым духом Черчилля. До этого она лишь выражала сожаление, что Фолклендские острова являются тяжелым бременем для государственной казны. Были уменьшены средства на содержание островов и объявлено о резком сокращении флота, включая военные корабли, патрулирующие архипелаг, — аргентинские генералы поняли это как выражение готовности Британии отказаться от этой территории. (Один из биографов Тэтчер писал, что ее политика относительно островов «фактически приглашала Аргентину к вторжению»²¹.) В процессе подготовки войны критики различных политических убеждений обвиняли Тэтчер в том, что она использует армию для собственных политических целей. Член парламента от лейбористской партии Тони Бенн сказал: «Все больше и больше похоже на то, что под угрозой стоит репутация миссис Тэтчер, а вовсе не Фолклендские острова», а консервативная газета *Financial Times* в то же время отмечала: «Достойно сожаления, что этот вопрос быстро превращается в вопрос о политических направлениях внутри самой Великобритании и это уже не имеет никакого отношения к реальности. Тут замешана не только гордость правительства Аргентины. Это вопрос о положении, а возможно, даже о выживании консервативного правительства Великобритании»²².

Но несмотря на весь здравомыслящий цинизм, как только войска приготовились к бою, по стране пронеслась волна, по словам одной

²¹ Campbell J. Margaret Thatcher: The Iron Lady, vol. 2, p. 128.

²² Downie L. Jr., Ross J. Britain: South Georgia Taken // *Washington Post*. 1982. April 26; Jingoism Is Not the Way // *Financial Times*. London. 1982. April 5.

из резолюций лейбористской партии, «ура-патриотического милитаристского умонастроения», в которой Фолклендские острова воспринимались как последняя вспышка славы умирающей империи²³. Тэтчер прославляла «фолклендский дух», охвативший народ; на практике это означало, что толпа перестала скандировать «Сучку — в канаву!», а майки с надписью «Хунта, заткнись!» быстро расходились²⁴. Ни Лондон, ни Буэнос-Айрес не предприняли серьезных попыток избежать столкновения. Тэтчер отмахнулась от ООН точно так же, как это сделали Буш и Блэр при подготовке войны в Ираке, не заинтересованные в применении санкций или переговорах. Обе стороны хотели только одного — славной победы.

Тэтчер сражалась за свое политическое будущее — и добилась успеха. После победы в Фолклендской войне, которая унесла жизни 225 британских солдат и 655 аргентинцев, премьер-министра прославляли как героя войны, а ее кличка «железная леди» стала звучать как похвала²⁵. Изменились данные опросов. Личный рейтинг Тэтчер за время войны вырос более чем вдвое, с 25 до 59 процентов, что гарантировало ей победу на выборах в следующем году²⁶.

Британские военные действия на Фолклендских островах имели кодовое название «Корпоративная операция», и хотя это было случайное название военной кампании, оно несло в себе предчувствие будущего. Тэтчер использовала свою невероятную популярность после победы для осуществления той самой революции корпоративизма, о невозможности которой она писала Хайеку раньше. Когда в 1984 году забастовали шахтеры, Тэтчер восприняла это как продолжение войны с Аргентиной и потребовала применить столь же жесткие меры. Она произнесла свои знаменитые слова: «Нам пришлось сражаться с внешним врагом на Фолклендах, а теперь нам предстоит сражаться с врагом внутренним, которого победить куда сложнее, хотя он не в меньшей степени угрожает свободе»²⁷. Отнеся британских рабочих к категории «внутренних врагов», Тэтчер обрушила на бастующих всю мощь государственной машины; в одном случае 8000 полицей-

²³ Benn T. *The End of an Era: Diaries 1980—1990* / Ed. R. Winstone. London: Hutchinson, 1992. P. 206.

²⁴ Deming A. Britain's Iron Lady // *Newsweek*. 1979. May 14; Jefferys K. *Finest & Darkest Hours*, p. 226.

²⁵ Rutherford M. 1982: First Briton Dies in Falklands Campaign // *On This Day*. BBC News. 1982. April 24, news.bbc.co.uk.

²⁶ Rutherford M. 1982.

²⁷ Getler M. Dockers' Union Agrees to Settle Strike in Britain // *Washington Post*. 1984. July 21.

ских из отрядов подавления беспорядков, с дубинками, многие на конях, штурмовали пикетное заграждение перед фабрикой, в результате чего было ранено 700 человек. На протяжении длительной забастовки число раненых достигло нескольких тысяч. Как писал Сеймас Милн, репортер газеты *Guardian*, давший подробное описание забастовки в книге «Внутренний враг: тайная война Тэтчер против шахтеров», премьер-министр потребовала от тайной полиции усилить наблюдение за профсоюзом, и в частности за его воинственным предводителем Артуром Скаржиллом. За этим последовала «самая грандиозная операция слежки за всю историю Британии». В профсоюз просочились многочисленные агенты и информаторы, все телефоны прослушивались, «жучки» были установлены в жилищах активистов и даже в закусных, где они часто собирались. Глава исполнительного комитета профсоюза был обвинен перед палатой общин в том, что является агентом отдела МИ-5 военной разведки, засланным для «дестабилизации и саботажа в профсоюзе», хотя тот отверг эти обвинения²⁸.

Найджел Лоусон, канцлер казначейства Великобритании на момент забастовки, объяснял, что правительство Тэтчер видело в профсоюзе своего врага. «Они вооружались так, как будто готовились сражаться с Гитлером в конце 1930-х годов, — говорил он через десяток лет после этих событий. — Всем нужно было готовиться»²⁹. Как это было и перед Фолклендской войной, никто не помышлял о переговорах, была лишь одна цель — разбить профсоюз любой ценой (а учитывая дополнительную работу 3000 полицейских в сутки, это стоило очень дорого). Колин Нейлор, сержант полиции, находившийся на переднем фронте этого конфликта, назвал происходившее «гражданской войной»³⁰.

К 1985 году Тэтчер победила и во второй войне: голодные рабочие уже не могли сопротивляться, в конечном итоге 966 из них были уволены³¹. Это был полный разгром сильнейшего профсоюза Великобритании и ясное послание всем остальным: если Тэтчер готова на все, чтобы сломить шахтеров, от которых зависят освещение и тепло

²⁸ TUC at Blackpool (Miners' Strike): Labour Urged to Legislate on NUM Strike Fines // *Guardian*. London. 1985. September 4; *Milne S. The Enemy Within: Thatcher's Secret War against the Miners*. London: Verso, 2004; *Milne S. What Stella Left Out // Guardian*. London. 2000. October 3.

²⁹ *Milne S. MI5's Secret War // New Statesman & Society*. 1994. November 25.

³⁰ Coal War: Thatcher vs Scargill // Episode 8093 of the series *Turning Points of History*, director L.O' Rinn. Telecast. 2005. June 16.

³¹ Там же.

в стране, для других, не таких мощных профсоюзов работников, чья продукция или службы не столь важны, было бы самоубийством противиться новому экономическому порядку премьер-министра. Подобное заявление без слов сделал и Рональд Рейган несколько месяцев спустя после начала своего президентства в ответ на забастовку авиадиспетчеров. Отказавшись выполнять свое дело, они «лишились права на эту работу и вынуждены будут ее оставить», сказал Рейган. Затем он одним махом уволил 11 400 очень важных для страны работников — и после этого шока рабочее движение США не может полностью оправиться до сих пор³².

В Британии Тэтчер использовала свою победу над Аргентиной и над шахтерами для продвижения радикальной экономической программы. Между 1984 и 1988 годами правительство приватизировало, среди прочих, British Telecom, British Gas, British Airways, British Airport Authority и British Steel, а также распродало акции British Petroleum. Как атака террористов 11 сентября 2001 года дала непопулярному президенту возможность начать масштабную приватизацию (в случае Буша — приватизацию безопасности, войны и восстановления), так Тэтчер использовала свою войну для начала первого аукциона приватизации в истории западной демократии. Это была воистину «Корпоративная операция» с далеко идущими историческими последствиями. Успешное использование премьер-министром Фолклендской войны стало первым убедительным примером того, что экономическая программа чикагской школы может осуществляться без военной диктатуры и камер пыток. Тэтчер показала, что при достаточно крупном политическом кризисе шоковую терапию в ограниченном объеме можно проводить и в условиях демократии.

Однако Тэтчер понадобился враг, объединивший страну, чрезвычайные обстоятельства, которые оправдывали ее срочные меры и репрессии, кризис, благодаря которому она выглядела крепким и решительным лидером, а не жестоким угнетателем. Эта война сослужила ей бесценную службу, но Фолклендская война в начале 80-х была уже аномалией, пережитком старинных колониальных конфликтов. Если 80-е годы действительно станут зарей новой эры мира и демократии, как многие уверяли, столкновения подобного типа будут происходить слишком редко и не смогут послужить основой для развертывания глобального политического проекта.

³² Brown W. U.S. Rules Out Rehiring Striking Air Controllers // *Washington Post*. 1981. August 7; Twomey S. Reunion Marks 10 Years Outside the Tower // *Washington Post*. 1991. August 2.

В 1982 году Милтон Фридман написал знаменательные слова, которые лучше всего суммируют принципы доктрины шока: «Только лишь кризис — подлинный или воображаемый — ведет к реальным переменам. Когда такой кризис возникает, действия зависят от идей, которые можно найти вокруг. И в этом заключаются наши главные функции: создавать альтернативы существующей политике, сохранять в этих идеях жизнь, делать их доступными до тех пор, пока политически невозможное не станет политически неизбежным»³³. Это стало своеобразной мантрой его движения в условиях новой демократической эпохи. Аллан Мельцер развивает эту философию дальше: «Идеи — это альтернативы, которые ждут, чтобы кризис стал катализатором изменений. Модель влияния Фридмана заключалась в том, чтобы сделать эти идеи приемлемыми и достойными применения в тот момент, когда предоставляется такая возможность»³⁴.

Фридман подразумевал не военный кризис, но экономический. Он понимал, что в обычных обстоятельствах экономические решения принимают под давлением разнообразных борющихся интересов: рабочие хотят работы и повышения зарплаты, собственники хотят снижения налогов и ослабления регулирующих ограничений, а политики ищут равновесия между этими противоположными силами. Тем не менее если возникает достаточно серьезный кризис — падение стоимости национальной валюты, развал рынка, резкий экономический спад, — то со всем остальным можно не считаться и лидеры могут свободно сделать то, что необходимо (или считается необходимым) в качестве чрезвычайных мер, которых требует критическое положение страны. Таким образом, кризис — это в какой-то мере зона, свободная от демократии, зазор в политике, для своего осуществления обычно требующей согласия, не всегда достижимого.

Идея, что обвал рынка может стать катализатором революционных изменений, имеет долгую историю, причем эта идея была на вооружении левых, особенно русских большевиков. По их теории гиперинфляция, уничтожая стоимость денег, толкает массы на шаг вперед к разрушению капитализма³⁵. Это объясняет, почему неко-

³³ *Friedman M.* Capitalism and Freedom. Preface, p. ix.

³⁴ *McLane J.* Milton Friedman's Philosophy of Economics and Public Policy // Conference to Honor Milton Friedman on His Ninetieth Birthday. 2002. November 25, www.chibus.com.

³⁵ *Bukharin N., Preobrazhensky E.* The ABC of Communism: A Popular Explanation of the Program of the Communist Party of Russia / Trans. E. Paul, C. Paul. 1922, repr. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1967. Pp. 340—341.

торые сектанты из числа левых постоянно просчитывают условия, при которых капитализм достигнет «кризиса», подобно тому как члены евангелических церквей ищут признаки конца света. В середине 80-х эта коммунистическая идея обрела новую жизнь — ее взяли на вооружение экономисты чикагской школы, которые утверждали, что падение рынка может стать преддверием левой революции, но его можно использовать и для того, чтобы разжечь огонь правой контрреволюции. Эта теория получила название «кризисной гипотезы»³⁶.

Фридман интересовался кризисом еще и потому, что стремился извлечь уроки из победы левых после Великой депрессии: после падения рынка Кейнс и его ученики, к голосам которых ранее никто не прислушивался, были наготове со своими идеями «Нового курса». В 70-е и начале 80-х годов Фридман со своими корпоративными покровителями пытался осуществить нечто подобное с интеллектуальным багажом, заготовленным на случай катастрофы. Они тщательно создавали «мозговые центры», в том числе в Институте Катона и фонде Heritage, и сделали самое важное дело для распространения идей Фридмана — подготовили серию из 10 радиопередач на PBS (Государственной службе радиовещания) под названием «Свобода выбирать» (Free to Choose), при поддержке крупнейших корпораций мира, включая Getty Oil, Firestone Tire & Rubber Co., PepsiCo, General Motors, Bechtel и General Mills³⁷. Теперь Фридман мог быть спокоен: когда разразится очередной кризис, именно его «чикагские мальчики» будут наготове со своими идеями и рецептами лечения.

В тот момент, когда Фридман впервые сформулировал свою теорию кризиса в начале 1980-х, США переживали экономический спад: двойной удар высокой инфляции и безработицы. К тому времени программа чикагской школы, теперь известная под именем «рейганомики», уже покорила Вашингтон. Но даже Рейган не осмелился прибегнуть к опустошительной шоковой терапии, о которой мечтал Фридман и которую он прописал для Чили.

И снова страна, на которой предстояло испытать теорию кризиса Фридмана, нашлась в Латинской Америке. На этот раз дорогу должны были показать не «чикагские мальчики», а новое поколение шоковых докторов, лучше приспособленных к условиям демократической эпохи.

³⁶ The Political Economy of Policy Reform, p. 19.

³⁷ Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People, p. 603.

НОВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ШОКОВОЙ ТЕРАПИИ:

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА ВМЕСТО ДИКТАТУРЫ

Ситуацию в Боливии можно сравнить с положением человека, страдающего раком. Он знает, что ему предстоит крайне опасная и мучительная операция монетарной стабилизации и неизбежный ряд других процедур. Но у него нет выбора.

Корнелиус Зондаг, американский экономический советник в Боливии, 1956 г.¹

Разговоры о раке в политическом дискурсе поддерживают фатализм и оправдывают жесткие меры, а также усиливают широко распространенное убеждение о том, что эта болезнь неизбежно приводит к смерти. Идея болезни никогда не бывает невинной. Но можно доказать, что метафора рака сама по себе чревата геноцидом.

Сьюзен Сонтаг «Болезнь как метафора», 1977 г.²

В 1985 году Боливия оказалась под действием той демократической волны, которая пронеслась над развивающимися странами. Восемнадцать из двадцати пяти предшествовавших лет боливийцы прожили под гнетом различных диктатур. А теперь страна получила шанс самостоятельно выбрать своего президента на всенародных выборах.

В тот момент управление экономикой Боливии представлялось не столько наградой, сколько наказанием: государственный долг страны

¹ U.S. Operations Mission to Bolivia // Problems in the Economic Development of Bolivia, La Paz: United States Operation Mission to Bolivia, 1956, P. 212.

² Sontag S. *Illness as Metaphor*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1977. P. 84.

превосходил весь национальный бюджет. В 1984 году, за год до наступления демократии, администрация Рональда Рейгана поставила страну в крайне тяжелое положение, заставив боливийское правительство пойти на беспрецедентную атаку крестьян, выращивавших зеленые листья коки, из которых производится кокаин. Это превратило значительную часть Боливии в военную зону и не только ударило по торговле кокой, но и перекрыло источник примерно половины доходов от экспорта страны, вызвав экономическую катастрофу. Как отмечала газета *New York Times*, «когда в августе армия вошла в Чапаре, перекрыв путь наркодолларам, ударная волна этого события моментально потрясла черный рынок валюты... не прошло и недели после захвата Чапаре, как правительству пришлось снизить официальную стоимость песо более чем вдвое». Через несколько месяцев инфляция усилилась десятикратно, и тысячи людей покинули страну в поисках работы в Аргентине, Бразилии, Испании и Соединенных Штатах³.

В этих критических обстоятельствах, с инфляцией в 14 тысяч процентов, Боливия подошла к своим историческим выборам 1985 года. Выборы были соревнованием двух известных жителям страны людей: бывшего диктатора Уго Бансера и бывшего законно избранного президента Виктора Паса Эстенсоро. Они набрали почти одинаковое количество голосов, так что конечное решение должен был принять Национальный конгресс, хотя команда Бансера была уверена в своей победе. Еще до объявления результатов эта партия пригласила малоизвестного 30-летнего экономиста Джеффри Сакса для разработки экономического плана преодоления инфляции. Сакс был восходящей звездой экономического отделения Гарварда, он получал всевозможные академические награды и был одним из самых молодых штатных профессоров университета. За несколько месяцев до того группа боливийских политиков посетила Гарвард и увидела Сакса за работой: их впечатлила его бравада — экономист заявил, что мог бы остановить их инфляцию всего за один день. Сакс тогда был мало знаком с экономикой развивающихся стран, но, как он сам говорил, «я полагал, что знал почти все, что нужно знать» об инфляции⁴.

На Сакса произвели глубокое впечатление мысли Кейнса о связи между гиперинфляцией и распространением фашизма в Германии

³ Bolivia Drug Crackdown Brews Trouble // *New York Times*. 1984. September 12; Brinkley J. Drug Crops Are Up in Export Nations, State Dept. Says // *New York Times*. 1985. February 15.

⁴ Sachs J.D. *The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time*. New York: Penguin, 2005. Pp. 90—93.

после Первой мировой войны. Условия мира, навязанные Германии, вызвали тяжелый экономический кризис, в том числе гиперинфляцию, достигшую в 1923 году 3,25 миллиона процентов; — через несколько лет это положение усугубила Великая депрессия. При уровне безработицы в 30 процентов и общем недовольстве, направленном на неведомый глобальный заговор, страна оказалась благоприятной почвой для нацизма.

Сакс любил напоминать предупреждение Кейнса о том, что «нет другого столь хитрого и эффективного средства лишить общество его опоры, как обесценивание валюты. Этот процесс запускает все скрытые силы экономических законов, ведущие к разрушению»⁵. Сакс разделял мнение Кейнса о том, что священный долг экономиста — подавить эти разрушительные силы любой ценой. «Кейнс научил меня одному, — говорил Сакс, — это глубокая печаль и чувство опасения, что все может пойти совершенно неверным путем. И какой невероятной глупостью с нашей стороны было оставить Германию в таком отчаянном положении»⁶. Сакс также говорил журналистам, что жизнь Кейнса, чуткого к политике, много повидавшего на свете, — это образец для его собственной карьеры.

Хотя Сакс разделял взгляды Кейнса на возможность экономики победить бедность, он также был продуктом Америки Рейгана, где в 1985 году в самом разгаре была контрреволюция Фридмана против всего, что представлял Кейнс. Идеи чикагской школы о превосходстве свободного рынка быстро стали не подлежащим сомнению учением для элиты экономических отделений ведущих университетов США, включая Гарвард, и Сакса это, без сомнения, также коснулось. Он восхищался Фридманом за его «веру в рынок, за непреходящую верность правильному обращению с деньгами», что «куда правильнее, нежели туманные аргументы структуралистов или псевдокейнсианские речи, которые мы так часто слышим в развивающихся странах мира»⁷.

«Туманные» аргументы, о которых говорил Сакс, десятилетие назад в Латинской Америке подавляли силой: это убеждение в том, что для преодоления нищеты на континенте необходимо разрушить колониальные структуры собственности путем земельной реформы, защищать торговлю и предоставлять субсидии, национализировать природные ресурсы и развивать кооперативный стиль работы. На это

⁵ Keynes J.M. *The Economic Consequences of the Peace*, pp. 220—221.

⁶ Интервью, взятое автором. Октябрь 2006 года, Нью-Йорк.

⁷ Norton R.E. *The American Out to Save Poland // Fortune*. 1990. January 29.

у Сакса не было времени. Хотя он почти ничего не знал о Боливии и ее долгой колониальной эксплуатации, о подавлении недовольства ее жителей и трудных успехах революции 1952 года, он был убежден, что Боливия страдала не только от гиперинфляции, но и от «социалистического романтизма» — от той же иллюзии девелопментализма, которую предыдущие поколения экономистов, обучавшихся в США, хотели искоренить в странах южного конуса⁸.

Представления Сакса кое в чем расходились с доктриной чикагской школы: он верил, что программу свободного рынка надо поддерживать, облегчая долговую зависимость и оказывая щедрую помощь. Молодому гарвардскому экономисту казалось, что одних невидимых рычагов рынка недостаточно. В итоге это мнение заставило Сакса расстаться с коллегами — сторонниками более радикального капитализма — и посвятить свои усилия исключительно вопросам экономической помощи. Но до этого оставались еще долгие годы. В Боливии смешанная идеология Сакса приводила к удивительным противоречиям. Сойдя с борта самолета в Ла-Пасе и впервые вдыхая разреженный воздух Анд, он воображал себя новым Кейнсом, который приехал спасти боливийский народ от «хаоса и беспорядка» гиперинфляции⁹. И хотя ключевое положение кейнсианства гласило, что в странах с глубоким падением экономики необходимо использовать деньги для ее стимуляции, Сакс пошел в противоположном направлении. Он посоветовал правительству умерить свои расходы и повысить цены в самый разгар кризиса — журнал *Business Week*, говоря о Чили, назвал этот рецепт «миром безумного доктора, который сознательно вызывает депрессию»¹⁰.

Совет Сакса правительству Бансера был прост: только внезапная шоковая терапия излечит Боливию от кризиса гиперинфляции. Он предложил увеличить цену на нефть в 10 раз, отменить ограничения на цены и сократить бюджет. Выступая с речью на заседании Боливийско-американской торговой палаты, Сакс снова пообещал, что покончит с гиперинфляцией за одну ночь, отметив, что «ответом слушателей было удивление и восхищение»¹¹. Подобно Фридману, Сакс верил,

⁸ Интервью с Джеффри Саксом 15 июня 2000 года // *Commanding Heights: The Battle for the World Economy*, www.pbs.org.

⁹ Преодоление гиперинфляции не спасло немцев от экономической депрессии и фашизма. Постоянно приводя в пример Германию, Сакс никогда не упоминал этого факта.

¹⁰ *A Draconian Cure for Chile's Economic Ills?*

¹¹ *Sachs J.D. The End of Poverty*, p. 93.

что внезапная встряска «поможет экономике выйти из тупика — тупика социализма, или тупика всеобщей коррупции, или тупика централизованного планирования — и вернуться к нормальной рыночной экономике»¹².

В тот момент, когда Сакс давал эти прямые обещания, результаты выборов в Боливии оставались еще неизвестными. Бывший диктатор Уго Бансер вел себя так, как будто он уже победил, но его соперник Виктор Пас Эстенсоро не сдавался. Во время предвыборной кампании Пас Эстенсоро мало говорил о своей конкретной программе мероприятий по борьбе с инфляцией. Но он уже трижды был законным президентом Боливии, последний раз в 1964 году, пока ему не пришлось покинуть этот пост в результате переворота. Пас был представителем девелопменталистов, он национализировал крупные шахты по добыче олова, начал раздавать землю крестьянам и защищал избирательные права боливийцев. Подобно Хуану Перону в Аргентине, Пас был вездесущей, постоянной и неоднозначной фигурой на политическом поле, он часто менял свои политические взгляды, чтобы удержать власть или восстановить прежнее положение. В кампании 1985 года Пас говорил о своей верности «революционному и национально-освободительному» прошлому и туманно высказывался о финансовой политике. Он не был социалистом, но в равной мере не был и неолибералом, сторонником чикагской школы, — по крайней мере, так полагали боливийцы¹³.

Поскольку окончательное решение о президенте зависело от Конгресса, это был период решающих тайных переговоров и сделок между двумя сторонами: Конгрессом и Сенатом. Важнейшую роль тут сыграл недавно назначенный сенатором Гонсало Санчес де Лосада (которого в Боливии называли Гони). Он так долго жил в Соединенных Штатах, что говорил по-испански с резким американским акцентом, и, вернувшись в Боливию, стал одним из богатейших бизнесменов. Он владел компанией Comsur, которой принадлежали вторые по величине частные шахты страны, — а вскоре они вышли на первое место. В молодости Гони обучался в Чикагском университете — хотя и не на экономическом отделении — и высоко ценил идеи Фридмана, понимая, что они влекут за собой невероятную прибыль в горнодобывающей сфере, пока еще находившейся в руках боливийского госу-

¹² Интервью с Джеффри Саксом 15 июня 2000 года.

¹³ Conaghan C.M., Malloy J.M. *Unsettling Statecraft: Democracy and Neoliberalism in the Central Andes*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1994. P. 127.

дарства. И когда Сакс изложил команде Бансера свой план шоковой терапии, на Гони это произвело огромное впечатление.

Подробности тайных переговоров так и не были преданы огласке, но результат оказался достаточно ясным. 6 августа 1985 года Пас Эстенсоро был объявлен президентом Боливии. А всего четыре дня спустя Пас назначил Гони главой секретной двухпартийной кризисной экономической команды, которая должна была радикально преобразовать экономику. Эта группа начала с прописанной Саксом шоковой терапии, но пошла гораздо дальше. Фактически это была программа демонтажа всей государственной экономической модели, которую десятилетиями раньше выстроил сам Пас. К тому моменту Сакс уже вернулся в Гарвард, но, по его словам, «был счастлив узнать, что партия Бансера поделилась нашим планом стабилизации с новым президентом и его командой»¹⁴.

Сторонники Паса и не подозревали, что их лидер участвует в этой тайной сделке. За исключением министра финансов и министра планирования, которые входили в секретную группу, Пас даже не сообщил своему новому кабинету о существовании кризисной экономической команды¹⁵.

На протяжении семнадцати дней кризисная команда собиралась в роскошном доме Гони. «Мы приходили сюда осторожно, почти тайно», — вспоминал министр планирования Гуильермо Бедрегаль в интервью в 2005 году, впервые сообщая об этих подробностях¹⁶. Они замыслили радикальный переворот в экономике, равного которому никогда не происходило в условиях демократии. Президент Пас был убежден, что единственная надежда — это действовать со всей возможной скоростью и неожиданностью. В этом случае боливийские профсоюзы, славящиеся своей активностью, и группы крестьян будут застигнуты врасплох и не успеют организовать сопротивления. По воспоминаниям Гони, Пас «все время повторял: “Если вы хотите это делать, делайте сейчас. Операцию невозможно повторять

¹⁴ Sachs J.D. *The End of Poverty*, p. 95.

¹⁵ Portillo S.V. Victor Paz: Decreto es coyuntural, pero puede durar 10 y 20 años // *La Prensa*. La Paz. 2005. August 28.

¹⁶ Там же. На протяжении двух десятилетий жители Боливии не знали, как была подготовлена программа шоковой терапии. В августе 2005 года, через 20 лет после ее появления, боливийская журналистка Сусан Веласко Портильо взяла интервью у бывших членов кризисной экономической команды, и некоторые из них поделились деталями этой тайной операции. Следующий рассказ основан на этих воспоминаниях.

дважды»¹⁷. Причина, по которой Пас после выборов повернул свою политику на 180 градусов, остается загадкой. Он умер в 2001 году, так никогда и не объяснив, что заставило его согласиться на программу шоковой терапии Бансера: обещанный пост президента или полный переворот мировоззрения. Кое-что объяснила встреча с Эдвином Корром, послом США в Боливии в то время. Он рассказал, что встречался со всеми политическими партиями и ясно дал им понять, что Америка будет оказывать помощь лишь в том случае, если Боливия примет шоковую программу.

Через 17 дней Бедрегаль, министр планирования, держал в руках первый вариант программы шоковой терапии. Она предполагала отмену субсидии на продукты питания, почти полную отмену контроля цен и повышение цены на нефть на 300 процентов¹⁸. Несмотря на то что жизнь в этой отчаянно бедной стране должна была стать еще дороже, программа замораживала и без того крайне низкие зарплаты государственных служащих на один год. Она также призывала к урезанию правительственных расходов, раскрытию границ Боливии для неограниченного потока импортных товаров и сокращению числа государственных компаний, что было первым шагом к их приватизации. Неолиберальная революция, охватившая страны южного конуса, ранее миновала Боливию, теперь же страна наверстывала упущенное.

Когда члены кризисной команды завершили работу над первым наброском новых законов, они не решились представить их боливийским законодателям, не говоря уже об избирателях, которые никогда бы не проголосовали за такой план. Прежде они хотели решить еще одну задачу. Вместе они направились в офис представителя МВФ в Боливии и рассказали ему о своих планах. Его ответ одновременно обнадеживал и пугал: «Об этом каждый сотрудник МВФ может только мечтать. Но если из этого ничего не выйдет, к счастью, у меня есть дипломатическая неприкосновенность, я могу сесть в самолет и улететь»¹⁹.

У боливийцев, предлагавших этот план, такой возможности убеждать не было, и многие боялись возможной реакции общества. «Они нас убьют», — предсказывал Фернандо Прадо, самый молодой член группы. Бедрегаль, основной автор программы, пытался приободрить

¹⁷ Conaghan C.M., Malloy J.M. *Unsettling Statecraft*, p. 129.

¹⁸ Zuazo A. *Bolivian Labor Unions Dealt Setback* // United Press International. 1985. October 9; Onis J., de. *Economic Anarchy Ends* // *Los Angeles Times*. 1985. November 6.

¹⁹ Этот ответ приводится на основе воспоминаний членов кризисной экономической комиссии. Portillo S.V. *Victor Paz: Decreto es coyuntural, pero puede durar 10 y 20 años*.

свою команду сравнением с военным летчиком, атакующим врага: «Мы должны чувствовать себя как пилот над Хиросимой. Сбрасывая атомную бомбу, он не знал, что делает, но когда увидел облако дыма, воскликнул: “Ой, извините!” Точно так же должны поступить и мы — запускаем программу, а потом говорим: “Ой, извините!”»²⁰

О том, что перемены в стране должны происходить наподобие внезапной армейской атаки, постоянно твердят все экономисты шокового направления. В военной доктрине США «Шок и трепет: быстрое достижение господства», опубликованной в 1996 году и ставшей основой разработки плана нападения в 2003 году на Ирак, говорится, что нападающие должны «контролировать окружение и парализовать противника или настолько перегрузить его восприятие и способность понимать происходящее, что враг окажется не в состоянии сопротивляться»²¹. Экономический шок основан на тех же принципах: предполагается, что люди способны реагировать на постепенные изменения — закрытие здравоохранительной программы тут, торговая сделка там, — но если десятки изменений одновременно наваливаются на них со всех сторон, возникает ощущение тупика и население утрачивает волю.

Надеясь вызвать такое же чувство безнадежности, боливийская команда планировала реализовать свои радикальные меры в течение первых 100 дней жизни нового правительства. Группа решила не представлять каждую часть плана в виде отдельного закона (новый налоговый кодекс, новый закон о ценах и т. д.), но объединить все свои революционные меры в один исключительный указ D.S. 21060. Этот указ содержал 220 отдельных законов, касающихся всех сторон экономической жизни страны, и по своим претензиям и масштабам был эквивалентом «Кирпича», программы, подготовленной «чикагскими мальчиками» накануне переворота Пиночета. Авторы заявляли, что эту программу следует принять или отвергнуть целиком, ее нельзя принимать частями. Это был экономический эквивалент военного «Шока и трепета».

Завершив работу над текстом, команда сделала пять его копий: одну для Паса, одну для Гони и одну для министра финансов. Судьба двух оставшихся копий показывает, насколько Пас и его команда опасались, что многие боливийцы увидят в этой программе объявление войны: одну копию послали начальнику штаба армии, а дру-

²⁰ Portillo S.V. Victor Paz: Decreto es coyuntural, pero puede durar 10 y 20 años.

²¹ Ullman H.K., Wade J.P. Shock and Awe, p. xxv.

гую — шефу полиции. Но кабинет Паса пока ничего об этом не знал. Они продолжали жить в иллюзии, что работают на того самого человека, который раньше национализировал шахты и перераспределял землю.

Через три недели после официального вступления в должность президента Пас наконец собрал свой кабинет, чтобы объявить эту неожиданную весть. Президент распорядился запереть двери в правительственный зал и «дал распоряжение секретарям блокировать все телефонные звонки министров». Бедрегаль прочел вслух ошеломленной аудитории все 60 страниц текста. По его словам, он так нервничал, что у него «даже пошла носом кровь за несколько минут до начала». Пас сообщил членам кабинета, что этот указ не подлежит обсуждению. Кроме того, в ходе секретных переговоров он уже заручился поддержкой правой оппозиционной партии Бансера. «Кто не согласен, — сказал президент, — должен подать в отставку». «Я не согласен», — заявил министр промышленности. «Пожалуйста, покиньте помещение», — ответил Пас. Но министр остался. На фоне безостановочного роста инфляции и ясных указаний на то, что значительная финансовая помощь Вашингтона будет оказана только в случае применения шоковой программы, никто не осмелился уйти. Два дня спустя в телевизионном обращении президента под названием «Боливия умирает» Пас обрушил на ничего не подозревавшую публику боливийскую версию «Кирпича».

Сакс верно предсказал, что увеличение цен положит конец гиперинфляции. За два года инфляция снизилась до 10 процентов, и это был впечатляющий результат²². Но другие масштабные последствия неолиберальной революции в Боливии не столь однозначны. Все экономисты согласны с тем, что быстрая инфляция наносит ужасающий вред, она невыносима и ее надо приостановить — и этот процесс может быть мучительным. Но вызывают споры вопросы: как разработать надежную программу, а также на кого ляжет мучительный груз этих реформ? Рикардо Гринспан, профессор экономики Университета Йорка, специалист по Латинской Америке, утверждает, что традиции кейнсианства или девелопментализма направлены на мобилизацию поддержки и облегчение бремени с помощью «переговоров основных игроков: правительства, работодателей, фермеров, профсоюзов и т.д. При этом стороны договариваются о политике относительно поступлений — зарплатах и ценах — на время проведения мероприятий

²² Conaghan C.M., Malloy J.M. Unsettling Statecraft, p. 186.

по стабилизации». Это прямо противоположно, говорит Гринспан, «подходу ортодоксии: переложить всю социальную цену реформ на плечи бедных с помощью шоковой терапии». Именно это, по его словам, и произошло в Боливии.

Как раньше обещал Фридман в Чили, предполагалось, что свободный рынок создаст рабочие места для новых безработных. Этого не произошло, и безработица выросла с 20 процентов на момент выборов до 25—30 процентов двумя годами позже²³. Количество рабочих только в одной государственной горнодобывающей корпорации — той самой, которую в 1950-х национализировал Пас, — сократилось с 28 тысяч до 6000²⁴.

Минимальная заработная плата так и не достигла своей прежней величины: за два года реальная зарплата снизилась на 40 процентов, а в один момент упала на 70 процентов²⁵. В 1985 году, когда только началось применение шоковой терапии, средний годовой доход на члена семьи составлял 845 долларов; два года спустя он снизился до 789 долларов. Этот показатель использовали Сакс и правительство, и он хотя показывает недостаток прогресса, но не способен отразить ухудшения уровня жизни многих жителей Боливии. Средний доход вычисляют, поделив сумму общего дохода страны на количество ее жителей, и это сглаживает тот факт, что шоковая терапия в Боливии действовала так же, как и в прочих странах региона: небольшая элита стала неизмеримо богаче, а бóльшая часть людей, ранее принадлежавших к рабочему классу, была полностью вытеснена из экономической жизни и стала ненужной. В 1987 году боливийские крестьяне «кампесинос» зарабатывали в среднем всего 140 долларов в год, то есть в пять раз меньше «среднего дохода»²⁶. В этом состоит проблема «средних» показателей — они умело скрывают резкие контрасты.

Лидер крестьянского профсоюза объяснил, что «правительственная статистика не отражает растущего числа семей, вынужденных жить в палатках; тысяч страдающих от недоедания детей, которые получают в день лишь кусок хлеба и чашку чая; сотен «кампесинос», которые

²³ *McFarren P.* 48-hour Strike Hurts Country // *Associated Press*. 1985. September 5; *Reid M.* Sitting Out the Bolivian Miracle // *Guardian*. London. 1987. May 9.

²⁴ *Alexander R.J.* A History of Organized Labor in Bolivia. Westport, CT: Praeger, 2005. P. 169.

²⁵ *Zuckerman S.* Bolivian Bankers See Some Hope After Years of Economic Chaos // *American Banker*. 1987. March 13; *Morales W.Q.* Bolivia: Land of Struggle. San Francisco: Westview Press, 1992. P. 159.

²⁶ Статистические данные Inter-American Development Bank.

приходят в столицу в поисках работы и в итоге вынуждены просить милостыню на улице»²⁷. Это тайная история шоковой терапии в Боливии: были сокращены сотни тысяч рабочих мест с полной занятостью и пенсиями, им на смену пришли случайные работы безо всякой социальной защиты. Между 1983 и 1988 годами количество жителей Боливии, имеющих право на социальную защиту, снизилось на 61 процент²⁸.

Сакс, вернувшийся в Боливию в качестве советника в разгар переходного периода, выступил против повышения зарплат в связи с подъемом цен на продукты питания и бензин, а вместо этого предложил организовать кризисный фонд для защиты наиболее уязвимых — что-то вроде временной повязки на зияющей ране. Сакс вернулся в Боливию по просьбе Паса Эстенсоро и работал непосредственно на президента. Все помнят его непреклонность. По словам Гони (будущего президента Боливии), Сакс помогал политическим деятелям держаться твердо в те моменты, когда общественное мнение восставало против человеческой стоимости шоковой терапии. «Во время своих визитов [Сакс] говорил: «Глядите, все эти постепенные меры — они не работают. Когда ситуация выходит из-под контроля, это надо остановить, как в медицине. Необходимо принять радикальные меры, иначе ваш пациент умрет»²⁹.

Одним из прямых результатов таких радикальных мер стало то, что многие бедняки Боливии были вынуждены выращивать коку, поскольку она приносила в 10 раз больше дохода, чем другие виды сельскохозяйственной продукции (ирония истории заключается в том, что первоначальный экономический кризис был вызван борьбой против крестьян, разводивших коку, при финансовой поддержке США)³⁰. К 1989 году примерно один из десяти работников был связан с выращиванием коки или производством кокаина³¹. К этим людям относилась и семья Эво Моралеса, будущего президента Боливии, а ранее — лидера воинственного профсоюза работников, выращивающих коку.

²⁷ Foronda E. Bolivia: Paz Has Trouble Selling «Economic Miracle» // *Latinamerica Press* 21. 1989. № 5. February 16. P. 7; цит. по: *Morales W.Q.* Bolivia, p. 160.

²⁸ *Alexander R.J.* A History of Organized Labor in Bolivia, p. 169.

²⁹ Интервью с Гонсало Санчесом де Лосадой 20 марта 2001 года // *Commanding Heights: The Battle for the World Economy*, www.pbs.org.

³⁰ *McFarren P.* Farmers' Siege of Police Points Up Bolivia's Drug-Dealing Problems // *Associated Press*. 1986. January 12.

³¹ *McFarren P.* Bolivia—Bleak but Now Hopeful // *Associated Press*. 1989. May 23.

Кока играла важнейшую роль в восстановлении экономики Боливии и борьбе с инфляцией (этот факт теперь признают все историки, но его ни разу не упоминал Сакс, описывая, как экономические реформы победили инфляцию)³².

Всего спустя два года после «атомной бомбы» шоковой программы нелегальный экспорт наркотиков приносил Боливии больше доходов, чем все легальные виды экспорта вместе взятые, и почти 350 тысяч человек зарабатывали себе на жизнь при помощи наркоторговли. По словам одного иностранного банкира, «до сих пор экономика Боливии сидит на кокаине»³³.

Непосредственно после шоковой терапии только немногие люди за пределами Боливии могли говорить обо всех ее сложных и разнообразных последствиях. В основном же рассказывалась простенькая история о решительном молодом профессоре Гарварда, который буквально в одиночку «спас экономику Боливии от катастрофы инфляции», по словам журнала *Boston Magazine*³⁴. Победа над инфляцией, которой помог добиться Сакс, давала право говорить о Боливии как о потрясающем успехе свободного рынка, «одном из самых удивительных в наше время», как писал журнал *The Economist*³⁵. «Боливийское чудо» немедленно сделало Сакса звездой во влиятельных финансовых кругах и предопределило его карьеру: он стал ведущим специалистом по кризисной экономике, благодаря чему в последующие годы его приглашали в Аргентину, Перу, Бразилию, Эквадор и Венесуэлу.

Сакса превозносили не только за то, что он справился с инфляцией в бедной стране. Он совершил то, что многим казалось невозможным: произвел радикальные неолиберальные преобразования в рамках демократии и без войны, и это было изменение куда более полное, чем то, что сделали Тэтчер или Рейган. Сакс отдавал отчет в историческом значении своего достижения. «Боливия, как я полагаю, была первым сочетанием демократических реформ и экономиче-

³² «Не остается сомнений в том, что торговля этим наркотиком, как и международная помощь, получаемая Пасом, позволили смягчить удар стабилизационных мер. Кока стала не только источником доходов; вливание «кокаиновых долларов» в банковскую систему, как полагают, способствовало стабилизации местной валюты во второй половине того десятилетия». *Conaghan C.M., Malloy J.M. Unsettling Statecraft*, p. 198.

³³ *Bridges T. Bolivia Turns to Free Enterprise Among Hard Times // Dallas Morning News*. 1987. June 29; *Conaghan C.M., Malloy J.M. Unsettling Statecraft*, p. 198.

³⁴ *Sedgwick J. The World of Doctor Debt // Boston Magazine*. 1991. May.

³⁵ *Taming the Beast // The Economist*. 1986. November 15.

ских организационных изменений, — говорил он много лет спустя. — И Боливия куда ярче, нежели Чили, показала, что можно сочетать политическую либерализацию и демократию с либерализацией экономической. Это чрезвычайно важный урок, когда обе эти вещи работают параллельно и поддерживают одна другую»³⁶.

Сравнение с Чили тут не случайно. Благодаря Саксу «евангелисту демократического капитализма», как назвала его газета *New York Times*, шоковая терапия стряхнула с себя грязь диктатур и лагерей смерти, которая сопутствовала ей с того самого дня, когда 10 лет назад Фридман нанес свой судьбоносный визит в Сантьяго³⁷. Вопреки всем предсказаниям критиков, Сакс доказал, что крестовый поход свободного рынка может не просто пережить демократическую волну, которая начала распространяться по всему миру, но и сопутствовать ей. И Сакс, с его восхищением Кейнсом и стойким идеалистическим желанием улучшить жизнь развивающихся стран, прекрасно подходил для роли вождя этого похода в более мягкую и мирную эпоху.

Левые Боливии называли указ Паса «пиночетизмо экономико» — экономическим пиночетизмом³⁸. С точки зрения бизнеса как внутри, так и вне Боливии это верно: Боливия провела шоковую терапию в стиле Пиночета без Пиночета и под руководством центристско-левого правительства. Как об этом с восхищением говорил один боливийский банкир: «То, что Пиночет сделал с помощью штыков, Пас осуществил в демократическом обществе»³⁹.

История боливийского чуда многократно пересказана в газетах и журналах, биографиях Сакса и его бестселлере, а также в передачах, например, трех частях телепередач PBS «Командные высоты: битва за мировую экономику». Здесь есть только одна проблема: в этой истории нет правды. Боливия показала, что шоковую терапию можно провести в стране сразу после выборов, но не показала, что это можно сделать демократическим путем и без репрессий — фактически она тоже подтвердила противоположный вывод.

Совершенно очевидно, что боливийские избиратели не давали президенту Пасу мандата на смену всей экономической архитектуры

³⁶ Интервью с Джеффри Саксом 15 июня 2000 года.

³⁷ *Passell P. Dr. Jeffrey Sachs, Shock Therapist // New York Times. 1993. June 27.*

³⁸ *New Austerity Package Revealed // Latin American Regional Reports: Andean Group. 1985. December 13.*

³⁹ Имя автора высказывания не названо. *Zuckerman S. Bolivian Bankers See Some Hope after Years of Economic Chaos.*

страны. Он победил на выборах как представитель движения за национальную независимость, а затем решительно отказался от своей платформы. Спустя несколько лет влиятельный экономист свободного рынка Джон Уилльямсон нашел термин для того, что совершил Пас: он назвал это «вуду-политикой», хотя большинство людей называют это просто обманом⁴⁰. Но это не единственная проблема с историей о демократии.

Неудивительно, что многие избиратели, проголосовавшие за Паса, были в ярости. Как только указ был обнародован, десятки тысяч человек вышли на улицы, пытаясь остановить реализацию программы, которая означала увольнение и голодное существование. Главным противником этой программы стала рабочая федерация, которая призвала к всеобщей забастовке, остановившей все производство. Реакция Тэтчер на забастовку шахтеров кажется крайне мягкой по сравнению с действиями Паса. Он немедленно объявил о чрезвычайном положении, на улицах появились танки и был введен комендантский час. Теперь, чтобы путешествовать по собственной стране, боливийцам требовались особые пропуска. Полиция совершала облавы в помещениях профсоюзов, в университете, на радиостанции, а также на нескольких фабриках. Политические митинги и марши были запрещены, на любое собрание требовалось получить разрешение государства⁴¹. Оппозиционных политиков весьма эффективно ограничили в действиях, как это происходило во время диктатуры Бансера.

Чтобы очистить улицы, полиция арестовала 1500 демонстрантов, применяя для разгона людей слезоточивый газ, а также пули против забастовщиков, которые, по словам полиции, напали на их офицеров⁴². Пас предпринял и другие меры, чтобы протесты больше не повторялись. Он разослал полицейских и военных по всей стране, чтобы схватить двести ведущих профсоюзных деятелей, присокупил к ним лидеров рабочей федерации, объявивших голодную забастовку, посадил их в самолеты и отправил в отдаленные тюрьмы на Амазонке⁴³. По данным агентства Reuters, среди задержанных были «руководители Боливийской федерации труда и другие важнейшие

⁴⁰ The Political Economy of Policy Reform, p. 479.

⁴¹ Bolivia Now Under State of Siege // *New York Times*. Associated Press. 1985. September 20.

⁴² Bolivia to Lift State of Siege // *United Press International*. 1985. December 17; Bolivia Now Under State of Siege.

⁴³ Conaghan C.M., Malloy J.M. *Unsettling Statecraft*, p. 149.

деятели профсоюзов», их доставили «в отдаленные деревни в бассейне Амазонки на севере Боливии, ограничив передвижение»⁴⁴. За этим массовым похищением последовало условие их выкупа: заключенных освободят только в том случае, если профсоюзы откажутся от своих протестов, на что последние в конце концов согласились. Шахтер Филемон Эскобар был в те дни активистом. В телефонном интервью он вспоминал, что «они хватали рабочих вожakov на улицах и доставляли в джунгли на съедение насекомым. Когда их выпустили, новый экономический план уже был принят». По мнению Эскобара, «правительство отправило людей в джунгли не для пыток и не в целях убийства, но для того, чтобы опередить их со своей экономической программой».

Чрезвычайное положение длилось три месяца, а поскольку программу должны были внедрить в течение 100 дней, это означало, что страна сидела под замком в самый решающий период шоковой терапии. Год спустя, когда правительство Паса намеревалось приступить к массовым увольнениям рабочих с предприятий по добыче олова, профсоюзы снова вывели людей на улицы и повторилась та же серия драматических событий: было объявлено чрезвычайное положение, и два самолета Bolivian Air Force увезли сотню рабочих вожakov страны в лагеря на боливийских тропических равнинах. На этот раз среди похищенных активистов находились двое бывших министров труда и один бывший сенатор, что напоминало VIP-тюрьму Пиночета на юге Чили, куда доставили Орландо Летельера. Активистов держали в лагерях две с половиной недели, пока, как и в прошлый раз, профсоюзы не согласились прекратить свои протесты и голодную забастовку⁴⁵.

Это был как бы облегченный вариант хунты. Чтобы режим мог внедрить экономическую шоковую терапию, некоторые люди должны были исчезнуть — хотя бы временно. Такие исчезновения, хотя и проведенные куда менее жестоко, служили той же цели, что и в 1970-е годы. Задержание боливийских профсоюзных деятелей, стоявших на пути реформы, создавало условия для экономического упразднения массы работников, которых вскоре уволили, пополнив ими «склад лишних людей» в трущобах, окружающих Ла-Пас.

Отправляясь в Боливию, Сакс вспоминал предупреждение Кейнса о том, что экономические катастрофы порождают фашизм, но он про-

⁴⁴ *Bolivia Strike Crumbling // Globe and Mail*. Toronto. Reuters. 1985. September 21.

⁴⁵ *McFarren P. Detainees Sent to Internment Camps // Associated Press*. 1986. August 29; *Bolivia: Government Frees Detainees, Puts Off Plans for Mines // Inter Press Service*. 1986. September 16.

писал настолько мучительные меры, что для их реализации потребовалось такое же применение силы, как при фашизме.

Эти жестокие меры правительства Паса освещались в тогдашней международной прессе, но лишь в забытых через день-другой новостях о протестах, характерных для Латинской Америки. Когда же настало время рассказать о триумфе «реформ свободного рынка» в Боливии, эти события не вписывались в официальную историю (точно так же, как и симбиоз насилия и чилийского «экономического чуда» при Пиночете). Разумеется, Джеффри Сакс не обращался к полиции для подавления беспорядков и не требовал введения чрезвычайного положения, но он посвятил одну главу своей книги «Конец нищеты» (*The End of Poverty*) победе над инфляцией в Боливии: он с охотой описывает свой вклад в это достижение, но ни разу не упоминает о том, что для реализации программы потребовались репрессии. Ближе всего к этой теме он подходит лишь в загадочных словах о «напряженных моментах в первые месяцы действия программы стабилизации»⁴⁶.

В другом же рассказе нет даже и слабого намека на эти события. Гони уверял, что «стабилизация была достигнута в рамках демократии, без подавления свободы людей, которые могли выражать свои желания»⁴⁷. Не столь радужно звучит оценка одного из министров правительства Паса, который сказал, что они «действовали как авторитарные свиньи»⁴⁸.

Это противоречие, возможно, остается самым устойчивым наследием эксперимента по проведению шоковой терапии в Боливии. Эта история показала, что для шоковой терапии все еще необходимы сопутствующие шоковые атаки на неудобные социальные группы и демократические институты. Она также показала, что крестовый поход корпоративизма можно вести авторитарными средствами, но все равно его будут восхвалять как достижение демократии, поскольку прошли выборы, несмотря на глубокое ограничение гражданских свобод или полное пренебрежение демократией после них. (Среди прочего, этот урок сослужил ценную службу в России Борису Ельцину в последующие годы.) Таким образом, Боливия стала образцом нового, более приятного авторитаризма, гражданского государственного переворота, который осуществляют политики и экономисты в деловых костюмах, а не солдаты в военной форме и который разворачивается в официальных рамках демократического режима.

⁴⁶ *Sachs J.D. The End of Poverty*, p. 96.

⁴⁷ Интервью с Гонсало Санчесом де Лосадой 20 марта 2001 года.

⁴⁸ *Conaghan C.M., Malloy J.M. Unsettling Statecraft*, p. 149.

КРИЗИС ДЕЙСТВУЕТ:

УПАКОВКА ДЛЯ ШОКОВОЙ ТЕРАПИИ

Ну и какой смысл был разрушать мою голову и стирать мою память — мой капитал, — оставив меня не у дел? Это было блестящее лечение, но мы потеряли пациента.

Эрнест Хемингуэй об электросудорожной терапии незадолго до самоубийства, 1961 г.¹

Урок, усвоенный Джефри Саксом после его первой международной авантюры, сводился к тому, что гиперинфляцию действительно можно остановить с помощью суровых и решительных мер. Он приехал в Боливию остановить инфляцию и справился со своей задачей. Дело сделано.

Джон Уилльямсон, один из самых влиятельных правых экономистов в Вашингтоне и ведущий консультант МВФ и Всемирного банка, внимательно наблюдал за боливийским экспериментом Сакса и увидел в нем событие великого значения. По его словам, эта программа шоковой терапии была «большим взрывом», скачком вперед в кампании распространения доктрины чикагской школы по всему земному шару². И это касается не экономики, а тактики.

Вольно или невольно Сакс наглядно продемонстрировал, что теория кризиса Фридмана абсолютно верна. Катастрофа с гиперинфляцией в Боливии была оправданием для проведения программы, которая в нормальных условиях была бы политически невозможна. Это была страна с сильным и активным рабочим движением и мощной левой традицией, место последнего пребывания Че Гевары. Од-

¹ Hotchner A.E. Papa Hemingway. 1966, repr. New York: Carroll & Graf, 1999. P. 280.

² Shultz J. Deadly Consequences: The International Monetary Fund and Bolivia's «Black February». Cochabamba, Bolivia: The Democracy Center. 2005. April 14, www.democracyctr.org.

нако и ее заставили подчиниться беспощадной шоковой терапии ради стабилизации вышедшей из-под контроля ситуации с местной валютой.

К середине 1980-х годов некоторые экономисты заметили, что сильный кризис гиперинфляции вызывает эффект настоящей войны: вызывает страх и растерянность, порождает беженцев и является причиной смерти массы людей³. Было совершенно очевидно, что в Бразилии гиперинфляция сыграла ту же роль, что и «война» Пиночета в Чили или Фолклендская война для Маргарет Тэтчер: эти события обеспечили контекст для применения экстренных мер, особое состояние, при котором законы демократии временно не работают, а контроль над экономикой можно передать команде экспертов, собирающихся в комнатах жилого дома Гони. Для жестокосердных идеологов чикагской школы, подобных Уильямсону, это означало, что гиперинфляция не проблема, требующая разрешения, а прекрасная возможность, которую надо использовать.

И в 1980-е годы в таких прекрасных возможностях не было недостатка. Фактически значительная часть развивающихся стран, особенно в Латинской Америке, в этот момент приближались к пропасти гиперинфляции. Это критическое положение было результатом двух важнейших факторов, прямо связанные с финансовыми решениями Вашингтона. Во-первых, это требование сохранения долгов, накопленных при незаконных диктаторских режимах, за новыми демократиями. Во-вторых, это допущение Федеральной резервной системой США с подачи Фридмана роста процентных ставок, что могло за один день сильно увеличить объем такого долга.

Наследие одиозных долгов

Аргентина стала классическим примером. В 1983 году, когда после Фолклендской войны страна освободилась от хунты, аргентинцы избрали своим новым президентом Рауля Альфонсина. Но только что освобожденной стране угрожал взрыв так называемой «долговой бомбы». Вашингтон настаивал, чтобы новое правительство, совершающее «достойный переход» к демократии (термин хунты), согласилось уплатить все долги, оставшиеся за генералами. За год до переворота внешний долг Аргентины составлял 7,9 миллиарда долларов,

³ *Hirschman A.O. Reflections on the Latin American Experience // The Politics of Inflation and Economic Stagnation: Theoretical Approaches and International Case Studies / Eds. L.N. Lindberg, Ch.S. Maier. Washington, DC: Brookings Institution, 1985. P. 76.*

а за время правления хунты, на момент передачи власти, он вырос до 45 миллиардов. Кредиторами были МВФ, Всемирный банк, Банк экспорта-импорта США и частные банки США. В подобном положении находились и другие страны региона. Когда хунта захватила власть в Уругвае, долг страны составлял 0,5 миллиарда долларов, а к потере ею власти он вырос до 5 миллиардов — огромной суммы для страны с населением всего в 3 миллиона жителей. Самым драматичным оказалось положение Бразилии: генералы, пришедшие к власти в 1964 году и обещавшие навести порядок с финансами, умудрились увеличить долг с 3 до 103 миллиардов долларов к 1985 году⁴.

В период перехода к демократии звучали убедительные аргументы, как нравственные, так и юридические, в пользу того, что эти долги «одиозны» и освобожденные народы не обязаны оплачивать счета своих угнетателей и палачей. Эти мнения были особо весомыми в странах южного конуса, потому что во время правления диктаторов иностранные кредиты часто получали непосредственно армия и полиция — на приобретение оружия и «водных пушек» или на строительство современных лагерей пыток. В Чили, например, благодаря займам втрое увеличились военные расходы, так что чилийская армия, в которой в 1973 году служило 47 тысяч человек, к 1980 насчитывала уже 85 тысяч. В Аргентине, как установил Всемирный банк, примерно 10 миллиардов долларов, занятых генералами, пошли на военные закупки⁵.

Другие деньги, не потраченные на вооружение, исчезли. Правление хунт было царством коррупции — как предвестник беспутного будущего, когда подобная ничем не сдерживаемая экономика распространилась на Россию, Китай и «зоны свободного мошенничества» в оккупированном Ираке (по словам одного разочарованного советника США)⁶. Согласно отчету Сената США 2005 года Пиночет создал разветвленную сеть секретных банковских счетов, которых насчитывается по меньшей мере 125, на имена членов своей семьи или варианты своего собственного имени. На ставших известными счетах

⁴ Memoria Anual 1985 // Banco Central de la República Argentina, www.bcra.gov.ar; Weschler L. A Miracle, a Universe, p. 152; Brazil Refinancing Foreign Debt Load // *New York Times*. 1964. July 2; Riding A. Brazil's Leader Urges Negotiations on Debt // *New York Times*. 1985. September 22.

⁵ Harvey R. Chile's Counter-Revolution; Economic Memorandum: Argentina // World Bank. Washington, DC: World Bank, 1985. P. 17.

⁶ Имя этого советника — Франклин Уиллис. Hirsh M. Follow the Money // *Newsweek*. 2005. April 4.

банка Riggs Bank, расположенного в Вашингтоне, хранилось около 27 миллионов долларов⁷.

Жадность аргентинской хунты проявлялась еще ярче. В 1984 году Хосе Мартинес де Хос, автор экономической программы, был арестован по обвинению в мошенничестве в связи с выдачей огромной государственной субсидии одной из компаний, которые он возглавлял (позднее дело было прекращено)⁸. Тем временем Всемирный банк расследовал, что произошло с 35 миллиардами долларов иностранных займов во время правления хунты, и установил, что 19 миллиардов — 46 процентов всего долга — были переведены за пределы страны. Швейцарские чиновники подтвердили, что большая часть этих денег оказалась на номерных счетах⁹. Федеральная резервная система США отмечает, что за один лишь 1980 год долг Аргентины возрос на 9 миллиардов долларов, в том же году объем хранящихся за границей активов аргентинских граждан вырос на 6,7 миллиарда¹⁰. Ларри Сьяастад, знаменитый профессор Чикагского университета, который непосредственно учил многих аргентинских «чикагских мальчиков», называл эту историю с миллиардами (пропавшими из-под носа его учеников) «величайшим мошенничеством двадцатого столетия»¹¹.

Хунта, разворовывая деньги, привлекала к этому даже своих жертв. В камерах пыток ESMA в Буэнос-Айресе узников со знанием языков или университетским образованием регулярно вызывали из камер, чтобы они работали бухгалтерами на своих тюремщиков. Гарсиела Далео, пережившая заключение, рассказывала, что перепечатывала документы с советами о хранении украденных денег за границей¹².

Остатки национального долга обычно уходили на оплату процентов, а также на теневые выплаты частным фирмам. В 1982 году, перед самым концом диктатуры в Аргентине, хунта оказала еще одну,

⁷ O'Hara T. 6 U.S. Banks Held Pinochet's Accounts // *Washington Post*. 2005. March 16.

⁸ Former Cabinet Minister Arrested in Argentina // *Seattle Times*. United Press International. 1984. November 17.

⁹ Economic Memorandum: Argentina, p. 17; Documentación que prueba los ilícitos de Martínez de Hoz // *La Voz del Interior*. 1984. October 6; цит. по: *Hernandez H. Justicia y Deuda Externa Argentina*. Santa Fe, Argentina: Editorial Universidad de Santa Fe, 1988. P. 36.

¹⁰ *Hernandez H. Justicia y Deuda Externa Argentina*, p. 37.

¹¹ Там же. Может быть, оно было величайшим на тот момент, но век еще не кончился — приближался эксперимент чикагской школы в России.

¹² По ее словам, это был «документ о том, как производить инвестиции на Багамах, в Люксембурге, Панаме, Швейцарии и Лихтенштейне. Один раздел — достаточно практичный — даже был посвящен ситуации с налогами в этих местах». *Feitlowitz M. A Lexicon of Terror*, p. 57.

последнюю услугу корпоративному сектору. Доминго Кавальо, президент центрального банка страны, объявил, что государство принимает на себя долги крупных международных корпораций и местных фирм, которые, как и «пираньи» в Чили, займами довели себя до банкротства. Это означало, что компании продолжают владеть своими активами и получать прибыль, но государство обязуется заплатить от 15 до 20 миллиардов долларов их долгов; среди компаний, получивших этот щедрый подарок, были Ford Motor Argentina, Chase Manhattan, Citibank, IBM и Mercedes-Benz¹³.

Сторонники списания этих незаконных долгов утверждали, что кредиторы знали — или обязаны были знать, — что эти деньги служили репрессиям и коррупции. Это подтвердили рассекреченные отчеты Госдепартамента США о встрече Генри Киссинджера, в то время государственного секретаря, с министром иностранных дел Аргентины адмиралом Сесаром Аугусто Гузетти 7 октября 1976 года. Обсудив вопрос о возмущении международных правозащитников произошедшим переворотом, Киссинджер сказал: «Видите ли, самое главное — мы желаем вам успеха. По моему старомодному мнению, друзья должны помогать друг другу... И чем быстрее вы добьетесь успеха, тем лучше». А затем Киссинджер заговорил о займах и предложил Гузетти просить об иностранной помощи в таком объеме, какой возможно получить, и как можно быстрее, пока аргентинские «проблемы прав человека» не свяжут руки администрации США. «Два займа предлагает банк, — сказал Киссинджер, имея в виду Межамериканский банк развития. — И мы не намерены голосовать против них». Он также посоветовал министру: «Обратитесь с просьбой в Экспортно-импортный банк. Мы хотели бы, чтобы ваша экономическая программа успешно реализовалась, и сделаем все возможное, чтобы вам помочь»¹⁴.

Эта расшифровка беседы показывает, что правительство США одобряло выдачу займов хунте, понимая, что деньги будут использоваться в разгар кампании террора. И в начале 80-х Вашингтон настаивал на том, что новое демократическое правительство Аргентины обязано вернуть этот одиозный долг.

¹³ Galasso N. De la Banca Baring al FMI. Buenos Aires: Ediciones Colihue, 2002. P. 246; Esquivel A.P. ¿Cuándo comenzo el terror del 24 de marzo de 1976? // *La Fogata*. 2004. March 24, www.lafogata.org.

¹⁴ Secretary's Meeting with Argentine Foreign Minister Guzzetti, October 7, 1976 // U.S. State Department, Memorandum of Conversation. Declassified, www.gwu.edu/~nsarchiv.

Долговой шок

Эти долги и сами по себе были тяжким бременем на плечах новой демократии, но вдобавок это бремя становилось все тяжелее. В новостях заговорили о шоке нового рода: так называемом «шоке Волкера». Этим термином экономисты описывали последствия решения главы Федерального резерва Пола Волкера, который резко поднял процентную ставку США до высокой отметки в 21 процент; это повышение достигло вершины в 1981 году и сохранялось до середины 1980-х¹⁵. В США такое повышение процентной ставки вызвало волну банкротств, а в 1983 году количество людей, не способных выкупить заложенное имущество, увеличилось втрое¹⁶.

Но еще больше страданий это решение причинило людям, находящимся за пределами США. Для развивающихся стран, несущих и без того тяжелое бремя долгов, шок Волкера — его называли также «долговым шоком», или «долговым кризисом», — был подобен гигантскому электрошокеру из Вашингтона, заставлявшему весь развивающийся мир биться в судорогах. Рост процентной ставки означал рост всей суммы долгов, и часто с такими выплатами можно было справиться лишь за счет очередных займов. Так возникал порочный долговой круг. И без того огромный долг в 45 миллиардов долларов, оставленный Аргентине в наследство хунтой, стал быстро расти и в 1989 году достиг уже 65 миллиардов; подобное повторялось во многих бедных странах по всему миру¹⁷. После шока Волкера долг Бразилии молниеносно возрос в два раза за шесть лет: от 50 до 100 миллиардов. Многие африканские страны, активно бравшие займы в 70-х годах, оказались в таком же трудном положении: за этот короткий период долг Нигерии вырос от 9 до 29 миллиардов долларов¹⁸.

На экономику развивающихся стран в 80-е годы обрушились и другие виды шока. «Ценовой шок» возникает каждый раз, когда цена экспортного товара вроде кофе или олова падает на 10 процентов

¹⁵ Branford S., Kucinski B. *Debt Squads*, p. 95.

¹⁶ Wald M.L. *A House, Once Again, Is Just Shelter* // *New York Times*. 1983. February 6.

¹⁷ Poniachik J. *Cómo empezó la deuda externa* // *La Nación*. Buenos Aires. 2001. May 6.

¹⁸ Coes D.V. *Macroeconomic Crises: Politics and Growth in Brazil, 1964—1990*. Washington, DC: World Bank, 1995. P. 187; Osaghae E.E. *Structural Adjustment and Ethnicity in Nigeria*. Uppsala, Sweden: Nordiska Afrikainstitutet, 1995. P. 24; Oyejide T.A., Raheem M.I. *Nigeria // The Rocky Road to Reform: Adjustment, Income Distribution, and Growth in the Developing World* / Ed. L. Taylor. Cambridge, MA: MIT Press, 1993. P. 302.

и более. По данным МВФ, развивающиеся страны пережили 25 таких ударов между 1981 и 1983 годами, а между 1984 и 1987 годами, в разгар долгового кризиса, ценовой шок отмечался 140 раз, загоняя страны еще глубже в пучину долгов¹⁹. Такой удар пережила Боливия в 1986 году, год спустя после того, как она проглотила горькое лекарство Джеффри Сакса и подчинилась беспредельному капитализму. Цена олова, основного предмета экспорта из Боливии, если не считать коку, упала на 55 процентов, что разрушило экономику страны, хотя и не по ее вине. (Именно этой ситуации зависимости от экспорта природного сырья пытались избежать девелопменталисты 1950—1960-х годов, хотя эту «неясную» идею отметили экономисты богатого Севера.)

Таким образом, кризисная теория Фридмана стала сама себя поддерживать. Чем больше глобальная экономика следовала его принципам, освобождая процентные ставки, устраняя контроль над ценами, создавая экономические системы, ориентированные на экспорт, тем больше и больше возникало тех самых катастроф, которые были для Фридмана единственным условием, при котором правительства решительно следуют его советам.

В этом смысле кризис встроен в модель чикагской школы. Когда есть возможность свободно перемещать по земному шару неограниченные суммы денег с огромной скоростью и махинаторы могут играть со стоимостью чего угодно, начиная от коки и кончая валютой, все становится крайне неустойчивым. И поскольку программы свободного рынка вынуждают бедные страны полагаться на экспорт природных ресурсов, таких как кофе, медь, нефть или пшеница, эти страны особенно беззащитны перед порочным кругом постоянного кризиса. Внезапное понижение цен на кофе приводит к обвалу всей экономики страны, и состояние усугубляют финансовые спекулянты, которые, видя экономический спад, перестают полагаться на валюту страны, от чего ее стоимость стремительно падает. Если добавить сюда увеличение процентной ставки и быстрый рост национального долга, то получается готовый рецепт для нанесения экономического ущерба.

Приверженцы чикагской школы любят описывать события середины 1980-х как плавный и успешный марш их идеологии: дескать, в то самое время как страны повернулись к демократии, их граждан

¹⁹ Fund Assistance for Countries Facing Exogenous Shock // International Monetary Fund. 2003. August 8. P. 37, www.imf.org.

посетило откровение о том, что свободные люди и свободный рынок неразрывно связаны. Но это «откровение» надумано. На самом деле произошло нечто иное: люди, наконец, обрели долгожданную свободу от шока камер пыток, которые насаждали Фердинанд Маркос на Филиппинах или Хуан Мария Бордаберри в Уругвае и им подобные, и тут же на них обрушились экономические удары — долговой шок, шок цен и шок местной валюты, — порождаемые ростом нестабильности в условиях нерегулируемой глобальной экономики.

История Аргентины, к сожалению, типична: она ярко отражает, как долговой шок усугублялся другими видами шока. Рауль Альфонсин стал президентом в 1983 году, в разгар шока Волкера, так что новое правительство с первого дня оказалось в условиях кризиса. В 1985 году инфляция была настолько велика, что Альфонсину пришлось создать новый вид местной валюты, аустрал, в надежде, что свежее начало поможет поставить ситуацию под контроль. За следующие четыре года цены поднялись столь высоко, что это привело к массовым голодным восстаниям, а в аргентинских ресторанах этими банкнотами обклеивали стены, потому что они стоили дешевле обоев. В июне 1989 года, когда за один месяц инфляция составила 203 процента и за пять месяцев до окончания его президентского срока Альфонсин сдался, подал в отставку и назначил досрочные выборы²⁰.

Перед политиком, оказавшимся в положении Альфонсина, были открыты и другие возможности. Он мог отказаться от уплаты невероятного долга. Он мог объединиться с правительствами соседних стран, находящихся в подобном положении, и создать картель должников. Такие правительства могли бы создать общий рынок, основанный на принципах девелопментализма, — такой процесс уже начался в том регионе, но был насильственно прерван кровавыми военными режимами. Но отчасти проблемы того времени можно объяснить наследием террора в новых демократических странах. В 1980—1990-е годы многие развивающиеся страны как бы приходили в себя после террора; теоретически они были свободны, а на практике насторожены и подозрительны. Расставшись, наконец, с мрачным периодом диктатуры, законно избранные политики не решались навлечь на страну очередной переворот при поддержке США, вводя ту самую программу, которая привела к переворотам в 70-е годы, тем более что военные, стоявшие тогда у власти, в основ-

²⁰ Memoria Anual 1989 // Banco Central de la República Argentina, www.bcra.gov.ar.

ном находились не в тюрьмах, но, выторговав себе неприкосновенность, наблюдали за происходящим из своих казарм.

Понимая нежелательность воевать с решениями Вашингтона, одним махом увеличившего их долги, новые демократии видели один выход — играть по правилам Вашингтона. А в начале 1980-х эти правила стали намного жестче, потому что период долговых шоков не случайно совпал с новым этапом во взаимоотношениях Севера и Юга, когда уже не было нужды в военных диктатурах. Это был расцвет «структурной перестройки» — эпоха долговой диктатуры.

По теориям Милтона Фридмана, МВФ или Всемирный банк не заслуживают доверия как классический пример мощных государственных помех для тонких сигналов свободного рынка. Но по иронии судьбы именно туда, в центральные офисы этих организаций на Девятнадцатой улице Вашингтона, один за другим поступали работать «чикагские мальчики», занимая там важнейшие посты.

Арнольд Харбергер, руководивший латиноамериканской программой в Чикагском университете, часто хвалился тем, что многие его выпускники получили важные должности во Всемирном банке и МВФ: «В какой-то момент четыре главных региональных экономиста Всемирного банка были моими студентами из Чикаго. Один из них, Марсело Селовски, покинул пост главного экономиста нового региона бывшей советской империи, а это — крупнейшая сфера работы для Всемирного банка в целом. И что вы думаете? Его заменил другой мой бывший студент, Себастьян Эдвардс. Прекрасно видеть, как эти люди поднимаются вверх, и я горжусь тем, что они стали экономистами не без моего участия»²¹. Другой звездой был Клаудио Лосер, аргентинец, окончивший Чикагский университет в 1971 году, который позже возглавил отдел западного полушария МВФ и руководил теми, кто занимается странами Латинской Америки²². Бывшие чикагские студенты заняли также и другие важные посты в МВФ, включая

²¹ Интервью с Арнольдом Харбергером // *The Region*. Federal Reserve Bank of Minneapolis. 1999. March, www.minneapolisfed.org.

²² После экономической катастрофы 2001 года в Аргентине Лосер был уволен. По общему мнению, возглавляемый им МВФ был так зачарован свободным рынком, что страны, продолжавшие урезать расходы и приватизировать экономику, всегда могли рассчитывать на щедрые займы, несмотря на вопиющее состояние их экономики: массовую безработицу и разгул коррупции, не говоря уже о ничем не обеспеченных долгах Международному валютному фонду.

вторую по значимости позицию первого заместителя генерального директора, а также пост старшего экономиста, директора по исследованиям и главного экономиста африканского отделения²³.

Фридман мог оспаривать ценность этих заведений с философской точки зрения, но на практике эти организации находились в идеальной позиции для внедрения его кризисной теории. Когда страны попадали в порочный круг кризисов, куда же еще они могли обратиться, если не во Всемирный банк и в МВФ? И там их встречали уверенные «чикагские мальчики», натренированные рассматривать экономические катастрофы этих стран не как проблемы, подлежащие разрешению, а как драгоценную возможность расширить границы свободного рынка. Использование кризисных ситуаций — вот на что ориентировались самые влиятельные финансовые организации мира. И это было изменой принципам, положенным в их основу.

Подобно ООН, Всемирный банк и МВФ были созданы в ответ на ужасы Второй мировой войны. Поставив перед собой задачу никогда больше не повторять ошибки, которые позволили фашизму вырасти и стать на ноги в самом центре Европы, вершители судеб мира собрались в 1944 году в Бреттон-Вудсе (штат Нью-Гэмпшир, США), чтобы создать новый экономический порядок. Всемирный банк и МВФ, финансируемые за счет взносов 43 первоначальных стран-учредителей, были созданы для предотвращения экономических потрясений и катастроф, подобных тем, что вызвали глубокую дестабилизацию Веймарской Германии. Всемирный банк должен был осуществлять долговременные инвестиции, помогая развитию стран, чтобы вывести их из нищеты, а МВФ должен был работать как глобальный амортизатор шоков, борющийся против финансовых спекуляций и нестабильности рынка. Когда в стране появляются предвестники приближающегося кризиса, МВФ должен выдавать гранты и займы для стабилизации положения, предотвращая развитие кризиса²⁴. Обе эти организации, расположенные в Вашингтоне напротив друг друга, должны были координировать свои действия.

²³ Бывший профессор и сотрудник Чикагского университета Стенли Фишер был первым заместителем генерального директора МВФ в 1994 году, Рагхурам Раджан был старшим экономистом МВФ в 2003 году, Майкл Мусса был директором отдела исследований МВФ в 1991 году, а Даньянг Ксие был главным экономистом африканского отделения в 2003 году.

²⁴ Article I—Purposes. Articles of Agreement of the International Monetary Fund // International Monetary Fund, www.imf.org.

Джон Мейнард Кейнс, возглавлявший делегацию Великобритании, был убежден, что мир наконец-то осознал политическую опасность само-регулирующегося рынка. «Мало кто верил, что такое возможно», — сказал он в конце конференции. Если эти организации сохранят верность своим изначальным принципам, «братство людей станет большим, чем эта фраза»²⁵.

Деятельность МВФ и Всемирного банка не соответствовала этим задачам. С самого начала влияние в них было распределено не по принципу «одна страна — один голос», как в Генеральной ассамблее ООН, но по величине экономики каждой страны. Это позволило Соединенным Штатам налагать вето на любое важное решение, а вместе с Европой и Японией играть ведущую роль в решении всех остальных вопросов. Поэтому, когда в 80-е годы к власти пришли Рейган и Тэтчер, их крайне идеологизированные администрации фактически подчинили обе эти финансовые организации своим целям, быстро увеличили их мощь и сделали своим оружием в крестовом походе корпоративизма.

Колонизация Всемирного банка и МВФ чикагской школой в основном происходила без шума, но об этом было официально заявлено в 1989 году, когда Джон Уилльямсон заговорил о так называемом вашингтонском консенсусе. Это был список экономических подходов, которые обе организации рассматривали как минимальный набор показателей экономического здоровья, — «общие ключевые принципы, которые сегодня разделяют все серьезные экономисты»²⁶. Эти подходы включали откровенно идеологические положения, например: «все государственные предприятия следует приватизировать» или «барьеры, препятствующие проникновению иностранных фирм, следует устранить»²⁷. Этот список был не чем иным, как неолиберальным тройным набором Фридмана: приватизация, отмена государственного регулирования и свободная торговля, резкое снижение государственных расходов. К такой программе, сказал Уилльямсон, «власти Вашингтона призывали страны Латинской Америки»²⁸. Джозеф Стиглиц, бывший старший экономист Всемирного банка и один

²⁵ Speech by Lord Keynes in Moving to Accept the Final Act at the Closing Plenary Session, Bretton Woods, 22 July, 1944 // *Collected Writings of John Maynard Keynes* / Ed. D. Moggridge. London: Macmillan, 1980. Vol. 26. P. 103.

²⁶ *Williamson J.* In Search of a Manual for Technopols // *The Political Economy of Policy Reform*, p. 18.

²⁷ Appendix: The «Washington Consensus» // *The Political Economy of Policy Reform*, p. 27.

²⁸ *Williamson J.* *The Political Economy of Policy Reform*, p. 17.

из последних противников новой доктрины, писал, что «Кейнс перевернулся бы в гробу, если б увидел, что происходит с его детищем»²⁹.

Сотрудники Всемирного банка и МВФ всегда предлагали вместе с займами свои рекомендации, но в начале 80-х, когда отчаяние развивающихся стран придало им смелости, эти рекомендации начали превращаться в обязательные требования по развитию свободного рынка. Когда страны, переживающие кризис, обращались в МВФ с просьбой снизить их долг или выдать срочный заем, фонд предлагал им осуществить масштабную программу шоковой терапии, подобную той, что содержалась в «Кирпиче», подготовленном «чикагскими мальчиками» для Пиночета, или в Указе из 220 законов, разработанном в доме Гони в Боливии.

МВФ осуществил свою первую программу «структурной перестройки» в 1983 году. С тех пор на протяжении двух десятилетий все страны, обращавшиеся в МВФ с просьбой о большом займе, получали в ответ только одно — предложение полностью перестроить свою экономику. Дэвисон Бадху, старший экономист МВФ, в 80-е годы разрабатывавший программы структурной перестройки для стран Латинской Америки и Африки, позднее признавался: «Все, что мы делали начиная с 1983 года, основывалось на нашем новом понимании своей миссии — заставить Юг принять приватизацию или умереть; ради этой цели мы использовали недостойные средства — намеренно устраивали в 1983—1988 годах экономический бедлам в странах Латинской Америки и Африки»³⁰.

Несмотря на свою радикальную (и весьма прибыльную) новую роль, МВФ и Всемирный банк всегда уверяли, что действуют исключительно в интересах стабилизации. Официальным назначением фонда было предотвращение кризисов — вовсе не социальная инженерия или изменение идеологии, — поэтому стабилизация была официальным объяснением. На самом же деле во всех странах долговой кризис использовался для распространения программы чикагской школы, основанной на безжалостном применении доктрины шока Фридмана.

Экономисты Всемирного банка и МВФ избрали именно этот путь, хотя обычно говорили о нем шифрованным языком экономической науки на семинарах для специалистов и в публикациях для сообщества «технократов». Дэни Родрик, знаменитый гарвардский экономист,

²⁹ Stiglitz J.E. Globalization and Its Discontents. New York: W.W. Norton, 2002. P. 13.

³⁰ Budhoo D.L. Enough Is Enough: Dear Mr. Camdessus, p. 102.

много сотрудничавший со Всемирным банком, в 1994 году писал о том, что вся концепция «структурной перестройки» была остроумной маркетинговой стратегией: «Всемирный банк изобрел и успешно использовал на рынке концепцию “структурной перестройки”, которая в одной упаковке содержала микроэкономические и макроэкономические реформы. Структурную перестройку покупали в качестве меры, необходимой для спасения экономики страны от кризиса. Когда правительства покупали этот пакет, они не видели разницы между здоровой макроэкономической программой достижения равновесия и стабилизации цен, с одной стороны, и программами, которые требовали открытости [например, свободной торговли] — с другой. Этот вопрос умышленно замалчивали»³¹.

Принцип был прост: страна, переживавшая кризис, отчаянно нуждалась во внешней помощи для стабилизации своей валюты. И когда мероприятия по приватизации и свободной торговле предлагаются в одном пакете с финансовой помощью, стране ничего не остается, кроме как принять пакет целиком. Хитрость экономистов заключалась в том, что они понимали: свободная торговля не имеет никакого отношения к антикризисным мероприятиям, — но эту информацию «замалчивали». Когда об этом писал Родрик, он хотел сделать комплимент. Такой подход заставил бедные страны принять программы, которые для них выбрал Вашингтон, причем никаким другим путем этого добиться было бы невозможно, — и Родрик приводит цифры, на которых основано его утверждение. Он изучил все страны, принявшие радикальные программы свободного рынка в 1980-х, и пришел к выводу, что «не известно ни одного примера осуществления значимых торговых реформ в развивающейся стране в 1980-х вне контекста тяжелого экономического кризиса»³².

Это был стратегический подход. Всемирный банк и МВФ принуждали правительства всего мира прозреть и понять, что мероприятия «вашингтонского консенсуса» — единственный рецепт достижения стабильности, а потому и демократии. Но одновременно Вашингтон понимал, что развивающиеся страны подчинятся такой программе только под действием лживых отговорок и неприкрытого вымогательства. Вы хотите спасти страну? Распродайте ее. Родрик даже

³¹ Rodrik D. The Rush to Free Trade in the Developing World: Why So Late? Why Now? Will It Last? // Voting for Reform: Democracy, Political Liberalization and Economic Adjustment / Eds. St. Haggard, St.B. Webb. New York: Oxford University Press, 1994. P. 82.

³² Там же, p. 81.

признавал, что приватизация и свободная торговля — два важнейших элемента пакета перестройки — не имеют прямого отношения к стабилизации. Доказывать обратное, по его словам, было бы «дурной экономикой»³³.

Аргентина — «образцовый ученик» МВФ в тот период — ясно показывает эту механику установления нового порядка. После кризиса гиперинфляции, заставившего президента Альфонсина покинуть свой пост, на его месте оказался Карлос Менем, перонистский губернатор небольшой провинции, носивший кожаную куртку и короткие бакенбарды, обладавший, казалось, достаточной силой для того, чтобы противостоять как все еще могущественным военным, так и кредиторам. После всех жестких попыток стереть с лица земли партию перонистов и профсоюзное движение Аргентина наконец-то получила президента, который обещал стоять за профсоюзы и вернуться к национальной экономике Хуана Перона. В этот момент многие испытывали те же чувства, что и при избрании Паса в Боливии.

Но надежды не оправдались. Проведя один год на своем посту и испытывая огромное давление со стороны МВФ, Менем перешел к «вуду-политике». Президент, которого выбрали как символ оппозиции диктатуре, назначил Доминго Кавальо министром экономики вернув власть человеку, который во времена хунты списал долги корпораций в качестве прощального подарка от диктатуры³⁴. Его назначение было, как говорят экономисты, «сигналом» — безошибочным признаком, что новое правительство возвращается к корпоративистскому эксперименту, начатому хунтой. Биржа Буэнос-Айреса отреагировала на это своего рода восторженной овацией: в день назначения Кавальо интенсивность торгов подскочила на 30 процентов³⁵.

Кавальо немедленно произвел идеологическое перевооружение заполнив правительство бывшими студентами Милтона Фридмана и Арнольда Харбергера. Буквально все ключевые экономические посты в стране заняли «чикагские мальчики»: президентом центрального банка стал Роке Фернандес, работавший как в МВФ, так и во Всемирном банке; вице-президентом центрального банка — Педро Поу

³³ «Какие бы выгоды ни несла торговая реформа, видеть причинную связь между режимом торговли и предрасположенностью к макроэкономическому кризису — это дурная экономика». *Rodrik D. The Limits of Trade Policy Reform in Developing Countries // Journal of Economic Perspectives* 6. 1992. № 1. P. 95.

³⁴ *Reyes H. Argentina: historia de una crisis // La Prensa. Panama City. 2002. January 12.*

³⁵ *Nash N.C. Turmoil, Then Hope in Argentina // New York Times. 1991. January 31.*

служивший при диктатуре; главным советником центрального банка был назначен Пабло Гуидотти, перешедший в аппарат аргентинского президента непосредственно из МВФ, где он был подчиненным другого бывшего чикагского профессора — Майкла Муссы.

Подобное происходило и в других странах. К 1999 году международное сообщество чикагской школы включало более 25 министров правительств и более дюжины президентов центральных банков различных стран, от Израиля до Коста-Рики. Это невероятно высокий уровень влияния для одного-единственного отделения университета³⁶. В Аргентине, как и во многих других странах, «чикагские мальчики» взяли в идеологические клещи законно избранное правительство; одна группа давила изнутри, а другая снаружи, из Вашингтона, усиливала это давление. Например, делегации МВФ в Буэнос-Айресе часто возглавлял Клаудио Лосер, человек из аргентинских «чикагских мальчиков»; это означало, что на встречах МВФ с министерством финансов и центральным банком происходили не переговоры оппонентов, но дружеская дискуссия коллег, в прошлом приятелей по Чикагскому университету, а теперь работников Девятнадцатой улицы Вашингтона. Вышедшая в Аргентине книга о деятельности этого глобального братства экономистов носит остроумное название *Buenos Muchachos* («Приятные мальчики»), что перекликается с классическим фильмом Мартина Скорсезе о мафии «Славные парни» (*Goodfellas*)³⁷.

Члены этого братства с воодушевлением соглашались друг с другом в том, что нужно сделать с аргентинской экономикой и каким образом вынудить страну так поступить. «План Кавальо», как его стали называть, основывался на том же хитроумном трюке с упаковкой, в совершенстве отработанном Всемирным банком и МВФ. Хаос и отчаяние перед лицом кризиса гиперинфляции использовались для проведения приватизации, которая была включена в пакет экстренных мер как важнейший пункт. Ради стабилизации денежной системы Кавальо резко сократил государственные расходы и ввел еще одну новую валюту — аргентинское песо, искусственно привязанное к американскому доллару. В течение года инфляция снизилась до 17,5 процента, а несколько лет спустя практически приостановилась³⁸.

³⁶ Интервью с Арнольдом Харбергером.

³⁷ *Natanson J. Buenos muchachos: Vida y obra de los economistas del establishment. Buenos Aires: Libros del Zorzal, 2004.*

³⁸ *Blustein P. And the Money Kept Rolling In (and Out): Wall Street, the IMF, and the Bankrupting of Argentina. New York: PublicAffairs, 2005. P. 21.*

Это позволило восстановить контроль над деньгами, но другая половина программы «замалчивалась».

Аргентинская диктатура, несмотря на все свое желание ублажить иностранных инвесторов, сохранила в руках государства самые лакомые куски экономики: от национальной авиалинии до богатых запасов нефти в Патагонии. Но для Кавальо и его «чикагских мальчиков» эта революция прошла только полпути, и они хотели довершить начатое, используя экономический кризис.

В начале 1990-х годов аргентинское государство стало распродавать национальные богатства с такой скоростью и таким размахом, что это намного превосходило аналогичные явления в Чили 10-летней давности. К 1994 году 90 процентов государственных предприятий были проданы частным компаниям, таким как Citibank, Bank Boston, французским компаниям Suez и Vivendi, испанским Repsol и Telefynica. Перед совершением сделки Менем и Кавальо оказали неоценимую услугу новым владельцам: они уволили, по подсчетам Кавальо, около 700 тысяч работников; некоторые считают, что эта цифра сильно занижена. Только одна нефтяная компания за годы правления Менема уволила 27 тысяч рабочих. Кавальо, восхищенный почитатель Джеффри Сакса, назвал это «шоковой терапией». Менем же пользовался более жестоким выражением: в стране, еще не пришедшей в себя после массовых пыток, он называл это «серьезной хирургической операцией без наркоза»³⁹.

³⁹ *Blustein P. And the Money Kept Rolling In (and Out): Wall Street, the IMF, and the Bankrupting of Argentina*, p. 24; интервью с Доминго Кавальо 30 января 2002 года // *Commanding Heights: The Battle for the World Economy*, www.pbs.org; *Herrera C. V., Garcia M. A 10 años de la privatización de YPF — Análisis y consecuencias en la Argentina y en la Cuenca del Golfo San Jorge (versión ampliada)* // Centro Regional de Estudios Económicos de la Patagonia Central. 2003. January 23, www.creepace.com.ar; *Camou A. Saber técnico y política en los orígenes del menemismo // Perfiles Latinoamericanos* 7. 1998. № 12. June; *Menem C.S. Speech given during a lunch with Mexican president Ernesto Zedillo*. 1997. November 26, zedillo.presidencia.gob.mx. В январе 2006 года, когда Кавальо и Менем уже освободили свои посты, аргентинцы узнали невероятные факты. Оказалось, что «План Кавальо» был создан отнюдь не Кавальо и не МВФ. Программа шоковой терапии для Аргентины начала 1990-х была тайно подготовлена JP Morgan и Citibank. В ходе судебного процесса против правительства Аргентины известный историк Алехандро Олмос Гаона разыскал документ на 1400 страницах, написанный двумя банками для Кавальо, содержащий «набросок правительственных мероприятий с 1992 года... приватизация служб, реформа трудовых законов, приватизация пенсионной системы. Все это описано с большим вниманием ко всем деталям... Принято думать, что экономическая программа, реализуемая с 1992 года, была разработана Доминго Кавальо, но это не так». Interview with Alejandro Olmos Gaona. *Las deudas hay que pagarlas, las estafas no* // *LaVaca*. 2006. January 10, www.lavaca.org.

Когда преобразования в Аргентине шли полным ходом, журнал *Time* разместил на обложке улыбающееся лицо Менема на фоне подсолнуха с заголовком «Чудо Менема»⁴⁰. И это было действительно чудом — Менем и Кавальо провели радикальную и болезненную приватизацию, не вызвав народного возмущения. Как им это удалось?

Много лет спустя Кавальо пояснял: «Гиперинфляция ужасает людей, особенно людей с низким доходом и скромными накоплениями, потому что за несколько часов или дней они могут узнать, что их зарплата ничего не стоит из-за повышения цен, растущих с невероятной скоростью. И тогда люди обращаются к правительству: “Пожалуйста, сделайте что-нибудь!” И если правительство в ответ предлагает удачный план стабилизации, это дает возможность добавить к этому плану и другие реформы... и самые главные из этих реформ были направлены к открытию экономики, на дерегуляцию и приватизацию. Но тогда эти реформы можно было произвести лишь одним способом — используя положение, созданное гиперинфляцией, потому что население было готово принять эти резкие преобразования, чтобы избавиться от гиперинфляции и вернуться к нормальной жизни»⁴¹.

Однако долговременные последствия реализации плана Кавальо обернулись бедствием для Аргентины. Метод стабилизации валюты — песо, привязанное к доллару, — сделал производство товаров внутри страны столь дорогостоящим, что местные фабрики не смогли выдержать конкуренции с дешевыми импортными товарами, наводнившими страну. Было упразднено столько рабочих мест, что в итоге почти половина населения страны оказалась за чертой бедности. Хотя ближайшие последствия программы казались блестящими: Кавальо и Менем провернули приватизацию, пока страна переживала шок гиперинфляции. Кризис выполнил свою задачу.

То, что сделали аргентинские лидеры, касалось скорее не экономики, а психологии. Как прекрасно понимал Кавальо, много послуживший хунте, в момент кризиса люди охотно отдают власть тому, кто обещает им волшебное исцеление, — не важно, финансовый это кризис или, как в дальнейшем показала администрация Буша, атака террористов.

Вот почему крестовый поход, начатый Фридманом, смог пережить пугающую демократию — его крестоносцам не приходилось убеждать избирателей в правоте своего мировоззрения: они выступали

⁴⁰ Menem's Miracle // *Time International*. 1992. July 13.

⁴¹ Интервью с Доминго Кавальо 30 января 2002 года.

в периоды кризисов, используя отчаяние перед лицом экономических проблем, которое связывало руки хрупким демократическим правительствам, не позволяя продвигаться вперед. Как только эта тактика была доведена до совершенства, возможностей для ее применения предоставилось значительно больше. За шоком Волкера последовал «текила кризис»* в Мексике 1994 года, азиатский масштабный кризис 1997 года и финансовый коллапс России в 1998 году, вслед за которым подобная ситуация возникла в Бразилии. Когда же эти кризисы и шоки потеряли свою силу, им на смену пришли новые бедствия: цунами, ураганы, войны и атаки террористов. Так формировался капитализм катастроф.

* Банковский кризис, получивший название «текила», разразился в декабре 1994 г. — *Примеч. ред.*

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПОТЕРИ ПЕРЕХОДА:

ПОКА МЫ ПЛАКАЛИ, ПОКА МЫ ДРОЖАЛИ,
ПОКА МЫ ТАНЦЕВАЛИ

Эти наихудшие времена несут в себе наилучшие возможности для тех, кто чувствует потребность в проведении фундаментальной экономической реформы.

Стивен Хэггард и Джон Уилльямсон «Политическая экономика реформ», 1994 г.

ЗАХЛОПНУВШАЯСЯ ДВЕРЬ ИСТОРИИ:

КРИЗИС В ПОЛЬШЕ И КИТАЙСКАЯ БОЙНЯ

Я живу в Польше, ставшей свободной, и считаю Милтона Фридмана одним из главных интеллектуальных архитекторов свободы моей страны.

Лешек Бальцерович, бывший министр финансов Польши, 2006 г.¹

Какое-то химическое вещество высвобождается у тебя внутри, когда твои деньги умножаются в десять раз. Это вызывает зависимость.

Уильям Браудер, финансовый менеджер из США, об инвестициях в Польше при начале тамошнего капитализма²

Очевидно, мы не должны прекращать есть из боязни удушья.

People's Daily, официальная газета КНР, о необходимости продолжать проведение реформ свободного рынка после бойни на площади Тяньаньмэнь³

Незадолго до падения Берлинской стены, ставшего символом крушения коммунизма, появился еще один знак, что советские барьеры рухнут. Это был Лех Валенса, безработный

¹ *Balcerowicz L. Losing Milton Friedman, A Revolutionary Muse of Liberty // Daily Star. Beirut. 2006. November 22.*

² *Freedman M. The Radical // Forbes. 2006. February 13.*

³ *Fewsmith J. China Since Tiananmen: The Politics of Transition. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 35.*

электрик с длинными закрученными вверх усами, который взобрался на стальную ограду, украшенную цветами и флагами, в польском городе Гданьске. Эта ограда окружала верфь имени Ленина, на которой забаррикадировались тысячи рабочих в знак протеста против решения Коммунистической партии повысить цены на мясо.

Забастовка рабочих была беспрецедентным вызовом правительству, послушному Москве, которое руководило Польшей 35 лет. Никто не знал, что будет дальше. Не пошлет ли Москва танки? Не станут ли они стрелять в забастовщиков, чтобы вынудить их работать? Когда развернулась забастовка, эта верфь стала очагом народной демократии в авторитарной стране, и рабочие расширили свои требования. Они уже не хотели, чтобы их жизнью управляли партийные аппаратчики, которые говорят якобы от имени рабочего класса. Они хотели создать свой независимый профсоюз и требовали права вести переговоры, добиваться лучших условий и бастовать. Не дожидаясь позволения, они проголосовали за создание своего профсоюза, дав ему название «Солидарность»⁴. В 1980 году весь мир был очарован «Солидарностью» и ее предводителем Лехом Валенсой.

Тридцатишестилетний Валенса настолько хорошо ощущал стремления польских рабочих, что, казалось, был с ними в духовном единстве. «Мы едим один хлеб!» — кричал он в микрофон на верфи Гданьска. Эти слова не только указывали, почему рабочие могут доверять Валенсе, они выражали важную роль католической церкви в новом движении. Партийные деятели отвергали религию, а для рабочих вера стала источником отваги, и все они принимали причастие, прежде чем идти на баррикады. Валенса, сочетавший в себе грубость и благочестие, открыл офис «Солидарности», держа в одной руке деревянное распятие, а в другой — букет цветов. Когда настало время заключать первое историческое трудовое соглашение между «Солидарностью» и правительством, Валенса написал свое имя «гигантской ручкой-сувениром с портретом папы Иоанна Павла II». Восхищение было взаимным: польский папа сообщил Валенсе, что он молится вместе с «Солидарностью»⁵.

«Солидарность» распространялась по шахтам, верфям и заводам страны с невероятной скоростью. Через год в ней уже было 10 миллионов членов — почти половина работоспособного населения

⁴ Зачатком «Солидарности» был частично независимый «Профсоюз свободного труда», созданный в 1978 году. Именно он организовал забастовки, которые привели к созданию «Солидарности».

⁵ *Sancton T.A. He Dared to Hope // Time. 1982. January 4.*

Польши. Завоевав право вести переговоры, «Солидарность» начала добиваться конкретных целей: пятидневной рабочей недели вместо шестидневной, права участвовать в управлении фабриками. Уставшие жить в стране, где превозносили идеализированный рабочий класс, но дурно обращались с реальными рабочими, члены «Солидарности» разоблачали коррупцию и жестокость партийных функционеров, которые прислушивались не к мнению народа Польши, но к далеким от польской жизни бюрократам в Москве. Накопившееся под гнетом однопартийной системы стремление к демократии и самоуправлению выливалось в создание местных ячеек «Солидарности», что вызвало массовый исход из Коммунистической партии.

Москва понимала, что это движение несет серьезнейшую угрозу ее Восточной империи. В самом Советском Союзе оппозиция была представлена в основном правозащитниками, которые настаивали на соблюдении прав человека. Но членов «Солидарности» трудно было заклеить как наемников капитализма — это были рабочие с молотками в руках и угольной пылью на коже, люди, которые по марксистской риторике составляют основу партии⁶. Что еще хуже для власти, «Солидарность» воплощала все, чем партия не являлась: демократию, тогда как партия была авторитарной; местное самоуправление, а не партийную централизацию; всеобщее участие людей вместо партийной бюрократии. И 10 миллионов ее членов могли полностью приостановить производство по всей стране. Как ядовито говорил Валенса, они могут проиграть в политических битвах, «но нас не заставят работать. Если нас заставят производить танки, мы будем выпускать трамваи. А автомобили будут двигаться задом наперед, если мы их так построим. Мы знаем, как победить систему. Мы ученики этой системы».

Преданность этого движения принципам демократии толкала на бунт даже партийных работников. «Когда-то я наивно думал, что причиной всех ошибок партии являются ошибки отдельных дурных людей, — говорил репортеру польской газеты член Центрального комитета Мариан Арендт. — Теперь я избавился от этой иллюзии. Что-то не в порядке во всем нашем аппарате, во всей нашей системе»⁷.

В сентябре 1981 года члены «Солидарности» были готовы к новому этапу. 900 польских рабочих снова собрались в Гданьске для проведе-

⁶ Одним из популярных лозунгов «Солидарности» в 1980 году был такой: «Социализму — ДА, его извращениям — НЕТ» (что, разумеется, лучше звучит на польском).

⁷ *Sancton T.A. He Dared to Hope // Time. 1982. Januare 4.*

ния первого конгресса профсоюза. И там «Солидарность» превратилась в революционное движение, стремившееся взять власть в свои руки, со своей экономической и политической программой для Польши. Как говорилось в программе: «Мы требуем провести реформы в духе самоуправления и демократии на всех уровнях власти и создания новой социэкономической системы, сочетающей в себе планирование, самоуправление и рынок». Этот план предлагал гигантским государственным предприятиям, на которых работали миллионы членов «Солидарности», радикально иной путь развития: освободиться от контроля государства и стать демократическим кооперативом рабочих. Как говорилось в программе: «Обобщественное предприятие должно стать основной организационной единицей экономики. Им должен управлять совет рабочих, представляющий коллектив, и квалифицированный директор, назначенный на конкурсной основе и приглашенный советом»⁸. Валенса возражал против этого требования, боясь, что столь сильный вызов контролю партии повлечет ответные жестокие меры властей. Ему возразили, что движению нужна позитивная цель, надежда на будущее, а не только враг. Валенса не смог переубедить оппонентов, так что эти экономические цели вошли в официальную программу «Солидарности».

Опасения Валенсы были небеспочвенны. Растущие требования «Солидарности» пугали и приводили в ярость Москву. Под интенсивным давлением в декабре 1981 года лидер Польши генерал Войцех Ярузельский ввел в стране военное положение. Танки, пробуксовывая в снегу, окружали фабрики и шахты; проходили массовые облавы на членов «Солидарности», а лидеры движения, включая Валенсу, были арестованы и брошены в тюрьмы. По сообщениям журнала *Time*, «солдаты и полиция с применением силы разгоняли протестующих рабочих, в результате, по меньшей мере, семь человек убиты и сотни получили ранения, шахтеры в Катовице оказывали сопротивление с топорами и ломами в руках»⁹.

«Солидарность» была вынуждена уйти в подполье, но в течение последних восьми лет существования полицейского государства слава движения продолжала расти. В 1983 году Валенсе была присуждена Нобелевская премия мира, хотя он не мог свободно перемещаться и лично ее получить. На церемонии вручения премии представитель

⁸ Solidarity's Programme Adopted by the First National Congress // *Raina P. Poland 1981: Towards Social Renewal*. London: George Allen & Unwin, 1985. Pp. 326—380.

⁹ *Sancton T.A. He Dared to Hope*.

Нобелевского комитета сказал: «Место лауреата премии мира осталось пустым. Давайте же постараемся со всем вниманием прислушаться к безмолвной речи, раздающейся с пустого места».

Пустое место было очень удачной метафорой, потому что к тому времени каждый видел в «Солидарности» то, что ему хотелось. Нобелевский комитет видел человека, который «не использовал иного оружия, кроме оружия мирной забастовки»¹⁰. Левые видели тут освобождение — новую версию социализма, незапятнанного преступлениями Сталина или Мао. Правые видели свидетельство того, что коммунистические государства реагируют на малейшие проявления инакомыслия грубой силой. Правозащитники видели узников, которых бросают в тюрьму за их убеждения. Католическая церковь видела союзника по борьбе с коммунистическим атеизмом. А Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган увидели тут открывающуюся возможность, трещину в советской броне, несмотря на то что «Солидарность» боролась за те самые права, которые оба руководителя изо всех сил подавляли у себя на родине. Чем дольше продолжался период запрета, тем сильнее «Солидарность» окружали легенды и мифы.

В 1988 году первый страх перед жесткими мерами прошел, и польские рабочие снова устроили массовые забастовки. В этот момент экономика находилась в полном упадке, а в Москве правил новый, мягкий режим Михаила Горбачева, и коммунисты сдались. Они официально признали «Солидарность» и согласились провести досрочные выборы. «Солидарность» образовала два лагеря: кроме старого профсоюза появилось новое движение — «Гражданский комитет солидарности» — для участия в выборах. Оба эти крыла были тесно связаны: лидеры «Солидарности» стали кандидатами, их предвыборная платформа была туманной, и потому единственное представление о будущем под руководством «Солидарности» давала экономическая программа профсоюза. Сам Валенса не выставлял своей кандидатуры, желая оставаться главой профсоюза, но именно он был лицом кампании, проходившей под лозунгом: «С нами — надежнее»¹¹. Результаты были позорными для коммунистов и триумфальными для «Солидарности»: кандидаты профсоюза претендовали на 261 место и заняли 260¹². Валенса, маневрируя

¹⁰ Aarvik E. The Nobel Peace Prize 1983 Presentation Speech. Oslo, Norway. 1983. December 10, www.nobelprize.org.

¹¹ Weschler L. A Grand Experiment // *The New Yorker*. 1989. November 13.

¹² Эти выборы, хотя и были настоящим прорывом, не были совершенно честными. Ком-

за кулисами, сумел поставить на пост премьер-министра Тадеуша Мазовецкого. Этот редактор еженедельной газеты «Солидарности» не обладал харизмой Валенсы, но его считали интеллектуальным вождем движения.

Шок власти

Как уже поняли в Латинской Америке, авторитарные режимы обычно призывают демократию в тот самый момент, когда их экономические проекты готовы с шумом лопнуть. То же произошло и в Польше. Коммунисты десятилетиями разрушали экономику, совершая одну дорогостоящую ошибку за другой, так что страна оказалась на грани пропасти. «К несчастью для нас, мы победили!» — произнес Валенса свою знаменитую фразу, оказавшуюся пророчеством. Когда «Солидарность» пришла к власти, долги страны составляли 40 миллиардов долларов, инфляция достигла 600 процентов, угрожающе не хватало продовольствия, и появился черный рынок. Многие фабрики производили продукцию, которая за неимением покупателя была обречена портиться на складах¹³. На таком ужасающем фоне поляки встречали приход демократии. Наконец-то к ним пришла свобода, но мало у кого было желание этому радоваться, потому что зарплаты людей ничего не стоили. Они проводили целые дни в очередях за хлебом и маслом, если по случаю эти продукты появлялись в магазине.

После триумфальной победы на выборах все лето правительство «Солидарности» провело в «параличе нерешительности». Быстрое падение старого порядка и внезапный поворот на выборах сами по себе были шоком: всего за несколько месяцев активисты «Солидарности» из подпольщиков, прячущихся от агентов тайной полиции, превратились в людей, которые выплачивают зарплату этим же агентам. И тотчас же они пережили новый шок, узнав, что денег на выплату зарплат недостаточно. Они мечтали строить экономику посткоммунистической эпохи, но столкнулись с куда более срочны-

мунистическая партия изначально гарантировала себе 65 процентов мест в нижней палате парламента, а «Солидарность» должна была бороться за оставшиеся места. Но победа оказалась такой полной, что «Солидарность» получила возможность эффективно влиять на правительство.

¹³ *Kowalik T. Why the Social Democratic Option Failed: Poland's Experience of Systemic Change // Social Democracy in Neoliberal Times: The Left and Economic Policy Since 1990. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 223; Sachs J.D. The End of Poverty, p. 120; Wyganowska M. Transformation of the Polish Agricultural Sector and the Role of the Donor Community // USAID Mission to Poland. 1998. September, www.usaid.gov.*

ми задачами перед угрозой полного экономического краха и массового голода.

Лидеры «Солидарности» понимали, что экономику необходимо вырвать из жестких государственных тисков, но они не знали, чем их конкретно заменить. Боевые активисты движения могли увидеть тут возможность проверить свою экономическую программу: если превратить государственные фабрики в рабочие кооперативы, они могли получить новую экономическую жизнеспособность — управление рабочих должно быть эффективнее, тем более не надо будет содержать партийных бюрократов. Другие были сторонниками постепенного перехода, подобного тогдашним планам Горбачева в Москве, — постепенное расширение сфер, в которых действуют денежные законы спроса и предложения (все больше легальных магазинов и рынков такого рода), в сочетании с мощным государственным сектором по скандинавской модели социальной демократии.

Но, как и в странах Латинской Америки, Польше сначала надо было освободиться от давления долгов и получить помощь для преодоления текущего кризиса. Теоретически именно ради этого был основан МВФ — как стабилизационный фонд для предотвращения экономических катастроф. И никакое правительство в мире не заслуживало срочной помощи в такой мере, как правительство «Солидарности», которое только что сбросило гнет коммунистического режима, впервые за 40 лет существования Восточного блока. Несомненно, после бесконечных сетований периода холодной войны по поводу тоталитаризма за железным занавесом новые власти Польши могли рассчитывать на какую-то помощь.

Но этой помощи им не предлагали. Теперь экономисты МВФ и Казначейства США, пропитанные идеологией чикагской школы, смотрели на проблемы Польши с точки зрения доктрины шока. Экономический крах и огромное бремя долгов в сочетании с замешательством на фоне молниеносной смены режима означали, что ослабленная Польша находится в идеальном положении для реализации радикальной программы шоковой терапии. И финансовые ставки в этом случае были выше, чем в Латинской Америке: Восточная Европа была неприкосновенной для западного капитализма, там еще просто не существовало потребительского рынка, достойного внимания. Практически все богатства страны находились в руках государства — главного кандидата на приватизацию. Потенциальные возможности быстрого получения прибыли для тех, кто придет первым, были просто невероятными.

МФВ верил в то, что чем хуже ситуация, тем с большей охотой новое правительство совершит переход к радикальному, ничем не ограниченному капитализму, и потому давал стране возможность все глубже погружаться в пучину долгов и инфляции. Белый дом под руководством Джорджа Буша-старшего поздравил «Солидарность» с победой над коммунизмом, но дал ясно понять, что администрация ожидает от «Солидарности» возвращения долгов режима, который ставил членов этого профсоюза вне закона и бросал в тюрьмы, предложив в качестве помощи лишь 119 миллионов долларов — скудное пожертвование для страны, переживающей экономическую катастрофу и нуждавшейся в фундаментальных изменениях.

В этих условиях 34-летний Джеффри Сакс стал советником «Солидарности». После своего успеха в Бolivии Сакс достиг феерических высот. Изумленная тем, что он успел послужить шоковым терапевтом полудюжине стран, не оставляя преподавательской работы, газета *Los Angeles Times* назвала Сакса — до сих пор выглядевшего типичным гарвардским выпускником — «Индианой Джонсом экономики»¹⁴.

Сакс начал работать в Польше еще до победы «Солидарности» на выборах по просьбе коммунистического правительства. Он начал с однодневной поездки для встречи с коммунистическим правительством и представителями «Солидарности». Человеком, который вовлек Сакса в это дело, был финансист и торговец валютой миллиардер Джордж Сорос. Сорос и Сакс вместе отправились в Варшаву. Последний вспоминает: «Я сказал представителям “Солидарности” и польскому правительству, что охотно помогу им справиться с углубляющимся экономическим кризисом»¹⁵. Сорос согласился оплатить расходы Сакса и его коллеги Дэвида Липтона — экономиста и сторонника свободного рынка, работавшего тогда в МФФ, — по организации постоянной миссии в Польше. И когда «Солидарность» победила на выборах, Сакс начал интенсивную работу с новым правительством.

Сакс был независимым человеком, не получавшим денег ни от МФФ, ни от правительства США, в глазах многих лидеров «Солидарности» он обладал почти мессианской властью. У него были связи на высшем уровне в Вашингтоне, и он пользовался легендарной репутацией, так что мог смягчить бремя долгов и открыть поток финансовой помощи, что было жизненно важно для нового правительства. Сакс заявил, что «Солидарность» может отказаться отдавать полу-

¹⁴ *Risen J. Cowboy of Poland's Economy // Los Angeles Times. 1990. February 9.*

¹⁵ *Sachs J.D. The End of Poverty, p. 111.*

ченные в наследство долги, и выразил надежду, что сможет найти для поддержки Польши три миллиарда долларов — куда больше, чем предложил Буш¹⁶. Раньше Сакс уже помог Боливии получить ссуды МВФ на жилищное строительство и провести новые переговоры о долгах, так что не было оснований сомневаться в его обещаниях.

Но за эту помощь приходилось расплачиваться: чтобы получить доступ к его связям и влиянию, правительству сначала нужно было согласиться на «план Сакса», как его называли в польской прессе, то есть на шоковую терапию.

Эта программа была еще радикальнее, чем программа для Боливии: кроме мгновенного устранения контроля цен и отказа от субсидирования, план Сакса предусматривал распродажу государственных шахт, верфей и заводов, которые должны были перейти в частный сектор. Это полностью противоречило экономической программе «Солидарности», согласно которой собственниками должны были стать рабочие; и хотя лидеры движения уже перестали обсуждать спорные вопросы этой программы, она оставалась символом веры многих его членов. Сакс и Липтон за один вечер набросали план шоковой терапии для Польши. Он занимал 15 страниц и, по словам Сакса, был «первым примером всестороннего плана преобразования социалистической экономики в экономику рыночную»¹⁷.

Сакс верил, что Польша должна совершить этот «скачок через пропасть между общественными строями», потому что ей, кроме всего остального, угрожала гиперинфляция. А в таком случае, говорил он, это станет «потрясением основ... чистой, ничем не смягченной катастрофой»¹⁸.

Он провел несколько индивидуальных семинаров, объясняя свою программу (иногда они продолжались четыре часа), для главных лидеров «Солидарности», а также встречался с группами недавно избранных польских чиновников. Многим из руководителей «Солидарности» не нравились замыслы Сакса — это движение возникло в ответ на рост цен при коммунистах, а теперь Сакс предлагал его членам сделать то же самое, притом куда масштабнее. Он заверял, что они могут это совершить, потому что «“Солидарность” пользуется феноменальным доверием населения, что чрезвычайно важно»¹⁹.

¹⁶ *Weschler L. A Grand Experiment.*

¹⁷ *Sachs J.D. The End of Poverty, p. 114.*

¹⁸ Там же; *Weschler L. A Grand Experiment.*

¹⁹ Интервью с Джеффри Саксом 15 июня 2000 года // *Commanding Heights: The Battle for the*

Лидеры «Солидарности» не хотели тратить кредит доверия на проведение программы, которая существенно пошатнет их положение, но годы, проведенные в подполье и тюрьмах, также поспособствовали их отчуждению от своего социального базиса. Как говорил редактор одной польской газеты Пшемислав Вельгош, верхушка движения «полностью оторвалась от своих корней... их поддерживали не заводы и промышленные предприятия, но церковь»²⁰. Кроме того, руководители отчаянно искали быстрого, хотя бы и болезненного, успеха, а Сакс предлагал им именно это. «Это подействует? Вот что я хотел бы знать. Это поможет?» — спрашивал Адам Мичник, один из самых знаменитых интеллектуалов «Солидарности». Сакс решительно отвечал: «Это надежно. Это подействует»²¹.

Сакс настолько часто упоминал Боливию как пример для подражания, что поляки устали слышать об этой стране. «Я бы хотел увидеть Боливию, — говорил тогда один из лидеров «Солидарности» журналисту. — Не сомневаюсь, что это прекрасная экзотическая страна. Но я не хочу видеть Боливию *здесь*». Лех Валенса проникся ненавистью к Боливии, как он в том признался Гонсало Санчесу де Лосада (Гони), встретившись с ним многие годы спустя на саммите, когда они оба были президентами. «Он подошел ко мне, — вспоминает Гони, — и сказал: “Я всегда мечтал встретить человека из Боливии, особенно боливийского президента, потому что нас постоянно заставляли глотать горькое лекарство, напоминая, что это необходимо, потому что так делала Боливия. Теперь я вижу, что вы не какой-то ужасный тип, но в те времена я вас ненавижу”»²².

Когда Сакс рассказывал о Боливии, он забыл упомянуть о том, что для проведения шоковой терапии правительству понадобилось ввести чрезвычайное положение и дважды похитить и заключить в тюрьмы лидеров профсоюзов — точно так же, как действовала тайная полиция коммунистической партии, которая совсем недавно, на фоне чрезвычайного положения, хватала и бросала в тюрьмы лидеров «Солидарности».

World Economy, www.pbs.org.

²⁰ *Wielgosz P. 25 Years of Solidarity* // Неопубликованная лекция, август 2005 года. Цитируется с любезного разрешения автора.

²¹ *Sachs J.D. The End of Poverty*, p. 117. Позже Мичник сетовал: «Самое плохое в коммунизме — то, что приходит вслед за ним». *Boyagoda R. Europe's Original Sin* // *The Walrus*. 2007. February, www.walrusmagazine.com.

²² *Weschler L. A Grand Experiment*. Интервью с Гонсало Санчесом де Лосадой 20 марта 2001 года.

И как многие сегодня вспоминают, еще соблазнительнее звучали слова Сакса о том, что, если Польша последует его совету, она перестанет быть исключением и превратится в «нормальную европейскую страну». Если Сакс прав и они быстро станут страной вроде Франции или Германии, просто отказавшись от старых государственных структур, то почему не согласиться на муки? Зачем пытаться менять то, что развалится, или зачем искать какой-то третий путь, когда есть способ моментально превратиться в Европу? Сакс предсказывал, что шоковая терапия вызовет «краткосрочные беспорядки» при взлете цен. «Но когда цены стабилизируются, народ поймет, где он находится»²³.

Сакс установил тесный контакт с новым польским министром финансов Лешеком Бальцеровичем, экономистом Высшей школы планирования и статистики в Варшаве. Когда он получил свое назначение, мало кто знал о его политических предпочтениях (все экономисты в то время считались социалистами), но вскоре стало понятно, что он причислял себя к «чикагским мальчишкам» — он изучал нелегальный польский перевод «Свободы выбора» Фридмана. Как говорил Бальцерович, «это помогало мне и многим другим мечтать о будущей свободе во времена коммунистического режима»²⁴.

Фундаменталистская версия капитализма Фридмана резко отличалась от того, что обещал своей стране Лех Валенса тем летом. Он продолжал уверять, что Польша пойдет третьим путем. Он описывал этот путь в интервью Барбаре Уолтерс как «смесь... Это не капитализм. Это система, превосходящая капитализм, которая отвергает всякое зло капитализма»²⁵.

Многие думали, что внезапное озарение от Сакса и Бальцеровича, которое они рекламировали, было мифом, что шоковая терапия не вернет Польшу к здоровому и нормальному состоянию, только увеличит нищету и промышленную разруху. «Это бедная слабая страна. Мы не сможем перенести дополнительный шок», — говорила врач и поборник сильной системы здравоохранения корреспонденту газеты *New Yorker* Лоренсу Уэшлеру²⁶.

²³ *Weschler L. A Grand Experiment.*

²⁴ *Balcerowicz L. Losing Milton Friedman.*

²⁵ *Walesa: U.S. Has Stake in Poland's Success // United Press International. 1989. August 25.*

²⁶ Цитируются слова Зофии Куратовской, постоянного эксперта «Солидарности» по вопросам социального здравоохранения и одного из ведущих законодателей современной Польши. *Weschler L. A Grand Experiment.*

Прошло три месяца после исторической победы на выборах, которая превратила лидеров «Солидарности» из стоящих вне закона людей в законодателей, но мучительные споры о будущем продолжались. А страна с каждым днем все глубже погружалась в экономическую катастрофу.

В глубокой нерешительности

12 сентября 1989 года премьер-министр Польши Тадеуш Мазовецкий предстал перед недавно избранным парламентом. Верхушка «Солидарности» наконец решила, что делать с экономикой, но лишь немногие знали об окончательном варианте: будет ли принят план Сакса, план постепенного развития, выдвинутый Горбачевым, или возобладает идея рабочих кооперативов.

Мазовецкий собрался оповестить страну об этом решении, но его историческая речь, когда он должен был ответить на животрепещущие вопросы, была прервана. Он стал раскачиваться, держался за кафедру и, по словам очевидца, «побледнел, не мог дышать и прошептал: «Мне плохо»»²⁷. Помощники вывели его из комнаты, а 415 депутатов недоуменно перешептывались. Это сердечный приступ? Или его отравили? И кто: коммунисты или американцы?

Этажом ниже врачи осматривали Мазовецкого и снимали кардиограмму. Они не нашли сердечного приступа или признаков отравления. Премьер-министр страдал от «острого переутомления»: слишком мало сна и слишком много стресса. Через час он вошел в парламент, мучимый неуверенностью, и его встретили аплодисментами. «Простите, пожалуйста, — сказал Мазовецкий. — Состояние моего здоровья соответствует состоянию польской экономики»²⁸.

И затем прозвучало решение: переутомленной польской экономике назначено лечение в виде радикальной шоковой терапии, куда входит «приватизация государственной промышленности, создание фондового рынка и капиталистического рынка, конвертируемая волюта и переход от тяжелой промышленности к производству товаров потребления», а также «снижение бюджетных расходов» — и все это как можно скорее и сразу²⁹.

²⁷ Tagliabue J. Poles Approve Solidarity-Led Cabinet // *New York Times*. 1989. September 13.

²⁸ Weschler L. A Grand Experiment; Mazowiecki Taken Ill in Parliament // *Guardian Weekly*. London. 1989. September 17.

²⁹ Applebaum A. Exhausted Polish PM's Cabinet Is Acclaimed // *Independent*. London. 1989. September 13.

Если мечта «Солидарности» началась с Валенсы на стальной ограде Гданьска, то закончилась она, когда Мазовецкий дал согласие на проведение шоковой терапии. Это решение в итоге опиралось на деньги. Члены «Солидарности» сохраняли верность идее кооперативной экономики, но лидеры думали, что сейчас важнее освободиться от долгов коммунистов и достичь стабилизации национальной валюты. Как тогда говорил Хенрик Вуек, один из главных сторонников польских кооперативов, «если бы у нас было достаточно времени, мы могли бы осуществить нашу мечту. Но времени у нас не было»³⁰. Сакс мог достать деньги. Он помог Польше договориться с МВФ о смягчении условий возврата долгов и добился выдачи одного миллиарда долларов на стабилизацию валюты — но все это, особенно помощь МВФ, включало жесткие условия: «Солидарность» обязана была подчиниться программе шоковой терапии.

Польша стала классическим примером теории кризиса Фридмана: дезориентация в связи с быстрой сменой режима и в сочетании с острой тревогой перед лицом экономической катастрофы делали обещание о быстром и волшебном исцелении (хотя бы иллюзорном) слишком заманчивым, чтобы от него отказаться. Халина Бортновска, активистка движения за права человека, описывала молниеносные изменения того периода как «отличие собачьей жизни от жизни человека, так мы это тогда ощущали... и можно было наблюдать почти психотические реакции. Люди уже не действовали в собственных интересах, они были настолько дезориентированы, что не знали — или их это не волновало, — в чем заключаются их интересы»³¹.

Министр финансов Бальцерович сознательно опирался на чрезвычайные условия — это позволяло ему преодолевать сопротивление оппозиции, как это делается при любых шоковых программах. Он объяснял, что можно провести мероприятия, и по форме, и по содержанию противоположные программе «Солидарности», потому что Польша находилась в ситуации «чрезвычайных мер». Он говорил, что это состояние давало короткую паузу, в которой правила «нормальной политики» (совещания, обсуждения, споры) не работают, другими словами, это как место вне демократии внутри демократии³².

«Чрезвычайные меры, — сказал он, — это по определению период разрыва в истории страны. Это период глубокого экономическо-

³⁰ *Weschler L. A Grand Experiment.*

³¹ Там же.

³² *Balcerowicz L. Poland // The Political Economy of Policy Reform, p. 177.*

го кризиса, или развал прежней организации, или освобождение от внешнего гнета (либо конец войны). В Польше 1989 года все эти три явления сошлись в одной точке»³³. В силу чрезвычайных обстоятельств министр мог обойти обычный процесс переговоров и «радикальным образом ускорить юридические процедуры», чтобы ввести программу шоковой терапии³⁴.

В начале 1990-х теория «чрезвычайных мер» Бальцеровича привлекала внимание вашингтонских экономистов. Это неудивительно — через два месяца после того, как Польша дала согласие на шоковую терапию, случилось нечто, что изменило ход истории и сделало из Польши важнейший образец для подражания. В ноябре 1989 года, ко всеобщей радости, пала Берлинская стена, и в городе начался праздник новых возможностей: на бульжниках рисовали символ MTV, как будто восточный Берлин стал лицевой стороной Луны. В тот момент казалось, что весь мир устремляется к светлому будущему, подобно Польше: Советский Союз был на грани распада, апартеид в Южной Африке подходил к концу, в Латинской Америке, Восточной Европе и Азии авторитарные режимы разваливались один за другим, заканчивались длительные войны от Намибии до Ливана. Повсюду умирали старые режимы, и им на смену приходили новые.

В течение нескольких лет казалось, что полмира находится в ситуации «чрезвычайных мер», или в ситуации «перехода», как было принято говорить об освободившихся странах в 90-е годы, — подвешенных в экзистенциальной неопределенности между прошлым и будущим. По словам Томаса Кэротерса, возглавлявшего в правительстве США так называемую систему поддержки демократии, «в первой половине 1990-х количество “стран в ситуации перехода” резко увеличилось: их стало около сотни (примерно 20 — в Латинской Америке, 25 — в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе, 30 — в южной части Африки, 10 — в Азии и 5 — на Ближнем Востоке), и в них совершался резкий переход от одной модели к другой»³⁵.

Тогда многие думали, что этот поток, смывающий реальные и метафорические барьеры, положит конец ортодоксальным идеологиям. Страны, освободившиеся от борьбы сверхдержав и необходимости

³³ *Balcerowicz L. Poland*, pp. 176—177.

³⁴ Там же, p. 163.

³⁵ *Carothers T. The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy 13 // 2002. № 1. January. Pp. 6—7.*

выбирать между этими полюсами, теперь, наконец, могли брать лучшее из обеих систем и создать смесь политической свободы и экономической защиты. По словам Горбачева, «многие десятилетия под гипнозом догматов и учебников оставили свой отпечаток. Сегодня мы хотим жить в духе подлинного творчества»³⁶.

Чикагская школа открыто возмущалась, слушая разговоры о таких смешанных подходах. Польша ясно показала, что хаотичный переход открывал возможности для решительных мужчин, которые быстро производили радикальные преобразования. И теперь настал момент для обращения бывших коммунистических стран в веру Фридмана, а не в веру Кейнса, представлявшую собой компромисс. Как заявлял Фридман, трюк был в том, что настоящие чикагцы были готовы предложить свои рецепты, пока люди задают вопросы и готовы прислушиваться к советам.

Воодушевляющая встреча адептов шоковой теории состоялась насыщенной событиями зимой 1989 года; естественно, она проходила в Чикагском университете. Поводом для этого было выступление Фрэнсиса Фукуямы под названием «Мы достигли конца истории?» (*The End of History?*). Для Фукуямы, в дальнейшем ведущего политического советника Госдепартамента США, стратегия защиты свободного капитализма была совершенно ясной: не о чем дебатировать со сторонниками третьего пути, вместо этого нужно провозгласить свою победу. Фукуяма был убежден, что не нужно отказа от крайностей, не нужно лучших качеств обоих миров или сглаживания противоречий. Как он сказал слушателям, падение коммунизма ведет «не к “концу идеологии” или слиянию капитализма и социализма... но к безусловной победе экономического и политического либерализма». Закончилась не идеология, а «история как таковая»³⁷.

Выступление финансировал Джон М. Олин, давний спонсор идеологического крестового похода Фридмана и банковский воротила мозговых центров правых³⁸. Это выступление придало новую силу тезису Фридмана о том, что свободные люди неотделимы от свободного рынка. Фукуяма расширил его пределы, заявив, что неограни-

³⁶ Church G.J. The Education of Mikhail Sergeevich Gorbachev // *Time*. 1988. January 4.

³⁷ Fukuyama F. The End of History? Эта лекция стала основой книги Фукуямы «Конец истории и последний человек», опубликованной три года спустя: *Fukuyama F. The End of History and the Last Man*. New York: Free Press, 1992.

³⁸ Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People, p. 603.

ченный рынок в экономике в сочетании с либеральной демократией в политике представляют собой «конечный результат идеологического развития человечества... окончательную форму правления»³⁹. Демократия и радикальный капитализм связаны друг с другом, более того, они вплетены в самую ткань современности, прогресса и реформ. По словам Фукуямы, те, кто против этого слияния, не просто ошибаются, они «все еще в истории» как люди, оставшиеся на земле после призвания праведников на небо для небесного существования «после истории»⁴⁰.

Этот аргумент был прекрасным примером отработанного чикагской школой движения в обход демократии. Подобно тому как МВФ потихоньку проталкивал приватизацию и вводил «свободный рынок» в странах Латинской Америки и Африки под видом экстренных мер «стабилизации», Фукуяма хотел ввести этот весьма сомнительный пункт в повестку движения за демократию, охватившего весь мир от Варшавы до Манилы. Фукуяма верно заметил, что у народов возникло непреодолимое общее стремление добиться права на демократическое самоуправление, но только в пылких фантазиях Госдепартамента это стремление к демократии могло сопровождаться желанием создать экономическую систему, которая отказывается от защиты труда и вызывает массовые увольнения.

Если и существовал какой-то подлинный консенсус, то он касался иного: народы, освободившиеся от левых или правых диктатур, понимали под демократией право самим принимать все важнейшие решения, а не чью-то идеологию, в одностороннем порядке навязанную силой. Другими словами, универсальный принцип, который Фукуяма называл «властью народа», включал в себя власть народа выбирать, как распределять богатства в своей стране, начиная от участия государственных компаний и кончая фондами для школ и больниц. И по всему миру народ был готов использовать завоеванную демократию для того, чтобы наконец-то стать автором судьбы своей собственной страны.

В 1989 году мировая история приняла новое направление — это был период подлинной открытости и новых возможностей. И не случайно Фукуяма со своего кресла в Государственном департаменте именно в этот момент объявил о том, что книга истории закрыта. Не случайно также Всемирный банк и МВФ объявили о «вашингтонском

³⁹ *Fukuyama F. The End of History?*

⁴⁰ Там же.

консенсусе» в очевидном желании закрыть все дискуссии и дебаты об экономических программах, за исключением готового набора шагов по введению свободного рынка. Это была стратегия сдерживания демократии, позволявшая преодолеть стремление к самоопределению без шаблонов, которое всегда было главной угрозой для крестового похода чикагской школы.

Шок на площади Тяньаньмэнь

Очень скоро одна страна дискредитировала предсказания Фукуямы. Это был Китай. Фукуяма произнес свою речь в феврале 1989 года, а два месяца спустя в Пекине движение за демократию привело к массовым протестам и сидячим демонстрациям на площади Тяньаньмэнь. Фукуяма уверял, что демократия и «реформы свободного рынка» — двойники, которых невозможно разделить. Однако в Китае именно такое разделение и происходило: правительство навязывало реформы по отказу от контроля над ценами и зарплатами для расширения зоны свободного рынка и жестко противостояло тем, кто призывал к проведению выборов и обретению гражданских свобод. А демонстранты, со своей стороны, требовали демократии, но многие из них выступали против стремления государства ввести неограниченный капитализм, хотя при освещении событий в западной прессе этому факту уделяли слишком мало внимания. В Китае демократия и экономика чикагской школы вовсе не шли рука об руку, они находились по разные стороны баррикад, воздвигнутых на площади Тяньаньмэнь.

В начале 1980-х китайское правительство под руководством Дэн Сяопина изо всех сил стремилось к тому, чтобы их страна не повторила судьбу Польши, где недавно рабочим позволили создать независимое движение, которое бросило вызов основанной на власти монополии партии. При этом китайские лидеры не собирались защищать государственные фабрики и колхозы, на которых держалось коммунистическое государство. На самом деле Дэн с энтузиазмом стремился осуществить переход к корпоративной экономике — так что в 1980 году правительство даже пригласило в Китай Милтона Фридмана, который обучал основам теории свободного рынка сотни ведущих государственных служащих, профессоров и экономистов партии. «Все гости должны были предъявить пригласительные билеты», — вспоминал Фридман о своей аудитории в Пекине и Шанхае. Его главная идея сводилась к тому, «насколько лучше обычным людям жить

при капитализме, чем в коммунистических странах»⁴¹. Он ссылался на пример Гонконга, зоны чистого капитализма, вызывавшей восхищение Фрийдмана своим «динамичным и новаторским характером, который породили личная свобода, свободная торговля, низкие налоги и минимальное вмешательство со стороны правительства». И заявил, что, хотя Гонконг и не имеет демократии, он свободнее Соединенных Штатов, потому что его правительство меньше вмешивается в экономику⁴².

Такое представление о свободе, где политические свободы вторичны и даже не являются необходимостью по сравнению со свободой торговли, в полной мере соответствовало планам Политбюро КНР. Партия стремилась открыть экономику для частной собственности и потребительства, не отказываясь от своей власти. Кроме всего прочего, такой план давал надежду, что при распродаже государственной собственности партийным чиновникам и их родственникам достанутся лучшие куски и они будут получать наибольшие доходы. Согласно этой модели «перехода» те же люди, что контролировали государство при коммунизме, будут его контролировать и при капитализме, одновременно наслаждаясь заметным улучшением уровня своей жизни. Модель китайского правительства напоминала не модель Соединенных Штатов, а то, что происходило в Чили при Пиночете: свободный рынок в сочетании с авторитарным политическим контролем и жесткими репрессивными мерами.

С самого начала Дэн понимал, что репрессии тут должны играть ключевую роль. При Мао государство жестко контролировало народ, расправляясь с противниками и посылая студентов на перевоспитание. Но репрессии Мао проводились во имя рабочих и против буржуазии, теперь же партия намеревалась провести собственную контрреволюцию и потребовать от рабочих отказаться от своих привилегий и мер социальной защиты, чтобы меньшинство могло получать огромные доходы. Это было непростой задачей. Поэтому, когда в 1983 году Дэн открыл страну для странных инвесторов и упразднил часть программ, направленных на защиту рабочих, он одновременно приказал создать Народную вооруженную полицию численностью 400 тысяч человек — новое подразделение для подавления беспорядков и всякого рода «экономических преступлений» (сюда относи-

⁴¹ Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People, pp. 520—522.

⁴² Там же, p. 558; Friedman M. If Only the United States Were as Free as Hong Kong // *Wall Street Journal*. 1997. July 8.

лись забастовки и протесты). Как говорит историк, занимавшийся Китаем, Морис Мейснер, «Народная вооруженная полиция имела в своем арсенале американские самолеты и электрошоковые устройства для скота». А «некоторые ее подразделения ездили в Польшу, чтобы обучаться подавлению беспорядков», где они осваивали тактики, применявшиеся в Польше в период введения военного положения против «Солидарности»⁴³.

Многие из реформ Дэна были успешны и пользовались популярностью: крестьяне получили больше свободы, а в городах возродилась торговля. Но в конце 80-х Дэн проводил крайне непопулярные, особенно среди рабочих в городах, преобразования: он отменил контроль над ценами, в результате чего они резко подскочили, и упразднил программы по защите труда, что породило толпы безработных, таким образом в новом Китае между победителями и проигравшими возникла глубокая пропасть. В 1988 году партия столкнулась с сильной реакцией и была вынуждена отказаться от части своих реформ по либерализации цен. Народный гнев вызывали также коррупция и кумовство в партии. Многие граждане Китая стремились к увеличению свободы рынка, но «реформа» все больше походила на заговор партийных чиновников, превратившихся в магнатов бизнеса, так как многие из них незаконно присваивали себе активы, которыми они же раньше управляли в качестве бюрократов.

Когда этот эксперимент свободного рынка был в полном разгаре, в Китай снова пригласили Милтона Фридмана — как раньше «чикагские мальчики» и «пираньи» призвали его на помощь в 1975 году, когда их программа вызвала народное возмущение в Чили⁴⁴. Визит на высшем уровне всемирно известного «гуру капитализма» был необходимой поддержкой для китайских реформаторов.

Когда Фридман и его жена Роуз прибыли в Шанхай в сентябре 1988 года, они поразились тому, что Китай за такой короткий срок стал выглядеть подобно Гонконгу. Несмотря на широкое недовольство народных масс, все, что они видели, подтверждало «[их] ве-

⁴³ *Meisner M. The Deng Xiaoping Era: An Inquiry into the Fate of Chinese Socialism, 1978—1994. New York: Hill and Wang, 1996. P. 455; Deng's June 9 Speech: «We Face a Rebellious Clique» and «Dregs of Society» // New York Times. 1989. June 30.*

⁴⁴ Фридмана приглашали в Китай в разных качествах: как участника конференции, как университетского лектора, но в своих мемуарах он говорит, что это был визит государственного значения: «Преимущественно я был гостем правительственных организаций». *Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People, p. 601.*

ру в силу свободного рынка». Фридман вспоминал о том моменте как о «периоде величайших надежд в процессе китайского эксперимента».

В присутствии официальных государственных СМИ состоялась двухчасовая встреча Фридмана с Чжао Цзяном, Генеральным секретарем Коммунистической партии, а также с Цзян Цзэмином, тогда секретарем партии Шанхайского комитета, позднее ставшим президентом Китая. Фридман дал Цзяну совет, подобный тому, что он дал Пиночету, когда реформы в Чили забуксовали: не уступать чужому давлению и смотреть правде в глаза. «Я подчеркнул важность приватизации и свободного рынка, а также проведения либерализации одним ударом», — вспоминал Фридман. В памятной записке Генеральному секретарю Коммунистической партии он утверждает, что нужно больше, а не меньше шоковой терапии. «Первые шаги реформ в Китае обернулись огромным успехом. Китай может продвинуться еще дальше, если еще сильнее будет полагаться на *свободный частный рынок*»⁴⁵.

Вскоре после возвращения в США Фридман, вспоминая, с какой горячей критикой на него набросились, когда он давал советы Пиночету, написал «из чистого коварства» письмо издателю одной студенческой газеты, обвинив своих критиков в наличии двойных стандартов. Он сообщил, что недавно провел 12 дней в Китае, где «преимущественно был гостем правительственных организаций» и встречался с руководителями Коммунистической партии на высшем уровне. Однако эти встречи, указывал Фридман, не породили возмущенных протестов правозащитников из американских университетских кампусов. «Так случилось, что я давал те же самые советы как Чили, так и Китаю». И в заключение он задал саркастический вопрос: «Теперь мне пора готовиться к шквалу протестов за то, что я согласен давать советы столь ужасному правительству?»⁴⁶

Несколько месяцев спустя это дьявольское письмо стало восприниматься зловеще, поскольку китайское правительство начало применять многие печально известные действия Пиночета.

Путешествие Фридмана не принесло желанных результатов. Фотографии в официальных газетах, где Фридман благословляет китайских партийных бюрократов, не добавили доверия публики к этим

⁴⁵ Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People, pp. 517, 537, 609.

⁴⁶ Там же, pp. 601—602.

мероприятиям. На протяжении следующих месяцев протесты стали решительнее и радикальнее. И самым главным символом оппозиции стали демонстрации студентов на площади Тяньаньмэнь. В международной прессе эти исторические протесты практически всегда изображают как столкновение современных студентов-идеалистов, мечтающих о демократических свободах западного типа, с авторитарной старой гвардией, стоящей на защите коммунистического государства. Но недавно появилась иная интерпретация событий на площади Тяньаньмэнь, которая опровергает официальную версию и показывает, какую важную роль во всей этой истории сыграли идеи Фридмана. Эту альтернативную версию, среди прочих авторов, выдвинул Ван Хуэй, один из организаторов протестов 1989 года, а сегодня интеллектуальный вождь направления, которое в Китае называют «новыми левыми». В его книге 2003 года «Новый порядок в Китае» (*China's New Order*) Ван говорит, что протест охватил широкие слои китайского общества — не только элиту в лице студентов университета, но и рабочих с фабрик, представителей мелкого бизнеса и учителей. И, как он вспоминает, этот протест вырос из недовольства «революционными» экономическими преобразованиями Дэна, благодаря которым зарплаты уменьшились, цены поднялись и возник «кризис массовых увольнений и безработицы»⁴⁷. По словам Вана, «эти изменения породили в 1989 году мобилизацию общества»⁴⁸.

Демонстрации не были направлены против экономической реформы как таковой, но против того, что реформы проводились в стиле Фридмана: очень быстро, безжалостно и самым антидемократичным образом. По словам Вана, протестующие требовали провести выборы и дать народу свободу слова, но эти требования были тесно связаны с недовольством экономикой. Призывать к демократии их заставлял тот факт, что партия внедряла реформы революционного масштаба, совершенно не считаясь с народным мнением. И потому, пишет он, «многие требовали демократизации, чтобы можно было контролировать справедливое проведение реформы и перераспределение общественных благ»⁴⁹.

Эти требования поставили Политбюро перед выбором. И это не был выбор между демократией и коммунизмом или между «рефор-

⁴⁷ Wang H. *China's New Order: Society, Politics, and Economy in Transition*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. Pp. 45, 54.

⁴⁸ Там же, p. 54.

⁴⁹ Там же, p. 57.

мой» и «старой гвардией», как его часто изображают. Это был более сложный расчет: должен ли партийный бульдозер продолжать двигаться к свободному рынку прямо по телам протестующих? Или же следует уступить их требованиям и ввести демократию и отказаться от монополии на власть, что существенно задержит темпы реализации экономической программы?

Некоторые внутрипартийные реформаторы свободного рынка, включая Чжао Цзяяна, склонялись к игре в демократию, полагая, что можно совместить экономические и политические реформы. Но самые влиятельные члены партии не соглашались рисковать. И решение было принято: государство защитит свои экономические «реформы», подавив сопротивление демонстрантов.

Это ясно дали понять всем 20 мая 1989 года, когда правительство Китайской Народной Республики ввело военное положение. 3 июня танки Народной армии освобождения двинулись на протестующих, без разбора стреляя в толпу. Солдаты ворвались в автобусы, где укрывались демонстранты-студенты, и начали избивать их палками; новые подразделения прорвались сквозь баррикады, окружающие площадь Тяньаньмэнь, и захватили организаторов. Одновременно подобные операции проходили по всей стране.

Достоверные данные о том, сколько людей убили и ранили в те дни, никогда не публиковались. Партия говорит о нескольких сотнях, по свидетельству очевидцев тех событий могло быть от 2000 до 7000 убитых, а раненых до 30 тысяч. За этим последовала национальная охота на ведьм — на всех оппонентов и критиков режима. Около 40 тысяч человек были задержаны, тысячи брошены в тюрьмы и многие — вероятно, сотни — были казнены. Как и в Латинской Америке, главные репрессии обрушились на рабочих заводов, которые представляли основную угрозу капитализму без ограничений. «Большинство арестованных и практически все казненные были рабочими. Широко известно, что для запугивания населения арестованных систематически избивали и пытали», — пишет Морис Мейснер⁵⁰.

Как правило, западная пресса видела в этой бойне очередной пример жестокости коммунизма: как раньше Мао сурово расправлялся с врагами во время культурной революции, так сейчас Дэн, «пекинский мясник», раздавил своих критиков перед гигантским портретом Мао. Заголовок в *Wall Street Journal* гласил: «Жестокие меры угрожают поступи десятилетних реформ в Китае» — как будто Дэн был про-

⁵⁰ Meisner M. The Deng Xiaoping Era, pp. 463—465.

тивником, а не горячим поборником этих реформ, определявшим их дальнейшее распространение⁵¹.

Через пять дней после кровавого разгрома демонстрации Дэн обратился к народу с речью, которая ясно показала всем, что он защищает не коммунизм, а капитализм. Китайский лидер назвал протестующих «огромным скоплением отбросов общества», а затем заверил, что партия намерена продолжать экономическую шоковую терапию. «Другими словами, это было испытание, с которым мы справились, — заявил Дэн и добавил: — Может быть, это неприятное событие позволит нам продолжать реформы и политику открытых дверей, делая это еще с большим постоянством, лучше, даже быстрее... Мы не совершили ошибки. Четыре кардинальных принципа [экономических реформ] не содержат ошибок. Если с ними что-то неладно, то только одно: эти принципы не внедрялись с нужным усердием»⁵².

Орвилл Шелл, специалист по Китаю и журналист, так изложил суть выбора, который сделал Дэн Сяопин: «После бойни 1989 года он сообщил, что экономические реформы не будут остановлены, вместо этого будут остановлены реформы политические»⁵³.

Перед Дэном и другими членами Политбюро теперь открывались безграничные возможности свободного рынка. Как террор Пиночета расчистил улицы для революционных перемен, так и Тяньаньмэнь проложила путь к радикальным преобразованиям, которым не угрожала опасность народного возмущения. Если жизнь крестьян и рабочих станет тяжелее, им придется это молча принять либо столкнуться с угрозой армии и тайной полиции. И таким образом угрожая обществу террором, Дэн смог осуществить свои самые масштабные реформы.

До бойни на площади ему приходилось откладывать наиболее болезненные меры — через три месяца он применил их, включая несколько рекомендаций Фридмана, в том числе по отмене регулирования цен. По мнению Вана Хуэя, в этом и лежит очевидная причина

⁵¹ China's Harsh Actions Threaten to Set Back 10-Year Reform Drive // *Wall Street Journal*. 1989. June 5.

⁵² Deng's June 9 Speech. У Дэна были знаменитые защитники. После бойни Генри Киссинджер написал редакционную статью, в которой уверял, что у партии не было иного выхода. «Ни одно правительство в мире не может терпеть ситуацию, когда главную площадь страны восемь недель занимают десятки тысяч демонстрантов... Поэтому их разгон был необходимостью». *Kissinger H. The Caricature of Deng as a Tyrant Is Unfair // Washington Post*. 1989. August 1.

⁵³ Интервью с Орвиллом Шеллом 13 декабря 2005 года — начальный эпизод передачи PBS 'The Tank Man'; полный текст интервью см. на сайте www.pbs.org.

того, что «рыночные реформы, которые невозможно было провести в конце 80-х, вдруг быстро осуществились после событий 1989 года», поскольку, пишет он, «насилие 1989 года позволило протестировать социальный сдвиг, произведенный этим процессом, и в результате наконец появилась новая система цен»⁵⁴. Другими словами, шок бойни сделал возможным применение шоковой терапии.

Через три года после кровавой бойни Китай открыл границы для иностранных инвесторов, создав по стране сеть открытых экономических зон. Объявив об этих новых инициативах, Дэн напомнил стране, что «при необходимости все возможные средства будут задействованы для устранения беспорядков в будущем, как только они возникнут. Может быть введено военное положение или даже приняты более суровые меры»⁵⁵.

Именно эта волна реформ превратила Китай в потогонное предприятие для всего мира, где практически каждая транснациональная корпорация нашей планеты предпочитает размещать свои фабрики, а рабочих нанимают по контракту. Ни одна страна не предоставляет столь выгодных условий, как Китай: низкие налоги и тарифы, коррумпированные чиновники и, что всего важнее, низкооплачиваемая рабочая сила в огромном количестве — люди, которые еще много лет не осмелятся требовать достойной оплаты или защиты труда, боясь повторения невообразимого ужаса 1989 года.

И иностранные инвесторы, и партия на этом во многом выиграли. Согласно исследованию 2006 года 90 процентов китайских миллиардеров (подсчет велся в китайских юанях) — это дети чиновников Коммунистической партии. Около 2900 этих отпрысков коммунистов, которых называют «князьками», сосредоточили в своих руках 260 миллиардов долларов⁵⁶. Это отражение корпоративистского государства, впервые возникшего в Чили при Пиночете: нечеткие границы между корпоративной и политической элитами, которые своей общей властью подавляют рабочих как организованную политическую

⁵⁴ Wang H. *China's New Order*, pp. 65—66.

⁵⁵ Meisner M. *The Deng Xiaoping Era*, p. 482. Как заметил антрополог Нью-йоркского университета Дэвид Харви, лишь после Тяньаньмэня Дэн отправился в свой знаменитый «южный тур» по Китаю, «чтобы задействовать всю силу правительства и открыть страну прямым иностранным инвестициям». Harvey D. *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 135.

⁵⁶ Ming M. 90 Percent of China's Billionaires Are Children of Senior Officials // *China Digital Times*. 2006. November 2, www.chinadigitaltimes.net.

силу. Сегодня это сотрудничество проявляется в том, как международные СМИ и технологические корпорации помогают китайскому государству осуществлять слежку за своими гражданами или позволяют сделать так, что студент, набрав в поисковике в Интернете слова «бойня на площади Тяньаньмэнь» либо слово «демократия», не найдет ни одного документа. «Создание сегодняшнего рыночного общества, — пишет Ван Хуэй, — не было результатом цепочки случайных событий, но скорее всего — итогом государственного вмешательства с применением насилия»⁵⁷.

События на площади Тяньаньмэнь продемонстрировали яркое сходство между тактикой авторитарных коммунистов и капитализмом чикагской школы — желание избавиться от всех оппонентов, подавить всякое сопротивление и начать все заново.

Несмотря на тот факт, что кровавая бойня произошла всего через несколько месяцев после того, как Фридман советовал китайским чиновникам продолжать внедрение мучительной и непопулярной программы свободного рынка, на Фридмана не обрушился «шквал протестов за то, что тот согласен давать советы столь ужасному правительству». И, как обычно, он не видел никакой связи между своими советами и насилием, которое потребовалось применить для их реализации. Осуждая Китай за репрессивные меры, Фридман продолжал видеть в этой стране пример «эффективного воздействия свободного рынка на развитие как благосостояния, так и свободы»⁵⁸.

По странному совпадению бойня на площади Тяньаньмэнь произошла в тот же день, что и историческая победа «Солидарности» на выборах в Польше, — 4 июня 1989 года. Это были два очень разных опыта применения доктрины шока. Обе страны стремились применить шок, но боялись осуществить преобразования в пользу свободного рынка. В Китае, где государство без стеснения использовало террор, пытки и убийства, результат — с точки зрения рынка — оказался просто блестящим. В Польше, где применялся лишь шок экономического кризиса и быстрого изменения — без прямого насилия, — действие шока скоро затухло, и результаты оказались куда менее однозначными.

Шоковая терапия в Польше была применена после выборов, но она оказалась насмешкой над демократией, поскольку прямо противосто-

⁵⁷ Race to the Bottom: Corporate Complicity in Chinese Internet Censorship // *Human Rights Watch* 18. 2006. № 8(c). August. Pp. 28, 43; Wang H. *China's New Order*, p. 65.

⁵⁸ Friedman M., Friedman R.D. *Two Lucky People*, p. 516.

речила желаниям подавляющего большинства избирателей, которые отдали свои голоса «Солидарности». Даже в 1992 году 60 процентов поляков все еще возражали против приватизации тяжелой промышленности. Оправдывая эту непопулярную меру, Сакс заверял, что другого пути не существует, сравнивая себя в этой ситуации с хирургом скорой помощи: «Когда больной поступает в критическом положении и его сердце останавливается, вы вскрываете грудину, не думая о том, какие останутся шрамы. Важно только одно — чтобы сердце начало снова биться. И у вас все в крови. Но другого выбора просто нет»⁵⁹.

Когда же поляки пришли в себя после первой хирургической операции, они начали задаваться вопросами по поводу врача и его лечебных процедур. Сакс предсказывал, что шоковая терапия в Польше вызовет «временные неполадки», но он оказался неправ. Она вызвала полную экономическую депрессию: через два года после начала реформ уровень промышленного производства снизился на 30 процентов. Когда правительство уменьшило расходы и открыло границы для дешевых импортных продуктов, возникла массовая безработица, достигшая к 1993 году в некоторых районах 25 процентов — катастрофического уровня для страны, где при коммунизме, несмотря на все его злоупотребления и жестокости, официально безработицы не было вообще. Даже когда снова появились признаки экономического роста высокий уровень безработицы сохранился. По последним данным Всемирного банка, уровень безработицы в Польше равен 20 процентам — это самый высокий показатель в Европейском Союзе. Для людей моложе 24 лет ситуация еще хуже: 40 процентов молодых поляков в 2006 году не имели работы, что вдвое выше средней цифры по Евросоюзу. И особенно яркими являются показатели бедности: в 1989 году 15 процентов поляков жили за чертой бедности, к 2003 году их уже оказалось 59 процентов⁶⁰. Шоковая терапия, которая упразднила охрану труда и вызвала удорожание повседневной жизни, вовсе не помогла Польше стать одной из «нормальных» европейских стран (с их сильными законами о труде и щедрой социальной помощью)

⁵⁹ *Urbanski J. Workers in Poland After 1989 // Workers Initiative Poland, paspartoo.w.interia.pl*
Weschler L. A Grand Experiment.

⁶⁰ *Kramer M. Polish Workers and the Post-Communist Transition, 1989—1993 // Europe-Asia Studies. 1995. June; World Development Indicators 2006 // World Bank, www.worldbank.org*
Curry A. The Case Against Poland's New President // New Republic. 2005. November 17; Wielgosz P. 25 Years of Solidarity.

но в ней возникло такое же неравенство, как и во всех странах, где контрреволюция прошла успешно, от Чили до Китая.

И тот факт, что именно «Солидарность», партия польских рабочих, ввела меры, из-за которых общество расслоилось, вызвал разочарование и породил цинизм и злость, которые до сих пор не проходят. Сегодня лидеры «Солидарности» часто отрекаются от своих социалистических корней, например, Валенса заверяет, что еще в 1980 году он «собирался строить капитализм». Кароль Модзелевский, активист и интеллектуальный лидер «Солидарности», который провел в коммунистической тюрьме восемь с половиной лет, на это гневно возражал: «Я бы не согласился сидеть в тюрьме не то что восемь с половиной лет, но хотя бы месяц или одну неделю ради капитализма»⁶¹.

Первые полтора года правления «Солидарности» рабочие верили своим героям, которые уверяли, что это временные трудности, необходимый этап на пути вхождения Польши в современную Европу. Несмотря на широкий рост безработицы, они почти не бастовали и терпеливо ждали, когда же шоковая терапия окажет свое лечебное действие. Однако обещанное выздоровление все не приходило, по крайней мере в отношении занятости, так что члены «Солидарности» сами недоумевали: каким образом их движение сделало в стране жизнь хуже, чем при коммунизме? «[“Солидарность”] защищала меня в 1980 году, когда я создал профсоюзный комитет, — говорил 41-летний строительный рабочий. — Но когда я обратился к ним за помощью в этот раз, мне сказали, что я должен потерпеть ради реформ»⁶².

После 18 месяцев «чрезвычайных мероприятий» в Польше люди, которые были социальной основой «Солидарности», решили, что с них хватит и пора приостановить эксперимент. Резкое разочарование отражало растущее число забастовок: в 1990 году, когда рабочие еще доверяли «Солидарности», их было лишь 250; к 1992 году их количество выросло до 6000⁶³. Под таким давлением снизу правительство вынуждено было замедлить ход своих самых смелых приватизационных планов. К концу 1993 года — в этом году произошло почти 7500 забастовок — 62 процента промышленности Польши все еще оставалось в руках государства⁶⁴.

⁶¹ *Wielgosz P.* 25 Years of Solidarity.

⁶² *Ost D.* The Defeat of Solidarity: Anger and Politics in Postcommunist Europe. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005. P. 62.

⁶³ Statistical Yearly. Warsaw: Polish Main Statistical Office, 1997. P. 139.

⁶⁴ *Kramer M.* Polish Workers and the Post-Communist Transition, 1989—1993.

Поскольку польским рабочим удалось приостановить радикальную приватизацию страны, ситуация на фоне реформ, при всей ее тяжести, оказалась лучше, чем могла быть. Волна забастовок, без сомнения, позволила сохранить сотни тысяч рабочих мест, которые были бы упразднены, если бы эти признанные неэффективными предприятия закрыли или продали частным лицам. Любопытно, что тогда же в польской экономике начался быстрый рост, а это, по словам бывшего члена «Солидарности» экономиста Тадеуша Ковалика, доказывало «очевидную неправоту» тех, кто уверял, что государственные предприятия неэффективны и архаичны.

Польские рабочие выражали недовольство своим бывшим союзником «Солидарностью» не только посредством забастовок, они использовали демократию, за которую боролись, чтобы решительно наказать эту партию и ее некогда столь любимого всеми лидера Леха Валенсу на избирательных участках. Это ярко показали выборы 19 сентября 1993 года, когда коалиция левых партий (куда входили и члены бывшей правящей Коммунистической партии, переименованной в Левый демократический альянс) получила 66 процентов мест в парламенте. К тому времени сама «Солидарность» раскололась на несколько враждующих фракций. Профсоюзная партия набрала 5 процентов голосов, утратив статус официальной партии в парламенте, а новая партия под предводительством премьер-министра Мазовецкого набрала 10,6 процента. Это было решительным отказом от шоковой терапии.

Однако в последующие годы, когда десятки новых стран мучительно проводили экономические реформы, обо всех этих неудобных подробностях — забастовках, поражении на выборах, отказе от первоначальной программы — забыли. Вместо этого на Польшу указывали как на пример и доказательство того, что радикальный переворот в пользу свободного рынка может совершиться демократическим и мирным путем.

Но, как и многие другие истории о странах в переходном состоянии, эта была тоже по преимуществу мифом. Если же говорить правду, то в Польше демократия на улицах и в избирательных участках служила орудием борьбы против «свободного рынка». В то же время в Китае, где движение к радикальному капитализму раздавило гусеницами демократию на площади Тяньаньмэнь, шок и террор обернулись самым выгодным и стабильным потоком инвестиций в современной истории. Это еще одно чудо, порожденное кровавой бойней.

ДЕМОКРАТИЯ, РОЖДЕННАЯ В ОКОВАХ:

УДУШЕННАЯ СВОБОДА ЮЖНОЙ АФРИКИ

Примирение означает, что люди, которые находились на дне истории, должны увидеть качественную разницу между угнетением и свободой. И для них свобода означает иметь запасы чистой воды и электричество; это возможность жить в достойном жилище и иметь нормальную работу; это возможность отправить детей в школу и получать медицинскую помощь. Я имею в виду следующее: зачем нужны реформы, если качество жизни людей не стало лучше? Если этого нет, избирательное право — бесполезная вещь.

Архиепископ Десмонд Туту, глава комиссии «Правда и примирение» в Южной Африке, 2001 г.¹

До передачи власти Национальная партия хочет эту власть выхолостить. Она предлагает сделку, по которой пытается свое право вести страну по своему пути поменять на право не дать черным вести страну по их пути.

Аллистер Спаркс, южноафриканский журналист²

В январе 1990 года Нельсон Мандела, которому уже исполнился 71 год, из тюремной камеры писал записку своим сторонникам на свободе. Он хотел ответить на вопросы, не повлияли

¹ South Africa; Tutu Says Poverty, Aids Could Destabilise Nation // AllAfrica.com. 2001. November 4.

² Murray M.J. The Revolution Deferred. London: Verso, 1994. P. 12.

27 лет заключения, большей частью проведенные на острове Роббен около побережья недалеко от Кейптауна, на его стремление добиться преобразования экономики Южной Африки, в которой царил апартеид. Решительный ответ Манделы, отменявший любые сомнения, состоял всего из двух предложений: «Национализация рудников, банков и промышленных монополий всегда была позицией АНК [Африканского национального конгресса], и никакая перемена или модификация взглядов в этом отношении невозможна. Мы стремимся поддержать экономику черных, но в нашей ситуации государственный контроль над некоторыми секторами экономики неизбежен»³.

История так и не закончилась, несмотря на уверения Фукуямы. В Южной Африке, стране с самой крупной экономикой на всем Африканском континенте, некоторые люди все еще верили, что свобода включает в себя право потребовать назад утраченное и перераспределить захваченные угнетателями богатства.

Эта идея на протяжении 35 лет была основой программы Африканского национального конгресса и записана в Хартии свободы, где кратко сформулированы ключевые принципы этой партии. История создания Хартии свободы обросла в Южной Африке легендами, и она того заслуживает. Все началось в 1955 году, когда партия разослала 50 тысяч добровольцев по городам и поселкам страны. Добровольцев просили собрать «требования свободы» — представления людей о стране после окончания апартеида, где все жители Южной Африки обладают равными правами. Эти требования записывали на клочках бумаги: «землю надо раздать всем людям, у которых ее нет»; «зарплаты, на которые можно жить, и сокращение трудового дня»; «бесплатное всеобщее образование независимо от цвета кожи, расы или национальности»; «свобода перемещения и выбора места жительства» и многое другое⁴. Когда все эти требования были собраны, лидеры Африканского национального конгресса обобщили их и создали документ, который был официально принят 26 июня 1955 года на Народном конгрессе, прошедшем в Клиптауне — районе «буферной зоны», созданной для защиты белых обитателей Йоханнесбурга от черных жителей Соуэто. Около 3000 делегатов — черных, индийцев, метисов и немногочисленных белых — расположились на пустом поле, чтобы проголосовать за содержание документа. Как вспоминал

³ ANC Leader Affirms Support for State Control of Industry // *Times*. London. 1990. January 26.

⁴ Vadi I. *The Congress of the People and Freedom Charter Campaign*, foreword by Walter Sisulu. New Delhi: Sterling Publishers, 1995, www.sahistory.org.za.

об этой исторической встрече Нельсон Мандела, «Хартия зачитывалась людям вслух, раздел за разделом, на английском, языках сото и коса. После каждого раздела народ выражал свое одобрение криками “Африка!” или “Маибуе!”⁵. И первое дерзкое требование Хартии свободы гласит: «Управлять должен народ!»

В середине 1950-х годов это было мечтой, далекой от реальности. На второй день конгресс был безжалостно разогнан полицейскими, утверждавшими, что делегаты замышляют государственную измену.

На протяжении трех десятилетий правительство Южной Африки, в котором преобладали африканеры (потомки голландских поселенцев) и англичане, запрещало АНК и другие политические партии, стремившиеся покончить с апартеидом. Весь этот период жестоких репрессий люди распространяли Хартию свободы, передавая ее из рук в руки с помощью революционного подполья, так что она продолжала вдохновлять надежду и подталкивать людей к сопротивлению. В 1980-х годах ее приняло на вооружение новое поколение отважных молодых людей. Им надоело терпеть и вести себя послушно, они хотели положить конец господству белых, и потому юные радикалы изумляли родителей своим бесстрашием. Без лишних иллюзий они выходили на улицы, скандируя: «Ни пули, ни слезоточивый газ не остановят нас». Они сталкивались с одной кровавой расправой за другой, хоронили своих друзей и продолжали с пением маршировать по улицам. Когда активистам задавали вопрос, против чего они сражаются, те называли апартеид или расизм, когда же их спрашивали, за что они борются, они упоминали свободу и очень часто Хартию свободы.

Хартия свободы утверждала право работать и право на достойное жилье, свободу мысли и главное — перераспределение средств богатейшей африканской страны, на территории которой, среди прочего, располагались самые крупные золотые прииски мира. «Национальные богатства нашей страны, наследие жителей Южной Африки, необходимо вернуть народу, полезные ископаемые, банки и промышленные монополии необходимо отдать в руки всего народа, все другие виды промышленности и торговли необходимо контролировать, чтобы они созидали благосостояние народа», — говорилось в Хартии⁶.

⁵ *Mandela N. A Long Walk to Freedom: The Autobiography of Nelson Mandela. New York: Little, Brown and Company, 1994. P. 150.*

⁶ *The Freedom Charter // Adopted at the Congress of the People. Kliptown. 1955. June 26, www.anc.org.za.*

Когда Хартия была создана, некоторые участники освободительного движения одобрительно рассматривали ее как центристский документ, другие видели в ней непростительную слабость. Сторонники панафриканизма критиковали АНК за то, что тот сделал слишком много уступок белым колонизаторам (почему Южная Африка должна принадлежать «каждому, белому и черному»? — спрашивали они; в манифесте должно звучать иное требование, подобное тому, что утверждал черный националист с Ямайки Маркус Гарви: «Африка для африканцев»). Правоверные марксисты отметили требования Хартии как «мелкобуржуазные»: нет ничего революционного в требовании передать богатства страны в руки всего народа, Ленин говорил об уничтожении самой частной собственности.

Но все фракции освободительного движения соглашались с тем, что система апартеида была не только *политической* — решала, кому позволено голосовать и свободно передвигаться. Она была также *экономической* системой, которая использовала расизм для создания крайне выгодных условий: малочисленная белая элита получала огромные доходы от рудников и шахт, ферм и заводов Южной Африки, потому что огромная масса черных не имела права владеть землей и была вынуждена продавать свой труд по несправедливо низкой цене — и черных избивали и сажали в тюрьмы, когда те осмеливались против этого выступать. В горном деле белым работникам платили в 10 раз больше, чем черным, и, как в Латинской Америке, крупные промышленники работали в тесном контакте с военными, которые помогали избавляться от неугодных работников⁷.

Хартия свободы выражала общее мнение освободительного движения, что для свободы черным недостаточно взять в свои руки управление государством, но свобода появится тогда, когда незаконно присвоенные богатства страны будут перераспределены и переданы всему обществу. Южная Африка не может оставаться страной, в которой белые живут по калифорнийским стандартам, а черные — по стандартам Конго, как говорили о ней в период апартеида; свобода означает, что необходимо найти золотую середину.

Именно это подтвердил Мандела из тюрьмы в своей записке из двух предложений: он продолжал глубоко верить в то, что свобода невозможна без перераспределения. Учитывая, что в то время множество других стран находились в «переходном» состоянии, это ут-

⁷ Gumede W.M. Thabo Mbeki and the Battle for the Soul of the ANC. Cape Town: Zebra Press, 2005. Pp. 219—220.

верждение многое значило. Если бы Мандела привел АНК к власти и осуществил национализацию банков и приисков, этот прецедент сильно затруднил бы задачу экономистов чикагской школы, которые утверждали, что подобные мероприятия — пережиток прошлого и переход к неограниченно свободному рынку и свободной торговле способен решить проблему резкого неравенства.

11 февраля 1990 года, через две недели после того, как он написал эту записку, Мандела вышел из тюрьмы на свободу. Он пользовался репутацией живого святого, может быть, как никто другой в мире. Жители Южной Африки горячо праздновали это событие, в них крепло убеждение, что уже ничто не может остановить их борьбу за освобождение. В отличие от Восточной Европы, в Южной Африке освободительное движение не было разбито, оно набирало силу. Мандела же в тот период преодолевал сильнейший культурный шок: он даже принял микрофон телекамеры за «новейший вид оружия, созданного, пока [он] был в тюрьме»⁸.

Мир, который он покинул 27 лет назад, стал совершенно иным. На момент ареста Манделы в 1962 году третий мир был охвачен волной национальных движений, которая обрушилась и на Африку, теперь же его раздирали войны. Пока он сидел в тюрьме, несколько социалистических революций начались и были подавлены: Че Гевара был убит в Боливии в 1967 году; Сальвадор Альенде погиб во время переворота в 1973; герой освободительной борьбы и президент Мозамбика Самора Машел исчез во время таинственной авиакатастрофы 1986 года. На конец 1980-х и начало 1990-х пришлось такие события, как падение Берлинской стены, бойня на площади Тяньаньмэнь и конец коммунизма. Но у него было мало времени изучать все это: сразу после освобождения Мандела должен был вести народ к свободе, предотвратить возможную гражданскую войну и развал экономики — обе эти опасности были тогда вполне реальными.

Был третий путь между коммунизмом и капитализмом — путь демократизации с одновременным перераспределением богатств страны. И Южная Африка под руководством АНК получила уникальный шанс претворить эту мечту в реальность. К этому народ подталкивало не только бесконечное восхищение Манделой и стремление его поддержать — это было частью борьбы против апартеида в последние годы. В 1980-е годы возникло массовое движение, которое перешагнуло пределы Южной Африки. Его активисты эффективно пользова-

⁸ *Mandela N. A Long Walk to Freedom*, pp. 490—491.

лись таким оружием, как бойкот корпораций, — они отказывались покупать продукты из Южной Африки и товары иностранных фирм, которые имеют дело со страной апартеида. Эта стратегия позволяла достаточно сильно нажать на корпоративный сектор, чтобы он подталкивал не шедшее на компромиссы правительство Южной Африки покончить с апартеидом. У этой кампании был и важный нравственный аспект: многие потребители считали, что компании, получающие прибыль за счет закрепленного в законах превосходства белой расы, заслуживают финансового наказания.

Эта ситуация давала АНК уникальную возможность отказаться от господствующей ортодоксии свободного рынка. Уже сложилось общее мнение, что корпорации разделяют ответственность за преступления апартеида, и это давало Манделе возможность убедительно объяснить, почему необходимо провести национализацию ключевых секторов южноафриканской экономики, как того требовала Хартия свободы. Используя тот же аргумент, он мог бы настаивать на том, что любое новое правительство, избранное народом, не обязано брать на себя долги, накопленные во времена апартеида. Столь непослушное поведение вызвало бы ярость МВФ, Казначейства США и Европейского Союза, но Мандела был живым святым, и он получил бы огромную поддержку.

Однако мы так никогда и не узнаем, какие силы победили бы в этой борьбе. За годы, прошедшие с того момента, как он написал свою записку в тюрьме, до триумфа АНК на выборах 1994, когда Мандела стал президентом, произошли изменения: верхушка партии убедилась в том, что не сможет воспользоваться своим авторитетом среди масс, чтобы перераспределить украденные богатства страны. Поэтому мероприятия АНК не позволили стране обрести промежуточный уровень жизни между Калифорнией и Конго; вместо этого неравенство усилилось в такой мере, что стало походить на различия между Беверли-Хиллс и Багдадом. И сегодня страна остается живым примером того, что происходит, когда экономические преобразования отделены от политических. С политической точки зрения народ получил право голосовать, гражданские свободы и принцип большинства голосов. Но экономически Южная Африка, оставляя позади себя Бразилию, стоит на одном из первых мест в мире по социальному неравенству.

Я посетила Южную Африку в 2005 году в надежде понять, что же произошло при переходе между этими ключевыми 1990 и 1994 годами, что заставило Манделу пойти тем путем, который он сам называл «неприемлемым».

АНК начал переговоры с правящей Национальной партией, чтобы избежать кошмара, подобного тому, который пережил соседний Мозамбик в 1975 году, когда движение за независимость положило конец португальскому колониальному правлению. Португальцы, покидая свои посты, устроили истерическую месть: они заливали цементом шахты лифтов, разнесли вдребезги трактора и вывезли все, что могли, до последнего гвоздя. АНК, опираясь на безграничный кредит доверия, стремился, чтобы передача власти прошла мирно. Тем не менее сдавшиеся южноафриканские лидеры эпохи апартеида на прощанье нанесли стране огромный вред. В отличие от правителей Мозамбика, члены Национальной партии никуда не заливали цемент — их саботаж был намного тоньше, но не менее разрушительным, и он весь запечатлен в документах тех исторических переговоров.

Переговоры об окончании апартеида касались двух больших тем, которые нередко пересекались: политики и экономики. И, разумеется, внимание большинства людей приковывали политические совещания на высшем уровне между Нельсоном Манделой и лидером Национальной партии Ф.В. де Клерком.

Стратегия де Клерка на этих переговорах заключалась в том, чтобы сохранить за собой как можно больше власти. Для этого он перепробовал множество предложений: раздробить страну, введя федерацию, дать право вето партиям меньшинства, оставить определенный процент мест в правительственных структурах за каждой этнической группой — все что угодно, лишь бы не вводить принципа большинства, что, как он был уверен, повлечет за собой масштабную экспроприацию земли и национализацию корпораций. Как об этом позже рассказывал Мандела, «Национальная партия старалась сохранить превосходство белых с нашего согласия». За де Клерком стояли оружие и деньги, зато его оппонента поддерживали миллионы людей. Мандела и его главный помощник в переговорах Сирил Рамафоза смогли одержать победу почти по каждому пункту⁹.

Куда незаметнее на фоне этих саммитов, где часто ситуация казалась взрывоопасной, были другие переговоры, касающиеся экономики. В основном со стороны АНК их проводил Табо Мбеки,

⁹ Введение принципа большинства откладывалось до 1999 года. До этого исполнительную власть разделяли все политические партии, получившие более 5 процентов голосов. Непубликованное интервью 2001 года с Нельсоном Манделой режиссера Бена Кашдана; *Morris H. South Africa: Limits to Change: The Political Economy of Transition*. Cape Town: University of Cape Town Press, 2001. Pp. 91—92.

в то время восходящая звезда партии, а ныне президент Южной Африки. По ходу переговоров Национальная партия могла понять, что парламент скоро окажется в руках АНК, и тогда партия южноафриканских элит сосредоточила энергию и интеллектуальные силы на экономических переговорах. Белым Южной Африки пришлось уступить черным правительство, но под угрозой оказались богатства, накопленные в период апартеида, и они решили не сдаваться.

Правительство де Клерка использовало в этих переговорах двойную стратегию. Во-первых, ссылаясь на популярный в умах «вашингтонский консенсус», который считался единственной верной экономической программой, они говорили о ключевых позициях экономики: о политике торговли или центральном банке — как о «технических» или «административных» вопросах. Во-вторых, оно использовало весь набор новых политических инструментов, таких как международные торговые соглашения, изменения в конституционном праве и программы структурной перестройки, в качестве орудий, позволявших передать власть над этими ключевыми позициями в руки так называемых беспристрастных экспертов, экономистов и руководителей МВФ, Всемирного банка, Генерального соглашения по таможенным тарифам и торговле (ГАТТ) и Национальной партии — кому угодно, кроме АНК. Это была стратегия «балканизации» — не географической (как сначала замышлял де Клерк), но экономической.

И этот план был успешно осуществлен под носом у лидеров АНК, которые, естественно, прилагали все силы для победы в борьбе за контроль над парламентом. При этом АНК не обезопасил себя от куда более коварной угрозы, и экономический план Хартии свободы так и не стал законом Южной Африки. «Управлять должен народ!» — это решение вскоре стало реальностью, однако сфера, которой он мог бы управлять, с каждым днем становилась все уже.

Пока шли переговоры, партия АНК усиленно готовилась к тому дню, когда она придет к власти. Команды экономистов и юристов АНК получили задание разработать конкретные меры для осуществления общих положений Хартии свободы, касающиеся, например, жилья и здравоохранения, на практике. Среди этих планов выделялась программа «Демократия за работой» — экономический план развития Южной Африки после апартеида, написанный в период проведения переговоров на высшем уровне. Сторонники партии не понимали одного: пока они составляли свою величественную программу, их команда на переговорах делала уступки, из-за которых этот

план будет практически невозможно воплотить. «Этот план оказался мертвым еще до попытки его осуществить», — говорил мне экономист Вишну Падаячи о программе «Демократия за работой». К тому моменту, как он был завершен, «изменились условия игры».

Падаячи — один из немногочисленных экономистов АНК, получивших классическую подготовку, — должен был играть ведущую роль в создании плана «Демократия за работой» («грызть цифры», как он это называл). Большинство людей, с которыми он бок о бок работал, заняли ведущие посты в правительстве АНК, но не Падаячи. Он отклонил все предложения правительства и посвятил себя научной работе в Дурбане, где преподает, пишет и владеет нежно любимой книжной лавкой имени Ике — в память об Ике Майете, первом торговце книгами в Южной Африке, который не был белым. Именно тут, в окружении только что вышедших толстых книг по истории Африки, мы говорили с ним о том переходном моменте.

Падаячи примкнул к освободительному движению в 1970-х годах и стал консультантом южноафриканских профсоюзов. «В те дни на двери у каждого из нас висела Хартия свободы», — вспоминал он. Я спросила его, когда он осознал, что экономические мечты Хартии не будут осуществлены. Он ответил, что заподозрил это в конце 1993 года, когда вместе с одним коллегой получил звонок от команды переговорщиков, которая вела споры с Национальной партией. Экономиста и его коллегу попросили написать документ, где приводятся все аргументы за и против превращения центрального банка в независимую организацию, которая работает совершенно автономно относительно избранного правительства, причем звонивший сказал, что это необходимо сделать до следующего утра.

«Это было для нас полной неожиданностью», — сказал Падаячи. Этот человек, которому сейчас слегка за пятьдесят, получил образование в Университете Джонса Хопкинса в Балтиморе. И он знал, что тогда среди экономистов США — даже сторонников свободного рынка из их числа — мысль о независимости центрального банка казалась маргинальной идеей. Ее проповедовали лишь немногочисленные идеологи чикагской школы, которые верили, что центральные банки должны стать подобием суверенной республики, защищенной от влияния избранных голосованием законодателей¹⁰.

¹⁰ Милтон Фридман часто шутил, что, дай ему волю, центральные банки действовали бы исключительно на основе «экономической науки», так что ими мог бы управлять огромный компьютер — людей бы для этого не понадобилось. *Friedman M. Milton Friedman — Banquet*

Для Падаючи и его коллег, по убеждению которых монетарная политика должна была служить в новом правительстве его «великим целям — поддерживать рост, занятость и перераспределение», позиция АНК представлялась безумной: «Никакого независимого центрального банка в Южной Африке быть не должно!»

Падаючи с коллегой всю ночь трудились над запиской, которая содержала нужные команде переговорщиков аргументы для противостояния этой уловке Национальной партии. Если центральный банк (в Южной Африке он называется Резервным банком) будет работать независимо от правительства, он будет помехой для АНК на пути осуществления обещаний Хартии свободы. Кроме того, если центральный банк не будет отчитываться перед правительством АНК, то перед кем именно он будет отчитываться? Перед фондовой биржей Йоханнесбурга? Очевидно, Национальная партия искала запасной путь для сохранения власти после поражения на выборах — и этому следовало сопротивляться изо всех сил. «Они хотели удержать за собой все возможные позиции, — вспоминал Падаючи. — Это, без сомнения, предполагала их программа».

Утром Падаючи отправил записку по факсу и затем ничего не слышал о ее судьбе несколько недель. «Наконец, потом, когда мы спросили, что же произошло, нам ответили: “Ну, в этом пункте мы пошли на уступку”». Центральный банк стал автономной организацией в южноафриканском государстве, а его независимый статус был отражен в конституции, но это еще не все: его возглавил тот же самый человек, Крис Сталс, который руководил этим банком в эпоху апартеида. И АНК сделал уступку не только в вопросе о центральном банке: Дерек Кейс, белый министр финансов в период апартеида, также остался на прежнем посту — подобным образом министр финансов и глава центрального банка в Аргентине времен диктатуры умудрились снова занять эти места при демократическом правлении. Газета *New York Times* торжественно называла Кейса «одним из важнейших в стране апостолов благоприятного для бизнеса правительства, сокращающего свои расходы»¹¹.

Как вспоминает Падаючи, до того момента «мы еще сохраняли надежду, потому что, мой Бог, это была революционная битва; должно же из этого было выйти хоть *что-нибудь*». Но когда он узнал, что цен-

Speech // Given at the Nobel Banquet. 1976. December 10, www.nobelprize.org.

¹¹ Keller B. Can Both Wealth and Justice Flourish in a New South Africa? // *New York Times*. 1994. May 9.

тральным банком и казначейством будут управлять старые вожди времен апартеида, это означало, что «с точки зрения экономических преобразований все потеряно». Я спросила, понимали ли, по его мнению, участники переговоров, что они потеряли. Задумавшись, он ответил: «Откровенно говоря, не понимали». Это была для них просто торговля: «На переговорах что-то приходится заплатить. Я вам дам это, а вы мне дадите то».

Падаячи думает, что произошедшее не было настоящим предательством со стороны лидеров АНК, просто их обвели вокруг пальца по ряду вопросов, которые на тот момент казались второстепенными, а на самом деле стали непреодолимой преградой на пути освобождения Южной Африки.

В этих переговорах АНК попал в ловушку иного рода — в сеть хитроумно составленных правил и законов, сплетенную для того, чтобы ограничить власть избранных политиков и связать им руки. Пока этой сетью опутывали страну, ее почти никто не замечал, но когда новое правительство пришло к власти и захотело дать своим избирателям те реальные блага, которых они ожидали и за которые проголосовали, сеть оказалась тугой, и администрация почувствовала себя связанной по рукам и ногам. Патрик Бонд, работавший советником по экономике в кабинете Манделы в первые годы правления АНК, вспоминает тогдашнюю горькую шутку: «Ну вот, у нас есть государство, но где же власть?» И когда новое правительство попыталось воплотить в жизнь обещания Хартии свободы, оно увидело, что власть принадлежит кому-то другому.

Необходимо перераспределить землю? Это неосуществимо — в последний момент команда переговорщиков согласилась добавить к новой конституции положение о защите любой частной собственности, из-за чего земельная реформа оказалась просто невозможной. Надо создать рабочие места для миллионов безработных? Не получится — сотни фабрик готовы закрыться, потому что АНК договорился с ГАТТ, предтечей Всемирной торговой организации (ВТО), и теперь закон запрещает субсидировать автомобилестроительные заводы и текстильные фабрики. Надо раздавать бесплатные лекарства против СПИДа в районах, где это заболевание распространяется с ужасающей скоростью? Это нарушает право интеллектуальной собственности ВТО, организации, в которую АНК вступил без дискуссий, поскольку она была преемницей ГАТТ. Нужно найти деньги на строительство

новых и лучших домов для бедных и провести электричество в некоторые районы? Просим прощения — бюджет пошел на уплату огромных долгов, принятых без споров у правительства времен апартеида. Тогда стоит напечатать больше денег? Это необходимо обсудить с главой центрального банка, который там сидел еще при апартеиде. Дать всем воду бесплатно? Вряд ли это получится. Всемирный банк и его многочисленные представители в Южной Африке: экономисты, исследователи и инструкторы (рекламирующие себя как «банк знаний») — предпочитают устанавливать партнерские отношения с частным сектором. Ввести контроль над валютой, чтобы предотвратить дикие махинации? Это нарушает условия сделки на 850 миллионов долларов с МВФ, подписанной как раз накануне выборов. Поднять минимальную заработную плату, чтобы сгладить резкое неравенство в доходах? Никоим образом. Условия сделки с МВФ включают «сдерживание роста заработной платы»¹². И не стоит даже думать о несоблюдении этих обязательств — любой подобный ход будет рассматриваться как опасный признак ненадежности страны, отсутствия ориентации на «преобразования», отсутствия «системы, основанной на законах». А это в свою очередь повлечет за собой падение стоимости местной валюты, ограничение иностранной помощи и вывоз капитала за границу. Итак, оказалось, что Южная Африка свободна, но одновременно в плену; каждый пункт юридически изощренных условий был одной из ячеек сети, которая опутывала по рукам и ногам новое правительство.

Активист Рассул Сниман, долгие годы боровшийся против апартеида, описывал эту ловушку такими горькими словами: «Они нас никак не освободили. Они просто сняли оковы с нашей шеи и наложили их нам на ноги». Известная южноафриканская правозащитница Ясмин Соока сказала мне, что этот переход «был сделкой, где нам сказали: “Мы сохраним за собой все, а вы [АНК] будете для видимости править... Берите себе политическую власть, можете делать вид, что всем управляете, но настоящее управление будет исходить не от вас”»¹³.

¹² Horton M. Role of Fiscal Policy in Stabilization and Poverty Alleviation // Post-Apartheid South Africa: The First Ten Years / Eds. M. Nowak, L.A. Ricci. Washington DC: International Monetary Fund, 2005. P. 84.

¹³ Неудивительно, что именно «чикагские мальчики» впервые разработали в Чили эту версию капитализма, защищенного от демократии, создав так называемую новую демократию. Когда после 17 лет правления хунты в Чили власть должно было получить законно избранное правительство, «чикагские мальчики» заблаговременно переписали конституцию и законы, так что юридически отменить порядок, порожденный их преобразованиями, стало почти невозможно. Они по-разному называли этот процесс: построение «технократичной

Это был процесс инфантилизации, типичный для стран в так называемом состоянии перехода, — в результате новые правительства получают ключи от дома, но им не доверяют шифр сейфа.

Среди прочего я хотела понять, каким образом после столь героической борьбы за свободу такое могло случиться. Не только каким образом лидеры освободительного движения уступили на экономическом фронте, но и как социальная основа АНК — люди, которые уже принесли такие великие жертвы, — позволили своим лидерам это совершить. Почему низовые члены движения не *потребовали* от АНК, чтобы тот хранил верность Хартии свободы, почему они не восстали против тех уступок?

Я задала этот вопрос Вильяму Гумеде, активисту АНК в третьем поколении, который в переходный период был вожаком студенческого движения и в те беспокойные годы участвовал в уличных митингах. «Все тогда следили за ходом политических переговоров, — ответил он, имея в виду встречи Манделы с де Клерком. — И если бы люди почувствовали, что там что-то не так, начались бы массовые протесты. Но слушая отчеты об экономических переговорах, все думали, что речь идет о технических проблемах; это никого не интересовало». И такое отношение, сказал он, поддерживал Мбеки, который называл эти переговоры «административными» и малоинтересными для широкой публики (точно так же, как и чилийцы с их «технифицированной демократией»). В результате, как он сказал с раздражением, «мы это упустили, мы упустили саму суть дела».

Гумеде, теперь один из самых известных людей Южной Африки, занимающихся журналистскими расследованиями, сказал, что постепенно начал понимать, как на этих «технических» встречах решалось подлинное будущее страны, хотя немногие это понимали в ту пору. Гумеде напомнил, что в тот переходный период страна была на грани гражданской войны: поселения черных терроризировали бан-

демократии», «защищенная демократия», или, как говорил молодой министр Пиночета Хосе Пиньера, обеспечение «независимости от политики». Заместитель министра экономики в правление Пиночета Аваро Бардон так описывает типичную аргументацию чикагской школы: «Если мы признаем экономику наукой, это сразу ограничивает власть правительства или политической структуры, потому что они не вправе принимать решения в подобного рода вещах». *Valdés J.G. Pinochet's Economists*, pp. 31, 33; автор цитирует слова министра экономики при Пиночете Пабло Бараоны, дающего характеристику «новой демократии»; *Harvey R. Chile's Counter-Revolution* (Роберт Харви приводит слова министра внутренних дел Серхио Фернандеса); *Piñera J. Wealth Through Ownership*, p. 298.

ды с оружием, купленным на деньги Национальной партии, полиция продолжала убивать людей, и постоянно ходили разговоры о том, что может начаться кровавая бойня. «Я весь сосредоточился на политике, — вспоминал он, — на массовых акциях, ездил в Бишо [место открытых столкновений демонстрантов с полицией], кричал: “Эти люди должны уйти!” Но на самом деле настоящая борьба шла на поле экономики. И мне действительно жалко, что я был таким наивным. Тогда я считал себя достаточно политически зрелым, чтобы понимать эти вещи. Как я мог это упустить из виду?»

С тех пор Гумеде наверстывал упущенное. На момент нашей встречи в стране шли яростные споры о его новой книге «Табо Мбеки и борьба за душу АНК». Там подробно исследуется вопрос о том, как партия АНК не смогла отстоять экономическую независимость страны на переговорах, на которые Гумеде, занятый другими вещами, не обращал внимания. «Я написал эту книгу в гневе, — сказал он. — В гневе на себя и на мою партию».

Трудно представить, что исход переговоров мог бы быть иным. Если можно верить Падаючи, даже группа переговорщиков АНК не могла понять, что совершает чудовищное преступление. Могли ли в этих условиях что-то сделать активисты на улицах?

В эти годы Южная Африка жила в постоянном кризисе. Люди с восторгом наблюдали за вышедшим из тюрьмы Манделой и одновременно с яростью узнавали, что Крис Хани, молодой активист, который, по мнению многих, должен был стать преемником Манделы, был застрелен убийцей-расистом. Кроме нескольких экономистов, никто не желал обсуждать вопрос о независимости центрального банка, который наводит скуку даже в условиях нормальной жизни. Как сказал Гумеде, большинство людей думали, что, какие бы компромиссы ни пришлось допустить, чтобы получить власть, от них можно отказаться, как только АНК начнет непосредственно управлять страной: «Мы станем правительством и исправим эти ошибки потом».

Активисты АНК не понимали в то время, что в процессе переговоров была изменена сама природа демократии и на их страну была брошена практически неизменяемая сеть, причем таким образом, что никакого *потом* уже не будет.

В течение первых двух лет правления АНК партия пыталась, используя свои ограниченные ресурсы, выполнить обещание о перераспре-

делении. Государство вложило немало денег в строительство более 100 тысяч домов для бедных и потратило миллионы на водопровод, электричество и телефонные линии¹⁴. Но дальше произошла уже знакомая история. Под бременем долгов и давлением международных организаций, призывающих приватизировать эти службы, правительство вскоре начало повышать цены. В результате после 10 лет правления АНК миллионы людей были отключены от новой системы водоснабжения и электросетей, потому что не могли оплачивать работу этих служб¹⁵. По крайней мере 40 процентов новых телефонных линий к 2003 году прекратили свою работу¹⁶. Что касается «банков, рудников и промышленных монополий», которые Мандела призывал национализировать, то они так и остались в руках прежних, принадлежащих белым четырех сверхмощных конгломератов, которые контролируют 80 процентов сделок на фондовой бирже Йоханнесбурга¹⁷. В 2005 году лишь 4 процента компаний, котирующихся на бирже, принадлежали черным или управлялись ими¹⁸. В 2006 году 70 процентов земель Южной Африки принадлежало белым, которые составляют всего 10 процентов населения¹⁹. Что еще печальнее, правительство АНК потратило гораздо больше времени на отрицание серьезности положения со СПИДом, чем на попытки найти важнейшие лекарства для пяти миллионов ВИЧ-инфицированных, хотя к началу 2007 года тут наблюдалась положительная динамика²⁰. И вот, быть может, наиболее вопиющие статистические данные: с 1990 — того года, когда Мандела покинул тюрьму, — сред-

¹⁴ *Brew J. South Africa—Habitat: A Good Home Is Still Hard to Own // Inter Press Service. 1997. March 11.*

¹⁵ Вопрос о том, кого в Южной Африке больше: подключенных к системе этих услуг или их лишившихся, — вызывает споры. По крайней мере, одно заслуживающее доверия исследование показало, что количество потерявших перевешивает количество получивших: государство утверждает, что подключило к водопроводу 9 миллионов людей, исследование показало, что у 10 миллионов воду отключили. Там же.

¹⁶ *McDonald D. Water: Attack the Problem Not the Data // Sunday Independent. London. 2003. June 19.*

¹⁷ *Keller B. Cracks in South Africa's White Monopolies // New York Times. 1993. June 17.*

¹⁸ Гумеде ссылается на статистику Businessmap, согласно которой «около 98 процентов генеральных директоров компаний, зарегистрированных на бирже Йоханнесбурга, были белыми и совершали более 97 процентов всех сделок». *Robinson S. The New Rand Lords // Time. 2005. April 25; Gumede W.M. Thabo Mbeki and the Battle for the Soul of the ANC, p. 220.*

¹⁹ *Gumede W.M. Thabo Mbeki and the Battle for the Soul of the ANC, p. 112.*

²⁰ *Nduru M. S. Africa: Politician Washed Anti-Aids Efforts Down the Drain // Inter Press Service. 2006. April 11.*

няя продолжительность жизни жителя Южной Африки сократилась на 13 лет²¹.

За всеми этими фактами и цифрами стоит роковое решение, принятое АНК после того, как лидеры партии поняли, что их обставили в процессе экономических переговоров. В тот момент партия могла организовать второе движение за освобождение и избавиться от удушающей сети, свитой в переходный период. Иначе им оставалось подчиниться этим ограничениям и приветствовать приближение нового экономического порядка. И лидеры АНК выбрали последнее. Партия не сделала краеугольным камнем своей программы перераспределение богатств, уже имеющихся в стране, хотя за это голосовали именно потому, что партия собиралась осуществить это ключевое положение Хартии свободы. Вместо этого партия АНК, ставшая правительством, подчинилась той распространенной логике, что ее единственная надежда заключается в поиске новых иностранных инвесторов, которые создадут новое богатство — и часть этого богатства просочится к бедным. Но чтобы модель «просачивания сверху вниз» заработала, правительству АНК пришлось перестроиться, дабы выглядеть привлекательным в глазах инвесторов.

Это было нелегкой задачей, что Мандела понял после выхода из тюрьмы. Едва он освободился, как разразился кризис южноафриканского фондового рынка; стоимость местной валюты — ранда — упала на 10 процентов²². Несколько недель спустя корпорация, занимавшаяся добычей алмазов, De Beers, перевела свой главный офис из Южной Африки в Швейцарию²³. Такие угрозы со стороны рынка были немыслимы три десятка лет назад, когда Мандела оказался в тюрьме. В 1960-е годы транснациональные корпорации не меняли страну пребывания по своей прихоти, а всемирная денежная система еще была тесно связана с золотым стандартом. А теперь южноафриканская валюта сделалась неуправляемой, барьеры для торговли исчезли, и торговые сделки представляли собой кратковременные спекуляции.

²¹ Study: Aids Slashes SA's Life Expectancy // *Mail & Guardian*. Johannesburg. 2006. December 11.

²² К концу дня стоимость ранда слегка повысилась, так что в результате понижение составило 7 процентов. Jones J. Foreign Investors Take Fright at Hardline Stance // *Financial Times*. London. 1990. February 13.

²³ Mufson St. South Africa 1990 // *Foreign Affairs* (Special Edition: America and the World). 1990—1991.

И капризный рынок реагировал не только на выход Манделы на свободу; ему и его окружению достаточно было произнести несколько неуместных фраз, как это вызывало невообразимую панику среди «электронного стада» (по остроумному выражению обозревателя газеты *New York Times* Томаса Фридмана)²⁴. Паника при выходе Манделы из тюрьмы была началом взаимодействия между лидерами АНК и финансовым рынком, который реагировал на каждый их шаг, вызывая шок и обучая руководство АНК новым правилам игры. Каждый раз, как только лидеры партии намекали на то, что знаменитая Хартия свободы все еще лежит в основе их программы, рынок отвечал на это ударом, и незащищенный курс ранда падал. Эти правила были простыми и жесткими: справедливость — дорого, продавайте; статус-кво — хорошо, покупаем. Когда, вскоре после выхода из тюрьмы, Мандела снова заговорил о национализации на частном обеде в присутствии ведущих бизнесменов, «индекс акций All-Gold упал на 5 процентов»²⁵.

Даже невинные движения, казалось бы, не имеющие отношения к финансовому рынку, но в которых можно было усмотреть признаки скрытого радикализма, провоцировали ответные удары рынка. Когда Тревор Мануэль, министр АНК, назвал регби в Южной Африке «игрой белого меньшинства», поскольку в команде страны были только белые, ранд в ответ покачнулся²⁶.

Из всех препятствий для деятельности нового правительства рынок оказался самым сильным — и это по-своему отражало гениальность ничем не связанного капитализма: он сам себя поддерживает. Как только страна открывается для глобального рынка с его переменчивыми настроениями, любое отступление от ортодоксальной линии чикагской школы немедленно карается торговцами Нью-Йорка и Лондона, они перестают поддерживать валюту непослушной страны, что порождает кризис и нужду в займах, которые выдаются на более суровых условиях. Мандела видел эту ловушку в 1997 году, когда говорил на национальной конференции АНК: «Сама подвижность капитала и глобализация капитала и рынков лишают страну возможности, скажем, выбрать экономическую национальную программу, не думая при этом о потенциальной реакции рынка»²⁷.

²⁴ *Friedman T.L.* The Lexus and the Olive Branch. New York: Random House, 2000. P. 113.

²⁵ *Gumede W.M.* Thabo Mbeki and the Battle for the Soul of the ANC, p. 69.

²⁶ Там же, p. 85; South Africa: Issues of Rugby and Race // *The Economist*. 1996. August 24.

²⁷ *Mandela N.* Report by the President of the ANC to the 50th National Conference of the African National Congress. 1997. December 16.

Один человек в АНК, казалось, понимал, как остановить эти шоковые удары. Это был Табо Мбеки, правая рука Манделы во время его президентства, который затем стал его преемником. Мбеки провел многие годы в изгнании в Англии, он учился в Университете Сассекса, а затем переехал в Лондон. В 1980-х годах, когда черные жители его страны задыхались от слезоточивого газа, он дышал парами тэтчеризма. Из всех лидеров АНК Мбеки наиболее свободно общался с ведущими бизнесменами, еще до освобождения Манделы он устроил несколько секретных встреч с руководителями корпораций, которые боялись будущего правления черного большинства. В 1985 году, проведя вечер в замбийском игровом притоне за шотландским виски с Мбеки и группой южноафриканских бизнесменов, Хью Муррей, редактор престижного журнала для бизнесменов, написал: «Вождь АНК обладает замечательной способностью внушать доверие даже в самых сомнительных обстоятельствах»²⁸.

Мбеки был убежден, что АНК сможет утихомирить рынок, если установит с ним такого рода клубные отношения в широких масштабах. По словам Гумеды, Мбеки взял на себя роль преподавателя основ свободного рынка для своей партии. Чудовище рынка уже вырвалось на свободу, объяснял Мбеки, его невозможно укротить, остается только кормить тем, что он требует: нужен рост и еще больше роста.

Вместо того чтобы призывать к национализации рудников, Мандела и Мбеки начали регулярно встречаться с Гарри Оппенгеймером, в прошлом главой гигантов горной промышленности — компаний Anglo-American и De Beers, с человеком, который олицетворял собой экономический порядок апартеида. После выборов 1994 года они даже представили экономическую программу АНК на одобрение Оппенгеймеру и сделали несколько важных исправлений, чтобы учесть его мнение и некоторых других ведущих промышленников²⁹. Надеясь избежать очередных ударов со стороны рынка, Мандела в своем интервью после выборов старательно отгородился от предыдущих утверждений в поддержку национализации: «В нашей экономической политике... ничто не указывает на такие вещи, как национализация, и это не случайно. У нас нет ни одного лозунга, который бы указывал на связь с марксистской идеологией»³⁰. Финансовая пресса выражала

²⁸ Gumede W.M. Thabo Mbeki and the Battle for the Soul of the ANC, pp. 33—39, 69.

²⁹ Там же, p. 79.

³⁰ Marais H. South Africa, p. 122. На самом деле экономическая программа, благодаря которой АНК пришла к власти, призывала к «усилению государственного сектора в стратегиче-

устойчивую поддержку такому повороту: «Хотя АНК все еще остается мощным левым направлением, — пишет *Wall Street Journal*, — в последнее время в речах мистера Манделы скорее звучат слова Маргарет Тэтчер, а не революционеров-социалистов, к которым он недавно принадлежал»³¹.

Однако память о радикальном прошлом АНК все еще была жива, и, несмотря на все усилия нового правительства выглядеть безобидным, рынок продолжал его наказывать болезненными шоковыми ударами: за один месяц в 1996 году стоимость ранда упала на 20 процентов, и страна теряла капитал, поскольку боязливые богачи переводили свои деньги за границу³².

Мбеки убедил Манделу, что необходимо решительно порвать с прошлым. АНК должен разработать совершенно новую экономическую программу — прямую и шокирующую, с такими резкими мерами, которые убедят рынок на доступном ему языке в том, что партия АНК согласна с «вашингтонским консенсусом».

Как это было в Боливии, где программа шоковой терапии готовилась в глубокой тайне, словно военная операция, так и в Южной Африке лишь ближайшие коллеги Мбеки знали о том, что разрабатывается новая экономическая программа, резко отличающаяся от того, что партия обещала в процессе выборов 1994 года. Как пишет Гумеде, члены этой команды «обязались хранить тайну, и все происходило в атмосфере чрезвычайной секретности, чтобы левое крыло партии ничего не узнало о планах Мбеки»³³. Экономист Стивен Гельб, принимавший участие в создании новой программы, признался, что «это были “реформы свыше” в прямом смысле слова, и руководители из всех сил стремились оградить свою программу от влияния народа»³⁴. (Атмосфера секретности и обособленности была особенно нелепа, если вспомнить, что во времена апартеида АНК создавала Хартию свободы в атмосфере открытости и соучастия. Теперь же, при новом демократическом правлении,

ских сферах посредством, например, национализации». Кроме того, существовала Хартия свободы, которая оставалась манифестом партии. Ready to Govern: ANC Policy Guidelines for a Democratic South Africa Adopted at the National Conference. 1992. May 28—31 // ANC, www.anc.org.za.

³¹ Wells K. U.S. Investment in South Africa Quickens // *Wall Street Journal*. 1994. October 6.

³² Gumede W.M. Thabo Mbeki and the Battle for the Soul of the ANC, p. 88.

³³ Там же, p. 87.

³⁴ Marais H. South Africa, p. 162.

партии приходилось скрывать ее экономические планы от своих собственных активистов.)

В июне 1996 года Мбеки представил полученные результаты: это была неолиберальная программа шоковой терапии для Южной Африки, куда входили приватизация, сокращение государственных расходов, «гибкость» трудового законодательства, свободная торговля и даже ослабление контроля движения капитала. По мнению Гельба, ее основная цель заключалась в том, чтобы «показать потенциальным инвесторам, что правительство (и особенно АНК) готово придерживаться господствующей доктрины»³⁵. Посылая этот отчетливый сигнал торговцам Нью-Йорка и Лондона, Мбеки на ланче в честь представления программы саркастически отметил: «Считайте меня тэтчеристом»³⁶.

Шоковая терапия — это всегда спектакль для рынка, это часть самой теории. Биржа любит эти лихорадочные постановки, в результате которых бешено скачет стоимость ценных бумаг, что обычно происходит после предложения о скупке акций, объявления о слиянии крупных компаний или вступления в должность знаменитого генерального директора. И когда экономисты вынуждают какую-либо страну заявить о своей программе радикальной шоковой терапии, они отчасти подражают этим драматичным событиям на рынке, вызывающим панику, — только в этом случае продаются не акции, а целая страна. Они пытаются этим вызвать реакцию типа «Покупай аргентинские акции!» или «Приобретайте облигации Боливии!». Медленный и осторожный подход причиняет меньше страданий, но он лишает рынок этой лихорадки и бума, благодаря которым можно делать большие деньги. Шоковая терапия — это всегда азартная игра, и Южной Африке тут не удалось выиграть: величественный жест Мбеки не привлек долгосрочные инвестиции, но лишь породил массу спекулятивных сделок, в результате которых стоимость ранда стала еще ниже.

Шок, подрывающий основы

«Новообращенный всегда самый большой ревнитель в таких вещах. Они захотели еще сильнее показать свою лояльность», — сказал мне Ашвин Десай, писатель из Дурбана, с которым я встретила, чтобы

³⁵ *Marais H.* South Africa, p. 170.

³⁶ *Gumede W.M.* Thabo Mbeki and the Battle for the Soul of the ANC, p. 89.

поговорить о том переходном периоде. Во время борьбы за независимость Десай сидел в тюрьме, и он находит, что поведение правительства АНК сходно с психологией заключенного. По его словам, в тюрьме, «если тебе удастся больше понравиться охранникам, твое положение улучшается. И та же самая логика применима к поведению южноафриканского общества. Они хотели показать, какие они образцовые заключенные. Что они ведут себя даже куда послушнее, чем другие страны».

Тем не менее члены партии АНК совсем не походили на послушных людей, и потому требовалось продемонстрировать свою дисциплинированность еще сильнее. По словам Ясмин Соока, члена южноафриканской комиссии «Правда и примирение», мысли о дисциплине влияли на каждый аспект жизни в переходный период, включая вопрос о справедливости. В течение нескольких лет комиссия выслушивала множество показаний о пытках, убийствах и исчезновении людей, и затем перед ней встал вопрос, какого рода действия помогут залечить эти раны. Правда и прощение — важные вещи, но не менее важна компенсация пострадавшим и их семьям. Было бы бессмыслицей просить новое правительство выдавать денежные компенсации, поскольку оно не совершало этих преступлений, а если бы оно тратило деньги на выплаты жертвам апартеида, то не смогло бы строить дома и школы для бедных в новой, свободной стране.

Некоторые члены комиссии считали, что деньги должны заплатить международные корпорации, которые использовали апартеид для своей наживы. В конце концов, комиссия «Правда и примирение» предложила самую скромную меру: наложить на корпорации одноразовый налог в размере 1 процента (его называли «налогом солидарности») для выплаты жертвам апартеида. Соока ожидала, что АНК поддержит это скромное предложение; вместо этого правительство, во главе которого тогда стоял Мбеки, отказалось от идеи налога солидарности, опасаясь, что рынок увидит в этом проявление враждебного отношения правительства к бизнесу. «Президент решил не призывать бизнес к ответу, — сказала мне Соока. — Все так просто». В итоге правительство выплатило часть компенсаций из собственного бюджета, чего и опасались члены комиссии.

Часто южноафриканскую комиссию «Правда и примирение» прославляют как образец успешного «миротворчества», которому пытаются подражать другие страны в зонах конфликтов от Шри-Ланки до Афганистана. Но многие из тех, кто участвовал в ее работе, неод-

нозначно относятся к достигнутому. В марте 2003 года глава комиссии архиепископ Десмонд Туту, выступая с итоговым отчетом, сказал журналистам, что дело освобождения еще не завершено. «Как объяснить, что черный житель страны просыпается сегодня, почти через 10 лет после наступления свободы, в убогих трущобах? Затем он отправляется на работу в город, где по-прежнему преобладают белые, живущие в роскошных хоромах, а к концу дня возвращается в трущобы. Я не могу понять, почему народ не скажет: “Пошел бы к черту такой мир. Пошел бы к черту Туту с его комиссией правды”»³⁷.

По мнению Соока, которая теперь возглавляет Южноафриканский фонд прав человека, комиссия занималась «внешними проявлениями апартеида, такими как пытки, крайне грубое обращение и исчезновение людей», но «совершенно не касалась вопроса» экономической системы, которой служила эта жестокость, — точно такие же слова о слепоте правозащитников говорил Орландо Летельер 30 лет назад. Если бы можно было снова начать эту работу, сказала Соока, «я бы действовала совершенно иначе. Я бы занялась *системой* апартеида: рассмотрела бы вопрос о земле и, конечно, роль монополий во всем этом, я бы изучала очень и очень внимательно роль горнодобывающей промышленности, потому что это настоящая болезнь Южной Африки... Я бы изучала системные эффекты политики апартеида и посвятила бы лишь одно слушание пыткам, потому что когда ты фокусируешь внимание на пытках, то забываешь о том, ради чего они производились, и тогда забываешь о реальной истории».

Компенсация наоборот

По словам Соока, когда АНК отверг предложение комиссии о получении компенсации от монополистов, это было особенно несправедливым, учитывая, что правительство продолжало возвращать долги апартеида. В первые годы после переворота они обходились в 30 миллиардов рандов (около 4,5 миллиардов долларов) ежегодно — на фоне того, что партия в итоге выплатила всего 85 миллионов долларов жертвам апартеида и их семьям. Нельсон Мандела говорил, что бремя долгов — единственное препятствие, которое не позволяет выполнить обещания Хартии свободы. «Это 30 миллиардов [рандов], которых нам не хватает на запланированную еще до нашего прихода к власти постройку домов, на то, чтобы наши дети учились в лучших школах, чтобы помочь безработным и чтобы каждый человек имел

³⁷ Thompson G. South African Commission Ends Its Work // *New York Times*. 2003. March 22.

достойную работу, достойный заработок, мог предоставить жилье любимым людям и мог их прокормить... Нас связывает долг, доставшийся нам по наследству»³⁸.

И хотя Мандела понимал, что выплата долгов апартеида была ужасающим бременем, партия отметала все предложения отказаться от этих долгов. Несмотря на то что у них были мощные юридические аргументы не брать на себя «одиозные» долги, они боялись, что, сделай Южная Африка малейшее движение в этом направлении, она покажется инвесторам радикальной и опасной страной, а это означает, что рынок переживет новый шок. Деннис Брутус, старый член АНК, сидевший в тюрьме на острове Роббен, прямо говорит о таком опасении. В 1998 году, видя, какое тяжелое финансовое бремя ложится на новое правительство, он вместе с группой южноафриканских активистов решил для поддержки АНК организовать движение «Юбилей оставления долгов». Брутус, которому теперь за шестьдесят, вспоминал: «Надо сказать, я был очень наивным. Я ожидал, что правительство оценит наше начинание: понимаете, когда рядовые активисты поднимают вопрос о долгах, это помогает правительству освободиться от их тяжести». Но, к его удивлению, «правительство отвергло эту идею, сказав нам: “Нет, нам не нужна ваша поддержка”».

Активистов, таких как Брутус, особенно раздражало решение АНК отдавать этот долг потому, что каждый раз приходилось идти на жертвы. Так, например, между 1997 и 2004 годами южноафриканскому правительству пришлось продать 18 государственных фирм, чтобы выручить на этом четыре миллиарда долларов, но почти половина этих денег пошла на уплату долгов³⁹. Иными словами, правительство не просто отказалось от обещания Манделы провести «национализацию рудников, банков и промышленных монополий», но из-за долга совершало прямо противоположное — распродало национальные богатства, чтобы расплатиться с долгами своих угнетателей.

Это был вопрос о том, на что именно тратятся деньги. Во время переговоров переходного периода команда Ф.В. де Клерка требовала, чтобы все гражданские служащие сохранили свои места работы после передачи власти, а пожелавшие уйти получали большую по-

³⁸ The State and Social Transformation // ANC, discussion document. 1996. November, www.anc.org.za; Thompson G. South Africa to Pay \$3,900 to Each Family of Apartheid Victims // *New York Times*. 2003. April 16; неопубликованное интервью 2001 года с Нельсоном Манделой режиссера Бена Кашдана.

³⁹ Gumede W.M. Thabo Mbeki and the Battle for the Soul of the ANC, p. 108.

жизненную пенсию. Это было слишком наглым требованием в стране, где фактически не существовало системы социальной защиты, но это был один из «технических» вопросов, в котором АНК пошел на уступки⁴⁰. Эта уступка означала, что новое правительство АНК фактически должно было содержать два правительства: свое собственное и теневое правительство белых, лишенное власти. 40 процентов ежегодной выплаты долгов шло в огромный пенсионный фонд страны, причем подавляющее большинство людей, получавших эти деньги, были бывшими служащими апартеида⁴¹.

В итоге Южная Африка произвела компенсацию наоборот, в двух смыслах: белые бизнесмены, которые получали огромные доходы от эксплуатации черной рабочей силы при апартеиде, не дали на компенсацию ни цента, зато жертвы апартеида продолжают посылать большие деньги своим бывшим мучителям. И откуда берутся деньги на такое щедрое дело? От распродажи богатств страны посредством приватизации — это современная форма того самого грабежа, которого АНК пытался избежать любой ценой, сядя за стол переговоров, чтобы не повторилось произошедшее в Мозамбике. Там государственные служащие поломали всю технику, плотно набили свои карманы и ушли; в Южной Африке они продолжают разрушать государственные устои и набивают свои сундуки по сей день.

⁴⁰ *Gumede W.M.* Thabo Mbeki and the Battle for the Soul of the ANC, p.119.

⁴¹ *The Debt Debate: Confusion Heaped on Confusion.* 1998. November—December // South African Communist Party, www.sacp.org.za; *Rudin J.* Apartheid Debt: Questions and Answers // Alternative Information and Development Centre. 1999. March 16, www.aidc.org.za. Фактически одно только это бремя, доставшееся от апартеида, способствует росту долгов страны и одновременно оттягивает на себя ежегодно миллиарды рандов из общественных денег. Эта «техническая» норма в 1989 году вынудила страну перейти с системы выплаты пенсий из текущих доходов, когда пенсии платят из ежегодных поступлений, к системе «полного финансирования», когда фонд имеет в своем распоряжении достаточно наличного капитала, чтобы выплатить в любой момент от 70 до 80 процентов всех своих обязательств, чтобы ни происходило. В результате этот фонд неимоверно раздулся: в 1989 году он составлял 30 миллиардов рандов, а в 2004 году — уже 300 миллиардов. Это смело можно назвать долговым шоком. Для жителей Южной Африки это означает, что огромный капитал, которым независимо пользуется пенсионный фонд, изъят из обращения, так что его нельзя потратить на жилье, здравоохранение и другие важнейшие службы. На такое решение от лица АНК дал согласие Джо Слово, легендарный лидер южноафриканской коммунистической партии, и это продолжает вызывать огромное недовольство среди населения страны по сей день. *Submission on the Public Investment Corporation Draft Bill.* 2004. June 25. Congress of South Africa Trade Unions, www.cosatu.org.za; *Rudin J.* Apartheid Debt, *The Debt Debate.* South African Communist Party.

Когда я приехала в Южную Африку, приближалось 50-летие со дня подписания Хартии свободы, и АНК решил торжественно отметить эту дату медиаспектаклем. На этот день парламент должен был переехать из своего обычного парадного здания в Кейптауне в куда более скромные условия в Клиптауне, где впервые была принята Хартия. Президент Южной Африки Табо Мбеки планировал переименовать центральную часть Клиптауна в Площадь Уолтера Сисулу, в честь одного из самых популярных лидеров АНК. Мбеки должен был также присутствовать на открытии нового монумента Хартии свободы — кирпичной башни с каменными дощечками, на которых выгравирован текст Хартии, освещенными вечным «пламенем свободы». А параллельно возводился еще один монумент — Башни свободы — павильон с белыми и черными цементными колоннами, символизирующими знаменитое положение Хартии: «Южная Африка принадлежит всем, кто в ней живет, черным и белым»⁴².

Несомненно, этими мероприятиями организаторы хотели сказать: 50 лет назад партия обещала принести Южной Африке свободу, и вот — она это совершила. Это было торжество в честь того, что АНК выполнил свою миссию.

Но была одна странность в этом праздновании. Клиптаун — бедный район пестрых лачуг, по улицам которого текут нечистоты, где безработица теперь намного превышает показатели времен апартеида и достигает 72 процентов, — больше похож на символ невыполненных обещаний, чем на фон для праздника, о котором так много говорили⁴³. Выяснилось, что мероприятие готовили не люди из АНК, но странная организация под названием Blue IQ. Официально эта организация относится к местному правительству, однако Blue IQ «работает в столь прекрасно созданных условиях, что больше похожа на компанию из частного сектора, чем на правительственный орган», как сообщает глянцева брошюра — роскошная и вся в голубом цвете, — изданная этой компанией. Она старается привлечь новых иностранных инвесторов в Южную Африку, выполняя программу АНК по «перераспределению через рост».

Blue IQ рассматривает туризм как важную сферу для инвестирования, ее маркетинговые исследования показывают, что многих туристов, посетивших Южную Африку, притягивает слава партии

⁴² The Freedom Charter.

⁴³ Mokonyane N. Budget Speech for 2005/06 Financial Year by MEC for Housing in Gauteng // Speech made in the Guateng Legislature. 2005. June 13, www.info.gov.za.

АНК, добившейся победы над угнетением. Blue IQ, в стремлении использовать этот мотив, решила, что наилучшим символом победы над противником в Южной Африке является Хартия свободы. И компания разработала проект превращения Клиптауна в парк отдыха, посвященный Хартии, «туристический центр мирового класса и памятник истории, где местные и иностранные посетители получают неповторимые впечатления»: там будет музей, аллея, на которой торгуют сувенирами, связанными с Хартией, а также современный отель «Свобода» из стекла и стали. Нынешние труппы превратятся в «процветающий и притягивающий к себе» пригород Йоханнесбурга, а многие из теперешних обитателей этого района переселятся в труппы меньшей исторической ценности⁴⁴.

Планируя сделать новый бренд из Клиптауна, Blue IQ играет по правилам свободного рынка: она создает условия для инвестиций в надежде, что в результате в этом месте появятся рабочие места. Этот проект отличает от подобных одна особенность: сама притягательность Клиптауна основана на том, что 50 лет назад тут был принят документ, призывавший к куда более прямому способу ликвидации бедности. Хартия призывала перераспределить землю, чтобы она могла кормить миллионы людей, и вернуть народу рудники, чтобы их богатства позволяли строить дома и необходимые службы, одновременно давая людям работу. Иными словами, это был путь для обычных людей. Может показаться, что все это утопичный популизм. Однако после стольких экспериментов с доктриной чикагской школы, быть может, стоит отнести к разряду мечтателей именно тех, кто все еще верит, что программы наподобие парка свободы, которые обернутся выгодой для корпораций и усугубят трудности самых бедных людей, помогут решить неотложные проблемы здоровья и доходов 22 миллионов жителей Южной Африки, все еще живущих в нищете⁴⁵.

Прошло уже больше десятка лет с тех пор, как Южная Африка выбрала тэтчеризм, но результаты этого эксперимента в стране, которая известна своим стремлением к справедливости, просто скандальны.

- С 1994 года, когда АНК пришел к власти, количество людей, которые живут менее чем на 1 доллар в день, удвоилось и возросло с 2 до 4 миллионов к 2006 году⁴⁶.

⁴⁴ Davie L., Alexander M. Kliptown and the Freedom Charter. 2005. June 27, www.southafrica.info; Blue IQ. The Plan for a Smart Province — Guateng.

⁴⁵ Gumede W.M. Thabo Mbeki and the Battle for the Soul of the ANC, p. 215.

⁴⁶ Baldauf S. Class Struggle: South Africa's New, and Few, Black Rich // *Christian Science Monitor*.

- Между 1991 и 2002 годами процент безработных среди чернокожих жителей Южной Африки вырос более чем вдвое, с 23 до 48 процентов⁴⁷.
- Из 35 миллионов черных граждан Южной Африки лишь 5000 имеют доход свыше 60 тысяч долларов в год. Количество белых в последней категории в 20 раз больше, причем заработок многих из них значительно превосходит эту сумму⁴⁸.
- Правительство АНК построило 1,8 миллиона домов, но за то же время 2 миллиона людей потеряли жилье⁴⁹.
- За первое десятилетие демократии около 1 миллиона крестьян разорились⁵⁰.
- Количество людей, живущих в трущобах, увеличилось на 50 процентов. На 2006 год более одного из каждых четырех южноафриканцев жили в хижинах в нелегальных поселениях, многие из которых лишены водопровода и электричества⁵¹.

Лучше всего демонстрирует судьбу обещаний о свободе то, как различные части южноафриканского общества относятся к Хартии свободы. Еще недавно этот документ казался ужасной угрозой для привилегированного белого населения; сегодня в честь Хартии устраивают праздники бизнесмены и жильцы поселков, защищенных заборами, видя в ней выражение доброй воли, симпатичный и совершенно безопасный документ вроде правил корпоративного поведения.

Но в бедных пригородах, таких как Клиптаун, где была создана Хартия, ее обещания кажутся столь мучительными, что людям не хочется о них даже думать. Многие южноафриканцы проигнорировали юбилейные торжества, организованные правительством. «Содержание Хартии свободы прекрасно, — сказал мне С'бу Зикоде, лидер ра-

2006. October 31; Human Development Report 2006 // United Nations Development Programme, www.undp.org.

⁴⁷ South Africa: The Statistics // *Le Monde Diplomatique*. 2006. September; Wines M., LaFraniere S. Decade of Democracy Fills Gaps in South Africa // *New York Times*. 2004. April 26.

⁴⁸ Robinson S. The New Rand Lords.

⁴⁹ Wines M. Shantytown Dwellers in South Africa Protest the Sluggish Pace of Change // *New York Times*. 2005. December 25.

⁵⁰ Wegerif M., Russell B., Grundling I. Summary of Key Findings from the National Evictions Survey. Polokwane, South Africa: Nkuzi Development Association, 2005. P. 7, www.nkuzi.org.za.

⁵¹ Wines M. Shantytown Dwellers in South Africa Protest the Sluggish Pace of Change.

стущего движения жителей трущоб Дурбана. — Но все, что я вижу, говорит о предательстве».

Самый убедительный аргумент, заставивший АНК отказаться от обещанного Хартией свободы перераспределения земли, звучал весьма банально: все так делают. Вишну Падаячи описал сообщение, полученное руководством АНК от «западных правительств, МВФ и Всемирного банка. Они сказали: “Мир изменился, и сегодня эту левую чепуху всерьез никто не воспринимает, у игры остался один-единственный набор правил”». Гумеде пишет: «АНК был совершенно не готов сопротивляться этой неожиданной атаке. Люди, занимавшие ключевые посты в стране, регулярно посещали центральные офисы таких международных организаций, как Всемирный банк и МВФ, а в 1992 и 1993 годах некоторые сотрудники АНК, часть которых не получили вообще никакого экономического образования, принимали участие в кратковременных курсах подготовки руководителей в иностранных школах бизнеса, инвестиционных банках и Всемирном банке, где их “держали на строгой диете неолиберальной идеологии”. От этого у многих закружилась голова. Международное сообщество еще не соблазняло ни одно правительство с такой скоростью»⁵².

Мандела испытывал на себе особое давление коллег по политической элите на встрече с лидерами Европы на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 1992 году. Когда Мандела указал на то, что Южная Африка не делает ничего нового по сравнению с тем, что происходило в Европе после Второй мировой войны в рамках плана Маршалла, министр финансов Голландии отмел этот аргумент: «Так мы это понимали в те времена. Но экономические системы всех стран мира взаимосвязаны. Процесс глобализации углубляется. Ни одна страна не может развивать свою экономику независимо от экономик других стран»⁵³.

Когда руководители, подобные Манделе, встречались с теми, кто распространял глобализацию, им указывали, что даже правительства с ярко выраженной левой ориентацией принимают «вашингтонский консенсус»: так поступают и коммунисты Вьетнама и Китая, и профсоюзные деятели Польши, и социал-демократы Чили, освободившись от власти Пиночета. Даже русские начали понимать важность

⁵² Gumede W.M. Thabo Mbeki and the Battle for the Soul of the ANC, p. 72. Гумеде цитирует по: Adelzadeh A. From the RDP to GEAR: The Gradual Embracing of Neo-liberalism in Economic Policy // *Transformation*. 1996. P 31.

⁵³ Gumede W.M. Thabo Mbeki and the Battle for the Soul of the ANC, p. 70.

неолиберальной программы. В момент самой трудной для АНК стадии переговоров в Москве разгорелась лихорадочная деятельность в пользу корпоративизма: богатства государства распродавались аппаратчикам, превратившимся в предпринимателей, с невероятной скоростью. Если это делают в Москве, почему потрепанная испытаниями горстка борцов за свободу Южной Африки хочет противостоять столь мощной волне глобализации?

Об этом заявляли юристы, экономисты и социальные работники, которые быстро образовали своеобразную индустрию «переходов» — команды экспертов, которые разъезжают по странам, искалеченным войнами, и городам, переживающим кризис, и везут с собой новейшие рецепты: эффективные новейшие решения из Буэнос-Айреса, удивительные истории успехов Польши, страшный рев «азиатских тигров». «Транзитологи» (как их назвал политолог Нью-йоркского университета Стивен Коэн) имели ряд преимуществ перед политиками, которым они давали советы: первые представляли собой сверхмобильный класс людей, а вторые всегда знали только о жизни своей страны⁵⁴. В силу самой своей природы люди, активно занятые реформами, фокусируют внимание на истории и конфликтах своей страны и часто теряют способность внимательно следить за всем происходящим за границей. И об этом остается сожалеть: если бы руководители АНК могли поставить под сомнение слова многочисленных транзитологов и попытались бы самостоятельно разобраться в том, что на самом деле происходит в Москве, Варшаве, Буэнос-Айресе и Сеуле, они бы увидели совершенно иную картину.

⁵⁴ *Cohen S.F. Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia. New York: W.W. Norton & Company, 2001. P. 30.*

КОСТЕР ДЛЯ НОВОЙ ДЕМОКРАТИИ:

РОССИЯ ВЫБИРАЕТ «ПЛАН ПИНОЧЕТА»

Части живого города нельзя продавать с аукциона, забыв о существовании местных традиций, даже если они кажутся чудными иностранцам... Но это наши традиции и наш город. Долгие годы мы жили под диктатом коммунистов, а теперь открыли, что жизнь под диктатом бизнесменов ничуть не лучше. Мало кто столь же пренебрежительно относится к стране, как они.

Григорий Горин, русский писатель, 1993 г.¹

Распространяйте эту истину — законы экономики подобны законам техники. Один ряд законов одинаково действует везде.

Лоренс Саммерс, главный экономист Всемирного банка, 1991 г.²

Когда президент Советского Союза Михаил Горбачев в июле 1991 года прилетел в Лондон, чтобы впервые посетить саммит Большой семерки, он был вправе ожидать, что его примут как героя. На протяжении предшествовавших трех лет он получил признание на международной арене, покоряя СМИ, подписывая договоры о разоружении и собирая премии мира, включая Нобелевскую премию за 1990 год.

¹ *Kagarlitsky B. Square Wheels: How Russian Democracy Got Derailed / Trans. L.A. Auerbach et al. New York: Monthly Review Press, 1994. P. 191.*

² *Keegan W. The Spectre of Capitalism: The Future of the World Economy After the Fall of Communism. London: Radius, 1992. P. 109.*

Ему даже удалось нечто совершенно неслыханное — покорить американскую публику. Русский лидер настолько ярко опровергал карикатуры на империю зла, что пресса США начала с симпатией называть его Горби, а в 1987 году журнал *Time* принял рискованное решение объявить советского президента человеком года. Редакторы объясняли, что, в отличие от своих предшественников («горгулий в меховых шапках»), Горбачев был русским Рональдом Рейганом — «кремлевской версией этого великого коммуникатора». Нобелевский комитет благодарил Горбачева за его вклад: «Мы надеемся, что сегодня празднуем окончание холодной войны»³.

К началу 1990-х благодаря процессам гласности и перестройки Советский Союз под руководством Горбачева сделал значительное продвижение в сторону демократизации: пресса стала свободной, местные советы, президент и вице-президент были выбраны путем голосования, а Конституционный Суд получил независимость. Что же касается экономики, Горбачев думал о смешанной программе с элементами свободного рынка и системой социальной защиты, когда ключевые промышленные объекты остаются под контролем общества; он думал, что на реализацию программы уйдет 10—15 лет. Его целью было построение демократии по скандинавской модели, которая была «путеводной звездой социализма для всего человечества»⁴.

На первый взгляд казалось, что Запад также желает, чтобы Горбачев добился успеха, освободив советскую экономику и превратив ее в нечто вроде экономики Швеции. Нобелевский комитет прямо дал понять, что эта премия выражает поддержку его стремлениям — это «рука помощи в нелегкий час». А Горбачев, посетив Прагу, заявил, что не сможет сделать этого в одиночку: «Как альпинисты, связанные одной веревкой, народы мира могут либо подниматься к вершине вместе, либо вместе упадут в бездну», — сказал он⁵.

Произошедшее в 1991 году на встрече Большой семерки было полной неожиданностью. Почти единодушно главы государств дали Горбачеву понять, что если он немедленно не обратится к радикальной шоковой терапии своей экономики, они обрежут веревку, и он упадет

³ Church G.J. The Education of Mikhail Sergeyevich Gorbachev; Anderson G. The Nobel Peace Prize 1990 Presentation Speech, www.nobelprize.org.

⁴ Pomer M. Introduction // The New Russia: Transition Gone Awry / Eds. L.R. Klein, M. Pomer. Stanford: Stanford University Press: 2001. P. 1.

⁵ Anderson G. The Nobel Peace Prize 1990 Presentation Speech; Church G.J. The Education of Mikhail Sergeyevich Gorbachev.

в пропасть. «Их предложения относительно скорости и методов перехода меня поразили», — писал Горбачев об этом событии⁶.

Польша только что прошла первый курс шоковой терапии под наблюдением МВФ и Джеффри Сакса, и, по общему мнению премьер-министра Великобритании Джона Мейджора, американского президента Джорджа Буша-старшего, канадского премьер-министра Брайана Малрони и премьер-министра Японии Тошики Кайфу, Советский Союз должен был последовать за Польшей и даже совершить переход еще быстрее. После этой встречи Горбачев услышал подобные указания от МВФ, Всемирного банка и других крупнейших кредитных учреждений. Позднее в том же году, когда Россия попросила освободить ее от долгов, чтобы выйти из катастрофического экономического кризиса, страна получила жесткий ответ, что эти обязательства необходимо соблюдать⁷. С того времени, когда Сакс добивался смягчения долговых обязательств и предоставления помощи Польше, господствующее настроение изменилось не в пользу щедрости.

Произошедшее потом — распад Советского Союза, восхождение Ельцина, затмившего Горбачева, и бурное осуществление шоковой терапии российской экономики — хорошо известная глава современной истории. Тем не менее эти события описывают на языке «реформ», а это средство позволяет замалчивать одно из крупнейших преступлений против демократии в современной истории. Россия, подобно Китаю, стояла перед выбором: экономическая программа чикагской школы или подлинная демократическая революция. Для решения этой дилеммы лидеры Китая пошли в наступление на собственный народ, чтобы демократия не расстроила их собственные планы, связанные со свободным рынком. В России ситуация была иной: демократическая революция уже была в разгаре. Чтобы реализовать экономическую программу чикагской школы, пришлось насильственно прервать мирный и обнадеживающий процесс, начатый Горбачевым, а затем полностью от него отказаться.

⁶ *Gorbachev M. Foreword // The New Russia, p. xiv.*

⁷ Беспрецедентный коллективный ответ призывал к «радикальной реформе и настаивал на том, чтобы параллельно с осуществлением программы стабилизации были открыты границы для торговли», о чем пишет Дэни Родрик в главе 8 *International Monetary Fund, The World Bank, Organization for Economic Cooperation and Development, European Bank for Reconstruction and Development*, см.: *Rodrik D. The Economy of the USSR: Summary and Recommendations. Washington, DC: World Bank, 1990*; интервью автора с Джеффри Саксом, октябрь 2006 года, Нью-Йорк.

Горбачев понимал, что применить шоковую терапию, к которой призывали его лидеры Большой семерки и МВФ, можно было только с помощью одного средства — силы, это понимали и многие люди на Западе. Журнал *The Economist* в известной статье 1990 года призывал Горбачева быть «сильным человеком... и подавить сопротивление, которое препятствует серьезным экономическим реформам»⁸. Прошло всего две недели после того, как Нобелевский комитет провозгласил окончание холодной войны, и вот *The Economist* советует Горбачеву брать пример с одного из самых скандальных убийц времен холодной войны. Статья под заголовком «Михаил Сергеевич Пиночет?» сообщала, что хотя такой совет «потенциально способен вызвать кровопролитие... возможно, нельзя исключить, что пришла очередь Советского Союза применить так называемый подход Пиночета к либеральной экономике». *Washington Post* пошла еще дальше. В августе 1991 года там появилась статья под заголовком «Чили при Пиночете: прагматическая модель для советской экономики». Статья развивала идею государственного переворота, который позволил бы избавиться от медлительного Горбачева, но автор, Майкл Шрейдж, сожалел, что противники советского президента «не обладают ни нужной смекалкой, ни поддержкой для осуществления плана Пиночета». Они должны брать пример, писал Шрейдж, с «деспота, который действительно знал, как совершить переворот: с генерала на пенсии Аугусто Пиночета»⁹.

И вскоре Горбачев столкнулся с противником, который страстно желал сыграть роль русского Пиночета. Борис Ельцин, хотя и занимал пост Президента России, пользовался гораздо меньшей властью, чем Горбачев, глава Советского Союза. Ситуация резко изменилась 19 августа 1991 года, через месяц после саммита Большой семерки. Группа из старой гвардии коммунистов повела танки на Белый дом (здание парламента России). В попытке остановить демократизацию они осмелились напасть на первый избранный парламент страны. Над толпой россиян, собравшихся для защиты своей юной демократии, на танке стоял Борис Ельцин, который назвал это нападение «циничной попыткой совершить правый переворот»¹⁰. Танки прекратили наступление, а Ельцин прославился как отважный поборник демократии.

⁸ Order, Order // *The Economist*. 1990. December 22.

⁹ Там же; *Schrage M. Pinochet's Chile a Pragmatic Model for Soviet Economy // Washington Post*. 1991. August 23.

¹⁰ «Возвращение царя» — эпизод из программы «Фронтлайн» серии телепередач PBS (продюсер Шерри Джонс), показанный 9 мая 2000 года.

Один из защитников Белого дома, который в те дни был на улицах, описывал это событие такими словами: «Впервые я почувствовал, что реально могу изменить ситуацию в моей стране. Все испытывали подъем, возникло чувство единства. Мы ощущали себя непобедимыми»¹¹.

Ельцин в качестве лидера во всем был антиподом Горбачева. Горбачев стоял за умеренность и трезвость (среди его самых спорных мероприятий была агрессивная антиалкогольная кампания) — Ельцин же славился чревоугодием и много пил. До попытки переворота многие россияне сдержанно относились к Ельцину, но когда он помог спасти демократию от коммунистического заговора, то стал, по крайней мере на тот момент, народным героем.

Ельцин немедленно использовал этот триумф для усиления своей политической власти. Пока сохраняется Советский Союз, у него всегда будет меньше власти, чем у Горбачева, но в декабре 1991 года, четыре месяца спустя после попытки переворота, Ельцин делает новый политический ход. Он формирует альянс с двумя другими союзными республиками, и это мгновенно ведет к распаду Советского Союза, так что Горбачев вынужден уйти в отставку. Отказ от Советского Союза — «единственной страны, которую знало подавляющее большинство россиян», оказалось сильным шоком для русской души и, как пишет политолог Стивен Коэн, это был первый из «трех травматических шоков», с которыми россияне столкнулись в течение трех последующих лет¹².

Джеффри Сакс был в Кремлевском дворце в тот день, когда Ельцин объявил, что Советского Союза более не существует. Как вспоминает Сакс, российский президент сказал: «Господа, я хочу вам сообщить, что Советский Союз завершил свое существование...» И я сказал: «Ого! Знаете ли, такое бывает раз в 100 лет. Это самая невероятная вещь, какую только можно себе представить, это настоящее освобождение, надо помочь этому народу»¹³. Ельцин пригласил Сакса в Россию в качестве советника, и Сакс с радостью согласился: «Если это смогла сделать Польша, сможет и Россия», — заявил он¹⁴.

Сакс нужен был Ельцину не только в качестве советника, но и чтобы помочь найти деньги, как он это успешно делал для Польши.

¹¹ Nikitin V. '91 Foes Linked by Anger and Regret // *Moscow Times*. 2006. August 21.

¹² Cohen St.F. America's Failed Crusade in Russia // *The Nation*. 1994. February 28.

¹³ Интервью автора с Джеффри Саксом, октябрь 2006 года, Нью-Йорк.

¹⁴ Passell P. Dr. Jeffrey Sachs, Shock Therapist.

«Единственной надеждой, — говорил Ельцин, — остаются обещания Большой семерки быстро оказать нам финансовую помощь в больших размерах»¹⁵. Сакс сказал Ельцину, что он уверен: если Москва решится на «большой взрыв» ради создания капиталистической экономики, он сможет найти примерно 15 миллиардов долларов¹⁶. Им надо совершать великие дела и действовать с большой скоростью. Ельцин тогда не подозревал, что фортуна уже вскоре должна была отвернуться от Сакса.

Поворот России к капитализму, сопровождавшийся коррупцией, во многом походил на те явления, что два года назад вызвали демонстрации на площади Тяньаньмэнь в Китае. Мэр Москвы Гавриил Попов утверждал, что было лишь два способа изменить централизованную экономику: «Можно разделить собственность между всеми членами общества либо раздать самые привлекательные ее части начальникам... Другими словами, существует демократический подход и существует номенклатурный подход в интересах аппаратчиков»¹⁷. Ельцин избрал второй путь — и действовал стремительно. В конце 1991 года он обратился к парламенту с необычным предложением: если ему дадут на год чрезвычайные полномочия, когда он сам будет издавать указы без ратификации в парламенте, то он справится с экономическим кризисом и восстановит процветающую и здоровую систему. Фактически Ельцин просил себе ту власть, которой пользуются диктаторы, а не демократы, но парламент еще чувствовал благодарность президенту за его действия в момент попытки переворота, а страна отчаянно нуждалась в иностранной помощи. И парламент согласился: Ельцин получит один год абсолютной власти для переделки российской экономики.

Он собрал команду экономистов, многие из которых в последние годы коммунистической эпохи образовали нечто вроде книжного клуба, где изучали все важнейшие труды чикагской школы и обсуждали между собой, как эти теории можно было бы применить на практике в России. Хотя они никогда не учились в США, но были настолько преданными фанатами Милтона Фридмана, что в российской прессе команду Ельцина прозвали «чикагскими мальчиками», скопировав название с давно существовавшего оригинала, что соот-

¹⁵ Reddaway P., Glinski D. *The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy*. Washington, DC: United States Institute for Peace Press, 2001. P. 291.

¹⁶ Sachs J.D. *The End of Poverty*, p. 137.

¹⁷ Reddaway P., Glinski D. *The Tragedy of Russia's Reforms*, p. 253.

ветствовало процветавшему в России черному рынку. На Западе их прославляли как «молодых реформаторов». Эту группу возглавлял Егор Гайдар, которого Ельцин назначил одним из двух заместителей премьер-министра. Петр Авен, министр в 1991—1992 годах, входивший в ближний круг Ельцина, вспоминал об этой группе: «Они отождествляли себя с Богом, поскольку верили в свое неоспоримое превосходство, и это, к сожалению, было типичной чертой наших реформаторов»¹⁸.

Говоря о группе, внезапно пришедшей к власти, российская «Независимая газета» с удивлением отмечала, что «впервые в России в правительство вошла команда либералов, считающих себя последователями Фридриха фон Хайека и чикагской школы Милтона Фридмана». Их программа «достаточно ясна: “строгая финансовая стабилизация” по рецепту шоковой терапии». Газета обратила внимание на один интересный факт: в тот же самый момент, когда Ельцин набрал эту команду, он сделал известного силовика Юрия Скокова «главой министерств защиты и репрессий: армии, Министерства внутренних дел и Комитета гражданской обороны». Эти два события, без сомнения, были связаны: «Возможно, силовик Скоков сможет обеспечить жесткую стабилизацию в политике, тогда как “силовики-экономисты” обеспечат стабилизацию в экономике». Статья заканчивалась предсказанием: «Не стоит удивляться, если они попытаются построить нечто вроде доморощенной системы Пиночета, где роль “чикагских мальчиков” сыграет команда Гайдара»¹⁹.

Чтобы обеспечить «чикагских мальчиков» Ельцина идеологической и технической поддержкой, правительство США оплатило работу экспертов по переходному периоду, которые отвечали за самые различные вещи: писали указы о приватизации, создавали фондовую биржу нью-йоркского типа, разрабатывали для России рынок инвестиционных фондов. Осенью 1992 года USAID заключила контракт на 2,1 миллиона долларов с Гарвардским институтом международного развития, который посылал команды молодых юристов и экономистов для поддержки команды Гайдара. В мае 1995 года Гарвард назначил Сакса директором Института международного развития — это означало, что в России в период реформ он играл двойную роль: сначала был неза-

¹⁸ The Agony of Reform // Commanding Heights: The Battle for the World Economy. Boston: Heights Productions, 2002; Reddaway P., Glinski D. The Tragedy of Russia's Reforms, pp. 237, 298.

¹⁹ Leontyev M. Two Economists Will Head Russian Reform; Current Digest of the Soviet Press // Nezavisimaya Gazeta. 1991. November 9, обзор опубликован 11 декабря 1991 года.

висимым советником Ельцина, а затем возглавил крупнейший форпост Гарварда в России, финансируемый правительством США.

И снова группа, претендующая на роль революционеров, работала над созданием радикальной экономической программы в тайне. Дмитрий Васильев, один из ведущих реформаторов, вспоминает: «Поначалу у нас не было ни одного работника, даже секретарши. Не было и техники, даже факса. И в этих условиях всего за полтора месяца мы должны были написать всеобъемлющую программу приватизации, создать 20 нормативных законов... Этот период был полон романтики»²⁰.

28 октября 1991 года Ельцин объявил об упразднении контроля над ценами, сообщив, что «либерализация цен поставит все на свои места»²¹. «Реформаторы» выждали всего одну неделю со дня отставки Горбачева и начали осуществлять свою экономическую программу — это был второй из трех травматических шоков. Программа шоковой терапии также включала в себя свободную торговлю и первый этап стремительной приватизации примерно 225 тысяч компаний страны, принадлежавших государству²².

«Программа чикагской школы застала страну врасплох», — вспоминает один из тогдашних экономических советников Ельцина²³. И эта неожиданность планировалась, она входила в стратегию Гайдара произвести перемены столь стремительно и внезапно, чтобы сделать сопротивление невозможным. Его команда сталкивалась все с той же проблемой: демократия грозила сорвать их планы. Россиянам не нравилась экономика, организованная Центральным Комитетом Компартии, но многие все еще крепко верили в перераспределение богатств и думали, что правительство нуждается в общественности. Подобно сторонникам «Солидарности» в Польше, 67 процентов россиян, по данным опроса 1992 года, считали, что лучше всего передать собственность коммунистического государства кооперативам рабочих, а 79 процентов заявили, что полное обеспечение населения рабочими местами — это важнейшая функция правительства²⁴. Это означало, что если бы Ельцин представил свой план на демо-

²⁰ *Freeland Ch. Sale of the Century: Russia's Wild Ride from Communism to Capitalism. New York: Crown, 2000. P. 56.*

²¹ Доклад Б.Н. Ельцина Съезду народных депутатов РСФСР об основных направлениях экономической реформы (28 октября 1991 года).

²² *McClintick D. How Harvard Lost Russia // Institutional Investor. 2006. January 1.*

²³ *Arbatov G. Origins and Consequences of «Shock Therapy» // The New Russia, p. 171.*

²⁴ *Mau V. Russia // The Political Economy of Policy Reform, p. 435.*

кратическое обсуждение, не превратив его в вероломное нападение на и без того глубоко дезориентированное общество, у чикагской революции не было бы шансов на успех.

Владимир Мау, тогдашний советник Бориса Ельцина, объяснял, что «наиболее благоприятным условием для реформ» является «усталое общество, утомленное от предшествовавших политических сражений... Вот почему правительство накануне либерализации цен было уверено, что социальные столкновения невозможны и правительство не будет скинуто в результате народного возмущения». Подавляющее большинство россиян — 70 процентов — возражали против устранения контроля над ценами, однако «мы могли видеть, что люди, как и сегодня, больше интересовались урожаем на своих земельных [садовых] участках и в целом своим собственным экономическим положением»²⁵.

Джозеф Стиглиц, который был тогда главным экономистом Всемирного банка, кратко выразил принципы работы шоковых терапевтов. Для этого он воспользовался уже знакомыми метафорами: «Лишь стремительная атака в тот момент, когда “туман переходного периода” открывает “окно возможностей”, позволяет осуществить перемены, прежде чем население обретет способность встать на защиту своих прежних кровных интересов»²⁶. Это и есть доктрина шока.

Стиглиц называл русских реформаторов «большевиками рынка» за их преданность идее разрушительной революции²⁷. Однако настоящие большевики намеревались создать свое государство централизованного планирования на обломках старого, в то время как большевики рынка верили в своеобразное волшебство: если создать оптимальные условия для получения прибыли, страна воссоздаст сама себя и никакого планирования не потребуется. (Эта же вера 10 лет спустя обрела новую жизнь в Ираке.)

Ельцин давал опрометчивые обещания, что «примерно на шесть месяцев ситуация ухудшится», но затем начнется восстановление, и вскоре Россия вновь станет экономическим титаном, одной из четырех крупнейших экономических держав в мире²⁸. Эта логика творческого разрушения создала ситуацию дефицита и эскалацию раз-

²⁵ *Mau V. Russia*, pp. 434—435.

²⁶ *Stiglitz J.E. Preface // The New Russia*, p. xxii.

²⁷ *Stiglitz J.E. Globalization and Its Discontents*, p. 136.

²⁸ Доклад Б.Н. Ельцина Съезду народных депутатов РСФСР об основных направлениях экономической реформы (28 октября 1991 года).

рушения. Всего за один год шоковая терапия опустошила страну: миллионы россиян из среднего класса потеряли все свои сбережения при обесценивании денег, а резкое сокращение субсидий привело к тому, что миллионы работников месяцами не получали зарплаты²⁹. Уровень потребления среднего россиянина в 1992 году снизился на 40 процентов по сравнению с 1991 годом, и треть населения жила за чертой бедности³⁰. Люди из среднего класса были вынуждены распродавать свои личные вещи с картонных ящиков на улицах — акт безысходности, в то время как продажу семейной ценности или яркой поношенной курточки экономисты чикагской школы хвалили как «предпринимательство», признак приближающегося капиталистического возрождения³¹.

Как и в Польше, россияне в итоге поняли, чего хотят власти, и начали требовать приостановки экономического садизма («хватит экспериментов» — было популярным граффити в Москве того времени). Под давлением избирателей парламент, выбранный народом, — те самые люди, которые помогли подняться Ельцину по лестнице власти, — решили, что пора приструнить президента и его доморощенных «чикагских гениев». В декабре 1992 года они проголосовали за отставку Гайдара, а в марте 1993 года, — за отмену чрезвычайных полномочий, которыми наделили Ельцина, чтобы тот мог внедрять экономические законы своими указами. Срок особого периода закончился, и результаты были кошмарными; с этого момента законы должны проходить через парламент — это стандартная процедура для либеральной демократии, которая описана и в Конституции России.

Депутаты действовали совершенно законно, но Ельцин привык к своей неограниченной власти и стал считать себя не президентом, а скорее монархом (он часто называл себя Борисом Первым). Чтобы подавить «бунт» в парламенте, он выступил по телевидению и объявил чрезвычайное положение для восстановления своей «царской власти». Три дня спустя независимый Конституционный Суд РФ (создание которого было одним из великих вкладов Горбачева в демократизацию страны) девятью голосами против трех признал,

²⁹ *Cohen St.F. Can We «Convert» Russia? // Washington Post. 1993. March 28; Womack H. Russians Shell Out as Cashless Society Looms // Independent. London. 1992. August 27.*

³⁰ *Russian Economic Trends. 1997. С. 46; цит. по: Gustafson T. Capitalism Russian-Style. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 171.*

³¹ *The Agony of Reform.*

что Ельцин, захватив власть, нарушил по восьми различным пунктам ту самую Конституцию, которой обещал следовать.

До этого момента еще можно было делать вид, что «экономическая реформа» и демократическая реформа в России являются двумя частями одного проекта. Но когда Ельцин объявил чрезвычайное положение, две эти вещи столкнулись в конфликте: Ельцин со своей шоковой терапией противостоял избранному народом парламенту и Конституции.

Тем не менее Запад был на стороне Ельцина, которого все еще считали прогрессивным лидером, «искренне преданным свободе и демократии и искренне преданным реформам», по словам тогдашнего президента США Билла Клинтона³². Западная пресса преимущественно также защищала Ельцина от его парламента, где, как презрительно писали журналисты, заседали «твердолобые коммунисты», пытающиеся повернуть вспять экономические реформы³³. Как сообщал глава московского бюро газеты *New York Times*, у депутатов был «советский менталитет: подозрительное отношение к реформе, непонимание демократии, презрение к интеллектуалам или “демократам”»³⁴.

Фактически те же самые политические деятели, несмотря на все их недостатки (а если вспомнить количество депутатов — 1041, недостатков было полно), вместе с Ельциным и Горбачевым в 1991 году противостояли сторонникам жесткой политики, замышлявшим переворот, голосовали за ликвидацию Советского Союза и до недавнего момента активно поддерживали Ельцина. И тем не менее газета *Washington Post* предпочитала пренебрежительно называть парламентариев России «антиправительством», как будто они незаконно проникли в парламент и не были частью правящей группы³⁵.

Весной 1993 года ситуация стала еще напряженнее, когда парламент принял бюджетный законопроект, не соответствующий требованиям МВФ относительно жесткого самоограничения. В ответ Ельцин попытался распустить парламент. Он спешно организовал референдум — при поддержке прессы в духе Оруэлла, — где избирателям был задан вопрос: согласны ли они на роспуск парламента и прове-

³² Ifill G. Clinton Meets Russian on Assistance Proposal // *New York Times*. 1993. March 25.

³³ Gray M. After Bloody Monday // *Maclean's*. 1993. October 18; Boulton L. Powers of Persuasion // *Financial Times*. London. 1993. November 5.

³⁴ Schmemmann S. The Fight to Lead Russia // *New York Times*. 1993. March 13.

³⁵ Shapiro M., Hiatt F. Troops Move in to Put Down Uprising After Yeltsin Foes Rampage in Moscow // *Washington Post*. 1993. October 4.

дение внеочередных выборов? Ельцин не набрал достаточного количества голосов, чтобы получить необходимые полномочия. Но он все равно объявил о победе, заявив, что страна стоит за него, потому что на референдуме был предложен еще один ни к чему не обязывающий вопрос о том, поддерживают ли избиратели его реформы. Незначительное большинство ответило на этот вопрос утвердительно³⁶.

В России референдумы обычно воспринимаются как орудие пропаганды, так что замысел президента не удался. На самом деле Ельцин вместе с Вашингтоном ничего не могли поделать с парламентом, который законно действовал в соответствии с Конституцией, замедляя темпы шоковой терапии и преобразований. Началась мощная кампания давления. Лоренс Саммерс, тогда заместитель главы Казначейства США, предупреждал о том, что «надо поддерживать и интенсифицировать ход реформы в России, оказывая постоянную и всестороннюю помощь»³⁷. МВФ прислушался к этим словам, и его неизвестный служащий слил в прессу информацию о том, что выдача обещанного займа в 1,5 миллиарда долларов не состоится, потому что МВФ «недоволен медлительностью России в деле реформ»³⁸. Петр Авен, бывший министр Ельцина, говорил: «Маниакальная одержимость МВФ вопросами бюджетной и монетарной политики и совершенно поверхностный и формальный подход ко всему остальному... сыграли немалую роль в том, что произошло»³⁹.

А произошло вот что: на другой день после утечки информации из МВФ Ельцин, рассчитывая на помощь Запада, совершил первый необратимый шаг к тому, что сегодня называют «планом Пиночета»: он издал Указ № 1400, где объявлял об отмене Конституции и роспуске Верховного Совета. Два дня спустя парламент на специальной сессии проголосовал за импичмент Ельцину (636 голосов против 2) за его возмутительные действия — это было равносильно тому, как если бы президент США в одностороннем порядке распустил Конгресс. Вице-президент Александр Руцкой заявил, что Россия уже «дорого заплатила за политический авантюризм» Ельцина и реформаторов⁴⁰.

³⁶ *White J.K., Davies Ph.J. Political Parties and the Collapse of the Old Orders. Albany: State University of New York Press, 1998. P. 209.*

³⁷ *Testimony Statement by the Honorable Lawrence H. Summers Under Secretary for International Affairs U.S. Treasury Department Before the Committee on Foreign Relations of the U.S. Senate, September 7, 1993.*

³⁸ *Reddaway P., Glinski D. The Tragedy of Russia's Reforms, p. 294.*

³⁹ Там же, p. 299.

⁴⁰ *Bohlen C. Rancor Grows in Russian Parliament // New York Times. 1993. March 28.*

Вооруженное столкновение между Ельциным и парламентом было уже неизбежным. Несмотря на то что Конституционный Суд снова признал действия Ельцина антиконституционными, Клинтон продолжал поддерживать президента России, а Конгресс проголосовал за оказание ему помощи в размере 2,5 миллиарда долларов. Приобретенный Ельцин отдал приказ окружить Белый дом и отключить в здании электричество, отопление и телефоны. Борис Кагарлицкий, директор Института глобализации и социальных движений в Москве, рассказывал мне, что сторонники русской демократии «приходили тысячами, пытаясь прорвать блокаду. Затем последовали две недели мирных демонстраций перед войсками и полицией, в результате чего блокада была частично снята, так что можно было принести в здание парламента пищу и воду. Это мирное сопротивление приобретало все бóльшую популярность и с каждым днем получало все более широкую поддержку».

Каждая сторона становилась все упорнее, поэтому единственным выходом из этого тупика было бы проведение досрочных выборов по обоюдному согласию, чтобы народ оценил дела и намерения каждой стороны. Многие люди призывали к такому решению, но как раз в тот момент, когда Ельцин оценивал эту возможность и, как говорят, склонялся к выборам, поступили сообщения из Польши о том, что избиратели решительно наказали «Солидарность», партию, которая их предала, введя шоковую терапию.

Узнав, что «Солидарность» потеряла поддержку избирателей, Ельцин и его западные советчики решили, что досрочные выборы — это слишком большой риск. Россию было страшно потерять из-за ее несметных богатств: это огромные нефтеносные земли, около 30 процентов мировых запасов природного газа, 20 процентов никеля, не говоря уже о военных заводах, государственном аппарате и СМИ, которые позволяли Коммунистической партии контролировать большое население.

Ельцин отказался от идеи переговоров и начал готовиться к войне. Он только что удвоил зарплаты военным, так что армия была на его стороне. По его приказанию «парламент окружили тысячи бойцов МВД, они натянули колючую проволоку, поставили водяные пушки и не позволяли никому пройти», как сообщила газета *Washington Post*⁴¹. Вице-президент Руцкой, главный противник Ельцина в Верхов-

⁴¹ The Threat That Was // *The Economist*. 1993. April 28; Shapiro M., Hiatt F. Troops Move in to Put Down Uprising After Yeltsin Foes Rampage in Moscow.

ном Совете, к тому времени вооружил своих сторонников и пригласил в свой лагерь националистов, близких к фашистам. Он призывал своих приверженцев «не давать ни минуты покоя» «диктатуре» Ельцина⁴². Кагарлицкий, участник сопротивления, который написал об этих событиях книгу, рассказывал мне, что 3 октября толпа сторонников парламента «двинулась маршем к Останкинскому телевизионному центру с требованием передать их сообщение. Некоторые люди в толпе были вооружены, но большинство нет. В толпе были дети. Навстречу им вышли боевики Ельцина и начали расстреливать людей из автоматов». Около сотни демонстрантов и один военный погибли. Следующим шагом Ельцина был роспуск всех городских и местных советов по стране. Так постепенно разрушалась юная российская демократия.

Без сомнения, отдельные парламентарии тоже не желали решать вопрос мирным путем и соответствующим образом настраивали толпу, однако даже бывший сотрудник Государственного департамента США Лесли Гелб признает, что в парламенте «не задавала тон кучка правых безумцев»⁴³. Именно его незаконный роспуск и пренебрежение к решениям высшего суда страны со стороны Ельцина вызвали кризис — подобные действия не могли не вызвать отчаянного сопротивления в стране, которая не собиралась расставаться с демократией⁴⁴.

Недвусмысленное недовольство Вашингтона или Евросоюза заставило бы Ельцина начать переговоры с парламентариями, но он получал только одобрение. Утром 4 октября 1993 года Ельцин подчинился своей заранее предсказанной судьбе и превратился в русского Пиночета, совершив несколько жестоких действий, которые были точным отражением переворота в Чили, совершенного 20 лет назад. Это был третий травматический шок, который Ельцин обрушил на россиян. Президент отдал приказ нерешительной армии приступить к штурму Белого дома; его охватил огонь, в результате здание частично обгоре-

⁴² *Schmemmann S. Riot in Moscow Amid New Calls For Compromise // New York Times. 1993. October 3.*

⁴³ *Gelb L.H. How to Help Russia // New York Times. 1993. March 14; Shapiro M., Hiatt F. Troops Move in to Put Down Uprising After Yeltsin Foes Rampage in Moscow.*

⁴⁴ В одном заслуживающем внимания месте репортажа с места событий газета *Washington Post* пишет: «Около 200 демонстрантов затем устремились к зданию Министерства обороны, откуда Россия контролирует свое ядерное оружие и где собираются высшие военные чины». Это сообщение наводит на абсурдную мысль, что толпа россиян в попытке защитить демократию была готова развязать ядерную войну. «Министерство заперло свои двери и не впускало толпу в здание, все обошлось без инцидентов», — продолжает газета.

ло — то самое здание, защищая которое всего два года назад Ельцин завоевал всеобщее признание. Коммунизм сдался без единого выстрела, но оказалось, что капитализм в чикагском стиле требует для своей защиты гораздо больше оружия: Ельцин собрал 5000 солдат, десятки танков и бэтээров, вертолеты и элитные вооруженные части — и все это ради защиты новой российской капиталистической экономики, которой не на шутку угрожала демократия.

Вот как захват Белого дома описывала газета *Boston Globe*: «Вчера в течение 10 часов около 30 танков и бэтээров Российской армии окружили здание парламента в центре Москвы, которое называют Белым домом, и обстреляли его кумулятивными снарядами, в то время как пехотинцы вели по зданию пулеметный огонь. Около 16:15 из здания по одному начали выходить охранники, депутаты и сотрудники с поднятыми вверх руками»⁴⁵.

К концу дня стало известно, что массированная атака военных унесла примерно 500 жизней, число раненых приближалось к 1000 человек. Такого масштабного насилия Москва не знала с 1917 года⁴⁶. Питер Реддуэй и Дмитрий Глинский, подробно описавшие годы правления Ельцина в книге «Трагедия российских реформ. Рыночный большевизм против демократии», говорят, что «во время операции зачистки в Белом доме и около него было арестовано 1700 человек и изъято 11 единиц оружия. Некоторых арестованных доставили на стадион, что напоминает действия Пиночета после переворота 1973 года в Чили»⁴⁷. Многих задержанных доставили в отделения милиции, где их сильно избили. Кагарлицкий вспоминает, как, ударив его по голове, офицер закричал: «Демократии захотели, сукины дети? Мы вам устроим демократию!»⁴⁸

Однако Россия не была повторением Чили — это было то же, что и в Чили, но происходило в обратном порядке. Пиночет устроил переворот, упразднил демократические институты и затем приступил к шоковой терапии; Ельцин начал шоковую терапию в условиях демократии, а затем смог защитить ее, только упразднив демократию и совершив переворот. Причем оба сценария горячо поддерживал Запад.

⁴⁵ Kaplan F. Yeltsin in Command as Hard-Liners Give Up // *Boston Globe*. 1993. October 5.

⁴⁶ «По данным властей, за два дня в Москве погибло 142 человека. Это был обман: действительное число погибших было в несколько раз больше. Никто даже не пытался подсчитать количество раненых и избитых. Тысячи людей были арестованы». Kagarlitsky B. *Square Wheels*, p. 218.

⁴⁷ Reddaway P., Glinski D. *The Tragedy of Russia's Reforms*, p. 427.

⁴⁸ Kagarlitsky B. *Square Wheels*, p. 212.

«Атака Ельцина получила широкую поддержку» — сообщал заголовков газеты *Washington Post* через день после переворота, «это победа демократии». Ей вторила *Boston Globe*: «Россия не вернется в темницу прошлого». Госсекретарь США Уоррен Кристофер отправился в Москву; чтобы выразить свою поддержку Ельцину и Гайдару, он заявил: «Соединенным Штатам нелегко поддержать роспуск парламента. Но это чрезвычайные обстоятельства»⁴⁹.

В России на это смотрели иначе. Ельцин, получивший власть благодаря тому, что защищал парламент, теперь буквально предал его огню — здание настолько обгорело, что его прозвали «черным домом». Москвич средних лет с ужасом говорил перед камерой иностранному репортеру: «Люди поддерживали [Ельцина], потому что он обещал демократию. Он не только попрали ее, но и расстрелял»⁵⁰. Виталий Нейман, охранявший вход в Белый дом во время попытки переворота в 1991 году, сказал: «Мы получили прямо противоположное тому, на что надеялись. Мы шли за них на баррикады, рисковали ради них жизнью, но они не исполнили своих обещаний»⁵¹.

Джеффри Сакс, прославившийся тем, что доказал совместимость радикальных реформ свободного рынка с демократией, продолжал публично поддерживать Ельцина после штурма парламента, называя его противников «группой бывших коммунистов, опьяненных властью»⁵². В книге «Конец нищеты» Сакс подробно рассказывал о своей деятельности в России, но ни словом не обмолвился об этом драматическом событии, обходил его полным молчанием, как не упоминал о чрезвычайном положении и задержании рабочих лидеров во время осуществления шоковой программы в Боливии⁵³.

После переворота Россия оказалась под диктаторским управлением, не встречавшим отпора: выборные органы были распущены, работа Конституционного Суда приостановлена, как и действие самой Конституции; по улицам ездили танки, был введен комендантский час,

⁴⁹ Goshko J.M. Victory Seen for Democracy // *Washington Post*. 1993. October 5; Nyhan D. Russia Escapes a Return to the Dungeon of Its Past // *Boston Globe*. 1993. October 5; Reddaway P., Glinski D. The Tragedy of Russia's Reforms, p. 431.

⁵⁰ «Возвращение царя» — эпизод из программы «Фронтлайн» серии телепередач PBS (продюсер Шерри Джонс), показанный 9 мая 2000 года.

⁵¹ Nikitin V. '91 Foes Linked by Anger and Regret.

⁵² Rohwedder C. Sachs Defends His Capitalist Shock Therapy // *Wall Street Journal Europe*. 1993. October 25.

⁵³ Sachs J.D. The End of Poverty.

пресса оказалась под цензурой, хотя гражданские права вскоре были восстановлены.

Что же делали «чикагские мальчики» и их западные советники в этот критический момент? То же самое, что они делали в дымящемся Сантьяго и что будут делать в горящем Багдаде: освободившись от помех демократии, они лихорадочно писали новые законы. Через три дня после переворота Сакс сказал, что до сих пор «шоковой терапии не было», потому что эта программа «осуществлялась на практике лишь непоследовательно и неэффективно. Теперь же у нас есть шанс кое-что совершить»⁵⁴.

Что и было сделано. «В эти дни либеральная команда экономистов Ельцина решительно продвигается вперед, — сообщает журнал *Newsweek*. — Через день после роспуска парламента российским президентом реформаторы рынка получили команду: начинайте писать указы». Журнал приводит слова «ликующего западного экономиста, честно сотрудничающего с правительством», который решительно утверждает, что в России демократия всегда тормозила планы введения рынка: «Теперь, когда препятствие в виде парламента устранено, это великое время для реформы... Ранее здешние экономисты были сильно удручены. Теперь же мы работаем день и ночь». В самом деле, что может быть прекраснее государственного переворота, как о том сказал Чарльз Блитцер, экономист Всемирного банка, ответственный за Россию, журналу *Wall Street Journal*: «Я никогда не испытывал такой радости за всю мою жизнь»⁵⁵.

Это было только начало веселья. Пока страна приходила в себя после штурма, «чикагские мальчики» Ельцина спешно внедряли самые мучительные части своей программы: значительное сокращение бюджета, либерализацию цен на основные продукты питания, включая хлеб, и дальнейшее осуществление приватизации в самые быстрые сроки — стандартные меры, которые немедленно порождают массовую нищету, так что для их проведения необходима поддержка полицейского государства, подавляющего народное возмущение.

После переворота Стенли Фишер, первый заместитель директора-распорядителя МВФ (и также один из «чикагских мальчиков» 1970-х), призывал Ельцина «двигаться как можно быстрее на всех фронтах»⁵⁶.

⁵⁴ Spiegelman A. Western Experts Call for Russian Shock Therapy // *Reuters*. 1993. October 6.

⁵⁵ Elliott D., McKay B. Yeltsin's Free-Market Offensive // *Newsweek*. 1993. October 18; Ignatius A., Rosett C. Yeltsin Now Faces Divided Nation // *Asian Wall Street Journal*. 1993. October 5.

⁵⁶ Fischer S. Russia and the Soviet Union Then and Now // *The Transition in Eastern Europe* / Eds.

О том же говорил и Лоренс Саммерс, который разрабатывал программу для России в администрации Клинтона. «Три “-ации”», как он их называл: «приватизация, стабилизация и либерализация», — должны быть осуществлены как можно быстрее⁵⁷.

Перемены происходили с такой быстротой, что россияне не могли за ними уследить. Рабочие часто и не подозревали о том, что их фабрики и шахты уже проданы, не говоря о том, проданы на каких условиях и кому (подобную глубокую дезориентацию я могла наблюдать десятилетие спустя на государственных фабриках Ирака). Теоретически все эти сделки и махинации должны были вызвать экономический бум, который поднимет Россию из отчаянного положения; но на практике на смену коммунистическому государству пришло государство корпоративизма: этот бум обогатил лишь узкий круг россиян, многие из которых до того работали в аппарате Коммунистической партии, и некоторых западных менеджеров инвестиционных фондов, которые получили неслыханную прибыль от своих инвестиций в спешно приватизированные российские компании. Клика новых миллиардеров, многие из которых потом стали так называемыми олигархами, прозванными так за имперский уровень богатства и власти, вместе с «чикагскими мальчиками» Ельцина грабили страну, забирая все, что представляло хоть какую-то ценность, и отправляли свои неслыханные доходы за границу по два миллиарда долларов в месяц. До шоковой терапии в России не было миллионеров; к 2003 году, по данным журнала *Forbes*, появилось 17 русских миллиардеров⁵⁸.

Отчасти это объясняется тем, что кое в чем Ельцин и его команда отклонились от доктрины чикагской школы и не позволили иностранным компаниям непосредственно покупать российские богатства; они предоставили эту возможность русским, а затем открыли новые частные компании, принадлежащие так называемым олигархам, для иностранных акционеров. И все равно прибыли были астрономическими. «Вы ищете инвестиций, которые могут принести по 2000 процентов за три года? — спрашивает *Wall Street Journal*. — Лишь один рынок ценных бумаг обещает такой результат... Россия»⁵⁹.

O.J. Blanchard, K.A. Froot, J.D. Sachs. *Country Studies*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. Vol. 1. P. 237.

⁵⁷ Summers L.H. Comment // *The Transition in Eastern Europe*. *Country Studies*, vol. 1, p. 253.

⁵⁸ Tayler J. Russia Is Finished // *Atlantic Monthly*. 2001. May; *The World's Billionaires, According to Forbes Magazine, Listed by Country* // *Associated Press*. 2003. February 27.

⁵⁹ Browning E.S. Bond Investors Gamble on Russian Stocks // *Wall Street Journal*. 1995. March 24.

Многие инвестиционные банки, включая Credit Suisse First Boston, как и самые богатые финансисты, быстро создали суперприбыльные для финансовых спекулянтов русские инвестиционные фонды.

Жизнь олигархов и иностранных инвесторов омрачало лишь одно облако на горизонте: падение популярности Ельцина. Экономическая программа оказала такое разрушительное действие на жизнь обычного россиянина, и коррупция при этом настолько бросалась в глаза, что рейтинг Ельцина снизился до однозначных цифр. Если бы Ельцина устранили, его преемник мог бы положить конец российским экспериментам с диким капитализмом. Еще сильнее олигархов и «реформаторов» пугала возможность ренационализации, для которой имелись все законные основания, поскольку богатства были распроданы в обстоятельствах, когда Конституция не действовала.

В декабре 1994 года Ельцин поступил так же, как и многие лидеры в истории, оказавшиеся в отчаянном положении: для сохранения своей власти он начал войну. Олег Лобов, тогдашний секретарь Совета безопасности, признался: «Нам нужна была маленькая победоносная война для подъема рейтинга президента». Министр обороны заявил, что его армия способна разбить вооруженные силы отколовшейся Чеченской республики за несколько часов — с легкостью⁶⁰.

Казалось, что этот план сработал, хотя бы на короткое время. На первом этапе удалось частично подавить движение за независимость Чечни, и российские отряды заняли уже покинутый президентский дворец в Грозном, что позволило Ельцину провозгласить славную победу. Но этот триумф оказался кратковременным, как в Чечне, так и в Москве. Когда в 1996 году приближались повторные выборы, Ельцин был настолько непопулярен и его поражение казалось столь очевидным, что советники подумывали, не стоит ли отменить выборы вообще. Письмо, подписанное группой российских банкиров и опубликованное в российской газете, прямо на это намекало⁶¹. Министр приватизации Ельцина Анатолий Чубайс (которого Сакс однажды назвал «борцом за свободу») стал одним из главных сторонников «плана Пиночета»⁶². Он заявлял: «Чтобы в обществе была демократия, вну-

⁶⁰ Олега Лобова цитирует законодатель Сергей Юшенков. См.: Gall C., Waal T., de. Chechnya: Calamity in the Caucasus. New York: New York University Press, 1998, p. 161.

⁶¹ Vilchek V. Ultimatum on Bended Knees // Moscow News. 1996. May 2.

⁶² Passell P. Dr. Jeffrey Sachs, Shock Therapist.

три власти должна быть диктатура»⁶³. Эти слова перекликаются как с аргументами «чикагских мальчиков» из Чили, оправдывавших Пиночета, так и с философией фридманизма без свободы Дэн Сяопина.

В итоге выборы состоялись, и Ельцин победил при финансовой поддержке, составлявшей примерно 100 миллионов долларов (что в 33 раза превышает разрешенную законом сумму), и благодаря тому, что телевизионные компании отвели Ельцину в 800 раз больше времени, чем его соперникам⁶⁴. Когда угроза перемены правителя миновала, энергичные «чикагские мальчики» могли приступить к реализации самой деликатной и самой прибыльной части программы — распродаже того, что Ленин когда-то назвал «командными высотами».

Сорок процентов одной нефтяной компании, по объему сравнимой с французской Total, были проданы за 88 миллионов долларов (за 2006 год объем продаж Total составил 193 миллиарда долларов). «Норильский никель», производивший пятую часть никеля в мире, был продан за 170 миллионов долларов (его прибыль вскоре составила 1,5 миллиарда долларов в год). Огромная нефтяная компания ЮКОС, в распоряжении которой находится больше нефти, чем в Кувейте, была продана за 309 миллионов долларов; теперь она приносит ежегодно более трех миллиардов. Пятьдесят один процент акций нефтяного гиганта «Сиданко» оценили в 130 миллионов долларов; два года спустя на международном рынке стоимость сделки составила 2,8 миллиарда. Гигантский военный завод был продан за три миллиона долларов — по цене загородного дома в Эспене⁶⁵.

Скандалность этих акций заключалась не только в том, что государственные богатства России распродавались с аукциона за малую часть их реальной цены, но и в том, что их покупали на государственные деньги. Как пишут журналисты *Moscow Times* Мэтт Бивенс

⁶³ Hoffman D. Yeltsin's «Ruthless» Bureaucrat // *Washington Post*. 1996. November 22.

⁶⁴ Glinkina S.P. et al. Crime and Corruption // *The New Russia*, p. 241; Bivens M., Bernstein J. The Russia You Never Met // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democracy* 6. 1998. № 4. P. 630, www.demokratizatsiya.org.

⁶⁵ Bivens M., Bernstein J. The Russia You Never Met, pp. 627—628; Total. Factbook 1998—2006 // www.total.com; сведения о доходах представлены на 2000 год: Goldman M.I. The Piratization of Russia: Russian Reform Goes Awry. New York: Routledge, 2003. P. 120; Yukos Offers 12,5 Percent Stake against Debts to State-Owned Former Unit // Associated Press. 2006. June 5; цифра 2,8 миллиарда долларов основана на том факте, что в 1997 году British Petroleum заплатила 571 миллион долларов за 10 процентов доли «Сиданко», поэтому доля в 51 процент оценивается в 2,8 миллиарда долларов: Freeland G. Sale of the Century, p. 183; Lunev S. Russian Organized Crime Spreads Beyond Russia's Borders // *Prism* 3. 1997. № 8. May 30.

и Джонас Вернстейн, «горстка избранных получила нефтеносные земли российского государства даром в процессе грандиозного мошенничества, когда одна рука правительства передает деньги его другой руке». В процессе сотрудничества между политиками, распродающими государственные компании, и покупающими их бизнесменами некоторые министерства перевели огромные суммы государственных денег в частные банки, поспешно созданные олигархами⁶⁶. Затем государство заключило с этими же самыми банками контракты, в результате чего они должны были распродавать нефтяные месторождения и шахты. Банки проводили такие аукционы, но и сами в них участвовали — неудивительно, что банки, принадлежащие олигархам, захотели стать счастливыми новыми обладателями бывших государственных богатств. Деньги, на которые они покупали доли в этих государственных компаниях, были теми же самыми государственными деньгами, которые министры Ельцина вложили в них ранее⁶⁷. Иными словами, россияне сами оплачивали разграбление своей страны.

Как заметил один из российских «молодых реформаторов», когда коммунисты решили отказаться от Советского Союза, они «променяли власть на собственность»⁶⁸. Семья Ельцина разбогатела — подобно семье его наставника Пиночета, — а его дочери и их супруги заняли важные посты в больших приватизированных фирмах.

Когда олигархи начали непосредственно распоряжаться важнейшими богатствами Российского государства, они открыли свои новые компании для крупных транснациональных корпораций, которые вложили сюда много денег. В 1997 году Royal Dutch/Shell и BP стали партнерами двух важнейших российских нефтяных гигантов, «Газпрома» и «Сиданко»⁶⁹. Это были крайне выгодные инвестиции, но в России основными владельцами богатств оставались отечественные дельцы, а не их иностранные партнеры. Этот промах МВФ и Казначейства США в дальнейшем будут учитывать во время приватизационных аукционов в Боливии и Аргентине. А в Ираке после вторжения США пошли еще дальше: они постарались отстранить местную элиту от невообразимо выгодных сделок вообще.

⁶⁶ Среди них банк «Менатеп» Михаила Ходорковского и Онэксимбанк Владимира Потанина.

⁶⁷ *Bivens M., Bernstein J. The Russia You Never Met, p. 629.*

⁶⁸ *Reddaway P., Glinski D. The Tragedy of Russia's Reforms, p. 254.*

⁶⁹ *Freeland G. Sale of the Century, p. 299.*

Уэйн Мерри, главный политический аналитик из посольства США в Москве в важнейший период с 1990 по 1994 год, признался, что выбор между демократией и интересами рынка в России был однозначным. «Правительство США предпочло экономику политике. Мы выбрали либерализацию цен, приватизацию промышленности и создание действительно свободного от регуляции капитализма и в целом надеялись, что законность, гражданское общество и представительная демократия в результате разовьются автоматически... К сожалению, этот выбор заставлял игнорировать пожелания народа и проталкивать осуществление экономической программы»⁷⁰.

В тот период в России формировались такие богатства, что некоторые из «реформаторов» не могли справиться с искушением самим поучаствовать в этом. И ситуация в России, более чем где-либо еще до этого момента, опровергала миф о технократах-интеллектуалах, экономистах свободного рынка, которые внедряют в жизнь модели из своих учебников из чистого энтузиазма. Как это было в Чили и Китае, где неразрывно переплелись оргия коррупции и шоковая терапия, некоторые из министров и заместителей министров при Ельцине, сторонников чикагской школы, в итоге потеряли свои посты из-за скандальных случаев коррупции⁷¹.

Гарвардский проект для России ставил задачи организовать приватизацию и создать фондовый рынок. Проект возглавляли двое ученых: гарвардский экономист профессор Андрей Шлейфер и его заместитель Джонатан Хэй. Оказалось, что они получали прямой доход от рынка, над созданием которого трудились. Шлейфер был

⁷⁰ «Возвращение царя».

⁷¹ Как пишут М. Бивенс и Дж. Бернштейн, «стало известно, что Чубайс и четверо его помощников по реформам — все, получавшие поддержку организации Чубайса, финансируемой USAID, получили в виде взяток по 90 тысяч долларов каждый под видом оплаты консультаций по изданию книги от Онэксимбанка» (одной из главных фирм олигархов, которой достались роскошные приватизационные контракты от этих людей). Альфред Кох, второй ответственный за приватизацию в России в правительстве Ельцина, получил 100 тысяч долларов от компании, связанной с одним из крупнейших олигархов, которому Кох передал приватизационные контракты; деньги были заплачены за книгу об эффективности проводимой приватизации, которую он должен был написать. Ни в одном из этих случаев скандалы не стали поводом для судебных преследований. *Bivens M., Bernstein J. The Russia You Never Met, p. 636; Isachenkov V. Prosecutors Investigate Russia's Ex-Privatization Czar // Associated Press. 1997. October 1.*

главным советником команды Гайдара по вопросам приватизации, а в это время его жена вкладывала деньги в приватизированные российские активы. Тридцатидвухлетний Хэй, выпускник юридического факультета Гарварда, также вкладывал личные средства в ценные бумаги приватизированных российских нефтяных компаний, что было прямым нарушением контракта между Гарвардом и USAID. И пока Хэй помогал правительству России создавать фондовый рынок, его невеста, ставшая потом женой, получила первую лицензию на открытие инвестиционного фонда в России, которым вначале управляли из офиса гарвардского проекта, финансируемого правительством США. (Формально Джеффри Сакс, глава Гарвардского института международного развития, осуществлявшего российский проект, был на тот момент начальником Шлейфера и Хэя. Но сам Сакс уже не работал в России и никогда не был замешан в подобных сомнительных махинациях⁷².)

Когда эти факты получили огласку, Министерство юстиции США подало иск против Гарварда с заявлением, что деятельность Шлейфера и Хэя нарушает условия подписанного ими контракта, согласно которым они не должны получать личной прибыли от своей работы. После расследования и юридических сражений, длившихся семь лет, окружной суд США в Бостоне признал, что Гарвард нарушил условия контракта, двое ученых «вошли в сговор в целях введения в заблуждение США», что «Шлейфер использовал служебное положение в корыстных целях» и что «Хэй пытался отмыть 400 тысяч долларов с помощью своего отца и невесты»⁷³. Гарвард вынужден был заплатить 26,5 миллиона долларов, — самую большую сумму за всю свою историю. Шлейфер согласился уплатить два миллиона, а Хэй — что-то между 1—2 миллионами в зависимости от своих доходов, хотя никто из них не признал себя виновным⁷⁴.

Возможно, такого рода «использование служебного положения в личных целях» было неизбежностью, если учитывать природу русского эксперимента. Андрес Ослунд, влиятельнейший западный

⁷² *McClintick D. How Harvard Lost Russia.*

⁷³ *United States of America, Plaintiff, v. President and Fellows of Harvard College, Andrei Shleifer and Jonathan Hay, Defendants: Civil Action № 00-11977-DPW // U.S. District Court, District of Massachusetts. Memorandum and Order. 2004. June 28; McClintick D. How Harvard Lost Russia.*

⁷⁴ *McClintick D. How Harvard Lost Russia.* К сожалению, и эти деньги не достались российским гражданам, подлинным жертвам коррупции, сопровождавшей приватизацию, но вернулись к правительству США; подобным образом дела по судебным искам против американских подрядчиков в Ираке решаются между правительством США и подрядчиком.

экономист, работавший в те годы с Ельциным, уверял, что шоковая терапия сработает в силу «удивительной притягательности или искушения капитализма, который может покорить все что угодно»⁷⁵. Таким образом, если жадность должна стать двигателем перестройки России, тогда можно считать, что люди из Гарварда, их жены и невесты, а также сотрудники Ельцина и его родственники, принявшие участие в этой оргии, просто показывали пример всем остальным.

Это заставляет задать себе мучительный и важный вопрос относительно идеологов свободного рынка: кто они — «истинные верующие», которыми движут идеология и убеждение в том, что свободный рынок исцелит экономическую отсталость, либо же эти идеи и теории служат искусным прикрытием, которое позволяет людям действовать с неограниченной алчностью, продолжая декларировать свои альтруистические мотивы? Любая идеология, разумеется, может порождать извращения (что прекрасно показали аппаратчики, которые при коммунистическом режиме в России использовали свое положение для получения бесчисленных выгод), нет сомнения и в том, что существуют честные неолибералы. Но чикагская школа экономики, кажется, особенно способствует появлению коррупции. Если согласиться с идеей о том, что личные доходы и жадность в широком смысле приносят максимальное благосостояние любому обществу, практически любой акт личного обогащения можно оправдать как творческий вклад в капитализм, порождающий богатство и стимулирующий экономический рост, даже когда это касается лишь тебя и твоих коллег.

Филантропическая деятельность Джорджа Сороса в Восточной Европе, в частности оплата путешествия Сакса по этому региону, противоречива. Несомненно, Сорос стремился поддержать демократизацию в странах Восточного блока, но одновременно у него была и корыстная заинтересованность в экономических реформах, сопутствующих демократизации. Один из самых могущественных торговцев валютой в мире, Сорос получал большую выгоду от того, что страны вводили конвертируемую валюту и устраняли контроль движения капитала, а когда государственные компании выставлялись на продажу, он был одним из потенциальных покупателей.

Сорос мог совершенно законно получать доходы непосредственно от тех рынков, которые он — в качестве благотворителя — помогал открывать, но это бы выглядело не совсем красиво. Какое-то время

⁷⁵ *Josefsson D. The Art of Ruining a Country with a Little Professional Help from Sweden. ETC English edition. Stockholm, 1999.*

он боролся с этим конфликтом интересов, запрещая своим компаниям вкладывать деньги в те страны, где активно действовали его фонды. Однако к тому моменту, когда на продажу была выставлена Россия, он уже не мог сдержаться. В 1994 году он объяснил, что его политика «изменилась, поскольку в этом регионе действительно развиваются рынки и я не имею ни малейших причин или права лишать мои фонды или моих акционеров возможности вкладывать сюда деньги или же не позволять этим фондам владеть компаниями в этих странах». Сорос уже приобрел, например, долю в приватизированной телефонной компании в 1994 году (это вложение денег оказалось крайне неудачным) и часть большой польской компании, производящей продукты питания⁷⁶. Сразу же после падения коммунизма Сорос, при помощи Сакса, одним из первых подталкивал страны к экономическим преобразованиям посредством шоковой терапии. Однако в конце 90-х он явно переменял точку зрения, став одним из ведущих критиков шоковой терапии и поддерживая своими фондами неправительственные организации, которые занимаются предотвращением коррупции до начала приватизации.

Но это понимание пришло к Соросу слишком поздно, чтобы уберечь Россию от стремительно развивающегося капитализма. Благодаря шоковой терапии Россия открылась для «горячих денег» — кратковременных спекулятивных инвестиций или торговли валютой, которые приносят большие доходы. И благодаря таким интенсивным спекуляциям в 1998 году, когда Азию охватил финансовый кризис (см. главу 13), Россия осталась совершенно беззащитной. Ее и без того неустойчивая экономическая система окончательно развалилась. Народ во всем винил Ельцина, и его рейтинг упал до невозможно низкого уровня — 6 процентов⁷⁷. Будущее многих олигархов опять оказалось под угрозой, но очередной крупный шок помог спасти экономический проект и избавиться от угрозы наступления подлинной демократии в России.

В сентябре 1999 года страну потрясла серия ужасающих террористических актов: совершенно неожиданно, ночью, были взорваны четыре многоквартирных дома, из-за чего погибло около 300 чело-

⁷⁶ Beck E. Soros Begins Investing in Eastern Europe // *Wall Street Journal*. 1994. June 1; Jack A., Ostrovsky A., Pretzlik Ch. Soros to Sell The Worst Investment of My Life // *Financial Times*. London. 2004. March 17.

⁷⁷ Whitmore B. Latest Polls Showing Communists Ahead // *Moscow Times*. 1999. September 8.

век. Дальнейший сценарий слишком знаком американцам по 11 сентября 2001 года: все прочие политические вопросы были сняты с повестки дня под действием единственной силы в мире, которая способна выполнить такую работу. «Это был такой самый примитивный страх, — объясняет российская журналистка Евгения Альбац. — Внезапно оказалось, что все эти споры о демократии, об олигархах — ничто по сравнению со страхом погибнуть в собственной квартире»⁷⁸.

Человеком, которому поручили выследить и поймать этих «зверей», был премьер-министр России, холодный и как бы таящий в себе неуловимую угрозу Владимир Путин⁷⁹. Сразу же после взрывов домов, в конце сентября 1999 года, Путин подверг Чечню атакам с воздуха, причем те районы, где проживало гражданское население. На фоне терроризма тот факт, что Путин 17 лет проработал в КГБ — а это был самый ужасный символ коммунистической эпохи, — внезапно стал гарантией безопасности для многих россиян. Алкоголизм делал Ельцина все менее дееспособным, на этом фоне защитник Путин казался его идеальным преемником в качестве президента. 31 декабря 1999 года, когда война в Чечне опять остановила все серьезные дискуссии, несколько олигархов организовали тихий переворот, отстранив Ельцина и посадив на его место Путина без процедуры выборов. Прежде чем отойти от власти, Ельцин, подобно Пиночету, потребовал для себя гарантию неприкосновенности. Став президентом, Путин первым делом подписал закон, освобождавший Ельцина от любого уголовного преследования, будь то обвинение в коррупции или расстреле защитников демократии, произошедшем под его руководством.

Ельцин больше похож на продажного шута, чем на грозного диктатора. Но его экономическая политика, а также войны, которые он вел для ее защиты, заметно увеличили списки убитых в крестовом походе чикагской школы, списки, которые постоянно пополнялись начиная с Чили 1970-х годов. Кроме случайных жертв переворота в октябре 1993 года, в Чечне погибло примерно 100 тысяч гражданских лиц⁸⁰.

⁷⁸ «Возвращение царя».

⁷⁹ *Womack H. Terror Alert in Moscow as Third Bombing Kills 73 // Independent. London. 1999. September 14.* Неудивительно, учитывая откровенную криминальность правящего класса России, что эти события породили многочисленные конспирологические теории. Многие россияне полагают, что чеченцы не имеют отношения к этим взрывам и на самом деле это была тайная операция, позволившая Путину стать преемником Ельцина.

⁸⁰ *Nurbiyev A. Last Bodies Cleared From Rebels' Secret Grozny Cemetery // Agence France-Presse.*

Однако самая ужасная бойня, начатая Ельциным, происходила медленно, но количество ее жертв куда выше — это жертвы «побочных эффектов» экономической шоковой терапии.

При отсутствии серьезного голода, эпидемии или войны никогда столько бедствий не выпадало на долю людей за столь короткое время. К 1998 году более 80 процентов русских колхозов обанкротилось, примерно 70 тысяч государственных предприятий было закрыто, что породило массовую безработицу. В 1989 году, до применения шоковой терапии, два миллиона людей в Российской Федерации жили в бедности, зарабатывая менее четырех долларов в день. К тому времени, когда шоковые терапевты назначили свое «горькое лекарство» в середине 1990-х, по данным Всемирного банка 74 миллиона россиян жили за чертой бедности. Это означает, что «экономические реформы» в России привели *всего за восемь лет к обнищанию 72 миллионов людей*. К 1996 году 25 процентов россиян — почти 37 миллионов — жили в состоянии отчаянной бедности⁸¹.

Хотя в последние годы миллионы россиян выкарабкались из нищеты, преимущественно благодаря росту цен на нефть и газ, слой крайне бедных остается постоянным — со всеми болезнями, сопутствующими этому состоянию. Жизнь при коммунизме в переполненных и не всегда отапливаемых квартирах была достаточно убогой, однако россияне, по крайней мере, имели жилье; в 2006 году правительство признало, что в России количество бездомных детей достигает 715 тысяч, а по подсчетам ЮНИСЕФ их количество равно 3,5 миллиона⁸².

Во времена холодной войны массовый российский алкоголизм на Западе считали признаком того, что жизнь при коммунизме крайне убога и русским нужно пить много водки, чтобы ее переносить. Но в эпоху капитализма потребление алкоголя в России возросло

2006. April 6. •

⁸¹ *Tavernise S. Farms as Business in Russia // New York Times*. 2001. November 6; *Josefsson D. The Art of Ruining a Country with a Little Professional Help from Sweden; News Conference by James Wolfensohn, President of the World Bank Re: IMF Spring Meeting. Washington, DC. 1999. April 22, www.imf.org; Milanovic B. Income, Inequality and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy. Washington, DC: World Bank, 1998. P. 68; Russian Economic Trends 5. 1996. № 1 // Working Centre for Economic Reform, Government of the Russian Federation, pp. 56—57, цит. по: Silverman B., Yanowitch M. New Rich, New Poor, New Russia: Winners and Losers on the Russian Road to Capitalism. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2000. P. 47.*

⁸² Цифру 715 тысяч привел министр здравоохранения и социального развития России // РИА Новости. 2006. 23 февраля; *Rooy C. de. Children in the Russian Federation // UNICEF. 2004. November 16. P. 5, www.unicef.org.*

вдвое, кроме того, россияне прибегают и к более серьезным средствам. Александр Михайлов, глава службы по борьбе с наркотиками в России, говорит, что число наркоманов с 1994 по 2004 год выросло на 900 процентов и превысило 4 миллиона, из них многие употребляли героин. А эпидемия наркомании влечет за собой еще один род медленного умирания: в 1995 году наблюдалось 50 тысяч ВИЧ-инфицированных россиян; всего за два года их число удвоилось, а 10 лет спустя, по данным ЮНЭЙДС, количество ВИЧ-инфицированных в России достигло почти одного миллиона⁸³.

Кроме такого медленного умирания есть и быстрые виды смерти. Как только в 1992 году началось действие шоковой терапии, и без того высокий показатель самоубийств в России начал расти; к 1994 году, в разгар ельцинских «реформ», он стал почти вдвое больше по сравнению с показателем восьмилетней давности. Убийства среди россиян тоже заметно участились: к 1994 году количество преступлений с применением насилия увеличилось более чем в четыре раза⁸⁴.

«Что дали последние 15 преступных лет нашей Родине и нашим людям? — спрашивал ученый Владимир Гусев на демократическом митинге 2006 года. — Годы преступного капитализма убили 10 процентов нашего населения». Действительно, Россия теряет около 700 тысяч человек в год. Между 1992, первым годом шоковой терапии, и 2006 годом население сократилось на 6,6 миллиона⁸⁵. 30 лет назад Андре Гундер Франк в письме к Милтону Фридману обвинял его в «экономическом геноциде». Сегодня многие россияне говорят о постепенном исчезновении своих сограждан теми же словами.

⁸³ В 1987 году в России на душу населения приходилось 3,9 литра алкоголя. В 2003 году этот показатель вырос до 8,87 литра. 3050 Pure Alcohol Consumption, Litres Per Capita, 1987, 2003 // World Health Organization Regional Office for Europe. European Health for All Database (HFADB), data.euro.who.int/hfad; In Sad Tally, Russia Counts More Than 4 Million Addicts // *Pravda*. Moscow. 2004. February 20; Annex 1: Russian Federation // UNAIDS. 2006 Global Report on the AIDS Epidemic. 2006. May. P. 437, www.unaids.org; Interview with Natalya Katsap, Manager, Media Partnerships, Transatlantic Partners Against AIDS, June 2006.

⁸⁴ 1780 SDR, Suicide and Self-Inflicted Injury, All Ages Per 100,000, 1986—1994 // World Health Organization Regional Office for Europe. European Health for All Database (HFADB), data.euro.who.int/hfad. В 1986 году частота убийств и умышленного нанесения травм на 100 тысяч человек составляла 7,3; в 1994 году она достигла вершины — 32,9; в 2004 году опустилась до 25,2. 1793 SDR, Homicide and Intentional Injury, All Ages Per 100,000, 1986—2004 // World Health Organization Regional Office for Europe. European Health for All Database.

⁸⁵ *Nikitin V.* '91 Foes Linked by Anger and Regret; *Cohen St.F.* The New American Cold War // *The Nation*. 2006. July 10; Russia. World Factbook 1992. Central Intelligence Agency. Washington, DC: CIA, 1992. P. 287; Russia. World Factbook 2007. Central Intelligence Agency, www.cia.gov.

Эта запланированная нищета выглядит особенно гротескно потому, что богатство, накопленное элитой, напоказ выставляется в Москве как нигде в мире, за исключением некоторых нефтяных эмиратов. Сегодня в России богатство настолько стратифицировано, что богатые и бедные живут как будто даже не в разных странах, а в разных столетиях. Одна эпоха царит в центре Москвы, быстро превращающемся в футуристический город греха, где на черных мерседесах разъезжают олигархи, окруженные тренированными наемными телохранителями, город, днем соблазняющий западных дельцов привлекательным инвестиционным климатом, а ночью — проститутками. И есть зоны иной эпохи, где 17-летняя девушка на вопрос о ее надеждах на будущее отвечает: «Трудно говорить о XXI веке, когда сидишь и читаешь книгу при свете свечи. XXI век ничего не значит. У нас тут XIX век»⁸⁶.

Подобный грабеж в столь богатой стране, как Россия, был возможен лишь благодаря мощному террору — от поджога Белого дома до войны в Чечне. Георгий Арбатов, один из первых экономических советников Ельцина (к его советам не прислушивались), пишет: «Политика, сочетающая бедность и преступление... может существовать только при условии подавления демократии»⁸⁷. Так это было в странах южного конуса, в Боливии при чрезвычайном положении, в Китае на площади Тяньаньмэнь. И то же самое потом будет в Ираке.

Все можно свалить на коррупцию

Перечитывая западные новости о России периода шоковой терапии, поражаешься, насколько дискуссии того времени подобны дебатам вокруг Ирака 10 лет спустя. Для администраций Клинтон и Буша-старшего, не говоря уже об Европейском союзе, Большой семерке и МВФ, цель очевидна — упразднить прежнее состояние и создать условия для разгула капитализма в России, что в свою очередь создаст демократию свободного рынка — под управлением самонадеянных американцев, только что окончивших университет. Другими словами, это был Ирак без взрывов.

Когда в России энтузиазм относительно шоковой терапии достиг своего предела, «терапевты» были абсолютно уверены в том, что только полное разрушение каждого общественного института создаст нужные условия для национального возрождения — подобная мечта о «чистом листе» сегодня ожила в Багдаде. Как писал гарвардский историк Ри-

⁸⁶ *McMahon C. Shortages Leave Russia's East Out in the Cold // Chicago Tribune. 1998. November 19.*

⁸⁷ *Arbatov G. Origins and Consequences of «Shock Therapy», p. 177.*

чард Пайпс, «желательно... чтобы в России продолжалась дезинтеграция, пока не будут разрушены до конца все структуры ее институтов»⁸⁸. А экономист Колумбийского университета Ричард Эриксон в 1991 году писал: «Любая реформа должна быть разрывом, чем-то небывалым для истории. Следует разрушить целый мир, в том числе все экономические и большинство социальных и политических институтов, чтобы новые структуры, обслуживающие производство, капиталы и технологии»⁸⁹.

Еще одна параллель с Ираком: как бы откровенно Ельцин ни нападал на все, окрашенное демократией, все равно его правление на Западе воспринимали как «переход к демократии», и это мнение изменилось лишь после того, как Путин повел наступление на противозаконные действия некоторых олигархов. Подобным образом администрация Буша всегда говорит об Ираке на пути к свободе, несмотря на многочисленные свидетельства массовых пыток, вышедших из-под контроля батальонов смерти и всеобщей цензуры прессы. Экономическую программу России постоянно называли «реформой», Ирак тоже находится в состоянии непрерывной «реконструкции», даже после того, как его покинули почти все американские подрядчики, оставив одни обломки инфраструктуры. Если в России в середине 1990-х годов человек осмеливался усомниться в мудрости «реформаторов», это презрительно называли ностальгией по сталинским временам, точно так же критиков оккупации Ирака обвиняли в том, что они зовут назад, к эпохе Саддама Хусейна.

Когда стало уже невозможно скрывать неудачи шоковой терапии в России, появились разговоры о русской «культуре коррупции», а также размышления о том, что россияне «не готовы» к подлинной демократии из-за долгой истории авторитарного правления. Вашингтонские умы спешно отреклись от экономического монстра, которого они создали в России, назвав его «мафиозным капитализмом» — предполагая, что подобные вещи присущи русскому характеру. «Ничего хорошего из России не выйдет», — приводит высказывание русского офисного работника журнал *Atlantic Monthly* в 2001 году. В газете *Los Angeles Times* журналист и автор романов Ричард Лаури заявил: «Русские настолько злосчастный народ, что даже когда берутся за что-то здоровое и простое — скажем, голосуют или делают деньги, —

⁸⁸ Pipes R. Russia's Chance // *Commentary* 93. 1992. № 3. March. P. 30.

⁸⁹ Ericson R.E. The Classical Soviet-Type Economy: Nature of the System and Implications for Reform // *Journal of Economic Perspectives* 5. 1991. № 4. Autumn. P. 25.

у них выходит полная чепуха»⁹⁰. Экономист Андрес Ослунд ранее провозглашал, что «искушение капитализма» само преобразит Россию, простая сила жадности позволит перестроить страну. Через несколько лет, когда ему задали вопрос, что же пошло не так, он ответил: «Коррупция, коррупция и коррупция», как будто бы коррупция не есть свободное выражение того самого «искушения капитализма», которое он с таким энтузиазмом восхвалял⁹¹.

Те же самые объяснения будут звучать через 10 лет при обсуждении вопросов о пропавших миллиардах, выделенных на реконструкцию Ирака: вместо разговоров о наследии коммунизма и царизма заговорят о наследии Саддама и извращениях «радикального ислама». Неспособность иракцев принять дарованную им под дулом автомата «свободу» будет вызывать ярость и оскорбления со стороны США — с тем отличием, что в Ираке эта ярость будет выражаться не только в раздраженных редакционных статьях о «неблагодарных» иракцах, но и в наносимых американскими и британскими солдатами побоях.

Аргумент «русские сами виноваты» мешает серьезно изучить происшедшее и подумать, какой урок отсюда можно извлечь, что нам это говорит об истинной сути крестового похода за свободный рынок — этого самого мощного политического течения последних трех десятилетий. До сих пор о коррупции среди олигархов говорят как о некоей инородной силе, которая испортила сами по себе здоровые реформы свободного рынка. Но в России коррупция не была внесена извне в реформы свободного рынка: эти скоротечные грязные сделки на каждой стадии активно поддерживал Запад, надеясь как можно быстрее завести экономическую машину. Спасение нации на основе жадности — именно это стояло в планах русских «чикагских мальчиков» и их советников непосредственно вслед за полным разрушением российских институтов.

И такие катастрофические результаты можно видеть не только в России. Вся 30-летняя история чикагского эксперимента — это история масштабной коррупции и корпоративистского сговора между государством и крупными корпорациями: это чилийские «пираньи», приватизация среди узкого круга своих людей в Аргентине, российские олигархи, махинации Enron с энергетикой и «зоны свободного мошенничества» в Ираке. Шоковая терапия открывает возможности для получения невероятной прибыли — именно в силу свободы от за-

⁹⁰ *Taylor J.* Russia Is Finished; *Lourie R.* Shock of Calamity // *Los Angeles Times*. 1999. March 21.

⁹¹ *Josefsson D.* The Art of Ruining a Country with a Little Professional Help from Sweden.

конов. «Россия стала новым Клондайком для международных финансовых спекулянтов», — гласил один заголовок в русской газете 1997 года, а журнал *Forbes* называет Россию и Центральную Европу «новым фронтиром»⁹². Язык колониальной эпохи тут весьма кстати.

Движение, которое в 1950-х создал Милтон Фридман, лучше рассматривать как стремление международного капитала завоевать приносящие огромный доход новые территории, на которых не действуют законы, чем восхищался Адам Смит, предтеча сегодняшних неолибералов. Изменилось только одно. Это не путешествие к «диким и варварским народам», как называл их Смит, у которых отсутствуют западные законы (эта возможность уже закрыта), а системный демонтаж существующих законов и правил, чтобы восстановить первоначальное беззаконие. Колонизаторы прошлого получали неслыханные прибыли, приобретая, как называл их Смит, «бесхозные земли» за «безделушки», тогда как сегодняшние транснациональные корпорации рассматривают правительственные программы, народные богатства и все, что еще не продано, как территорию, которую надо завоевать и освоить: почты, национальные парки, школы, систему социального обеспечения, службу борьбы с последствиями катастроф и все прочее, находящееся в руках государства⁹³.

С точки зрения экономики чикагской школы государство является колониальной землей, которую корпоративные конкистадоры грабят столь же беззастенчиво и энергично, как их предшественники, посылавшие домой золото и серебро Анд. Смит говорил о девственных плодородных полях в пампасах и прериях, которые превращались в доходные хозяйства, а Уолл-стрит говорит о «девственных полях возможностей», которые дают телекоммуникации Чили, аргентинские авиакомпании, нефтеносные земли России, система водоснабжения Боливии, государственные авиакомпании США, польские фабрики — построенные с помощью народного богатства, а потом распроданные за мелочь⁹⁴. Существуют также такие сокровища среди природных ресурсов или форм жизни, которые никто никогда не воспринимал как богатства: семенной фонд, генофонд, углерод в атмосфере, — на которые государство, внеся их в соответствующие списки, может выдать

⁹² Татьяна Кошкарева и Рустам Нарзикулов. *Независимая газета*. 1997. 31 октября; *Klebnikov P., Shook C. Russia and Central Europe: The New Frontier // Forbes*. 1997. July 28.

⁹³ *Smith A. The Wealth of Nations / Ed. E. Cannan. New York: Modern Library, 1937. P. 532.*

⁹⁴ За эти мысли я благодарна Дэвиду Харви. *Harvey D. A Brief History of Neoliberalism*.

права и назначить цены. Чикагские экономисты, которые непрерывно ищут новые доходные территории в социальной сфере, подобны картографам колониальной эпохи, открывавшим новые водные пути Амазонки или разыскивавшим тайники с золотом в храме инков.

И коррупция сопутствует деятельности на этих новых территориях так же, как это было в колониальные времена при погоне за золотом. Поскольку самые важные сделки по приватизации заключаются в разгар экономических или политических кризисов, ясных законов и эффективного регулирования просто нет — вокруг царит хаос, политики и цены становятся гибкими. То, что мы пережили за последние три десятилетия, — это капитализм, открывающий новые фронтиры с каждым новым кризисом, как только закон дает сбой.

Таким образом, появление в России олигархов было не предостережением, но доказательством того, насколько выгодна хищническая эксплуатация индустриального государства — и Уолл-стрит захотела большего. Сразу после крушения советской системы Казначейство США и МВФ стали гораздо строже в своих требованиях относительно приватизации для стран, охваченных кризисом. Самым драматичным примером служит Мексика, в которой в 1994 году, через год после ельцинского переворота, разразился банковский «текила кризис»: помощники из США поставили жесткое условие провести срочную приватизацию. Журнал *Forbes* объявил, что в результате этого появилось 23 миллиардера. «Из этого можно сделать вывод: если вы хотите предсказать, где появится группа новых миллиардеров, вам следует обратить внимание на страны, в которых открываются рынки». Это передало богатства Мексики в руки иностранных собственников в невиданных масштабах: в 1990 году иностранцы владели в Мексике только одним банком, «к 2000 году 24 банка из 30 принадлежали иностранцам»⁹⁵. Единственный урок заключался в следующем: чем быстрее богатство переходит из одних рук в другие и чем меньше при этом соблюдаются законы, тем больше прибыли это приносит.

Это хорошо понимал Гонсало Санчес де Лосада (Гони), бизнесмен, в доме которого в 1985 году разрабатывался план шоковой терапии для Боливии. Став президентом страны в середине 90-х, он продал боливийскую государственную нефтяную компанию, национальную авиалинию, железную дорогу, электрическую сеть и телефонную компанию. В отличие от России, где наилучшие куски доставались

⁹⁵ Schuman M. Billionaires in the Making // *Forbes*. 1994. July 18; Harvey D. A Brief History of Neoliberalism, p. 103.

своим, покупателями при распродаже Боливии оказались Enron, Royal Dutch/Shell, Amoco Corp. и Citicorp, и покупки были сделаны непосредственно, без партнерства с местными фирмами⁹⁶. *Wall Street Journal* описывает сцену из жизни дикого Запада в Ла-Пасе в 1995 году: «Отель “Рэдиссон Плаза” заполнен руководителями крупных американских компаний, таких как AMR Corp’s American Airlines, MCI Communication Corp., Exxon Corp. или Salomon Brothers Inc. Они прибыли сюда по приглашению Боливии, чтобы переписать законы приватизируемого сектора и предложить свои цены за компании, выставленные на продажу», — вот как все культурно организовано. «Важно сделать изменения законов необратимыми и завершить работу прежде, чем начнут действовать антитела», — сказал президент Санчес де Лосада, объясняя свой шоковый метод. Чтобы полностью обезопасить себя от действия «антител», правительство Боливии прибегло к уже испытанному средству: ввело еще одно продолжительное «чрезвычайное положение», которое позволило запретить политические собрания и арестовывать всех протестующих⁹⁷.

Сюда же относится печально известная коррупционная приватизация в Аргентине, которую компания Goldman Sachs в своем инвестиционном отчете назвала «прекрасным новым миром». Карлос Менем, перонист, получивший власть потому, что обещал стать голосом трудящихся, все последующие годы занимался сокращением штатов и продажей нефтеносных земель, телефонной сети, авиакомпаний, железных дорог, аэропорта, автомагистралей, системы водоснабжения, банков, зоопарка Буэнос-Айреса и, наконец, почты и системы пенсионного обеспечения. Богатство страны утекало за границу, зато аргентинские политики жили все роскошнее. Менем, когда-то носивший кожаную куртку и короткие бакенбарды, как у рабочих, теперь облачился в итальянский костюм и регулярно посещал пластического хирурга («пчела укусила» — так он объяснял припухлость лица). Мария Юлия Алсогарай, министр Менема, отвечающая за приватизацию, позировала на обложке популярного журнала в роскошной меховой шубе — другой одежды на ней не было, — а Менем начал ездить на ярко-красном Ferrari Testarossa — это был «подарок» благодарного бизнесмена⁹⁸.

⁹⁶ YPFB: Selling a National Symbol // *Institutional Investor*. 1997. March 1; Friedland J. Money Transfer // *Wall Street Journal*. 1995. August 15.

⁹⁷ Friedland J. Money Transfer.

⁹⁸ Blustein P. *And the Money Kept Rolling In (and Out)*, pp. 24, 29; Nash N.C. Argentina’s President,

Страны, подражавшие русской приватизации, также переживали ельцинские перевороты наоборот — в смягченной форме. Правительства, которые пришли к власти мирным путем, постепенно прибегали ко все большей жестокости, чтобы удержать власть и защитить свои реформы. В Аргентине господство свободного неолиберализма закончилось 19 декабря 2001 года, когда президент Фернандо де ла Руа и его министр финансов Доминго Кавальо попытались навязать жесткие меры, прописанные МВФ. Народ возмутился, и де ла Руа приказал полиции разогнать толпу любыми средствами. В итоге де ла Руа вынужден был улететь на вертолете, но до этого 21 человек из демонстрантов был убит полицией, а 1350 получили ранения⁹⁹. Последние дни президентства Гони были запятнаны кровью. Его приватизация породила в Боливии серию «боев»: сначала «бой» за воду против контракта с *Bechtel*, из-за чего цены поднялись на 300 процентов; затем «налоговую войну» против рекомендации МВФ пополнить дефицит бюджета, обложив налогом работающих бедняков; затем «газовые войны» против плана экспортировать газ в США. В конце концов Гони также был вынужден покинуть президентский дворец и жить в изгнании в США, но, как и в случае с де ла Руа, до этого многих людей лишили жизни. Когда Гони приказал военным разогнать уличную демонстрацию, солдаты убили около 70 человек — многие из них оказались случайными прохожими — и ранили около 400. По данным на начало 2007 года, Гони разыскивался полицией, чтобы предстать перед Верховным судом Боливии по обвинению в массовом убийстве¹⁰⁰.

Режимы Аргентины и Боливии, проводившие масштабную приватизацию, в Вашингтоне представляют доказательством того, что шоковую терапию можно применять мирно и демократическим путем, без переворотов или репрессий. Действительно, приватизация там началась не под дулом автомата, однако в обоих случаях все закончилось насилием.

Во многих странах Южного полушария неолиберализм нередко называют «вторым колониальным грабежом»: в момент первого грабе-

Praised Abroad, Finds Himself in Trouble at Home // *New York Times*. 1991. June 8; *Robberson T.* Argentine President's Exit Inspires Mixed Emotions // *Dallas Morning News*. 1999. October 18.

⁹⁹ *Brinkley-Rogers P.* Chaos Reigns as President Flees Uprising // *Daily Telegraph*. London. 2001. December 22.

¹⁰⁰ *Friedman-Rudovsky J.* Bolivia Calls Ex-President to Court // *Time*. 2007. February 6.

жа колонизаторы овладели богатствами земли, а во время второго — богатствами государства. И за каждой такой оргией обогащения следуют обещания: в следующий раз в стране установят четкие законы, прежде чем ее богатства начнут распродавать, и весь процесс будет проходить под наблюдением зорких контролеров и наблюдателей несокрушимой честности. До начала приватизации будут «выстроены общественные институты» (используя слова, которые говорились о России). Но говорить о законе и призывать к порядку, когда все прибыли уже оказались в офшорах, это все равно что признавать законность грабежа после его совершения, подобно тому как европейские колонизаторы легализовывали захваченные земли, заключая международные соглашения. Отсутствие закона на новых территориях, как понимал Адам Смит, вовсе не проблема, а преимущество. И в правила этой игры входят извинения и обещания в следующий раз вести себя лучше.

ЗВЕРИНЫЙ ОСКАЛ КАПИТАЛИЗМА:

РОССИЯ И НОВАЯ ЭРА ХАМСКОГО РЫНКА

Вы стали доверенным лицом всех тех, кто пытается поправить недостатки жизни в своей стране, экспериментируя в рамках существующих социальных систем. Если Вы откажетесь от этой роли, рациональные изменения будут крайне предвзято оцениваться по всему миру, оставляя ортодоксии и реакции шанс вернуть утраченные позиции.

Джон Мейнард Кейнс, из письма к президенту Ф.Д. Рузвельту, 1933 г.¹

В тот день в октябре 2006 года, когда я шла на встречу с Джеффри Саксом, Нью-Йорк был окутан унылым одеялом измороси и буквально каждые пять шагов на сером фоне попадались кричащие пятна красного цвета. На этой неделе стартовала грандиозная рекламная компания по продвижению бренда Product Red², и город был буквально заполонен красными пятнами. Красные плееры iPod и красные солнечные очки Armani красовались в витринах

¹ *Keynes J.M. From Keynes to Roosevelt.*

² Международный бренд, совладельцем которого стал Боно, звезда рока и лидер группы U2, в партнерстве с ведущими транснациональными компаниями Armani, Motorola, Apple, Gap, American Express и другими, которые выпускали линейку специальных продуктов, выкрашенных в ярко-красный цвет, в том числе футболки, обувь, очки, кредитные карты, плееры iPod. Часть доходов от продажи этих продуктов (по некоторым данным, до 50% прибыли) направлялись в Международный фонд по борьбе со СПИДом, туберкулезом и малярией в Африке. Программа была открытой для других компаний (число ее участников росло по мере продвижения бренда) и представляла собой принципиально новую, коммерческую модель финансирования социальных программ, отличную от традиционной системы благотворительных взносов и пожертвований. — *Примеч. ред.*

и на рекламных щитах, на каждом автобусе в городе висели плакаты со Стивеном Спилбергом и Пенелопой Круз в красных одеждах, каждый магазин Gap был оформлен в палитре красного, витрины магазина Apple на Пятой авеню подсвечивались красным светом. «Может ли безрукавка изменить мир?» — вопрошал один из рекламных плакатов. Нас уверяли: да, может, потому что часть доходов получал Международный фонд борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией. «Покупай до полной победы над болезнями!» — провозгласил Боно во время рекламного телешоу Опры Уинфри пару дней назад³.

Я подозревала, что большинство журналистов, отправившись на беседу с Саксом на этой неделе, хотели бы услышать мнение суперзвезды экономики о таком новомодном способе собирать деньги для благотворительной помощи. В конце концов, Боно называл Сакса «мой учитель», а фотография этих двух людей бросилась мне в глаза, когда я входила в офис Сакса в Колумбийском университете (Сакс покинул Гарвард в 2002 году). На фоне этой гламурной благотворительности я чувствовала себя лишней, потому что хотела побеседовать с профессором о самой непопулярной теме из всех возможных, о такой теме, которая могла бы его заставить неожиданно бросить трубку посередине разговора с журналистом. Я хотела поговорить с ним о России и о том, что же там произошло не так.

Именно в России, после первого года шоковой терапии, начался переходный период для самого Сакса, и из глобального шокового терапевта он превратился в одного из самых известных организаторов кампаний по сбору средств для помощи бедным странам. Эта перемена стала причиной его конфликта со многими бывшими коллегами и сотрудниками в кругах приверженцев ортодоксальной экономической теории. Но нельзя сказать, что Сакс совершенно переменился, — он всегда стремился помогать странам развивать рыночную экономику на фоне щедрой помощи и прощения долгов. На протяжении многих лет он делал это, работая в партнерстве с МВФ и Казначейством США. Но к тому времени, как он начал помогать России, тональность переговоров изменилась, и он натолкнулся на такое глубокое официальное равнодушие, что, потрясенный этим, изменил позицию относительно экономических взглядов Вашингтона.

Оглядываясь на прошлое, можно определенно сказать, что с России началась новая глава в истории крестового похода чикагской школы. В 1970—1980-х годах, проводя эксперименты с шоковой терапией,

³ Herer A.M. Oprah, Bono Promote Clothing Line, iPod // Associated Press. 2006. October 13.

Казначейство США и МВФ стремились достичь хотя бы поверхностного успеха — именно потому, что эти эксперименты должны были стать примером, которому последуют другие страны. Диктатуры Латинской Америки в награду за разгром профсоюзов и открытые границы получали постоянные займы, даже несмотря на то, что Чили, явно отклонившись от доктрины чикагской школы, оставила в руках государства самые крупные медные рудники в мире, а аргентинская хунта медлила с приватизацией. Боливия, первая демократическая страна, согласившаяся в 80-х на шоковую терапию, получила новую помощь и частичное освобождение от долгов еще до того, как Гони начал приватизацию в 90-х. Когда Сакс работал с Польшей, первой страной Восточного блока, согласившейся на шоковую терапию, он без труда достал для нее существенные займы, хотя опять-таки ход масштабной приватизации замедлился и приостановился, когда первоначальный замысел вызвал мощное сопротивление населения.

С Россией все было иначе. «Слишком много шока, слишком мало терапии», — такой вывод сделали многие люди. Западные власти крайне жестко требовали проведения самых болезненных «реформ» и в то же время проявляли удивительную скупость относительно предлагаемой помощи. Даже Пиночет смягчил жесткость шоковой терапии продовольственными программами для самых бедных детей, однако вашингтонские кредиторы не видели причин помогать Ельцину делать то же самое, вместо этого толкая страну в какой-то кошмар из трудов Гоббса.

Поговорить с Саксом о России достаточно глубоко было нелегкой задачей. Я надеялась на разговор, в котором он выйдет за рамки своих привычных отговорок («Я был прав, а они совершенно не правы, — сказал он мне. И потом добавил: — Спросите Ларри Саммерса, а не меня. Спросите Боба Рубина, спросите Клинтона, спросите Чейни, как им нравится то, что произошло с Россией»). Я также не хотела, чтобы разговор ограничился только его разочарованием («Тогда я пытался что-то сделать, но все это оказалось совершенно бесполезным»). Я пыталась понять, почему опыт с Россией был таким неуспешным, почему удача, которой так славился Джеффри Сакс, в этом случае от него отвернулась.

Сакс сказал, что, приехав в Москву, он сразу понял, что произошли какие-то перемены. «Это было какое-то предчувствие с первого же момента... Я был в бешенстве с самого начала». Россия находилась в состоянии «первоклассного макроэкономического кризиса, на-

столько интенсивного и опасного, какого я еще в жизни не видел». И решение казалось ему очевидным: те же процедуры шоковой терапии, которые он прописал Польше, чтобы «быстро восстановить работу основных движущих сил рынка — плюс огромная помощь. Я думал о 30 миллиардах долларов в год, примерно 15 миллиардов — для России и 15 — для прочих республик, чтобы этот переход совершался мирно и демократически».

Надо сказать, память Сакса работает крайне избирательно, когда речь заходит об ужасающих программах, которые он проводил в Польше и России. В нашей беседе он неоднократно обходил те моменты, когда сам призывал к скорейшей приватизации и резкому сокращению расходов (короче — к шоковой терапии, хотя сегодня он не пользуется этим термином, уверяя, что сражался лишь за либерализацию ценовой политики, но не за масштабную распродажу страны). В его нынешних воспоминаниях шоковая терапия играет второстепенную роль, он почти все время говорил о поиске денег. По его словам, в Польше его программой были следующие меры: «стабилизационный фонд, списание долгов, кратковременная финансовая помощь, интеграция в экономику Западной Европы... Когда меня попросила о помощи команда Ельцина, я предложил им по сути такую же программу»⁴.

Нет оснований сомневаться в фактах, о которых говорил Сакс: добиться значительной помощи было одной из его главных задач в России — именно на этих условиях Ельцин согласился применить весь план шоковой терапии. Сакс сказал, что держал в голове план Маршалла: 12,6 миллиарда долларов (130 миллиардов в нынешних ценах), выделенных США после Второй мировой войны на восстановление инфраструктуры и промышленности Европы, — этот план многие считают самой успешной дипломатической инициативой Вашингтона⁵. По словам Сакса, план Маршалла показал: «Когда страна переживает бедствие, не стоит ждать, что она самостоятельно поднимется на ноги без новых проблем. Меня привлекает в плане Маршалла то... что умерен-

⁴ Как отмечает Джон Кэссиди, написавший в 2005 году биографию Сакса для газеты *New Yorker*: «Фактически как в Польше, так и в России Сакс стоял за масштабную социальную перестройку, а не за постепенный рост и развитие институтов. Злосчастная политика приватизации служит тому ярким примером. Хотя в основном приватизация прошла в конце 1994 года, уже после того, как Сакс покинул Россию, первоначальный ее план был подготовлен в 1992—1993 годах, когда он еще был там». *Cassidy J. Always with Us // The New Yorker*. 2005. April 11.

⁵ *Miller T.C. Blood Money: Wasted Billions, Lost Lives, and Corporate Greed in Iraq*. New York Little, Brown and Company, 2006. P. 123.

ное денежное вливание стало основой экономического восстановления [Европы]». Вначале он думал, что это соответствует политике Вашингтона — преобразовать Россию в страну с успешной капиталистической экономикой, как раньше США поступили с Западной Германией и Японией по окончании Второй мировой войны.

Сакс был уверен, что вынудит Казначейство США и МВФ взяться за новый план Маршалла, и не без веских оснований. Газета *New York Times* писала, что Сакс, «вероятно, самый важный экономист во всем мире»⁶. Как он вспоминал, будучи советником правительства Польши, ему удалось «собрать в Белом доме один миллиард долларов всего за день». «Но, — сказал мне Сакс, — когда я попросил сделать то же самое для России, это никого не заинтересовало. [Абсолютно.] А люди из МВФ смотрели на меня так, как будто я сумасшедший».

И хотя у Ельцина и его «чикагских мальчиков» была масса поклонников в Вашингтоне, ни один из них не пожелал оказывать такую помощь. Это означало, что Сакс навлек на Россию катастрофическую программу, не в состоянии выполнить того, что обещал. И тогда он начал обвинять себя. Когда бедственные перемены шли в России полным ходом, Сакс говорил: «Моя величайшая личная ошибка заключалась в том, что я сказал президенту Борису Ельцину: “Не волнуйтесь, помощь уже близка”. Я понимал, насколько эта помощь необходима. И она была чрезвычайно важна для самого Запада, так что я не мог ожидать такого фундаментального провала, какой совершился»⁷. Однако проблема заключалась не только в том, что МВФ и Казначейство не прислушались к словам Сакса, но и в том, что он решительно настоял на проведении шоковой терапии, не будучи уверен, что Вашингтон пойдет ему навстречу, — и за эту игру миллионы людей дорого заплатили.

Когда я снова подняла этот вопрос в разговоре с Саксом, он повторил, что по-настоящему ошибся, не уловив политического настроения Вашингтона. Он вспомнил разговор с Лоренсом Иглбергером, госсекретарем США в правление Джорджа Буша-старшего. Сакс пытался объяснить, что если позволить России и дальше погружаться в экономический хаос, ситуация полностью выйдет из-под контроля: массовый голод, всплеск национализма, даже фашизма, будут слишком опасны в стране, которая производит в избытке только один вид продукции — ядерное оружие. «Возможно, ваши соображения и не-

⁶ *Passell P.* Dr. Jeffrey Sachs, Shock Therapist // *New York Times*. 1993. June 27.

⁷ *Sachs J.D.* Life in the Economic Emergency Room // *The Political Economy of Policy Reform*, p. 516.

беспочвенны, — ответил Саксу Иглбергер, — но этого не произойдет. Знаете, какой у нас сейчас год?»

Был 1992 год, год выборов в США, на которых Биллу Клинтону предстояло победить Буша-старшего. Клинтон строил свою предвыборную кампанию на том, что Буш игнорирует экономические проблемы внутри страны ради осуществления амбициозных внешнеполитических планов («Глупец, это же экономика!»). Сакс полагает, что яблоком раздора в этих разногласиях была именно Россия. И как он понял теперь, за этим стояло кое-что еще: многие вашингтонские махинаторы при власти все еще продолжали играть в холодную войну. Для них экономическая катастрофа России была геополитической победой, решающим триумфом, который демонстрирует превосходство США. «Это мне и в голову не могло прийти», — сказал Сакс, и его голос, как это часто бывает, звучал как у скаута, который озадачен каким-то эпизодом из сериала «Клан Сопрано». «Я ожидал услышать: “Великолепно! Наконец-то этот ужасный режим кончится. Давайте поможем [русским] по-настоящему. Дадим им все, что можно...” Теперь, задним числом, я понимаю, что ведущим политикам мое предложение показалось чистым безумием».

Несмотря на эту неудачу, Сакс не считает, что политику относительно России на тот момент определяла идеология свободного рынка. Скорее это была, по его словам, «чистая лень». Он ожидал горячих споров, надо ли помогать России или пусть это делает рынок. Вместо этого все только пожимали плечами. Его поразило отсутствие серьезных исследований и обсуждений, которые могли бы дать материал для этого судьбоносного решения. «На мой взгляд, надо всем преобладало нежелание делать усилия. Ну почему бы не потратить хотя бы пару дней на обсуждение — нет, даже этого не было! Никаких признаков серьезной работы, никто не говорил: “Нам придется засучить рукава, сесть за дело и разрешить эти вопросы, давайте попытаемся понять, что же на самом деле происходит”».

Когда Сакс с энтузиазмом упоминает «серьезную работу», он как будто переносится в прошлое, к эпохе «Нового курса», «Великого общества» и плана Маршалла, когда молодые люди из элитных университетов сидели за столами, скинув пиджаки, в окружении пустых кофейных чашек и бумаг с экономическими программами, и горячо обсуждали вопросы о процентных ставках или о ценах на пшеницу. Так составлялись экономические планы в лучшую пору кейнсианства, и такой степени серьезности катастрофа России вполне заслуживала.

Но констатация того, что Вашингтон отвернулся от России в силу коллективной лени, — мало что объяснит. Возможно, это событие станет понятнее, если посмотреть на него с точки зрения экономистов свободного рынка, которые любят говорить о рыночном соревновании. Когда холодная война была в полном разгаре и Советский Союз сохранял дееспособность, люди по всему миру могли выбирать (хотя бы теоретически), какую идеологию они хотят себе «купить»: существовало два полюса и богатое пространство возможностей между ними. Это означало, что капитализму приходилось бороться за потребителей, искать нужные стимулы и выпускать хорошую продукцию. Кейнсианство всегда выражало эту потребность капитализма в соревновании. Президент Рузвельт ввел «Новый курс» не только для того, чтобы справиться с последствиями Великой депрессии, но и чтобы противостоять мощному движению среди граждан США, которые, пережив удары со стороны нерегулируемого свободного рынка, требовали иной экономики. И некоторые склонялись к радикально иной альтернативе: на президентских выборах 1932 года американцы отдали миллион голосов кандидатам от социалистов и коммунистов. Все большее число людей также прислушивались к словам сенатора от Луизианы популиста Хью Лонга, который считал, что все американцы должны получать гарантированный месячный доход 2500 долларов. Отвечая на вопрос, почему он увеличил социальные пособия в программе «Нового курса», Рузвельт ответил, что хотел «отвести угрозу Лонга»⁸.

Именно поэтому американские промышленники неохотно приняли «Новый курс» Рузвельта. Пришлось смягчить жесткость рынка, создав государственные рабочие места и такие условия, при которых никто не останется голодным, — это ставило под угрозу само будущее капитализма. В годы холодной войны ни одна страна свободного мира не была свободна от подобного давления. Фактически все достижения капитализма к середине века (Сакс это называет «нормальным» капитализмом): защита прав трудящихся, пенсии, государственное здравоохранение, поддержка беднейших граждан в Северной Америке — все это породила та же самая прагматическая потребность идти на значительные уступки перед лицом сильного левого движения.

И план Маршалла был важнейшим орудием на этом экономическом фронте. После войны Германия находилась в тяжелом экономи-

⁸ Roosevelt Victor by 7 054 520 Votes // *New York Times*. 1932. December 25; Moley R. *After Seven Years*. New York: Harper & Brothers, 1939. P. 305.

ческом кризисе и могла потянуть за собой в пропасть другие страны Западной Европы. В то же время столь многие немцы склонялись к социализму, что правительство США решило поделить Германию на две части, не рискуя потерять всю страну, которой угрожала экономическая катастрофа или левизна. И правительство США использовало план Маршалла, чтобы построить в Западной Германии не такую экономическую систему, в которой можно быстро и легко создать рынки для компаний Ford и Sears, но такую, которая будет успешной при самостоятельном развитии, благодаря чему Европа добьется экономического процветания, а социализм потеряет свою привлекательность.

Это означало, что в 1949 году приходилось терпеливо относиться к любым антикапиталистическим мерам правительства Западной Германии, таким как непосредственное создание государством рабочих мест, крупные инвестиции в публичный сектор, субсидирование немецких фирм и сильные профсоюзы. Правительство США пошло на такой шаг, который невозможно себе представить относительно России 1990-х или Ирака после оккупации, приведший в ярость американские корпорации: оно наложило мораторий на иностранные инвестиции, чтобы пострадавшим от войны немецким компаниям не пришлось вступать в соревнование, пока они не восстановятся. «Тогда казалось, что, если позволить в тот момент иностранным компаниям внедриться в страну, получится пиратство, — сказала мне Кэролин Айзенберг, автор книги о славной истории плана Маршалла⁹. — Главное отличие тогдашней ситуации от сегодняшней в том, что правительство США не рассматривало Германию как дойную корову, дающую прибыль. Оно не хотело породить конфликты. Казалось, что если разграбить эту страну, можно нанести ущерб Европе в целом».

И за этим отношением, как считает Айзенберг, стоял вовсе не альтруизм. «Советский Союз был вроде заряженного ружья. Экономика была в кризисе, в Германии было много левых, так что им [Западу] нужно было как можно быстрее завоевать доверие немецкого народа. Они действительно считали, что сражаются за душу Германии».

Слова Айзенберг о битве идеологий, стоящей за планом Маршалла, указывают на белое пятно в работе Сакса, включая его всем известную попытку последнего времени значительно увеличить помощь Африке. Он практически не учитывает движения, популярные среди масс. Саксу кажется, что историю создает элита, что весь вопрос только в том,

⁹ Eisenberg C. Drawing the Line: The American Decision to Divide Germany, 1944—1949. New York: Cambridge University Press, 1996.

чтобы найти правильных технократов, которые предложат правильные меры. Как программы шоковой терапии по секрету разрабатывались в Ла-Пасе и Москве, так и программа помощи объемом в 30 миллиардов долларов бывшим советским республикам должна была создаваться на основе убедительных аргументов Сакса в Вашингтоне. Однако, как заметила Айзенберг, план Маршалла был основан не на доброй воле или разумных аргументах, но на страхе перед возмущением народа.

Сакс восхищался Кейнсом, но, по-видимому, не интересовался тем, что сделало кейнсианство возможным в Америке: неуютные и решительные требования со стороны профсоюзов и социалистов, которые, при их растущей силе, делали более радикальное решение реальной угрозой, что, в свою очередь, придало «Новому курсу» вид приемлемого компромисса. Это нежелание видеть, что массовые движения заставляют сопротивляющиеся правительства принять те самые идеи, за которые стоял Сакс, имеет серьезные последствия. Это помешало ему увидеть, с какой ужасающей политической реальностью он столкнется, приехав в Россию: тут никогда не будет осуществлен план Маршалла, потому что этот план изначально был создан именно *из-за* России. Когда Ельцин распустил Советский Союз, то «заряженное ружье», из-за которого возник первоначальный план, перестало представлять опасность. И в новых условиях капитализм внезапно получил свободу обрести свою самую дикую форму, и не только в России, но и по всему миру. С падением Советов свободный рынок обрел полную монополию, а это означало, что с «помехами», которые нарушали его совершенное равновесие, можно было больше не считаться.

И в этом состояла подлинная трагедия обещаний, данных народам Польши и России, что, пройдя курс шоковой терапии, они внезапно очнутся в «нормальной европейской стране». Эти нормальные европейские страны (с мощной системой социальной защиты и охраны труда, с сильными профсоюзами и общественной системой здравоохранения) возникли в результате компромисса между коммунизмом и капитализмом. Теперь же нужда в компромиссах отпала, и все эти смягчающие капитализм социальные меры оказались под угрозой в Западной Европе, как они стояли под угрозой в Канаде, Австралии и США. Эти меры никто не собирался вводить в России, во всяком случае — а счет западных фондов.

По своей сути такое освобождение от всех ограничений и есть экономика чикагской школы (которую также называют неолиберализмом, а в США — неоконсерватизмом): это не какое-то новое изобре-

ние, но капитализм, лишенный кейнсианских атрибутов, капитализм в монополистической стадии, система, которая сама себя освободила, — и теперь ей не нужно бороться за потребителей, она вправе быть антисоциальной, антидемократической и хамской, если того пожелает. Пока существовал коммунизм, действовало и джентльменское соглашение, позволявшее жить кейнсианству; когда же эта система рухнула, настало время избавиться от любых компромиссов и осуществить заветную мечту Фридмана, которую тот сформулировал уже полстолетия назад.

В этом истинный смысл ярких слов Фукуямы о «конце истории» на лекции в Чикагском университете в 1989 году: на самом деле они не означали, что в мире не осталось других идей, но с падением коммунизма не осталось идей, достаточно сильных для сохранения прежнего соревнования.

Поэтому когда Сакс увидел в распаде Советского Союза освобождение от авторитарного режима и был готов засуча рукава оказывать помощь, его коллеги по чикагской школе увидели тут иную свободу — освобождение от кейнсианства и благотворительности, которой занимались люди типа Джеффри Сакса. С этой точки зрения невмешательство, которое так возмутило Сакса по поводу России, вовсе не было «чистой ленью», но «чистым» капитализмом в действии: пусть будет, как будет, ничего не надо делать. Но ответственные люди, которые и пальцем не пошевелили, чтобы помочь России, такие как Дик Чейни, министр обороны в кабинете Буша-старшего, Лоренс Саммерс, заместитель министра финансов, Стенли Фишер из МВФ, на самом деле не бездействовали — они работали, применяли идеологию чикагской школы в чистом виде, предоставив рынок самому себе. Россия в большей мере, нежели Чили, была практическим осуществлением этой идеологии, предвестником ситуации: «стань богатым или умри», которую те же люди создали в Ираке.

Новые хозяева игры показали себя 13 января 1993 года в Вашингтоне. Они собрались на небольшую, но важную встречу на 10-м этаже конференц-зала Центра Карнеги, в семи минутах езды от Белого дома и на расстоянии брошенного камня от центральных офисов МВФ и Всемирного банка. Джон Уилльямсон, известный экономист, который определял политику как банка, так и фонда, устроил историческую встречу племени неолибералов. Там собрался передовой отряд «технократов», которые возглавляли кампанию по распространению чи-

кагской доктрины по всему миру. Среди приглашенных были бывшие и нынешние министры финансов Испании, Бразилии и Польши, директора центральных банков Турции и Перу, глава администрации президента Мексики и бывший президент Панамы. Там присутствовали также старый друг и герой Сакса Лешек Бальцеревич, автор программы шоковой терапии в Польше, и гарвардский коллега Сакса Дэни Родрик, экономист, который доказал, что каждая страна, согласившаяся на неолиберальную перестройку, находилась в глубоком кризисе. Там была Энн Крюгер, в будущем первый заместитель директора МВФ, а Хосе Пиньера, любимый министр Пиночета, хотя не смог приехать, потому что занимался президентскими выборами в Чили, послал собравшимся приветствие. Сакс, который на тот момент был советником Ельцина, должен был произнести на этом собрании программную речь.

На протяжении всего дня участники конференции наслаждались любимым занятием экономистов — разрабатывали стратегии, позволяющие заставить упрямых политиков пойти на меры, не пользующиеся поддержкой избирателей. Как быстро после выборов следует проводить шоковую терапию? Не являются ли тут левоцентристские партии более эффективными, чем правые, потому что атака *левых* неожиданнее? Что лучше: предупредить население или взять его врасплох посредством «вуду-политики»? Хотя конференция носила название «Политическая экономика реформ» — как будто бы такое название специально придумали, чтобы не привлекать интереса СМИ, — один участник пошутил, что на самом деле речь там шла о «макиавеллиевской экономике»¹⁰.

Сакс слушал эти разговоры несколько часов, а после обеда вышел на сцену, чтобы произнести речь с характерным названием «Жизнь в кабинете экономической скорой помощи»¹¹. Он был заметно возбужден. Собравшиеся тоже жаждали услышать речь своего кумира, человека, который передал огонь шоковой терапии демократической эпохе. Но Сакс не был настроен выслушивать хвалу в свой адрес. Вместо этого, как он потом мне сказал, хотел объяснить этому собранию могущественных людей всю серьезность происходящего в России.

Он напомнил аудитории о помощи, оказанной Европе и Японии после Второй мировой войны, которая «сыграла жизненно важную роль в последующих удивительных достижениях Японии». Он рассказал об одном письме от аналитика из фонда Heritage — из само-

¹⁰ Williamson J. The Political Economy of Policy Reform, p. 44.

¹¹ Sachs J.D. Life in the Economic Emergency Room, pp. 503—504, 513.

го центра фридманизма, — который «горячо верит в российские реформы, но сомневается в необходимости иностранной помощи для России». «Это распространенная точка зрения идеологов свободного рынка, — продолжал Сакс, — к которым и я принадлежу. Она кажется верной, но на самом деле это ошибка. Рынок не способен справиться с проблемами в одиночку; международная помощь тут крайне важна». Одержимость идеей невмешательства государства в экономику привела к катастрофе в России, где, сказал он, «у реформаторов, какими бы смелыми, блестящими и удачливыми они ни были, ничего не может получиться без объемной помощи извне... так что мы практически упустили великую историческую возможность».

Конечно, Сакс получил причитающиеся ему аплодисменты, но в целом прием был достаточно холодным. Почему он выступает за социальные расходы? Ведь собравшиеся чувствовали себя крестоносцами, которые должны разрушить «Новый курс», а не создавать нечто подобное. По ходу конференции ни один из участников не поддержал Сакса, а многие выступили с его критикой.

Как сказал Сакс, выступая на конференции, он хотел «объяснить, что такое настоящий кризис... заразить слушателей ощущением неотложности его решения». По его мнению, люди, составляющие программы в Вашингтоне, часто «не понимают, что такое экономический хаос. Они не понимают, какое он порождает смятение». Он хотел указать им на то, что «есть своя динамика, когда ситуация все больше и больше становится неуправляемой, пока не появляются новые бедствия, пока не приходит Гитлер, облеченный властью, пока не начинается гражданская война, массовый голод и тому подобное... Это ситуация неотложной помощи, потому что нестабильность имеет тенденцию расти, а не возвращаться к состоянию равновесия».

На мой взгляд, Сакс недооценивал аудиторию. Участники конференции прекрасно знали теорию кризисов Фридмана, и многие из них использовали ее на практике в своих странах. Многие прекрасно понимали, какими бедствиями и беспорядками чревата экономическая катастрофа, но Россия преподала им совсем другой урок — мучительная и хаотичная политическая ситуация вынудила Ельцина быстро распродать богатства государства, — а это им казалось однозначно положительным исходом.

Джон Уилльямсон, ведущий конференции, постарался вернуть дискуссию в русло прагматики. Хотя Сакс стал звездой на этой встрече, подлинным гуру для собравшихся был Уилльямсон. Этот лысеющий

и нетелегеничный, а также шокирующе неполиткорректный человек придумал термин «вашингтонский консенсус» — спорное выражение, вероятно, чаще любого прочего употребляемое современными экономистами. Он прославился как организатор жестко структурированных закрытых конференций и семинаров, посвященных одной из его гипотез. У этой январской конференции была четкая программа: Уильямсон хотел проверить раз и навсегда «кризисную гипотезу», как он ее называл¹².

В своей лекции он не сказал ни слова о необходимости спасти страны от кризиса, фактически даже с энтузиазмом говорил о бедствиях и катастрофах. И напомнил собравшимся о неоспоримом факте: только когда страна по-настоящему страдает, она соглашается принять горькое лекарство рынка, только испытав шок, страна подчиняется шоковой терапии. «Таким образом, наихудшие времена являются наилучшими с точки зрения возможностей для тех людей, которые видят необходимость в фундаментальной экономической реформе», — заявил он¹³.

Со своим необычайным умением выразить словами бессознательное финансового мира Уильямсон мимоходом сказал, что это ставит один любопытный вопрос: «Кто-нибудь может спросить: а не стоит ли рассмотреть возможность намеренного создания кризиса для выхода из политического тупика реформ? Например, такую тактику предлагали использовать в Бразилии — организовать там гиперинфляцию, которая всех напугает и заставит согласиться на перемены... Надо думать, никто из людей, обладающих даром видеть историческое будущее, не помышлял в середине 1930-х о том, что война поможет Германии или Японии добиться экономического процветания после их поражения. Но, быть может, не такой тяжелый кризис может выполнить ту же функцию? Можно ли думать о фиктивном кризисе, который подобным образом послужит позитивным целям, но не принесет таких потерь, как подлинный кризис?»¹⁴

Это замечание Уильямсона отражало большой шаг вперед в развитии доктрины шока. В зале, который заполняли министры финансов и главы центральных банков в количестве, достаточном для проведения торгового саммита, открыто обсуждался вопрос провоцирования искусственного кризиса для введения шоковой терапии.

¹² *Williamson J. The Political Economy of Policy Reform*, pp. 19, 26.

¹³ *Williamson J., Haggard St. The Political Conditions for Economic Reform // The Political Economy of Policy Reform*, p. 565.

¹⁴ *Williamson J. The Political Economy of Policy Reform*, p. 20.

По меньшей мере один участник конференции в своей речи счел необходимым оградить себя от этих рискованных идей. «Предложение Уилльямсона о тактике создания искусственного кризиса для стимуляции реформ я склонен рассматривать как провокацию и желание подразнить публику», — сказал Джон Тойи, британский экономист Университета Сассекса¹⁵. Хотя не было никаких оснований утверждать, что Уилльямсон дразнит публику. Скорее есть все основания думать, что эту идею уже применяли в финансовых решениях Вашингтона или где-то еще на самом высоком уровне.

Прошел месяц после конференции в Вашингтоне, и новый энтузиазм относительно «искусственного кризиса» отразился в событиях, произошедших в моей собственной стране, хотя мало кто тогда понимал, что это часть глобальной стратегии. В феврале 1993 года Канада оказалась на грани финансовой катастрофы — во всяком случае, к такому выводу подталкивали газетные статьи и телепередачи. «Нам грозит долговой кризис!» — кричал заголовок на первой странице канадской газеты *Globe and Mail*. По одному из главных телевизионных каналов страны нам говорили: «По прогнозам экономистов, в течение одного-двух ближайших лет произойдет следующее: заместитель министра финансов войдет в кабинет министров и объявит, что Канада больше не сможет получать кредиты... И тогда наша жизнь резко изменится»¹⁶.

Вдруг все заговорили о неведомой раньше «долговой стене». Это означало следующее: хотя на данный момент жизнь кажется удобной и мирной, Канада тратит деньги, превышая свои возможности, а потому скоро влиятельные фирмы Уолл-стрит, такие как Moody's или Standard and Poor's, понизят кредитный рейтинг страны, который из нынешней прекрасной позиции A++ станет гораздо ниже. Когда это произойдет, гипермобильные инвесторы, действуя в рамках новых правил глобализации и свободной торговли, просто изымут деньги, вложенные в Канаду, и направят их в другое место. И, как нам объясняли, единственный выход — это урезать расходы на такие программы, как социальное страхование и здравоохранение. Несомненно, правящая либеральная партия именно этим и занималась, несмотря на то что

¹⁵ Toye J. *The Political Economy of Policy Reform*, p. 41.

¹⁶ Little B. *Debt Crisis Looms, Study Warns // Globe and Mail*. Toronto. 1993. February 16; телепередача на канале W5 телекомпании CTV (ведущий Эрик Маллинг). McQuaig L. *Shooting the Hippo: Death by Deficit and Other Canadian Myths*. Toronto: Penguin, 1995. P. 3.

в предвыборной программе она заявляла о создании рабочих мест (канадский вариант «вуду-политики»).

Двумя годами позже того, как истерия на эту тему достигла предела, журналистка Линда Макквейг предприняла расследование и показала, что представление о кризисе искусственно создавали и поддерживали мозговые центры, финансируемые крупнейшими банками и корпорациями Канады, в частности Институтом Гау и Институтом Фрезера (их активно поддерживал Милтон Фридман)¹⁷. Действительно, у Канады была проблема с долгами, но несправедливо было бы видеть причину этого в расходах на безработных и другие социальные программы. По данным Статистической службы Канады, причиной было повышение процентной ставки, что резко увеличило объем долгов, как это произошло в период «шока Волкера» со странами развивающегося мира в 1980-х. Макквейг отправилась в центральный офис Moody's на Уолл-стрит, чтобы встретиться с Винсентом Труглиа, главным аналитиком, занимающимся кредитным рейтингом Канады. И тот сообщил ей нечто удивительное: руководители канадских корпораций и банкиры оказывали на него постоянное давление, склоняя отразить в отчетах ужасающее положение финансов в Канаде, но он отказался это делать, поскольку считал, что эта страна стабильна и привлекательна для инвестирования. «Это единственный случай среди стран, с которыми я имел дело, когда ее жители хотят, чтобы рейтинг страны понизился, и это продолжается постоянно. Они считают, что рейтинг слишком высок». Обычно представители стран звонят ему, чтобы выразить недовольство слишком низким рейтингом. «Но канадцы ставят свою страну ниже, чем иностранцы».

Все это объясняется тем, что для канадских финансистов «долговой кризис» был оружием в политической борьбе. Когда Труглиа отвечал на эти странные телефонные звонки, велась широкая кампания по снижению налогов и сокращению расходов на социальные программы в области здравоохранения и образования. Эти программы поддерживало большинство канадцев, поэтому единственным способом оправдать альтернативы был полный экономический кризис. Но поскольку Moody's продолжала приписывать Канаде наивысший кредитный рейтинг, создать апокалиптическое настроение было чрезвычайно трудно.

Тем временем инвесторы ничего не могли понять. Moody's высоко оценивала Канаду, но местная пресса все время говорила о том, что

¹⁷ McQuaig L. Shooting the Hippo, pp. 18, 42—44, 117.

Канада стоит на грани финансовой катастрофы. Труглия настолько устал получать статистические сводки из Канады, которые ставили под вопрос его собственные данные, что даже опубликовал «особый комментарий», где говорилось, что расходы Канады не были «бесконтрольными», и содержались возражения правым интеллектуалам. «В некоторых недавно опубликованных отчетах преувеличены опасения, связанные с государственным долгом Канады. Некоторые отчеты удвоили цифры, а другие неадекватно сравнивают Канаду с прочими странами... Эти неверные сведения, возможно, направлены на то, чтобы придать чрезмерно большое значение долгам Канады». Когда особое сообщение Moody's, опровергающее идею «долговой стены», было опубликовано, это не понравилось деловым кругам Канады. Труглия сказал, что, когда он это опубликовал, «один человек... из весьма влиятельной финансовой организации Канады позвонил мне и кричал, буквально кричал на меня по телефону. Подобного никогда не было»¹⁸.

Когда жители Канады поняли, что «долговой кризис» был выдумкой интеллектуалов, получающих деньги от корпораций, это уже ничего не значило — бюджетные расходы необратимо сократили. В результате социальные программы помощи безработным были закрыты и больше не восстанавливались, хотя бюджет это вполне позволял. Стратегия кризисов использовалась не один раз. В сентябре 1995 года появилась видеозапись закрытого собрания, на котором Джон Снобелен, министр образования Онтарио, говорил чиновникам, что прежде чем будет объявлено о сокращении расходов на образование и других непопулярных мерах, необходимо создать атмосферу паники в условиях молчания, так что будет создана столь ужасная картина, что он «не намерен об этом даже говорить». Он называл это «созданием полезного кризиса»¹⁹.

Вашингтон: злоупотребления статистикой

К 1995 году во многих западных демократических странах политики постоянно говорили о «долговых стенах» и неизбежных экономических кризисах, требуя снизить расходы и провести масштабную приватизацию, причем кризисы предсказывали в основном мыслители из числа последователей Фридмана. Влиятельные финансовые организации Вашингтона стремились не только указать на кризис с помощью СМИ,

¹⁸ *McQuaig L. Shooting the Hippo*, pp. 44, 46. Стоит добавить, что такие люди, как Труглия, редко встречаются на Уолл-стрит — рейтинги облигаций и кредитных обязательств часто создаются под давлением политиков и используются для насаждения рыночных реформ.

¹⁹ *How to Invent a Crisis in Education // Globe and Mail*. Toronto. 1995. September 15.

но и вызвать реальные кризисы. Через два года после того, как Уильямсон поделился своими мыслями об «искусственном кризисе», Майкл Бруно, ответственный за экономику развивающихся стран во Всемирном банке, выразил подобные мысли, опять-таки не привлекая внимания СМИ. В своей лекции для Международной экономической ассоциации в Тунисе в 1995 году, позднее изданной Всемирным банком, Бруно, обращаясь к 500 экономистам из 68 стран, указал на общий консенсус относительно «того, что достаточно сильный кризис может заставить упрямых политиков проводить продуктивные реформы»²⁰. Бруно упомянул Латинскую Америку как «яркий пример пользы глубокого кризиса», сказав, что, в частности, в Аргентине президент Карлос Менем и министр финансов Доминго Кавальо успешно «использовали возможности чрезвычайного положения» для проведения широкой приватизации. Чтобы убедиться в том, что слушатели не пропустили его мысль мимо ушей, Бруно сказал: «Я хочу подчеркнуть одну важную идею: политическая экономика при глубоком кризисе стимулирует проведение радикальных реформ с положительными результатами».

Учитывая это, продолжал он, международные агентства не должны ограничиваться использованием существующих экономических кризисов для внедрения мероприятий «вашингтонского консенсуса», — нужно заблаговременно сократить помощь, чтобы эти кризисы стали серьезнее. «Тяжелый шок (скажем, снижение государственных доходов или поступления денег извне) может на самом деле способствовать благополучию, потому что он сокращает отсрочку [до момента согласия на реформы]. Это естественный принцип: «ситуация должна ухудшиться, чтобы она улучшилась»... Фактически после кризиса гиперинфляции ситуация в стране может улучшиться в большей мере, чем после суматошной возни с менее серьезными кризисами».

Бруно признал, что искусственное создание тяжелого экономического кризиса пугает — правительство перестает выплачивать зарплаты, разрушается инфраструктура, необходимая для жизни населения, — но как истинный питомец чикагской школы он предложил ауди-тории рассматривать это разрушение как первую стадию творения. «В самом деле, по мере углубления кризиса государство может постепенно от-

²⁰ Материалы двух последующих абзацев взяты из: *Bruno M. Deep Crises and Reform: What Have We Learned?* Washington, DC: World Bank, 1996. Pp. 4, 6, 13, 25. Хотя Бруно не учился в Чикагском университете, его наставником был знаменитый представитель чикагской школы Дон Пэтинкин, слова которого о «логическом совершенстве» чикагской экономики, которую он сравнивал с марксизмом, уже приводились.

мирать. И у такого развития событий есть своя позитивная сторона: в процессе реформ влиятельные группы теряют власть, и лидер, который выбирает долговременные решения вместо сиюминутной выгоды, может заручиться поддержкой для своих реформ»²¹.

Приверженность экономистов чикагской школы кризисам быстро стала популярной. Всего несколько лет назад они размышляли о том, что кризис гиперинфляции может создать условия шока, необходимые для проведения шоковых мероприятий. А теперь уже главный экономист Всемирного банка, организации, существовавшей в тот момент на деньги налогоплательщиков 178 стран, созданной для восстановления и поддержки шатких экономик, выступает за искусственное создание государств-банкротов, потому что это дает прекрасные возможности начать все строить заново на обломках прошлого²².

Много лет бытовало мнение о том, что международные финансовые организации усовершенствовали умение создавать «искусственные кризисы», как их называл Уильямсон, чтобы подчинить страны своей воле, однако это было нелегко доказать. Об этом лучше всего рассказал Дэвисон Бадху, который работал в МВФ, а потом оттуда ушел и начал обвинять фонд в подделке отчетов и документов, чтобы наказать бедные, но обладающие собственной волей страны.

Бадху родился в Гренаде и закончил Лондонскую школу экономики. Он выделялся среди интеллектуалов Вашингтона своей необычной внешностью: его волосы стояли торчком, как у Альберта Эйнштейна, и он предпочитал куртку-ветровку деловому костюму. Он проработал в МВФ 12 лет, занимаясь программами структурной перестройки стран Африки, Латинской Америки и своих родных Карибских островов. После того как эта организация резко «поправила» в эпоху Рейгана и Тэтчер, независимо мысливший Бадху начал все сильнее тяготиться своим местом работы. Фонд наполнили ревностные «чикагские мальчики», из них же был и его генеральный директор, твердый неолиберал Мишель Камдессю. Когда Бадху ушел из МВФ в 1988 году, он решил рассказать людям о тайнах своего прежнего места работы. Он написал достойное внимания открытое письмо Камдессю, по обвинительному тону напоминающее письма Андре Гундера Франка к Фридману, опубликованные 10 годами раньше.

²¹ Bruno M. Deep Crises and Reform: What Have We Learned?, p. 6.

²² Данные о количестве стран — участников Всемирного банка приведены на 1995 год. Сегодня Всемирный банк объединяет 185 стран.

Письмо написано живым языком, который редко встречается у высокопоставленных экономистов фонда, оно начинается так: «Сегодня я ушел из Международного валютного фонда, где проработал 12 лет, в том числе проведя 1000 дней в командировках: я продавал технологии стабилизации экономики и прочие трюки Фонда народам и правительствам Латинской Америки, Карибских островов и Африки. Мое увольнение — бесценное освобождение, и я хочу сделать первый важный шаг в моем путешествии туда, где смогу отмыть руки от крови миллионов бедных и голодающих людей... И этой крови так много, что она течет реками. И она отвратительна, она засохла на мне; мне кажется, что в мире не хватит мыла, чтобы я мог отмыться от всего того, что для вас делал»²³.

Далее следует объяснение. Бадху обвиняет фонд в том, что тот использует статистические данные в качестве смертоносного оружия. Он подробно описывает, как, работая в МВФ в середине 80-х годов, участвовал в создании «статистических подлогов», завышая цифры в отчетах фонда для того, чтобы богатая нефтью страна Тринидад и Тобаго выглядела не такой стабильной, какой была на самом деле. Бадху утверждал, что МВФ более чем вдвое увеличил важнейшие статистические данные относительно стоимости труда в стране, чтобы система выглядела крайне неэффективной, хотя фонд располагал и верными сведениями. В другом случае, как показал Бадху, фонд «выдумал, породил буквально на пустом месте» сведения об огромном невыплаченном долге правительства²⁴.

Эти «вопиющие ошибки», утверждает Бадху, были допущены намеренно, они не были результатом «неаккуратных подсчетов», и финансовые рынки воспринимали их всерьез, что заставило отнести

²³ Информация для четырех следующих абзацев взята из: *Budhoo D.L. Enough Is Enough: Dear Mr. Camdessus...* pp. 2—27.

²⁴ Как правило, Бадху обосновывает свои обвинения на примере махинаций со статистикой Тринидада и Тобаго относительно стоимости рабочей силы, которая является чрезвычайно важным показателем продуктивности страны. Он пишет: «На основе подсчетов в нашем статистическом отделении после возвращения нашей миссии с места относительная стоимость рабочей силы в Тринидаде и Тобаго увеличилась лишь на 69 процентов, тогда как отчет 1985 года приводит цифру в 145,8 процента, а 1986 года — 142,9 процента. Между 1980—1985 годами этот показатель вырос всего на 66,1 процента, тогда как в нашем отчете 1986 года стоит 164,7 процента. Между 1983—1985 годами относительная стоимость рабочей силы выросла только на 14,9, а не на 36,9 процента, как это было представлено мировому сообществу в отчете 1986 года. В нашем обзоре и служебном отчете говорится, что за 1985 год показатель вырос на 9 процентов, тогда как на самом деле он снизился на 1,7 процента. А в 1986 году произошло удивительное снижение показателя на 46,5 процента, однако это никак не отмечено ни в отчете 1987 года, ни в других официальных документах фонда». Там же, p. 17.

Тринидад и Тобаго к странам с повышенным риском и сократить финансирование. Экономические проблемы страны, возникшие в связи с падением цен на нефть — главный экспортный продукт, — мгновенно разрослись до масштабов бедствия, и это вынудило страну обратиться за помощью в МВФ. И тогда фонд потребовал принять, по словам Бадху, «самое убийственное лечение»: увольнение, снижение зарплат и «весь набор» мер структурной перестройки. Он говорит, что это было «целенаправленным блокированием экономической помощи стране посредством мошенничества», чтобы «сначала разрушить экономику Тринидада и Тобаго, а затем совершить в стране преобразования».

В своем письме Бадху, умерший в 2001 году, уверенно говорит о том, что это не единственный случай. По его словам, вся программа структурной перестройки МВФ — это разновидность масштабной пытки, когда «правительства и народы, кричащие от боли, вынуждены опуститься перед нами на колени, сломленные и испуганные, и умолять нас, как о милостыне, о снисхождении и достойном отношении. Но мы нагло смеемся им в лицо, и пытка продолжается с прежней жестокостью».

После публикации этого письма правительство Тринидада и Тобаго организовало два независимых расследования этих фактов и убедилось в правоте Бадху: МВФ коварно увеличивал показатели, что нанесло огромный ущерб стране²⁵.

Но несмотря на всю их обоснованность, горячие обвинения Бадху были забыты, буквально не оставив следа в памяти. Тринидад и Тобаго — это ряд крошечных островов неподалеку от побережья Венесуэлы, и поскольку их население не атакует центральный офис МВФ на Девятнадцатой улице, их жалобы вряд ли привлекут внимание мировой общественности. Однако в 1996 году письмо стало основой пьесы под названием «Заявление об отставке сотрудника МВФ мистера Бадху (50 лет — этого довольно)», поставленной маленьким нью-йоркским театром в Ист-Виллидже. Газета *New York Times* удостоила постановку на удивление положительной рецензии, где говорилось о ее «необычной креативности» и «оригинальных декорациях»²⁶. Эта краткая заметка — единственный случай в истории *New York Times*, когда газета упомянула имя Бадху.

²⁵ Bitter Calypsos in the Caribbean // *Guardian*. London. 1990. July 30; Weissman R. Playing with Numbers: The IMF's Fraud in Trinidad and Tobago // *Multinational Monitor* 11. 1990. № 6. June.

²⁶ Gelder L., van. Mr. Budhoo's Letter of Resignation from the I.M.F. (50 Years Is Enough) // *New York Times*. 1996. March 20.

ПУСКАЙ ГОРИТ:

РАЗГРАБЛЕНИЕ АЗИИ И ПАДЕНИЕ «ВТОРОЙ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ»

**Деньги текут туда, где есть возможности, а сейчас
Азия дешева.**

Джерард Смит, банкир, представитель банка UBS
в Нью-Йорке, об экономическом кризисе в Азии
1997—1998 гг.¹

Хорошие времена порождают дурную политику.

Мохаммад Садли, экономический советник генера-
ла Сухарто, Индонезия²

Это были несложные вопросы. Что можно купить на твою зарплату? Ее хватает на комнату и еду? Что-то остается, чтобы послать родителям? Сколько приходится платить за дорогу на фабрику и обратно? Но какие бы вопросы я ни задавала, ответы были неопределенными: «Это зависит...» или «Не знаю».

«Несколько месяцев назад, — объясняла мне 17-летняя работница фабрики одежды Гар неподалеку от Манилы, — у меня было достаточно денег, чтобы каждый месяц немного посылать домой моей семье, но сегодня их не хватает даже на еду для меня».

— Они снизили твою зарплату? — спросила я.

— Нет, не думаю, — несколько смущенно ответила девушка. — На нее уже нельзя купить того, что раньше. Цены все время растут.

Этот разговор происходил летом 1997 года; я приехала в Азию, чтобы изучить условия труда на многочисленных фабриках в этом

¹ *Raghavan A. Wall Street Is Scavenging in Asia-Pacific // Wall Street Journal. 1998. February 10.*

² *Liddle R. W. Year One of the Yudhoyono—Kalla Duumvirate // Bulletin of Indonesian Economic Studies 41. 2005. № 3. December. P. 337.*

регионе, поставляющих продукцию на экспорт. Я увидела, что люди сталкиваются с более сложными проблемами, чем сверхурочная работа: эти страны приближались к серьезной экономической депрессии. В Индонезии, где кризис был особенно глубок, все ощущали нестабильность. Ежедневно индонезийская валюта падала в цене. Сегодня работники фабрики могли купить рыбу и рис, а завтра они уже вынуждены были обходиться одним рисом. Из случайных разговоров в ресторанах или такси становилось ясно, что у всех было одно и то же предположение относительно виновников происходящего. «Это китайцы», — как мне сказали. Эти люди китайского происхождения, образовавшие в Индонезии сословие купцов, непосредственно наживаются на повышении цен, так что народное возмущение было обращено на них. Именно это подразумевал Кейнс, говоря об опасности экономического хаоса: никогда не знаешь, какая смесь ярости, расизма и революции при этом возникнет.

Страны Юго-Восточной Азии склонны к созданию конспирологических теорий и поиску этнических козлов отпущения, стремясь объяснить финансовый кризис. Телевидение и газеты говорили об этом регионе так, как будто бы его охватило таинственное, но крайне заразное заболевание — «азиатский грипп» — именно так окрестили падение рынка, а позднее, когда это состояние перекинулось на Россию и Латинскую Америку, его стали называть «азиатской заразой».

Всего за несколько недель до начала «эпидемии» эти страны, так называемые «азиатские тигры», служили примером экономического здоровья и энергичности — излюбленной иллюстрацией успехов глобализации. Вчера биржевые маклеры заверяли своих клиентов, что самый надежный путь к обогащению — это вкладывать сбережения в «развивающийся рынок» взаимных фондов Азии; на другой день они не могли вернуть деньги, а торговля «наказывала» местные валюты — баты, ринггиты, рупии, — в результате чего, по словам журнала *The Economist*, «произошла такая масштабная потеря сбережений, которая обычно бывает при полномасштабной войне»³. Хотя в самих экономических системах «азиатских тигров» на вид ничего не изменилось: как правило, ими управляли те же узкие элитные круги; по ним не ударили бедствия или войны; не было значительного дефицита — у иных стран дефицита не было вообще. Многие крупные объединения имели большие долги, но они продолжали производить все товары — от тапочек до автомобилей, — и объемы продаж у них не снижались.

³ The Weakest Link // *The Economist*. 2003. February 8.

Каким же образом случилось, что в 1996 году инвесторы вложили в Южную Корею 100 миллиардов долларов, а на следующий год отток капитала из страны составил 20 миллиардов — разница в 120 миллиардов долларов всего за один год⁴. Чем объяснить столь лихорадочное перемещение денег?

Оказалось, что эти страны стали жертвой паники, которую неустойчивый и быстрый глобальный рынок сделал смертельной. Все началось со слухов о том, что у Таиланда не хватает долларов для поддержки своей валюты, и это вызвало панику в «электронном стаде». Банки потребовали возврата своих займов, и рынок недвижимости, росший с такой скоростью, что превратился в мыльный пузырь, лопнул. Аллеи, небоскребы и курорты остались недостроенными, неподвижные краны застыли над Бангкоком. Если бы это происходило раньше, когда капитализм действовал медлительнее, кризис на этом бы и остановился, но, поскольку дельцы из инвестиционных фондов воспринимали «азиатских тигров» как единое поле для инвестиций, если один «тигр» становился неудачником, это касалось всех. Паника перекинулась с Таиланда на Индонезию, Малайзию, Филиппины и даже Южную Корею — одиннадцатую по величине экономическую систему мира и звезду на небе глобализации, — и денежные потоки в эти страны пересохли.

Правительства этих стран вынуждены были опустошить резервные банки, чтобы поддержать свои валюты, и тогда первоначальный страх обернулся реальностью: в странах действительно разразились кризисы. Это еще больше усилило панику на рынке. За один год с фондовых рынков Азии исчезло 600 миллиардов долларов — сумма, которая создавалась десятилетиями⁵.

Кризисы породили отчаяние. В Индонезии разорившиеся граждане атаковали универмаги в городах и уносили оттуда все что могли. В одном случае во время грабежа в Джакарте торговый пассаж загорелся и в нем заживо сгорели сотни людей⁶.

В Южной Корее телевидение, в рамках масштабной кампании, призывало население сдавать золотые украшения, чтобы переплавить и использовать для возвращения долга страны. За несколько недель люди отдали свои браслеты, серьги, медали и награды. Одна женщина отдала свое обручальное кольцо, а епископ — свой золотой

⁴ Adelman I. Lessons from Korea // *The New Russia*, p. 29.

⁵ McNally D. Globalization on Trial // *Monthly Review*. 1998. September.

⁶ Apec Highlights Social Impact of Asian Financial Crisis // *Bernamea news agency*. 1998. May 25.

крест. По телевизору шли популярные игровые шоу «сдавай золото», было собрано 200 тонн этого металла — достаточно для снижения мировых цен, — однако стоимость корейской валюты продолжала снижаться⁷.

Как это происходило во времена Великой депрессии, кризис вызвал волну самоубийств, когда семейные накопления обратились в ничто и тысячи мелких предприятий закрылись. В 1998 году в Южной Корее количество самоубийств выросло на 50 процентов. Особенно это коснулось людей старше 60 лет, которые хотели освободить от финансового бремени своих детей. Корейская пресса также писала о тревожном росте числа семейных самоубийств, когда отцы, зная, что их дети тоже остаются должниками, предлагали всем совершить самоубийство. Власти указывали, что в этом случае «только смерть главы [семьи] классифицировалась как самоубийство, остальных ее членов считали жертвами убийства, поэтому реальное количество самоубийств намного превышает статистические данные»⁸.

Азиатский кризис породил классический цикл тревоги, и его можно было остановить лишь одним способом, который спас Мексику в 1994 году во время так называемого «текила кризиса»: быстро занять денег у Казначейства США — тогда это доказало рынку, что Мексике не грозит распад⁹. Однако Азии не приходилось рассчитывать на такой исход. Как только разразился кризис, финансисты всего мира с удивительным единодушием заговорили о том, что Азии не нужно помогать.

Сам Милтон Фридман, которому уже было за восемьдесят, выступил по телевидению в программе CNN, чтобы сообщить телеведущему Лу Доббсу, что он против любых займов и рынок должен восстановиться самостоятельно. «Профессор, ваше мнение в этой судьбоносной дискуссии столь много весит, что это даже невозможно оценить», — сказал Фридману звездоносный Доббс. Эту позицию — «пускай себе тонут» — поддержали Уолтер Ристон, старый приятель Фридмана, некогда возглавлявший Citibank, и Джордж Шульц, который в тот момент работал вместе с Фридманом в праворадикаль-

⁷ *Nam-Il N. Gold Rush... Korean Style // Business Korea. 1998. March; Selling Pressure Mounts on Korean Won — Report // Korea Herald. Seoul. 1998. May 12.*

⁸ *Elderly Suicide Rate on the Increase // Korea Herald. Seoul. 1999. October 27; Economic Woes Driving More to Suicide // Korea Times. Seoul. 1998. April 23.*

⁹ Кризис разразился в 1994 году, но займы были получены лишь в начале 1995 года.

ном Институте Гувера и заседал в руководстве компании Charles Schwab¹⁰.

Эту же точку зрения разделял один из ведущих инвестиционных банков Уолл-стрит Morgan Stanley. Джей Пелоски, разрабатывавший для этого банка стратегию работы на развивающихся рынках, заявил на конференции в Лос-Анджелесе, организованной Институтом Милкина, что МВФ и Казначейство США принципиально не должны помогать странам, оказавшимся в кризисе, по своим размерам близком к 1930-м годам: «Нам нужно сейчас побольше плохих новостей из Азии. Эти дурные новости будут стимулировать процесс перестройки»¹¹.

Администрация Клинтона прислушалась к мнению Уолл-стрит. В ноябре 1997 года, через четыре месяца после развития кризиса, в Ванкувере состоялся саммит Организации экономического сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. Билл Клинтон вызвал негодование у азиатских участников, пренебрежительно назвав их экономический апокалипсис «мелкими помехами на пути» этих стран¹². Он ясно дал понять, что Казначейство США не намерено облегчать эту боль. Что же касается МВФ, международной организации, созданной специально для предотвращения подобных катастроф, там ничего не предпринимали; после России это стало обычной практикой фонда. Хотя МВФ отреагировал на проблему, но это не были срочные займы для стабилизации, которые нужны при чисто финансовом кризисе. Вместо этого фонд предъявил длинный список требований в соответствии с философией чикагской школы, для которой кризис сулил новые возможности.

Когда сторонники свободной торговли хотели в начале 90-х привести какой-нибудь убедительный пример, подтверждающий их правоту, они всегда говорили об «азиатских тиграх». Экономика в этих странах творила чудеса, она развивалась стремительно, и это объясняли тем, что они открыли границы для несдерживаемой глобализации. И действительно, «тигры» росли с огромной скоростью, однако неверно было бы объяснять этот рост свободной торговлей. Малай-

¹⁰ Milton Friedman Discusses the IMF // *CNN Moneyline with Lou Dobbs*. 1998. January 22; Shultz G.P., Simon W.E., Wriston W.B. Who Needs the IMF // *Wall Street Journal*. 1998. February 3.

¹¹ Global Overview // Milken Institute. Global Conference 1998. Los Angeles. 1998. March 12, www.milkeninstitute.org.

¹² Clinton B. Joint Press Conference with Prime Minister Chrétien. 1997. November 23 // www.clintonfoundation.org.

зия, Южная Корея и Таиланд все еще придерживались протекционистской политики, они не позволяли иностранцам владеть землей и покупать национальные фирмы. Кроме того, государство в этих странах все еще играло важную роль, оно владело такими сферами, как энергия или транспорт. Вдобавок «тигры» отказывались закупать многие продукты в Японии, Европе или Северной Америке, создав свои местные рынки. Их успех не вызывал сомнения, однако он доказывал лишь то, что смешанная контролируемая экономика развивается быстрее и равномернее, чем экономика стран, последовавших рецептам «вашингтонского консенсуса», которые отдают диким Западом.

Эта ситуация не устраивала японские и западные инвестиционные банки и транснациональные корпорации: потребительский рынок в Азии стремительно рос, и они хотели бы получить доступ к этому региону, чтобы продавать свою продукцию. Они также хотели бы заполучить право покупать корпорации «азиатских тигров» — в частности, корейские холдинги вроде Daewoo, Hyundai, Samsung и LG. В середине 90-х под давлением МВФ и только что созданной Всемирной торговой организации правительства «тигров» решили пойти на уступки: они сохранят законы, которые не позволяют отдавать местные фирмы иностранцам или приватизировать важнейшие государственные компании, но откроют границы своего финансового сектора для инвестиций в ценные бумаги и торговли валютой.

В 1997 году, когда поток денег неожиданно сменил свое направление, это было прямым следствием спекулятивных инвестиций, которые были легализованы лишь под давлением Запада. Разумеется, с Уолл-стрит ситуация представлялась совершенно иной. Ведущие инвестиционные аналитики решили, что этот кризис дает шанс навсегда устранить барьеры, которые охраняют азиатские рынки. Особенно много внимания уделял этому вопросу стратег банка Morgan Stanley Пелоски: если кризис углубится и регион полностью лишится западных денег, азиатские компании либо будут закрыты, либо их придется продать западным фирмам. Оба исхода устраивали Morgan Stanley. «Я бы хотел, чтобы компании были закрыты, а их активы распроданы... Продажа активов — сложный процесс, обычно хозяева не хотят их продавать, пока их что-то не вынудит прибегнуть к этой мере. Поэтому нам нужны плохие новости в достаточном количестве, чтобы под их давлением корпорации приступили к продаже своих компаний»¹³.

¹³ Global Overview, Milken Institute.

Некоторые восторгались азиатским кризисом еще откровеннее. Хосе Пиньера, бывший знаменитый министр Пиночета, который теперь работал в Институте Катона в Вашингтоне, говорил о кризисе в Азии с нескрываемой радостью, заявив, что наконец-то «настал день расплаты». По мнению Пиньеры, этот кризис был последним этапом войны, которую он вместе с «чикагскими мальчиками» начал в Чили в 1970-х. Падение «тигров», заявил он, — это просто «падение второй Берлинской стены», это развал «идеи о существовании какого-то “третьего пути” между демократическим капитализмом свободного рынка и статикой социализма»¹⁴.

Мнение Пиньеры вовсе не было маргинальным. Его открыто разделял Алан Гринспен, глава Федеральной резервной системы США и, возможно, самый влиятельный человек в мире из тех, кто определяет экономическую политику. Гринспен говорил, что этот кризис — «самое яркое событие с точки зрения консенсуса относительно рыночной системы, которого мы придерживаемся в нашей стране». Он также заметил, что «настоящий кризис ускорит во многих странах Азии демонтаж остатков системы с сильным элементом правительственных инвестиций»¹⁵. Иными словами, разрушение управляемой экономики Азии было на самом деле строительством новой экономики в американском стиле — родовые муки новой Азии, если использовать слова, которые он произнес несколько лет спустя по поводу еще более ужасающего события.

Глава МВФ Мишель Камдессю, который был вторым по влиятельности человеком, определявшим ход монетарной политики в мире, выразил подобное мнение. Он сказал, что этот кризис дает Азии возможность сбросить старую кожу и заново возродиться. «Экономические модели не должны быть чем-то неизменным, — говорил он. — Когда-то они были полезны... а затем устаревают, и от них следует отказаться»¹⁶. Этот кризис, рожденный слухами, которые сделали из фантазии реальность, очевидно, нес в себе такую возможность.

¹⁴ Piñera J. The «Third Way» Keeps Countries in the Third World. Prepared for the Cato Institute's 16th Annual Monetary Conference co-sponsored with *The Economist*, Washington, DC. 1998. October 22; Piñera J. The Fall of a Second Berlin Wall. 1998. October 22, www.josepinera.com.

¹⁵ U.S. Senate Committee on Foreign Relations Holds Hearing on the Role of the IMF in the Asian Financial Crisis. 1998. February 12; Text—Greenspan's Speech to New York Economic Club // *Reuters News*. 1997. December 3.

¹⁶ Perez M., Tobarra S. Los países asiáticos tendrán que aceptar cierta flexibilidad que no era necesaria hasta ahora // *El País International Edition*. Madrid. 1997. December 8; IMF Chief Calls for Abandon of «Asian Model» // *Agence France-Presse*. 1997. December 1.

Не желая упускать благоприятный момент, МВФ несколько месяцев не реагировал на кризис, а затем вступил в переговоры с правительствами азиатских стран. Только одна страна тогда сопротивлялась — Малайзия, потому что ее долги были относительно невелики. Премьер-министр Малайзии Махатир Мохамад, неоднозначная фигура, сказал, что не хочет «разрушать экономику, чтобы она стала лучше», из-за чего его тогда сочли неистовым радикалом¹⁷. Все прочие азиатские страны, переживавшие кризис, — Таиланд и Филиппины, Индонезия и Южная Корея — слишком отчаянно желали получить помощь и не могли отказаться от займов у МВФ на десятки миллиардов долларов. «Невозможно заставить страну обратиться к вам за помощью. Просить должна она сама, — говорил Стенли Фишер, представитель МВФ, отвечавший за эти переговоры. — Но когда страна осталась без денег, у нее не так уж много вариантов»¹⁸.

Фишер был одним из самых ярких сторонников проведения шоковой терапии в России, несмотря на тяжелое бремя этих мероприятий, и относился столь же твердо к странам Азии. Некоторые правительства, учитывая, что кризис был вызван беспрепятственным перемещением денег через границы их стран, предлагали затруднить их движение и создать какие-то барьеры, иными словами, выступали за пугало под названием «контроль над капиталом». Китай сохранил такой контроль (проигнорировав советы Фридмана в этом отношении), и он оставался единственной страной в регионе, не охваченной кризисом. Малайзия восстановила подобные барьеры, и, кажется, эта мера оказалась эффективной.

Фишер и другие представители МВФ решительно отмахнулись от этой идеи¹⁹. МВФ не интересовали подлинные причины кризиса. Вместо этого, как на допросе в тюрьме, где палач ищет слабые места своей жертвы, фонд думал только о том, как воспользоваться рычагом кризиса для своих целей. Бедствия заставили группу упрямых стран просить о помощи; не использовать открывшееся окно возможностей было бы, по мнению экономистов чикагской школы, руководящих МВФ, равносильно профессиональной халатности.

¹⁷ Интервью с Махатиром Мохамадом 2 июля 2001 года // *Commanding Heights: The Battle for the World Economy*, www.pbs.org.

¹⁸ Интервью со Стенли Фишером 9 мая 2001 года // *Commanding Heights: The Battle for the World Economy*, www.pbs.org.

¹⁹ *Grenville St. The IMF and the Indonesian Crisis* // Background paper, Independent Evaluation Office of the IMF. 2004. May. P. 8, www.imf.org.

«Азиатские тигры» с их опустошенной казной были с точки зрения МВФ сломлены; следовательно, наступила пора их переделки. На первой стадии этого процесса необходимо было лишить эти страны «протекционизма в сферах торговли и инвестирования, а также активного вмешательства государства — важнейших элементов “азиатского чуда”», как сказал политолог Уолден Белло²⁰. МВФ также потребовал от правительств резко снизить бюджетные расходы, что повело к массовым увольнениям работников государственного сектора в странах, где уже и без того подскочила вверх частота самоубийств. Позднее Фишер признался, что, по заключению МВФ, в Корее и Индонезии кризис никак не был связан с правительственными расходами. Тем не менее он использовал чрезвычайную ситуацию кризиса для проведения этих суровых мер экономии. Как писал один журналист газеты *New York Times*, МВФ действовал «подобно хирургу, проводящему операцию на сердце, который по ходу работы решил заодно что-то сделать с легкими или почками»²¹.

После того как МВФ освободил «тигров» от старых привычек, эти страны были готовы к возрождению в чикагском стиле: к приватизации важнейших государственных функций, независимым центральным банкам, «гибкости» рабочей силы, снижению социальных расходов и, разумеется, к совершенно свободной торговле. По новому соглашению Таиланд должен был разрешить иностранцам владеть значительными долями в своих банках, Индонезия сокращала субсидии на продукты питания, а Корея отказывалась от законов, защищающих работников в период массовых увольнений²². МВФ даже

²⁰ Bello W. The IMF's Hidden Agenda // *The Nation*. Bangkok. 1998. January 25.

²¹ Интервью со Стенли Фишером 9 мая 2001 года; Kahn J. I.M.F.'s Hand Often Heavy, a Study Says // *New York Times*. 2000. October 21. МВФ часто называют марионеткой Казначейства США, но эти переговоры особенно наглядно представили их взаимоотношения. Чтобы удостовериться в том, что окончательный вариант соглашения отражает интересы компаний США, Дэвид Липтон, заместитель секретаря Казначейства США по международным делам (который ранее сотрудничал с Саксом, разрабатывая программу шоковой терапии для Польши), отправился в Южную Корею в отель «Сеул Хилтон», где шли переговоры между МВФ и корейским правительством. Как писал сотрудник газеты *Washington Post* Пол Бластейн, «это было зримым выражением влияния Соединенных Штатов на политику МВФ». Blustein P. The Chastening: Inside the Crisis That Rocked the Global Financial System and Humbled the IMF. New York: PublicAffairs, 2001. Pp. 6—7.

²² Договор между МВФ и Южной Кореей открыто говорил о «снятии ограничений на рынке труда относительно увольнений (чтобы позволить капиталам перемещаться от одной индустрии к другой)». Цит. по: Hart-Landsberg M., Burkett P. Economic Crisis and Restructuring in South Korea: Beyond the Free Market-Statist Debate // *Critical Asian Studies* 33. 2001. № 3. P. 421;

четко указал, где эти увольнения должны происходить: чтобы получить заем, банковский сектор должен освободиться от 50 процентов своей рабочей силы (затем эту цифру уменьшили до 30²³). Это требование представляло огромную важность для многих западных монополий, которые хотели бы получить гарантию, что смогут значительно уменьшить размер тех азиатских фирм, которые они намеревались приобрести. «Берлинская стена» Пиньеры начала падать.

О подобных мерах невозможно было и помыслить всего год назад, до кризиса, когда в Южной Корее профсоюзы были особенно активны. Новые законы о труде, которые во многом лишали работников защиты, были встречены самыми крупными и радикальными за всю историю Южной Кореи забастовками. Но кризис изменил правила игры. Крах экономики казался настолько ужасным, что правительство чувствовало себя вправе (как это было при подобных кризисах от Боливии до России) на время перейти к авторитарному правлению, хотя оно продолжалось недолго — сколько понадобилось для реализации рецептов МВФ.

В Таиланде, например, программа шоковой терапии была проведена через Национальную ассамблею не обычным путем дебатов, но в виде четырех срочных указов. «Мы потеряли нашу автономию, способность определять нашу макроэкономическую политику. Это печальное обстоятельство», — заявил заместитель премьер-министра Супачай Паничпакди (позже его в награду за покладистость сделали главой ВТО²⁴). В Южной Корее пренебрежительное отношение МВФ к демократии выразалось еще откровеннее. Завершение переговоров с МВФ совпало с очередными президентскими выборами, на которых двое кандидатов стояли на платформе, враждебной МВФ. С удивительной беззастенчивостью вмешиваясь во внутреннюю политику суверенного государства, МВФ отказался предоставить займы до тех пор, пока не получит от всех кандидатов обещания, что в случае победы они будут согласны с новыми законами. МВФ добился полной победы: каждый кандидат предоставил письменное обязательство

Granitsas A., Biers D. Economies: The Next Step: The IMF Has Stopped Asia's Financial Panic // Far Eastern Economic Review. 1998. April 23; Shiner C. Economic Crisis Clouds Indonesian's Reforms // Washington Post. 1998. September 10.

²³ *Ambrose S. South Korean Union Sues the IMF // Economic Justice News 2. 2000. № 4. January.*

²⁴ *Bullard N. Taming the Tigers: The IMF and the Asian Crisis. London: Focus on the Global South. 1999. March 2, www.focusweb.org; Bello W. A Siamese Tragedy: The Collapse of Democracy in Thailand. London: Focus on the Global South. 2006. September 29, www.focusweb.org.*

поддерживать программу фонда²⁵. До этого момента основная миссия чикагской школы защищать экономику от демократии не проявлялась настолько явно: жителям Южной Кореи сообщили, что они могут голосовать, но результаты голосования не повлияют на экономическую жизнь страны. (День заключения этой сделки остался в памяти корейцев как «день национального унижения»²⁶.)

В стране, которая пострадала от кризиса сильнее всего, необходимости сдерживать демократию не было. Индонезия, первая страна в регионе, открывшая границы для бесконтрольного иностранного инвестирования, все еще находилась в руках генерала Сухарто, который правил уже более 30 лет. Однако к старости Сухарто стал с большим упрямством относиться к Западу (что часто случается с подобными диктаторами). Несколько десятилетий он распродал нефть и полезные ископаемые Индонезии иностранным корпорациям, и ему надоело обогащать других, поэтому последнее десятилетие он посвятил заботе о себе, своих детях и тесном круге приятелей. Так, генерал активно субсидировал автомобильную компанию, принадлежащую его сыну Томми, что вызывало недоумение у компаний Ford и Toyota, почему им надо соревноваться с «игрушками Томми», как прозвали этот бизнес аналитики²⁷.

Несколько месяцев Сухарто пытался сопротивляться МВФ, его бюджетные планы не соответствовали пожеланиям фонда о резком сокращении расходов. В ответ МВФ усилил прессинг. Официально представители МВФ не вправе общаться с прессой в процессе переговоров, потому что малейшие детали относительно хода собеседований могут оказать сильнейшее воздействие на рынок. Это не помешало анонимному «высокопоставленному сотруднику МВФ» сообщить газете *Washington Post*, что «рынки не могут понять, насколько серьезны намерения индонезийских руководителей относительно этой программы, в частности, относительно важнейших преобразований». Статья содержала прогноз о том, что МВФ накажет Индонезию, не выдав стране обещанных займов в несколько миллиардов. Сразу после этой публикации индонезийская валюта начала падать, за один день ее стоимость снизилась на 25 процентов²⁸.

²⁵ Sachs J. Power Unto Itself // *Financial Times*. London. 1997. December 11.

²⁶ Lewis M. The World's Biggest Going-Out-of-Business Sale // *New York Times Magazine*. 1998. May 31.

²⁷ Chalmers I. Tommy's Toys Trashed // *Inside Indonesia* 56, 1998, October—December.

²⁸ Blustein P., Sugawara S. Rescue Plan for Indonesia in Jeopardy // *Washington Post*. 1998.

После такого удара Сухарто пришлось сдаться. «Может кто-нибудь отыскать мне экономиста, который объяснит, что происходит?» — неоднократно спрашивал министр иностранных дел Индонезии²⁹. Сухарто отыскал такого экономиста, даже нескольких. Чтобы переговоры с МВФ завершились гладко, диктатор обратился к «берклийской мафии», которая сыграла решающую роль в первые годы его режима, а затем перестала пользоваться расположением престарелого генерала. После долгих лет, проведенных в политической изоляции, они снова получили власть; переговоры возглавил 70-летний Виджойо Нитисастро, которого в Индонезии звали «деканом берклийской мафии». «В хорошие времена Виджойо и его экономисты пребывают в тени, а Сухарто советуется со своими близкими друзьями, — говорил Мохаммад Садли, бывший министр Сухарто. — Группа технократов нужна в периоды кризисов. Тогда Сухарто прислушивается только к их мнению, а другим министрам велит помолчать»³⁰. Теперь переговоры с МВФ стали носить куда более коллегиальный характер, как сказал один из членов команды Виджойо, они стали больше походить на «дискуссию интеллектуалов. Ни одна сторона не оказывает давления на другую». Естественно, МВФ добился практически всего, чего желал, — в соглашении упоминалось 140 «преобразований»³¹.

Торжественное открытие

С точки зрения МВФ кризис прошел отлично. Менее чем за год фонду удалось совершить экономический захват Таиланда, Индонезии, Южной Кореи и Филиппин³². Наступил решающий момент, которым каждый раз такие захваты завершались: момент торжественного открытия, когда субъект переговоров, стремящийся найти равновесие, подготовленный и снабженный резервами, предстает перед изумленной публикой — глобальным рынком ценных бумаг и валюты. Если все прошло гладко, МВФ сдергивает покрывало со своего нового творения, и тогда горячие деньги, ушедшие из Азии в прошлом

January 7; *Grenville St.* The IMF and the Indonesian Crisis, p. 10.

²⁹ McNally D. Globalization on Trial.

³⁰ Magic Arts of Jakarta's «Witch-Doctor» // *Financial Times*. London. 1997. November 3.

³¹ Sim S. Jakarta's Technocrats vs. the Technologists // *Straits Times*. Singapore. 1997. November 30; Kahn J. I.M.F.'s Hand Often Heavy, a Study Says.

³² The IMF's Response to the Asian Crisis. 1999. January. International Monetary Fund, www.imf.org.

году, должны политься сюда потоком на покупку теперь уже доступных акций, облигаций и валют «тигров». Но произошло нечто иное: рынок испугался. Деловые люди рассуждали примерно так: если МВФ счел положение «тигров» настолько безнадежным, что пришлось все заново начинать с нуля, значит ситуация в Азии куда серьезнее, чем казалось раньше.

Поэтому дельцы отреагировали на торжественное открытие тем, что стали изымать свои деньги еще активнее, так что валюты «тигров» оказались под новой угрозой. Корея теряла один миллиард долларов в день, и ее долг понизили в разряде, переведя в категорию «бросовых» облигаций. «Помощь» МВФ превратила кризис в катастрофу. Или, как говорил Джеффри Сакс, уже вступивший в открытую войну с международными финансовыми организациями, «вместо того чтобы потушить пламя, МВФ выставил его на всеобщее обозрение»³³.

Человеческая стоимость экспериментов МВФ приближается к бедствию, поразившему Россию. По данным Международной организации труда, за этот период невообразимое число людей — 24 миллиона — потеряли работу, а в Индонезии безработица возросла с 4 до 12 процентов. Когда «реформы» шли полным ходом, в Таиланде ежедневно теряли работу 2000 людей — 60 тысяч за один месяц. В Южной Корее каждый месяц увольняли по 300 тысяч работников — в основном из-за совершенно ненужного требования МВФ сократить бюджетные расходы и повысить процентные ставки. К 1999 году показатели безработицы в Корее и Индонезии выросли почти в три раза за последние два года. Как и в Латинской Америке 70-х, в этой части Азии стало исчезать то, в чем видели основной признак экономического «чуда» в регионе, — стал исчезать широкий и растущий средний класс. В 1996 году к среднему классу относилось 63,7 процента жителей Южной Кореи, к 1999 году это число снизилось до 38,4 процента. По данным Всемирного банка, за этот период 20 миллионов жителей Азии в результате «запланированного обнищания» (как это называл Родольфо Вальш) оказались за чертой бедности³⁴.

³³ *Blustein P.* At the IMF, a Struggle Shrouded in Secrecy // *Washington Post*. 1998. March 30; *Feldstein M.* Refocusing the IMF // *Foreign Affairs*. 1998. March—April; *Sachs J.* The IMF and the Asian Flu // *American Prospect*. 1998. March—April.

³⁴ В Южной Корее соответствующий показатель возрос с 2,6 до 7,6 процента, в Индонезии — с 4 до 12 процентов. Подобные процессы происходили и в других странах. ILO Governing Body to Examine Response to Asia Crisis // *International Labour Organization*. Press release. 1999. March 16; *Jordan M.* Middle Class Plunging Back to Poverty // *Washington Post*. 1998. September 6; *McNally D.* Globalization on Trial; *Lowe-Lee F.* Where Is Korea's Middle Class? // *Korea Insight* 2. 2000. № 11. November. P. 1; *Wolfensohn J.D.* Opening Address by the President of the World

За этими статистическими данными стоят бесплодные жертвы и отчаянные решения. Как это всегда бывает, сильнее всего от кризиса пострадали женщины и дети. Многие деревенские семьи Филиппин и Южной Кореи продали своих дочерей торговцам людьми, которые переправили их в публичные дома Австралии, Европы и Северной Америки. По данным органов здравоохранения Таиланда, всего за один год после начала реформ МВФ детская проституция выросла на 20 процентов. То же самое происходило на Филиппинах. «Только богатым был выгоден этот бум, в то время как за кризис пришлось расплачиваться бедным, — сказала Хун Буньян, активистка, живущая на северо-востоке Таиланда, которой пришлось послать своих детей убирать мусор, после того как ее муж потерял работу на фабрике. Даже ограниченная возможность посещать школу и пользоваться услугами здравоохранительной системы исчезает»³⁵.

И на этом фоне в марте 1999 года состоялся визит государственного секретаря США Мадлен Олбрайт в Таиланд, где она критиковала местную общественность в связи с проституцией и «тупиком наркомании». Кипя от морального негодования, Олбрайт говорила: «Важно, чтобы девушек не эксплуатировали, не подвергали жестокому обращению, не заражали СПИДом. Очень важно против этого бороться». Она явно не замечала связи между тем, что многие тайские девушки занимаются проституцией, и политикой строгой экономии, которой она выразила «решительную поддержку» во время того же визита. Это напоминало то, как Милтон Фридман критиковал Пиночета или Дэна Сяопина в связи с нарушениями прав человека, одновременно восхваляя за приверженность экономической шоковой терапии³⁶.

Разграбление руин

Обычно считают, что история азиатского кризиса на этом заканчивается: МВФ попытался оказать помощь, но его помощь не подейство-

Bank Group // Summary Proceedings of the Fifty-Third Annual Meeting of the Board of Governors. Washington, DC: International Monetary Fund, 1998. October 6—8. P. 31, www.imf.org.

³⁵ Array of Crimes Linked to the Financial Crisis, Meeting Told // *New Straits Times*. Kuala Lumpur. 1999. June 1; *Sawatsawang N.* Prostitution — Alarm Bells Sound Amid Child Sex Rise // *Bangkok Post*. 1999. December 24; *Baguioro L.* Child Labour Rampant in the Philippines // *Straits Times*. Singapore. 2000. February 12; *Asian Financial Crisis Rapidly Creating Human Crisis: World Bank // Agence France-Presse*. 1998. September 29.

³⁶ The IMF and Recent Capital Account Crises: Indonesia, Korea, Brazil. Washington, DC: International Monetary Fund, 2003. September 12. Pp. 42—43, www.imf.org; *Grenville St.* The IMF and the Indonesian Crisis, p. 8.

вала. К такому заключению пришла даже внутренняя проверка в самом МВФ. Служба независимых расследований фонда сделала вывод, что программа структурной перестройки была «опроектированной» и ее широкий масштаб «не соответствовал необходимости», а также она «не была достаточной для разрешения кризиса». Отчет также предупреждал о том, что «кризис не должен использоваться как возможность ввести длительную программу реформ лишь потому, что это крайне удобный момент, какими бы достоинствами эти реформы ни обладали»³⁷. В одном особенно резком месте внутреннего отчета говорилось, что фонд настолько ослеплен идеологией свободного рынка, что он даже неспособен гипотетически рассматривать мысль о контроле над капиталом: «Поскольку идея о том, что финансовые рынки неспособны распределять мировой капитал разумным и стабильным образом, казалась ересью, эта мысль [о контроле над капиталом] воспринималась как смертный грех»³⁸.

Но в те времена никто не хотел признать, что, хотя МВФ определенно нанес вред народам Азии, он никоим образом не навредил Уолл-стрит. Жесткие меры МВФ не помогли привлечь горячих денег, зато крупные инвесторы и транснациональные корпорации приободрились. «Разумеется, эти рынки крайне нестабильны, — сказал Джером Бут, глава аналитического отдела лондонской Ashmore Investment Management. — И это делает их забавными»³⁹. Компании, ищущие таких «забав», поняли, что в результате «перестройки» МВФ очень многое в Азии было выставлено на продажу — и чем сильнее была паника рынка, тем отчаяннее было стремление распродавать азиатские компании, причем их стоимость падала до минимума. Джей Пелоски из Morgan Stanley когда-то говорил, что Азии нужно «побольше плохих новостей, чтобы их постоянное давление заставляло корпорации распродавать свои компании» — именно это и происходило благодаря МВФ.

Вопрос о том, планировал ли МВФ углубить азиатский кризис или все это объясняется опроектированным безразличием, остается откры-

³⁷ По каким-то причинам этот критический отчет вышел только в 2003 году, через пять лет после кризиса. Но к тому моменту предупреждения о недопустимости использования кризисов уже запоздали; МВФ проводил структурную перестройку в Афганистане и строил планы относительно Ирака.

³⁸ The IMF and Recent Capital Account Crises: Indonesia, Korea, Brazil, pp. 42—43, www.imf.org; Grenville St. The IMF and the Indonesian Crisis, p. 8.

³⁹ Mellow C. Treacherous Times // Institutional Investor International Edition. 1999. May.

тым. Может быть, разумнее думать, что фонд понимал: потери не грозят ему в любом случае. Если перестройка создаст новый мыльный пузырь возникающих рынков ценных бумаг, это будет удачей; если же начнется отток капитала, это создаст выгодные условия для хищнического капитализма. Как бы там ни было, МВФ чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы позволить себе риск. Теперь же стало ясно, кто победил.

Через два месяца после завершения работы над соглашением МВФ с Южной Кореей в *Wall Street Journal* вышла статья с заголовком «Уолл-стрит подчищает остатки Тихоокеанского региона Азии». Статья рассказывала о том, что фирма Пелоски и несколько других известных корпораций «послали армии банкиров в Азиатско-Тихоокеанский регион Азии для изучения брокерских фирм, фирм по управлению активами и даже банков, которые они могут приобрести по дешевке. Охотники на богатства Азии должны спешить, поскольку многие американские фирмы, занимающиеся ценными бумагами, вслед за Merrill Lynch & Co. и Morgan Stanley приобрели себе собственность за границей»⁴⁰. Так совершилось несколько крупных покупок: Merrill Lynch приобрела Japan's Yamaichi Securities, а также крупнейшие фирмы Таиланда, занимающиеся ценными бумагами, AIG купила Bangkok Investment за малую часть настоящей цены. JP Morgan приобрела долю в Kia Motors, а Travelers Group и Salomon Smith Barney купили, среди прочего, крупнейшие текстильные компании Кореи. Любопытно, что международный совет директоров Salomon Smith Barney, который в тот момент давал компании советы касательно поглощения и приобретений, возглавлял (с мая 1999 года) Дональд Рамсфельд. Дик Чейни также заседал в этом совете. Другим победителем оказалась Carlyle Group, незаметная вашингтонская фирма, которая работала надежным экономическим консультантом бывших президентов и министров, начиная с бывшего госсекретаря Джеймса Бейкера и кончая тогдашним премьер-министром Великобритании Джоном Мейджером и Бушем-старшим. Используя свои связи на высшем уровне, Carlyle купила телекоммуникационное отделение Daewoo, Ssangyong Information and Communication (одну из крупнейших корейских высокотехнологичных компаний), а также приобрела контрольный пакет акций одного из крупнейших корейских банков⁴¹.

⁴⁰ Raghavan A. Wall Street Is Scavenging In Asia-Pacific.

⁴¹ McCarthy R. Merrill Lynch Buys Yamaichi Branches, Now Japan's Biggest Foreign Broker // *Agence France-Presse*. 1998. February 12; Phatra Thanakit Announces Partnership with Merrill

Джеффри Гартен, в прошлом заместитель министра США по торговле, предсказывал, что, когда МВФ закончит свою работу, «мы увидим совершенно иную Азию — это будет Азия, в которую американские фирмы внедрились гораздо глубже, которая стала для них гораздо доступнее»⁴². И это оказалось правдой. Через два года многие страны Азии совершенно изменились, и сотни национальных брендов были вытеснены гигантскими транснациональными корпорациями. Это была «крупнейшая в мире распродажа по случаю выхода из бизнеса», по словам газеты *New York Times*, или, как писал журнал *Business Week*, «крупнейший базар для покупки бизнеса»⁴³. Фактически это был предвестник капитализма катастроф, который стал нормой для рынка после 11 сентября: ужасающая трагедия использовалась для того, чтобы иностранные фирмы могли атаковать Азию. Они явились сюда не для создания своего бизнеса и не для участия в соревновании, но чтобы скупить остатки производственной базы, рабочую силу, клиентскую базу и местные бренды, которые десятилетиями создавали корейские компании; часто они разделяли фирмы, сокращали или вообще закрывали их, чтобы подавить конкуренцию импортным товарам.

Так, корейский титан Samsung был распродан по частям: Volvo получила отделение тяжелой промышленности, SC Johnson & Son — фармацевтическое отделение, General Electric — электроосветительные приборы. Несколько лет спустя некогда мощное машиностроительное отделение Daewoo, которое компания оценивала в 6 миллиардов долларов, было продано GM всего за 400 миллионов, но в отличие от России местные фирмы были вытеснены международными компаниями⁴⁴.

Lynch // Merrill Lynch press release. 1998. June 4; World Investment Report 1998: Trends and Determinants // United Nations Conference on Trade and Development. New York: United Nations, 1998. P. 337; Zhan J.X., Ozawa T. Business Restructuring in Asia: Cross-Border M&As in the Crisis Period. Copenhagen: Copenhagen Business School Press, 2001. P. 100; Advisory Board for Solomon // *Financial Times*. London. 1999. May 18; Korea Ssangyong Sells Info Unit Shares to Carlyle // Reuters News. 2001. January 2; JP Morgan—Carlyle Consortium to Become Largest Shareholder of KorAm // *Korea Times*. Seoul. 2000. September 9.

⁴² Kristof N.D. Worsening Financial Flu in Asia Lowers Immunity to U.S. Business // *New York Times*. 1998. February 1.

⁴³ Lewis M. The World's Biggest Going-Out-of-Business Sale; Clifford M.L. Invasion of the Bargain Snatchers // *Business Week*. 1998. March 2.

⁴⁴ World Investment Report 1998, p. 336; Zhan J.X., Ozawa T. Business Restructuring in Asia, p. 99; Chronology—GM Takeover Talks with Daewoo Motor Creditors // *Reuters*. 2002. April 30.

Среди других могучих игроков, которые поживились на распродаже в Азии, были Seagram's, Hewlett-Packard, Nestle, Interbrew; Novartis, Carrefour, Tesco и Ericsson. Coca-Cola приобрела корейскую компанию-ботлера за полмиллиарда долларов; Procter and Gamble купили корейскую упаковочную компанию; Nissan завладела самой крупной автомобилестроительной компанией Индонезии. General Electric приобрела контрольный пакет акций корейского производителя холодильников LG, а английская компания Powergen завладела LG Energy, большой корейской компанией, занимавшейся газом и электричеством. По словам журнала *Business Week*, саудовский принц Аль-Валид бен Талал «совершал перелеты по Азии на своем Boeing-727, скупая дешевые активы», включая приобретение доли в компании Daewoo⁴⁵.

Неудивительно, что Morgan Stanley, которая активнее прочих радовалась углублению кризиса, была участницей многих подобных сделок, получая за это огромные комиссионные. Она консультировала Daewoo относительно продажи ее огромного автомобильного отделения и договаривалась о приватизации нескольких южнокорейских банков⁴⁶.

Иностранцам продавали не только частные азиатские фирмы. Как это раньше происходило в Латинской Америке и Восточной Европе, кризисы вынудили правительства выставить на аукцион общественные службы, чтобы собрать крайне необходимый капитал. Правительство США уже ждало этого момента. Когда Конгресс обсуждал вопрос о том, следует ли выделить миллиарды долларов МВФ для захвата Азии, специальный представитель США по торговым переговорам Чарлен Баршефски заявил, что такое соглашение «создаст новые деловые возможности для американских фирм»: Азия будет вынуждена «ускорить приватизацию некоторых важнейших секторов, включая энергетику, транспорт, коммунальные службы и коммуникации»⁴⁷.

Кризис запустил волну приватизации, и иностранные монополисты стали подбирать все, что плохо лежит. Bethel получила контракт

⁴⁵ Zhan J.X., Ozawa T. Business Restructuring in Asia, pp. 96—102; Clifford M.L. Invasion of the Bargain Snatchers.

⁴⁶ Harney A. GM Close to Taking 67% Stake in Daewoo for \$400M // *Financial Times*. London. 2001. September 20; Strom St. Korea to Sell Control of Banks to U.S. Investors // *New York Times*. 1999. January 1.

⁴⁷ Barshefsky C. Trade Issues with Asian Countries // Testimony before the Subcommittee on Trade of the House Committee on Ways and Means. 1998. February 24.

на приватизацию систем водоснабжения и канализации на восточных Манилах, а также построила нефтеперерабатывающие заводы на индонезийском острове Сулавеси. Motorola получила полный контроль над корейской Arreal Telecom. Энергетический монстр из Нью-Йорка Sithe приобрела крупную долю в тайландской государственной газовой компании Cogeneration. Систему водоснабжения Индонезии поделили между собой британская Thames Water и французская Lyonnaise des Eaux. Канадская Westcoast Energy заполучила гигантскую энергетическую сеть фабрик Индонезии. British Telecom приобрела крупные доли в почтовых службах Малайзии и Кореи. Bell Canada получила часть корейской коммуникационной компании Hansol⁴⁸.

Всего транснациональные корпорации только за двадцать месяцев провели 186 крупных слияний и поглощений в Индонезии, Таиланде, Южной Кореи, Малайзии и на Филиппинах. Наблюдая за этими сделками, Роберт Уэйд, экономист Фондовой биржи Лиссабона, и Франк Венерозо, ее экономический консультант, предсказали, что программа МВФ, «возможно, послужит началом для крупнейшего в мирное время перехода богатств страны в руки иностранцев за последние пятьдесят лет мировой истории»⁴⁹.

МВФ, хотя и признавал отдельные ошибки в начале развития кризиса, уверял, что он быстро их исправил и программа «стабилизации» прошла успешно. Действительно, постепенно рынки Азии стабилизировались, но за это пришлось дорого заплатить и приходится еще расплачиваться. Милтон Фридман в разгар кризиса, пытаясь унять панику, утверждал, что «все это закончится... Когда финансовые беспорядки прекратятся, Азия снова начнет развиваться, но когда это случится — через один, два или три года, — никто не может сказать»⁵⁰.

Правда же заключается в том, что этот кризис и сейчас, десятилетие спустя, еще не завершился. Когда 24 миллиона людей за два года потеряли работу, стали развиваться новые феномены, которые страшны

⁴⁸ International Water—Ayala Consortium Wins Manila Water Privatization Contract // Business Wire. 1997. January 23; Bechtel Wins Contract to Build Oil Refinery in Indonesia // Asia Pulse news agency. 1999. September 22; Mergers of S. Korean Handset Makers with Foreign Cos on the Rise // Asia Pulse news agency. 2004. November 1; World Investment Report 1998, p. 337; Zhan J.X., Ozawa T. Business Restructuring in Asia, pp. 96—99.

⁴⁹ Zhan J.X., Ozawa T. Business Restructuring in Asia, pp. 96—102; Wade R., Veneroso F. The Asian Crisis: The High Debt Model Versus the Wall Street-Treasury-IMF Complex // *New Left Review* 228. 1998. March—April.

⁵⁰ Milton Friedman Discusses the IMF.

для любой культуры. Они проявляются по-разному в разных странах региона, от усиления религиозного экстремизма в Индонезии и Таиланде до стремительного роста детской проституции.

В Индонезии, Малайзии и Южной Корее показатели занятости так и не достигли уровня до 1997 года. И дело не в том, что люди, ставшие безработными во время кризиса, не нашли себе работу. Увольнения продолжались, а новые иностранные собственники хотели получать еще больше дохода от своих инвестиций. Продолжались и самоубийства: в Южной Корее самоубийство стоит на четвертом месте среди наиболее распространенных причин смерти, их частота стала вдвое больше, чем до кризиса, каждый день таким образом умирают 38 человек⁵¹.

Таковы замалчиваемые результаты мероприятий, которые МВФ называл «программой стабилизации», как если бы страны были кораблями, которых качали волны бурного моря. Стабилизация действительно наступила, но для достижения нового равновесия пришлось выкинуть за борт миллионы людей: работников государственного сектора, владельцев мелкого бизнеса, фермеров с малорентабельным хозяйством, деятелей профсоюзов. Мерзкий секрет такой «стабилизации» заключается в том, что большинство этих людей так и не вернулось на борт. В итоге они оказались в труппах, где теперь проживает один миллиард человек; они оказались в борделях или в контейнерах грузовых кораблей. Это люди, лишенные наследства, люди, которым, по словам немецкого поэта Райнера Марии Рильке, «не принадлежит ни будущее, ни прошлое»⁵².

И не только эти люди стали жертвами МВФ, требующего доктринальной чистоты от стран Азии. В Индонезии антикитайские настроения, наблюдавшиеся летом 1997 года, продолжали расти при поддержке политиков, которые рады были переключить внимание с себя на другого врага. Когда Сухарто поднял цены на жизненно важные товары, ненависть к китайцам стала еще больше. По всей стране проходили

⁵¹ В 1995 году частота самоубийств составляла 11,8 случая на 100 тысяч человек, в 2005 году этот показатель равнялся 26,1, то есть вырос на 121 процент. World Factbook 1997; World Factbook 2007, www.cia.gov; S. Korea Has Top Suicide Rate among OECD Countries: Report // Asia Pulse news agency. 2006. September 18; S. Korean Police Confirm Actress Suicide // *Agence France-Presse*. 2007. February 12.

⁵² 2005 Annual Report // United Nations Human Settlements Program. Nairobi: UN-HABITAT, 2006. Pp. 5—6, www.unhcr.org; *Rilke R.M. Duino Elegies and the Sonnets to Orpheus* / Trans. A. Poulin Jr. Boston: Houghton Mifflin, 1977. P. 51.

бунты, и очень часто жертвами становились представители китайского меньшинства: примерно 1200 человек были убиты и десятки китайских женщин подверглись групповому изнасилованию⁵³. Этим людям тоже нужно отнести к жертвам идеологии чикагской школы.

В итоге гнев индонезийцев обратился на Сухарто и президентский дворец. Три десятилетия индонезийцы хранили в памяти ту кровавую бойню, которая привела Сухарто к власти, эти воспоминания освежали периодические убийства в провинциях и на Восточном Тиморе. Скрытая ненависть к Сухарто тлела все это время внутри, но МВФ разжег пламя — парадоксальным образом это произошло, когда фонд потребовал поднять цены на бензин. И тогда индонезийцы поднялись и скинули Сухарто.

Подобно человеку, ведущему допросы в тюрьме, МВФ использовал резкую боль кризиса, чтобы сломить волю «азиатских тигров» и привести страны к состоянию полной покорности. Но в руководствах по допросам ЦРУ говорится, что этот процесс может зайти слишком далеко: если применить слишком много боли, допрашивающий может столкнуться не с регрессией и покорностью, а с верой в себя и сопротивлением. В Индонезии боль пересекла границу, шоковая терапия зашла слишком далеко, и это вызвало ответный удар, который нам уже хорошо знаком, скажем, по Боливии или Ираку.

Однако крестоносцы свободного рынка плохо усваивают уроки, когда речь идет о побочных последствиях применения их программ. Единственный урок, который они вынесли из крайне выгодной распродажи богатств Азии, по-видимому, заключается в еще большей приверженности доктрине шока, это очередной раз (как будто тут нужны еще доказательства) продемонстрировало, что подлинная катастрофа, глубокая дезориентация общества являются лучшим средством для покорения новых рубежей. Через несколько лет после кризиса в его кульминации некоторые известные комментаторы готовы были даже заявить, что события в Азии, несмотря на их опустошительное действие, — это худо, которое обернулось добром. Так, журнал *The Economist* пишет: «Южной Корее понадобилось пережить кризис, чтобы из страны, ориентированной вовнутрь себя, превратиться в государство, открытое к иностранному капиталу, изменениям и конкуренции». А Томас Фридман в своем бестселлере «Лексус и оливковое дерево» заявил, что происходившее в Азии вообще не было кризисом: «Я думаю, что глобализация оказала нам всем услугу, когда

⁵³ Indonesia Admits to Rapes during Riots // *Washington Post*. 1998. December 22.

в 1990-х смела экономические системы Таиланда, Кореи, Малайзии, Индонезии, Мексики, России и Бразилии, потому что она обнажила множество порочных практик и общественных институтов». К этому он добавляет: «В моей книге разоблачение кумовского капитализма Кореи не представлено как кризис»⁵⁴. А в своей колонке в газете *New York Times* он поддерживает вторжение в Ирак, опираясь на ту же логику, только на этот раз сметать экономическую систему будет уже не рынок валюты, а крылатые ракеты. Азиатский кризис действительно продемонстрировал, насколько удобно использовать катастрофу. Но одновременно ужасающие последствия падения рынка и циничная реакция Запада вызвали мощное движение протеста.

Капиталы транснациональных корпораций проникли в Азию, но это вызвало ответное возмущение, которое уже было направлено непосредственно на институты, распространяющие идеологию неограниченного капитализма. Как об этом сообщает на удивление уравновешенная редакционная статья в газете *Financial Times*, Азия стала «предупредительным сигналом о том, что людям не нравится капитализм и силы глобализации начинают их беспокоить. Азиатский кризис продемонстрировал: даже самые успешные страны вынуждены встать на колени в результате оттока капитала. И людей приводит в ярость мысль о том, что прихоть таинственных фондов может привести к массовому обнищанию населения на другом конце мира»⁵⁵.

В отличие от бывшего Советского Союза, где запланированное обнищание при шоковой терапии можно было объяснить «болезненным переходом» от коммунизма к рыночной демократии, кризис в Азии был прямым результатом глобального рынка. Но первосвященники глобализации реагировали на эту катастрофу лишь одним образом: они хотели, чтобы боль стала еще сильнее.

В итоге подобные миссии утратили комфорт анонимного существования, которым пользовались прежде. Сотрудник МВФ Стенли Фишер вспоминает об «атмосфере циркового представления» вокруг отеля «Хилтон» в Сеуле, когда он посещал Южную Корею на ранней стадии переговоров: «Я оказался запертым в своем номере в отеле и не мог выйти, потому что стоило мне открыть дверь, за ней оказывалось 10 тысяч фотографов». Как вспоминает другой очевидец, чтобы добраться до банкетного зала, где проходили переговоры, пред-

⁵⁴ *The Weakest Link; Friedman T.L. The Lexus and the Olive Tree. New York: Farrar, Strauss Giroux, 1999. Pp. 452—453.*

⁵⁵ *The Critics of Capitalism // Financial Times. London. 1999. November 27.*

ставители МВФ вынуждены были «идти в обход, к черному ходу, для чего нужно было подняться и спуститься на несколько этажей и пройти через большую кухню “Хилтона”»⁵⁶. В те времена руководящие работники МВФ еще не привыкли к подобному вниманию. В последующие годы заключение в номерах пятизвездочных отелей и центрах для конференций стало обычной историей для эмиссаров «вашингтонского консенсуса», как и массовые протесты по поводу их собраний по всему миру.

После 1998 года применять шоковую терапию для покорения стран обычными методами МВФ — с помощью запугивания или давления на торговых саммитах — становилось все сложнее. Новое настроение исходило от стран Юга, и оно впервые ярко себя показало в Сиэтле в 1999 году, когда были сорваны переговоры Всемирной торговой организации. СМИ в основном рассказывали о молодых демонстрантах, но настоящий бунт произошел на самой конференции, когда развивающиеся страны создали блок, позволивший воспротивиться требованиям о дальнейших уступках в торговле, в то время как Европа и США продолжают субсидировать и защищать своих внутренних производителей.

Тогда еще можно было увидеть в этом происшествии в Сиэтле незначительную остановку на фоне постоянного поступательного движения корпоративизма. Но несколько последующих лет показали, что ситуация достаточно серьезна: амбициозные планы правительства США по созданию единой зоны свободной торговли по всему Азиатско-Тихоокеанскому региону были оставлены, ни к чему не привели и переговоры глобальных инвесторов о создании зон свободной торговли в Северной и Южной Америке, от Аляски до Чили.

И, возможно, самым значительным следствием зарождения так называемого антиглобализационного движения было то, что чикагская идеология оказалась в самом центре международных споров. На короткий момент в начале нового тысячелетия никакой неотложный кризис не отвлекал внимания: долговые шоки потеряли остроту, «переходы» совершились, а новая глобальная война еще не началась. Оставалась реальная история крестового похода за свободный рынок: удручающие факты социального неравенства, коррупции и деградации в тех странах, которые одна за другой следовали совету Фридмана, совету, который много лет назад он дал Пиночету, сказав, что это ошибка — пытаться «делать добро с помощью денег других людей».

⁵⁶ Интервью со Стенли Фишером 9 мая 2001 года; *Blustein P. The Chastening*, pp. 6—7.

Оглядываясь на недавнее прошлое, можно отметить удивительный факт: период монополии капитализма, когда ему не надо было сражаться с другими идеологиями или противниками, продолжался крайне недолго — всего восемь лет, от краха Советского Союза в 1991 году до краха переговоров ВТО в 1999 году. Но появление оппозиции не ослабило желания продвигать далее эти невероятно выгодные программы, только теперь их сторонники использовали волны страха и дезориентации, которые порождали еще более ужасные виды шока, чем раньше.

ЭПОХА ШОКА:

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА КАТАСТРОФ

Творческое разрушение — так нас можно назвать, мы это делаем как в собственном обществе, так и за границей. Мы разрываем на клочки старый порядок ежедневно: в бизнесе, науке, литературе, искусстве, архитектуре и кино, а также в политике и законодательстве... Они должны нападать на нас, чтобы выжить, так и мы должны разрушать их, чтобы выполнять нашу историческую миссию.

Майкл Ледин «Война против заправил террора», 2002 г.

Когда Джордж на ранчо сталкивается с какой-либо проблемой, он пытается применить для ее решения бензопилу — думаю, именно поэтому он легко находит общий язык с такими людьми, как Чейни и Рамсфельд.

Лора Буш, на обеде Ассоциации корреспондентов при Белом доме, 30 апреля 2005 г.

ШОКОВАЯ ТЕРАПИЯ В США:

МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Это жестокий маленький ублюдок. Можете не сомневаться.

Ричард Никсон, президент США, о Дональде Расмфельде, 1971 г.¹

Боюсь, сегодня мы только начинаем фактически понимать, что нас окружает общество тотальной слежки.

Ричард Томас, член комиссии по информационным ресурсам, ноябрь 2006 г.²

Национальная безопасность, может быть, уже достигла того уровня, какой был при буме инвестирования в Интернет в 1997 году. Тогда можно было только поставить букву «е» перед названием компании, и ваши акции росли в цене. Сегодня ключевое слово — «безопасность».

Дэниел Гросс, *Slate*, июнь 2005 г.³

Однажды сырым и теплым вашингтонским утром Дональд Расмфельд должен был сделать то, чего делать не любил: поговорить со своими подчиненными. С тех пор как он стал министром обороны, в Объединенном комитете начальников шта-

¹ *Baldwin T. Revenge of the Battered Generals // Times. London. 2006. April 18.*

² *Britain's Ranking on Surveillance Worries Privacy Advocate // New York Times. 2006. November 3.*

³ *Gross D. The Homeland Security Bubble. 2005. June 1, Slate.com.*

бов у него создалась прочная репутация. Его считали своевольным, скрытным и — это слово повторяли снова и снова — высокомерным. И такое раздражение можно было понять. Заняв свой офис в Пентагоне, Рамсфельд отказался от традиционной роли лидера, который мотивирует людей; вместо этого он действовал как хладнокровный наемник, которому директор фирмы поручил провести сокращение штатов.

Когда Рамсфельд получил это назначение, многие удивлялись, зачем ему вообще понадобился этот пост. 68-летний дед пятерых внуков, человек удачи, которая выражалась состоянием в 250 миллионов долларов, он к тому же уже занимал важный пост в администрации Джеральда Форда⁴. Но Рамсфельд и не намеревался становиться обычным министром обороны, который всего-навсего наблюдает за военными действиями, это не соответствовало его амбициям.

Последние 20 с небольшим лет этот человек возглавлял международные корпорации и заседал во всевозможных советах директоров, часто занимался судьбоносными для компаний слияниями и поглощениями, а также составлял планы болезненных реструктуризаций. В 1990-х он мог считать себя человеком новой экономики: Рамсфельд возглавлял компанию, занимавшуюся цифровым телевидением, заседал в совете директоров другой многообещающей программы «решений электронного бизнеса» и был исполнительным директором фирмы по разработке биотехнологий, которая обладала уникальным патентом на изготовление лекарств от птичьего гриппа, а также на несколько важных лекарств для лечения СПИДа⁵. Когда в 2001 году Рамсфельда пригласили в кабинет Джорджа Буша-младшего, он почувствовал, что должен создать военное дело XXI века — превратить войну в нечто скорее психологическое, чем материальное, сделать ее в большей степени спектаклем, а не борьбой, и заставить приносить больше прибыли, чем когда-либо раньше.

Многое писалось о противоречивом проекте «трансформации», который заставил восемь генералов на пенсии просить по телефону Рамсфельда об отставке и из-за которого он вынужден был покинуть

⁴ *Burns R.* Defense Chief Shuns Involvement in Weapons and Merger Decisions to Avoid Conflict of Interest // Associated Press. 2001. August 23.

⁵ *Burgess J.* Tuning in to a Trophy Technology // *Washington Post*. 1992. March 24; TIS Worldwide Announces the Appointment of the Honorable Donald Rumsfeld to its Board of Advisors // PR Newswire. 2000. April 25; *Lean G., Owen J.* Donald Rumsfeld Makes \$5M Killing on Bird Flu Drug // *Independent*. London. 2006. March 12.

свой пост после промежуточных выборов 2006 года. Когда Буш заявил о его отставке, он назвал проект «радикальной трансформации» — а не Ирак или, если шире, не «войну против террора» — главным достижением Рамсфельда: «Эти труды Дона редко попадали в газетные заголовки. Но начатые им реформы, начатое им продвижение — это войдет в историю»⁶. Эти реформы действительно попали в историю, хотя не всегда было легко разобраться в том, из чего они состоят.

Высокопоставленные военные презрительно говорят, что «трансформация» — «пустые громкие слова», а Рамсфельд часто как будто нарочно (что казалось почти комедией) старался доказать правоту своих критиков. В апреле 2006 года Рамсфельд вещал: «Армия проходит через процесс, который можно назвать крупной модернизацией. Она отказывается от классической дивизиональной структуры и переходит к принципу универсальных боевых групп... от сражений, ориентированных на рода войск, к сражениям без боевого соприкосновения, взаимодействию и далее — к взаимозависимости. И это нелегкая задача»⁷. Но такой проект на самом деле не был столь сложным, как это могло показаться с его слов. За этим жаргоном стоит попытка сделать ту революцию — в виде передачи работы подрядчикам и создания брендов, — которую он ранее совершал в корпоративном мире, самой сутью армии США.

В течение 1990-х многие компании, которые по традиции сами изготавливали продукцию и управляли большим количеством постоянных работников, перешли на так называемую модель Nike: не нужно владеть фабриками, производите свою продукцию через сеть подрядчиков и субподрядчиков, вкладывайте свои средства исключительно в дизайн и маркетинг. Другие же компании выбрали альтернативный путь — модель Microsoft: сохранили сильный управляющий центр, сотрудники которого сосредоточены на выполнении ключевых функций, и отдали на аутсорсинг все остальное — от секретарской работы до написания кодов. Иногда компании, которые провели такую радикальную перестройку, были «оболочечными корпорациями», потому что представляли собой преимущественно форму без какого-либо материального содержания.

По убеждению Рамсфельда, Министерство обороны США должно было совершить подобное преобразование. По словам журнала

⁶ *Bush G. W.* Bush Delivers Remarks with Rumsfeld, Gates // CQ Transcripts Wire. 2006. November 8.

⁷ *Galloway J.L.* After Losing War Game, Rumsfeld Packed Up His Military and Went to War // *Knight-Ridder*. 2006. April 26.

Fortune, прибыв в Пентагон, «господин генеральный директор... собирался произвести те же перемены, которыми он занимался в корпоративном мире»⁸. Хотя, разумеется, тут были существенные отличия. Корпорации таким путем освобождались от географической привязки к фабрикам и постоянных работников, Рамсфельд же представлял себе армию из большого числа постоянных отрядов с маленьким ядром кадровых военных, подкрепленных дешевыми наемниками из резерва и Национальной гвардии. В это же время подрядчики из таких компаний, как Blackwater и Halliburton, будут выполнять роль всевозможных служб: водить автомобили в условиях высокого риска, допрашивать пленных или оказывать медицинскую помощь. И если корпорации вкладывали деньги, сэкономленные на труде, в дизайн и маркетинг, Рамсфельд будет тратить накопления, сэкономленные на меньшей численности частей и танков, на новейшие спутники и нанотехнологии, разрабатываемые в частном секторе. «В XXI веке, — говорил Рамсфельд, — мы хотим перестать думать только о вещах, об их количестве и массе, но начать думать — может быть, даже прежде всего — о скорости, гибкости и точности». Он говорил совершенно так же, как чрезмерно активный консультант по управлению Том Питерс в середине 90-х о том, что компании должны выбирать: или они станут «игроками» в сфере производства чистых идей», или же «поставщиками тяжелых вещей»⁹.

Неудивительно, что генералы, задававшие тон в Пентагоне, все еще крепко верили в значение «вещей» и «массы», коль скоро речь шла о ведении войны. И их начали раздражать представления Рамсфельда об «оболочечной армии». Проведя всего семь месяцев на своем посту, новый министр наступил на ноги столь многим влиятельным людям, что все уже предвкушали его уход.

И в этот самый момент Рамсфельд созвал редкое «общее собрание» для своих подчиненных в Пентагоне. Немедленно все начали строить предположения. Он хочет объявить об отставке? Собирается произнести зажигательную речь? Снова попытается скормить старой гвардии свою идею трансформации? В то утро понедельника аудиторию в Пентагоне заполнили сотни высокопоставленных военных, которых «явно переполняло любопытство», как рассказывал мне один

⁸ *Birnbaum J.H.* Mr. CEO Goes to Washington // *Fortune*. 2001. March 19.

⁹ *Rumsfeld D.H.* Secretary Rumsfeld's Remarks to the Johns Hopkins, Paul H. Nitze School of Advanced International Studies. 2005. December 5, www.defenselink.mil; *Peters T.* The Circle of Innovation. New York: Alfred A. Knopf, 1997. P. 16.

из участников встречи. «Все думали: как он собирается нас убеждать? Потому что слишком многие испытывали к нему злость».

Когда вошел Рамсфельд, «мы привстали в знак почтения и расселись». Сразу стало ясно, что речь не пойдет об отставке и он никого не собирается воодушевлять. Возможно, это была самая необычная речь из всех, когда-либо произнесенных министром обороны США. Он начал так:

«Сегодня мы поговорим о противнике, который представляет угрозу, серьезную угрозу безопасности Соединенных Штатов Америки. Этот противник — один из последних в мире оплотов центрального планирования. Он управляет с помощью пятилетних планов. Из одной столицы он пытается навязать свои требования людям, живущим в других часовых поясах, на других континентах и за океанами. С жестоким упорством он борется со свободным мышлением и новыми идеями. Он подрывает оборону Соединенных Штатов и ставит под угрозу жизнь мужчин и женщин в военной форме.

Может быть, этот противник напоминает вам Советский Союз, но этого врага уже нет: сегодня наши враги действуют тоньше и незаметнее... Они гораздо ближе к нашей родине. Этот противник — бюрократия Пентагона»¹⁰.

Когда стала ясна цель риторического хода Рамсфельда, лица слушателей окаменели. Большинство из них сделали карьеру на борьбе с Советским Союзом, и им не понравилось, что их сравнивают с коммунистами. Но Рамсфельд еще не закончил: «Мы знаем об угрозе. Цель столь же ясна, как и при борьбе с любым конкретным противником, поэтому надо применить все необходимые меры... Итак, сегодня мы объявляем войну бюрократии». И он это сделал: министр обороны не только назвал Пентагон серьезной угрозой Америке, но и объявил войну той организации, где сам работал. Аудитория была поражена. Как рассказывал один участник встречи, «он сказал, что враг — это мы. А мы тут думали, что служим нашей стране».

Это не означало, что Рамсфельд хотел сэкономить деньги налогоплательщиков — он только что попросил Конгресс увеличить бюд-

¹⁰ Информация, приведенная на следующих двух страницах, взята из: *Rumsfeld D.H. DoD Acquisition and Logistics Excellence Week Kickoff—Bureaucracy to Battlefield. Speech made at the Pentagon. 2001. September 10, www.defenselink.mil.*

жетные расходы на 11 процентов. Его действия отвечали принципу контрреволюции корпоративизма, когда большая власть объединяется с большим бизнесом, чтобы перераспределить фонды в свою пользу. Он хотел тратить меньше на сотрудников и направить поток государственных денег непосредственно в сундуки частных компаний. Для этого он начал «войну». Каждое отделение должно было на 15 процентов сократить количество сотрудников, включая «каждую штаб-квартиру в любой точке земного шара. Это не просто приказание, это прекрасная идея, и мы ее осуществим»¹¹.

Он уже отдал распоряжение своим начальникам «выявить в Министерстве [обороны] те функции, которые лучше и дешевле выполнят другие службы». Он хотел знать, «почему Министерство обороны — последняя организация в мире, которая не пытается экономить? Когда вся промышленность работает на нас, зачем нам столько иметь и столь многое делать своими руками? Почему на наших базах по всему миру мы сами вывозим наш мусор и сами подметаем пол, а не поручаем выполнять это по контракту другим службам? И разумеется, мы можем в бóльшей мере передать другим службам поддержку компьютерных систем».

Он покусился даже на «священную корову» военных — на охрану здоровья солдат. Зачем нам так много врачей? — хотел знать Рамсфельд. «Многие наши потребности, особенно если дело касается общей практики или специалистов, не связанных с боевыми действиями, может эффективнее удовлетворить частный сектор». А жилье для солдат и их семей? Разумеется, эту проблему лучше решит «партнерство государственного и частного секторов».

Министерство обороны должно сосредоточиться на своей главной задаче — «на ведении войны... Но во всех других случаях следует искать сторонних исполнителей, которые могут решить эти неключевые задачи квалифицированнее и эффективнее».

Когда он закончил свою речь, многие из сотрудников Пентагона поняли, что Рамсфельду помешает осуществить свою идею лишь одна загвоздка. Это Конституция США, где ясно говорится, что национальную безопасность должно обеспечивать правительство, а не частные компании. «Я думал, что после этого выступления Рамсфельд потеряет свою должность», — сообщил мой источник информации.

¹¹ Skorneck C. Senate Committee Approves New Base Closings, Cuts \$1.3 Billion from Missile Defense // Associated Press. 2001. September 7; Rumsfeld D.H. DoD Acquisition and Logistics Excellence Week Kickoff.

Но Рамсфельд не ушел, а про войну с Пентагоном в прессе почти не говорили. Это произошло потому, что спорное выступление Рамсфельда датировано 10 сентября 2001 года.

Это было странным историческим совпадением: 10 сентября по CNN Evening News показали краткий сюжет под заголовком «Министр обороны объявляет войну бюрократии Пентагона», а на следующее утро тот же канал рассказывал о куда менее метафорической атаке на это же заведение, при которой 125 сотрудников Пентагона погибли, а 110 получили тяжелые ранения — те самые люди, которых Рамсфельд менее суток назад объявил врагами государства¹².

Чейни и Рамсфельд: зачаток капитализма катастроф

Идея, которую выразил Рамсфельд в своей оказавшейся забытой речи, отражала стержневой принцип режима Буша: задача правительства состоит не в управлении, а в том, чтобы передавать задачи более квалифицированным и эффективным исполнителям из частного сектора. Как показал Рамсфельд, речь шла не о какой-либо прозаической цели типа экономии бюджета — это был настоящий крестовый поход, сопоставимый с борьбой против коммунизма.

Но к тому времени, как команда Буша получила власть, приватизационная мания 80-х и 90-х (с полного одобрения администрации Клинтона, властей штатов и местных властей) уже привела к распродаже или передаче иным исполнителям крупных государственных компаний во многих сферах, от водоснабжения и электроэнергии до обслуживания автомагистралей и уборки мусора. И когда все эти ветви государства были отрезаны, остался только «ствол» — функции, настолько тесно связанные с представлениями о правлении, что сама мысль об их передаче частным корпорациям ставила под вопрос смысл государства. К ним относились армия, полиция, пожарная охрана, тюрьмы, пограничный контроль, спецслужбы, контроль за распространением заболеваний, государственная школьная система и управление государственным бюрократическим аппаратом. Однако предыдущие стадии приватизации были настолько выгодными, что многие компании, сожравшие государственные куски, с жадностью ожидали, когда же можно будет разобрать себе и эти ключевые функции, чтобы сделать их неиссякаемым источником обогащения.

¹² Hemmer B., McIntyre J. Defense Secretary Declares War on the Pentagon's Bureaucracy // CNN Evening News. 2001. September 10.

В конце 1990-х уже делались серьезные попытки нарушить табу, защищающее этот «ствол» от приватизации. Фактически этого требовала логика вещей. Рынок ценных бумаг в 1990-е годы получал сверхприбыль от нефтяных скважин России, телекоммуникаций Латинской Америки и промышленности Азии, а теперь таким источником богатств должно было стать само правительство США, и вопрос стоял особенно остро, потому что развивающиеся страны начинали все сильнее протестовать против приватизации и свободной торговли, закрывая пути дальнейшего роста.

Этот шаг был для доктрины шока новой фазой, где она замыкалась сама на себя. Ранее катастрофы и кризисы использовались для проведения программ радикальной приватизации постфактум, однако институты, имеющие власть как создавать катастрофы, так и ликвидировать их последствия: армия, ЦРУ, Красный Крест, ООН, сотрудники служб помощи при стихийных бедствиях, — оставались последним бастионом, находившимся в руках государства. Теперь же для захвата этого «ствола» метод использования кризиса, отработанный за три последних десятилетия, должен был стимулировать приватизацию инфраструктуры создания катастроф и ликвидации их последствий. Кризисная теория Фридмана достигла стадии постмодернизма.

Главными создателями того, что можно назвать приватизированным полицейским государством, были наиболее влиятельные фигуры будущей администрации Буша: Дик Чейни, Дональд Рамсфельд и сам Джордж Буш-младший.

За идеей Рамсфельда приложить «логику рынка» к армии стоит проект с 40-летней историей. В начале 1960-х он начал посещать семинары экономического отделения Чикагского университета. У него сложились особенно близкие отношения с Милтоном Фридманом, и когда 30-летний Рамсфельд был избран членом Конгресса, Фридман взял молодого республиканца под свое крыло, помог ему сформулировать политическую платформу в духе свободного рынка и наставлял в экономике. Эта близость сохранялась все последующие годы. Рамсфельд посещал ежегодные торжества в честь дня рождения Фридмана, которые устраивал президент фонда Heritage Эд Фолнер. «В Милтоне есть нечто такое, что, находясь рядом с ним и разговаривая с ним, я себя чувствую мудрее», — сказал Рамсфельд о своем наставнике, когда Фридману исполнилось девяносто¹³.

¹³ *Rumsfeld D. Tribute to Milton Friedman // Washington, DC. 2002. May 9, www.defenselink.mil; Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People, p. 345.*

Это восхищение было взаимным. Фридман был в восторге от преданности Рамсфельда идее свободного рынка, так что он даже оказал сильное давление на Рейгана, чтобы на выборах 1980 года тот поставил в избирательном списке рядом с собой Рамсфельда вместо Джорджа Буша-старшего — и никогда не мог простить Рейгану, что тот отказался следовать его совету. «Я думаю, Рейган совершил ошибку, выбрав Буша кандидатом в вице-президенты, — писал Фридман в своих мемуарах, — в самом деле, это самое неудачное решение не только его предвыборной кампании, но и президентства. Кандидатом, которого я бы предпочел, был Дональд Рамсфельд. Если бы выбрали его, я думаю, он стал бы президентом после Рейгана и мы бы не знали печального периода правления Буша—Клинтона»¹⁴.

Когда Рамсфельду не удалось попасть в избирательный бюллетень вместе с Рейганом, он начал свою успешную карьеру в бизнесе. Став генеральным директором международной компании Searle Pharmaceuticals, производящей лекарства и химические реактивы, он использовал свои политические связи, чтобы добиться одобрения от противоречивого и весьма богатого Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов относительно аспартама (его продавали под названием NutraSweet); когда же Рамсфельд стал посредником сделки по продаже Searle компании Monsanto, он лично заработал около 12 миллионов долларов¹⁵.

Подобные крупные сделки превратили Рамсфельда в мощного корпоративного игрока и обеспечили ему место в руководстве таких компаний, как Sears и Kellogg's. Статус бывшего министра обороны делал его незаменимым для любой компании, которая входила в военно-промышленный комплекс, как его называл Эйзенхауэр. Рамсфельд входил в руководство Gulfstream, производившей самолеты, а также получал 190 тысяч долларов в год как член совета директоров ASEA Brown Boveri (ABB), швейцарского инженерного монстра, который привлек к себе ненужное внимание, когда выяснилось, что ABB продала Северной Корее ядерную технологию, включая средство для производства плутония. Эта продажа ядерного реактора состоялась в 2000 году, в это время Рамсфельд был единственным человеком из Северной Америки в тамошнем совете директоров.

¹⁴ Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People, p. 391.

¹⁵ Gruber W. Rumsfeld Reflects on Politics, Business // *Chicago Tribune*. 1993. October 20; *Hedges St.J.* Winter Comes for a Beltway Lion // *Chicago Tribune*. 2006. November 12.

Он уверяет, что не может вспомнить, чтобы они обсуждали эту сделку с продажей реактора, хотя компания настаивает на том, что «члены совета директоров знали об этом проекте»¹⁶.

В 1997 году, когда Рамсфельд был назначен главой совета директоров фирмы Gilead Sciences, занимавшейся биотехнологиями, он уже был убежденным сторонником зарождающегося капитализма катастроф. Его компания получила патент на лекарство Tamiflu, которым можно лечить различные виды гриппа и которое является эффективным средством от птичьего гриппа¹⁷. И если бы произошла вспышка крайне заразного вирусного заболевания (или его угроза), государству бы пришлось заплатить миллиарды долларов за продукцию Gilead Sciences.

Выдача патентов на лекарства и вакцины для лечения заболеваний, угрожающих здоровью общества, до сих пор остается предметом споров. Несколько последних десятилетий в США не было эпидемий, но когда в середине 50-х годов в стране свирепствовал полиомиелит, болезнь вызвала горячие споры об этической стороне получения прибыли от болезней. В стране официально насчитывалось 60 тысяч больных полиомиелитом, и все родители боялись, что их ребенок заболит этим приводящим к инвалидности и нередко смертельным заболеванием. Когда в 1952 году Джонас Солк, ученый Питтсбургского университета, разработал первую вакцину от полиомиелита, он отказался брать патент на лекарство от смертельного заболевания. «Тут не может быть патента, — сказал Солк в радиопередаче ведущему Эдварду Р. Марроу. — Можете ли вы запатентовать солнце?»¹⁸

¹⁶ *Schneider G.* Rumsfeld Shunning Weapons Decisions // *Washington Post*. 2001. August 24; *Cockburn A.* Rumsfeld: His Rise, Fall, and Catastrophic Legacy. New York: Scribner, 2007. Pp. 89—90; *Ramesh R.* The Two Faces of Rumsfeld // *Guardian*. London. 2003. May 9; *Behar R.* Rummy's North Korea Connection // *Fortune*. 2003. May 12.

¹⁷ Данные о Tamiflu противоречивы. Имеется все больше задокументированных случаев, когда у молодых людей после приема лекарства возникают дезориентация, параноидальные состояния, бред и склонность к суициду. Между ноябрем 2005 года и ноябрем 2006 года в мире констатировали 25 смертей, которые связывают с побочным действием Tamiflu, теперь в США лекарство выпускают с предупреждением относительно «повышенного риска саморазрушительного поведения и состояния замешательства», а пациенту предлагают «тщательно следить за любыми признаками необычного поведения».

¹⁸ *Palca J.* Salk Polio Vaccine Conquered Terrifying Disease // *National Public Radio: Morning Edition*. 2005. April 12; *Oshinsky D.M.* Polio: An American Story. Oxford: Oxford University Press, 2005. Pp. 210—211. FOOTNOTE: *Weeks C.* Tamiflu Linked to 10 Deaths // *Gazette*. Montreal. 2006. November 30; *Griffith D.* Psychiatric Warning Put on Flu Drug // *Sacramento Bee*. 2006. November 14.

Можно с уверенностью сказать, что, если бы солнце можно было запатентовать, Дональд Рамсфельд давно бы уже подал соответствующую заявку в Бюро патентов США. Его бывшая компания Gilead Sciences также владела патентами на четыре типа лекарства от СПИДа и тратила много сил на то, чтобы воспрепятствовать распространению дешевых непатентованных версий этих медикаментов в развивающихся странах. Деятели государственного здравоохранения США спорили с компанией, указывая, что некоторые важнейшие лекарства Gilead были разработаны на гранты из денег налогоплательщиков¹⁹. Для самой же Gilead эпидемии означали рост рынка, и фирма провела напористую рекламную кампанию, призывая предприятия и отдельных людей запасаться Tamiflu просто на всякий случай. До своего возвращения в правительство Рамсфельд был настолько уверен, что скоро создаст новую индустрию с горячими деньгами, что даже помог учредить несколько частных инвестиционных фондов, специализирующихся на биотехнологиях и фармацевтике²⁰. Такие компании наживаются на апокалиптических картинах будущих свирепых эпидемий, заставляя правительства покупать по высокой цене жизненно важные препараты, патенты на которые держит частный сектор.

Дик Чейни, протеже Рамсфельда в администрации Форда, также полагался на доходы от мрачного будущего, хотя для Рамсфельда рыночный бум создавали эпидемии, а для Чейни — будущие войны. Будучи министром обороны при Буше-старшем, Чейни сократил количество действующих подразделений и заменил их частными подрядчиками. Он заключил контракт с Brown & Root, инженерным отделением транснациональной корпорации, расположенной в Хьюстоне, Halliburton. Компания должна была оценить, какие функции, выполняемые американскими военными, можно передать частному сектору, чтобы это приносило выгоду. Неудивительно, что Halliburton нашла множество таких работ, и эти исследования легли в основу еще одного контракта Пентагона — программы усиления служб тыла гражданскими специалистами. Пентагон славился своими контрактами на миллиарды долларов с производителями вооружения, но это было новшеством: уже не поставки необходимого

¹⁹ KEI Request for Investigation into Anticompetitive Aspects of Gilead Voluntary Licenses for Patents on Tenofivir and Emtricitabine // Knowledge Ecology International. 2007. February 12, www.keionline.org.

²⁰ Stanton J. Big Stakes in Tamiflu Debate // *Roll Call*. 2005. December 15.

для армии оружия и оборудования, но обеспечение выполнения ее операций²¹.

Группе компаний поручили постоянное «материально-техническое обеспечение» военных действий США; стоит отметить, что это крайне неопределенная формулировка. Более того, в контракте не были указаны конкретные суммы денег, компания-победитель получала заверение, что все ее труды для армии будут оплачены Пентагоном, включая гарантированный доход, так называемый контракт «издержки плюс». Дни администрации Буша-старшего подходили к концу, и в 1992 году этот контракт получила именно компания Halliburton. Как писал сотрудник газеты *Los Angeles Times* Кристиан Миллер, Halliburton, «победив 36 прочих претендентов, выиграла контракт на пять лет — возможно, это не слишком удивительно, если вспомнить, что сама эта компания и разработала подобные планы».

В 1995 году, когда в Белом доме сидел Клинтон, Halliburton назначила своим новым руководителем Чейни. Хотя отделение Brown & Root уже давно работало на армию США, под руководством Чейни Halliburton стала играть такую важную роль, что это изменило саму природу современной войны. Благодаря неясности выражений в контракте Halliburton—Чейни, когда последний еще пребывал в Пентагоне, компания могла бесконечно расширять представление о том, что входит в «материально-техническое обеспечение», так что в итоге Halliburton стала разрабатывать всю инфраструктуру военных операций США за океаном. Армии оставалось лишь предоставлять солдат и оружие — она была, так сказать, поставщиком содержимого, в то время как всем действием управляла Halliburton.

В результате, что можно было наблюдать уже на Балканах, получились военные действия в стиле McDonalds. Развернутые за границей части напоминали опасный курорт для вооруженных до зубов людей. «Первым человеком, который встречает наших солдат по прибытии на Балканы, как и последним, который с ними прощается, является наш сотрудник», — говорил официальный представитель Halliburton, как будто бы речь шла о туристической фирме, а не об обеспечении армии²². Это новшество внесла Halliburton: Чейни не понимал, почему война не может стать в Америке процветающей и высокодоходной отраслью сферы услуг — завоеванием с улыбкой.

²¹ Материалы для следующих двух абзацев взяты из: Miller T.C. Blood Money, pp. 77—79.

²² Didion J. Cheney: The Fatal Touch // *The New York Review of Books*. 2006. October 5.

На Балканах, куда Клинтон послал 19 тысяч солдат, американские военные базы образовали маленькие города от Halliburton: чистенькие пригородные дома, окруженные забором, которые выстроила и обслуживала исключительно Halliburton. И компания старалась предоставить солдатам весь уют покинутой родины, включая закусовые, супермаркеты, кинотеатры и гимнастические залы, оснащенные всеми техническими новинками²³. Некоторые старые офицеры боялись, что такая коммерческая обстановка может дурно повлиять на воинскую дисциплину, но и они наслаждались этой роскошью. «Halliburton старается позолотить все, за что ни берется, — сказал мне один из них. — Так что мы не жаловались». С точки зрения Halliburton положительные отзывы потребителей были хорошим бизнесом — они влекли за собой новые контракты, а поскольку доход вычислялся как процент от издержек: чем больше они расходовали, тем доходнее было предприятие. «Не волнуйтесь, это контракт “издержки плюс”» — стало ходовым выражением в зеленой зоне Багдада, но невероятно щедрые расходы на войну начались еще в эпоху Клинтона. За пять лет руководства Halliburton Чейни увеличил денежные поступления в компанию от Казначейства почти вдвое — с 1,2 до 2,3 миллиарда долларов, а количество денег, полученных в виде федеральных займов и гарантированных ссуд, выросло в 15 раз²⁴. И труд Чейни был вознагражден. Прежде чем занять пост вице-президента, Чейни «оценивал стоимость своего имущества от 18 до 81,9 миллиона долларов, в том числе от 6 до 30 миллионов в виде акций Halliburton... Всего Чейни получил в качестве опциона около 1,26 миллиона акций Halliburton, из них 100 тысяч уже использованы, 760 тысяч можно продать, а еще 166 667 станут действительными к декабрю [2000]»²⁵.

Внедряя идеологию сферы обслуживания в деятельность правительства, Чейни рассматривал это как семейный бизнес. Во второй половине 90-х годов, когда он превращал военные базы в пригородные поселения от Halliburton, его жена Линн получала доходы от ценных бумаг, кроме того, работала в правлении Lockheed Martin, крупнейшего оборонного подрядчика. Она занимала это место с 1995 по 2001 год,

²³ Briody D. Halliburton Agenda: The Politics of Oil and Money. New Jersey: John Wiley & Sons, 2004. Pp. 198—199; Hackworth D.H. Balkans Good for Texas-Based Business // *Sun-Sentinel*. Fort Lauderdale. 2001. August 16.

²⁴ Juhasz A. Bush Agenda: Invading the World, One Economy at a Time. New York: Regan Books, 2006. P. 120.

²⁵ Salant J.D. Cheney: I'll Forfeit Options // *Associated Press*. 2000. September 1.

когда в таких компаниях, как Lockheed, произошли существенные преобразования²⁶. Холодная война закончилась, расходы на оборону снизились, а поскольку почти все деньги такие фирмы получали благодаря контрактам с правительством на производство оружия, им пришлось искать новую модель для своего бизнеса. Lockheed и подобные ей производители оружия разработали новую стратегию и настойчиво стремились ее реализовать — они намеревались за деньги выполнять функции правительства.

В середине 90-х Lockheed стала внедряться в отдел информационных технологий правительства США, она обслуживала систему компьютеров отдела и активно участвовала в управлении базами данных. Действуя преимущественно на виду у публики, компания настолько продвинулась на новой территории, что в 2004 году журналист газеты *New York Times* писал: «Lockheed Martin не управляет Соединенными Штатами... Однако она участвует в управлении ими в невероятных масштабах... Она сортирует вашу почту и подсчитывает ваши налоги. Она снижает расходы на социальную защиту и проводит перепись населения Соединенных Штатов. Она управляет космическими полетами и следит за движением самолетов. Чтобы все это совершить, Lockheed написала больше кодов компьютерных программ, чем Microsoft»²⁷.

Так была создана мощная команда из двух супругов. Дик помогал Halliburton взять в свои руки инфраструктуру войны за границей, а в это время Линн помогала Lockheed продвинуться на территорию правительства, взяв на себя решение его повседневных задач у себя в отечестве. Случалось, что муж с женой оказывались непосредственными конкурентами. В 1996 году штат Техас объявил конкурс для корпораций, желающих взять на себя программу социального обеспечения, — контракт на два миллиарда долларов в течение пяти лет, — и как Lock-

²⁶ Lynne Cheney Resigns from Lockheed Martin Board // Dow Jones News Service. 2001. January 5.

²⁷ Weiner T. Lockheed and the Future of Warfare // *New York Times*. 2004. November 28. Все крупные производители вооружений в тот период начали помогать правительству в управлении. Computer Sciences, поставяющая военным информационные технологии, включая биометрическую идентификацию личности, получила контракт на 644 миллиона долларов от округа Сан-Диего на полное информационное обслуживание — один из крупнейших контрактов подобного рода. Окружные власти были недовольны работой Computer Sciences и не возобновили контракт, однако передали его другому монстру военной промышленности — компании Northrop Grumman, которая производит хитроумные бомбардировщики Б-2. McDonald J. City Looks at County's Outsourcing as Blueprint // *San Diego Union-Tribune*. 2006. July 23.

heed, так и гигант в сфере информационных технологий Electronic Data Systems (EDS), в руководство которого входил Дик Чейни, участвовали в конкурсе. В итоге в дело вмешалось правительство Клинтона и остановило этот аукцион. Хотя в целом оно с энтузиазмом относилось к посторонним исполнителям, однако принимать решения, кто достоин получать пособие, должно было оставаться неотъемлемой функцией правительства, которую невозможно приватизировать. Это вызвало возмущение и у Lockheed, и у EDS, и у тогдашнего губернатора Техаса Джорджа Буша-младшего, которому идея приватизации социального обеспечения казалась великолепной²⁸.

Джордж Буш-младший как губернатор ничем особо не выделялся, за исключением одной черты: он передавал частным компаниям различные функции правительства, ради управления которыми его выбрали. Особенно это касалось безопасности, что уже предвещало приватизированную войну против террора, которую ему вскоре предстоит начать. При его правлении количество частных тюрем Техаса выросло с 26 до 42, из-за чего журнал *The American Prospect* назвал Техас того времени «всемирной столицей индустрии частных тюрем». В 1997 году ФБР произвело расследование в тюрьме округа Бразория в 60 километрах от Хьюстона после того, как местное телевидение показало видеозапись, на которой охранники избивают ногами заключенных, не оказывающих сопротивления, стреляют в них из оружия шокового действия, травят собаками. По меньшей мере, один из этих охранников был в униформе Capital Correctional Resources, частной компании, которая по контракту обеспечивает тюрьмы охраной²⁹.

Этот инцидент в Бразории не охладил энтузиазм Буша относительно приватизации. Несколько недель спустя он встречался с Хосе Пиньерой, чилийским министром, приватизировавшим социальное обеспечение при режиме Пиночета. Вот как Пиньера описывает их встречу: «Его сосредоточенность на теме, жесты и вопросы сразу показали, что мистер Буш вполне понимает суть моей идеи: реформа социального обеспечения позволяет одновременно обеспечить достойную старость и создать мир рабочих-капиталистов, общество собственников... Его настолько это вдохновило, что в конце беседы

²⁸ Verhovek S.H. Clinton Reining in Role for Business in Welfare Effort // *New York Times*. 1997. May 11; Vobejda B. Privatization of Social Programs Curbed // *Washington Post*. 1997. May 10.

²⁹ Breyer M., Ward M. Running Prisons for a Profit // *Austin American-Statesman*. 1994. September 4; Greene J. Bailing Out Private Jails // *The American Prospect*. 2001. September 10; Baro M. Tape Shows Inmates Bit by Dogs, Kicked, Stunned // *Associated Press*. 1997. August 19.

он, улыбаясь, прошептал мне на ухо: «Пойдите и скажите все это моему младшему брату в Калифорнии. Ему это тоже понравится»³⁰.

Будущий президент горел энтузиазмом выставить госу­дарствона аукцион, Чейни передавал функции армии сторонним исполнителям, а Рамсфельд получал патенты на лекарства, которые могли предотвращать эпидемии. Все это помогает понять, какое государство будут создавать эти трое, когда соединятся: это была идея совершенно «оболочечного» правительства. И хотя такая радикальная программа не стала основой предвыборной кампании Буша в 2000 году, можно было догадаться, что он не перестал об этом думать. «Существуют сотни тысяч федеральных служащих с полной занятостью, — говорил он в одной предвыборной речи, — они выполняют задачи, которые могли бы решать частные компании. Я намерен провести конкурс относительно как можно большего числа таких задач. Если частный сектор способен сделать это лучше, он и должен получить контракт»³¹.

11 сентября и возвращение государственных служащих

Когда в январе 2001 года Буш и его кабинет приступили к выполнению своих обязанностей, потребность в новых источниках роста для американских корпораций стала еще более острой. Мыльный пузырь информационных технологий уже лопнул, и за первые два с половиной месяца нового правления индекс Доу—Джонса упал на 824 пункта, так что можно было опасаться серьезного экономического спада. Кейнс утверждал, что правительства должны предотвращать рецессии, создавая экономический стимул с помощью государственных работ. Но Буш пошел иным путем: правительство начало демонтировать само себя, скармливая куски общественных богатств корпоративной Америке, с одной стороны, в виде снижения налогов, с другой — заключая щедрые контракты. Руководитель Административно-бюджетного управления при Буше, видный идеолог Митч Дэниелс заявил: «Основной принцип — что задача правительства состоит не в том, чтобы выполнять определенные функции, но в том, чтобы гарантировать их осуществление, — мне кажется совершенно очевидным»³². К таким функциям относилась и ликвидация послед-

³⁰ *Moffett M. Pension Reform Pied Piper Loves Private Accounts // Wall Street Journal. 2005. March 3.*

³¹ *Governor George W. Bush Delivers Remarks on Government Reform // FDCH Political Transcripts. Philadelphia. 2000. June 9.*

³² *Elliston J. Disaster in the Making // Tucson Weekly. 2004. September 23.*

ствий катастроф. Республиканец Джозеф Олбоу, которого Буш назначил главой Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям (Federal Emergency Management Agency, FEMA) — организации, которая занимается катастрофами, включая теракты, — называл свое новое место работы «программой с огромными субсидиями»³³.

И вот наступило 11 сентября, и неожиданно оказалось, что правительство, которое видит свою главную задачу в самоустранении, — это дурная идея. Испуганные люди искали защиты у сильного и надежного правительства, так что террористы могли на корню погубить проект Буша по аутсорсингу функций государства.

Какое-то время казалось, что так оно и будет. «11 сентября все изменило», — сказал 10 дней спустя после терактов Эд Фолнер, старый друг Милтона Фридмана и президент фонда Heritage; он оказался одним из первых, произнесших эту судьбоносную фразу. Естественно, многие думали, что среди прочего произойдет и переоценка радикальной антигосударственной программы, которую Фолнер и его идеологические союзники внедряли на протяжении 30 лет как у себя дома, так и за границей. В конце концов, сами неудачи обеспечения безопасности в событиях 11 сентября были результатом того, что на протяжении более 20 лет государственный сектор разбирали по частям, передавая функции правительства корпорациям, ориентирующимся на прибыль. Как наводнение в Новом Орлеане выявило плачевное состояние государственной инфраструктуры, так и теракты 11 сентября наглядно показали вызывающую опасения слабость государства: в разгар спасательной операции вышла из строя радиосвязь нью-йоркских полицейских и пожарных, авиадиспетчеры не успели вовремя заметить изменения курса самолетов, а террористы прошли через контрольные пункты аэропорта, где работали контрактники, многие из которых зарабатывают меньше, чем такие же служащие в закусных³⁴.

Первой крупной победой контрреволюции Фридмана в Соединенных Штатах были нападки Рональда Рейгана на профсоюз авиадиспет-

³³ *Allbaugh J.M.* Current FEMA Instructions & Manuals Numerical Index // Testimony of Federal Emergency Management Agency Director Joe M. Allbaugh before the Veterans Affairs, Housing and Urban Development and Independent Agencies Subcommittee of the Senate Appropriations Committee. 2001. May 16.

³⁴ *Harris J.F., Milbank D.* For Bush, New Emergencies Ushered in a New Agenda // *Washington Post*. 2001. September 22; Aviation Security: Long-Standing Problems Impair Airport Screeners' Performance / United States General Accounting Office. 2000. June. P. 25, www.gao.gov.

черов и отмена контроля над деятельностью авиакомпаний. Двадцать лет спустя была приватизирована вся система воздушного транспорта, там произошли сокращение штатов и отмена регулирования, при этом за безопасность в аэропортах отвечали главным образом низкооплачиваемые, плохо обученные и не состоящие в профсоюзах работники, нанятые по контракту. После терактов генеральный инспектор Министерства транспорта засвидетельствовал, что авиакомпании, обязанные отвечать за безопасность своих полетов, срезали любые расходы, чтобы снизить цены. «А это давление в свою очередь привело к значительному ослаблению службы безопасности», — сказал он Комиссии Буша по расследованию терактов 11 сентября. Опытный служащий Федерального авиационного управления, занимающийся вопросами безопасности, засвидетельствовал перед комиссией, что подход авиакомпаний к безопасности — это «пренебрежение, игнорирование и промедление»³⁵.

10 сентября полеты были дешевыми, и предложений было очень много, и казалось, что все это не имеет никакого значения. Но 12 сентября нанимать работников по контракту за 6 долларов в час уже казалось безумием. Затем, в октябре, парламентариям и журналистам были разосланы конверты с белым порошком, что вызвало панику из-за возможной эпидемии сибирской язвы. И опять-таки в связи с этим приватизация 90-х предстала в ином свете. Почему эксклюзивным правом на производство вакцины против сибирской язвы обладает частная лаборатория? Разве федеральное правительство сняло с себя ответственность за защиту населения при возникновении опасности здоровью нации? Вдобавок в Biopart, приватизированной лаборатории, несколько инспекций обнаружили нарушения, и Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов на тот момент даже не дало ей разрешения торговать своими вакцинами³⁶. Более того, если возбудители сибирской язвы, оспы и других опасных заболеваний можно было распространять по почте, через продукты питания и систему водоснабжения, как о том говорили СМИ, разумно ли осуществлять замыслы Буша о приватизации почтовой службы? И что случилось со всеми уволенными кон-

³⁵ The 9/11 Commission Report: Final Report of the National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States // National Commission on Terrorist Attacks upon the United States. 2004. P. 85, www.gpoaccess.gov.

³⁶ Manning A. Company Hopes to Restart Production of Anthrax Vaccine // *USA Today*. 2001. November 5.

тролерами качества продовольствия и воды — может быть, их надо вернуть?

Протест против программ, служащих интересам корпораций, усилили новые скандалы, например вокруг Enron. Через три месяца после 11 сентября Enron объявила о банкротстве, в результате чего тысячи сотрудников потеряли свои пенсионные сбережения, а руководители, будучи информированными, успели заранее все «обналичить». Этот кризис еще раз показал, что частные компании неспособны оказывать необходимые услуги, особенно когда выяснилось, что махинации Enron с ценами на энергию несколько месяцев назад привели к масштабным отключениям электричества в Калифорнии. 90-летний Милтон Фридман начал опасаться возвращения кейнсианства, он даже жаловался, что «бизнесменов представляют публике как граждан второго сорта»³⁷.

Руководители корпораций быстро теряли свою репутацию в глазах общества, а тем временем работники государственного сектора, объединенные в профсоюзы, — злейший враг контрреволюции Фридмана — быстро наращивали свой авторитет. В течение двух месяцев после терактов доверие к правительству стало выше, чем когда-либо после 1968 года, и все это, как сказал Буш группе федеральных служащих, «благодаря тому, что вы хорошо делали свое дело»³⁸. Бесспорными героями 11 сентября стали «синие воротнички» — нью-йоркские пожарные, полицейские и спасатели, которые первыми отреагировали на катастрофу, причем 403 из них погибли при попытке организовать эвакуацию из башен и оказать помощь жертвам. Неожиданно Америка полюбила своих мужчин и женщин в униформе, а политики, стремительно надевшие бейсболки нью-йоркской полиции и пожарного департамента, изо всех сил старались приспособиться к этим новым настроениям.

14 сентября Буш встретился с пожарными и спасателями у развалин башен-близнецов — советники президента называли это «моментом, когда быка берут за рога», — и приветствовал тех самых бюджетников, объединенных в мощные профсоюзы, которых современное консервативное движение решило упразднить. Конечно, это был его долг (в те дни даже Дик Чейни надел каску), но он не был обязан де-

³⁷ *McLane J. Conference to Honor Milton Friedman on His Ninetieth Birthday // Chicago Business. 2002. November 25, www.chibus.com.*

³⁸ *Ryan J. Home of the Brave // San Francisco Chronicle. 2001. October 23; Bush G.W. President Honors Public Servants // Washington, DC. 2001. October 15.*

лать это столь убедительно. Сочетание искренних чувств с потребностью общества в лидере, достойном такого момента, превратило его выступление в самую сильную речь за всю политическую карьеру.

В течение нескольких недель после терактов президент совершил большое турне по общественному сектору: посетил государственные школы, пожарные станции, мемориалы, центры контроля и профилактики заболеваемости, он обнимал служащих, благодарил их за работу на общее благо, превозносил их неброский патриотизм. «Мы обрели новых героев», — сказал Буш в одной речи, в которой прославлял не только спасателей и пожарных, но также и учителей, почтальонов, работников здравоохранения³⁹. В эти дни люди, работающие на благо общества, получили столько уважения и похвал, сколько в США на их долю не выпадало за последние 40 лет. Неожиданно вопрос о сокращении бюджета был снят с повестки дня, а в каждой новой речи президент говорил о новых амбициозных государственных проектах.

«Башни-близнецы требовали перемены экономического курса и объявления новой войны против терроризма, и это преобразило философию программы президента Буша, — заявили Дон Харрис и Дана Милбенк в газете *Washington Post* через 11 дней после теракта. — Человек, который, придя к власти, объявил себя идеологическим продолжателем дела Рональда Рейгана, девять месяцев спустя превратился в наследника Франклина Рузвельта». Они отметили, что «Буш работает над большим проектом экономического стимулирования, чтобы предотвратить рецессию. Он заявил, что правительство обязано перекачивать в слабую экономику большие деньги — это главный принцип кейнсианской экономики, который лег в основу “нового курса” Рузвельта»⁴⁰.

Корпоративный «новый курс»

Однако не стоило принимать всерьез публичные заявления и фотографии в газетах; на самом деле Буш и его ближний круг вовсе не хотели поворота в сторону Кейнса. Напротив, промахи системы безопасности 11 сентября не только не поколебали намерения Буша ослабить государственный сектор, но и дали новые подтверждения правильности его глубинной (и небескорыстной) убежденности, что лишь частные фирмы достаточно разумны и креативны, чтобы справиться с новой угрозой безопасности страны. Действительно, Белый дом был намерен выделить из денег налогоплатель-

³⁹ *Bush G. W. President Discusses War on Terrorism // Atlanta. Georgia. 2001. November 8.*

⁴⁰ *Harris J.F., Milbank D. For Bush, New Emergencies Ushered in a New Agenda.*

щиков огромную сумму на стимуляцию экономики, однако не по модели Рузвельта. «Новый курс» Буша будет носить исключительно корпоративный характер, так что сотни миллиардов долларов в год из общественных денег должны будут переходить в руки частных компаний. Это будет происходить на основе контрактов, многие из которых заключаются в тайне, без конкуренции и внимания со стороны СМИ. Это будет сеть разных направлений: техника и инженерное дело, СМИ, коммуникации, пенитенциарная система, образование, здравоохранение⁴¹.

Задним числом можно понять, что массовая дезориентация после терактов 11 сентября была американским вариантом экономической шоковой терапии. Команда Буша, последователи Фридмана до мозга костей, быстро начала использовать шок, поразивший страну, чтобы реализовать свою радикальную идею «оболочечного» правительства, где все — от боевых действий до ликвидации последствий катастроф — превращено в доходное предприятие.

Это было явным развитием идеи шоковой терапии. В начале 90-х продавали с аукциона уже существующие государственные компании, а Буш и его команда создали для своих целей совершенно новое предприятие — войну против террора, — которое было частным с самого начала. Это удалось провернуть в два этапа. Сначала Белый дом, пользуясь всеобщим чувством страха после 11 сентября, резко усилил меры по поддержанию порядка, контролю и задержанию подозрительных, а также увеличил полномочия исполнительной власти, участвующей в войне. Военный историк Эндрю Басевич назвал этот захват власти «двойным переворотом»⁴². Затем эти усовершенствованные и щедро финансируемые механизмы обеспечения безопасности, нападения, оккупации и реконструкции были мгновенно переданы частному сектору для получения прибыли.

Эти меры проводились как будто бы ради борьбы с терроризмом, однако в результате был создан комплекс капитализма катастроф:

⁴¹ Отсутствие конкуренции при выдаче контрактов было одной из характерных особенностей правления Буша. Аналитики газеты *New York Times* в феврале 2007 года выявили, что «меньше половины всех “контрактных акций”, то есть заключения новых контрактов или выплат по существующим, сегодня производятся в условиях полноценного открытого соревнования. В 2005 году такие открытые акции составляли лишь 48 процентов, тогда как в 2001 году — 79 процентов».

⁴² *Bacevich A. Why Read Clausewitz When Shock and Awe Can Make a Clean Sweep of Things? // London Review of Books. 2006. June 8; Shane S., Nixon R. In Washington, Contractors Take on Biggest Role Ever // New York Times. 2007. February 4.*

сформировавшаяся новая экономическая система национальной безопасности, приватизированных военных действий и восстановительных работ, задачей которой было строительство и расширение приватизированного государства как в Америке, так и за границей. Эта масштабная инициатива стала таким мощным экономическим стимулом, что помогла преодолеть застой, с чем не справились глобализация и онлайн-бизнес. Как Интернет создал мыльный пузырь доткомов, так 11 сентября дало жизнь мыльному пузырю капитализма катастроф. По словам Роджера Новака из Novak Biddle Venture Partners, вкладывающей деньги в компании, работающие на национальную безопасность, «когда индустрия информационных технологий развалилась после периода бума, кому достались все деньги, как вы думаете? Правительству». «Теперь же, — говорит он, — все люди с капиталом видят, какая роскошная кормушка стоит перед ними, и думают только о том, как бы к ней пристроиться»⁴³.

Здесь начатая Фридманом контрреволюция достигла своей кульминации. Десятилетиями рынок поедал отдельные ветви государства, теперь же добрался до самого ствола.

Удивительным образом самым эффективным идеологическим инструментом оказались заявления о том, что экономическая идеология отныне не является основным движущим мотивом внешней и внутренней политики США. Заклинание «11 сентября все изменило» позволило умело скрыть тот факт, что для идеологов свободного рынка и корпораций, чьи интересы они обслуживают, изменилось только одно: теперь им стало легче осуществлять свои амбициозные планы. Когда уже не надо было представлять новые мероприятия на рискованные обсуждения в Конгрессе или бороться с профсоюзами и объединениями государственного сектора, правительство Буша, используя патриотический порыв и поддержку президента, почувствовало полную свободу действий и могло перейти от слов к делу. Как писала в феврале 2007 года газета *New York Times*, «без каких-либо публичных обсуждений или формальных процедур подрядчики фактически заняли положение четвертой ветви власти»⁴⁴.

Команда Буша, вместо того чтобы укрепить безопасность в ответ на 11 сентября, составить всесторонний план и заткнуть дыры в государственной инфраструктуре, приписала правительству новую роль:

⁴³ Ratliff E. Fear, Inc. // *Wired*. 2005. December.

⁴⁴ Shane S., Nixon R. In Washington, Contractors Take on Biggest Role Ever.

государство должно осуществлять функции, нанимая их исполнителей по рыночным ценам. И в ноябре 2001 года, всего через два месяца после терактов, Министерство обороны созвало «небольшую группу консультантов по венчурным проектам» с опытом работы в онлайн-бизнесе. Их задачей было найти «новейшие технологические решения, которые могут непосредственно помочь США в борьбе с терроризмом». К началу 2006 года из этих неформальных встреч родилось официальное подразделение Пентагона под названием «Оборонное венчурное предприятие» (Defence Venture Catalyst Initiative — DeVenCI), «полностью дееспособная служба», непрерывно поставляющая информацию по безопасности коммерческим компаниям, участвующим в политике, которые в свою очередь постоянно отыскивают в частном секторе новые предприятия, способные создавать новые инструменты слежки и подобные продукты. «Мы — поисковая система», — поясняет директор DeVenCI Боб Поханка⁴⁵. По замыслу Буша, роль правительства сводится к добыванию денег, необходимых для создания нового военного рынка и покупки лучших продуктов из всех новинок, что заставит промышленность еще усерднее разрабатывать новые технологии. Другими словами, политики создают спрос, а частный сектор предлагает все возможные виды решений — так создается экономический бум национальной безопасности, целиком и полностью застрахованный за счет налогоплательщиков.

Министерство национальной безопасности, новая ветвь государства, созданная режимом Буша, наиболее полно отражает эту новую форму правительства, в котором все делает сторонний исполнитель. Заместитель директора исследовательского отдела Министерства национальной безопасности Джейн Александр сказала: «Мы ничего не создаем. Если бы промышленность нам ничего не предлагала, у нас ничего бы и не было»⁴⁶.

Было создано также «Управление контрразведывательной полевой деятельности», новая разведывательная служба Дональда Рамсфельда, независимая от ЦРУ. Семьдесят процентов своих бюджетных денег эта шпионская служба передает частным подрядчикам. Подобно Министерству национальной безопасности, это управление представляет собой лишь пустую оболочку. Бывший директор Агентства

⁴⁵ Richtel M. Tech Investors Cull Start-Ups for Pentagon // *Washington Post*. 2007. May 7; An Overview of the Defense Venture Catalyst Initiative // Defense Venture Catalyst Initiative, devenci.dtic.mil.43; Ratliff E. Fear, Inc.

⁴⁶ Ratliff E. Fear, Inc.

национальной безопасности Кен Минихен говорил: «Национальная безопасность слишком важна, чтобы доверить ее правительству». Подобно сотням других служащих администрации Буша, Минихен оставил свой пост в правительстве для работы в процветающей индустрии внутренней безопасности, которую он сам же помогал создавать как высокопоставленный разведчик⁴⁷.

Администрация Буша использовала каждый аспект войны против террора, чтобы максимально увеличить ее доходность и стабильность как рынка — этой цели служили и определение противника, и правила проведения операций, и постоянное расширение масштаба борьбы. В документе, объявляющем о создании Министерства национальной безопасности, говорится: «Сегодня террористы могут нанести нам удар в любом месте, в любое время и буквально любым типом оружия». Это означает, что нам необходимы службы безопасности, которые предупреждают любой вообразимый риск везде и всегда. И даже нет нужды доказывать, что эта угроза реальна, чтобы оправдать полноценную защиту — существует «доктрина одного процента» Дика Чейни, которая оправдывала вторжение в Ирак на том основании, что если есть вероятность риска хотя бы в 1 процент, США должны реагировать как если бы была стопроцентная уверенность в существовании угрозы. Эта логика обернулась особой выгодой для производителей различных устройств на основе высоких технологий: например, поскольку можно вообразить опасность заражения оспой, Министерство национальной безопасности выделяет полмиллиарда долларов на то, чтобы заказать у частных компаний оборудование для обнаружения источников возможного заражения⁴⁸.

Менялись названия: война против террора, война против радикального ислама, война с исламофашизмом, война против стран третьего мира, длительная война, война поколений, — но форма конфликта оставалась неизменной. Этот конфликт не ограничен ни временем, ни пространством, ни целью. С точки зрения военной стратегии столь широкие и расплывчатые задачи делают войну заведомо безвыигрыш-

⁴⁷ Vest J. Inheriting a Shambles at Defense // *Texas Observer*. Austin. 2006. December 1; Ratliff E. Fear, Inc.; Lt. General (Ret) USAF Kenneth A. Minihan // Paladin Capital Group. Paladin Team. 2003. December 2, www.paladincapgroup.com.

⁴⁸ National Strategy for Homeland Security // Office of Homeland Security. 2002. July. P. 1, www.whitehouse.gov; Suskind R. The One Percent Doctrine: Deep Inside America's Pursuit of Its Enemies Since 9/11. New York: Simon and Schuster, 2006; Terror Fight Spawns Startups // *Red Herring*. 2005. December 5.

ной. Однако с экономической точки зрения это беспроигрышная позиция: перед нами не локальное сражение, в котором можно победить, но война нового типа, неразрывно связанная с глобальной экономикой.

Такой деловой проект администрация Буша предложила американским корпорациям после 11 сентября. Бездонный поток денег налогоплательщиков перераспределялся из Пентагона (частные подрядчики получали 270 миллиардов долларов в год, что на 137 миллиардов больше, чем в начале правления Буша), из служб американской разведки (42 миллиарда в год сторонним исполнителям, что более чем вдвое превышает уровень 1995 года) и из недавно созданного Министерства национальной безопасности. С 11 сентября 2001 года по 2006 год Министерство вбросило в экономику, выплатив частным подрядчикам, 130 миллиардов долларов — сумму, превышающую ВВП Чили или Чехии. В 2003 году администрация Буша потратила 327 миллиардов долларов на контракты с частными компаниями — примерно по 40 центов с каждого доллара из имевшихся в ее распоряжении денег⁴⁹.

За удивительно короткий период ближайшие пригороды Вашингтона заполнили серые здания, в которых разместились «открывающиеся» компании и «инкубаторы» безопасности, созданные на скорую руку, куда, как это было в конце 1990-х в Силиконовой долине, деньги поступали так быстро, что в офисах не успевали устанавливать мебель. При этом администрация Буша играла роль щедрого капиталиста, в ту лихорадочную эпоху вкладывающего деньги в рискованные предприятия. В 1990-х все пытались разработать убийственную программу, очередную «новейшую новинку», которую можно было бы продать Microsoft или Oracle, теперь же все работали над технологией поиска и обнаружения террористов, которую можно было бы продать Министерству национальной безопасности или Пентагону. Вот почему индустрия катастроф породила не только инициативы и инвестиционные фонды, но и целую армию фирм-лоббистов, предлагающих связать новые компании с нужными людьми на Капитолийском холме.

⁴⁹ Dollars, Not Sense: Government Contracting Under the Bush Administration // United States House of Representatives, Committee on Government Reform — Minority Staff, Special Investigations Division. Prepared for Rep. Henry A. Waxman. 2006. June. P. 5, www.democrats.reform.house.gov; *Shorrock T.* The Corporate Takeover of U.S. Intelligence // *Salon*. 2007. June 1, www.salon.com; *Monahan R., Beaumont E.H.* Big Time Security; World Fact Book 2007, www.cia.gov; US Government Spending in States Up 6 Pct in FY'03 // Reuters. 2004. October 7; *Rich F.* The Road from K Street to Yusufiya // *New York Times*. 2006. June 25.

В 2001 году в сфере безопасности было всего две таких фирмы, а к середине 2006 года их насчитывалось 543. Майкл Стедд, управляющий фирмой Paladin, занимающейся национальной безопасностью, сообщил журналу *Wired*: «Я работал с частным акционерным капиталом с начала 90-х и никогда не видел такого потока сделок, как сегодня»⁵⁰.

Рынок терроризма

Как это было с мыльным пузырем онлайн-бизнеса, бум вокруг катастроф раздувается непредсказуемо и хаотично. Так, сначала в сфере национальной безопасности возник бум вокруг камер наблюдения. В Великобритании их число дошло до 4,2 миллиона — по одной на каждые 14 человек, а в США — до 30 миллионов, они записывали ежегодно почти по 4 миллиарда часов видеоматериалов. Это заставило задаться вопросом: кто будет просматривать 4 миллиарда часов записей ежегодно? Затем появился новый рынок «аналитических программ», которые сканируют записи и сопоставляют их с уже накопленными визуальными данными (создание сети для различных систем безопасности потребовало крупнейших контрактов — скажем, Военно-воздушные силы заключили договор с консорциумом компаний, включая Booz Allen Hamilton, одну из старейших фирм стратегического консультирования, и с крупнейшими оборонными подрядчиками)⁵¹.

Это породило очередную проблему, потому что компьютерные программы распознавания лиц позволяли идентифицировать личность, только когда человек стоит лицом к камере по центру поля обзора, что он редко делает, когда спешит на работу или домой. Так появился еще один рынок — повышения качества цифрового изображения. Salient Stills, компания, торгующая программами, которые позволяют изолировать и увеличить изображение, сначала пыталась работать на СМИ, но оказалось, что гораздо выгоднее сотрудничать с ФБР и стражами порядка⁵². И поскольку вся эта слежка продолжа-

⁵⁰ Monahan R., Beaumont E.H. Big Time Security; Ratliff E. Fear, Inc.

⁵¹ Такие цифры приводит Роджер Кресси, бывший служащий администрации Буша, занимавшийся проблемами борьбы с терроризмом, ныне президент Good Harbor Consulting. Evans R., Mostrous A. Britain's Surveillance Future // *Guardian*. London. 2006. November 2; Johnson M. Video, Sound Advances Aimed at War on Terror // Associated Press. 2006. August 2; McCarthy E. 8 Firms Vie for Pieces of Air Force Contract // *Washington Post*. 2004. September 14.

⁵² Bergstein B. Attacks Spawned a Tech-Security Market That Remains Young Yet Rich // *Associated Press*. 2006. September 4.

ется: запись телефонных разговоров и их прослушивание, финансовая информация, почта, камеры наблюдения, сканирование Интернета, — правительство завалено данными, а это открывает еще один рынок управления информацией и оптимизации процесса поиска, а также программ, которые пытаются «связать концы» в этом океане слов и цифр и обнаружить подозрительную деятельность.

В 90-е годы IT-компании бесконечно прославляли удивительный мир без границ и силу информационных технологий, сокрушающих авторитарные режимы и разрушающих стены. А сегодня в рамках капитализма катастроф средства информационной революции используют в противоположных целях. Мобильные телефоны и Интернет стали мощным средством для массовой слежки со стороны государства, которое становится все авторитарнее, при сотрудничестве частных телефонных компаний и интернет-поисковиков, будь то Yahoo!, сотрудничающая с китайским правительством в поиске диссидентов, или AT&T, помогающая Агентству национальной безопасности США прослушивать телефонные разговоры граждан без предупреждения (администрация Буша уверяет, что отказалась от подобной практики). Открытие границы между странами — великий символ глобализации, обещавший прекрасное будущее, — сменила стремительно растущая индустрия охраны границ: оптическое сканирование, паспорта с биометрическими данными, строительство оград на основе высоких технологий (например, запланировано возведение стены вдоль всей границы США с Мексикой, за что Boeing и консорциум других компаний получают 2,5 миллиарда долларов)⁵³.

Поскольку высокотехнологичные компании перескочили от одного бума к другому, в результате родилась странная смесь из культур безопасности и коммерции. Многие технологии, применяемые сегодня для войны с террором (биометрическая идентификация, видеонаблюдение, сканирование Интернета, анализ данных), компаний Verint Systems, Seisint, Accenture или ChoicePoint были разработаны в частном секторе до 11 сентября 2001 года, чтобы создать детальный профиль клиента и усовершенствовать технологии микромаркетинга. Была надежда, что они также позволят сократить количество персонала супермаркетов и торговых центров, поскольку биометрическая

⁵³ Dickie M. Yahoo Backed on Helping China Trace Writer // *Financial Times*. London. 2005. November 10; Cauley L. NSA Has Massive Database of Americans' Phone Calls // *USA Today*. 2006. May 11; Boeing Team Awarded SBlnet Contract by Department of Homeland Security Press release. 2006. September 21, www.boeing.com.

идентификация в сочетании с банковской картой сделают кассиров лишними. Общая неприязнь к технологиям Большого брата подавила многие из этих инициатив, которые напугали как продавцов, так покупателей. Но после 11 сентября они получили свободу: страх перед террором перевесил страх перед обществом тотальной слежки. Так что теперь информацию, собранную с банковских или дисконтных карт, можно продать не только туристическому агентству или магазинам *Gap* как информацию для маркетолога, но и в ФБР как информацию о безопасности, из которой выуживают «подозрительные» сведения о немедленной оплате мобильного или о путешествиях в страны Ближнего Востока⁵⁴.

В журнале *Red Herring* недавно появилась статья о программе, которая «выслеживает террористов благодаря знанию сотни способов написать то же самое имя, которое есть в базе данных по национальной безопасности. Допустим, это имя Мохаммад. Программа знает сотни вариантов его написания и обрабатывает терабайты данных за секунду»⁵⁵. Конечно, это впечатляет, если бы не одна вещь: они слишком часто ловят не того Мохаммада, и это происходит как в Ираке или Афганистане, так и в пригородах Торонто.

Возможность ошибок, которые сопровождают некомпетентность и жадность, ставшие отличительным знаком правления Джорджа Буша, просто ужасает. Одна неверная идентификация в системе этих электронных слежек — и не интересующийся политикой семьянин, который вроде бы на кого-то внешне похож, чье имя вроде бы напоминает о ком-то (особенно для людей, ничего не смыслящих ни в арабском языке, ни в мусульманской культуре), навлекает на себя подозрения в террористической деятельности. А составлением списков подозрительных лиц и организаций сейчас тоже занимаются частные компании, как и компьютерной сверкой имен путешественников с именами в базах данных. В июне 2007 года в списке потенциальных террористов Национального контртеррористического центра числилось полмиллиона человек. Кроме того, программа ATS, созданная в ноябре 2006 года, уже оценила «рейтинг потенциального риска» десятка миллионов пассажиров, побывавших в США. Об этом рейтинге пассажирам ничего не сообщают, он основан на анализе коммерческих данных, таких как информация авиакомпаний об «истории приобретения пассажиром билета в один конец, о выбо-

⁵⁴ O'Harrow R. Jr. No Place to Hide. New York: Free Press, 2005.

⁵⁵ Terror Fight Spawns Startups.

ре мест в кабине, количестве багажа, способе оплаты и о том, какую еду пассажир предпочитает»⁵⁶. Случаи подозрительного поведения пассажира учитывают при определении рейтинга риска.

Любому человеку могут запретить полет или не выдать визу в США, его даже могут арестовать, объявив «членом незаконного вооруженного формирования», на основании этих сомнительных технологий — может быть, программа распознавания лиц получила расплывчатое изображение, или имя было написано неверно, или разговор был неправильно переведен. И если такой «террорист» не является гражданином США, он может даже никогда и не узнать, на основании чего его подозревают, поскольку правительство Буша лишило его права *habeas corpus*, права познакомиться с уликами на суде, как и самого права на справедливый суд и защиту.

Если подозреваемого доставят в Гуантанамо, он может оказаться в новой тюрьме, построенной Halliburton, на 200 человек с ультрасовременной системой безопасности. Если он подлежит процедуре «чрезвычайной выдачи» ЦРУ, его могут похитить на улицах Милана или при пересадке в американском аэропорту, а затем доставить в одно из так называемых темных мест архипелага секретных тюрем ЦРУ; вероятнее всего, ему надвинут на глаза капюшон и посадят в Boeing-737. Как пишет газета *The New Yorker*, компания Boeing стала «турагентом для ЦРУ»: она организовала уже 1245 перелетов для экстрадиции и при этом обеспечивала наземную команду обслуживания и даже заказывала номера в гостиницах. По данным испанской полиции, эту задачу выполняет компания Jeppesen International Trip Planning, дочернее предприятие Boeing, находящееся в Сан-Хосе. В мае 2007 года Американский союз гражданских свобод подал судебный иск на Jeppesen, но представители компании отказались подтвердить или опровергнуть обвинения⁵⁷.

По прибытии на место арестованного ждут допросы, причем нередко его будут допрашивать не сотрудники ЦРУ и не военные,

⁵⁶ Rood J. FBI Terror Watch List «Out of Control» // *The Blotter blog on ABC News*. 2007. June 13, www.abcnews.com; Ed. E. Pilkington Millions Assigned Terror Risk Score on Trips to the US // *Guardian*. London. 2006. December 2.

⁵⁷ Anderson R. Flog Is My Co-Pilot // *Seattle Weekly*. 2006. November 29; Mayer J. The C.I.A.'s Travel Agent // *The New Yorker*. 2006. October 30; Knowlton B. Report Rejects European Denial of CIA Prisons // *New York Times*. 2006. November 29; Grey St. Ghost Plane: The True Story of the CIA Torture Program. New York: St. Martin's Press, 2006. P. 80; Milton P. ACLU Files Suit Against Boeing Subsidiary, Saying it Enabled Secret Overseas Torture // *Associated Press*. 2007. May 31.

но люди из частных компаний, заключивших контракты. По словам Билла Голдена, который ведет посвященный поискам работы веб-сайт www.IntelligenceCareers.com, «более половины квалифицированных специалистов по контрразведке работают на подрядчиков»⁵⁸. Разумеется, такие «следователи-фрилансеры» заинтересованы в новых щедрых заказах, а потому стараются вырвать у подозреваемых ту «уличающую информацию», которую ожидают их заказчики в Вашингтоне. Это идеальная среда для злоупотреблений: под пыткой узник готов признаться в чем угодно, лишь бы избавиться от боли, а у частного палача в свою очередь существует мощный экономический стимул применять любые техники, чтобы добыть нужное признание — не важно, достоверно оно или нет. (Администрация Буша так полагается на частных исполнителей в сфере разведки, работающих в новых организациях, таких как секретное Управление особых планов Рамсфельда, еще и потому, что частники намного охотнее правительственных служащих обрабатывают информацию таким образом, чтобы она соответствовала политическим целям администрации — ведь именно от этого зависит следующий контракт.)

Существуют и «низкотехнологичные» способы применения маркетинговых решений для ведения войны против террора — щедрые награды за любую информацию о предполагаемых террористах. Во время вторжения в Афганистан американские разведчики объявили, что готовы заплатить от 3000 до 25 тысяч долларов за каждого выданного боевика «Аль-Каиды» или «Талибана». «Богатство и власть, о которых ты и не мечтал!» — такие слова были написаны на типичной американской листовке в Афганистане, которая была представлена в качестве вещественного доказательства в 2002 году в Федеральном суде, разбиравшем дело о нескольких заключенных в Гуантанамо. «Ты получишь миллионы долларов, если сможешь бороться с талибами... Достаточно денег, чтобы обеспечить твою семью, твою деревню, твой род до конца жизни»⁵⁹.

И тут же камеры Баграма и Гуантанамо заполнили пастухи, водители и торговцы — все они оказались смертельно опасными людьми,

⁵⁸ *Buncombe A.* New Maximum-Security Jail to Open at Guantanamo Bay // *Independent*. London. 2006. July 30; *Chatterjee P.* Intelligence in Iraq: L-3 Supplies Spy Support // *CorpWatch*. 2006. August 9, www.corpwatch.com.

⁵⁹ *Faul M.* Guantanamo Prisoners for Sale // *Associated Press*. 2005. May 31; *Simpson J.* No Surprises in the War on Terror // *BBC News*. 2006. February 13; *Mintz J.* Detainees Say They Were Charity Workers // *Washington Post*. 2002. May 26.

по словам тех людей, которые их сдали и получили вознаграждение. «Есть ли у вас какие-либо предположения о том, почему правительство и люди из пакистанской разведки передали вас американцам?» — спросил член военного трибунала у египтянина, содержащегося в тюрьме Гуантанамо.

Судя по рассекреченной стенограмме, узник настроен скептически. Он отвечает:

— Судья, вы сами знаете, как это происходит. В Пакистане человека можно купить за 10 долларов. А что будет, если предложат 5000?

— Так что же, вас продали? — спрашивает член трибунала таким тоном, как если бы ему подобная мысль никогда не приходила в голову.

— Да.

По сведениям Пентагона, 86 процентов заключенных в Гуантанамо были выданы самими боевиками или их агентами в Афганистане и Пакистане после объявления о наградах. К декабрю 2006 года Пентагон освободил из Гуантанамо 360 заключенных. Агентству Associated Press удалось проследить судьбу 245 освобожденных; 205 из них по возвращении на родину были освобождены от всех обвинений⁶⁰. Эти данные свидетельствуют об ужасающем качестве разведки в условиях, когда поиск террористов ведется на основе рыночных стратегий.

Всего за несколько лет индустрия национальной безопасности, которой до 11 сентября почти не существовало, разрослась до размеров, которые значительно превосходят показатели Голливуда или музыкального бизнеса⁶¹. Но еще поразительнее то, насколько мало этот бум безопасности анализируют и исследуют как экономическое явление, как беспрецедентное сочетание бесконтрольной полицейской власти с таким же бесконтрольным капитализмом, из чего получается гибрид супермаркета и секретной тюрьмы. Когда информация о том, кто представляет угрозу безопасности, а кто нет, становится таким же товаром, как информация относительно покупки книг о Гарри Поттере через Amazon или о том, кто уже побывал на Карибских островах и теперь может захотеть отправиться на Аляску, это меняет всю нашу

⁶⁰ Узника, о котором шла речь, звали Адель Фаттух Али аль-Газзар. *Gilson D. Why Am I in Cuba? // Mother Jones*. 2006. September—October; *Simpson J. No Surprises in the War on Terror; Selsky A.O. AP: Some Gitmo Detainees Freed Elsewhere // USA Today*. 2006. December 15.

⁶¹ *Stoller G. Homeland Security Generates Multibillion Dollar Business // USA Today*. 2006. September 10.

культуру. И это не только благоприятная среда для шпионажа, пыток и получения недостоверной информации, но и мощный стимул для сохранения страха и чувства угрозы — тех самых эмоций, которые изначально и породили индустрию катастроф.

В прошлом появление новых экономических систем, от революции Форда до бума информационных технологий, сопровождал поток споров и размышлений о том, как новый метод создания богатства изменит накопленные культурные стереотипы, то, как мы путешествуем или даже как наш мозг обрабатывает информацию. Новая же катастрофическая экономика не стала предметом подобных широких обсуждений. Разумеется, идут дискуссии о том, насколько Закон о патриотизме соответствует конституции, о задержании без определенных правил, о пытках и об «чрезвычайной выдаче», но никто не обсуждает смысла того, что все эти вещи происходят как коммерческие сделки. Темы обсуждений ограничиваются отдельными скандальными случаями получения прибыли от войны или коррупции, а также традиционными сетованиями на то, что правительство неспособно адекватным образом контролировать работу частных подрядчиков; но рамки дискуссии были слишком узки и мало кто говорил о том, что это значит — участвовать в полностью приватизированной войне, которая устроена так, что будет тянуться бесконечно.

Отчасти это объясняется тем, что экономика катастроф подкралась к нам незаметно. В 1980—1990-х годах новые типы экономики заявляли о себе гордо и громогласно. Особенно это заметно на примере бума информационных технологий и сопутствующего нового класса собственников, которые рекламировали себя в СМИ чересчур шумно: это бесчисленные молодые и решительные руководители компаний на фоне собственных самолетов, роскошных яхт и идилических вилл.

Сегодня индустрия катастроф приносит не меньше богатства, но мы об этом почти ничего не слышим. По данным одного исследования 2006 года, «с начала войны против террора доходы руководителей ведущих 34 частных предприятий, работающих в сфере безопасности, в среднем выросли настолько, что вдвое превышают уровень доходов четырех лет, предшествовавших 11 сентября». Если у этих руководителей доход между 2001 и 2005 годами вырос в среднем на 108 процентов, руководители других больших американских компаний за тот же период стали получать больше всего лишь на 6 процентов⁶².

⁶² Anderson S., Cavanagh J., Collins C., Benjamin E. Executive Excess 2006: Defense and Oil Executives Cash in on Conflict. 2006. August 30. P. 1, www.faireconomy.org.

Таким образом, доходы в сфере индустрии катастроф приближаются к доходам в сфере информационных технологий, однако тут существует почти такой же уровень секретности, что и в ЦРУ. Капиталисты экономики катастроф избегают прессы, приуменьшают свое богатство и умеют молчать. Джон Илстнер из Chesapeake Innovation Center, где разрабатываются идеи национальной безопасности, заявил: «Мы не радуемся тому, что вокруг защиты нашей страны от терроризма расцвела гигантская индустрия. Но это большой бизнес, и наша компания целиком в него погружена»⁶³.

Питер Свайр, служивший советником по конфиденциальности в администрации Клинтона, сказал о сплетении сил, которые создают бум вокруг войны против террора, такие слова: «Есть правительство, священная миссия которого — сбор информации, и есть индустрия новых информационных технологий, которая отчаянно ищет новые рынки»⁶⁴. Иначе говоря, это корпоративизм: большой бизнес и мощное правительство объединились в невиданную силу, чтобы регулировать и контролировать жизнь обычных граждан.

⁶³ *Ratliff E. Fear, Inc.*

⁶⁴ *O'Harrow R.Jr. No Place to Hide, p. 9.*

КОРПОРАТИВИСТСКОЕ ГОСУДАРСТВО:

ВМЕСТО ВРАЩАЮЩИХСЯ ДВЕРЕЙ — ПРОХОДНОЙ ДВОР

По-моему, это нелепость и глупость. Думать, что все наши действия объясняются жаждой денег, — безумие. Вам бы следовало вернуться в школу и поучиться.

Джордж Буш-старший отвечает на обвинение в том, что его сын осуществил вторжение в Ирак, чтобы открыть новые рынки для американских компаний¹

Государственные служащие имеют нечто такое, чего не хватает частному сектору. Это долг верности большему благу — долг верности общим интересам всех, а не только интересам кучки людей. Компании же хранят верность своим акционерам, но не стране.

Дэвид М. Уолкер, начальник Главного контрольно-финансового управления США, февраль 2007 г.²

Он не видит разницы между общественными и частными интересами.

Сэм Гардинер, бывший полковник Военно-воздушных сил США, пенсионер, о Дике Чейни, февраль 2004 г.³

¹ *Krane J. Former President Bush Battles Arab Critics of His Son // Associated Press. 2006. November 21.*

² *Shane S., Nixon R. In Washington, Contractors Take on Biggest Role Ever.*

³ *Mayer J. Contract Sport // The New Yorker. 2004. February 16.*

В разгар промежуточных выборов 2006 года, за три недели до объявления об отставке Дональда Рамсфельда, Джордж Буш на скромной церемонии в Овальном кабинете подписал Закон об ассигнованиях на оборону. Он занимал 1400 страниц и содержал одну поправку, на которую в тот момент почти никто не обратил внимания. Она давала президенту полномочия вводить военное положение и «использовать вооруженные силы, в том числе Национальную гвардию», игнорируя пожелания губернатора штата, в случае «чрезвычайной ситуации», чтобы «восстановить общественный порядок» и «подавить» беспорядки. Такой чрезвычайной ситуацией может быть ураган, массовые протесты или «чрезвычайная ситуация, угрожающая здоровью общества», в случае чего армия может участвовать в организации карантина и охранять склады с вакциной⁴. Раньше президент мог ввести военное положение только в случае мятежа.

Сенатор от демократов Патрик Лихи, поддерживаемый коллегами по предвыборной кампании, был единственным политиком, который пытался забить тревогу. Он заявил, что «использование военного положения для поддержки законов противоречит одному из базовых принципов нашей демократии», и указал на то, что «последствия такой поправки будут невероятно значительными, однако эта поправка была вставлена в оборонный закон как незначительное дополнение, которое мало изучалось. Другие комитеты Конгресса, обладающие правом обсуждать эти вопросы, были лишены возможности оставить свои комментарии к этим предложениям, не говоря уже о возможности посвятить им специальные слушания»⁵.

Это изменение давало гораздо больше полномочий исполнительной ветви власти, но тут была, по меньшей мере, еще одна сторона, оставшаяся в выигрыше, — фармакологическая индустрия. В случае вспышки какой-либо эпидемии они могли рассчитывать на армию, которая будет охранять их лаборатории и хранилища, а также вводить карантин — администрация Буша давно стремилась к реализации этой цели. Это было прекрасной новостью для бывшей компании Рамсфельда Gilead Sciences, владевшей патентом на препарат для лечения птичьего гриппа Tamiflu. Новый закон в сочетании с опасениями перед птичьим гриппом, возможно, также увеличил попу-

⁴ HR 5122: John Warner National Defense Authorization Act For Fiscal Year 2007 (рассматривается как документ, согласованный с Белым домом и Конгрессом), thomas.loc.gov.

⁵ Remarks of Sen. Patrick Leahy on National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2007, Conference Report, Congressional Record // *States News Service*. 2006. September 29.

лярность Tamiflu: после того как Рамсфельд покинул правительство, всего за пять месяцев стоимость соответствующих акций поднялась на 24 процента⁶.

Как же повлияли на этот закон интересы производителей? Возможно, никак, но это не пустой вопрос. Он сродни более широкому вопросу: какую роль корыстные интересы таких подрядчиков, как Halliburton и Bechtel, или нефтяных компаний, таких как ExxonMobil, сыграли в стремлении команды Буша оккупировать Ирак? На подобные вопросы, касающиеся мотивации, невозможно дать четкого ответа, потому что речь тут идет о людях, которые, как всем известно, постоянно сплетают интересы корпораций с национальными интересами в такой степени, что часто, кажется, сами неспособны отличить одни от других.

В 2006 году вышла книга под названием «Переворот» (Overthrow), написанная бывшим журналистом газеты *New York Times* Стивеном Кинзером, который пытается понять, чем же руководствовались американские политики в XX веке, когда они организовывали и осуществляли перевороты в других странах. Изучив истории таких операций по смене режима, начиная от переворота на Гавайях в 1893 году и кончая Ираком в 2003 году, он нашел, что каждый раз повторяется один и тот же процесс, проходящий в три этапа. На первом этапе транснациональные американские корпорации видят какую-либо значимую угрозу со стороны иностранного правительства, которое требует, чтобы компания «платила налоги или соблюдала трудовое законодательство и законы об охране среды. Иногда компании угрожает национализация или ее вынуждают продать часть своих земельных владений или активов». Затем, продолжает Кинзер, американские политики начинают воспринимать эти проблемы корпораций как нападение на Соединенные Штаты: «Они превращают экономические мотивы в политические или геостратегические. Делают вывод, что режим, который ставит препятствия американским компаниям или им угрожает, — это режим антиамериканский, репрессивный, диктаторский и, вероятнее всего, он служит орудием в руках еще какого-то государства или группы влияния, которые занимаются подрывной деятельностью против Соединенных Штатов». И наконец, наступает третий этап, когда политики должны убедить публику в том, что необходимо вмешаться, используя образ борьбы добра против зла, подавая ситуацию как «возможность освободить бедный и угнетаемый

⁶ Stock Information: Historical Price Lookup // Gilead Sciences, www.gilead.com.

народ от жестокого режима, который считают диктаторским, потому что какой же еще режим будет ставить под угрозу американские компании»⁷. Иными словами, внешняя политика США представляет собой плод массовой психологической проекции, когда крохотная элита путает свои корыстные интересы и потребности с интересами всего мира.

Кинзер указывает на то, что подобные вещи особенно характерны для политиков, которые пришли на государственную службу непосредственно из корпоративного мира. Например, государственный секретарь при Эйзенхауэре Джон Фостер Даллес большую часть жизни проработал юристом в крупнейших международных корпорациях и отстаивал интересы самых богатых компаний мира в конфликтах с правительствами других стран. Кинзер, подобно многим другим биографам Даллеса, приходит к выводу, что этот госсекретарь не умел отделять интересы корпораций от интересов страны. «Даллес, — пишет он, — всю жизнь был одержим двумя идеями: борьбой с коммунизмом и защитой прав транснациональных монополий... Он считал, что эти интересы «взаимосвязаны и поддерживают друг друга»⁸. Это означало, что ему не приходилось выбирать между двумя главными идеями: если, скажем, правительство Гватемалы предпринимает действие, угрожающее интересам United Fruit Company, это фактически равноценно наступлению на Америку и заслуживает силового ответа.

Администрация Буша, одержимая двумя идеями — войны против терроризма и защиты интересов транснациональных корпораций — и наполненная людьми, вчера сидевшими в совете директоров корпораций, подобным образом смешивает и переплетает разные интересы. Но при одном существенном отличии. Компании, которые защищал Даллес, были транснациональными корпорациями, вкладывающими крупные деньги в экономику других стран: в шахты, сельское хозяйство, банки и нефть. И, как правило, они все единодушно желали заниматься своим бизнесом в стабильном и приносящем доходы окружении, где нестрогие законы относительно инвестиций, много свободных рабочих рук и не происходит никаких неприятных неожиданностей вроде экспроприации. Если они и устраивали госу-

⁷ Интервью со Стивеном Кинзером // *Democracy Now!* 2006. April 21, www.democracynow.org.

⁸ Выражение «взаимосвязаны и поддерживают друг друга» принадлежит историку Джеймсу А. Биллю. См.: *Kinzer St. Overthrow: America's Century of Regime Change from Hawaii to Iraq*. New York: Times Books, 2006. P. 122.

дарственные перевороты или военные операции, это не было самоцелью, но в итоге должно было служить стабильности.

С зарождением капитализма катастроф положение изменилось: создатели войны против террора принадлежали уже к иному поколению политиков-корпоративистов, для которых войны и катастрофы стали самоцелью. И когда Дик Чейни и Дональд Рамсфельд смешивают выгоду Lockheed, Halliburton, Carlyle или Gilead с благом для Соединенных Штатов и даже всего мира, такая проекция имеет крайне опасные последствия. Ибо благом для этих компаний являются бедствия: войны, эпидемии, стихийные катаклизмы и нехватка ресурсов — и количество подобных «удачных моментов» сильно возросло с приходом к власти Буша-младшего. Эта проекция еще разрушительнее по той причине, что важнейшие соратники Буша в беспрецедентной степени своими интересами связаны с комплексом капитализма катастроф в новой эре, когда произошла приватизация войн и ликвидаций последствий катастроф, что позволяет им получать высокую прибыль от бедствий, которые они сами организовали.

Например, когда Рамсфельд покинул свой пост после поражения республиканцев на промежуточных выборах 2006 года, пресса сообщала, что он вернулся в частный сектор. Но правда заключается в том, что он никогда оттуда не уходил. Когда Буш назначил его министром обороны, Рамсфельд, как все государственные чиновники, был обязан избавиться от любого имущества, которое позволило бы ему получать прибыль или нести потери от решений, принятых им как политиком на своем посту. Проще говоря, он обязан был распродать все, что связано с национальной безопасностью и обороной. Но это оказалось для Рамсфельда огромной проблемой. У него было столько имущества в различных сферах производства, связанных с катастрофами, что он заявил о невозможности от него избавиться к намеченному сроку и ему пришлось идти на большие компромиссы с этикой, чтобы сохранить в своих руках все, что возможно.

Он продал акции Lockheed, Boeing и других оборонных компаний, которыми непосредственно владел, и выставил на аукцион акции на 50 миллионов долларов в надежде на будущее. Но он все равно остался частичным или полным владельцем частных инвестиционных фирм, связанных с обороной и биотехнологиями. Рамсфельд не хотел нести потери от быстрой продажи этих компаний, а вместо этого дважды просил увеличить срок выполнения этого требования на три месяца, что встречается крайне редко среди политиков такого уровня. Это

означало, что он все еще продолжал искать подходящих покупателей для своих компаний и активов шесть месяцев, а возможно даже и позже, уже когда был министром обороны⁹.

Что же касается компании Gilead Sciences, которую Рамсфельд раньше возглавлял и которая обладала патентом на Tamiflu, министр обороны проявил упорство. Когда ему предложили сделать выбор между интересами бизнеса и государственной деятельностью, Рамсфельд просто отказался это сделать. Эпидемии прямо угрожают национальной безопасности и потому относятся к сфере деятельности министра обороны. Но несмотря на такой очевидный конфликт интересов, Рамсфельд так и не смог продать акции Gilead на протяжении всего срока своей службы, сохранив за собой имущество в Gilead на сумму от 8 до 39 миллионов долларов¹⁰.

Когда сенатская Комиссия по этическим вопросам пыталась заставить Рамсфельда привести свои дела в соответствие с обычными требованиями, тот повел себя агрессивно. В частности, он обратился с письмом в Отдел по вопросам правительственной этики с жалобой, что ему пришлось потратить 60 тысяч долларов на работу бухгалтеров в связи с этими «чрезвычайно сложными и запутанными» денежными отчетами. Хотя для владельца акций на 95 миллионов долларов на момент службы в правительстве расход в 60 тысяч на манипуляции со своими финансами вряд ли должен показаться чрезмерным¹¹.

Непоколебимое упорство Рамсфельда отказаться от бизнеса катастроф, даже находясь на важнейшем государственном посту в сфере национальной безопасности, отразилось на его работе в ряде конкретных случаев. В течение первого года службы, когда он искал варианты продажи своих акций, Рамсфельд всячески старался уклониться от различного рода важных решений. По данным Associated Press, «он избегал совещаний в Пентагоне, на которых обсуждалась проблема

⁹ Burns R. Defense Chief Shuns Involvement in Weapons and Merger Decisions to Avoid Conflict of Interest; Kelley M. Defense Secretary Sold Up to \$91 Million in Assets to Comply with Ethics Rules, Complains about Disclosure Form // *Associated Press*. 2002. June 18; Jelinek P. Rumsfeld Asks for Deadline Extension // *Associated Press*. 2001. July 17.

¹⁰ Stanton J. Big Stakes in Tamiflu Debate // *Roll Call*. 2005. December 15.

¹¹ Согласно данным, представленным Рамсфельдом в 2005 году, он владеет акциями на сумму 96,5 миллиона долларов, которые приносили ему доход до 13 миллионов, а также землями стоимостью в 17 миллионов, от сдачи которых в аренду получает доход в один миллион. Lean G., Owen J. Donald Rumsfeld Makes \$5m Killing on Bird Flu Drug // *Independent*. London. 2006. March 12; Kelley M. Defense Secretary Sold Up to \$91 Million in Assets to Comply with Ethics Rules, Complains about Disclosure Form.

СПИДа». Когда же федеральное правительство должно было принять решение о том, надо ли ему вмешиваться в случаях нескольких крупнейших слияний и поглощений, в которых участвовали важнейшие оборонные подрядчики, включая General Electric, Honeywell, Northrop Gurman и Silicon Valley Graphics, Рамсфельд как мог старался уклониться от этих дискуссий на высшем уровне. Со слов его официального представителя, у Рамсфельда сохранились финансовые связи с перечисленными выше компаниями. «Я старался держаться от них в стороне», — сообщил Рамсфельд журналисту, отвечая на вопрос об одном из таких поглощений¹².

В течение шести лет, пока он занимал свой пост, Рамсфельд должен был покинуть комнату, если в ней заходила дискуссия о вероятности распространения птичьего гриппа и о закупке лекарств на этот случай. Согласно документу, содержащему условия, которые позволяли ему не расставаться со своими акциями, он должен был воздерживаться от принятия решений, которые могут «прямо и предсказуемо повлиять на судьбу Gilead»¹³. Но коллеги заботились о его интересах. В июле 2005 года Пентагон приобрел Tamiflu на 58 миллионов долларов, а Министерство здравоохранения заявило, что через несколько месяцев собирается потратить 1 миллиард долларов на закупку этого препарата¹⁴.

Упорство Рамсфельда, без сомнения, окупилось. Если бы, став министром в январе 2001 года, он сразу продал акции Gilead, то получил бы всего по 7,45 доллара за каждую. Но страх перед птичьим гриппом, истерия по поводу биологического террора и административное решение Рамсфельда о мощном финансировании компании привели к тому, что цена акции поднялась до 67,6 доллара за штуку — она выросла на 807 процентов (а к апрелю 2007 года одна акция стоила уже 84 доллара)¹⁵. Это означало, что Рамсфельд, покидая пост министра обороны, стал значительно богаче, чем до своего назначения на него, — редкий пример мультимиллионера на государственной службе.

Как Рамсфельд не мог отказаться от Gilead, так и Чейни упорно сохранял свои связи с Halliburton — этот случай, в отличие от связи Рамсфельда с Gilead, привлек внимание СМИ. Прежде чем он поки-

¹² Burns R. Defense Chief Shuns Involvement in Weapons and Merger Decisions to Avoid Conflict of Interest.

¹³ Stanton J. Big Stakes in Tamiflu Debate.

¹⁴ Schwartz N.D. Rumsfeld's Growing Stake in Tamiflu // *Fortune*. 2005. October 31.

¹⁵ Stock Information: Historical Price Lookup.

нул пост руководителя компании и вступил в команду Буша, Чейни выторговал себе право сохранить за собой «пенсионный пакет», который состоял из акций и опционов Halliburton. Когда пресса начала задавать ему не слишком приятные вопросы, Чейни согласился продать часть ценных бумаг Halliburton, что принесло ему доход в 18,5 миллиона долларов. По данным *Wall Street Journal*, Чейни сохранил за собой 189 тысяч акций Halliburton и 500 тысяч опционов, которые он не был вправе продавать, уже став вице-президентом¹⁶.

Поскольку Чейни продолжал владеть таким большим количеством ценных бумаг Halliburton, он, уже будучи вице-президентом, получал с них миллионы долларов ежегодно в виде дивидендов с акций, кроме того, Halliburton сохраняла его зарплату в объеме 211 тысяч долларов в год, что примерно соответствует жалованью члена правительства. Когда в 2009 году он уйдет со своего поста и будет вправе продавать бумаги Halliburton, которыми владеет, то получит невообразимый доход благодаря тому, что фортуна повернулась к компании Halliburton лицом. Стоимость акции компании до начала войны с Ираком составляла 10 долларов, всего за три года она выросла до 41 доллара — скачок в 400 процентов, объясняемый повышением цен на энергию и иракскими контрактами, а оба эти фактора были прямым следствием того, что Чейни вовлек страну в войну с Ираком¹⁷. Ситуация с Ираком точно вписывается в схему Кизнера. Саддам не представлял угрозы безопасности США, но нес угрозу американским энергетическим компаниям, поскольку только что подписал контракт с гигантской российской нефтяной корпорацией и вел переговоры с французской компанией Total, что лишало американские и английские нефтяные компании всяких надежд: страна, обладающая третьими по величине запасами нефти в мире, ускользала из рук американцев и британцев¹⁸. Свержение Саддама открывало великие возможности перед нефтяными монополиями, такими как ExxonMobil, Chevron, Shell и BP, и все они закладывали основы нового Ирака, как и Halliburton, переместившаяся в Дубай, нашла себе

¹⁶ *Bryan-Low C. Cheney Cashed in Halliburton Options Worth \$35 Million // Wall Street Journal. 2000. September 20.*

¹⁷ *Herman K. Cheneys Earn \$8.8 Million to Bushes' \$735,000 // American-Statesman. Austin. 2006. April 15; Historical Price Lookup // Halliburton, Investor Relations, www.halliburton.com.*

¹⁸ *Karush S. Once Privileged in Iraq, Russian Oil Companies Hope to Compete on Equal Footing After Saddam // Associated Press. 2003. March 14; Shah S. Oil Giants Scramble for Iraqi Riches // Independent. London. 2003. March 14.*

оптимальное место для того, чтобы обеспечивать электричеством все эти компании. Так сама война стала одним из самых прибыльных дел в истории Halliburton¹⁹.

И Рамсфельд, и Чейни могли бы избавиться от ценных бумаг, связанных с катастрофами, что устранило бы любые сомнения насчет того, какую роль в их энтузиазме по созданию катастроф играет корысть. Но тогда бы они остались в стороне от бума в своем бизнесе. Когда перед ними вставал вопрос выбора между личной прибылью или жизнью общества, они всегда выбирали прибыль, заставляя даже правительственные комиссии по этике считаться с их упорством.

Во время Второй мировой войны президент Франклин Рузвельт говорил о получении прибыли от войны такие резкие слова: «Я не хотел бы видеть ни одного военного миллионера, появившегося в США в результате мировой катастрофы». Неудивительно, что он сделал бы с Чейни, который получал миллионные прибыли с войны, занимая пост вице-президента. Или с Рамсфельдом, который в 2004 году не смог противостоять искушению обналичить часть акций Gilead, что позволило ему с легкостью получить 5 миллионов долларов, согласно ежегодным сведения о доходах, пока он еще занимал пост министра обороны, и эта сумма была слабым предвкушением награды, которая его ожидала к моменту ухода из правительства²⁰. При администрации Буша людей, получающих прибыль с войны, не только допускают в правительство, такие люди и есть само правительство, между ними и правительством нет никакой границы.

Годы правления Буша были отмечены самыми позорными и самыми вопиющими коррупционными скандалами в недавней истории: это Джек Абрамофф, предложивший членам Конгресса отдых с игрой в гольф; Рэнди «Герцог» Каннингхэм, ныне отбывающий восьмилетний срок в тюрьме, со своей яхтой *The Duke-Stir*, которая входила в «меню взяток», перечисленных на официальном бланке Конгресса и переданных одному оборонному подрядчику; это вечеринки в отеле «Уотергейт» с любезно предоставленными бесплатными проститутками. Все это слишком похоже на происходящее в Москве или Буэнос-Айресе в середине 90-х²¹.

¹⁹ Waiting for the Green Light // *Petroleum Economist*. 2006. October 1.

²⁰ Lean G., Owen J. Donald Rumsfeld Makes \$5m Killing on Bird Flu Drug.

²¹ Weisman J. Embattled Rep. Ney Won't Seek Reelection // *Washington Post*. 2006. August 8; Geis S., Babcock Ch.R. Former GOP Lawmaker Gets 8 Years // *Washington Post*. 2006. March 4; Bachrach J. Washington Babylon // *Vanity Fair*. 2006. August 1.

Существует постоянно вращающаяся дверь между правительством и воротилами бизнеса. Такое положение существовало всегда, только обычно политики дожидались момента ухода своей администрации, чтобы превратить правительственные связи в прибыль. В правление Буша неистощимый рог изобилия рынка национальной безопасности стал слишком серьезным искушением, чтобы служащие администрации могли ему противостоять. Так что, не дожидаясь окончания срока своей службы, сотни чиновников различных департаментов правительства уже воспользовались этой дверью. По словам Эрика Липтона из газеты *New York Times*, который исследовал это явление на примере Министерства национальной безопасности, «почтенные лоббисты и стражи этики из Вашингтона говорят, что исход такого большого количества самых высокопоставленных служащих министерства до окончания срока службы администрации является чем-то беспрецедентным для современной истории». Липтон насчитал 94 примера таких служащих, работавших в сфере национальной безопасности, которые теперь стали воротилами этой индустрии²².

Таких случаев слишком много, чтобы можно было их подробно тут рассмотреть, но некоторые из них весьма выделяются, поскольку их участники — важнейшие организаторы войны против террора. Джон Эшкрофт, бывший генеральный прокурор США, основной автор Закона о борьбе с терроризмом, сейчас возглавляет компанию *Ashcroft Group*, которая помогает соответствующим компаниям получать федеральные контракты. Том Ридж, первый глава Министерства национальной безопасности, сейчас работает в *Ridge Global* и является консультантом по коммуникационным технологиям компании *Lucent*, которая прямо связана с обороной. Руди Джулиани, бывший мэр Нью-Йорка и герой 11 сентября, через четыре месяца основал компанию *Guiliani Partners*, чтобы продавать свои навыки кризисного консультанта. Ричард Кларк, звезда борьбы с терроризмом при Клинтоне и Буше, известный своей критикой в адрес правительства, теперь возглавляет компанию *Good Harbor Consulting*, специализирующуюся на национальной безопасности и борьбе с терроризмом. Джеймс Вулси, возглавлявший ЦРУ до 1995 года, сейчас работает в *Paladin Capital Group*, фирме, которая занимается инвестированием в частные компании в сфере безопасности, а также служит вице-президентом *Booz Allen*, компании, занимающей ведущее место в индустрии на-

²² *Lipton E. Former Antiterror Officials Find Industry Pays Better // New York Times. 2006. June 18.*

циональной безопасности. Джо Олбоу, возглавлявший 11 сентября Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям (FEMA), покинул это место всего через полтора года, чтобы основать New Bridge Strategies; по его словам, эта организация станет «мостом» между бизнесом и щедрым миром правительственных контрактов и возможностями для инвестиций в Ираке. Ему на смену пришел Майкл Браун, который покинул свой пост всего через два года, чтобы основать Michael D. Brown LLC — компанию, специализирующуюся на устранении последствий катастроф²³.

«Разве я могу уволиться сейчас?» — писал Браун в известном электронном письме своим сотрудникам по FEMA в разгар катастрофы, вызванной ураганом «Катрина»²⁴. За этим стоит простая философия: служи в правительстве, пока не займешь достаточно почетного места в министерстве, заключающем крупные контракты, и собирай внутреннюю информацию о том, что там покупается, а затем уйди в частный сектор и продавай нужный товар своим бывшим коллегам по службе. Государственный сектор играет роль разведки для последующей работы в комплексе капитализма катастроф.

Однако в какой-то мере примеры коррупции и перемены мест создают ложное впечатление. Может показаться, что между правительством и комплексом капитализма катастроф все еще остается четкая граница, хотя на самом деле она была стерта уже давно. Новое в правлении Буша заключается не в том, сколь быстро политики переходят из одной сферы в другую, но в том, сколь многие из них стараются действовать в обеих сферах одновременно. Люди, подобные Ричарду Перлу или Джеймсу Бейкеру, определяют политику, дают советы на высшем уровне и говорят с журналистами как независимые эксперты и государственные служащие, хотя в то же время они глубоко погружены в бизнес приватизированной войны и восстановления. Это самое яркое воплощение идеи корпоративизма: полное слияние политических и корпоративных элит во имя безопасности, когда госу-

²³ Nakashima E. Ashcroft Finds Private-Sector Niche // *Washington Post*. 2006. August 12; Lipton E. Former Antiterror Officials Find Industry Pays Better; Good Harbor Consulting, LLC, www.goodharbor.net; R. James Woolsey—VP. Paladin Capital Group. Paladin Team, www.paladin-capgroup.com; James R. Woolsey. Booz Allen Hamilton, www.boozallen.com; Jehl D. Insiders' New Firm Consults on Iraq // *New York Times*. 2003. September 30; Former FEMA Head to Start Consulting Business on Emergency Planning // *Associated Press*. 2005. November 24.

²⁴ Former FEMA Head Discussed Wardrobe during Katrina Crisis // *Associated Press*. 2005. November 3.

дарственная должность позволяет занять достойное место в бизнесе, а также является главным источником удачи предпринимателя в экономике подрядных контрактов.

Где бы он ни возникал за последние 35 лет: в Сантьяго, Москве, Пекине или Вашингтоне при Буше, — альянс узкого круга корпоративной элиты с правительством правой ориентации получал какое-либо прозвище: «мафиозный капитализм», «капитализм олигархов» или, при Буше, «кумовской капитализм», — и прозвище указывало на отклонение от нормы. Однако это вовсе не было отклонением, это и есть «земля обетованная» крестового похода чикагской школы, одержимой тремя страстями: приватизацией, дерегуляцией и упразднением всех профсоюзов.

Упрямство Рамсфелда и Чейни, отказавшихся сделать выбор между доходными бумагами индустрии катастроф и государственной должностью, было первым признаком появления подлинного корпоративистского государства. Хотя и не единственным.

Власть бывших

Администрация Буша отличалась одной характерной чертой — она слишком заметно опиралась на внешних советников и частных доверенных лиц для выполнения своих важнейших функций. К ним относятся Джеймс Бейкер, Пол Бремер, Генри Киссинджер, Джордж Шульц, Ричард Перл, а также члены Совета обороны и Комиссии по освобождению Ирака и многие другие. В течение самых важных для принятия решений лет Конгресс просто ставил печати на бумагах, а Верховный суд просто делал свои вежливые замечания, зато эти свободные советники стали пользоваться огромным влиянием.

Они пользовались властью по той причине, что раньше занимали важнейшие посты в правительстве — это бывшие госсекретари, послы или заместители министров обороны. Все они уже давно покинули правительство и сделали блестящую карьеру в индустрии капитализма катастроф. Поскольку они относятся к подрядчикам, а не к служащим, на них не распространяются те же правила урегулирования конфликта интересов, что и на выбранных или назначенных политиков, а часто они существуют вне сферы действия каких-либо ограничений. Это позволило устранить так называемую вращающуюся дверь между правительством и индустрией и создать «арку для прохода» (как сказал мне специалист по кризисному урегулированию Ирвин Редленнер). Это позволило индустрии катастроф открыть свою лавку

в правительстве, используя в качестве прикрытия репутацию известнейших бывших политиков.

Когда в марте 2006 года Джеймс Бейкер был назначен сопредседателем Группы по изучению Ирака, советники преисполнились энтузиазма относительно новых подходов к проблеме Ирака — это был политик старой школы, который правил страной в более спокойные времена, это был «взрослый». И действительно, Бейкер знал США в относительно более спокойный период их внешней политики, чем сегодня. Но что происходило 15 лет назад? И кто такой Бейкер?

Подобно Чейни, Джеймс Бейкер-третий, оставив администрацию Буша-старшего, начал строить свое благосостояние на правительственных контрактах. Особой выгодой для него обернулась дружба с Саудовской Аравией и Кувейтом, которая возникла во время первой войны в Заливе²⁵. Его юридическая фирма Baker Botts в Хьюстоне представляла интересы королевской семьи Саудовской Аравии, а также Halliburton и «Газпрома» — крупнейшей российской газовой и нефтяной компании, другими словами, организация Бейкера является одной из ведущих юридических фирм в сфере нефти и газа в мире. Он также стал партнером Carlyle Group, владельцем доли стоимостью примерно 180 миллионов долларов, которая изо всех сил старается держаться в тени²⁶.

Carlyle получает огромные доходы от войны, поскольку торгует робототехникой, оборонными системами связи, а также получила крупнейший контракт в Ираке по подготовке полиции через свою дочернюю компанию USIS. Эта компания стоимостью 56 миллиардов долларов владеет инвестиционной фирмой, которая отбирает подрядчиков, выполняющих различные работы, связанные с безопасностью, и превращает их в прибыльные акционерные компании. «Это лучшие 18 месяцев в нашей истории, — сказал Билл Конвей, который отвечает за инвестиции в Carlyle, после начала войны в Ираке. — Мы делали деньги, причем очень быстро». Война в Ираке, ставшая катастрофой, моментально обернулась неслыханно высокими выплатами избранным инвесторам Carlyle, которые получили 6,6 миллиарда долларов²⁷.

²⁵ Hersh S.M. The Spoils of the Gulf War // *New Yorker*. 1993. September 6.

²⁶ Isikoff M., Hosenball M. A Legal Counterattack // *Newsweek*. 2003. April 16; Council J. Baker Botts' «Love Shack» for Clients // *Texas Lawyer*. 2006. March 6; Arvedlund E.E. Russian Oil Politics in a Texas Court // *New York Times*. 2005. February 15; Bryce R. It's a Baker Botts World // *The Nation*. 2004. October 11.

²⁷ Smith P., Politi J. Record Pay-Outs from Carlyle and KKR // *Financial Times*. London. 2004.

Когда Буш-младший снова вовлек Бейкера в политическую жизнь, назначив своим послом по специальным поручениям для решения проблемы долгов Ирака, Бейкер не должен был расставаться с Carlyle Group или Baker Botts, несмотря на то, что эти компании были прямо заинтересованы в войне. Сначала некоторые комментаторы указывали на этот конфликт интересов. Редакционная статья газеты *New York Times* призывала Бейкера уволиться из Carlyle Group и Baker Botts, чтобы это не мешало ему быть объективным послом. «Мистер Бейкер слишком сильно связан с частным бизнесом, приносящим огромные доходы, что делает его потенциально заинтересованной стороной, когда дело идет о реструктуризации долгов», говорилось в статье. Она заключала, что Бейкеру недостаточно «отказаться брать деньги с клиентов в ситуациях, где связь с долгами Ирака очевидна... Чтобы достойным образом выполнять государственную миссию, мистер Бейкер должен был оставить два своих поста в частных компаниях»²⁸.

Но Бейкер, по примеру старших чинов вашингтонской администрации, отказался это сделать, и Буш поддержал его, поручив Бейкеру попытку убедить правительства всего мира простить огромные внешние долги Ирака. После того как он пробыл на этом посту около года, мне удалось получить копию конфиденциального документа, который доказывал, что речь идет о куда более серьезном конфликте интересов, чем думали раньше. Это бизнес-план на 65 страницах консорциума компаний, включая Carlyle Group, представленный правительству Кувейта, одному из главных кредиторов Ирака. Консорциум предлагал, используя политические связи на высшем уровне, собрать в Ираке 27 миллиардов долларов в погашение безнадежного долга Кувейту, который образовался из-за вторжения Саддама в Кувейт. Иными словами, он предлагал сделать нечто прямо противоположное тому, что должен был делать Бейкер как посол, чья миссия заключалась в том, чтобы убедить правительства аннулировать долги эпохи Саддама²⁹.

Этот документ под заголовком «Предложение о помощи правительству Кувейта по защите и реализации его требований по возмещению убытков к Ираку» был подготовлен почти через два месяца *после* того,

October 20.

²⁸ Cutting James Baker's Ties // *New York Times*. 2003. December 12.

²⁹ Следующие два параграфа основываются на информации, размещенной Наоми Кляйн на сайте: James Baker's Double Life: A Special Investigation // *The Nation*. 2004. October 12, www.thenation.com.

как Бейкер был назначен послом. В документе сам Бейкер упоминается 11 раз, это дает Кувейту возможность увидеть все преимущества сотрудничества с компанией, в которой работает человек, отвечающий за аннулирование долгов Ирака. Но за это придется заплатить. В обмен на эти услуги, говорится в документе, правительство Кувейта должно вложить 1 миллиард долларов в Carlyle Group. Это была недвусмысленная сделка: заплатите компании Бейкера, и она защитит вас от Бейкера. Я показала этот документ Кэтлин Кларк, профессору права Вашингтонского университета и ведущему специалисту по правительственной этике и нормам. Кларк сообщила: «Это классический конфликт интересов. Бейкер участвует в сделке с обеих сторон: он должен представлять интересы Соединенных Штатов, но он также главный советник компании Carlyle, которая хочет за деньги помочь Кувейту получить долг с Ирака». Изучив документы, Кларк сделала такой вывод: «Carlyle и другие компании используют служебное положение Бейкера, чтобы заключить сделку с Кувейтом, которая подрывает интересы правительства США».

Через день после того, как журнал *The Nation* опубликовал мой очерк о Бейкере, Carlyle вышла из консорциума, потеряв надежду на получение 1 миллиарда; несколько месяцев спустя Бейкер уволился из Carlyle Group и отказался от места главного советника. Но он уже успел принести вред: ему не удалось добиться смягчения долговых обязательств, о котором просил Буш и которое так было нужно Ираку. В 2005 и 2006 годах Ираку пришлось заплатить 2,59 миллиарда долларов репарационных выплат за войну Саддама преимущественно Кувейту, а эти деньги были крайне нужны из-за гуманитарного кризиса самому Ираку и для восстановления страны, особенно после того как его покинули американские фирмы, промотав деньги, выделенные на помощь. Мандат Бейкера предполагал уменьшение долга Ирака на 90—95 процентов, вместо этого долг был всего-навсего реструктурирован, и он до сих пор составляет 99 процентов ВВП страны³⁰.

Другие ключевые аспекты программы развития Ирака также находились в руках внештатных послов, которые работали в компаниях, получавших доходы от войны. Бывший государственный секретарь Джордж Шульц возглавил Комиссию по освобождению Ирака,

³⁰ Leigh D. Carlyle Pulls Out of Iraq Debt Recovery Consortium // *Guardian*. London. 2004. October 15; Payment of Compensation. United Nations Compensation Commission. Press releases, 2005—2006, www.unog.ch; Klein N. James Baker's Double Life; Data Sheet for Iraq / World Bank. 2006. October 23, www.worldbank.org.

группу лоббистов, сформированную в 2002 году по просьбе администрации Буша, которая должна была объяснить причину войны публике. Шульц без колебаний на это согласился. Поскольку он был относительно независим от правительства, он мог свободно раздувать панику по поводу надвигающейся угрозы со стороны Саддама, не обременяя себя доказательствами или фактами. «Если у вас во дворе ползает гремучая змея, вы не ждете ее нападения, а сразу приступаете к самозащите», — писал он в газете *Washington Post* в сентябре 2002 года в статье под заголовком «Пора действовать. Нам грозит опасность. Необходимо избавиться от Саддама Хусейна». Однако Шульц не сказал читателям, что на тот момент он входил в совет директоров компании Bechtel, а до того много лет был ее генеральным директором. Эта компания должна была собрать 2,3 миллиарда долларов на реконструкцию страны, которую Шульц призывал разрушить³¹. Поэтому задним числом хочется спросить: когда Шульц призывал мир «действовать», он выступал в качестве государственного мужа либо же представителя Bechtel или Lockheed Martin?

По словам Дэниэлы Брайен, исполнительного директора Проекта по наблюдению за деятельностью правительства, некоммерческой группы контроля, «невозможно сказать, где кончается правительство и начинается Lockheed». Еще труднее сказать, где кончается Lockheed и начинается Комиссия по освобождению Ирака. Группа для поддержки войны, которую возглавлял Шульц, была создана Брюсом Джексоном, который всего за три месяца до этого работал вице-президентом по стратегии и планированию в Lockheed Martin. Джексон говорит, что он сделал это по просьбе «людей из Белого дома», включив в нее многих своих старых знакомых из Lockheed. Кроме Джексона, туда вошли Чарльз Купперман, вице-президент по космическим и стратегическим ракетам, и Дуглас Грэхэм, отвечающий за системы защиты. И хотя комиссия была создана по прямому поручению Белого дома для пропаганды войны, ни от кого не потребовали покинуть Lockheed или избавиться от акций компании. Это принесло великолепную прибыль членам комиссии, поскольку благодаря войне, которую они помогали организовывать, стоимость акций Lockheed подскочила

³¹ *Schmitt E.* New Group Will Lobby for Change in Iraqi Rule // *New York Times*. 2002. November 15; *Shultz G.P.* Act Now // *Washington Post*. 2002. September 6; *Esteve H.* Ex-Secretary Stumps for Gubernatorial Hopeful // *Oregonian*. Portland. 2002. February 12; *Baker D.R.* Bechtel Pulling Out after 3 Rough Years of Rebuilding Work // *San Francisco Chronicle*. 2006. November 1.

на 145 процентов: с 41 доллара в марте 2003 года до 102 долларов в феврале 2007 года³².

Среди советников был и Генри Киссинджер, в свое время начавший контрреволюцию с поддержки Пиночета. В своей книге «Государство отрицания», вышедшей в 2006 году, Боб Вудворд рассказывает, что Дик Чейни ежемесячно встречается с Киссинджером, а Буш — раз в два месяца, «что позволяет назвать Киссинджера одним из самых активных советников Буша по внешней политике». Чейни говорил Вудворду: «Кажется, я разговариваю с Генри Киссинджером чаще, чем с кем-либо еще»³³.

Но кого именно представляет Киссинджер на этих встречах высшего уровня? Подобно Бейкеру или Шульцу, он был государственным секретарем, но с тех пор прошло уже три десятилетия. После 1982 года, когда он основал свою частную и тайную компанию Kissinger Associates, он стал представителем множества самых разных компаний: Coca-Cola и Union Carbide, Hunt Oil или монстра инженерии Fluor (которая получила один из крупнейших контрактов на восстановление Ирака) или даже своего давнего партнера по секретной деятельности в Чили ИТТ³⁴. И когда он встречался с Чейни, кем он был: опытным государственным мужем или же высокооплачиваемым лоббистом интересов своих клиентов — нефтяных и инженерных компаний?

Киссинджер открыто продемонстрировал, чему он отдает предпочтение, в ноябре 2002 года, когда Буш назначил его главой Комиссии по 11 сентября — возможно, это самая важная роль для любого патристического политика, ушедшего в отставку. Однако когда семьи жертв теракта попросили Киссинджера представить список его корпоративных клиентов, чтобы можно было выявить потенциальные конфликты интересов, он не согласился пойти навстречу и совершить жест, показывающий его надежность и открытость. Вместо того чтобы назвать своих клиентов, Киссинджер отказался возглавить комиссию³⁵.

³² *Weiner T.* Lockheed and the Future of Warfare; *Schmitt E.* New Group Will Lobby for Change in Iraqi Rule; *Laughland J.* The Prague Racket // *Guardian*. London. 2002. November 22; *Judis J.B.* Minister without Portfolio // *The American Prospect*. 2003. May; Stock Price Details // Lockheed Martin, Investor Relations, www.lockheedmartin.com.

³³ *Woodward B.* State of Denial. New York: Simon & Schuster, 2006. Pp. 406—407.

³⁴ *Dao J.* Making a Return to the Political Stage // *New York Times*. 2002. November 28; *Gelb L.H.* Kissinger Means Business // *New York Times*. 1986. April 20; *Gerth J.* Ethics Disclosure Filed with Panel // *New York Times*. 1989. March 9.

³⁵ *Harding J.* Kissinger Second Take // *Financial Times*. London. 2002. December 14.

Год спустя Ричард Перл, друг и партнер Киссинджера по бизнесу, сделал точно такой же выбор. Когда-то Перл работал в Министерстве обороны при Рейгане, и теперь Рамсфельд предложил ему возглавить Совет по обороне. До прихода Перла этот совет включал неприметных консультантов, которые могли поделиться своим прошлым опытом с нынешней администрацией. Перл превратил его в свою персональную платформу, от имени Совета приводя агрессивные аргументы в пользу превентивного нападения на Ирак. Он использовал Совет и иным способом. Как показало расследование Сеймора Херша, проведенное для журнала *The New Yorker*, Перл использовал свою должность, чтобы добиться финансирования своей новой компании. Перл был представителем капитализма катастроф, возникшего после 11 сентября; уже через два месяца после терактов он основал венчурную фирму *Trireme Partners*, которая инвестирует в компании, производящие оборонную продукцию или оказывающие услуги в сфере национальной безопасности. В деловых письмах *Trireme* хвалится своими политическими контактами: «Трое членов руководства *Trireme* сегодня являются консультантами министра обороны США, работая в Совете обороны». Это сам Перл, его приятель Джеральд Хиллмен и Генри Киссинджер³⁶.

Одним из первых инвесторов Перла была *Boeing* — второй из крупнейших подрядчиков Пентагона, — которая внесла 20 миллионов долларов, чтобы *Trireme* могла существовать. Перл выделялся как энтузиаст компании *Boeing*, он писал статьи, в которых защищал эту компанию в связи с получением сомнительного контракта от Пентагона на строительство авиазаправщиков в 17 миллиардов долларов³⁷.

³⁶ *Hersh S.M. Lunch with the Chairman // The New Yorker. 2003. March 17.*

³⁷ Там же; *Donnelly T., Perle R. Gas Stations in the Sky // Wall Street Journal. 2003. August 14.* Сделка по строительству авиазаправщиков обернулась величайшим скандалом за последние несколько лет существования Пентагона, в результате чего один высокопоставленный служащий Министерства обороны и один руководитель *Boeing* оказались в тюрьме. Чиновник вел переговоры о работе в *Boeing* по завершению сделки. В процессе расследования Рамсфельду был задан вопрос о том, каким образом он мог пропустить подобные махинации в своем ведомстве. Он ответил, что не может вспомнить, какую роль он играл в заключении контракта на сумму от 17 до 30 миллиардов долларов налогоплательщиков. «Не помню, чтобы я его одобрил. Но определенно не помню и того, чтобы я не высказывал одобрения, если быть точным». Рамсфельда критиковали за дурную работу, но его забывчивость может свидетельствовать и о том, как часто министру обороны приходилось устраниваться от обсуждения сделок, чтобы избежать явного конфликта интересов, учитывая его значитель-

Перл подробно рассказал своим инвесторам все, что касается его работы в Пентагоне, зато некоторые из его коллег по Совету обороны пожаловались, что им он не рассказывал про *Trireme*. Кто-то сказал, что слушание, посвященное этой компании, проходило «на грани этически допустимого». В итоге были выявлены важнейшие зоны конфликтов интересов и Перлу, как ранее Киссинджеру, предложили выбор: заниматься обороной или получать доходы от войны против террора. В марте 2003 года, когда началась война в Ираке и на подрядчиков должны были посыпаться огромные деньги, Перл сложил с себя обязанности главы Совета обороны³⁸.

Ричард Перл выходит из себя, когда слышит, что его энтузиазм по поводу масштабной войны до полной победы над злом каким-либо образом связан с тем, насколько высокие доходы он лично получает от этой войны. Вольф Блитцер на CNN вспомнил слова Херша о том, что Перл «создал компанию, которой потенциально выгодна война». Это всем казалось очевидным, но Перл в ответ взорвался и назвал лауреата Пулитцеровской премии Херша «американским журналистом, который, если честно, ближе всех стоит к террористам». Перл сказал Блитцеру: «Я не думаю, что компании выгодна война... Идея о том, что на мои представления как-то повлияли мысли о потенциальных инвестициях в национальную безопасность, — это полный вздор»³⁹.

Это было очень странное заявление. Если фирма венчурного капитала для инвестиций в сфере безопасности и обороны не планирует получать доходы от войны, она просто лишится инвесторов. Этот эпизод вызывает более широкий вопрос о том, какую роль играют деятели вроде Перла, который существует в мутной зоне между капитализмом катастроф, гражданским обществом и государственной политикой. Если бы руководители компаний *Lockheed* или *Boeing* пришли на передачу *Fox News* и начали говорить о необходимости смены режима в Иране (как это делал Перл), явная корыстная заинтересованность выступавших перечеркнула бы весомость любых их разумных аргу-

ный капитал в сфере оборонной индустрии. *Smith R.J.* Tanker Inquiry Finds Rumsfeld's Attention Was Elsewhere // *Washington Post*. 2006. June 20; *Capaccio T.* Boeing Proposes Bonds for 767 Lease Deal // *Seattle Times*. 2003. March 4.

³⁸ *Hersh S.M.* Lunch with the Chairman; *Hamburger T., Berman D.* U.S. Adviser Perle Resigns as Head of Defense Board // *Wall Street Journal*. 2003. March 28.

³⁹ Интервью с Ричардом Перлом 9 марта 2003 года // *CNN: Late Edition with Wolf Blitzer*. 2003. March 9.

ментов. Однако Перл продолжает представляться «аналитиком» или советником Пентагона, возможно даже неоконсерватором, но никто не предполагает, что это, быть может, просто обычный торговец оружием с хорошо подвешенным языком.

Но когда любому члену вашингтонской клики задают вопросы о корыстной заинтересованности в войне, которую они пропагандируют, они всегда отвечают точно так же, как Перл: подобная мысль абсурдна, глупа и служит на пользу террористам. Так называемые неоконсерваторы, к которым относятся Чейни, Рамсфельд, Шульц, Джексон и, по моему мнению, Киссинджер, тратят много сил на то, чтобы представить себя чистыми интеллектуалами или суровыми реалистами, руководствующимися идеологией и великими мечтами, а не такой прозаической вещью, как прибыль. Брюс Джексон, например, уверяет, что компания Lockheed не одобряет его участия во внешней политике. Перл заявил, что его сотрудничество с Пентагоном наносит ущерб его бизнесу, поскольку это означает, «что есть вещи, которые ты не вправе сказать или сделать». Партнер Перла Джеральд Хиллмен настаивает на том, что Перлом «движут не деньги. У него нет намерения получить финансовую выгоду». Дуглас Фейт, помощник министра обороны США по политическим вопросам, заверял, что «бывшие связи вице-президента [с компанией Halliburton] заставляют правительство настороженно относиться к контрактам и неохотно на них соглашаться, хотя ранее их постоянно и не без оснований получала KBR [Kellog, Brown and Root, бывшая дочерняя компания Halliburton]»⁴⁰.

Даже самые ревностные их критики изображают неоконсерваторов как истинных верующих, единственным мотивом деятельности которых является приверженность идее превосходства Америки и Израиля, и эта идея их поглощает настолько, что они даже готовы пожертвовать экономическими интересами ради «безопасности». Но это отделение идеологии от интересов искусственно и страдает от исторической амнезии. Право стремиться получать ничем не ограниченную прибыль всегда было центральным элементом идеологии неоконсерваторов. До 11 сентября неоконсервативное движение лелеяло мысль о радикальной приватизации и сокращении социальных расходов — чистые идеи Фридмана, разрабатывающиеся в таких моз-

⁴⁰ *Judis J.B.* Minister without Portfolio; *Hilzenrath D.S.* Richard N. Perle's Many Business Ventures Followed His Years as a Defense Official // *Washington Post*. 2004. May 24; *Hersh S.M.* Lunch with the Chairman; *Miller T.C.* Blood Money, p. 73.

говых центрах, как Американский институт предпринимательства, фонд Heritage и Институт Катона.

После объявления войны против террора неоконсерваторы не оставили своих корпоративистских экономических целей, но нашли новый и даже более эффективный путь их достижения. Разумеется, вашингтонские ястребы стремятся к имперскому господству США над миром и Израиля над Ближним Востоком. Однако невозможно отделить этот милитаристский проект — бесконечную войну за границей и государство безопасности в США — от интересов комплекса капитализма катастроф, который создал многомиллиардную индустрию на той же основе. И нигде это смешение политики и корысти не проявилось столь ярко, как на полях сражений Ирака.

ИРАК. КРУГ ЗАМКНУЛСЯ:

ШОК ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ

Один из аспектов риска операций на основе шока заключается в вероятности возникновения «незапланированных последствий», то есть развития реакций, которые не ожидались. Например, массированное разрушение инфраструктур страны, электрической сети или экономической системы может создать такое тяжелое положение, что в результате воля к сопротивлению у страны противника может не снизиться, а напротив, возрасти. Подполковник Джон Н.Т. Шенахен «Операции на основе шока», журнал *Air & Space Power*, 15 октября 2001 г.

Прямая физическая жестокость вызывает только негодование, враждебность и дальнейшее нежелание сотрудничать... Допрашиваемый, который перенес боль, труднее поддается другим методам воздействия. В результате, вместо того чтобы подавить волю субъекта, это увеличивает его веру в себя и его самостоятельность. «Допрос в контрразведке по методике Kubark» (Kubark Counterintelligence Interrogation), руководство ЦРУ, 1963 г.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

ОПУСТОШЕНИЕ ИРАКА:

В ПОИСКАХ «ОБРАЗЦА» ДЛЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Интровертированного шизофреника или меланхолика можно сравнить с городом, окруженным стеной, который закрыл свои ворота и отказывается торговать с окружающим миром... Когда в стене пробивается брешь, взаимоотношения с миром восстанавливаются. К сожалению, мы не в состоянии контролировать размер повреждений при такой бомбардировке.

Эндрю М. Уайлли, английский психиатр, об электро-судорожной терапии, 1940 г.¹

Думаю, в мире после 11 сентября благоразумное использование насилия может оказывать терапевтическое действие.

Ричард Коэн, обозреватель газеты *Washington Post*, о том, почему он поддерживает вторжение в Ирак²

Был март 2004 года. Я не успела пробыть в Багдаде и трех часов, и меня преследовали неудачи. Во-первых, не было нашей машины около контрольного пункта аэропорта, и мне с моим фотографом Эндрю Стерном пришлось ехать на попутке по «самой опасной дороге в мире», как ее называли. В деловом районе Карада нас окликнул Майкл Бирмингем, ирландский активист движения за мир, который приехал в Багдад еще до вторжения. Я спросила, мо-

¹ *Wyllie A.M. Convulsion Therapy of the Psychoses // Journal of Mental Science 86. 1940. March. P. 248.*

² *Cohen R. The Lingo of Vietnam // Washington Post. 2006. November 21.*

жет ли он познакомить меня с иракцами, которых волнуют планы приватизации их экономики. «Никто сейчас не думает о приватизации, — ответил Майкл. — Их заботит просто выживание».

У нас возник напряженный спор об этичности исследования политических вопросов в зоне военных действий. Майкл не говорил, что жители Ирака поддерживают программу приватизации — но лишь то, что сейчас у большинства людей есть более неотложные заботы. Их волнуют бомбы, разрушающие мечети, или судьба пропавшего родственника, который исчез в тюрьме Абу-Грейб, управляемой США. Они думают, где взять завтра воду, чтобы попить и умыться, а не о том, что иностранная компания хочет приватизировать водоснабжение, чтобы через год продавать им эту же воду. Задача постороннего, по мнению Майкла, — регистрировать реальности войны и оккупации, а не решать вопросы о послевоенных приоритетах Ирака.

Я защищалась как могла, указывая на то, что распродажа страны компаниям Bechtel и ExxonMobil отнюдь не лучшая идея, а эта программа уже начала осуществляться под руководством верховного посла Белого дома в Ираке Л. Пола Бремера-третьего. Месяцами я слышала об аукционах по продаже государственного имущества Ирака на сюрреалистических аукционах в конференц-залах отелей, где торговцы бронезилями пугали бизнесменов рассказами об отрезанных руках и ногах, в то время как официальные торговые представители США заверяли, что на деле все там не так плохо, как это показывает телевидение. «Наилучшее время для инвестиций — пока еще земля не просохла от крови», — с полной серьезностью заявил мне один из участников конференции «Восстановление Ирака—2» в Вашингтоне.

Тот факт, что в Багдаде трудно было найти людей, желающих поговорить об экономике, неудивителен. Авторы вторжения в Ирак были строгими приверженцами доктрины шока — они понимали, что, пока иракцев заботят острые повседневные проблемы, можно незаметно распродать страну с аукциона, объявив о результатах уже тогда, когда сделка состоится. Мы, журналисты и активисты, устали наблюдать за драматичными атаками, забыв о том, что люди, которые более всего от этого выигрывают, никогда не показываются на поле сражения. А богатства Ирака были огромными: это не только третьи по величине запасы нефти в мире, но и территория, которая оставалась одним из последних бастионов противников попытки построить тут свободный рынок неограниченного капитализма по замыслу Фридмана.

Крестоносцы уже покорили Латинскую Америку, Африку, Восточную Европу и Азию, и теперь арабский мир стал последним полем битвы.

Пока мы дискутировали с Майклом, Эндрю вышел покурить на балкон. Как только он открыл стеклянную дверь, какая-то сила как будто вытянула из комнаты весь воздух. За окном в воздухе висел огромный огненный шар цвета лавы, темно-красный с черными пятнами. Мы схватили в руки обувь и в одних носках сбежали по лестнице на пять этажей. Холл был усыпан осколками стекла. На углу улицы лежали руины отеля «Гора Ливан» и соседних домов, разрушенных взрывом 500-килограммовой бомбы; оказалось, это был самый большой налет такого рода после окончания войны.

Эндрю кинулся к обломкам со своей камерой; я попыталась усидеть на месте, но затем последовала за ним. Проведя всего три часа в Багдаде, я уже нарушила собственное правило: никакой охоты за взрывами. Вернувшись в отель, я увидела, что все репортеры и сотрудники неправительственных организаций пьют арак, пытаются прийти в себя. Все с ухмылками смотрели на меня и восклицали: «Добро пожаловать в Багдад!» Я переглянулась с Майклом, и мы оба без слов поняли, что в споре оказался прав именно он. Последнее слово оставалось за самой войной: «Тут программу разрабатывают бомбы, а не журналисты». Так оно и было. Взрыв не только высасывает кислород своим вихрем, он требует всего: нашего внимания, нашего сочувствия, нашей ярости.

Этим вечером я думала о Клаудии Акунья, блестящей журналистке, с которой я два года назад встретила в Буэнос-Айресе и которая подарила мне копию «Открытого письма от писателя военной хунте» Родольфо Вальша. Она предупреждала меня, что крайняя степень жестокости мешает нам замечать, каким интересам эта жестокость служит. Отчасти это уже произошло с антивоенным движением. Наши объяснения причин войны обычно односложны: нефть, Израиль, Halliburton. Большинство из нас видят в войне акт безумия президента, который вообразил себя императором, и его британских соратников, которые хотят оказаться в истории среди победителей. И мало кто думает о том, что эта война является рациональным политическим выбором и ее организаторы именно потому и действуют так свирепо, что закрытую экономику Ближнего Востока невозможно взломать мирными средствами, и уровень террора тут соответствует высокой ставке игры.

Вторжение в Ирак в глазах публики оправдывали страхом перед оружием массового поражения, потому что, как сказал Пол Вулфовиц, ОМП — «это такая вещь, относительно которой все согласны», другими словами, тут использовался наименьший общий знаменатель³. Некоторые же интеллектуальные защитники войны выдвигали более утонченные резоны — гипотезу «образца». Хитроумные сторонники этой теории — многие из них отождествляли себя с неоконсерваторами — говорили, что терроризм исходит из разных точек арабского и мусульманского мира: террористы, захватившие самолеты 11 сентября, были из Саудовской Аравии, Египта, Объединенных Арабских Эмиратов и Ливана; Иран поддерживал «Хезболлу», Сирия скрывала у себя руководство «Хамаса», Ирак посылал деньги семьям погибших смертников из Палестины. Приверженцы войны, которые смешивали нападения на Израиль с нападениями на США, как будто между ними нет никакой разницы, считали, что этих фактов достаточно, чтобы объявить весь регион питательной средой терроризма.

Что же именно в этой части мира, спрашивали они себя, порождает терроризм? Идеологическая слепота не позволяла им увидеть, как политика США или Израиля влияет на эту проблему — если не сказать определяет. Поэтому они увидели тут другое — в этом регионе не хватало демократии со свободным рынком⁴.

Поскольку нельзя сразу покорить весь арабский мир, следует выбрать одну страну, которая станет катализатором нужных процессов. США завоюют эту страну и превратят ее, по словам Томаса Фридмана, в «иную модель в самой сердцевине арабского и мусульманского мира», откуда в свою очередь демократические неолиберальные волны будут распространяться по всему региону. Джошуа Муравчик из Американского института предпринимательства предсказывал, что это будет «цунами по всему исламскому миру» в «Те-

³ Интервью заместителя госсекретаря США Пола Вулфовица Сэму Танненхаузу 9 мая 2003 года // *Vanity Fair. News Transcript*, www.defenselink.mil.

⁴ Волна свободного рынка обошла стороной этот регион в силу нескольких причин. Самые богатые страны: Кувейт, Саудовская Аравия, Эмираты — получали так много денег за нефть, что оставались свободными от долгов, а потому не попали в тиски МВФ (например, 84 процента экономики Саудовской Аравии находится в руках государства). Ирак же был обременен огромными долгами, накопившимися во время войны с Ираном, но как раз в начале эры глобализации закончилась первая война в Заливе и Ирак оказался под действием жестких санкций: там не было не только «свободной торговли», но и буквально никакой легальной торговли вообще. 2007 *Index of Economic Freedom*. Washington, DC: Heritage Foundation // *Wall Street Journal*, 2007. P. 326, www.heritage.org.

геране и Багдаде», а крайне консервативный советник администрации Буша Майкл Ледин говорил, что это будет «война за переделку мира»⁵.

Согласно внутренней логике такой теории борьба с терроризмом, расширение границ капитализма и проведение выборов были элементами единого проекта. Ближний Восток будет «очищен» от террористов, возникнет огромная зона свободной торговли, а затем этот процесс закрепят состоявшиеся после преобразований выборы — три в одном, специальное предложение. Позже Джордж Буш выразил всю эту программу проще: «распространение свободы по проблемному региону», и многие ошибочно думали, что это идеалист мечтает о демократии⁶. Но то была свобода иного рода — свобода, предложенная Чили в 1970-х или России в 1990-х, — свобода западных транснациональных монополий проглотить части только что приватизированного государства. Именно это было сущностью теории образца. Президент дал это понять с полной ясностью через восемь дней после того, когда было объявлено об окончании основного сражения в Ираке и он сообщил о планах «создания зоны свободной торговли между США и Ближним Востоком в течение

⁵ *Friedman T.L.* The Long Bomb // *New York Times*. 2003. March 2; *Muravchik J.* Democracy's Quiet Victory // *New York Times*. 2002. August 19; *Dreyfuss R.* Just the Beginning // *American Prospect*. 2003. April 1. Мысль о том, что отказ от «вашингтонского консенсуса» — адекватный повод для иностранного вторжения, может показаться крайне искусственной, но уже был такой прецедент. Когда в 1999 году НАТО бомбило Белград, официально это оправдывали злостными нарушениями прав человека со стороны Слободана Милошевича, которые напугали весь мир. Но через несколько лет после войны в Косово Строби Тэлбот, заместитель госсекретаря при Клинтоне и главный участник переговоров со стороны США во время войны, дал этому событию более прозаическое объяснение, на что мало кто обратил внимание. «Страны этого региона стремились к экономическим реформам, смягчению этнических конфликтов, построению гражданского общества. Белград же постоянно двигался в противоположном направлении, поэтому не приходится удивляться, что на этом пути НАТО столкнулось с Югославией. Именно сопротивление Югославии широким политическим и экономическим реформам, а не положение косовских албанцев лучше всего позволяет объяснить войну, развязанную НАТО». Это признание содержится в книге, вышедшей в 2005 году под названием «Столкновение: НАТО, Россия и Косово» (*Collision Course: NATO, Russia, and Kosovo*), написанной бывшим директором по связям Тальботта Джоном Норрисом; *Norris J.* *Collision Course: NATO, Russia, and Kosovo*. Westport, CT: Praeger, 2005. Pp. xxii—xxiii.

⁶ *Bush G.W.* President Discusses Education, Entrepreneurship & Home Ownership at Indiana Black Expo // *Indianapolis*. Indiana. 2005. July 14.

десятилетия»⁷. Дочь Дика Чейни и ветеран экспериментов шоковой терапии в странах бывшего Советского Союза Лиз возглавила этот проект.

После 11 сентября идея вторжения в арабскую страну для превращения ее в образцовое государство становилась все популярнее, однако страну выбрали не сразу, упоминались Ирак, Сирия и Египет, а Майкл Ледин предпочитал думать о вторжении в Иран. Но Ирак обладал неоспоримыми преимуществами. Кроме богатых нефтяных запасов страна располагалась в центре региона, что делало ее удобной для военных баз, тогда как Саудовская Аравия становилась менее надежной, а поскольку Саддам применял химическое оружие против собственного народа, его было легко ненавидеть. Был и еще один фактор, который часто упускают из вида: Ирак был относительно знакомой страной.

Война в Персидском заливе 1991 года была последней крупной наземной операцией, в которой участвовали сотни тысяч людей, и в течение последующих 12 лет Пентагон использовал эту битву как образец на семинарах и тренингах или для разработки учебных игр. В результате осмысления прошлого опыта среди прочего появилась статья под названием «Шок и трепет: быстрое достижение господства» (*Shock and Awe: Achieving Rapid Dominance*), которая привлекла к себе внимание Дональда Рамсфельда. Она была написана в 1996 году группой военных стратегов из Национального университета обороны и претендовала на освещение глобальной военной доктрины, хотя на самом деле это был как бы новый вариант войны в Заливе. Ее основной автор, Харлан Ульман, военный специалист в отставке, говорил, что начало этому проекту положил генерал Чак Хорнер, командовавший авиацией во время вторжения 1991 года. Когда его спросили о самом крупном разочаровании в процессе борьбы с Саддамом Хусейном, он ответил, что не знал, куда «воткнуть иголку», чтобы армия Ирака лопнула. «Доктрина “Шок и трепет”, — пишет Ульман (который и изобрел само это выражение), — была создана как ответ на вопрос: если бы нам нужно было повторить операцию “Буря в пустыне”, каким образом мы могли бы победить в сражении вдвое быстрее, используя намного меньше воинских частей? ...Ключ к успеху таков: надо найти точки для иголки Хорнера, те места, при поражении которых враг будет немедленно

⁷ *Chen E., Reynolds M. Bush Seeks U.S. — Mideast Trade Zone to Bring Peace, Prosperity to Region // Los Angeles Times. 2003. May 10.*

разбит»⁸. Авторы были убеждены, что, если бы им представился шанс сразиться с Саддамом еще раз, теперь им было бы намного легче найти эти точки приложения сил благодаря спутниковым технологиям и значительному увеличению точности оружия, что позволит втыкать «иголки» с беспрецедентной аккуратностью.

У вторжения в Ирак было и еще одно преимущество. Пока американские военные играли с идеями о повторной «Буре в пустыне» на основе обновления технологий, эквивалентного, по словам одного комментатора, «переходу от игрового компьютера Atari к PlayStation», военный аппарат Ирака приходил в негодность на фоне международных санкций и был практически демонтирован из-за программ ООН наблюдения за вооружением⁹. А это означало, что — по сравнению с Ираном или Сирией — Ирак был таким противником, которого легче всего победить.

Томас Фридман прямолинейно высказывался о том, что означало для Ирака стать таким образцом. Он писал: «В Ираке мы занимаемся не строительством страны. Мы занимаемся созданием страны», — как если бы задача выбрать большую богатую нефтью арабскую страну, чтобы создать ее с нуля, была чем-то естественным или даже «почетным» в XXI веке¹⁰. Фридман принадлежит к многочисленным сторонникам быстрой войны, которые затем начали уверять, что им и в голову не приходило, какой кровавой бойней обернется вторжение. Ирак не был пустым местом на карте, там была и остается культура столь же древняя, как сама цивилизация, а также живое презрение к империализму, сильный арабский национализм и глубокие религиозные убеждения. Вдобавок большинство мужчин в этой стране получили военную подготовку. Если в Ираке должно было произойти «создание страны», то что должно было случиться с той страной, которая там уже была? С самого начала многим казалось, что старая страна по большей части просто исчезнет, чтобы очистить место для великого эксперимента. За этой идеей стояла крайняя жестокость колониализма.

Тридцать лет назад, когда чикагская школа впервые смогла перенести свою контрреволюцию из учебников в реальный мир, это также было попыткой стереть с лица земли страны и построить на пустом месте нечто новое. Как Ирак в 2003, Чили в 1973 году хотели

⁸ Ullman H. «Shock and Awe» Misunderstood // *USA Today*. 2003. April 8.

⁹ Johnson P. Media's War Footing Looks Solid // *USA Today*. 2003. February 17.

¹⁰ Friedman T.L. What Were They Thinking? // *New York Times*. 2005. October 7.

сделать образцом для всего бунтующего континента, и на протяжении многих лет эта страна действительно служила моделью. Жестокие режимы, применявшие идеи чикагской школы в 70-х, поняли, что для создания идеальных новых стран в Чили, Аргентине, Уругвае и Бразилии необходимо искоренить многие группы людей вместе с их культурой.

В странах, пострадавших от политической чистки, появляется общественное желание разобраться с историей такого насилия — там возникают комиссии и расследования, раскапывают секретные захоронения и начинают проводить судебные процессы по поводу военных преступлений. Но хунты Латинской Америки действовали не самостоятельно: их направлял и поддерживал Вашингтон, и до, и после переворотов, и об этом свидетельствуют многочисленные документы. Так, во время переворота 1976 года в Аргентине, когда были схвачены тысячи молодых активистов, хунта получала щедрую финансовую поддержку Вашингтона (как сказал Киссинджер, «если вам необходимо что-то делать, делайте это побыстрее»)¹¹. В тот год президентом был Джеральд Форд, Дик Чейни был начальником штаба армии, Дональд Рамсфельд — министром обороны, а Киссинджеру тогда помогал честолюбивый молодой человек Пол Бремер. Этих людей никто не обвинял в том, что они поддерживали хунты, и они могли делать успешную карьеру на протяжении многих лет. Так что они снова собрались вместе три десятилетия спустя, чтобы осуществить удивительно похожий — но только более жестокий — эксперимент в Ираке.

В своей речи, сказанной в момент инаугурации, Джордж Буш назвал период между окончанием холодной войны и началом войны против террора «годами покоя, годами субботнего отдыха — а затем настал день огня»¹². Вторжение в Ирак обозначило возобновление жестокого крестового похода прежних дней с теми же методами — использованием сильнейшего шока, который сметает все препятствия и расчищает место для создания образцового корпоративистского государства, свободного от любых посторонних вмешательств.

Психиатр Эвен Кэмерон, работавший при финансовой поддержке ЦРУ, пытался «избавить» от навязчивых состояний своих пациентов,

¹¹ Memorandum of Conversation. 1976. June 10. United States Department of State, declassified, www.gwu.edu/~nsarchiv.

¹² Джордж Буш. Речь на церемонии инаугурации, 20 января 2005 года.

углубляя их регрессию до инфантильного состояния, верил, что если этому способствует слабый шок, значит, сильный шок будет еще эффективнее. Он атаковал мозг всеми возможными способами: электричеством, галлюциногенами, сенсорной депривацией, сенсорной перегрузкой, — любым средством, которое позволило бы стереть все, что там было, и создать условия «чистого листа», на котором можно было бы напечатать новые мысли и новые модели поведения. Точно такой же была и стратегия вторжения и оккупации в Ираке, только масштаб побольше. Организаторы этой войны осмотрели свой арсенал шоковых тактик и решили применить их все. Это молниеносные бомбардировки в сочетании с тщательно продуманными психологическими операциями, а вслед за этим быстрейшая и самая масштабная политическая и экономическая шоковая терапия из всех, когда-либо осуществленных, и наконец, в случае сопротивления, облавы на мятежников, которые будут подвергнуты откровенному насилию.

Часто люди, анализируя войну в Ираке, приходят к выводу, что вторжение прошло «успешно», но оккупация оказалась неудачей. Однако при этом упускается из виду тот факт, что вторжение и оккупация являются двумя частями единой стратегии — первые бомбардировки были нужны для стирания основы, чтобы взамен заложить новый фундамент для развития страны.

Война как массовая пытка

Для стратегов, разрабатывавших в 2003 году вторжение в Ирак, ответ на вопрос «куда воткнуть иголки», похоже, звучал: повсюду. Во время Войны в Заливе 1991 года около 300 крылатых ракет «Томагавк» были использованы за пять недель. В 2003 году более 380 подобных ракет были запущены всего за один день. Между 20 марта и 2 мая, когда происходила «основная битва», американские военные сбросили на Ирак более 30 тысяч бомб, а также 20 тысяч высокоточных управляемых крылатых ракет — 67 процентов от всего количества когда-либо произведенных¹³.

«Я так боюсь, — говорила Ясмин Муса, мать троих детей, во время бомбежек. — Не проходит и одной минуты, как ты слышишь, что куда-то упала бомба. Во всем Ираке, наверное, не осталось и клочка

¹³ *Friedman N. Desert Victory: The War for Kuwait. Annapolis, MD: Naval Institute Press, 1991, p. 185; Gordon M.R., Trainor B.E. Cobra II: The Inside Story of the Invasion and Occupation of Iraq. New York: Pantheon Books, 2006. P. 551.*

земли, где можно чувствовать себя в безопасности»¹⁴. Это означало, что план «Шок и трепет» выполнял свою задачу. Открыто нарушая законы войны, которые запрещают коллективные наказания, военная доктрина «Шок и трепет» с гордостью декларирует, что ее мишенью являются не только военные силы противника, но и, как подчеркивают авторы, «общество в широком понимании» — и массовый страх играет тут роль важнейшей стратегии.

Другой отличительной характеристикой доктрины является четкое понимание войны как телеспектакля, который одновременно разыгрывают перед разными аудиториями: перед неприятелем, перед американцами, сидящими в своих домах, и перед любым другим потенциальным врагом. «Когда результаты таких атак транслируются в реальном времени по CNN, они оказывают важное позитивное воздействие на союзников и негативное — на потенциальных противников», говорится в руководстве «Шок и трепет»¹⁵. С самого начала вторжение было задумано как послание Вашингтона всему миру на языке вспышек и оглушительных звуков взрывов, от которых трясется город. В своей книге «Доктрина одного процента» (*The One Percent Doctrine*) Рон Сускинд объясняет, что для Рамсфельда и Чейни «важнейшим импульсом вторжения в Ирак» послужило желание «устроить демонстрацию для любой страны, которая отважится приобрести вооружение массового поражения или хотя бы игнорировать авторитет Соединенных Штатов». Это была уже не столько стратегия войны, сколько «глобальный эксперимент по управлению человеческим поведением»¹⁶.

Война — это всегда немного спектакль и непременно сообщение для масс, но Рамсфельд со своими знаниями технологий и медиа, приобретенными в мире бизнеса, сделал маркетинг страха самой сутью военной доктрины США. Во время холодной войны ядерная атака составляла сущность стратегии сдерживания, но все понимали, что ядерные ракеты должны оставаться в своих шахтах. Нападение же на Ирак носило иной характер: Рамсфельд использовал почти все, кроме ядерной бомбы, чтобы это зрелище действовало на восприятие,

¹⁴ Shadid A. *Night Draws Near: Iraq's People in the Shadow of America's War*. New York: Henry Holt, 2005. P. 95. Цитируется с разрешения автора.

¹⁵ Война в Заливе 1991 года была первой войной, транслируемой по CNN, но тогда идея живого репортажа по 24 часа в сутки была еще достаточно новой, поэтому военные не освоили ее полностью как часть военной стратегии.

¹⁶ Ullman H.K., Wade J.P. *Shock and Awe*, p. 55; Suskind R. *The One Percent Doctrine: Deep Inside America's Pursuit of Its Enemies Since 9/11*. New York: Simon & Schuster, 2006. Pp. 123, 214.

играло на нервах и передавало сообщения, которые надолго останутся в памяти, при этом цели тщательно подбирались с точки зрения их символического смысла и телегенности. В этом смысле война по замыслам Рамсфельда, часть его проекта «трансформации», гораздо меньше походила на полевые стратегии генералов (они постоянно пытались снизить его стремительность) для сражения «стенка на стенку», чем на атаку террористов, которым Рамсфельд объявил вечную войну. Террористы достигают своих целей не с помощью прямого столкновения, они пытаются воздействовать на дух общества, устраивая шоу, которые одновременно демонстрируют как уязвимость их противника, так и безжалостность самих террористов. Такого рода концепция стояла как за терактами 11 сентября, так и за вторжением в Ирак.

Часто доктрину «Шок и трепет» описывают как стратегию парализующего обстрела, но ее авторы видят тут нечто большее: по их мнению, это разработанная психологическая программа, направленная «непосредственно на общественное сопротивление противника». И эти средства нам уже знакомы по другому ответвлению американского военного комплекса — это сенсорная депривация и сенсорная перегрузка, которые позволяют вызвать дезориентацию и регрессию. Явно переключаясь с учебником ЦРУ по допросам, «Шок и трепет» излагает: «Грубо говоря, быстрое достижение господства предполагает контроль над окружающей средой и возможность парализовать противника либо перегрузить его восприятие и способность к пониманию ситуации». Цель всего этого — «сделать противника совершенно недееспособным». Сюда входят такие стратегии, как «манипуляция в реальном времени вводом информации и ощущениями... Можно почти буквально “включать и выключать освещение”, которое позволяет потенциальному агрессору видеть и оценивать состояние и события, связанные с его силами и, в конце концов, с его обществом», можно также «лишить противника возможности сообщения или наблюдения в специфических сферах»¹⁷. Таким образом, Ирак подвергли пытке, продолжавшейся месяцами, и этот процесс начался еще до взрыва первой упавшей бомбы.

Нагнетание страха

В 2002 году агенты США задержали гражданина Канады Махера Арара в аэропорту имени Кеннеди и доставили его в рамках «чрезвычайной выдачи» в Сирию, где подвергли допросу на основе давно

¹⁷ Ullman H.K., Wade J.P. Shock and Awe, pp. xxv, 17, 23, 29.

проверенной техники пыток. «Меня посадили на стул, — рассказывал Арап, — и один из них начал задавать мне вопросы... Если я не отвечал достаточно быстро, он указывал на металлическое кресло в углу и спрашивал: “Хочешь, чтобы мне пришлось использовать это?” Я был в ужасе, хотел избежать пытки и был готов признаться во всем, лишь бы меня не пытали»¹⁸. Техника, которую применяли допрашивающие, называется «демонстрация инструментов» или, на жаргоне американских военных, «нагнетание страха». Палачи понимают, что их сильнейшее оружие — собственное воображение узника, и часто демонстрация орудия пытки действует куда эффективнее, чем его реальное применение.

С приближением намеченного срока вторжения в Ирак американские СМИ по заданию Пентагона занимались «нагнетанием страха». За два месяца до начала войны канал CBS News начал выпуск новостей с таких слов: «Это называют “день А”. Буква “А” означает авианалет с бомбардировками столь опустошительными, что солдаты Саддама больше не смогут или не захотят сражаться». Далее перед зрителями выступил Харлан Ульман, создатель доктрины «Шок и трепет». Он сообщил, что «это будет комплексное воздействие, подобное ядерному взрыву в Хиросиме — оно займет не дни и недели, но считанные минуты». В заключение ведущий передачи Дэн Ратер заверил аудиторию: «Наш репортаж не содержал информации, которая могла бы, по мнению Министерства обороны, оказать пользу иракской армии»¹⁹. Он мог бы пойти дальше и сказать, что эта передача, подобно многим другим в те дни, была важным элементом стратегии Министерства обороны — стратегии «нагнетания страха» в Ираке.

Граждане Ирака, которые смотрели подобные жуткие передачи по контрабандному спутниковому телевидению или разговаривали по телефону с родственниками, находящимися за границей, на протяжении месяцев воображали себе кошмары «Шока и трепета». Даже само название доктрины стало сильным психологическим оружием. Будет ли это страшнее, чем в 1991 году? Если американцы действительно думают, что Саддам обладает оружием массового поражения, не сбросят ли они на нас атомную бомбу?

Один из ответов на подобные вопросы был дан за неделю до вторжения. Пентагон пригласил военный отдел пресс-службы Бе-

¹⁸ Arar M. I Am Not a Terrorist — I Am Not a Member of Al-Qaida // *Vancouver Sun*. 2003. November 5.

¹⁹ Iraq Faces Massive U.S. Missile Barrage // *CBS News*. 2003. January 24.

лого дома на специальное турне на военно-воздушную базу Эглин во Флориде, чтобы присутствовать при испытании бомбы МОАВ — официально это аббревиатура для выражения «массированный объемно-детонирующий заряд» (Massive Ordnance Air Blast), хотя военные расшифровывают его как «мама всех бомб». При весе 8,2 тонны это мощнейшее в мире неядерное взрывное устройство, которое, по словам Джейми Макинтайра из CNN, порождает «облако в форме гриба высотой в три километра — и на вид, и по ощущениям это подобно ядерному взрыву»²⁰.

В своем репортаже Макинтайр сказал, что, даже если бомба не будет взорвана, сам факт ее существования «способен нанести сильнейший психологический удар» — тем самым молчаливо признавая собственное участие в нанесении удара. Подобно тому как это делают с допрашиваемыми, жителям Ирака продемонстрировали орудия пытки. В той же передаче министр обороны Дональд Рамсфельд пояснил: «Наша цель — показать мощь коалиции столь очевидным образом, чтобы у иракской армии не осталось ни малейшего желания сражаться»²¹.

Когда война началась, жители Багдада были подвергнуты массовой сенсорной депривации. Органы восприятия города одно за другим начали отключать, начиная со слуха.

Вечером 28 марта 2003 года, когда американские войска приближались к Багдаду, от разрывов бомб загорелось здание Министерства связи и четыре городских телефонных узла: мощные противобункерные бомбы заставили замолчать миллионы багдадских телефонов. Этим дело не кончилось, всего было разрушено 12 телефонных узлов, так что к 2 апреля в Багдаде практически не осталось ни одного работающего телефона²². В ходе налета были разрушены радио- и те-

²⁰ U.S. Tests Massive Bomb // *CNN: Wolf Blitzer Reports*. 2003. March 11.

²¹ Там же.

²² *Chandrasekaran R., Baker P. Allies Struggle for Supply Lines // Washington Post*. 2003. March 30; *Anderson J.L. The Fall of Baghdad*. New York: Penguin Press, 2004. P. 199; *Gordon M.R., Trainor B.E. Cobra II*, p. 465. Официально уничтожение телефонной сети Багдада объясняли необходимостью лишить Саддама возможности связаться с его важнейшими командирами. Но после войны длительные допросы высокопоставленных иракских пленных показали, что Саддам многие годы опасался, что шпионы определяют его местонахождение по телефонным звонкам, и потому за последние 13 лет пользовался телефоном всего два раза. Как и в других случаях, в надежных разведывательных данных не было необходимости: восстановление телефонной сети должно было принести Bechtel большие деньги; *Duelfer Ch.*

левизионные трансляторы, и теперь багдадские семьи, забившиеся по домам, не могли знать, что же происходит у них за дверью.

Многие иракцы говорят, что отсутствие телефонной связи было самым мучительным психологическим испытанием в период бомбардировок. Слышать взрывы вокруг, испытывать действие ударных волн, не имея возможности позвонить любимым людям, живущим неподалеку, или успокоить напуганных родственников за границей, было сущей мукой. Журналистов в Багдаде буквально осаждали толпы отчаявшихся местных жителей, которые умоляли одолжить на секунду телефон со спутниковой связью или набрать номера, чтобы позвонить брату или дядюшке в Лондон или Балтимор. «Скажите им, что все в порядке! Передайте, что мать с отцом живы! Передайте привет! Скажите, чтобы не беспокоились!»²³ К тому моменту аптеки города распродали запасы снотворных и антидепрессантов и в городе невозможно было достать валиум.

Затем город был лишен зрения. «Не было слышно взрывов, ничто не изменилось после вечерних бомбардировок, но пятимиллионный город в одно мгновение погрузился в ужасную бесконечную ночь», сообщила 4 апреля газета *Guardian*. Темноту «рассеивали лишь фары проезжающих автомобилей»²⁴. Обитатели Багдада, запертые в своих домах, не могли общаться друг с другом, услышать друг друга или хотя бы увидеть издали. Подобно узнику ЦРУ в «темном месте», весь город оказался закованным в кандалы с колпаком на лице.

Предметы бытового обихода

При жестоких допросах на первом этапе, чтобы сломить волю пленного, у него отбирают всю одежду и любые предметы, которые помогают ему чувствовать свое Я; их называют «предметами бытового обихода». Часто вещь, представляющая особую ценность для узника, — Коран, фотография любимой — подвергают особо пренебрежительному отношению. Этим узнику говорят: «Ты никто, ты станешь таким, каким мы захотим». Это лишение человека его достоинства. Иракцы пережили этот процесс на уровне общества, поскольку у них на глазах оскверняли их важнейшие учреждения, а их историю забрасыва-

Comprehensive Report of the Special Advisor to the DCI on Iraq's WMD. 2004. September 30. Vol. 1. P. 11, www.cia.gov.

²³ Shadid A. *Night Draws Near*, p. 71.

²⁴ Goldenberg S. *War in the Gulf: In an Instant We Were Plunged into Endless Night // Guardian*. London. 2003. April 4.

ли в грузовики и вывозили. Бомбардировки нанесли Ираку кровавые раны, но куда хуже было не останавливаемое войсками оккупантов мародерство, которое уничтожило самое сердце страны.

Газета *Los Angeles Times* писала: «Сотни мародеров крушили древние керамические сосуды, опустошали витрины, набивая карманы золотом и древними вещами в Национальном музее Ирака, где были представлены памятники первой человеческой цивилизации. В результате 80 процентов из 170 тысяч бесценных экспонатов было утеряно»²⁵. Национальная библиотека, где хранились экземпляры книг и докторских диссертаций, когда-либо публиковавшихся в Ираке, превратилась в черные руины. Из Министерства по делам религии исчезли рукописные Кораны тысячелетней давности, а от здания остался лишь обгорелый остов. «Мы потеряли наше национальное наследие», — сказал один багдадский преподаватель²⁶. А местный торговец говорил о разграблении музея такими словами: «Это была душа Ирака. Если музей не вернет себе похищенных сокровищ, мне будет казаться, что похитили часть моей души». Археолог Чикагского университета Макгуайр Гибсон сказал, что это «похоже на лоботомию. Устранена глубинная память всей культуры, культуры, существовавшей на протяжении тысячелетий»²⁷.

Часть ценностей удалось спасти, главным образом благодаря усилиям религиозных деятелей, которые организовали спасение ценностей, когда мародерство еще было в полном разгаре. Однако многие иракцы до сих пор уверены, что лоботомию им сделали намеренно — это входило в планы Вашингтона по хирургическому удалению сильной, имеющей глубокие корни культуры, чтобы заменить ее собственной образцовой моделью. Семидесятилетний Ахмед Абдулла сказал корреспонденту газеты *Washington Post*: «Багдад — это мать арабской культуры, а они хотят стереть нашу культуру с лица земли»²⁸.

Организаторы войны немедленно указали на то, что грабеж произвели сами иракцы, а не войска оккупантов. И, разумеется, Рамсфельд не планировал разграбить Ирак, однако он ничего не сделал для предотвращения мародерства и не пытался его остановить, когда грабеж начался. Эти ошибки невозможно объяснить обычным недосмотром.

²⁵ Restoring a Treasured Past // *Los Angeles Times*. 2003. April 17.

²⁶ Hanley Ch.J. Looters Ransack Iraq's National Library // *Associated Press*. 2003. April 15.

²⁷ Lemonick M.D. Lost to the Ages // *Time*. 2003. April 28; Witt L. The End of Civilization // *Salon*. 2003. April 17, www.salon.com.

²⁸ Ricks T.E., Shadid A. A Tale of Two Baghdads // *Washington Post*. 2003. June 2.

Во время Войны в Заливе 1991 года грабежу подверглись 13 музеев Ирака, так что были все основания предположить, что бедность, ненависть к старому режиму и обстановка хаоса неизбежно приведут к мародерству (стоит также добавить, что за несколько месяцев до начала войны Саддам выпустил из тюрем заключенных). Крупнейшие археологи предупреждали Пентагон о необходимости выработать специальную стратегию для защиты музеев и библиотек еще до вторжения, и 26 марта Пентагон выпустил меморандум, в котором перечислялись «в порядке важности 16 объектов в Багдаде, которые крайне необходимо охранять». Национальный музей стоял в списке на втором месте. Кроме того, Рамсфельду напоминали о необходимости послать в город вместе с войсками международную полицию для обеспечения общественного порядка, но и этот совет проигнорировали²⁹.

Даже и без полиции в Багдаде было достаточно американских солдат, чтобы взять под охрану ценные объекты, но никто не отдал им такого приказа. Известно много случаев, когда американские солдаты спокойно смотрели из своих бронетранспортеров на проезжающие мимо грузовики, полные награбленного добра; это прямо отражает принцип безразличия Рамсфельда — «всякое случается». Отдельные подразделения по своей инициативе останавливали грабежи, а в иных случаях солдаты, напротив, присоединялись к мародерам. Международный аэропорт Багдада сильно пострадал от вандализма солдат, которые, как писала газета *Time*, сначала крушили мебель, а затем направились к пассажирским самолетам на взлетно-посадочной полосе. «Американские солдаты в поисках удобных сидений и сувениров выдергивали оборудование кабины, резали кресла, ломали приборы в кабине пилота и выбили все иллюминаторы». В результате иракская национальная авиакомпания понесла ущерб на сумму 100 миллионов долларов — эта компания одной из первых была выставлена на аукцион в процессе скорой и весьма сомнительной избирательной приватизации³⁰.

На вопрос о том, почему американские власти с таким равнодушием относились к мародерству, помогают пролить свет два человека, сыгравшие важнейшую роль в оккупации Ирака, — это Питер Макферсон, старший экономический советник Пола Бремера, и Джон Агресто, руководитель программы перестройки высшего образова-

²⁹ Rich F. And Now: «Operation Iraqi Looting» // *New York Times*. 2003. April 27.

³⁰ Rumsfeld D.H. DoD News Briefing — Secretary Rumsfeld and Gen. Myers. 2003. April 11, www.defenselink.mil; Robinson S. Grounding Planes the Wrong Way // *Time*. 2003. July 14.

ния после оккупации. Как сообщил Макферсон, он равнодушно относился к тому, что иракцы присваивают государственную собственность: автомобили, автобусы, оборудование министерств. Он возглавлял программу экономической шоковой терапии в Ираке, и его задачей было радикальное сокращение государства и приватизация его богатств, поэтому мародеры пролагали дорогу этому процессу. Он сказал: «На мой взгляд, такая естественная приватизация, когда человек садился в легковую машину или за руль грузовика, ранее принадлежавших государству, — это вполне нормально». Старый бюрократ из администрации Рейгана, жесткий приверженец чикагской экономики, Макферсон предпочитает называть такой грабеж «сокращением» государственного сектора³¹.

Его коллега Джон Агресто, наблюдая по телевизору разграбление Багдада, также увидел в этом свет надежды. Он считает свою задачу «шансом, который дается раз в жизни», — он должен создать в Ираке систему высшего образования на пустом месте. Поэтому разграбление университетов и Министерства образования дает, по его мнению, «возможность начать с чистого листа» и оснастить учебные заведения Ирака «лучшим современным оборудованием». Если миссией США в Ираке было, как многие думали, «создание страны», тогда остатки старой страны представляют собой лишь помеху. Ранее Агресто работал директором Колледжа Сент-Джон в Нью-Мехико, который знаменит программой изучения «великих книг». Он сказал, что, хотя ничего не знал об Ираке, отправляясь сюда, намеренно воздержался от чтения книг об этой стране, чтобы приехать «с как можно более открытым умом»³². Подобно иракским колледжам, которые он намерен создавать, сам Агресто также является «чистым листом».

Но если бы он прочел одну-две книги об Ираке, возможно, это дало бы ему пищу для сомнений в том, нужно тут все стирать и начинать с нуля или нет. Он мог бы узнать, что пока страну не задушили санкциями, система образования Ирака была наилучшей в регионе, с самым высоким показателем грамотности в арабском мире — 89 процентов

³¹ *Chandrasekaran R. Imperial Life in the Emerald City: Inside Iraq's Green Zone. New York: Alfred A. Knopf, 2006. Pp. 119—120.* Такая позиция позволяет Halliburton брать дополнительные деньги с американских налогоплательщиков и представляет Пентагон, не обращающий внимания на исчезающие деньги, в ином свете: может быть, Министерство обороны считает исчезновение миллионов не воровством, а «сокращением», частью программы по уменьшению веса правительства и наращивания массы бизнеса?

³² Там же, pp. 165—166.

населения. В то время как в родном штате Агресто Нью-Мексико 46 процентов населения неграмотны, а 20 процентов неспособны «произвести в уме простейшие арифметические действия, чтобы подсчитать общую сумму на счете»³³.

Агресто настолько верил в превосходство американской системы, что не задумывался об альтернативах: вдруг иракцам хочется сохранить свою культуру, и они воспримут ее разрушение как катастрофу.

Такая слепота неокOLONиализма является лейтмотивом войны против террора. Так, в американской тюрьме Гуантанамо есть комната, которую называют «уголок любви». Сюда приводят узников, которых тюремщики не признали «членами незаконных вооруженных формирований» и планируют отпустить на волю. В «уголке любви» узники могут смотреть голливудские фильмы и есть не слишком здоровую американскую еду из закусовых. Гражданин Великобритании Асиф Икбал, член известной «типтонской тройцы», в Гуантанамо мог несколько раз побывать в этой комнате перед отправкой на родину. «Мы могли смотреть DVD, есть продукцию McDonald's и Pizza Hut и просто отдыхать. Там не надевали наручников... Мы не понимали, почему с нами обращаются таким образом. Прочее время мы, как всегда, сидели в клетках... Однажды при этом Лесли [офицер ФБР] принес чипсы Pringles, мороженое и шоколадки, это было последнее воскресенье перед возвращением в Англию». Его друг Рухел Ахмед объяснял эти привилегии так: «Они знали, что мучили и пытали нас два с половиной года и надеялись, что мы про это забудем»³⁴. В Афганистане силы Северного альянса схватили Ахмеда и Икбала, направлявшихся на свадьбу. Их жестоко избивали, им вкалывали неизвестные препараты, их часами держали в неудобных позах, им не давали спать, их насильно обрили, лишили всех законных прав, и это продолжалось два года и пять месяцев³⁵. Неужели они должны были

³³ World Development Report 1990. Oxford: World Bank, 1990. Pp. 178—179; New Mexico Literacy Profile. 2005—2006 Programs // New Mexico Coalition for Literacy, www.nmcl.org. После неудачи с воссозданием системы университетского образования в Ираке Агресто, покинувший страну, так и не выполнив своей работы, пересмотрел свое прежнее отношение к грабегам; он называл себя «неоконсерватором, которого победила реальность». Эти и другие подробности взяты из описания «зеленой зоны» в кн.: Chandrasekaran R. Imperial Life in the Emerald City, p. 5.

³⁴ Rasul S., Iqbal A., Ahmed R. Composite Statement: Detention in Afghanistan and Guantanamo Bay. New York: Center for Constitutional Rights, 2004. July 26. Pp. 96, 99, www.ccr-ny.org.

³⁵ Rasul S., Iqbal A., Ahmed R. Composite Statement: Detention in Afghanistan and Guantanamo Bay, pp. 9, 10, 21, 26, 72.

все «забыть», получив в качестве утешения чипсы Pringles? А ведь это задумывалось именно так.

В это трудно поверить, однако в целом примерно таким же был план Вашингтона относительно Ирака: подвергнуть шоку и страху всю страну, намеренно разрушить ее инфраструктуру, не вмешиваться, когда ее историей и культурой завладели мародеры, а потом сделать вид, что все в порядке, с помощью неограниченных поставок дешевых бытовых приборов и заграничной еды сомнительного качества. Для Ирака этот цикл упразднения культуры и замены ее новой не был теорией, все это действительно произошло, причем за считанные недели.

Пол Бремер, возглавивший оккупационную власть в Ираке по просьбе Буша, признался, что когда он прибыл в Багдад, грабежи еще были в разгаре и порядок не был восстановлен. «Едва выехав из аэропорта, увидел, что Багдад весь в огне, в буквальном смысле слова... На улицах не было машин, не работало электричество, остановилась добыча нефти, экономическая деятельность замерла, мне не удалось увидеть ни одного полицейского». И тем не менее для разрешения кризиса Бремер предложил немедленно открыть границы страны для ничем не ограниченного импорта: никаких тарифов, пошлин, инспекций или налогов. Через две недели после приезда Бремер торжественно объявил, что Ирак «открыт для бизнеса». За одну ночь одна из самых закрытых стран в мире (санкции ООН почти целиком запрещали внешнюю торговлю) превратилась в самый гостеприимный рынок мира.

Пока грузовики, забитые награбленным добром, ехали к покупателям в Иорданию, Сирию и Иран, им навстречу двигалась армия платформ, уставленных китайскими телевизорами, DVD с голливудскими фильмами и иорданскими спутниковыми тарелками, которые затем выгрузили на тротуары багдадского района Карада. Одну культуру сожгли и растащили по частям, и тут же ей на смену привезли новую, заблаговременно упакованную в ожидании этого часа.

Многие американские компании ожидали этого момента, чтобы стать участниками эксперимента по расширению территории капитализма. Среди них была и фирма New Bridge Strategies, основанная бывшим руководителем Федерального агентства США по чрезвычайным ситуациям Джо Олбоу. Эта фирма обещала, используя свои политические связи на высшем уровне, помочь транснациональным американским корпорациям получить лакомые куски в Ираке. Один

из сотрудников фирмы с энтузиазмом говорил: «Получить права на распространение продукции Procter & Gamble — это просто золотая жила! Один хорошо укомплектованный супермаркет 7-Eleven разорит 30 иракских магазинов, а один Wal-Mart просто покорит всю страну»¹.

Подобно узникам Гуантанамо, которых отвели в «уголок любви», весь Ирак собирались купить с помощью чипсов Pringles и поп-культуры. По крайней мере, именно так себе представляла это администрация Буша, строя планы относительно Ирака после войны.

¹ Burns J.F. Looking Beyond His Critics, Bremer Sees Reason for Both Hope and Caution // *New York Times*. 2004. June 29; Kirby St. Bremer Says Iraq Open for Business // *Agence France-Presse*. 2003. May 25.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОТДАЧА:

ОЧЕНЬ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА

Мир — это грязное место, и кому-то приходится его чистить.

Кондолиза Райс о необходимости вторжения в Ирак, сентябрь 2002 г.¹

Способность Буша представлять себе Ближний Восток по-разному, возможно, связана с тем, что Буш относительно мало знает этот регион. Если бы Буш поехал по Ближнему Востоку и своими глазами увидел все его проблемы, возможно, он опустил бы руки. Но поскольку Буш не видел повседневной реальности той жизни, то нарисовал себе картину, каким этот регион должен стать.

Фарид Закариа, журнал *Newsweek*²

И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое. И говорит мне: напиши; ибо слова сии истинны и верны.

Откровение 21:5

Война в Ираке уже так долго находится в аварийном состоянии, что легко забыть, как представляли себе ее течение вначале. А такая концепция существовала и была четко сформу-

¹ По словам Джеффри Голдберга, Райс сделала это замечание во время обеда в ресторане в Джорджтауне. Он пишет: «Эти слова ошеломили других гостей. Brent Скаукрофт позднее признался друзьям, что его сбил с толку “евангелический” тон Райс». *Goldberg J. Breaking Ranks // The New Yorker*. 2005. October 31.

² *Zakaria F. What Bush Got Right // Newsweek*. 2005. March 14.

лирована на конференции, организованной Госдепартаментом США в Багдаде в первые месяцы оккупации. Там собрались 14 высших политиков и чиновников из России и Восточной Европы — министры финансов, главы центральных банков, бывшие заместители премьер-министров. Они оказались в Международном аэропорту Багдада в сентябре 2003 года, им раздали военные каски и бронежилеты, а затем доставили в «зеленую зону» — окруженный стеной район внутри города, где находилось управляемое США правительство Ирака, Временная коалиционная администрация и американское посольство. В бывшем саддамовском конференц-центре высокопоставленные гости преподавали маленькой группе влиятельных иракцев уроки капиталистических преобразований.

Одним из лекторов был Марек Белька, бывший министр финансов Польши, который несколько месяцев работал под руководством Бремера в Ираке. Белька на этой встрече убеждал иракцев, что они должны использовать момент хаоса, чтобы «пробить» реформы, «в результате которых многие люди потеряют работу». Первый урок, которому может научить Польша, состоит в том, что убыточные госпредприятия следует немедленно распродать, не пытаясь спасти с помощью общественных фондов». (Он забыл упомянуть, что народное недовольство вынудило «Солидарность» отказаться от плана молниеносной приватизации, что спасло Польшу от катастрофы, какую пережила Россия.) Второй урок был еще более суровым. Прошло всего пять месяцев после падения Багдада, и Ирак находился в состоянии гуманитарного кризиса. Безработица составляла 67 процентов, недоедание было повсеместным, и от массового голода спасали лишь правительственные субсидии на питание и товары первой необходимости, как это происходило ранее в рамках программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие». В период действия санкций можно было покупать газ крайне дешево. Белька сказал иракцам, что помехи для рынка следует как можно скорее устранить: «Развивайте частный сектор, начав с отмены субсидий». Он подчеркивал, что эти меры «важнее приватизации и вызывают больше споров»³.

Затем наступила очередь Егора Гайдара, бывшего заместителя премьер-министра при Ельцине, которого считают автором программы шоковой терапии для России. Приглашая Гайдара в Багдад, Госде-

³ Kurata Ph. Eastern Europeans Urge Iraq to Adopt Rapid Market Reforms. 2003. September 26 // Washington File, Bureau of International Information Programs, U.S. Department of State, usinfo.state.gov; Iraq Poll Finds Poverty Main Worry, Sadr Popular // Reuters. 2004. May 20.

партамент, похоже, надеялся на неведение иракцев относительно того, что в самой Москве Гайдар отнюдь не в почете из-за тесных связей с олигархами и из-за того, что довел до нищеты десятки миллионов россиян⁴. Действительно, под властью Саддама доступ к новостям из окружающего мира в Ираке был ограничен, однако на конференции в «зеленой зоне» собрались преимущественно иракцы, только что вернувшиеся из изгнания; в 90-е годы, когда Россия переживала кризисы, они читали газету *The International Herald Tribune**.

Мохамад Тофик, временно исполняющий обязанности министра промышленности Ирака, рассказал мне об этой странной конференции, которая тогда не освещалась в прессе. Несколько месяцев спустя мы встретились, и Тофик все еще смеялся над той конференцией. Он сказал, что иракцы не восприняли всерьез этих высокопоставленных рекламных агентов, сказав им, что решение Пола Бремера открыть границы для свободного потока импорта уже значительно ухудшило жизнь пострадавших от войны людей — и если продолжать в том же духе, сократив субсидии на газ и на питание, оккупанты получают революцию. Тофик выразил и свое мнение относительно звездного лектора: «Я сказал организаторам конференции, что если бы я действительно хотел вдохновить нас на приватизацию в Ираке, то попросил бы Гайдара говорить: “Делайте все наоборот по сравнению с тем, что сделали мы”».

Когда Бремер стал издавать декреты в Багдаде, Джозеф Стиглиц, бывший старший экономист Всемирного банка, предупреждал, что в Ираке будет применяться «более радикальная форма шоковой терапии, чем в бывших советских странах». И это правда. По заранее разработанному плану Вашингтона Ирак должен был стать такой же новой территорией, как Россия в начале 90-х, только на этот раз именно американские фирмы — не местные, не европейские, не рос-

⁴ Многие из инициаторов и организаторов вторжения в Ирак и его оккупации раньше входили в вашингтонскую команду, которая заставила Россию пройти шоковую терапию: Дик Чейни был министром обороны при Буше-старшем, когда этот президент разрабатывал политику для постсоветской России, Пол Вулфовиц работал заместителем Чейни, а Кондолиза Райс — главным советником Буша-старшего по преобразованиям в России. Эти ключевые игроки и десятки второстепенных без тени иронии воспринимали опыт России в 90-х, несмотря на его ужасающие последствия для обычных людей, как образец, которому может подражать Ирак в переходный период.

* Данный печатный орган ориентирован на респектабельных, преуспевающих бизнесменов и состоятельных людей. — *Примеч. ред.*

сийские или китайские — должны оказаться первыми в очереди на получение миллиардов. И ничто не будет мешать проведению еще более мучительных экономических преобразований, потому что, в отличие от стран бывшего Советского Союза, Латинской Америки или Африки, для этих перемен не понадобится церемония переговоров между сотрудниками МВФ и местными политиками-идеалистами, которыми Казначейство США пыталось тайно дирижировать. В случае Ирака Вашингтон обходился без посредников: МВФ и Всемирный банк играли всего-навсего роль поддержки, а в центре стояли США. Пол Бремер и был правительством; как сказал высокопоставленный американский военный репортер Associated Press, не было необходимости вести переговоры с местным правительством, потому что «на данном этапе это бы означало вести переговоры с самими собой»⁵.

Эта ситуация была характерным отличием процесса экономических преобразований в Ираке от предшествовавших экспериментов. В 90-е годы постоянно приходилось доказывать, что «свободная торговля» не является имперским проектом, теперь же в этом не было необходимости. Раньше это всегда был «облегченный вариант» свободной торговли с осторожными переговорами, теперь же это стало «тяжелым вариантом», без передачи полномочий и участия политиков-марионеток, который создаст новые рынки непосредственно для западных монополий на полях превентивной войны.

Сегодня сторонники «теории образца» утверждают, что именно с этого момента ход событий пошел совершенно не в ту сторону — так, Ричард Перл в конце 2006 года сказал, что «критической ошибкой» было «привлечение к этому делу Бремера». Ему вторил Дэвид Фрам, который говорит, что переделкой Ирака должен был заниматься «какой-нибудь иракец»⁶. Вместо этого под бирюзовым куполом дворца Саддама сидел Пол Бремер, который получал законы о торговле и инвестициях по электронной почте из Министерства обороны, затем их распечатывал, подписывал и превращал в указы для всех иракцев. Бремер не был тихим американцем, умело действующим за кулисами. Похожий на популярного киногероя, внимательный к своему имиджу, он гордо демонстрировал свою абсолютную власть над Ираком, перемещаясь по стране на молниеносном вертолете Black-

⁵ Stiglitz J. Shock without the Therapy // *Business Day*. Johannesburg. 2004. February 20; Krane J. U.S. Aims to Keep Iraq Military Control // *Associated Press*. 2004. March 13.

⁶ Интервью с Ричардом Перлом 6 ноября 2006 года // *CNN: Anderson Cooper 360 Degrees*; Интервью с Дэвидом Фрамом 19 ноября 2006 года // *CNN: Late Edition with Wolf Blitzer*.

hawk в сопровождении военизированной охраны от частной компании Blackwater. Он всегда одевался как бизнесмен: в безукоризненно отглаженный костюм Brooks Brothers и бежевые ботинки Timberland. Эти ботинки подарил ему сын, когда Бремер отправлялся в Багдад, написав на сопроводительной открытке: «Дай им хорошего пинка, папа»⁷.

Бремер признается, что знал об Ираке немного («Я жил в Афганистане», — сказал он одному репортеру). Но его неосведомленность не играла никакой роли, поскольку он великолепно знал нечто иное, что играло наиважнейшую роль для его иракской миссии, — он знал все про капитализм катастроф⁸.

11 сентября 2001 года он работал исполнительным директором и «старшим политическим советником» в огромной страховой компании March & McLennan. Компания владела офисами в северной башне Всемирного торгового центра, которые были разрушены в результате терактов. В первые дни ничего не было известно о судьбе 700 работников компании, в дальнейшем была установлена смерть 295 из них. Ровно через месяц после трагедии, 11 октября 2001 года, Пол Бремер открыл новое отделение March — по кризисному консультированию. Отделение помогало транснациональным корпорациям готовиться к возможным терактам и другим кризисам. Бремер рекламировал свой опыт ведущего борца с терроризмом в администрации Рейгана, и его новая компания оказывала клиентам всесторонние антитеррористические услуги — от страхования политического риска до пиара и даже советов по созданию запасов⁹.

Таким образом, Бремер был среди первых деятелей индустрии национальной безопасности, и это оказалось идеальной подготовкой для его миссии в Ираке. Администрация Буша использовала для перестройки Ирака те же принципы, которые впервые были применены в программе ответа на события 11 сентября: она воспринимала Ирак после войны как первоначальное публичное предложение акций, способных мгновенно принести большой доход. Поэтому если Бремер даже кого-то и раздражал, в Ираке ему не надо было бороться

⁷ *Bremer L.P. III My Year in Iraq: The Struggle to Build a Future of Hope.* New York: Simon and Schuster, 2006. P. 21.

⁸ Интервью с Полом Бремером 11 января 2006 года // PBS: The Charlie Rose Show.

⁹ *Knox N. Companies Rush to Account for Staff // USA Today.* 2001. September 13; *Byrne H.S. Disaster Relief: Insurance Brokers AON, Marsh Look to Recover, Even Benefit Post-September 11 // Barron's.* 2001. November 19.

за сердца и умы. Скорее он должен был подготовить страну к открытию корпорации «Ирак». И с этой точки зрения его первоначальные решения и действия обладали безошибочной логикой.

Сменив осмотрительного генерала Джея Гарнера, который ранее был верховным представителем США, первые четыре месяца в Ираке Бремер занимался лишь вопросами экономических преобразований и издавал законы, которые в совокупности соответствовали классической схеме программы шоковой терапии чикагской школы. До американского вторжения экономика Ирака держалась на работе национальной нефтяной компании и еще 200 государственных компаний, которые производили основные пищевые продукты и все необходимое сырье: цемент, бумагу, кулинарный жир. Через месяц после своего появления в Ираке Бремер объявил, что все эти компании подлежат срочной приватизации. «Передать неэффективные государственные предприятия в частные руки, — сказал Бремер, — это необходимое условие восстановления экономики Ирака»¹⁰.

Затем появились новые экономические законы. Чтобы привлечь иностранных инвесторов к участию в приватизационных аукционах, строительству новых фабрик и торговле на территории Ирака, Бремер издал набор радикальных законов, которые журнал *The Economist* откровенно назвал «осуществлением мечтаний иностранных инвесторов и фондов относительно развивающихся рынков»¹¹. Один закон снизил корпоративный налог в Ираке примерно с 45 до 15 процентов (налог по единой ставке в полном соответствии с учебником Фридмана). Другой позволял иностранным компаниям на 100 процентов владеть иракскими активами — чтобы не повторить ситуации в России, где все самое ценное перешло в руки местных олигархов. Более того, инвесторы получили право переводить до 100 процентов своей прибыли в другие страны; они не обязаны реинвестировать ее в Ирак или платить за это налоги. Законы также заранее оговарива-

¹⁰ Планы генерала Гарнера относительно Ирака были достаточно простыми: восстановить инфраструктуру, быстро провести формальные выборы, применить шоковую терапию МВФ, сконцентрировать внимание на создании надежных военных баз США по образцу Филиппин. «Я думаю, мы должны уже сегодня рассматривать Ирак как нашу опорную базу на Ближнем Востоке», — сказал он корреспонденту ВВС. Интервью с генералом Джеймсом Гарнером 19 марта 2004 года «Ирак на продажу» // BBC TV, www.gregpalast.com; Crampton T. Iraq Official Warns on Fast Economic Shift // *International Herald Tribune*. Paris. 2003. October 14; Chandrasekaran R. Attacks Force Retreat from Wide-Ranging Plans for Iraq // *Washington Post*. 2003. December 28.

¹¹ Let's All Go to the Yard Sale // *The Economist*. 2003. September 27.

ли условие, что инвесторы вправе заключать договоры и контракты сроком на 40 лет с правом последующего возобновления; это означало, что правительство, пришедшее к власти путем выборов, будет связано сделками, которые заключили оккупанты. Вашингтон вел себя несколько сдержаннее в вопросе о нефти: советники по Ираку предупреждали, что любая попытка приватизировать государственную нефтяную компанию до создания иракского правительства будет рассматриваться как объявление войны. Однако оккупационные власти завладели доходами национальной нефтяной компании Ирака на сумму 20 миллиардов долларов, которые они могли тратить по своему усмотрению¹².

Белый дом настолько горел желанием устроить торжественное открытие новенькой иракской экономики, что уже в первые дни оккупации решил создать новую местную валюту, для чего потребовалась огромная работа. Британская фирма De La Rue напечатала банкноты, которые перебросили в Ирак на самолетах, а затем развозили с помощью бронетехники, для чего по всей стране работали тысячи разных служб, в то время как 50 процентам жителей Ирака не хватало питьевой воды, не работали светофоры и уровень преступности был необычайно высок в любой точке страны¹³.

Хотя эту программу вводил Бремер, он получал указания с самого верха. Давая показания комиссии Сената, Рамсфельд сказал, что «масштабные реформы» Бремера — это «самые передовые —

¹² Order Number 37 Tax Strategy for 2003. September 19, 2003. Coalition Provisional Authority, www.iraqcoalition.org; Order Number 39 Foreign Investment. December 20, 2003. Coalition Provisional Authority, www.iraqcoalition.org; *Milbank D., Pincus W.* U.S. Administrator Imposes Flat Tax System on Iraq // *Washington Post*. 2003. November 2; *Chandrasekaran R.* U.S. Funds for Iraq Are Largely Unspent // *Washington Post*. 2004. July 4. Часть этой суммы размером в 8,8 миллиарда долларов называют «пропавшими миллиардами Ирака», потому что в 2004 году они растворились в иракских министерствах, контролируемых США, буквально не оставив следа. В своем объяснении по поводу этого недосмотра Бремер сказал комиссии Конгресса США: «Нашей главной задачей было заставить экономику ожить. И первым шагом мы стремились как можно быстрее передать деньги в руки иракского народа». Финансовый советник Бремера отставной адмирал Дэвид Оливер, отвечая на вопрос комиссии о пропавших миллиардах, сказал: «Да, я понимаю. А какая разница, как это случилось?» *Gregory M.* Baghdad's «Missing Billions» // *BBC News*. 2006. November 9; *Pallister D.* How the US Sent \$12bn in Cash to Iraq. And Watched it Vanish // *Guardian*. London. 2007. February 8.

¹³ *Saddam-Free Dinar Becomes Iraq's Official Currency*. 2004. January 15. Central Bank of Iraq and the Coalition Provisional Authority, www.cpa-iraq.org; *Half of Iraqis Lack Drinking Water-Minister* // *Agence France-Presse*. 2003. November 4; *Clover Ch., Spiegel P.* Petrol Queues Block Baghdad as Black Market Drains Off // *Financial Times*. London. 2003. December 9.

и самые привлекательные — законы о налогах и инвестициях во всем свободном мире». Кажется, поначалу инвесторов это действительно привлекало. Через несколько месяцев появились слухи, что в центре Багдада откроется закусочная McDonald's — самый убедительный символ того, что Ирак вступил в глобальную экономику, — уже были готовы деньги на строительство роскошного отеля Starwood, General Motors планировала построить в Ираке автомобильный завод. Крупнейший международный банк HSBC, главный офис которого находится в Лондоне, получил контракт на открытие своих отделений по всему Ираку, а Citigroup обещала предоставить значительные займы под будущие доходы от продажи иракской нефти. Крупнейшие нефтяные компании — Shell, BP, ExxonMobil, Chevron и «Лукойл» — присматривались к ситуации, они договорились о том, что будут обучать государственных служащих Ирака новейшим технологиям добычи нефти и управления производством, надеясь на то, что их час скоро настанет¹⁴.

Законы Бремера, которые должны были вызвать восторг инвесторов, не отличались особой оригинальностью — они были одной из версий все той же шоковой терапии, только тут она проводилась быстрее. Однако капитализм катастроф Буша не мог ждать, когда эти законы заработают. Новизна иракского эксперимента заключалась в том, что вторжение, оккупация и восстановление страны сами по себе превратились в новый, полностью приватизированный рынок. И этот рынок, как и американский комплекс национальной безопасности, был создан во многом за счет денег налогоплательщиков. Только на восстановление Ирака Конгресс США выделил 38 миллиардов долларов, 15 миллиардов дали другие страны, а 20 миллиардов были получены за счет иракской нефти¹⁵.

Когда стало известно об этих миллиардах, многие прославляли восстановление Ирака, вспоминая план Маршалла. Буш развивал эту параллель, заявив, что восстановление Ирака — это «величайшее финансовое предприятие подобного рода со времен плана Маршал-

¹⁴ Rumsfeld D.H. Prepared Statement for the Senate Appropriations Committee. 2003. September 24 // Washington, DC, www.defenselink.mil; Daragahi B. Iraq's Ailing Banking Industry Is Slowly Reviving // *New York Times*. 2004. December 30; MacInnis L. Citigroup, U.S. to Propose Backing Iraqi Imports // Reuters. 2004. February 17; Blum J. Big Oil Companies Train Iraqi Workers Free // *Washington Post*. 2004. November 6.

¹⁵ Paying for Iraq's Reconstruction: An Update. 2006. December // Congressional Budget Office, p. 15, www.cbo.gov; Chandrasekaran R. U.S. Funds for Iraq Are Largely Unspent.

ла», а в одном из своих телевизионных обращений сказал: «Америке уже приходилось совершать такое же раньше. После Второй мировой войны мы подняли на ноги побежденные страны — Германию и Японию — и помогли им создать представительные правительства»¹⁶.

Однако пропажа миллиардов, выделенных на восстановление Ирака, совсем не похожа на ту историю, о которой упоминал Буш. В рамках плана Маршалла некоторые американские фирмы получали прибыль, посылая в Европу снаряжение и продукты питания, однако целью тогда была помощь разрушенным войной экономикам, становление самодостаточных рынков, создание рабочих мест и системы налогов, которая позволит финансировать социальные службы. Результатом всего этого стали экономики Германии и Японии, которые имеют явно смешанный характер.

Теперь же кабинет Буша осуществлял нечто прямо противоположное плану Маршалла, фактически во всех смыслах его зеркальное отражение. Этот план гарантировал подрыв и без того ослабленного промышленного сектора Ирака и массовую безработицу. После Второй мировой войны иностранным фирмам запретили инвестирование в Европе, чтобы не показалось, что они используют свое преимущество в неблагополучных странах, теперь же было сделано все возможное, чтобы привлечь сюда корпоративную Америку (хотя бросили кости корпорациям тех стран, которые вступили в так называемую Коалицию доброй воли). С самого начала проект реконструкции Ирака был воровством отпущенных на это средств, это воровство оправдывала непоколебимая расистская идея о превосходстве США и второсортности Ирака, тут были виноваты не просто «демоны» коррупции или неэффективности, проект был обречен с самого начала.

Ничего из этих денег не получили иракские предприятия, которые могли бы снова открыться и заложить основу для устойчивой экономики, создать рабочие места и финансировать программы социальной защиты. Иракцы не играли в этом плане вообще никакой роли. Вместо этого контракты федерального правительства США, в основном при посредстве USAID, поручали компаниям создать страну по готовым образцам, разработанным в Вирджинии и Техасе. Это был, как настойчиво повторяли оккупационные власти, «подарок от народа Соединенных Штатов народу Ирака», иракцам оставалось только

¹⁶ *Bush G. W. President Bush Addresses United Nations General Assembly // New York City. 2003. September 23; Bush G. W. President Addresses the Nation // New York City. 2003. September 7.*

развернуть упаковку¹⁷. Для его сборки не требовалась даже помощь дешевой иракской рабочей силы, поскольку важнейшие американские подрядчики, такие как Halliburton, Bechtel и инженерный монстр из Калифорнии Parsons, предпочитали привозить иностранных рабочих, которых можно было с бóльшей надежностью контролировать. Тут снова иракцам досталась роль изумленных зрителей — сначала им показали чудеса американской военной техники, а теперь демонстрируют чудеса инженерного искусства и управления.

Как и в индустрии национальной безопасности, роль правительственных работников — хотя бы американских — была сведена к минимуму. Бремер имел всего полторы тысячи подчиненных для управления огромной страной с населением в 25 миллионов. Это представляет резкий контраст с компанией Halliburton, на которую в этом регионе работало 50 тысяч человек, многие из которых раньше были государственными служащими, но перешли в частный сектор из-за более высокой зарплаты¹⁸.

Слабое присутствие государства на фоне мощного участия корпораций отражало тот факт, что кабинет Буша использовал восстановление Ирака (он полностью контролировал ситуацию, в отличие от возможностей американской бюрократии у себя на родине) для воплощения замысла о пустом государстве, где все функции возложены на наемных исполнителей. В Ираке не нашлось ни одной государственной функции, которая показалась бы настолько важной, чтобы ее невозможно было передать подрядчику, особенно такому, который оказывал финансовую поддержку республиканской партии или организовывал добровольных участников предвыборных кампаний. Иностранцы, работавшие в Ираке, использовались на основе принципа Буша: если задачу может выполнить частная организация, она и должна ее выполнить.

Поэтому Бремер просто издавал законы, но разрабатывали планы и управляли экономикой частные бухгалтеры. (BearingPoint, дочерняя компания международной фирмы KPMG, занимающейся аудитом и консалтингом, получила 240 миллионов долларов на создание в Ираке «системы, управляемой рынком», — на 107 страницах контракта слово «приватизация» упоминается 51 раз, большую часть контракта

¹⁷ Glanz J. Violence in Iraq Curbs Work of 2 Big Contractors // *New York Times*. 2004. April 22.

¹⁸ Chandrasekaran R. Best-Connected Were Sent to Rebuild Iraq // *Washington Post*. 2006. September 17; Yeager H. Halliburton's Iraq Army Contract to End // *Financial Times*. London. 2006. July 13.

написала сама BearingPoint.) Были наняты мыслители, чтобы думать (был заключен контракт с британским Институтом Адама Смита, чтобы помочь в приватизации иракских компаний). Частные фирмы, занимающиеся безопасностью, и оборонные подрядчики обучали новую армию и полицию Ирака (среди прочих DynCorp, Vinnell и USIS, принадлежащая Carlyle Group). Компании, занимающиеся образованием, составили учебные планы и отпечатали новые учебники (для выполнения этих задач вашингтонская компания Creative Associates, консультирующая в сфере управления и образования, заключила контракты более чем на 100 миллионов долларов)¹⁹.

В то же время модель использования Halliburton, впервые опробованная Чейни на Балканах, где военные базы превратились в маленькие города этой компании, стала применяться в гораздо больших масштабах. Halliburton занималась не только военными базами по всей стране, но и «зеленой зоной», которая с самого начала была городом-государством, где Halliburton выполняет всевозможные функции: содержит дороги, борется с насекомыми, организует показ кино и дискотеки.

Временная коалиционная администрация в Ираке с ее небольшим штатом не могла наблюдать за работой всех подрядчиков, кроме того, администрация Буша считала такое наблюдение необязательной функцией, которую можно передать стороннему исполнителю. Колорадская инженерно-строительная компания CH2M образовала с Parsons совместное предприятие, которому заплатили 28,5 миллиона за контроль работы четырех других крупнейших подрядчиков. Даже работа по строительству «местной демократии» была приватизирована и передана Исследовательскому институту Триангла (Северная Каролина), с которым заключили контракт на 466 миллионов долларов, хотя совершенно непонятно, чем этот институт доказал свою квалификацию в деле строительства демократии в мусульманской стране. Среди руководителей иракского проекта института Триангла преоб-

¹⁹ Audit of USAID/Iraq's Economic Reform Program. Audit Report Number E-266-04-004-P. 2004. September 20. Office of Inspector General, USAID, pp. 5—6, www.usaid.gov; Award/Contract. RAN-C-00-03-00043-00. USAID, www.usaid.gov; Brunswick M. Opening of Schools to Test Iraqis' Confidence // *Star Tribune*. Minneapolis. 2006. September 17. Ахмед аль-Рахим, американец иракского происхождения, работавший с *Creative Associates*, сказал: «Первоначально было задумано создать учебные программы и предложить их Ираку». Но в результате иракцы были недовольны: «Вещи, сделанные целиком в Америке, были для них неприемлемы, так что эти программы не стали использовать». Rupert J. Schools a Bright Spot in Iraq // *Seattle Times*. 2004. June 30.

ладали известные мормоны, такие как Джеймс Мэйфилд. Последний, вернувшись из Ирака в Хьюстон, говорил, что, по его мнению, мусульман можно убедить в том, что Книга Мормона не противоречит учению пророка Магомета. Домой он однажды писал о своей мечте: иракцы воздвигнут ему памятник как «основоположнику демократии» в их стране²⁰.

Когда все эти иностранные корпорации прибыли в страну, 200 государственных предприятий Ирака практически не работали из-за постоянных перебоев подачи электроэнергии. Когда-то промышленность Ирака была одной из самых продуманных в регионе; теперь же его крупнейшие фирмы не могли стать даже подрядчиками субподрядчиков в работах по восстановлению собственной страны. Иракские фирмы могли бы поучаствовать в этой золотой лихорадке, если бы получили аварийные генераторы и смогли устранить важнейшие поломки, что было вполне реально, учитывая скорость, с которой Halliburton строила военные базы, похожие на пригороды Среднего Запада США.

Мохамад Тофик сказал мне на встрече в Министерстве промышленности, что постоянно посылал просьбы о генераторах, указывая на то, что 17 государственных цементных заводов находятся в идеальном состоянии: они могли бы поставлять строительные материалы для реконструкции, а одновременно это дало бы работу десяткам тысяч иракцев. Но местные фабрики так ничего и не получили — ни контрактов, ни генераторов, ни помощи. Американские компании предпочитали и закупать цемент, и искать рабочую силу за границей, что обходилось в 10 раз дороже. Один из экономических указов Бремера прямо запрещал иракскому центральному банку финансировать государственные предприятия (этот факт стал известен лишь через несколько лет)²¹. Как считает Тофик, бойкот иракской промышленности имел под собой не практические, а идеологические основания. Он сказал мне, что среди людей, принимавших тогда решения, ни один не верил в государственный сектор.

²⁰ Wyden R. Dorgan, Wyden, Waxman, Dingell Call to End Outsourcing of Oversight for Iraq Reconstruction. 2004. May 5. Press release, wyden.senate.gov; Carolinas Companies Find Profits in Iraq // Associated Press. 2004. May 2; *Mayfield J.* Understanding Islam and Terrorism — 9/11. 2002. August 6, www.texas-houstonmission.org, опубликовано January 7, 2005; *Mayfield S.* Letters from President Mayfield. 2004. February 27, www.texas-houstonmission.org, опубликовано January 7, 2005. Исследовательский институт Триангла вынужден был покинуть страну, после того как он отстранил местные исламские партии от законной власти в некоторых городах.

²¹ *Chandrasekaran R.* Defense Skirts State in Reviving Iraqi Industry // *Washington Post*. 2007. May 14.

Частные иракские фирмы закрывались одна за другой, неспособные сопротивляться потоку иностранных товаров, и сотрудники Бремера смотрели на это совершенно спокойно. На встрече с иракскими бизнесменами один из заместителей Бремера Майкл Флейшер подтвердил, что многие предприятия не смогут конкурировать с иностранными компаниями, но в этом и заключается красота свободного рынка. «Затопит ли вашу страну иностранный бизнес? — задал он риторический вопрос. — Ответ зависит от вас самих. Только самые лучшие из вас выживут». Это напоминало слова Егора Гайдара, который говорил о мелком бизнесе, разрушенном шоковой терапией: «Ну и что? Тот, кто умирает, заслужил свою смерть»²².

Как известно, план Буша — антимаршалловский план — не осуществился по всем пунктам. Иракцы не увидели в корпоративной реконструкции ничего хорошего, большинство из них восприняли это как завуалированный грабёж; американские корпорации никого не изумили скоростью и эффективностью своей работы, вместо этого, как сказал один иракский инженер, они превратили слово «восстановление» в «шутку, над которой никто не смеется»²³. И каждый такой промах усиливал народное недовольство, на что победители Саддама отвечали репрессивными мерами, и в итоге это породило порочный круг насилия, сделавший жизнь в Ираке адом. Одно из самых авторитетных исследований показало, что, по данным на июль 2006 года, война в Ираке унесла жизни 655 тысяч иракцев, которые бы остались живы, если бы не было вторжения и оккупации²⁴.

В ноябре 2006 года Ральф Питерс, бывший офицер армии США, писал в газете *USA Today*, что «мы дали иракцам уникальный шанс построить законную демократию», но они «предпочли сохранить свою ненависть, религиозное насилие, этнический фанатизм и культуру коррупции. Кажется, циники были правы: арабские общества не-

²² Эти слова Гайдара приводит Марк Масарский, консультант по вопросам предпринимательства в правительстве Москвы; *Krane J. Iraq's Fast Track to Capitalism Scares Baghdad's Businessmen // Associated Press. 2003. December 3; Nelson L.D., Kuzes I.Y. Privatization and the New Business Class // Russia in Transition: Politics, Privatization, and Inequality / Ed. D. Lane. London: Longman, 1995. P. 129; Begos K. Good Intentions Meet Harsh Reality // Winston-Salem Journal. 2004. December 19.*

²³ *Jamail D., Al-Fadhily A. U.S. Resorting to «Collective Punishment» // Inter Press Service. 2006. September 18.*

²⁴ *Burnham G. et al. Mortality after the 2003 Invasion of Iraq: A Cross-Sectional Cluster Sample Survey // Lancet 368. October 12. 2006. Pp. 1421—1428.*

способны поддерживать демократию, как мы ее понимаем. А люди имеют такое правительство, которое заслужили... Насилие, из-за которого улицы Багдада покрыты кровью, отражает не только некомпетентность правительства Ирака, но и полную неспособность арабского мира стремиться к более человеческой жизни. Мы наблюдаем распад цивилизации»²⁵. Хотя Питерс говорит достаточно резко, многие западные наблюдатели делают примерно такой же вывод: во всем виноват Ирак.

Но сектантство и религиозный экстремизм, воцарившиеся в Ираке, невозможно отделить от вторжения и оккупации. Хотя эти тенденции присутствовали и до начала войны, они были значительно слабее, пока Ирак не превратился в американскую лабораторию шоковой терапии. Заслуживает внимания тот факт, что в феврале 2004 года, через 11 месяцев после начала войны, опросы, проведенные Оксфордским университетом, показали, что большинство иракцев желали иметь светское правительство: лишь 21 процент опрошенных высказался в пользу исламского государства и только 14 процентов отдавали предпочтение «религиозным политикам». Шесть месяцев спустя, когда наступил новый и более жестокий этап оккупации, уже 70 процентов иракцев отдавали предпочтение исламским законам как основанию государства²⁶. В течение первого года оккупации практически никто не отмечал инцидентов насилия со стороны сектантских групп. Первое событие такого рода — взрывы в мечети шиитов в день Ашурра — произошло в марте 2004 года, через год после вторжения. Нет сомнения в том, что оккупация значительно углубила религиозную ненависть в Ираке.

Фактически все эти демоны, которые сегодня терзают Ирак: всеобщая коррупция, насилие сектантов, расцвет религиозного фундаментализма и «батальоны смерти», — набирали силу с каждым новым шагом плана Буша, противоположного плану Маршалла. После свержения Саддама Хусейна Ирак крайне нуждался в восстановлении и новом воссоединении, и страна этого заслужила, однако подобную работу могли выполнить только сами иракцы. Вместо этого в самый критический момент страну превратили в лабораторию дикого капитализма, который стравливал людей и отдельные группы между собой, упразднил сотни тысяч рабочих мест и лишил многих людей

²⁵ *Peters R. Last Gasp in Iraq // USA Today. 2006. November 2.*

²⁶ *National Survey of Iraq. 2004. February // Oxford Research International, p. 20, news.bbc.co.uk; MacIntyre D. Sistani Most Popular Iraqi Leader, US Pollsters Find // Independent. London. 2004. August 31.*

заработка и вместо справедливости принес безнаказанность иностранных захватчиков.

Как некомпетентность и кумовство в Белом доме, так и религиозный фанатизм и племенная структура в Ираке не являются подлинными причинами теперешнего бедственного положения. Эта катастрофа отражает суть капитализма, это кошмар ничем не связанной алчности на фоне войны. Фиаско Ирака прямо связано с точным и последовательным применением идеологии чикагской школы в ее чистом виде. Из этого можно сделать вывод, что между гражданской войной и корпоративистским проектом, составлявшим самую суть вторжения в Ирак, существует взаимосвязь, которую пока еще трудно оценить в полной мере. Это идеологический бумеранг, вернувшийся к тем, кто его бросил, или идеологическая «отдача».

Самый явный случай «отдачи» был спровоцирован первым значимым указом Бремера, в результате которого потеряли работу полмиллиона государственных служащих, преимущественно солдат, но также врачей, медсестер, учителей и инженеров. Так называемая «дебаасификация» была направлена на то, чтобы очистить государственный аппарат от приверженцев Саддама. Нет сомнений, что это — благородный мотив, однако остается загадкой, почему увольнение было столь массовым или почему это так сильно ударило по государственному сектору, в результате чего были наказаны простые работники, а не высокопоставленные чиновники.

Эта чистка напоминала атаки на государственный сектор, которые сопровождали шоковую терапию с того момента, как Милтон Фридман посоветовал Пиночету сократить государственные расходы на 25 процентов. Бремер не скрывал своей нелюбви к «сталинистской экономике», имея в виду государственные компании и огромные министерства Ирака, и без уважения относился к накопленному за долгие годы опыту инженеров, врачей, электриков и строителей дорог Ирака²⁷. Бремер понимал, что люди будут недовольны потерей работы, но, как недвусмысленно свидетельствуют его мемуары, не задумывался о том, что внезапное устранение иракских профессионалов не позволит функционировать иракскому государству и что это помешает самому Бремеру осуществить свои замыслы. Эта слепота не связана с плохим отношением к Саддаму, но она прямо связана с энтузиазмом относительно свободного рынка. Лишь такой человек, как Бремер, для которого пра-

²⁷ Bremer L.P. III My Year in Iraq, p. 71.

вительство является только бременем, а работники государственного сектора — лишними людьми, мог проводить такую политику.

Эта идеологическая слепота породила три неприятных последствия: процесс восстановления замедлился, поскольку опытные люди были сняты со своих постов, голоса сторонников светского Ирака приумолкли, а народное недовольство получило мощную поддержку. Многочисленные американские военные и разведчики признают, что 400 тысяч людей, лишившихся работы вследствие реализации программы Бремера, заметно увеличили ряды сопротивления. Томас Хэммс, полковник морского флота, сказал: «Теперь появилась не одна сотня тысяч вооруженных людей — они унесли свое оружие домой, — которые умеют им пользоваться, у которых нет будущего и которые имеют основания на вас злиться»²⁸.

Когда Бремер, следуя классическим рекомендациям чикагской школы, открыл границы Ирака для бесконечного потока импортных товаров и позволил иностранным компаниям свободно приобретать богатства страны, это вызвало ярость иракских бизнесменов. Многие из них начали финансировать сопротивление из своих доходов. Патрик Грехэм, изучавший движение сопротивления в суннитском треугольнике за первый год, писал в журнале *Harper's*, что иракские бизнесмены «возмущены новыми законами об иностранных инвестициях, которые позволяют иностранным компаниям скупать заводы по дешевке. Их доходы резко сократились, поскольку страна наполнена импортными товарами... Бизнесмены понимают, что для них остается единственное орудие конкуренции — насилие. Это элементарная логика бизнеса: чем больше проблем будет в Ираке, тем больше это осложнит деятельность иностранцев»²⁹.

Еще более сильную идеологическую отдачу вызывало желание Белого дома помешать будущему иракскому правительству отказаться от экономических законов Бремера — стремление фиксировать перемены в момент кризиса было обязательным с самого начала осуществления программ «структурной перестройки» МВФ. С точки зрения Вашингтона не было смысла вводить самый передовой порядок в мире для инвестирования, если бы независимое иракское правительство могло через несколько месяцев изменить эти законы. Большинство законов Бремера юридически оказались в «серой зоне» и не были по-настоящему легитимными, поэтому администрация Буша упорно

²⁸ The Lost Year in Iraq // *PBS Frontline*. 2006. October 17.

²⁹ *Graham P. Beyond Fallujah: A Year with the Iraqi Resistance // Harper's*. 2004. June 1.

стремилась создать новую конституцию Ирака — сначала временную, которая должна была закрепить законы Бремера, а затем постоянную, которая должна была сделать то же самое (хотя тут дело кончилось неудачей).

Многие юристы удивлялись тому, насколько Вашингтон озабочен созданием конституции. На первый взгляд казалось, что не было никакой необходимости создавать новый документ «с нуля» — иракская конституция 1970 года, которую Саддам полностью игнорировал, была вполне пригодной для жизни страны, перед которой стояли куда более срочные задачи. Что еще важнее, процесс создания конституции достаточно мучителен для любой страны, даже когда в ней царит мир. При этом на поверхность выходят все скрытые конфликты, соперничество, предрассудки и напряжения. Ирак после Саддама был разбитой и неустойчивой страной, и вынуждать ее, причем дважды, создавать конституцию означало усиливать разногласия в обществе. И эти переговоры действительно обнажили конфликты, которые до сих пор не сглажены и могут привести к разделению страны.

План Бремера по приватизации 200 государственных компаний, как и снятие всяких ограничений с торговли, многие иракцы восприняли как очередную войну со стороны США. Люди увидели, что иракские компании станут привлекательными для иностранных инвесторов лишь в том случае, если две трети их работников уволят. В одной из самых крупных государственных компаний Ирака, которая объединяет семь фабрик по производству кулинарного жира, мыла, жидкости для мытья посуды и других необходимых вещей, мне рассказали историю ее приватизации. Эта история ярко показывает, как планы приватизации усиливали вражду.

Я отправилась на комплекс фабрик в пригороде Багдада и там познакомилась с Махмудом, 25-летним уверенным в себе человеком с аккуратной бородой. Он рассказал, что работники фабрики через полгода после вторжения американцев «испытали шок, узнав, что их предприятие будет продано. Если компанию покупает частный инвестор, первым делом он произведет сокращение штатов, чтобы получить больше денег. А нас ждала крайне тяжелая участь, потому что фабрика была единственным источником заработка». И тогда группа из 17 работников, включая Махмуда, которых тревожило будущее, отправилась в кабинет одного из своих начальников. Произошла драка: один работник ударил начальника, его охранник в ответ начал стрелять в рабочих, те набросились на охранника. Он провел месяц в больнице. Через два

месяца произошло еще более жестокое столкновение. Когда начальник с сыном шел на работу, в него стреляли, тяжело ранив. В конце нашего разговора я спросила Махмуда, что случилось бы, если фабрику все-таки продали бы, невзирая на недовольство рабочих. Он ответил с доброй улыбкой: «Тут есть две возможности. Либо мы подожжем фабрику и дадим ей сгореть до-тла, либо мы сами придем туда и взорвемся. Но приватизации не будет». Это звучало как предупреждение — одно из многих — о том, что команда Буша явно переоценила свою способность сделать иракцев послушными с помощью шока.

Мечты Вашингтона о приватизации наткнулись на еще одно препятствие: фундаментализм свободного рынка наложил свой отпечаток и на самую оккупацию. Власти, засевшие в «зеленой зоне», имели слишком мало сотрудников и ресурсов, чтобы осуществить свои амбициозные планы, особенно учитывая решительное сопротивление людей, подобных Махмуду. Как пишет сотрудник газеты *Washington Post* Раджив Чандрасекаран, временное коалиционное правительство было настолько крохотным, что за грандиозную задачу приватизации государственных фабрик Ирака в нем отвечало всего-навсего три человека. «Вам не стоит за это браться», — советовали им гости из Восточной Германии; когда в этой стране распродавались государственные активы, за проект отвечало 8000 человек³⁰. Короче говоря, коалиционное правительство само было в такой мере приватизированным, что не могло провести приватизацию в Ираке.

Кроме малого штата у коалиционной администрации была еще одна проблема — в ней работали люди, которые с глубоким недоверием относились к государственному сектору, а потому задача воссоздания государства с нуля была им не по силам. Политолог Майкл Вульф объясняет это так: «Консерваторы не способны управлять хорошо по той же причине, по которой вегетарианец не способен приготовить первоклассное блюдо из говядины. Если человек думает, что делает нечто не совсем правильное, он вряд ли сможет это сделать хорошо». И Вульф добавляет: «Если говорить о правлении, то консерватизм — это катастрофа»³¹.

Именно это показал Ирак. Многие говорили, что Временная коалиционная администрация, назначенная США, состояла из слишком юных и неопытных людей; фактически 20 с небольшим республиканцев были назначены на ключевые посты, позволявшие им рас-

³⁰ Chandrasekaran R. Imperial Life in the Emerald City, p. 118.

³¹ Wolfe A. Why Conservatives Can't Govern // *Washington Monthly*. 2006. July—August.

поряжаться бюджетом Ирака в 13 миллиардов долларов³². Конечно, незрелость этой так называемой щенячьей команды вызывает удивление, но не это ее главный недостаток. Это были не просто знакомые между собой политики, но передовые бойцы американской контрреволюции против всех остатков кейнсианства. Многие из них были тесно связаны с фондом Heritage, который с самого своего основания в 1973 году был центром фридманизма. Поэтому не важно, были это 22-летние стажеры Дика Чейни или 60-летние руководители университетов, важно, что все они были пропитаны антипатией к государству и управлению; это помогало им демонтировать системы социальной защиты и государственного образования у себя на родине, но не помогало создавать государственные институты взамен уничтоженных.

Фактически многие из них не верили в необходимость такого строительства. Джеймс Хевмен, ответственный за восстановление иракского здравоохранения, по идеологическим причинам был противником бесплатной государственной системы заботы о здоровье; поэтому в стране, где детская смертность в 70 процентах случаев вызвана излечимыми болезнями, такими как расстройство желудка, а медицинские инкубаторы для герметизации заклеивают липкой лентой, он видел свою главную задачу в приватизации системы распределения лекарств³³.

Нехватка опытных государственных служащих в «зеленой зоне» не объясняется простой оплошностью — она следствие того, что оккупация Ирака с самого начала была радикальным экспериментом по созданию «оболочечного» правительства. К тому времени как интеллектуальные столпы общества прибыли в Багдад, все важнейшие роли в реконструкции Ирака уже были переданы Halliburton и KPMG. Задача государственных служащих сводилась к распределению денег на мелкие расходы — в Ираке это означало, что они вручали бумажные пакеты со стодолларовыми купюрами подрядчикам. Это картинно отображало роль правительства в корпоративистском государстве — работать конвейерной лентой для передачи общественных денег в частные руки.

Эта непрерывно движущаяся лента конвейера порождала ненависть к США среди иракцев, требовавших, чтобы Ирак согласился

³² Cha A.E. In Iraq, the Job Opportunity of a Lifetime // *Washington Post*. 2004. May 23.

³³ Chandrasekaran R. Imperial Life in the Emerald City, pp. 214—218; Miller T.C. U.S. Priorities Set Back Its Healthcare Goals in Iraq // *Los Angeles Times*. 2005. October 30.

на радикальный свободный рынок без государственных субсидий или защиты торговли. В одной из многочисленных лекций для иракских бизнесменов Майкл Флейшер объяснял, что «защищенный бизнес никогда не становится соревнованием»³⁴. Похоже, он не замечал комизма этой ситуации, поскольку Halliburton, Parsons, KPMG, Исследовательский институт Триангла, Blackwater и другие американские корпорации, которые наживались на реконструкции Ирака, находились под сильнейшей защитой: правительство США с помощью войны создавало новые рынки, не позволяя их конкурентам даже вступать в состязание, затем оплачивало их работу, гарантируя в придачу также и прибыль, — и все это за счет денег налогоплательщиков. Крестовый поход чикагской школы, который начался с желания демонтировать статичный и протекционистский «Новый курс», достиг своего апогея, породив корпоративный «новый курс». Это была простая и более опустошительная форма приватизации — не надо было передавать из одних рук в другие больших активов, достаточно скармливать корпорациям деньги из государственных сундуков. Можно обойтись без инвестиций и бухгалтерии, а доходы это приносит невероятные.

Эти двойные стандарты вызывали приступы гнева у иракцев, как и то, что их систематически отстраняли от участия в этом плане. Они уже пострадали от экономических санкций, а затем от вторжения, и, естественно, надеялись, что восстановление страны принесет им какую-то пользу — не только когда дело будет завершено, но и в самом процессе, когда появятся рабочие места. И когда в Ирак стали приезжать десятки тысяч иностранцев, чтобы работать на иностранных подрядчиков, иракцы воспринимали это как новое вторжение. Это было не восстановление, но разрушение в новой форме: масштабное уничтожение промышленности, которая раньше была гордостью страны — и это чувство объединяло людей, несмотря на все их разногласия. Во время правления Бремера лишь 15 тысяч иракцев были наняты для участия в реконструкции, финансируемой американцами, — это поразительно малая цифра³⁵. «Народ Ирака увидел, что все эти контракты получают иностранцы и они привозят собственных охранников и инженеров, а нам остается лишь быть зрителями — чего же тут можно было ожидать?» — сказал мне Ноури Ситто,

³⁴ *Krane J. Iraqi Businessmen Now Face Competition // Associated Press. 2003. December 3.*

³⁵ *Chandrasekaran R. Imperial Life in the Emerald City, p. 288.*

американец иракского происхождения, с которым мы встретились в «зеленой зоне». Ситто вернулся в Багдад, чтобы помогать Временной коалиционной администрации в восстановлении Ирака, но он устал быть слишком дипломатичным. «Экономика — это первоочередная причина терроризма и отсутствия безопасности в стране».

Во многом акты насилия прямо направлены против иностранной оккупации, ее проектов и работников. Некоторые из этих атак явно исходят от иракских группировок вроде «Аль-Каиды», которые сознательно стремятся распространять хаос. Однако если бы восстановление Ирака с самого начала было проектом народа, население страны пыталось бы защищать его как часть своего общества, что сильно затруднило бы работу провокаторов.

Администрации Буша было нетрудно поставить условие, чтобы любая компания, получающая деньги налогоплательщиков США, использовала для осуществления своих проектов труд иракцев. Кроме того, многие работы можно было бы поручить непосредственно иракским фирмам. Такие простые и понятные меры годами не применялись, потому что они вступали в конфликт с основной задачей, стоящей за всем проектом, — превратить Ирак в развивающийся рынок в ситуации экономического бума, но все знают, что такая ситуация не возникает там, где есть правила и законы, а возникает в их отсутствие. Таким образом, ради скорости и эффективности подрядчикам разрешили нанимать рабочую силу, какую они пожелают, привозить работников из других стран и свободно передавать субподряды любой другой компании.

Если бы через шесть месяцев после вторжения иракцы увидели, что они пьют чистую воду, поступающую по трубам Bechtel, их дома освещают лампы GE, больных лечат в госпиталях, построенных Parsons, а улицы патрулируют компетентные полицейские, прошедшие подготовку в DynCorp, многие (хотя не все) граждане Ирака могли бы забыть о своей обиде на то, что их исключили из процесса восстановления. Но этого не произошло. И еще до того момента, как иракское сопротивление начало систематически атаковать проекты реконструкции, всем было очевидно, что выполнение такой масштабной задачи на основе принципа неограниченной свободы предпринимательства обернулось катастрофой.

Свободные от любых правил, во многом защищенные от уголовных обвинений и работающие на основе контрактов, гарантирующих возмещение всех издержек плюс прибыль, многие иностранные

корпорации повели себя вполне предсказуемо: начали мошенничать самым диким образом. Крупные подрядчики, которых в Ираке называли «первыми», разработали сложные схемы субподрядов. Они открыли свои офисы в «зеленой зоне» или даже в Кувейте или Аммане, а затем сделали своими субподрядчиками кувейтские компании, которые, в свою очередь, заключили субконтракты с саудовскими, а последние, когда ситуация в Ираке стала слишком небезопасной, заключили субконтракты с иракскими фирмами, часто из Курдистана, за малую часть от нормальной стоимости работы. Сенатор от демократов Байрон Дорган описывал эту сеть на примере контракта на установку кондиционеров в Багдаде такими словами: «Контракт передается субподрядчику, который передает его своему субподрядчику, а тот — субподрядчику четвертого уровня. Так что стоимость кондиционеров включает оплату труда четырех подрядчиков. В итоге именно четвертый устанавливает в комнате вентилятор. Да, американские налогоплательщики заплатили за кондиционеры, но эти деньги таяли как кусок льда, переходящий из рук в руки четырех человек, и в результате всего в Ираке в комнате устанавливают вентилятор»³⁶. При этом иракцы на каждом этапе наблюдали, как крадут деньги, отпущенные им на помощь, пока страна переживала трудные времена.

Когда в ноябре 2006 года Bechtel упаковала имущество и покинула Ирак, компания во всем обвиняла «вездесущее насилие», которое помешало ей завершить свои проекты. Но подобные неудачи работы подрядчиков начались задолго до того, как вооруженное сопротивление в Ираке набрало силу. Первые же школы, перестроенные Bechtel, немедленно вызвали поток жалоб³⁷. В начале апреля 2004 года, когда волна насилия еще не охватила Ирак, я посетила Центральный детский госпиталь в Багдаде. Предполагалось, что его восстанавливали американские подрядчики. Я увидела, что по коридорам текут потоки нечистот, ни один из туалетов не работает, а люди, которые пытались ликвидировать эту грязь, были настолько бедны, что ходили босиком, — это были субподрядчики четвертого уровня, как и женщины за столами, которые что-то вышивали для подрядчика подрядчика подрядчика Wal-Mart.

³⁶ National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2007 // *Congressional Record* — Senate. 2006. June 14. P. S5855.

³⁷ Witte G. Despite Billions Spent, Rebuilding Incomplete // *Washington Post*. 2006. November 12; Murphy D. Quick School Fixes Won Few Iraqi Hearts // *Christian Science Monitor*. 2004. June 28.

Эти мошенничества тянулись три с половиной года, пока все главные американские подрядчики, занимавшиеся реконструкцией, не покинули Ирак, растратив миллиарды и оставив массу недоделанных проектов. Parsons получила 186 миллионов долларов на строительство 142 объектов здравоохранения. Из них компании удалось завершить только шесть. Даже те проекты, которые считались образцовыми достижениями реконструкции, вызывают некоторые сомнения. В апреле 2007 года инспекторы из США в Ираке осмотрели восемь проектов, выполненных американскими подрядчиками, включая родильный дом и систему очистки воды. Они пришли к выводу, как о том писала газета *New York Times*, что «семь уже не действуют так, как было задумано». В той же статье говорилось, что единая энергосистема Ирака в 2007 году производит значительно меньше электричества, чем в 2006³⁸. В декабре 2006 года, когда сроки всех главных контрактов по восстановлению были завершены, служба генерального инспектора рассматривала 87 случаев вероятного мошенничества, связанного с работой американских подрядчиков в Ираке³⁹. Коррупция во время оккупации не была результатом дурного руководства, она была частью самой программы: если Ирак должен стать очередной территорией дикого капитализма, надо избавить страну от законов⁴⁰.

Временная коалиционная администрация Бремера не пыталась остановить незаконные сделки с ценными бумагами, обман и мошенничество, потому что оно само было мошенничеством, хотя и носило титул оккупационной власти США, что было только названием. Именно это подчеркивал судья на известном процессе в связи с коррупцией в компании Custer Battles.

Два бывших сотрудника этой компании, занимавшейся безопасностью, обвинили ее в том, что она жульничала, заключая контракты по восстановлению Ирака с администрацией Бремера (особенно это касается работ в Международном аэропорту Багдада), и нанесла правительству США ущерб, оцениваемый в миллионы долларов. Дело осно-

³⁸ Witte G. Contractors Rarely Held Responsible for Misdeeds in Iraq // *Washington Post*. 2006. November 4; Miller T.C. Contractor's Plans Lie Among Ruins of Iraq // *Los Angeles Times*. 2006. April 29; Glanz J. Inspectors Find Rebuilt Projects Crumbling in Iraq // *New York Times*. 2007. April 29; Glanz J. Billions in Oil Missing in Iraq, U.S. Study Says // *New York Times*. 2007. May 12.

³⁹ Интервью по электронной почте с Кристиной Белисл, вторым помощником генерального инспектора по Конгрессу и общественным связям, особым инспектором по восстановлению Ирака, 15 декабря 2006 года.

⁴⁰ Hirsh M. Follow the Money.

вывалось на документах компании, которые ясно показывали, что она в прямом смысле слова вела двойную бухгалтерию: одну для себя, другую для коалиционной администрации. Хью Тэнт, бригадный генерал в отставке, сказал, что это, «вероятно, самое крупное мошенничество из тех, что мне приходилось видеть за тридцать лет службы в армии». (Среди нарушений закона, о которых речь шла на суде, было и такое: в аэропорту компания Custer Battles присвоила себе вильчатые погрузчики, принадлежащие Ираку, выкрасила их и представила правительству счет за долгосрочную аренду машин⁴¹.)

В марте 2006 года федеральное жюри в Вирджинии признало компанию виновной в мошенничестве и обязало ее уплатить 10 миллионов долларов в качестве возмещения убытков. Тогда представители компании попросили судью отменить это решение, выдвинув красноречивый аргумент в свою защиту. Они заявили, что Временная коалиционная администрация Ирака не является частью правительства США, а потому не подчиняется его законам, включая Закон о ложных притязаниях. Это заявление имело огромные последствия: администрация Буша освободила американские корпорации, работающие в Ираке, от обязанности подчиняться иракским законам, но если администрация Бремера не подчиняется также и законам США, значит, подрядчики не подчиняются никаким законам вообще — ни американским, ни иракским. В тот раз решение судьи было благоприятным для компании: он сказал, что суд располагает многочисленными доказательствами того, что Custer Battles представляла Временной коалиционной администрации «ложные и мошеннические завышенные счета», однако истцам «не удалось доказать, что этот обман был направлен против Соединенных Штатов»⁴². Иными словами, присутствие правительства США в Ираке в течение первого года проведения экономического эксперимента оказалось миражом — правительства не было, была лишь труба для перекачки денег американских налогоплательщиков и иракских нефтяных долларов иностранным корпорациям, находящимся полностью вне действия законов. В этом

⁴¹ Witte G. Invoices Detail Fairfax Firm's Billing for Iraq Work // *Washington Post*. 2005. May 11; Babcock Ch.R. Contractor Bilked U.S. on Iraq Work, Federal Jury Rules // *Washington Post*. 2006. March 10; Eckholm E. Lawsuit Accuses a Contractor of Defrauding U.S. Over Work in Iraq // *New York Times*. 2004. October 9.

⁴² Merle R. Verdict against Iraq Contractor Overturned // *Washington Post*. 2006. August 19; Eckholm E. On Technical Grounds, Judge Sets Aside Verdict of Billing Fraud in Iraq Rebuilding // *New York Times*. 2006. August 19.

смысле Ирак представлял собой наивысшее выражение антигосударственной контрреволюции — пустое государство, где, как установил суд, самого государства не было.

Передав миллиарды долларов подрядчикам, Временная коалиционная администрация исчезла. Ее сотрудники вернулись в частный сектор, и когда стали вспыхивать скандалы, не осталось никого, кто мог бы отвечать за эту печальную деятельность в «зеленой зоне». Но в Ираке сильно ощущалась эта пропажа миллиардов долларов. «Ситуация сейчас стала еще хуже и не похоже, чтобы положение улучшалось, несмотря на огромные контракты с американскими компаниями, — сказал инженер, сотрудничающий с Министерством электроэнергии, через неделю после того, как Bechtel объявила, что покидает Ирак. — Удивительно, что миллиарды долларов, потраченные на электричество, совершенно не улучшили, но даже ухудшили ситуацию». Таксист в Мосуле удивлялся: «Что это за восстановление? Сегодня мы пьем необработанную воду из системы, построенной десятки лет назад, которой никто не занимался. Электричество у нас бывает два часа в сутки. И мы движемся вспять. Мы готовим еду на дровах, потому что у нас нехватка газа»⁴³.

Катастрофический провал плана реконструкции также прямо связан с самой тяжелой формой «отдачи» — с опасным распространением религиозного фундаментализма и межрелигиозных конфликтов. Когда оккупационные власти не смогли обеспечить работу самых необходимых служб, пустоту заполнили мечети и местные люди с оружием. Молодой религиозный активист из шиитов Муктада аль-Садр ярко продемонстрировал неудачи приватизированной реконструкции Бремера, начав свою неофициальную реконструкцию в трущобах шиитов от Багдада до Басры, благодаря чему у него появились ревностные последователи. На деньги мечетей, а позднее, быть может, и при поддержке Ирана он основал центры, которые посылали электриков восстанавливать провода и телефонную связь, организовывали сбор мусора, устанавливали аварийные генераторы, совершали необходимые поездки и регулировали дорожное движение. «Я увидел пустоту, и никто не мог ее заполнить, — говорил аль-Садр в первые дни такой работы. И добавлял: — Что я могу делать, то и делаю»⁴⁴. Кроме того, он собирал молодых людей, у которых не было ни работы,

⁴³ *Jamail D., Al-Fadhily A. Bechtel Departure Removes More Illusions // Inter Press Service. 2006. November 9; Witte G. Despite Billions Spent, Rebuilding Incomplete.*

⁴⁴ *Shadid A. Night Draws Near, pp. 173, 175.*

ни перспектив в Ираке под управлением Бремера, выдавал им черную одежду и раздавал ржавые автоматы Калашникова. Так появилась «Армия Махди», сегодня одна из самых жестоких сил среди иракских религиозных фанатиков. Эти вооруженные бойцы также являются наследием корпоративизма: если бы реконструкция позволила создать рабочие места, безопасность и работу важнейших служб в Ираке, аль-Садр не мог бы начать свою миссию и остался бы без многих своих последователей. Но провал корпоративной Америки заложил основы успеха аль-Садра.

Ирак под управлением Бремера был плодом логического развития теории чикагской школы: количество работников в государственном секторе сведено к минимуму, в основном всем заправляли контрактники, живущие в городе-государстве от Halliburton, которые подписывали благоприятные для корпораций законы, составленные КРМГ, передавали брезентовые мешки с деньгами западным подрядчикам, охраняемым наемными солдатами, и пользовались полным судебным иммунитетом. И они жили в окружении разъяренных людей, которые все больше пропитывались духом религиозного фундаментализма, потому что он был единственным источником власти в ситуации «оболочечного» государства. Как бандитизм в России или кумовство около Буша, Ирак был порождением 50-летнего крестового похода за приватизацию мира. И хотя сами его вожди этого не признают, теперешний Ирак надо рассматривать как самое чистое из всех, бывших доселе, выражение той идеологии, которая его породила.

КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ:

ОТ «ЧИСТОГО ЛИСТА» К ВЫЖЖЕННОЙ ЗЕМЛЕ

**Не легче ли будет
Для правительства в таком случае
Распустить этот народ
И выбрать другой?**

Бертольд Брехт «Решение», 1953 г.¹

Ирак — это последний великий рубеж на Ближнем Востоке... В Ираке пробито 80 процентов нефтяных скважин из всех, когда-либо открытых.

Дэвид Хорган, глава ирландской нефтяной компании Petrel, январь 2007 г.²

Могла ли администрация Буша не подозревать, что ее экономическая программа может вызвать ответное насилие в Ираке? Тот человек, который вероятнее всего думал о ее возможных негативных последствиях, и осуществлял эту программу. Его звали Пол Бремер. В ноябре 2001 года, вскоре после создания новой антитеррористической компании Crisis Consulting Practice, Бремер написал записку для своих клиентов, где объяснял, почему транснациональные корпорации сталкиваются с повышенным риском террористических актов как у себя в стране, так и за границей. В статье «Новый риск для международного бизнеса» (New Risks in International Business) он рассказывал своим VIP-клиентам,

¹ Brecht B. The Solution // *Poems, 1913—1956* / Eds. J. Willett, R. Manheim. 1976, repr. New York: Methuen, 1979. P. 440.

² Pfeifer S. Where Majors Fear to Tread // *Sunday Telegraph*. London. 2007. January 7.

что они сталкиваются с опасностью из-за той самой экономической схемы, которая позволила им разбогатеть. Свободная торговля, писал Бремер, «породила беспрецедентные богатства», но она же оборачивается «непосредственными негативными последствиями для многих». Он «требует увольнения работников. Рынок, открытый для международной торговли, оказывает неимоверное давление на традиционных продавцов и торговых монополистов». Все эти перемены «увеличивают неравенство по уровню доходов и социальное напряжение», что в свою очередь может привести к разнообразным атакам на американские фирмы, включая террористические акты³.

Именно это и произошло в Ираке. Если авторы войны внушили себе, что их экономическая программа не вызовет ответного политического удара, их надежды основывались не на том, что иракцы добровольно согласятся на программу систематического разорения. Скорее организаторы войны рассчитывали на нечто иное — на дезориентацию иракцев, их коллективную регрессию, неспособность уследить за скоростью преобразований. Другими словами, они полагались на силу шока. Главную мысль шоковых терапевтов для Ирака — и военных, и экономических — лучше всего выразил бывший заместитель госсекретаря Ричард Армитидж, который сказал, что иракцы будут настолько потрясены военной мощью США и настолько счастливы избавиться от Саддама, «что их будет несложно провести из пункта А в пункт Б»⁴. Затем, через несколько месяцев, они очнутся от послевоенного ошеломления и с приятным удивлением откроют, что живут в арабском Сингапуре, что их страна стала «тигром на Тигре», по восторженным словам одного аналитика рынка.

Вместо этого многие иракцы немедленно потребовали права участвовать в перестройке собственной страны. И именно ответ администрации Буша на такой незапланированный поворот событий вызвал самую сильную «отдачу» со стороны иракского народа.

Демонтаж демократии

Летом после вторжения в Ирак народ испытывал сильнейший голод по участию в политике, так что в Багдаде, вопреки всем бытовым трудностям, воцарилась карнавальная атмосфера. Несмотря на злость по поводу увольнений, на недовольство в связи с переборами

³ *Bremer L.P. III New Risks in International Business // Viewpoint. 2001. November 2, www.mmc.com, опубликовано 26 мая 2003 г.*

⁴ *McKew M. Confessions of an American Hawk // The Diplomat. 2005. October—November.*

в работе электричества и иностранных подрядчиков, многие месяцы накопленный гнев выражался в звучании свободных и живых речей. Тем летом ежедневно происходили протесты около ворот «зеленой зоны», в основном там стояли люди, требующие вернуть им работу. Появились сотни новых газет, в которых критиковали Бремера и его экономическую программу. В мечетях по пятницам звучали политические проповеди, и о такой свободе при Саддаме невозможно было и мечтать.

И что самое удивительное — по всей стране в городах и селениях проходили спонтанные выборы. Освободившись от железной хватки Саддама, люди сходились и выбирали лидеров, которые должны были стать их представителями в новую эпоху. В таких городах, как Самарра, Хилла и Мосул, встречались религиозные вожди, профессионалы и простые люди, которые вместе определяли приоритеты восстановления, опровергая все опасения насчет религиозного фанатизма и фундаментализма. Это были жаркие встречи, но, по рассказам многих очевидцев, они были одновременно полны радости: задача была крайне сложной, но свобода стала реальностью. И во многих случаях американские военные, которые верили словам президента, сказавшего, что армия была послана в Ирак для утверждения демократии, этому способствовали: они помогали проводить выборы и даже строили урны для голосования.

Энтузиазм относительно демократии в сочетании с резким неприятием экономической программы Бремера ставили администрацию Буша в неловкое положение. Он открыто обещал передать власть законно избранному иракскому правительству через несколько месяцев и дать иракцам возможность участвовать в принятии решений уже сейчас. Но в первое лето оккупации ни у кого не оставалось сомнений в том, что если американцы откажутся от власти, им стоит забыть о своей мечте превратить Ирак в образцовую приватизированную экономическую систему с вкраплением военных баз США; население было слишком проникнуто экономическим национализмом, особенно когда дело касалось иракских запасов нефти, самого дорогого, что у него было. Поэтому Вашингтон отказался от обещанной демократии и вместо этого увеличил уровень шока в надежде, что его большие дозы сделают свое дело. И это решение означало, что борьба за свободный рынок в его чистом виде сделала полный круг и вернулась к своим истокам — к тому, что происходило в странах южного конуса в Латинской Америке, где экономическая шоковая терапия вводилась

с помощью жестокого подавления демократии, исчезновения людей и пыток для всякого, кто стоял на ее пути.

Когда Пол Бремер прибыл в Ирак, США планировали собрать большое учредительное собрание, в котором были бы представлены все части иракского общества, чтобы его делегаты голосованием избрали временный исполнительный совет. Проведя две недели в Багдаде, Бремер отказался от этой идеи. Вместо этого он решил сам отобрать кандидатов в Правительственный совет Ирака. В письме к президенту Бушу Бремер назвал этот процесс отбора членов совета из иракцев «помесью игры в жмурки и трехмерные крестики-нолики»⁵.

Бремер сказал, что этот совет получит право управлять, но снова переменял свое решение. «Мое знакомство с Правительственным советом на этом этапе заставляет предположить, что это не слишком хорошая идея», — сказал бывший посланник позднее, объясняя, что члены совета были слишком медлительны и склонны к совещаниям и размышлениям, а эти характеристики плохо сочетались с планом шоковой терапии. «Они неспособны организовать парад двух автомобилей, — говорил Бремер. — Они были просто не в состоянии принимать решения своевременно, а то и вообще принимать решения. Кроме того, мне казалось, что чрезвычайно важно сначала создать конституцию, а уже потом передавать суверенитет кому бы то ни было»⁶.

Следующей проблемой для Бремера стали выборы, спонтанно происходившие в городах и селениях по всей стране. В конце июня, уже на втором месяце пребывания в Ираке, Бремер отдал распоряжение о немедленной приостановке всех местных выборов. Согласно новому плану местных лидеров должны были назначить оккупационные власти, как это было с Правительственным советом. Показательный случай произошел в Наджафе, священном городе иракских шиитов, которые были самой крупной религиозной группировкой в стране. Наджаф начал готовиться к проведению выборов при помощи американских военных, но всего за день до регистрации подполковник, отвечавший за организацию городских выборов, получил звонок от командующего морских пехотинцев Джима Матиса. «Выборы отменялись. Бремер беспокоился, что к власти придут враждебно настро-

⁵ *Bremer L.P. III My Year in Iraq*, p. 93.

⁶ Интервью с Полом Бремером 26 июня и 18 августа 2006 года. *The Lost Year in Iraq // PBS Frontline*. 2006. October 17.

енные исламские кандидаты... Бремер не мог позволить не тем людям победить на выборах. Морякам посоветовали найти группу иракцев, которые, по их мнению, надежны, и предложить им выбрать мэра. Таким образом Соединенные Штаты будут контролировать этот процесс», — писали Майкл Гордон и генерал Бернард Трейнор, авторы книги «Кобра II», которую считают чисто военным описанием вторжения. В итоге американские военные чины назначили мэром Наджафа полковника, служившего при Саддаме, и подобное происходило в других городах по всей стране⁷.

В некоторых случаях о запрете Бремера узнавали уже после того, как иракцы проголосовали за местных представителей. Но Бремера это не смущало, он отдал распоряжение создать новые советы. В провинции Таджи Исследовательский институт Триангла — подрядчик по «строительству демократии», в котором задавали тон мормоны, — упразднил совет, который местные люди выбрали за несколько месяцев до прибытия представителей института, и настаивал на проведении новых выборов. «Мы ощущаем, что движемся назад», — жаловались люди. Бремер настойчиво повторял, что не существует «сплошного запрета» на демократию. «Я не против демократии, но хочу создавать ее таким образом, чтобы принимать во внимание и наши интересы... Преждевременные выборы могут причинить вред. Это надо делать крайне осторожно»⁸.

На том этапе иракцы все еще ожидали, что Вашингтон будет верен своему обещанию провести в стране выборы и передать власть непосредственно в руки правительства, избранного большинством голосов. Но в ноябре 2003 года, отменив местные выборы, Бремер полетел в Вашингтон на срочное совещание в Белом доме. Вернувшись в Багдад, он заявил, что вопрос о всеобщих выборах снят с повестки дня. Первое «суверенное» правительство Ирака будет не выбрано, а назначено.

⁷ Booth W., Chandrasekaran R. Occupation Forces Halting Elections Throughout Iraq // *Washington Post*. 2003. June 28; Gordon M.R., Trainor B.E. Cobra II, p. 490; Booth W. In Najaf, New Mayor Is Outsider Viewed with Suspicion // *Washington Post*. 2003. May 14. Отчасти этим можно объяснить, почему «дебаасификация» вызвала такую ярость: обычные солдаты потеряли работу наряду с учителями и врачами, которым когда-то пришлось вступить в партию ради карьеры, в то время как военные высшего звена — приверженцы партии «Баас», которые прославились нарушениями прав человека, — были выдвинуты в советы и поддерживали порядок в городах и селениях.

⁸ Cha A.E. Hope and Confusion Mark Iraq's Democracy Lessons // *Washington Post*. 2003. November 24; Booth W., Chandrasekaran R. Occupation Forces Halting Elections Throughout Iraq.

Возможно, эта перемена решения связана с результатами опросов, проведенных в тот период Международным республиканским институтом, базирующимся в Вашингтоне. Иракцам предлагали ответить на вопрос, за какого рода политиков они бы охотнее проголосовали, если бы им дали такую возможность. Результаты опроса должны были насторожить корпоративистов «зеленой зоны»: 49 процентов иракских респондентов ответили, что проголосовали бы за партию, которая обещает создать «больше государственных работ». Проголосовать же за партию, обещающую создать «больше работ в частном секторе», пожелали только 4,6 процента опрошенных. На вопрос, станут ли они голосовать за партию, обещающую «сохранить силы коалиции до тех пор, пока не закончатся проблемы с безопасностью», положительный ответ дали лишь 4,2 процента людей⁹. Проще сказать, если бы иракцам позволили свободно выбирать новое правительство и это правительство получило реальную власть, Вашингтону пришлось бы отказаться от осуществления двух важнейших целей войны: размещения на территории Ирака военных баз США и получения свободного доступа к стране для американских транснациональных монополий.

Некоторые критики из неоконсервативного крыла режима Буша говорили, что план относительно Ирака делал слишком сильную ставку на демократию и чрезмерно надеялся на самоопределение этой страны. Из этой картины исключены подлинные события всего первого года оккупации, когда Бремер рубил гидру демократии, как только она поднимала очередную голову. За первые шесть месяцев пребывания на своем посту он отменил учредительное собрание, отклонил идею выбрать людей для работы над конституцией, запретил десятки местных выборов и выборов в провинциях или аннулировал их результаты, а затем поборол чудище национальных выборов — вряд ли это похоже на действия идеалиста-демократа. И ни один из высокопоставленных неоконсерваторов, которые сетуют, что проблемы Ирака объясняются отсутствием «кого-либо с иракским лицом», не поддержал призывы провести прямые выборы, раздававшиеся на улицах Багдада и Басры.

Многие из тех, кто попали в Ирак в первые месяцы вторжения, видят прямую связь между решениями, позволявшими откладывать или уродовать демократию, и ужасающим подъемом вооруженного

⁹ Foote C., Block W., Crane K., Gray S. Economic Policy and Prospects in Iraq // Public Policy Discussion Papers. 2004. May 4. № 04—1. Boston: Federal Reserve Bank of Boston, 2004. P. 37, www.bosfed.org.

сопротивления. Салим Лоун, дипломат ООН, который оказался в Ираке после вторжения, мог наблюдать, что тут решающую роль сыграли антидемократические решения Бремера. «Первое нападение на иностранные представительства в Ираке, например, произошло вскоре после того, как в июле 2003 года Соединенные Штаты назначили первое руководство страны — Правительственный совет Ирака: раздались взрывы в представительстве Иордании, а вскоре в багдадской штаб-квартире ООН, когда погибло много невинных жертв... недовольство составом этого совета, а также поддержкой этого органа со стороны ООН явно чувствовалось в Ираке». Многие друзья и коллеги Лоуна погибли при этом теракте¹⁰.

Когда Бремер отменил национальные выборы, иракские шииты почувствовали себя преданными. Как самая крупная этническая группа, они надеялись после десятилетий опалы получить превосходство в новом правительстве. Сначала сопротивление шиитов носило форму мирных массовых демонстраций: 100 тысяч протестующих в Багдаде, 30 тысяч — в Басре. Они скандировали лозунг: «Выборы — да, да! Назначение — нет, нет!» Али Абдель Хаким аль-Сафи, второй по значению духовный лидер шиитов Ирака, писал, обращаясь к Джорджу Бушу и Тони Блэру: «Наше главное требование тут заключается в создании конституционных учреждений с помощью выборов, а не назначений». Он заявил, что новый план Бремера — это «просто-напросто замена одной диктатуры другой», и предупреждал, что если этот план осуществится, они будут втянуты в битву, в которой невозможно победить¹¹. На Буша и Блэра эти слова не произвели впечатления, они говорили, что демонстрации — это свидетельство расцвета свободы, но одновременно остались верны своему плану назначения первого правительства Ирака после эпохи Саддама.

Именно в таких обстоятельствах Муктада аль-Садр стал политической силой, с которой приходилось считаться. Когда другие ведущие шиитские партии согласились участвовать в назначенном правительстве и подчиняться временной конституции, написанной в «зеленой зоне», аль-Садр покинул ряды покорных, объявил сам процесс создания правительства и конституцию незаконными и открыто сравнивал Бремера с Саддамом Хусейном. И тогда же он всерьез взялся

¹⁰ Lone S. Iraq: This Election Is a Sham // *International Herald Tribune*. Paris. 2005. January 28.

¹¹ Al-Sistani's Representatives Threaten Demonstrations, Clashes in Iraq // BBC Monitoring International Reports, report by Lebanese Hezbollah TV Al-Manar. 2004. January 16; *El-Magd* N.A. U.S. Commander Urges Saddam Holdouts to Surrender // *Associated Press*. 2004. January 16.

за создание «Армии Махди». Когда мирным путем ничего добиться не удалось, многие шииты пришли к убеждению, что демократия большинства голосов станет реальностью только в том случае, если они будут за нее бороться.

Если бы администрация Буша выполнила обещание быстро передать власть выбранному иракскому правительству, вероятнее всего, сопротивление оказалось бы слабым и контролируемым, а не превратилось в бунт всей страны. Но для его выполнения пришлось бы пожертвовать экономической программой, стоящей за войной, а это никак не входило в планы. Вот почему насилие как ответ на подавление иракской демократии можно назвать идеологической отдачей.

Шок для тела

Сопротивление нарастало, а оккупанты в ответ все больше применяли шок в новой форме. Поздно ночью или ранним утром солдаты вламывались в двери, освещая фонарями темные комнаты, и наполняли дом криками, из которых местные жители могли разобрать лишь несколько слов: «...вашу мать», «Али-Баба» или «Усама бен Ладен». Женщины, увидев вторгшихся в дом незнакомцев, лихорадочно искали, чем бы прикрыть лица, мужчинам насильно надевали на головы мешки, затем вталкивали в армейские грузовики и отвозили в тюрьмы и временные лагеря. За первые три с половиной года оккупации американцы схватили и бросили в тюрьмы около 61,5 тысячи иракцев, обычно с использованием методов, которые «усиливают шок задержания». По данным на весну 2007 года, около 19 тысяч из них оставались под стражей¹². В тюрьме задержанных ожидали новые порции шока: ведра ледяной воды, рычащие и скалящие зубы немецкие овчарки, удары и пинки, а иногда электрические оголенные провода.

Три десятилетия назад неолиберальный крестовый поход начался с подобных вещей: людей, относящихся к так называемым «подрывным элементам» и «пособникам террористов», вытаскивали из жилищ, закрывали им глаза повязками и колпаками, кидали в тесные тюрьмы, где их ожидали побои или нечто худшее. Теперь, благодаря мечте создать в Ираке образцовый свободный рынок, этот поход совершил полный круг и вернулся к началу.

Пытки стали практически повсеместным явлением по той причине, что Дональд Рамсфельд решил превратить армию в подобие

¹² Moss M. Iraq's Legal System Staggers Beneath the Weight of War // *New York Times*. 2006. December 17; Kraul C. War Funding Feud Has Iraqis Uneasy // *Los Angeles Times*. 2007. April 28.

современной корпорации, передающей свои функции посторонним исполнителям. Думая о дислокации войск, он вел себя скорее не как министр обороны, но как вице-президент Wal-Mart, экономящий на оплате труда подчиненных. Генералы изначально предлагали задействовать 500 тысяч военных, Рамсфельд не пошел у них на поводу и сократил это количество до 200 тысяч, потом и это показалось ему слишком много: в самую последнюю минуту, как будто в нем разыграл дух руководителя компании, он исключил еще несколько десятков тысяч военных из плана битвы¹³.

Хотя эти войска были в состоянии свергнуть Саддама, они не могли справиться с ситуацией, которую породили в Ираке указы Бремера, когда население перешло к открытому бунту, а иракские армия и полиция были упразднены и не заменены новыми структурами. Не имея возможности из-за малочисленности поддерживать порядок на улицах, оккупационный режим прибег к другому средству: он разгонял собравшихся и бросал их в тюрьмы. Тысячи задержанных попадали в руки агентов ЦРУ, американских военных и частных контрактников — многие из последних не прошли никакой подготовки, — применявших суровые методы допроса, чтобы получить информацию относительно сопротивления.

В первые дни оккупации «зеленую зону» наполняли эксперты по экономической шоковой терапии из Польши и России, теперь же она как магнит притягивала к себе шоковых экспертов, специализирующихся на мрачном искусстве подавлять сопротивление. Частные компании, занимающиеся безопасностью, оказались тут в одном ряду с ветеранами грязных войн в Колумбии, Южной Африке и Непале. Как утверждает журналист Джереми Скехилл, Blackwater и другие частные фирмы наняли более семисот военных из Чили (многие из них раньше служили в частях особого назначения) для работы в Ираке, некоторые из чилийских наемников получили подготовку при Пиночете¹⁴.

Одним из самых высокопоставленных специалистов по шоку был американский офицер Джеймс Стил, прибывший в Ирак в мае 2003 года. Стил играл ведущую роль в крестовых походах правых в Центральной Америке, он служил главным американским советни-

¹³ Gordon M.R., Trainor B.E. Cobra II, pp. 4, 555; Borger J. Knives Come Out for Rumsfeld as the Generals Fight Back // *Guardian*. London. 2003. March 31.

¹⁴ Scahill J. Blackwater: The Rise of the World's Most Powerful Mercenary Army. New York: Nation Books, 2007. P. 199.

ком нескольких батальонов армии Сальвадора, есть подозрения, что это были отряды убийц. А в последнее время он стал вице-президентом Enron и приехал в Ирак вначале в качестве консультанта по энергетике, но когда разгорелось сопротивление, вернулся к старому ремеслу и сделался главным советником Бремера по вопросам безопасности. В заключение Стил принес в Ирак «сальвадорское решение», как его откровенно называли анонимные источники из Пентагона¹⁵.

Джон Сифтон, возглавляющий группу расследований в Human Rights Watch, сообщил мне, что жестокое обращение с узниками в Ираке не похоже на другие случаи подобного рода. Как правило, в зонах конфликта жестокое обращение проявляется сразу, еще «в дымке войны», пока в стране царит хаос и никто не знает соответствующих правил. Так это происходило в Афганистане, сказал Сифтон, «но в Ираке дело обстояло иначе — злоупотребления совершали профессионально и вместо улучшения ситуация становилась все хуже». По его мнению, важным этапом является август 2003 года — четыре месяца спустя после взятия Багдада. Именно с этого момента свидетельства о жестоким обращении с заключенными стали поступать в огромном количестве.

Из такой датировки следует, что в камерах пыток шок стали применять сразу после экономического шока Бремера. В последних числах августа Бремер завершил мероприятия по введению своих крайне спорных законов и по отмене выборов. Поскольку это пополнило ряды сопротивления, американские солдаты, чтобы выбить из иракцев желание бунтовать, начали обходить дома, взламывать двери и забирать по одному мужчине призывного возраста за налет.

Хронологию перемены тактики легко изучить с помощью ряда рассекреченных документов, которые привлекли к себе внимание в разгар скандала вокруг Абу-Грейб. Первый документ датируется 14 августа 2003 года, это электронное письмо капитана Уильяма Понса, офицера разведки из главной штаб-квартиры в Ираке, своему коллеге в другой части страны: «Пора перестать церемониться с задержанными... [полковник] ясно дал понять, что нам нужно сломить волю этих людей. Инцидентов становится все больше, и нам нужна информация, чтобы защитить наших солдат от нападений в будущем». Понс спрашивает, какие техники допрашивающие хотели

¹⁵ *Maass P. The Way of the Commandos // New York Times. 2005. May 1; Jim Steele Bio // Premiere Speakers Bureau, www.premierespeakers.com; Hirsh M., Barry J. «The Salvador Option» // Newsweek. 2005. January 8.*

бы применять к задержанным — он назвал это «списком пожеланий». В ответ в его почту посыпались разные предложения, среди прочих — использовать «удары низковольтного тока»¹⁶.

Две недели спустя, 31 августа, генерал-майор Джеффри Миллер, начальник тюрьмы Гуантанамо, прибыл в Ирак с миссией «гуантанамизировать» тюрьму Абу-Грейб¹⁷. Еще две недели спустя, 14 сентября, главнокомандующий войсками США в Ираке генерал-лейтенант Рикардо Санчес дозволил применение большого количества новых процедур допроса на основе модели Гуантанамо. Сюда входят: намеренное унижение (так называемое «обуздание гордости и эго»), «использование боязни собак у арабов», сенсорная депривация (под названием «световой контроль»), сенсорная перегрузка (крики, громкая музыка) и «стрессовые положения» тела. Вскоре после написания этой служебной инструкции в начале октября появились печально известные фотографии из Абу-Грейб¹⁸.

Команде Буша не удалось сделать иракцев послушными ни с помощью «Шока и трепета», ни с помощью экономической шоковой терапии. Теперь стали применять шок, направленный на отдельных людей, на основе принципов учебника Kubark, позволяющих эффективно вызывать регрессию.

Многих из наиболее важных узников содержали в охраняемой зоне около Международного аэропорта Багдада, где тюрьмой управляло специальное подразделение армии и ЦРУ. Эта зона, куда можно войти лишь по особым пропускам, недоступна для Красного Креста и окружена такой секретностью, что туда не допускают даже высших военачальников. Чтобы скрыть существование тюрьмы, ей постоянно меняют названия: спецотделение 20, 121, 61-26, 145¹⁹.

Узников там держат в небольшом здании, которое перестроено в соответствии с принципами руководства Kubark так, чтобы можно

¹⁶ Email from Cpt. William Ponce // *PBS Frontline: The Torture Question*. 2003. August, www.pbs.org; White J. Soldiers' «Wish Lists» of Detainee Tactics Cited // *Washington Post*. 2005. April 19.

¹⁷ Об этом рассказала Кристиану Миллеру бригадный генерал Дженис Карпински, командовавшая в то время тюрьмой Абу-Грейб. Wilson S., Chan S. As Insurgency Grew, So Did Prison Abuse // *Washington Post*. 2004. May 10.

¹⁸ На следующее утро Санчес разослал еще одну служебную записку, уточняющую и отчасти смягчающую сказанное в предыдущей; второй документ породил много неясностей относительно того, какие техники можно применять. Sanchez R.S. Memorandum, Subject: CJTF-7 Interrogation and Counter-Resistance Policy. 2003. September 14, www.aclu.org.

¹⁹ Информация в следующих трех абзацах взята из: No Blood, No Foul: Soldiers' Accounts of Detainee Abuse in Iraq. 2006. July // Human Rights Watch, pp. 6—14, www.hrw.org.

было создать нужные условия, включая полную сенсорную депривацию. Здание делится на пять зон: комната медицинского осмотра; «мягкая комната», на вид напоминающая жилое помещение (для покладистых заключенных); красная комната; голубая комната и самая страшная, черная комната — маленькая камера, полностью выкрашенная черной краской и с динамиками в каждом углу.

О существовании этого тайного заведения стало известно только благодаря работавшему там сержанту, который под псевдонимом Джеф Перри связался с Human Rights Watch и описал это странное место. По сравнению с бедламом в Абу-Грейб, где нетренированные охранники просто начинают свою карьеру, заведение ЦРУ около аэропорта ужасает своим почти клиническим порядком. По утверждению Перри, когда допрашивающие хотели применять «жесткие методы» для узников, находящихся в черной комнате, они подходили к компьютеру и распечатывали готовые формы, нечто вроде меню пыток. «Весь типовой набор уже заранее подготовлен для вас, — рассказывал Перри, — контроль над окружением, жар и холод, стробоскопический свет, музыка и так далее. Готовы собаки... Вам оставалось только подумать, чем из этого воспользоваться». Они заполняли формы и относили на подпись начальству. «И я ни разу не видел, чтобы эту бумагу отказались подписать», — сказал Перри.

Его, как и некоторых других допрашивающих, беспокоило то, что подобные техники нарушают Женевскую конвенцию. Думая о том, что их может ждать судебное преследование, если об их деятельности узнает общественность, Перри с тремя коллегами обратился к полковнику и «сказал ему, что у нас есть сомнения насчет необходимости подобной жестокости». Работа в тайной тюрьме была поставлена так основательно, что спустя всего два часа туда прибыла команда военных юристов с презентацией PowerPoint, которая объясняла, почему на задержанных не распространяется Женевская конвенция и почему сенсорная депривация — что противоречило самим исследованиям ЦРУ — не является пыткой. «Это произошло так быстро, — сказал Перри. — Как будто все уже было готово заранее. Я имею в виду, на подготовку слайдов у них было лишь два часа».

Были и другие объекты по всему Ираку, где узники подвергались подобной сенсорной депривации по методу Kubarck, в некоторых случаях это напоминало давнишние эксперименты в Университете Макгилла. Другой сержант рассказал о тюрьме на военной базе «Тигр» около Аль-Каима, неподалеку от сирийской границы, где содержа-

лось от 20 до 40 узников. С завязанными глазами и в кандалах их помещали в жаркие металлические контейнеры на 24 часа: «без сна, без пищи, без воды», как рассказывал сержант. Когда они изнемогали от сенсорной депривации, их ослепляли ярким светом или глушили музыкой в стиле хэви-метал²⁰.

Подобные методы использовались на базе спецназа около Тикрита, только там камеры для узников были еще меньше: 120 на 120 см и глубиной 50 см — взрослый человек не может в них ни встать, ни лечь, и это напоминает подобные камеры в странах южного конуса Латинской Америки. В таких условиях сенсорной изоляции их могли держать в течение недели. Известно, что по меньшей мере один из тамошних узников подвергался пыткам электрическим током, хотя солдаты это отрицают²¹. Тем не менее ряд веских свидетельств, которые мало обсуждают, говорит о том, что американские военные в Ираке применяют удары тока в качестве пыток. 14 мая 2004 года двое служащих флота были приговорены к тюремному заключению за пытки иракского узника месяцем ранее, хотя этот случай не привлек внимания публики. Один документ, попавший в руки Американского союза гражданских свобод, содержит описание случая, когда солдат «пытал задержанного иракца током, используя трансформатор... он приложил провода к плечам задержанного» и держал их, пока «жертва не заплясала от боли»²².

Когда были опубликованы известные фотографии из тюрьмы Абу-Грейб, включая изображение узника в колпаке, стоящего на коробке, с прикрепленными к рукам проводами, военные столкнулись с любопытной проблемой: «У нас есть несколько задержанных, которые уверяют, что это именно они изображены на фотографии», — объяснял представитель командования специальных расследований — службы, которой поручили исследовать вопрос о жестоком обращении с заключенными. Один из тамошних узников — Хадж Али, в прошлом муниципальный руководитель, сказал, что он тоже стоял в мешке с проводами, прикрепленными к телу. Охранники Абу-Грейб уверяют, что провода не были подключены к источнику тока, однако Али рас-

²⁰ No Blood, No Foul: Soldiers' Accounts of Detainee Abuse in Iraq. 2006. July // Human Rights Watch, pp. 26, 28.

²¹ *Formica R.P.* Article 15—6 Investigation of CJSOTF—AP and 5th SF Group Detention Operations. Finalized on 2004. November 8, рассекречено, www.aclu.org.

²² USMC Alleged Detainee Abuse Cases Since 11 Sep 01, в открытом доступе. 2004. July 8, www.aclu.org.

сказывал PBS: «Когда они начали бить меня током, мои глаза буквально выпрыгнули из орбит»²³.

Подобно тысячам других задержанных, Али был выпущен из Абу-Грейб без предъявления обвинения. Ему сказали: «Тебя арестовали по ошибке», а затем втолкнули в грузовик. По данным Красного Креста, руководители американской армии признают, что от 70 до 90 процентов задержанных в Ираке были арестованы «по ошибке». По мнению Али, эти ошибки американских тюрем навлекут на себя возмездие. «Абу-Грейб просто воспитывает мятежников... После всех этих пыток и потрясений человек готов пойти буквально на что угодно. И можно ли его в том винить?»²⁴

Это понимают многие американские солдаты, опасющиеся ответной реакции. «Он был хорошим парнем, понимаете, а теперь стал плохим из-за того, как мы с ним обращались», — сказал сержант 82-й авиационной дивизии, который жил на базе около временной тюрьмы, особенно отличавшейся жестокостью, на военной базе около Фалуджа, где расположен батальон под горделивым названием «маньяки-убийцы»²⁵.

В тюрьмах, которыми управляют иракцы, ситуация гораздо хуже. Саддам всегда полагался на пытки как средство удержания власти. Если бы кто-то ставил задачу избавить Ирак после Саддама от пыток, новому правительству пришлось бы над этим много работать. Вместо этого США стали использовать пытки для своих целей, показывая дурной образец в тот самый момент, когда они занимались обучением и подготовкой новых иракских полицейских.

В январе 2005 года правозащитная организация Human Rights Watch объявила, что пытки в тюрьмах и исправительных заведениях, которыми управляют иракцы (под наблюдением США), носят «систематический» характер, например использование ударов током. Во внутреннем отчете 1-й бронекавалерийской дивизии говорится, что «удары электрического тока и удушение... систематически применяются для добычи показаний» иракской полицией и военными. Ирак-

²³ Web Magazine Raises Doubts Over a Symbol of Abu Ghraib // *New York Times*. 2006. March 14; Интервью с Хаджи Али 29 апреля 2005 года. «Несколько плохих мужчин?» (Few Bad Men?) // *PBS Now*.

²⁴ Haj Ali's Story // *PBS Now* website, www.pbs.org; Kraul C. War Funding Feud Has Iraqis Uneasy.

²⁵ Leadership Failure: Firsthand Accounts of Torture of Iraqi Detainees by the U.S. Army's 82nd Airborne Division. 2005. September // Human Rights Watch, pp. 9, 12, www.hrw.org.

ские тюремщики также используют ставшую повсеместным символом пыток в Латинской Америке пикану — электрическую погонялку для скота. В декабре 2006 года в газете *New York Times* появился репортаж об истории Фараджа Махмуда, который, по его словам, «был раздет и подвешен к потолку. Электрическую погонялку приложили к его гениталиям, заставив тело биться об стены»²⁶.

В марте 2005 года репортер журнала *New York Times Magazine* Питер Маас проник в команду специальной полиции, которую обучал Джеймс Стил. Маас побывал в бывшей государственной библиотеке Самарры, превращенной в мрачную тюрьму. Он увидел там узников в капюшонах или с повязками на глазах, иногда избитых до крови, и столы, «с которых стекала кровь». Он слышал крики и звуки рвоты, от которых, по его словам, «замирает сердце, это похоже на крики безумца или человека, которого свели с ума». Он также четко слышал звук двух выстрелов «внутри тюрьмы или в ее дворе»²⁷.

Батальоны смерти в Эль-Сальвадоре использовали убийства, чтобы не только избавиться от политических противников, но и известить общество о терроре. Изувеченные тела на обочинах дорог были красноречивым напоминанием каждому: если человек переступает некую грань, он может оказаться на этом месте. Часто на телах со следами пыток оставляли знаки в качестве подписи определенного батальона смерти: Мано Бланко или бригада Максимилиано Эрнандеса. К 2005 году подобные сообщения стали регулярно появляться на обочинах иракских дорог: узников, которых последний раз видели под охраной иракских отрядов, как правило, подчиненных Министерству внутренних дел, находили с пулевым отверстием в голове и со связанными за спиной руками или же с дырой в черепе, проделанной электродрелью. В ноябре 2005 года газета *Los Angeles Times* сообщила, что в багдадский морг «регулярно раз в неделю поступают партиями десятки трупов одновременно, иногда на их руках находятся полицейские наручники». Часто морги собирают эти наручники и возвращают полиции²⁸.

²⁶ The New Iraq? Torture and Ill-Treatment of Detainees in Iraqi Custody. 2005. January // Human Rights Watch, pp. 2, 4, www.hrw.org; Graham B. Army Warns Iraqi Forces on Abuse of Detainees // Washington Post. 2005. May 20; Moss M. Iraq's Legal System Staggers Beneath the Weight of War.

²⁷ Maass P. The Way of the Commandos.

²⁸ Интервью с Фланом Найрном 10 января 2005 года // *Democracy Now!*, www.democracynow.org; Moore S. Killings Linked to Shiite Squads in Iraqi Police Force // *Los Angeles Times*. 2005. November 29.

Весть о терроре распространяется в Ираке и с помощью высоких технологий. Там существует популярная телепередача «Терроризм в тисках закона», идущая по финансируемому США каналу «Аль-Иракия». Ее выпуски готовятся при участии иракских командос, применяющих опыт Сальвадора. Некоторые освобожденные узники объяснили, как делаются материалы этого шоу. Арестованных — нередко схваченных случайно при облавах — избивают и пытаются, им также намекают на угрозы благополучию их семей, пока они не готовы признаться в любом преступлении, даже в таком, которое, как могут доказать адвокаты, никогда не происходило. Затем на видеокамеру записывается «исповедь» узника, где тот рассказывает, что был партизаном, а иногда также вором, гомосексуалистом или мошенником. Каждый вечер иракцы смотрят эти исповеди людей, на припухлых лицах которых видны синяки, то есть несомненные следы пыток. «Эти передачи оказывают благотворное влияние на граждан», — сказал Аднан Табит, предводитель иракских командос, Маасу²⁹.

Десять месяцев спустя «сальвадорское решение» было впервые упомянуто в прессе, и отсюда можно сделать ужасающие выводы. Иракские командос, обученные Стиллом, официально работали под эгидой Министерства внутренних дел Ирака; когда Маас задал вопросы о том, что он увидел в здании государственной библиотеки, представители министерства заявили, что оно «не позволяет нарушать прав человека в отношении узников, находящихся в руках сил безопасности Министерства внутренних дел». В ноябре 2005 года в тюрьме в здании МВД Ирака были обнаружены 173 заключенных со следами пыток, у которых с тела свисали лоскуты кожи, имелись следы применения электродрели на голове и зубах и отсутствовали ногти. Освобожденные узники сообщили, что не все могли это пережить. Они составили список из 18 человек, умерших под пытками в тюрьме МВД, — это были иракские пропавшие без вести³⁰.

Когда я изучала эксперименты Эвена Кэмерона в 1950-е годы с применением электрошока, то наткнулась на замечание одного из его коллег психиатра Фреда Лоуи: «Последователи Фрейда разработали все свои

²⁹ Moss M. Iraq's Legal System Staggers Beneath the Weight of War; *Cambanis T. Confessions Rivet Iraqis // Boston Globe*. 2005. March 18; Maass P. The Way of the Commandos.

³⁰ Там же; *Burns J.F. Torture Alleged at Ministry Site Outside Baghdad // New York Times*. 2005. November 16; *Moore S. Killings Linked to Shiite Squads in Iraqi Police Force*.

утонченные методы очистки луковицы, чтобы подобраться к сути проблемы. Кэмерон же хотел просверлить в ней дыру и не мучиться со всеми этими слоями. Но как мы выяснили позднее, существуют лишь слои, ничего больше»³¹. Кэмерон думал, что сможет снять все слои психики пациента и начать все заново, он мечтал создать новенькую личность. Но перерождения пациентов не происходило; они переживали лишь смятение, травмы и сломленность.

Иракские шоковые терапевты также расчищали все слои в поисках гипотетического состояния «чистого листа», чтобы создать новую, образцовую страну. Но они нашли только груды обломков от обрушенных ими же конструкций и миллионы психологически и физически сломленных людей — режимом Саддама, войной, конфликтами друг с другом. Специалисты по капитализму катастроф из команды Буша не смогли опустошить и очистить Ирак, вместо этого они его взбаламутили. Вместо *tabula rasa*, очищенной от истории, перед ними предстала архаичная кровная вражда, которая все упорнее поднималась на поверхность, порождая ответную месть, с каждым новым ударом — с терактом в мечети в Карбале, на рынке, в министерстве, больнице. Страны, как и отдельные люди, от сильного удара шока не «перезагружаются», возвращаясь к нулевой точке, но просто ломаются и продолжают разрушение.

А в ответ на это требуется еще больше разрушения — надо увеличить дозу, дольше нажимать на кнопку, усилить боль, нужно больше бомб и пыток. Бывший заместитель госсекретаря Ричард Армитидж, который сначала предсказывал, что иракцев несложно отвести из пункта А в пункт Б, позднее начал утверждать, что всему виной слишком мягкие действия США. «Гуманные методы, которыми коалиция вела войну, породили ситуацию, когда подвигнуть народ на общее дело стало не легче, а сложнее. В Германии и Японии [после Второй мировой войны] население было утомлено и находилось в глубоком шоке от того, что с ними произошло, в Ираке все было ровно наоборот. Стремительная победа над противником означала, что перед нами не перепуганное население, как то было в Японии и Германии... США имеет дело с иракским народом, который не пережил ни шока, ни трепета»³². В январе 2007 года Буш и его советники все еще верили в то, что могут обрести контроль над Ираком с помощью силь-

³¹ Collins A. In the Sleep Room: The Story of the CIA Brainwashing Experiments in Canada. Toronto: Lester and Orpen Dennys, 1988. P. 174.

³² McKew M. Confessions of an American Hawk.

ной акции, которая позволит избавиться от Муктады аль-Садра — этой «раковой опухоли, подрывающей силы» иракского правительства. Доклад, основанный на этой стратегии, предлагал провести операцию по «успешной зачистке центра Багдада», а затем, когда силы аль-Садра переместятся в Садр-Сити, «очистить оплот шиитов с помощью силы»³³.

В 70-х, когда только начался крестовый поход корпоративизма, использовались тактики, которые суды признали откровенным геноцидом: это было целенаправленное уничтожение определенного сегмента населения. В Ираке произошло нечто более ужасное: была упразднена не часть населения, но вся страна; Ирак исчезает, он распадается. Сначала, как это часто бывает, женщины стали прятаться за чадрами и дверьми своих домов; затем из школ исчезли дети — в 2006 году не посещали занятия две трети детей. Затем настал черед профессионалов: врачей, преподавателей, предпринимателей, ученых, фармацевтов, судей, адвокатов. После вторжения США в Ираке было расстреляно около 300 ученых, включая нескольких деканов факультетов, а многие тысячи покинули страну. Врачи пострадали еще сильнее: по данным на февраль 2007 года, 2000 человек убиты, 12 тысяч убежали. В ноябре 2006 года комиссия ООН по делам беженцев подсчитала, что ежедневно страну покидают 3000 иракцев. По данным той же комиссии, к апрелю 2007 года 4 миллиона человек — приблизительно один из семи иракцев — были вынуждены покинуть свои дома. Лишь несколько сотен из этих беженцев приняли США³⁴.

Иракская промышленность пришла в полное запустение, и лишь одна отрасль местного бизнеса переживает подъем — похищение людей. В начале 2006 года в Ираке отмечено почти 20 тысяч случаев похищений. Международные СМИ уделяют внимание подобным событиям лишь тогда, когда похищения касаются западных граждан, однако большинство жертв составляют иракцы, которых хватают по дороге

³³ *Krauthammer Ch.* In *Baker's Blunder, a Chance for Bush* // *Washington Post*. 2006. December 15; *Kagan F.W.* *Choosing Victory: A Plan for Success in Iraq. Phase I Report*. 2007. January 4. P. 34, www.aei.org.

³⁴ *Jamail D., Al-Fadhily A.* *Iraq: Schools Crumbling Along with Iraqi Society* // *Inter Press Service*. 2006. December 18; *Crain Ch.* *Professor Says Approximately 300 Academics Have Been Assassinated* // *USA Today*. 2005. January 17; *O'Hanlon M.E., Campbell J.H.* *Iraq Index: Tracking Variables of Reconstruction & Security in Post-Saddam Iraq*. 2007. February 22 // *Brookings Institution*. P. 35, www.brookings.edu; *Redmond R.* *Iraq Displacement*. 2006. November 3. Press briefing, Geneva, www.unhcr.org; *Iraq's Refugees Must Be Saved from Disaster* // *Financial Times*. London. 2007. April 19.

на работу или домой. Семьям похищенных остается только собрать десятки тысяч долларов США либо же отправиться в морг на опознание тела. Попытки также превратились в процветающую индустрию. Различные правозащитные группы зафиксировали множество случаев, когда иракские полицейские требовали тысячи долларов у родственников арестованного в обмен на прекращение пыток³⁵. Это доморощенная иракская версия капитализма катастроф.

Разумеется, все это не входило в планы администрации Буша, когда та решила сделать Ирак образцовой страной в арабском мире. Оккупация начиналась с благодушных разговоров о «чистом листе» и новых началах. Но это продолжалось недолго, потому что объект чистки изменился, и вскоре начали раздаваться слова «выдерем исламизм с корнем» относительно Садр-Сити или Наджафа или об удалении «раковой опухоли исламского радикализма» относительно Фалуджи и Рамади — то, что нельзя отмыть, надо скрести изо всей силы.

Вот к чему приводят намерения построить образцовое общество в чужой стране. Кампании по чистке редко планируются заранее. Но когда люди, живущие у себя дома, не желают отказываться от своего прошлого, мечта о «чистом листе» показывает свою вторую ипостась — выжженную землю, и тогда идея всестороннего созидания превращается в кампанию тотального разрушения.

Ирак неожиданно захлестнула волна насилия, и породил ее именно оптимизм авторов войны — насилием была чревата уже первоначальная, безобидная на вид и даже идеалистическая формула: «образцовая страна для Ближнего Востока». Распад Ирака проистекает из замысла написать новую историю, для чего требовался «чистый лист», *tabula rasa*. А когда «чистого листа» не оказалось, приверженцы мечты стали наносить удар за ударом в надежде достичь обетованной земли.

Неудача: новое лицо успеха

Когда я села в самолет, покидая Багдад, все сиденья заняли иностранные подрядчики, которые бежали от насилия. Это было в апреле 2004 года, когда Фалуджа и Наджаф находились на осадном положении; за одну эту неделю Ирак покинули полторы тысячи контрактников. Многие еще последуют за ними. Тогда мне казалось, что я могу видеть первое крупное поражение корпоративистского крестового похода. Ирак подвергся ударам всех видов оружия, кроме

³⁵ Nearly 20 000 People Kidnapped in Iraq This Year: Survey // *Agence France-Presse*. 2006. April 19; *The New Iraq?* // Human Rights Watch, pp. 32, 54, www.hrw.org.

ядерного, но ничто не могло заставить эту страну подчиниться. Нет сомнений, что этот эксперимент провалился.

Теперь я уже не так в этом уверена. Этот проект по многим пунктам потерпел несомненное поражение. Бремера послали в Ирак строить корпоративную утопию, вместо этого Ирак превратился в мерзкую дистопию, где человека, отправляющегося на деловую встречу, могут линчевать или сжечь заживо. По данным на май 2007 года, опубликованным газетой *New York Times*, более 900 работников по контракту были убиты и «более 12 тысяч ранены во время боевых действий или на работе». Инвесторы, которых из всех сил хотел привлечь Бремер, так и не появились: ни HSBC, ни Procter & Gamble, отложившая замысел создать совместное предприятие, ни General Motors. Компания New Bridge Strategies, которая ранее торжественно заявляла, что «один Wal-Mart просто покорит всю страну», теперь признала свое поражение и сообщила, что «McDonald's начнет тут свою работу нескоро»³⁶. Контракты Bechtel на восстановительные работы нелегко было превратить в долгосрочные контракты на содержание систем водоснабжения и электроэнергии. И в конце 2006 года приватизированная реконструкция — эта основа плана Маршалла с отрицательным знаком — была почти полностью брошена в незавершенном виде, а кое-где появились некоторые признаки того, что экономическая политика поменяла направление на 180 градусов.

Стюарт Боуэн, главный инспектор США по восстановлению Ирака, говорил, что в тех немногих случаях, когда контракты получили непосредственно иракские фирмы, «работа была более эффективной и стоила дешевле. И она оживляла экономику, поскольку давала иракцам работу». Оказывается, финансировать работы иракцев по восстановлению их собственной страны куда эффективнее, чем нанимать неповоротливых транснациональных монополистов, не знающих ни страны, ни языка, которые окружают себя наемниками, получающими по 900 долларов в день, и тратят 55 процентов денег из сметы на накладные расходы³⁷. Консультант по здравоохранению посоль-

³⁶ Первоначально предполагалось, что банк HSBC откроет свои отделения по всему Ираку. Вместо этого он приобрел долю в 79 процентов в иракском банке «Дар Эс-Салам». Broder J.M., Risen J. Contractor Deaths in Iraq Soar to Record // *New York Times*. 2007. May 19; Richter P. New Iraq Not Tempting to Corporations // *Los Angeles Times*. 2004. July 1; Drazzen Y.J. An Iraq's Western Dream // *Wall Street Journal*. 2005. March 14; Syria and Iraq: Unbanked and Unstable // *Euromoney*. 2006. September; Cha A.E., Spinner J. U.S. Companies Put Little Capital into Iraq // *Washington Post*. 2004. May 15.

³⁷ Mosher A., Witte G. Much Undone in Rebuilding Iraq, Audit Says // *Washington Post*. 2006.

ства США в Багдаде Джон Бауэрсокс поделился своими выводами: проблема восстановления Ирака заключалась в желании начать все с нуля. «Мы могли бы вникнуть в дело и снизить расходы, не пытаясь трансформировать их здравоохранительную систему за два года»³⁸.

Еще резче изменил свой курс Пентагон. В декабре 2006 года он объявил о новой программе для государственных фабрик Ирака — тех самых, которым Бремер отказал в аварийных генераторах, поскольку увидел в них пережитки сталинизма. Теперь же Пентагон сообразил, что можно не закупать цемент и запасные части для машин в Иордании и Кувейте, но заказать его простаивающим иракским фабрикам, что позволит создать десятки тысяч рабочих мест и даст возможность окрестному населению заработать. Пол Бринкли, заместитель помощника министра обороны по развитию бизнеса в Ираке, сказал: «Мы пристальнее присмотрелись к этим фабрикам и пришли к выводу, что это не такие отсталые предприятия советской эпохи, какими они казались нам сначала», хотя при этом он признался, что некоторые коллеги прозвали его сталинистом³⁹.

Генерал-лейтенант Питер Чиарелли, глава боевых частей США в Ираке, объясняет: «Мы должны дать озлобленным молодым людям работу... Даже относительно небольшое снижение безработицы окажет сильное воздействие на уровень насилия среди религиозных фанатиков». И потом он признается: «Я не могу понять после этих четырех лет, почему мы не пришли к такому решению раньше... Мне кажется, это великая идея. Она не менее важна, чем все остальные вопросы кампании»⁴⁰.

Означает ли этот поворот, что капитализм катастроф умер? Вряд ли. К тому моменту, когда американские чиновники поняли, что им не надо строить новенькую страну с нуля, что важнее дать иракцам работу и возможность местной промышленности что-то получить от миллиардов, собранных на восстановление, эти деньги уже были потрачены.

August 2; *Borger J. Brutal Killing of Americans in Iraq Raises Questions over Security Firms // Guardian*. London. 2004. April 2; *Review of Administrative Task Orders for Iraq Reconstruction Contracts*. 2006. October 23 // Office of the Special Inspector General for Iraq Reconstruction, p. 11, www.sigir.mil.

³⁸ *Witte G. Despite Billions Spent, Rebuilding Incomplete*.

³⁹ *Hussein A., Freeman C. US to Reopen Iraq's Factories in \$10m U-turn // Sunday Telegraph*. London. 2007. January 29.

⁴⁰ *White J., Witte G. To Stem Iraqi Violence, U.S. Looks to Factories // Washington Post*. 2006. December 12.

Кроме того, на фоне волны нового кейнсианства на Ирак обрушился очередной удар — весьма откровенная попытка использовать кризис. В декабре 2006 года двухпартийная Группа по изучению Ирака, которой руководит Джеймс Бейкер, выпустила свой долгожданный отчет. В нем содержался призыв к США «помочь лидерам Ирака в реорганизации национальной нефтяной промышленности для превращения ее в коммерческое предприятие» и «поддержать инвестирование нефтедобычи в Ираке со стороны международного сообщества и международных нефтяных компаний»⁴¹.

Белый дом проигнорировал большинство рекомендаций Группы по изучению Ирака, но не эту: администрация Буша немедленно предложила свою помощь в создании радикально новых законов, касающихся иракской нефти, которые позволят таким компаниям, как Shell и BP, заключать контракты на 30 лет и получать значительную долю доходов от продажи нефти на десятки или даже сотни миллиардов долларов. Это неслыханные порядки для стран, где нефть настолько доступна, как в Ираке, и они были чреваты устойчивым обнищанием населения в стране, где 95 процентов доходов правительства зависят от нефти⁴². Такое предложение должно было настолько возмутить население, что даже Пол Бремер не осмелился об этом заикнуться в первый год оккупации. Однако теперь оно прозвучало, что стало возможным благодаря углублению хаоса. Отвечая на вопрос, почему такой большой процент доходов должен поступать за пределы Ирака, нефтяные компании ссылались на высокие риски. Иными словами, именно катастрофическое положение делало столь радикальный закон возможным.

Вашингтон выбрал самый подходящий момент. Когда Белый дом старался внедрить этот закон, Ирак переживал свой самый глубокий кризис из всех: страну разрывали религиозные конфликты, из-за которых каждую неделю насильственной смертью погибала примерно тысяча иракцев. Только что был казнен Саддам Хусейн при сомнительных обстоятельствах, способных спровоцировать новые конфликты. Одновременно Буш привел в действие свою «волну» с помощью воинских частей, стоящих в Ираке, которые теперь должны были действовать «с меньшими ограничениями». Положение в Ираке на тот момент было слишком нестабильным, чтобы нефтяные гиган-

⁴¹ Baker J.A. III, Hamilton L.H., Eagleburger L.S., et al. Iraq Study Group Report. 2006. December. P. 57, www.usip.org.

⁴² Pfeifer S. Where Majors Fear to Tread.

ты могли делать крупные инвестиции, поэтому никакой потребности срочно принимать новый закон не было — за исключением хаоса, который позволяет обойти публичные обсуждения самой болезненной для страны темы. Многие иракские законодатели говорили, что ничего не знали о подготовке проекта нового закона и их не пригласили участвовать в его доработке. Грег Маттит, исследователь из Platform рассказал: «Недавно я был на встрече парламентариев Ирака и спросил, сколько человек из них видели этот закон. Из 20 членов парламента с ним был знаком всего один человек». По мнению Маттита, в случае принятия этого закона иракцы «понесут огромные потери из-за того, что на данный момент лишены возможности сопротивляться должным образом»⁴³.

Ведущие профсоюзы Ирака заявили, что «приватизация нефти — это черта, которую нельзя переходить», и в совместном заявлении назвали новый закон попыткой завладеть иракскими «энергетическими ресурсами в тот момент, когда народ Ирака борется за право самому определять свое будущее, все еще находясь в состоянии оккупации»⁴⁴. Окончательный вариант закона, который был принят кабинетом министров в феврале 2007 года, оказался хуже, чем того ожидали: он не ставит ограничений на объем прибыли, которую иностранные компании вправе вывезти из страны, и не содержит никаких условий относительно партнерства иностранных инвесторов с иракскими компаниями или относительно приема иракцев на работу в нефтяном бизнесе. Наконец, новый закон беззастенчиво отстранял иракских выбранных парламентариев от какого-либо участия в обсуждении будущих нефтяных контрактов. Вместо этого следовало создать новую организацию — Федеральный совет по нефти и газу, в который, как сообщила газета *New York Times*, войдет «ряд экспертов по нефти из Ирака и других стран». Эта организация, возникающая помимо демократических выборов, куда войдут туманно упомянутые в законе иностранцы, будет принимать окончательные решения по всем вопросам, касающимся нефти, и получит полное право одобрять или отклонять соответствующие контракты. Фактически этот закон выводил запасы нефти, собственность государства и основной источник

⁴³ Iraq's Refugee Crisis Is Nearing Catastrophe // *Financial Times*. London. 2007. February 8; Gallu J. Will Iraq's Oil Blessing Become a Curse? // *Der Spiegel*. 2006. December 22; Fortson D., Murray-Watson A., Webb T. Future of Iraq: The Spoils of War // *Independent*. London. 2007. January 7.

⁴⁴ Iraqi Trade Union Statement on the Oil Law. 2006. December 10—14 // Iraqi Labor Union Leadership, www.carbonweb.org.

доходов страны из сферы демократического контроля и передавал их в руки могучей и богатой диктатуры, которая будет существовать параллельно со сломленным и слабым иракским правительством⁴⁵.

Сложно переоценить тот вред, который нанесла попытка захватить ресурсы страны. Доходы от нефти для Ирака — это единственная надежда страны провести свое восстановление, когда сюда вернется хоть какое-то подобие мира. Накладывать руки на богатство, которое должно служить в момент национальной катастрофы, — откровенное проявление капитализма катастроф в его самой наглой форме.

Хаос в Ираке был причиной и еще одного явления, которое редко обсуждали: чем дольше он тянулся, тем сильнее росла степень приватизации иностранного присутствия, что в итоге создало новую парадигму ведения войны и подхода к человеческим бедствиям.

Именно тут идеология радикальной приватизации, стоящая в центре плана Маршалла со знаком минус, принесла обильные всходы. Упорное нежелание администрации Буша вести войны с помощью штатных сотрудников — будь то армия или государственные служащие под контролем правительства — оказало неоценимую помощь в другой войне команды Буша, которая стремилась передать функции правительства США сторонним исполнителям. Этот крестовый поход перестал быть предметом риторики администрации перед публикой, но оставался скрытой движущей силой ее действий, и в итоге тут был достигнут успех, превосходящий достижения во всех публичных битвах администрации вместе взятых.

Поскольку Рамсфельд до минимума сократил количество военных, участвующих во вторжении, и солдаты должны были выполнять только свои важнейшие боевые функции и поскольку он упразднил 55 тысяч рабочих мест в Министерстве обороны и Управлении по делам ветеранов в первый год кампании в Ираке, частный сектор смог заполнить образовавшуюся пустоту на всех уровнях⁴⁶. На практике такая структурная перестройка означала, что по мере того как Ирак погружался в пучину бедствий, формировалась все более совершенная индустрия приватизированной войны, чтобы восполнить нехватку армейских частей и служб как на территории Ирака, так и в США, например в Медицинском центре Уолтера Рида, где лечили вернувшихся солдат.

⁴⁵ Wong E. Iraqi Cabinet Approves Draft of Oil Law // *New York Times*. 2007. February 26.

⁴⁶ Schooner St.L. Contractor Atrocities at Abu Ghraib: Compromised Accountability in a Streamlined Outsourced Government // *Stanford Law & Policy Review* 16. 2005. № 2. P. 552.

Поскольку Рамсфельд упорно отказывался от любых программ увеличения численности армии, военным приходилось все больше вовлекать солдат непосредственно в боевые действия. Частные компании, работающие на безопасность, заполнили Ирак, они брали на себя те функции, что раньше выполняли солдаты: обеспечивали безопасность высокопоставленных руководителей, охраняли военные базы, эскортировали подрядчиков. Оказавшись на месте, они расширяли диапазон своих задач в ответ на хаотичную ситуацию. По первоначальному контракту Blackwater должна была обеспечивать личную безопасность Бремера в Ираке, но прошел год, и компания стала участвовать в уличных сражениях. В апреле 2004 года в Наджафе подняло голову движение Муктады аль-Садра, и тогда Blackwater буквально взяла на себя руководство американской морской пехотой в битве с «Армией Махди», продолжавшейся один день, в которой погибли десятки иракцев⁴⁷.

В начале оккупации в Ираке находилось около 10 тысяч частных солдат, что уже значительно превышало их количество по сравнению с первой войной в Заливе. Три года спустя, по данным Счетной комиссии США, в Ираке уже было 48 тысяч наемных солдат из разных стран мира. По своей численности наемники стояли на втором месте после солдат армии США, они превосходили количеством всех членов «Коалиции желающих» вместе взятых. «Багдадский бум», как его называла финансовая пресса, затронул непопулярный в обществе теневой сектор и полностью инкорпорировал его в военные аппараты США и Великобритании. На Blackwater работали активные лоббисты в Вашингтоне, которые стремились стереть из общественного словаря выражение «наемный солдат» и сделать свою компанию всеамериканским брендом. Генеральный директор компании Эрик Принс говорил: «Это наша корпоративная мантра: мы хотим сделать для национальной безопасности то же самое, что FedEx сделала для почтовой службы»⁴⁸.

Когда война переместилась в тюрьмы, военным остро не хватало опытных дознавателей и переводчиков с арабским языком, так что они не могли получать информацию от своих узников. В отчаянии

⁴⁷ Scahill J. Blackwater, p. 123.

⁴⁸ Krane J. A Private Army Grows Around the U.S. Mission in Iraq and Around the World // Associated Press. 2003. October 30; Scahill J. Mercenary Jackpot // *The Nation*. 2006. August 28; Scahill J. Exile on K Street // *The Nation*. 2006. February 20; Hemingway M. Warriors for Hire // *Weekly Standard*. 2006. December 18.

армия обратилась к оборонному подрядчику CASI International Inc. Первоначально CASI занималась в Ираке информационными технологиями для армии, но достаточно расплывчатая формулировка «информационные технологии» могла включать в себя и допросы⁴⁹. И такая гибкость была сознательной стратегией: CASI относится к новому поколению подрядчиков, которые исполняют временные поручения правительства, она постоянно заключает контракты с достаточно широкими формулировками и имеет широкую базу потенциальных работников, готовых взяться за нужную работу. Обратиться к компании CASI, работники которой, в отличие от государственных служащих, не обязаны подчиняться жестким нормативам квалификации и допуска к секретной работе, было так же просто, как заказать новую мебель для офиса; десятки людей, готовых проводить допросы, появились в одно мгновение⁵⁰.

Ситуация хаоса была выгоднее всего для компании Halliburton. До вторжения она получила контракт, согласно которому должна была потушить горящие нефтяные скважины, оставленные отступающей армией Саддама. Ожидаемых пожаров не было, и тогда контракт с Halliburton был расширен: компания должна была поставлять топливо всей стране. Эта задача была настолько масштабной, что для ее выполнения пришлось «скупить все доступные автоцистерны в Кувейте и в придачу импортировать дополнительные»⁵¹. Чтобы освободить солдат для непосредственного ведения боевых действий, Halliburton взяла на себя десятки других задач, которые всегда выполняли сами военные, в том числе содержание военного транспорта и радиосвязи.

⁴⁹ Witte G. Contractors Were Poorly Monitored, GAO Says // *Washington Post*. 2005. April 30.

⁵⁰ Выгода этой ситуации в том, что контрактники работают под крайне слабым контролем. Как это показало собственное расследование армии США по поводу скандала с Абу-Грейб, правительственные чиновники, которые формально должны были контролировать деятельность дознавателей, находились в другом месте — не только вне стен тюрьмы Абу-Грейб, но и за пределами Ирака, — поэтому им было «крайне сложно, если вообще возможно, эффективно управлять работами по контракту». Генерал армии Джордж Фей, автор отчета, делает вывод, что правительственные «следователи, аналитики и руководители были просто не готовы к появлению ведущих допрос контрактников, их не обучали вопросам управления, контроля и поддержания дисциплины относительно персонала такого рода... Очевидно, что надежной практики адекватного наблюдения за работой по контракту в Абу-Грейб не существовало». Fay G.R. AR 15—6 Investigation of the Abu Ghraib Detention Facility and 205th Military Intelligence Brigade, pp. 19, 50, 52, www4.army.mil.

⁵¹ Miller T.C. Blood Money, p. 87.

Даже забота о наборе личного состава, которым всегда занимались сами военные, на фоне затянувшейся войны быстро превратилась в выгодный бизнес. К 2006 году новых солдат вербовали специализированные частные фирмы, такие как Secro, или отделение огромной корпорации L-3 Communications, занимающейся производством оружия. Частные вербовщики, многие из которых никогда не служили в армии, получали премии за каждого новобранца; как говорил один представитель такой компании, «если хочешь есть бифштексы, поставляй людей для армии»⁵². Во время правления Рамсфельда расцвел и такой бизнес, как подготовка военных: частные компании, такие как Cubic Defense Application и Blackwater, устраивали тренинги с имитацией боев и военными играми на частных тренировочных базах, где обучающиеся разыгрывали уличные бои в специально построенных искусственных деревнях.

Благодаря одержимости Рамсфельда приватизацией, впервые упомянутой им 20 сентября 2001 года, когда солдаты начали возвращаться домой с ранениями или последствиями психической травмы, их лечили частные медицинские компании, превратившие военные травмы иракской операции в источник дохода. Одна из таких компаний, Health Net, заняла седьмое место в списке самых успешных компаний 2005 года, причем ее успех главным образом определяли травмы, полученные военными в Ираке. Другой подобной компанией была IAP Worldwide Service Inc., которая получила контракт на выполнение многих задач в госпитале Уолтера Рида. Приватизация управления этого медицинского центра неблагоприятно отразилась на работе заведения и уходе за больными, поскольку более сотни опытных государственных служащих покинули свою работу⁵³.

Значительное расширение диапазона задач, выполняемых частными компаниями, никогда не обсуждалось открыто как вопрос политики правительства (точно так же, как и внезапно материализовавшийся закон относительно нефти в Ираке). Рамсфельд не хотел принимать участия в публичных сражениях с профсоюзными деятелями или высокопоставленными военными. Все происходило как бы само собой по ходу дела — военные называют это «расширением

⁵² Merle R. Army Tries Private Pitch for Recruits // *Washington Post*. 2006. September 6.

⁵³ Taylor A. Defense Contractor CEOs See Pay Double Since 9/11 Attacks // *Associated Press*. 2006. August 29; Vogel St., Merle R. Privatized Walter Reed Workforce Gets Scrutiny // *Washington Post*. 2007. March 10; Borak D. Walter Reed Deal Hindered by Disputes // *Associated Press*. 2007. March 19.

задачи». Чем дольше тянулась война, тем больше превращалась в приватизированный проект, так что вскоре оказалось, что это уже новый способ ведения войны. И как происходило уже не раз, бум был порождением кризиса.

Цифры отражают удивительную динамику «расширения задач» корпораций. Во время первой войны в Заливе 1991 года на каждую сотню солдат приходился один контрактник. На момент начала вторжения в Ирак в 2003 году соотношение резко изменилось: один контрактник на 10 солдат. После трех лет американской оккупации это соотношение стало один к трем. Еще год спустя, на четвертом году оккупации, оно составляло: один контрактник на 1,4 солдата США. И эти цифры учитывают исключительно контрактников, работающих непосредственно на правительство США, а не на партнеров по коалиции или иракское правительство, и сюда не входят контрактники, базирующиеся в Кувейте и Иордании, которые передали свою работу субподрядчикам⁵⁴.

Если говорить о британских солдатах в Ираке, то количество соотечественников, работающих в частных оборонных фирмах, их уже давно превзошло, так что тут пропорция составляет три контрактника на одного солдата. Когда в феврале 2007 года Тони Блэр объявил, что выводит 1600 солдат из Ирака, пресса начала повторять примерно такие слова: «...государственные служащие надеются, что образовавшуюся пустоту заполнят наемники», причем компаниям, которые их поставят, заплатит британское правительство. В то же время агентство Associated Press утверждало, что количество контрактников в Ираке достигает 120 тысяч, что почти эквивалентно количеству американских военных⁵⁵. По своим масштабам приватизированная война уже затмила ООН. Бюджет ООН на цели миротворчества за 2006—2007 годы составил 5,25 миллиарда долларов — четверть того, что получила Halliburton на иракских контрактах, а по последним

⁵⁴ По словам Томаса Рикса, «когда численность американских войск составляла около 150 тысяч, а общая численность войск союзников — 25 тысяч, их службу обеспечивали 60 тысяч контрактников». Это означает, что на 175 тысяч солдат коалиции приходилось 60 тысяч контрактников в соотношении один контрактник на 2,9 солдата. *Schwartz N.D. The Pentagon's Private Army // Fortune. 2003. March 17; Ricks T.E. Fiasco: The American Military Adventure in Iraq. New York: Penguin, 2006. P. 37; Merle R. Census Counts 100 000 Contractors in Iraq // Washington Post. 2006. December 5.*

⁵⁵ *Bruce I. Soldier of Fortune Deaths Go Missing in Iraq // Herald. Glasgow. 2007. January 13; Brady B. Mercenaries to Fill Iraq Troop Gap // Scotland on Sunday. Edinburgh. 2007. February 25; Roberts M. Iraq War Exacts Toll on Contractors // Associated Press. 2007. February 24.*

данным только лишь индустрия наемников-солдат имеет оборот в 4 миллиарда долларов⁵⁶.

Таким образом, хотя восстановление Ирака обернулось провалом для иракцев и американских налогоплательщиков, оно имело совершенно иной смысл для комплекса капитализма катастроф. Война в Ираке, ставшая возможной после терактов 11 сентября, была не чем иным, как грубым вторжением в мир новой экономики. В этом заключалась гениальность плана «преобразований» Рамсфельда: поскольку любой аспект как разрушения, так и восстановления передан в руки постороннего исполнителя и приватизирован, экономический бум возникает и когда начинают падать бомбы, и когда бомбежка прекращается, и когда взрывы начинают греметь вновь. Это закрытый цикл получения прибыли на разрушении и восстановлении, на опустошении и строительстве. Для мудрых компаний, умеющих смотреть в будущее, таких как Halliburton и Carlyle Group, разрушители и строители — это два отдела единой корпорации⁵⁷.

Администрация Буша приняла несколько важных мер, которые почти не обсуждались, для придания законности войне в Ираке, чтобы она стала устойчивым элементом внешней политики. В июле 2006 года Боуэн, главный инспектор США по восстановлению Ирака, опубликовал отчет об «уроках» неудачной работы различных подрядчиков. В заключении там говорилось, что эти проблемы объясняются недостатком планирования и следует создать «мобильный резервный корпус работников по контракту, которые получили подготовку и готовы быстро оказывать помощь и осуществлять восстановление на контрактной основе в случае непредвиденных аварийных ситуаций», и что надо «заранее оценить квалификацию разнообразных под-

⁵⁶ Background Note: 31 December 2006 // United Nations Department of Public Information. United Nations Peacekeeping Operations, www.un.org; Glanz J., Norris F. Report Says Iraq Contractor Is Hiding Data from U.S. // *New York Times*. 2006. October 28; Brady B. Mercenaries to Fill Iraq Troop Gap.

⁵⁷ Дальше всего в этом направлении зашла Lockheed Martin. Как о том говорит газета *Financial Times*, в начале 2007 года Lockheed начала «скупать компании из сферы здравоохранения с ежегодной выручкой более миллиарда долларов», а также приобрела огромную инженерную корпорацию Pacific Architects and Engineers. Такая волна приобретения знаменует новую эпоху патологической вертикальной интеграции комплекса капитализма катастроф: в случае новых конфликтов Lockheed будет получать прибыль не только за счет производства оружия и истребителей, но и за счет восстановления разрушенного и даже за счет лечения людей, которых ранило произведенное этой же компанией оружие. Voxel J. Man of Arms Explores New Areas of Combat // *Financial Times*. London. 2007. March 11.

рядчиков, которые обладают опытом в проведении определенных восстановительных работ», — иными словами, речь там шла о постоянной армии подрядчиков. В докладе о положении страны 2007 года Буш напирал на эту идею, объявив о создании резервного корпуса нового типа. «Этот корпус будет действовать примерно так же, как резерв армии. Он снимет бремя с плеч вооруженных сил, позволив нам нанимать гражданских лиц с соответствующим опытом, чтобы выполнять наши задачи за границей, когда это нужно Америке. Это даст шанс гражданам США, которые не носят униформу, поучаствовать в решительной битве нашей эпохи»⁵⁸.

Спустя полтора года после начала оккупации Ирака Госдепартамент США создал новое ответвление под названием Управление реконструкции и стабилизации. Каждый день оно платит частным подрядчикам за разработку детального плана реконструкции 25 разных стран, от Венесуэлы до Ирана, которые по той или иной причине могут оказаться мишенью США и быть разрушены. Корпорации и консультанты уже имеют предварительную договоренность о подписании контрактов, так что готовы в любой момент приступить к действиям, как только разразится катастрофа⁵⁹. Это было естественным ходом вещей для администрации Буша: сначала она заявила о своем праве беспрепятственно производить разрушения в порядке упреждающего удара, а затем подготовилась к проведению профилактического восстановления — реконструкции тех территорий, которые еще не были разрушены.

Так в конце концов война в Ираке создала образцовую экономику; только это был не «тигр на Тигре», о котором восторженно говорили неоконсерваторы. Вместо этого на свет появилась модель приватизации войны и реконструкции, и эту модель можно было быстро приготовить на экспорт. До Ирака границы крестового похода чикагской школы определяла география: Россия, Аргентина, Южная Корея. Теперь же новые территории можно быстро занять там, где разразится очередная катастрофа.

⁵⁸ Iraq Reconstruction: Lessons in Contracting and Procurement // Special Inspector General for Iraq Reconstruction. 2006. July. Pp. 98—99, www.sigir.mil; Bush G. W. State of the Union Address. Washington, DC. 2007. January 23.

⁵⁹ Dinmore G. US Prepares List of Unstable Nations // *Financial Times*. London. 2005. March 29.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ПОДВИЖНАЯ «ЗЕЛЕНАЯ ЗОНА»:

БУФЕРНЫЕ ЗОНЫ И ВЗРЫВОЗАЩИТНЫЕ СТЕНЫ

Поскольку вы можете начать все заново, можно ориентироваться на все самое передовое, и это прекрасно. Вам дана счастливая возможность, поскольку есть много других мест, где нет такой системы либо на людей давит гнет старых систем 100-летней или 200-летней давности. Афганистан получил преимущество начать все заново, используя наилучшие идеи и самые последние технические знания.

Пол О'Нейл, министр финансов США, в Кабуле после вторжения, ноябрь 2002 г.

ОПУСТОШЕНИЕ ПОБЕРЕЖЬЯ:

«ВТОРОЕ ЦУНАМИ»

Цунами, подобно гигантскому бульдозеру, очистило берег и дало проектировщикам невиданную возможность, так что они сразу же за нее ухватились.

Сет Майденс, газета *International Herald Tribune*, 10 марта 2005 г.¹

Я пришла к берегу океана на рассвете в надежде повидать рыбаков, пока они еще не уплыли, чтобы заняться своей работой на бирюзовой воде. Это было в июле 2005 года. Берег был почти пустынным, если не считать маленький флот раскрашенных деревянных катамаранов и одну семью, которая собиралась отплыть. 40-летний мужчина по имени Роджер, голый по пояс и в саронге, сидел на песке и чинил спутанную красную сеть, ему помогал Иван, его 20-летний сын. Дженита, жена Роджера, ходила вокруг лодки, держа в руках маленькую жестянку с дымящимися благовониями. «Я прошу об удаче и чтобы ничего не случилось», — объяснила она свои действия.

Не так давно в этом месте, как и на других берегах Шри-Ланки, шли интенсивные спасательные работы после одной из ужаснейших природных катастроф: 26 декабря 2004 года на побережье обрушилось цунами, унесшее 250 тысяч жизней и оставившее 2,5 миллиона людей без крова по всему региону². Шесть месяцев спустя я приехала в Шри-Ланку — эта страна пострадала особенно сильно, — чтобы по-

¹ Mydans S. Builders Swoop in, Angering Thai Survivors // *International Herald Tribune*. Paris. 2005. March 10.

² Tsunami Response: A Human Rights Assessment // ActionAid International et al. 2006. January. P. 13, www.actionaidusa.org.

смотреть, как тут идет восстановление, и сравнить его с реконструкцией Ирака.

Я путешествовала вместе с Кумари, активисткой из Коломбо, которая участвовала в спасательных и восстановительных работах и согласилась стать моим гидом и переводчиком в регионе, пострадавшем от цунами. Мы начали с Аругам-Бей, рыбацкой деревни и не слишком популярного курорта на восточном берегу острова. Правительственная группа, занимающаяся восстановлением, говорит об этом месте как о показательном примере «перестройки, когда новое становится лучше старого».

Тут мы и встретились с Роджером, который всего за несколько минут представил нам совершенно иную версию происходящего. По его словам, это был «замысел выгнать рыбаков с берега». Он уверял, что такой масштабный план выселения существовал задолго до цунами, но природная катастрофа, как это бывает со всеми бедствиями, помогла осуществить такую крайне непопулярную программу. В течение 15 лет семья Роджера проводила сезон ловли рыбы в плетеной хижине на берегу Аругам-Бей, она стояла примерно на том месте, где мы встретились. Как и десятки других семей рыбаков, они хранили свои лодки под хижинами и сушили улов на банановых листьях, разложенных на прекрасном белом песке. Они легко общались с туристами, чаще всего серферами из Австралии и Европы, которые жили в обшарпанных гостиницах на берегу, где снаружи висели потрепанные гамаки, а на пальмах — динамики, из которых звучала музыка лондонских ночных клубов. Рестораны покупали рыбу прямо с лодок, а рыбаки с их живописным традиционным стилем жизни придавали побережью экзотический колорит жизни другой страны, который в основном нравился туристам.

Долгое время между рыбаками и гостиницами в Аругам-Бей не возникало никаких трений, отчасти потому, что гражданская война в Шри-Ланке не позволяла мечтать о масштабных проектах ни в одной сфере. Восточное побережье Шри-Ланки когда-то было местом самых отчаянных боев, поскольку на него претендовали обе стороны — как северные «Тигры освобождения» Тамил Илама (их еще называли «Тиграми Тамила»), так и сингальское правительство из Коломбо, — но ни одна сторона не могла целиком взять эту территорию под контроль. Чтобы достичь залива Аругам-Бей, надо было проплыть мимо ряда контрольных пунктов, при этом путешественник рисковал попасть в перестрелку или стать жертвой взрыва террориста-смертника

(именно «Тигры Тамила» впервые придумали так называемый «пояс шахида»). Путеводители единодушно призывали туристов воздержаться от посещения нестабильного восточного побережья; волны для серфинга там были великолепные, но лишь самые отважные путешественники решались это проверить.

Ситуация резко изменилась в феврале 2002 года, когда Коломбо и «Тигры» подписали договор о прекращении огня. Это не было настоящим примирением, но давало реальную передышку, хотя иногда мир нарушали отдельные взрывы или убийства. Несмотря на неопределенность положения, как только дороги открылись, путеводители начали восхвалять восточное побережье как новый Таиланд: великолепный серфинг, прекрасный берег, отели для любви, ароматная еда с пряностями, вечера при свете луны... «отличное место для вечеринок», как о том писал гид издательства Lonely Planet³. И Аругам-Бей был самым привлекательным местом восточного побережья. В то же время открылись контрольные пункты, и это позволяло большому количеству рыбаков со всей страны вернуться на щедрые воды восточного побережья, в том числе в Аругам-Бей.

Аругам-Бей считался зоной рыбной ловли, но владельцы местных отелей начали жаловаться, что рыбацкие хижины портят великолепный вид и запах сохнувшей на песке рыбы отпугивает туристов (как заявил мне один из хозяев отелей, голландец по происхождению, «существует же такое понятие, как загрязнение окружающей среды запахами»). Некоторые из владельцев отелей начали давить на местные власти, чтобы те переместили рыбацкие хижины и лодки в другой залив, не пользующийся такой популярностью у иностранцев. Рыбаки сопротивлялись, они говорили, что живут тут уже много поколений и Аругам-Бей не только удобен для спуска лодок, но тут есть также пресная вода, электричество, школы для детей и покупатели рыбы.

Этот конфликт мог кончиться взрывом за шесть месяцев до цунами, когда посреди ночи рыбацкие хижины на берегу загадочным образом загорелись, 24 жилища обратились в пепел. Как сказал Роджер, они с семьей «потеряли все: имущество, сети и веревки». Мы с Кумари побеседовали со многими рыбаками Аругам-Бей, и все они уверены, что это был поджог. Они подозревают хозяев отелей, которые желали прибрать берег к рукам.

Но если этим огнем рыбаков хотели напугать, замысел поджигателей не удался: жители деревни еще тверже решили, что не поки-

³ Sri Lanka: A Travel Survival Kit. Victoria, Australia: Lonely Planet, 2005. P. 267.

нут это место, а рыбаки, лишившиеся жилищ, быстро их восстановили.

Цунами совершило то, чего не удалось сделать огню, — оно полностью очистило берег. Оно смыло все хрупкие конструкции подчистую: все лодки, хижины, коттеджи и бунгало туристов. Из 4000 местных жителей около 350 погибло, в основном это люди, подобные Роджеру, Ивану и Джените, которые кормились от океана⁴. Однако под обломками и телами лежало то, о чем туристический бизнес постоянно мечтал, — первозданный берег, очищенный от грязных следов человеческого труда, Эдем для отпуска. То же самое можно сказать про все окрестные берега: когда их очистили от обломков, остался — рай.

После того как жизнь начала возвращаться в привычную колею и семьи рыбаков вернулись на те места, где когда-то стояли их дома, их встретила полиция со словами, что восстанавливать жилища им запрещено. «Теперь новые законы, — сказали они, — никаких домов на берегу, любые строения должны отстоять от линии прилива как минимум на 200 метров». Большинство рыбаков готовы были на это согласиться, но в 200 метрах не располагалось доступной земли, так что им некуда было податься. И такая новая «буферная зона» появилась не только в Аругам-Бей, но и по всему восточному побережью. Берега стали для них недосыгаемыми.

На Шри-Ланке от цунами погибло около 35 тысяч жителей, а миллиону из них пришлось переехать. 80 процентов жертв — а в некоторых районах до 98 — составляли рыбаки с маленькими лодками, подобные Роджеру. Чтобы получить питание и небольшое пособие, сотни тысяч людей двинулись от берега в отдаленные временные лагеря, часто это были длинные мрачные бараки из листов жести, которые так сильно накалялись на солнце, что многие предпочитали спать под открытым небом. Со временем эти лагеря становились все грязнее, в них вспыхивали инфекционные болезни. Снаружи их патрулировали военные с автоматами.

Правительство официально заявило, что создание буферной зоны — это мера безопасности на случай повторения нового цунами. Казалось бы, это разумная мера, но один факт вызывал серьезные сомнения. Эта мера не распространялась на туристический бизнес. Напротив, при поддержке властей отели разрастались по всему берегу океана, где раньше жили и работали рыбаки. На курортные объ-

⁴ Lancaster J. After Tsunami, Sri Lankans Fear Paving of Paradise // *Washington Post*. 2005. June 5.

екты правила буферной зоны совершенно не распространялись: если строение относилось к программе «восстановления», каким бы оно ни было по конструкции и как бы близко ни стояло к воде, строительству никто не препятствовал. Так что берега Аругам-Бей заполнили строительные рабочие, которые что-то заколачивали и сверлили. «Но разве туристам не надо опасаться цунами?» — спрашивал Роджер.

Он вместе с товарищами полагал, что буферная зона была всего лишь предлогом для правительства осуществить свою давнишнюю мечту: очистить берег от рыбаков. Ловля рыбы позволяла им содержать свои семьи, но не вносила вклад в экономический рост, как его понимают такие учреждения, как Всемирный банк, а земля, на которой когда-то стояли их хижины, могла бы приносить куда больше дохода. Незадолго до моего приезда внимание прессы привлек документ под названием «План развития ресурсов Аругам-Бей», который подтвердил наихудшие опасения рыбаков. Федеральное правительство поручило команде международных экспертов подготовить план реконструкции Аругам-Бей, отсюда и появился этот документ. Хотя были повреждены только здания, стоящие непосредственно около берега, а большая часть города сохранилась, по плану Аругам-Бей надлежало сравнить с землей и выстроить заново, превратив его из курорта для хиппи в «привлекательное для туристов место» — с пятизвездочными отелями, роскошными шале по 300 долларов в сутки для экотуризма, причалом для гидросамолета и площадкой для вертолетов. В документе говорилось, что Аругам-Бей должен стать образцом для 30 новых близлежащих туристических зон, это превратит пострадавшее от войны восточное побережье Шри-Ланки в Ривьеру Южной Азии⁵.

Яркие мечты и планы совершенно несовместимы с жертвами цунами — сотнями семей рыбаков, которые давно жили и работали на берегу. В отчете говорилось, что жители деревень переедут в более подходящие места, иногда в нескольких километрах от океана. И что еще хуже, этот проект развития на 80 миллионов долларов будут финансировать за счет денег, собранных на помощь жертвам цунами.

Именно лица этих плачущих семей рыбаков после катастрофы и подобных им из Таиланда или Индонезии пробудили в международном сообществе необыкновенную щедрость — тела именно их

⁵ Arugam Bay Resource Development Plan: Reconstruction Towards Prosperity // National Physical Planning Department. Final Report. 2005. April 25. Pp. 4, 5, 7, 18, 33; Lancaster J. After Tsunami, Sri Lankans Fear Paving of Paradise.

родственников складывали рядами в мечетях, их рыдающие матери пытались отыскать своих утонувших младенцев, их детей уносил океан. Однако для поселений, подобных Аругам-Бей, «восстановление» означало только одно — намеренное разрушение прежней культуры и образа жизни и захват их земли. Как сказала Кумари, весь процесс реконструкции в результате «сделал жертвами жертвы, был эксплуатацией эксплуатируемых».

Когда стало известно об этом проекте, он вызвал возмущение по всей стране, а особенно в Аругам-Бей. Лишь только прибыв в город, мы с Кумари оказались в толпе нескольких сотен демонстрантов, одежда которых представляла собой пеструю смесь из сари, саронгов, хидджабов и «вьетнамков». Они собрались на берегу с намерением пройти маршем мимо отелей и выйти в соседний городок Поттувил, где заседают местные власти.

Когда они проходили мимо отелей, юноша в белой майке с красным мегафоном организовывал лозунги демонстрантов. «Не хотим, не хотим...» — начинал он, и толпа отвечала: «Туристических отелей!» Затем он начал: «Белые, белые...» — и толпа ответила: «Убирайтесь вон!» (Кумари было неловко переводить это мне с тамильского языка.) Другой молодой человек, с задубевшей от солнца и соли океана кожей, взял у первого мегафон и закричал: «Мы хотим, мы хотим...» — и слышались ответы: «Чтобы нам вернули землю!», «Наши дома!», «Рыбацкий порт!», «Посланную нам денежную помощь!» «Голод, голод...» — закричал молодой человек, и толпа ответила: «Рыбаков ждет голод!»

Остановившись около ворот здания местных органов власти, предводители марша высказали обвинения своим избранным представителям — в коррупции, в том, что они предали народ и потратили деньги, переданные на помощь рыбакам, «на приданое своих дочерей и драгоценности жен». Там звучали речи о дискриминации мусульман, о том, что предпочтение отдается сингальцам и что «иностранцы наживаются на нашей беде».

Но, кажется, эти восклицания не оказывали никакого действия. В Коломбо я разговаривала с генеральным директором Совета по туризму Шри-Ланки по имени Сеенивасагам Калайсельвам, бюрократом средних лет с дурной привычкой пересказывать биографии местных «выдающихся людей» — мультимиллионеров. Я спросила его, что будут делать рыбаки из таких мест, как Аругам-Бей. Он откинулся на спинку кресла из пальмового дерева и начал объяснять:

«В прошлом в прибрежной зоне у нас было немало незаконных поселений... построенных без учета плана развития туризма. Цунами сделало доброе дело для туристического бизнеса — большинство из таких незаконных поселений были разрушены, и от этих зданий уже ничего не осталось». Если рыбаки вернуться на эти места и снова примутся их строить, сказал он, «нам опять придется их снести... Берег должен быть чистым».

А начиналось все совершенно по-другому. Когда Кумари впервые прибыла на западное побережье вскоре после цунами, официальная помощь сюда еще не поступала. Это означало, что каждый должен был стать и спасателем, и медиком, и могильщиком. «Внезапно этнические барьеры, раздиравшие регион на части, исчезли, — рассказывала Кумари. — Мусульмане приходили к тамильцам участвовать в похоронах, а тамильцы ходили к мусульманам, чтобы вместе есть. Люди из глубины страны посылали ежедневно по два пакета с едой от каждого дома, что было признаком щедрости, потому что они были крайне бедны. Они это делали совершенно бескорыстно, просто им казалось: “Я должен поддержать соседей, надо поддерживать наших сестер, братьев, дочерей, матерей”. Только ради этого».

Подобное преодоление культурных барьеров происходило по всей стране. Подростки-тамильцы пригнали свои трактора с ферм, чтобы искать тела в завалах. Христианские дети отдали свои школьные формы, которые пошли на белые погребальные саваны мусульман, для этого же индуистские женщины отдали свои белые сари. Казалось, гигантская разрушительная волна океана была настолько мощной, что не только унесла дома с берегов и уничтожила дороги, но также смела вековую ненависть, кровную месть и воспоминания о том, кто последний раз кого убил. Для Кумари, которая годами занималась нелегкой работой в движении за мир, где активисты пытались навести мосты поверх этих барьеров, было удивительно, с каким достоинством люди встретили эту трагедию. Вместо бесконечных разговоров о мире жители Шри-Ланки в момент величайшего напряжения на самом деле обрели мир.

Также казалось, что страна вправе рассчитывать на международную помощь в деле восстановления. Сначала эта помощь исходила не от медлительных правительств, но от обычных людей, видевших катастрофу по телевизору: школьники Европы собирали деньги, продавая выпечку и напитки, музыканты организовывали концерты с уча-

стием звезд, верующие собирали одежду, одеяла и деньги. Граждане потребовали от своих правительств, чтобы те также приняли участие в помощи на официальном уровне. За шесть месяцев таким образом было собрано 13 миллиардов долларов — это был мировой рекорд⁶.

В первые месяцы деньги на реконструкцию достигли нуждающихся: неправительственные организации и службы помощи привезли питание и воду, палатки и временные домики, богатые страны прислали команды медиков и продовольствие. Были созданы временные лагеря, чтобы дать людям крышу, пока не будут построены настоящие дома. И денег на строительство, без сомнения, было достаточно. Но когда через шесть месяцев после катастрофы я посетила Шри-Ланку, продвижение вперед остановилось: новые дома так и не были воздвигнуты, а лагеря для оставшихся без крыши людей уже походили не на временные убежища, а на городские барачные поселки для постоянного проживания бедняков.

Люди, желавшие оказывать помощь, жаловались на правительство Шри-Ланки, которое сковывает их действия на каждом шагу: сначала создает буферную зону, затем отказывается предоставить другие участки земли для застройки, а потом заказывает бесконечное количество исследований и генеральных планов иностранным экспертам. Правительственные бюрократы понимали, что все это время жертвы цунами живут в тесных лагерях, получая скудные пайки, слишком далеко от берега, чтобы снова приступить к рыбной ловле. Часто эту задержку объясняли волокитой и неумелым руководством, однако проблема имела более глубокие корни.

До цунами: провалившийся план

План по перекройке Шри-Ланки появился за два года до стихийного бедствия. Он родился с окончанием гражданской войны, когда все те же заинтересованные участники явились в Шри-Ланку, чтобы вместе открыть эту страну для мировой экономики, и среди них USAID, Всемирный банк и Азиатский банк развития. Все соглашались, что самое очевидное преимущество Шри-Ланки заключается именно в том, что страна из-за длительной войны осталась одним из немногих мест, не охваченных общим потоком глобализации. Эта маленькая страна сохранила удивительно много дикой природы: там были леопарды, обезьяны и тысячи диких слонов. Ее берега не осквернили небоскребы, а на горах стояли индуистские, буддистские и мусульманские святы-

⁶ South Asians Mark Tsunami Anniversary // *United Press International*. 2005. June 26.

лица. И что всего прекраснее, восторгалось агентство USAID, «все это располагалось на небольшом пространстве размером с Западную Вирджинию»⁷.

По плану джунгли Шри-Ланки, которые давали надежное убежище вооруженным партизанам, надо было открыть для отважных экотуристов, которые будут кататься на слонах или смогут вообразить себя Тарзаном, перемещаясь по канатной дороге меж кронами деревьев, как это делают в Коста-Рике. Местные религии, за которые пролито столько крови, могут приспособиться к духовным запросам западных гостей: буддистские монахи откроют центры медитации, индуистские женщины будут показывать в отелях свои красочные танцы, а аюрведические медицинские заведения — снимать боли и недомогания.

Короче говоря, пусть в других странах Азии существуют потогонные предприятия, call-центры и лихорадка биржи; Шри-Ланка будет дожидаться момента, когда заправилам этой деятельности понадобится отдых. Именно из-за того, что радикальный капитализм позволил им накопить огромные богатства, деньги тут не будут проблемой; на них можно будет получить идеальное сочетание роскоши и дикой природы, приключений и чуткого обслуживания. По убеждению консультантов, будущее Шри-Ланки лежит в создании такой сети туристического бизнеса, какую создала Aman Resorts, недавно открывшая два удивительных отеля на южном побережье, где комната стоит до 800 долларов в сутки и в каждом номере есть глубокий бассейн.

Правительство США прониклось таким энтузиазмом относительно Шри-Ланки с ее потенциалом превратиться в туристическую страну наивысшего класса и со всеми богатыми возможностями для строителей и туристических фирм, что USAID запустило программу организации туризма Шри-Ланки и создало для ее продвижения влиятельную группу лоббистов в вашингтонском стиле. Она получает кредиты, чтобы увеличить средства на развитие туризма «от уровня менее 500 тысяч долларов в год до примерно 10 миллионов в год»⁸. Тем временем американское посольство приступило к осуществлению Программы соревнования, которая на самом деле должна отстаивать экономические интересы США в Шри-Ланке. Директор программы, седой экономист Джон Варли, объяснил мне, что, по его мнению, Совет по туризму Шри-Ланки мыслит слишком мелко, мечтая привлечь один миллион туристов в год к концу десятилетия, добавив: «Я лично

⁷ USAID Elicits «Real Reform» of Tourism. 2006. January // USAID/Sri Lanka, www.usaid.gov.

⁸ Там же.

думаю, что они могли бы назвать цифру вдвое больше». Питер Харрольд, англичанин, осуществляющий на Шри-Ланке операции Всемирного банка, сказал: «Мне всегда кажется, что для сравнения нам стоит ориентироваться на Бали».

Нет сомнений, что первоклассный туризм — это быстро растущий рынок. Между 2001 и 2005 годами доходы роскошных отелей со средней ценой номера 405 долларов в сутки выросли на 70 процентов — очень неплохой показатель, если учесть спад активности после 11 сентября, войну в Ираке и взлет цен на топливо. Феноменальный рост в этом секторе во многом является побочным продуктом резкого неравенства, появившегося в результате повсеместной победы экономики чикагской школы. Каким бы ни было общее положение экономики, всегда найдется достаточно людей из элиты, состоящей из новых мультимиллионеров и миллиардеров, чтобы Уолл-стрит сочла эту группу «сверхпотребителями», способными постоянно поддерживать спрос на предметы роскоши. Аджей Капур, бывший руководитель нью-йоркской группы стратегий на рынке акций в Smith Barney (дочернего предприятия Citigroup), призывал своих клиентов вкладывать деньги в его «плутономическую корзину» акций, где представлены такие компании, как Bulgari, Porsche, Four Seasons и Sotheby's. «Если экономика богатых, как мы полагаем, будет процветать и дальше и если неравенство доходов сохранится и будет далее расти, с нашей “плутономической корзиной” также все будет в порядке»⁹.

Но чтобы Шри-Ланка могла сыграть свою роль в плутономике, необходимо было резко усовершенствовать некоторые вещи, причем в срочном порядке. Во-первых, чтобы создать здесь курорты для богатейших людей мира, правительству нужно было устранить барьеры, мешающие частному сектору владеть землей (около 80 процентов земли Шри-Ланки принадлежит государству)¹⁰. Также стране нужны были «гибкие» законы о труде, чтобы инвесторы могли укомплектовать свои туристические заведения. И наконец, нужно было модернизировать инфраструктуру: построить автодороги и шикарные аэропорты, улучшить систему водоснабжения и электросеть. Но по-

⁹ Интервью по электронной почте с Карен Престон, менеджером Leading Hotels of the World по связям с общественностью, 16 августа 2006 года; Kapur A., Macleod N., Singh N. Plutonomy: Buying Luxury, Explaining Global Imbalances. Citigroup: Industry Note, Equity Strategy. 2005. October 16. Pp. 27, 30.

¹⁰ Sri Lanka Environment Profile // United Nations Environment Programme. National Environment Outlook, www.unep.net.

сколько Шри-Ланка оказалась в долгах по причине закупки оружия, правительство страны не могло финансировать эти изменения из своих средств. Так начались обычные переговоры о сделке: Всемирный банк и МВФ дадут займы в ответ на создание экономических условий для приватизации и «партнерства государственного и частного секторов».

Все эти планы и условия были тщательно изложены в программе экономической шоковой терапии, одобренной местным представительством Всемирного банка, под названием «Реконструкция Шри-Ланки», которая была создана в начале 2003 года. Ее главным защитником в стране стал политик и предприниматель Мано Титтавелла, человек, который удивительно напоминает Ньюта Гингрича, как по виду, так и по образу мыслей¹¹.

Как и все прочие программы шоковой терапии, «Реконструкция Шри-Ланки» требовала много жертв ради того, чтобы инициировать быстрый экономический рост. Миллионы людей должны покинуть свои родные деревни, чтобы освободить берега для туристов и земли для строительства отелей и шоссе. По программе, рыбной ловлей должны в основном заниматься большие траулеры из портов, а не деревянные лодочки, которые можно спустить на воду прямо с берега¹². И конечно, как это происходило в подобных обстоятельствах везде, от Буэнос-Айреса до Багдада, на государственных предприятиях должны произойти массовые увольнения, а стоимость работы основных служб должна возрасти.

Защитники программы столкнулись с одной проблемой: большинство жителей Шри-Ланки не верили в то, что эти жертвы окупятся. Это был уже 2003 год, и горячая вера в глобализацию уже давно начала иссякать, особенно после ужаса экономических кризисов в Азии. Наследие войны также было препятствием. Десятки тысяч жителей Шри-Ланки погибли в сражениях за «народ», «родину» и «террито-

¹¹ С 1997 по 2001 год Мано Титтавелла был генеральным директором Комиссии по реформе государственных предприятий Шри-Ланки, за это время под его руководством произошла приватизация Sri Lanka Telecom (август 1997 г.) и Sri Lankan Air Lines (март 1998 г.). После выборов 2004 года он стал главой правительственного Агентства стратегического предпринимательства, продолжавшего осуществлять программу приватизации, которая на новом языке стала называться «партнерством государственного и частного секторов». Past Divestitures. 2005 // Public Enterprises Reform Commission of Sri Lanka, www.perc.gov.lk; SEMA to Rejuvenate Key State Enterprises. 2004. June 15, www.priu.gov.lk.

¹² A Proposal for a People's Planning Commission for Recovery After Tsunami / Movement for National Land and Agricultural Reform, Sri Lanka, www.monlar.org.

рию». Теперь же, когда наконец-то настал мир, самых бедных из них просят отдать свои крохотные клочки земли и их скромное имущество — огород, хижину, лодку, — чтобы Marriott или Hilton могли построить площадку для гольфа (и тогда жителей деревни ждет участь уличных торговцев в Коломбо). Это выглядело бесчестной сделкой, и население отреагировало на нее соответственно.

Программа «Реконструкция Шри-Ланки» сначала породила мощную волну забастовок и протестов, затем жители страны отвергли ее на избирательных участках. В апреле 2004 года население Шри-Ланки отказалось поддерживать иностранных экспертов и их местных партнеров и проголосовало за коалицию левоцентристов и марксистов, обещавших похоронить программу «Реконструкция Шри-Ланки»¹³. На тот момент приватизация многих ключевых объектов, в том числе систем водоснабжения и электроэнергии, еще не завершилась, а проекты строительства автомагистралей были опротестованы в суде. Для тех, кто мечтал превратить страну в плутономический проект, это было крупной неудачей: они надеялись, что в 2004 году откроется новая приватизированная Шри-Ланка, привлекательная для инвесторов, теперь эти надежды рушились.

Через восемь месяцев после этих судьбоносных выборов на страну обрушилось цунами. Люди, которые горевали о гибели плана «Реконструкция Шри-Ланки», моментально оценили значение этого бедствия. Недавно избранному правительству понадобятся миллиарды от иностранных кредиторов на восстановление домов, дорог, школ и железнодорожных путей, разрушенных стихией, а эти кредиторы прекрасно знают, что в момент опустошительного кризиса даже самые ревностные сторонники экономической независимости внезапно становятся податливыми. Что же касается воинственно настроенных фермеров и рыбаков, которые ранее блокировали движение на шоссе и созывали большие митинги, чтобы воспротивиться попыткам очистить землю под проекты развития, — так у этих людей сейчас голова занята другими вещами.

После цунами: вторая попытка

Правительство Шри-Ланки немедленно начало демонстрировать богатым странам, которые контролировали денежную помощь, что оно готово пересмотреть свои планы. Президент Чандрика Кумаратунга,

¹³ Privatizations in Sri Lanka Likely to Slow Because of Election Results // *Associated Press*. 2004. April 5.

резко выступавшая против планов приватизации в ходе своей предвыборной кампании, сказала, что для нее катастрофа стала чем-то вроде религиозного просветления, в результате чего она узрела свет свободного рынка. Она отправилась на пострадавшее побережье и, стоя среди руин, заявила: «Наша страна богата многими природными ресурсами, и мы не используем их в полной мере... Так что природа сама решила: “Сколько можно?” — и нанесла нам удары со всех сторон, чтобы научить нас жить вместе»¹⁴. Это была оригинальная интерпретация событий — цунами как божественное наказание за нежелание распродать берега и леса Шри-Ланки.

Признаки раскаяния правительства стали заметны очень скоро. Всего через четыре дня после бедствия оно выпустило законопроект, который расчищал дорогу для приватизации системы водоснабжения, чему население упорно сопротивлялось последние годы. Но теперь, когда страна все еще была залита водой и еще не были вырыты могилы, мало кто вообще мог заметить, что происходит, так же, как это случилось с законом о нефти в Ираке. Правительство также выбрало чрезвычайно тяжелый момент, чтобы сделать жизнь еще тяжелее, повысив цены на бензин, — этот ход передавал кредиторам недвусмысленное сообщение о способности Коломбо ответственно распоряжаться финансами. Также началась подготовка законодательной базы для закрытия национального электроэнергетического предприятия, чтобы можно было открыть его для частного сектора¹⁵.

Герман Кумара, глава Национального движения солидарности рыбаков Шри-Ланки, представляющего интересы людей с небольшими лодками, назвал эту реконструкцию «второй волной цунами — волной корпоративной глобализации». Он увидел тут сознательную попытку обойти интересы рыбаков в тот самый момент, когда они разбиты и ослаблены; как за войной следует грабительство, так за цунами последовала экономическая волна. «Люди стойко сопротивлялись подобным мероприятиям, — сказал он мне. — Но теперь они голодают в лагерях и думают лишь о том, как пережить завтрашний день: им негде спать, негде жить, они потеряли источник дохода и не знают, как прокормиться в будущем. Именно в этот момент прави-

¹⁴ Sri Lanka Begins Tsunami Rebuilding Amid Fresh Peace Moves // *Agence France-Presse*. 2005. January 19.

¹⁵ A Proposal for a People's Planning Commission For Recovery After Tsunami; Sri Lanka Raises Fuel Prices Amid Worsening Economic Crisis // *Agence France-Presse*. 2005. June 5; Panic Buying Grips Sri Lanka Amid Oil Strike Fears // *Agence France-Presse*. 2005. March 28.

тельство делает шаги к осуществлению своей программы. Когда люди придут в себя, они увидят, какие решения были приняты, но тогда вред станет уже необратимым».

Кредиторы в Вашингтоне очень быстро сообразили, как использовать цунами, потому что они уже делали нечто подобное раньше. Генеральная репетиция действий капитализма катастроф после цунами произошла вслед за ураганом «Митч», хотя этот эпизод привлек к себе мало внимания.

В октябре 1998 года на протяжении бесконечно длившейся недели Центральную Америку терзал ураган «Митч». Он обрушился на побережье и горы Гондураса, Гватемалы и Никарагуа, сдувая с лица земли целые деревни, и стал причиной гибели 9000 человек. Бедные страны не могли выкарабкаться из тяжелого положения без щедрой иностранной помощи, и они ее получили, но за это пришлось дорого заплатить. Через два месяца после катастрофы, когда страна еще была покрыта обломками, трупами и грязью, конгресс Гондураса принял законы, дающие возможность приватизировать аэропорты, морские порты и автодороги, а также разработал планы быстрой приватизации государственной телефонной компании, национальной электроэнергетической компании и части системы водоснабжения. Он отменил законы, которые готовили земельную реформу, что облегчило для иностранцев процесс приобретения и продажи собственности, и создал крайне благоприятный для бизнеса закон о добыче полезных ископаемых (закон разрабатывали промышленники), снизив требования относительно охраны окружающей среды и облегчив процесс выселения людей из жилья, если это требуется для разработки новых рудников и шахт¹⁶.

Подобное происходило и в соседних странах: за те же два месяца после урагана Гватемала объявила о продаже своей телефонной системы, такое же объявление сделала Никарагуа, кроме того, эта страна начала приватизацию электроэнергетической компании и нефтяной промышленности. По данным *Wall Street Journal*, «Всемирный банк и Международный валютный фонд своим авторитетом поддер-

¹⁶ Wilson J., Lapper R. Honduras May Speed Sell-Offs After Storm // *Financial Times*. London. 1998. November 11; Honduras. 1999 National Trade Estimate Report on Foreign Trade Barriers // Organization of American States, p. 165, www.sice.oas.org; Cuffe S. A Backwards, Upside-Down Kind of Development: Global Actors, Mining and Community-Based Resistance in Honduras and Guatemala. 2005. February // Rights Action, www.rightsaction.org.

жали продажу [телефонной компании], обещав выдавать примерно по 47 миллионов долларов ежегодно в течение трех лет и добиться освобождения от уплаты 4,4 миллиарда долларов внешнего долга Никарагуа»¹⁷. Разумеется, приватизация телефонной системы не имеет ни малейшего отношения к ликвидации последствий урагана, если только не рассматривать эту связь с точки зрения логики капитализма катастроф, которой руководствуются финансовые организации Вашингтона.

В течение ближайших лет эти продажи состоялись, часто по ценам намного ниже рыночных. Покупателями оказались в основном бывшие государственные компании других стран, которые ранее сами пережили приватизацию и теперь искали новое имущество по всему земному шару, чтобы повысить стоимость своих акций. Приватизированная мексиканская телефонная компания Telmex приобрела гватемальскую телефонную компанию; испанская энергетическая компания Unipn Fenosa скупил энергетические компании Венесуэлы; Международный аэропорт Сан-Франциско, ставший теперь частной компанией, приобрел все аэропорты Гондураса. Никарагуа продала 40 процентов своей телефонной компании всего за 33 миллиона долларов, хотя Pricewaterhouse Coopers оценивала их в 80 миллионов¹⁸. «Разрушения дают шанс иностранным инвесторам», — заявил министр иностранных дел Гватемалы на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 1999 году¹⁹.

К тому моменту, как цунами нанесло свой сокрушительный удар, Вашингтон был готов использовать модель урагана «Митч» на новом уровне, чтобы катастрофа не только привела к принятию отдельных законов, но и позволила корпорациям непосредственно контролировать процесс восстановления. Любая страна после такого масштабного

¹⁷ Mexico's Telmex Unveils Guatemala Telecom Alliance // *Reuters*. 1998. October 29; Nicaragua. Central America After Hurricane Mitch: The Challenge of Turning a Disaster into an Opportunity. 2000. May // Consultative Group for the Reconstruction and Transformation of Central America, Inter-American Development Bank, www.iadb.org; *Druckerman P.* No Sale: Do You Want to Buy a Phone Company // *Wall Street Journal*. 1999. July 14.

¹⁸ Mexico's Telmex Unveils Guatemala Telecom Alliance; Spain's Fenosa Buys Nicaragua Energy Distributors // *Reuters*. 2000. September 12; San Francisco Group Wins Honduras Airport Deal // *Reuters*. 2000. March 9; CEO-Govt. to Sell Remaining Enitel Stake This Year // *Business News Americas*. 2003. February 14.

¹⁹ Цит. по: *Barillas E.S.* Central America After Hurricane Mitch // World Economic Forum Annual Meeting. Davos, Switzerland. 1999. January 30.

го бедствия, как цунами 2004 года, нуждается во всестороннем плане реконструкции для разумного использования иностранной помощи, который позволяет гарантировать, что средства будут потрачены по своему назначению. Но президент Шри-Ланки, испытывая давление Вашингтона, решила, что создание такого плана нельзя поручить демократически выбранным правительственным политикам. Вместо этого, всего через неделю после того как цунами опустошило берег, она создала новую организацию — специальную комиссию по перестройке. Именно эта комиссия, а не Парламент Шри-Ланки получит все полномочия для создания и введения в действие основного плана создания новой страны. В комиссию вошли самые влиятельные местные бизнесмены и финансисты. При этом разные виды бизнеса были представлены крайне неоднородно: из десяти членов комиссии пятеро непосредственно владели имуществом в туристическом секторе, они представляли самые крупные туристические компании страны²⁰. В комиссию не вошли представители рыболовов или фермеров, там не было ни одного эксперта по охране среды, ни одного ученого или хотя бы специалиста по ликвидации последствий катастроф. Возглавил эту группу Мано Титтавелла, бывший король приватизации. «Это дает нам шанс построить образцовую страну», — заявил он²¹.

Создание данной комиссии было своеобразным государственным корпоративным переворотом с помощью стихийного бедствия. И как это происходило во многих других странах, демократические порядки в Шри-Ланке стояли на пути осуществления программы чикагской школы, что показали выборы 2004 года. Но когда граждане страны сообща решали самые неотложные проблемы, а политики отчаянно думали, как получить денежную помощь, можно было проигнорировать очевидную волю избирателей и руководствоваться принципами бизнеса, которые всегда стоят на первом месте для капитализма катастроф.

Каким-то образом всего за 10 дней, не покидая столицы, бизнесмены из комиссии по перестройке создали набросок плана реконструкции, куда входило все: от жилья до автострад. Именно в этом плане упоминалось создание буферной зоны с оговоркой, что это не касается отелей. Кроме того, комиссия распорядилась направить

²⁰ Rice A. Post-Tsunami Tourism and Reconstruction: A Second Disaster? 2005. October // Tsunami Concern, p. 11, www.tourismconcern.org.uk.

²¹ An Agenda for Sri Lanka's Post-Tsunami Recovery // TAFREN. *Progress & News*. 2005. July. P. 2.

деньги, выделенные как средство помощи, на строительство скоростных автомагистралей и рыболовецких портов, что наталкивалось до катастрофы на сильное сопротивление. Сарат Фернандо, активист, занимающийся земельным правом, сказал мне: «Для нас эта экономическая программа является горшим бедствием, чем цунами, вот почему мы так отчаянно сражались против нее раньше и похоронили эту идею на последних выборах. Но теперь, всего через три недели после цунами, нам предлагают все ту же программу. Очевидно, что они к этому подготовились заранее»²².

Вашингтон оказывал комиссии по перестройке помощь в восстановлении примерно так же, как это делалось в Ираке: с помощью огромных контрактов с американскими компаниями. CH2M Hill, инженерно-строительный гигант из Колорадо, получил 28,5 миллиона долларов, чтобы наблюдать за работой других важнейших подрядчиков в Ираке. И хотя эта компания более прочих повинна в катастрофе при восстановлении Багдада, она получила другой контракт на 33 миллиона в Шри-Ланке (позднее он был увеличен до 48 миллионов) преимущественно на строительство трех портов для промышленного рыболовецкого флота и нового моста около Аругам-Бей, что входило в план превращения этого городка в «рай для туристов»²³. Оба этих проекта — выполненные в рамках программы ликвидации последствий цунами — были бедой для первоочередных жертв цунами, поскольку траулеры отнимали у них рыбу, а владельцы отелей не хотели их видеть на берегу океана. Кумари на это сказала: «Такая “помощь” не помогает, она по-настоящему причиняет вред».

На мой вопрос о том, почему правительство США тратит деньги, собранные для помощи, на проекты, из-за которых пострадавшие от цунами должны будут покинуть родные места, Джон Варли, директор Программы соревнования USAID, ответил: «Не хочется ограничивать помощь, потратив все средства исключительно на жертв бедствия...

²² Фернандо возглавляет Движение за земельную и сельскохозяйственную реформу, коалицию неправительственных организаций Шри-Ланки, которая вскоре после катастрофы призывала к «народному восстановлению страны».

²³ Fishermen and Tradesmen to Benefit from U.S. Funded \$33 Million Contract for Post-Tsunami Infrastructure Projects / USAID Sri Lanka. Press release. 2005. September 8, www.usaid.gov; USAID Signature Tsunami Reconstruction Efforts in Indonesia and Sri Lanka Exceed Initial Cost and Schedule Estimates, and Face Further Risks / United States Government Accountability Office. Report to Congressional Committee, GAO-07-357. 2007. February Arugam Bay Resource Development Plan: Reconstruction Towards Prosperity / National Physical Planning Department. Final Report. 2005. April 25. P. 18.

Пусть она принесет благосостояние всей Шри-Ланке, пусть станет вкладом в развитие страны». Варли сравнил этот план с работой лифта в небоскребе: при первом заходе он берет одну группу пассажиров и доставляет их на вершину, там они создают богатство, которое позволяет лифту вернуться вниз и поднять больше людей. Люди, которые ждут на первом этаже, должны понимать, что лифт вернется и за ними тоже — в конечном итоге.

Правительство США непосредственно потратило на рыбаков с маленькими лодками лишь 1 миллион долларов в виде гранта на «модернизацию» их временного жилья, куда их поместили, пока происходила реконструкция побережья²⁴. Это указывало, что жилища из жести и ДСП были временными только по своему названию, а на самом деле были предназначены стать постоянным барачным поселком — такого рода жилища на всем Юге окружают большинство крупных городов. И людям, живущим в таких трущобах, никто особенно не хочет помогать, но с жертвами цунами дело обстояло иначе. Весь мир видел по телевидению, как они потеряли свои дома и хозяйство, и весь мир проникся глубоким чувством, что эти жертвы прихотей судьбы заслужили, чтобы им вернули потерянное — не с помощью экономики «просачивания благ сверху», но в виде непосредственной помощи, из рук в руки. Однако Всемирный банк и USAID понимали нечто такое, чего не понимает большинство из нас: что достаточно скоро все забудут о том, чем жертвы цунами отличаются от миллиардов безликих бедняков по всему миру, многие из которых уже живут в жестяных хижинах без водопровода. Появление таких жилищ стало таким же неизбежным спутником глобальной экономики, как и увеличение числа отелей с номерами по 800 долларов в сутки.

В одном из самых заброшенных лагерей около южного побережья Шри-Ланки я встретила с Ренукой, необычайно красивой женщиной даже в одежде из мешковины. Она была из тех людей, кто, по словам Варли, ожидает лифта. Ее шестимесячная дочь родилась через два дня после цунами. Ренука проявила нечеловеческую силу: при девятимесячной беременности схватила обоих своих мальчиков и устремилась подальше от волны, когда вода доходила ей до шеи. И несмотря на эту отчаянную борьбу за жизнь, она со своей семьей теперь тихо голодает на пересохшем участке случайной земли. Из лучших побуждений одна неправительственная организация подарила им пару каноэ,

²⁴ U.S. Provides \$1 Million to Maintain Tsunami Shelter Communities. United States Embassy. 2006. May 18, www.usaid.gov.

и этот подарок лишь усугубляет боль: они находятся в трех километрах от воды, а для транспортировки лодок у них нет даже велосипеда, так что это жестокое напоминание о прошлой жизни. Она просила нас передать ее слова всем, кто пытается оказать помощь жертвам цунами. «Если у вас есть что-то лично для меня, — сказала она, — передайте мне это прямо в руки».

Волна расширяется

Не только Шри-Ланку поразила эта вторая волна после цунами — подобные истории с землей и законами происходили в Таиланде, на Мальдивах и в Индонезии. В Индии пострадавшие от цунами жители Тамил Наду настолько обнищали, что около 150 женщин были вынуждены продать свои почки, чтобы можно было покупать еду. Один из активистов, оказывающих помощь, объяснил газете *Guardian*, что тамошние власти «предпочли использовать берег для строительства отелей, что в результате привело к разорению людей». Все страны, пострадавшие от цунами, создали «буферные зоны», чтобы местные жители не восстанавливали своих жилищ на берегу, а это давало возможность заниматься развитием опустошенных земель. (В индонезийской провинции Аче была создана буферная зона в два километра глубиной, хотя в итоге правительству пришлось отменить свое постановление²⁵.)

Через год после цунами почтенная неправительственная организация ActionAid, которая наблюдала за распределением иностранной помощи, опубликовала результаты масштабного исследования судеб 50 жертв цунами в пяти странах. Везде с ними повторялась одна и та же история: местным жителям запретили восстанавливать свои жилища, однако при этом поощрялось строительство отелей; временные лагеря стали загонами для быдла, охраняемого вооруженными людьми, и постоянное жилье для пострадавших почти нигде не строилось; это стало необратимым изменением образа жизни. Отчет делал вывод, что эти вещи невозможно объяснить обычными причинами: неудачной коммуникацией, нехваткой средств или коррупцией. Это было результатом целенаправленного изменения структуры общества. В отчете говорилось: «Правительства в основном не смогли предоставить пострадавшим землю для строительства постоянного жилья. Правительства равнодушно наблюдали, иногда

²⁵ Ramesh R. Indian Tsunami Victims Sold Their Kidneys to Survive // *Guardian*. London. 2007. January 18; *Tsunami Response*, p. 17; Meo N. Thousands of Indonesians Still in Tents // *Globe and Mail*. Toronto. 2005. December 27.

не без корыстного интереса, за захватом прибрежных земель, в то время как интересами местных жителей пренебрегали ради коммерческих интересов»²⁶.

Особенно вопиющие проявления таких действий правительства после цунами можно было наблюдать на Мальдивах — возможно, это самая непонятная страна из всех, пострадавших от катастрофы. Там правительство не только удалило людей из прибрежной зоны, но и использовало цунами для того, чтобы выселить местных жителей из большинства обитаемых районов.

Мальдивы, архипелаг из примерно 200 обитаемых островов к югу от Индии, — это туристическая республика в том же смысле слова, как некоторые страны Центральной Америки называют банановыми республиками. Она торгует не экзотическими фруктами, но экзотическим отдыхом, так что до 90 процентов доходов страны непосредственно связаны с отдыхом туристов на океане²⁷. Отдых, который продают Мальдивы, носит особенно декадентский и соблазнительный характер. Около сотни островов тут являются «островами-курортами» с разнообразной флорой и белыми песчаными пляжами. Вся жизнь на островах полностью подчинена отелям, туристическим фирмам и местным богачам. Некоторые острова сдаются в аренду на 25 лет. Самые роскошные острова обслуживают элитных клиентов (например, Том Круз проводил тут медовый месяц с Кэти Холмс), которых привлекает не только красота острова и купание, но и полная изоляция, доступная только на частном острове.

Эти прибежища богатых туристов, созданные по архитектурным «мотивам» традиционных рыбацких хижин, представляют собой соломенные дворцы, наполненные всеми игрушками и последними новинками плутократии: системами от Bose Surround Sound, ванными с сантехникой от Филипа Старка, тончайшими простынями, которые почти тают при прикосновении руки. Кроме того, острова соревнуются один с другим в стремлении стереть границы между землей и океаном: виллы в Коко-Пальм построены над лагуной и снабжены веревочными лестницами, по которым можно спуститься в воду, номера от Four Seasons плавают в океане, а Hilton гордится своим первым в мире подводным рестораном на коралловом рифе. Во многих местах существуют районы для обслуживающего персонала, а на одном частном острове 24 часа в сутки работает «верный мальдив-

²⁶ Tsunami Response, p. 9.

²⁷ Maldives. The World Factbook 2007 // Central Intelligence Agency, www.cia.gov.

ский дворецкий — «такуру»», который задаст вопрос: «Как вам приготовить мартини — смешать, но не взбалтывать?» Такие виллы а ля Джеймс Бонд обходятся туристам по 5000 долларов в сутки²⁸.

Всем этим царством удовольствия заправляет бессменный (что беспрецедентно даже для Азии) президент Момун Абдул Гаюм, который пришел к власти в 1978 году. Во время его правления правительство бросило в тюрьмы представителей оппозиции, его обвиняют в пытках «диссидентов» за такие преступления, как создание антиправительственных веб-сайтов²⁹. Пока критики режима сидят в тюрьмах, Гаюм и его окружение спокойно занимаются туристическим бизнесом.

Еще до цунами правительство Мальдивской республики стремилось увеличить количество островов для отдыха в связи с растущими запросами богачей, желающих пожить в уединении. Оно наткнулось на обычное препятствие — на население. В Мальдивии живут преимущественно рыбаки, многие из них строят свои хижины на кольцеобразных атоллах. Это создавало проблемы, потому что туристы на Мальдивах были лишены идиллического чувства пребывания в раю из-за сушащейся на песке рыбы. Незадолго до цунами правительство Гаюма попыталось убедить местных жителей переселиться на относительно крупные и густонаселенные острова, менее привлекательные для туристов. Предполагалось, что эти острова лучше защищены от опасности подъема воды в связи с глобальным потеплением. Но даже репрессивный режим не мог заставить десятки тысяч людей покинуть острова своих предков, и программа «консолидации населения» в основном обернулась неудачей³⁰.

После цунами правительство Гаюма объявило о том, что эта катастрофа показала, насколько многие из островов «небезопасны и непригодны для обитания», и приступило к осуществлению более агрессивной, чем раньше, программы переселения: оно заявило, что для получения помощи государства в восстановлении после бедствия

²⁸ Coco Palm Dhuni Kolhu, www.cocopalm.com; Maldives at Landaa Giraavaru // Four Seasons Resort, www.fourseasons.com; Rangali Island // Hilton Maldives Resort and Spa, www.hilton.com; Dhoni Mighili Island // Private Islands Online, www.privateislandsonline.com.

²⁹ Buerck R. Maldives Opposition Plan Protest // *BBC News*. 2007. April 20; Extrajudicial Killings, Disappearances, Torture and Other Forms of Gross Human Rights Violations Still Engulf Asia's Nations // Asian Human Rights Commission. 2006. December 8, www.ahrchk.net; Republic of Maldives: Repression of Peaceful Political Opposition. 2003. July 30 // Amnesty International, www.amnesty.org.

³⁰ Sharma A. Maldives to Develop «Safe» Islands for Tsunami-Hit People // *Associated Press*. 2005. January 19.

необходимо переселиться на один из «безопасных островов»³¹. Все население нескольких островов уже было эвакуировано, а во многих других местах эта эвакуация продолжалась, что позволило очистить новые территории для туристического бизнеса.

Как уверяет правительство Мальдив, программа «безопасных островов», которую поддерживал и финансировал Всемирный банк и подобные организации, появилась в ответ на просьбы населения, желавшего жить на «крупных и безопасных островах». Однако многие обитатели маленьких островов уверяют, что остались бы жить на старых местах, если бы была восстановлена инфраструктура. В отчете ActionAid говорится: «Людям не оставили выбора, кроме как переменить место жительства, поскольку лишь в последнем случае они могли рассчитывать на получение нового жилья и имущества»³².

Циничность «заботы» правительства о безопасности демонстрировал тот факт, что она нисколько не распространялась на отели, выстроенные на низко лежащих относительно уровня моря островах. Туристические объекты никто не собирался эвакуировать, более того, в декабре 2005 года, через год после цунами, правительство Гаюма объявило, что теперь появилось 35 новых островов для сдачи в аренду на срок до 50 лет³³. А тем временем на так называемых безопасных островах появилась массовая безработица, а между новыми поселенцами и коренными жителями возникали столкновения.

Военизированный захват собственности

Фактически эта вторая волна была особо мучительной экономической шоковой терапией: поскольку стихия так эффективно очистила побережье, процессы переселения и передачи собственности, которые в обычных условиях растянулись бы на долгие годы, прошли всего за несколько дней или недель. Можно было видеть, как сотни тысяч бедных людей с коричневой кожей (те самые рыбаки, работу которых Всемирный банк счел «непродуктивной») были выселены вопреки своему желанию, чтобы освободить место для исключительно бога-

³¹ *National Recovery and Reconstruction Plan*, Second printing. 2005. March // Ministry of Planning and National Development, Republic of Maldives, p. 29, www.tsunamimaldives.mv.

³² Там же; *Tsunami Response*, p. 18.

³³ Формально срок аренды составлял 25 лет, но примечание к контракту ясно говорило о том, что его можно при некоторых условиях продлить до пятидесяти. *Bidding Documents: For Lease of New Islands to Develop as Tourist Resorts* // Ministry of Tourism and Civil Aviation. Malé: Republic of Maldives. 2006. July 16. P. 4, www.tourism.gov.mv.

тых и преимущественно светлокожих людей — «высокопродуктивных» туристов. Два экономических полюса глобализации, которые как будто живут не только в разных странах, но и в разных столетиях, вступили в непосредственный конфликт из-за участков прибрежной зоны: одни боролись за свое право работать, другие — за свое право развлекаться. Учитывая, что за право последних стояла вооруженная полиция и частная охрана, это превратилось в военизированный захват собственности, в классовую борьбу на побережье.

Самые яркие стычки такого рода произошли в Таиланде, где уже спустя сутки после цунами деловые люди поставили вооруженную охрану на территориях, которые они мечтали использовать для развития туризма. В некоторых случаях охранники даже не подпускали местных жителей к развалинам своих домов, где те надеялись найти тела погибших детей³⁴. Группа поддержки жертв цунами Таиланда решила бороться против этого захвата земли. Она создала документ, где говорилось, что для «бизнесменов-политиков цунами было ответом на их молитвы, поскольку волна в буквальном смысле очистила берега от поселений, которые давно мешали их планам выстроить тут отели, казино и туристические объекты или разводить креветок. Теперь же все побережье для них стало новой и доступной землей»³⁵.

Доступная земля. В колониальную эпоху для этого использовался сомнительный юридический термин — «ничейная земля». Если территорию признавали пустой или «неиспользуемой», ею можно было завладеть, безжалостно выселив аборигенов. В странах, пострадавших от цунами, идея «доступной земли» была нагружена этим уродливым историческим прошлым, воспоминаниями об отнятых богатствах и попытках принести аборигенам «цивилизацию». Рыбак по имени Ниджам, которого я встретила на берегу Аругам-Бей, именно так это и воспринимал: «Правительство думает, что наши сети и наша рыба — грязные и убогие вещи, и потому хочет, чтобы мы оставили берег. Чтобы ублажить иностранцев, они обращаются со своим народом как с дикарями». Развалины хижин правительство воспринимало как ничейную землю.

Когда я увидела Ниджама, его окружали другие рыбаки, вернувшиеся после ловли, с глазами, красными от соленой воды. Когда я упомя-

³⁴ Charoensuthipan P. Survivors Fighting for Land Rights // *Bangkok Post*. 2005. December 14; Mydans S. Builders Swoop in, Angering Thai Survivors.

³⁵ The Tsunami in Thailand: January—March 2005 // Asian Coalition for Housing Rights, www.achr.net.

нула о намерении правительства переселить мелких рыбаков на другой берег, некоторые из них начали махать ножами для разделки рыбы и заявили, что «соберут своих людей и все свои силы» ради борьбы за родную землю. Когда-то они были рады, что рядом с ними находятся отели и рестораны. «Но сейчас, — сказал рыбак Абдул, — когда мы отдали им немного нашей земли, они хотят получить ее всю целиком». Другой рыбак, по имени Мансур, указал на пальму, в тени которой мы стояли, — достаточно крепкое дерево, чтобы противостоять натиску цунами: «Эти деревья посадил мой прапрадедушка. Почему мы должны переселяться на другой берег?» Один из его родственников клялся: «Мы уйдем отсюда только тогда, когда океан пересохнет».

Поток денежной помощи на восстановление после цунами должен был дать Шри-Ланке шанс построить прочный мир после всех невыносимо тяжелых невзгод и потерь. Однако в Аругам-Бей и по всему восточному побережью он стал началом новой войны за то, кому должны принести благополучие эти деньги: сингальцам, тамильцам или мусульманам, — либо же, что всего хуже, реальные преимущества получают иностранцы за счет местных жителей.

Меня охватило ощущение дежавю: как будто ветер поменял направление и тут возникнет еще одна страна после «реконструкции», что обернется постоянным разрушением. Год назад в Ираке я слышала точно такие же разговоры о восстановлении в пользу курдов или избранных шиитов. Некоторые сотрудники организаций для помощи, встреченные мной в Коломбо, говорили о том, насколько приятнее работать в Шри-Ланке по сравнению с Ираком или Афганистаном — тут к неправительственным организациям относились нейтрально или даже с уважением, а «восстановление» еще не стало грязным словом. Но это начало меняться. В столице я увидела плакаты с карикатурным изображением западных людей, приехавших оказывать помощь: они набивали карманы деньгами, пока местные жители голодают.

Неправительственные организации стали мишенью для выражения ненависти к восстановлению по той причине, что они были заметны, облепили своими логотипами все доступные поверхности на побережье, тогда как Всемирный банк, USAID и правительственные чиновники, мечтавшие о втором Бали, редко покидали свои городские офисы. Ситуация оказалась комичной, поскольку неправительственные организации единственные оказывали хоть какую-то помощь, но их помощь слишком часто была совершенно неадекватной. Отчасти проблема заключалась в том, что помогающих организаций было слишком

много и они были настолько оторваны от людей, которым служили. Почти каждый встречный говорил мне о «дикой жизни неправительственных организаций»: о роскошных отелях, виллах на берегу и — что сильнее всего вызывало ярость населения — спортивных автомобилях новейших моделей. Ими владели все организации помощи, и эти монстры были слишком широкими и сильными для узких и грязных дорог Шри-Ланки. Весь день они разъезжали мимо лагерей, вынуждая их обитателей вдыхать дорожную пыль, трепетали на ветру флаги с логотипами организаций: Oxfam, World Vision, Save the Children* — как будто они явились с загадочной иной планеты неправительственных организаций. В такой жаркой стране, как Шри-Ланка, машины с тонированными стеклами и прохладой кондиционеров, были не просто средством передвижения, они были микроклиматом на колесах.

Наблюдая за ростом недовольства, я невольно думала о том, как быстро Шри-Ланка уподобится Ираку и Афганистану, где реконструкция настолько сильно напоминает грабеж, что сотрудники помогающих организаций стали мишенью насилия. Это произошло вскоре после моего отъезда: семнадцать граждан Шри-Ланки, работавших в международной неправительственной организации Action Against Hunger, были убиты в своем офисе около портового города Тринкомали на восточном побережье. Это породило новую волну насилия, так что восстановление приостановилось. После нескольких подобных инцидентов многие организации, оказывавшие помощь, покинули страну, опасаясь за жизнь своих сотрудников. Другие поехали на юг Шри-Ланки, где правительство контролирует ситуацию, оставив контролируемые «Тиграми Тамила» районы востока, сильнее всего пострадавшие от катастрофы, без помощи. Это лишь увеличило подозрения населения о том, что средства, выделенные на помощь, тратятся нечестным образом, особенно после того как одно исследование в конце 2006 года показало, что, хотя здания, разрушенные цунами, в основном до сих пор остаются развалинами, тут есть одно исключение — и оно касается южных районов, где живут избиратели президента. Там загадочным образом было восстановлено 173 процента разрушенных домов³⁶.

* Oxfam — британская благотворительная организация; World Vision — международная благотворительная организация; Save the children — американская благотворительная организация. — *Примеч. ред.*

³⁶ Senanayake S., Sengupta S. Monitors Say Troops Killed Aid Workers in Sri Lanka // *New York Times*. 2006. August 31; Perera A. Tsunami Recovery Skewed by Sectarian Strife // *Inter Press Service*. 2007. January 3.

Сотрудники оказывающих помощь организаций, которые еще остались на востоке, неподалеку от Аругам-Бей, теперь наблюдают новую волну переселения — это сотни тысяч людей, которые вынуждены покинуть свои дома из-за насилия. Как писала газета *New York Times*, сотрудники ООН, «которые вначале договорились восстанавливать школы, разрушенные цунами, вынуждены были строить туалеты для беженцев из районов, где происходят столкновения»³⁷.

В июле 2006 года «Тигры Тамила» официально объявили, что договор о прекращении огня закончен: реконструкция остановилась, и война вернулась. Не прошло и года, как в боях погибло более 4000 человек. Лишь малая часть домов, разрушенных цунами, была восстановлена на восточном побережье, но сотни новых зданий носили на себе отпечатки пуль, от взрывов разлетались вдребезги только что вставленные окна и обрушивались новенькие крыши.

Трудно сказать, в какой мере решение использовать цунами как шанс для наступления капитализма катастроф послужило причиной возобновления гражданской войны. Мир в этой стране всегда был нестабильным, и обе стороны продолжали относиться к противнику с подозрением. Но одно можно сказать определенно: чтобы в Шри-Ланке укоренился мир, он должен был бы перевешивать выгоды войны, включая реальную экономическую выгоду от военной экономики, когда армия заботится о семьях своих солдат, а «Тигры Тамила» — о семьях своих бойцов и смертников.

Невиданная щедрость людей сразу после цунами давала редкую возможность найти подлинный мир: достичь равенства в стране, восстановить не только разрушенные селения, но и доверие их обитателей. Вместо этого Шри-Ланка (подобно Ираку) получила то, что политолог Университета Оттавы Рональд Пэрис назвал «наказанием за мир», — жестокую соревновательную модель экономики, которая сделала жизнь большинства людей еще труднее в тот момент, когда им всего нужнее было примирение и смягчение конфликтов³⁸. Фактически под видом мира Шри-Ланке предложили нового рода войну. Продолжающееся насилие было нацелено на обетованную землю, независимость и славу. Что нес в себе корпоративный мир — отказ

³⁷ Senanayake S. An Ethnic War Slows Tsunami Recovery in Sri Lanka // *New York Times*. 2006. October 19.

³⁸ Paris R. *At War's End: Building Peace After Civil Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 200.

от земли сейчас и мифический лифт Джона Варли в далеком будущем?

Крестовый поход чикагской школы в случае победы повсеместно оставлял за собой класс второсортных людей, к которым относилось от 25 до 60 процентов населения. Это всегда было своеобразной войной. Но когда военизированная экономика массового выселения и упразднения культуры побеждает в стране, и без того пострадавшей от катастрофы и раздираемой этническими конфликтами, ситуация становится гораздо опасней. Такое «наказание за мир», как о том на протяжении многих лет писал Кейнс, влечет за собой серьезные политические последствия, в том числе еще более кровавые войны.

АПАРТЕИД КАТАСТРОФ:

МИР «ЗЕЛЕННЫХ ЗОН» И «КРАСНЫХ ЗОН»

Забудьте обычную мысль о том, что катастрофы не делают различий и на своем пути сметают все с «демократическим» равнодушием. Бедствия поражают именно неимущих, тех, кто строит свою жизнь на риске. Помощь также избирательна.

Хайн Мараис, писатель из Южной Африки, 2006 г.¹

Ураган «Катрина» не был чем-то непредвиденным. Это бедствие было результатом политической структуры, которая передает свою ответственность частным подрядчикам и в итоге отказывается отвечать за что-либо вообще.

Гарри Беллафонте, американский музыкант и правозащитник, сентябрь 2005 г.²

На второй неделе сентября 2005 года мы с моим мужем Эви, а также с Эндрю, который был со мной в Ираке, прибыли в Новый Орлеан. Мы снимали документальный фильм в городе, который местами был еще затоплен. В 6 часов вечера город погрузился в полный мрак, и мы кружили по нему, пытаясь отыскать дорогу. Светофоры не работали, половина дорожных знаков была унесена или перевернута ураганом. Многие дороги были непроходимы из-за мусора или воды, а в машинах, которые пытались преодолеть эти препятствия, в основном сидели такие же иногородние люди, как и мы, которые заблудились.

¹ *Marais H. A Plague of Inequality // Mail & Guardian. Johannesburg. 2006. May 19.*

² *Names and Faces // Washington Post. 2005. September 19.*

И тут мы попали в аварию: на середину перекрестка выскочил старенький Ford на полной скорости. Наша машина выехала на обочину, протаранила железную ограду и, врезавшись в здание, остановилась. К счастью, обошлось без тяжелых травм с обеих сторон, однако я не заметила, как оказалась на носилках и меня куда-то повезли. Хотя после удара мое сознание было в тумане, я прекрасно понимала, что, куда бы меня ни доставила скорая, меня не ждет ничего хорошего. Я вспоминала ужасающие сцены во временном медицинском центре в аэропорту Нового Орлеана: докторов и медсестер там остро не хватало, так что престарелые эвакуированные часами сидели в своих инвалидных креслах, ожидая, когда к ним кто-нибудь подойдет. Я вспоминала также Благотворительный госпиталь, который в Новом Орлеане выполнял роль приемной скорой помощи, мимо которого мы проезжали в тот день. Его затопило, и персонал сражался изо всех сил за жизнь пациентов, но этих сил у них было немного. Я умоляла медработников меня отпустить. Помню, как уверяла их, что со мной все в порядке, абсолютно все в порядке, — и тут снова потеряла сознание.

Оказалось, что мы прибыли в самый современный и тихий госпиталь из всех, что я когда-либо могла видеть. В отличие от медицинских учреждений, забитых эвакуированными, в Медицинском центре Окснера — который обещает «заботу о здоровье при спокойствии духа» — докторов, медсестер и санитаров было намного больше, чем пациентов. На самом деле тут было всего несколько пациентов в белоснежной чистой палате. Моментально меня поместили в отдельную просторную комнату, где моими ранами и синяками занялась небольшая группа медиков. Три медсестры моментально доставили меня в рентгеновский кабинет, чтобы сделать снимок шейного отдела позвоночника, а вежливый доктор-южанин удалил мелкие осколки стекла из ран и наложил несколько швов.

Человеку, хорошо знакомому с канадской государственной системой здравоохранения, все это казалось удивительным; обычно мне приходится ждать около 40 минут, чтобы попасть на прием к обычному практикующему врачу. И это чудо находилось в центре Нового Орлеана — в эпицентре катастрофы, где потребность в медицинской помощи была острее, чем в любой другой точке США за последние годы. В мою палату вошел вежливый администратор и объяснил ситуацию: «В Америке мы платим за медицинскую помощь. Я очень сожалею — это действительно ужасно. Мы хотели бы, чтобы у нас была

ваша канадская система государственного здравоохранения. Заполните, пожалуйста, эти формы».

Через пару часов я могла бы покинуть это заведение, если б не полная темнота над городом. «А самая главная проблема, — сказал мне частный охранник в вестибюле, где мы оба коротали время, — это наркоманы. У них ломка, и они пытаются пробраться в аптеку».

Поскольку аптека была крепко заперта, мне пришлось попросить обезболивающее у любезного врача-стажера. Я спросила его, что тут происходило в разгар катастрофы. «Слава Богу, это было не в день моего дежурства, — ответил он. — Я живу за городом».

Я спросила, пошел ли он добровольцем помогать в какие-либо временные убежища. Этот вопрос, кажется, застал его врасплох и немного смутил. «Это мне не приходило в голову», — был его ответ. Я быстро сменила тему разговора, перейдя, как мне казалось, к относительно нейтральному вопросу о судьбе Благотворительного госпиталя. Он получал настолько мало средств, что с трудом функционировал и до урагана, и поговаривали, что после катастрофы он, возможно, будет закрыт. «Лучше бы его снова открыли, — сказал стажер. — Мы же не можем лечить эту публику здесь».

Оказалось, этот любезнейший юный доктор и все чудеса медицинской помощи, которые я только что увидела, были воплощением той культуры, которая сделала возможными ужасы урагана «Катрина», культуры, в силу которой утонули беднейшие жители Нового Орлеана. Выпускник частного медицинского института и стажер частного госпиталя, этот доктор привык не рассматривать лишенных страховки, преимущественно афроамериканских обитателей Нового Орлеана как своих потенциальных пациентов. Это положение существовало до катастрофы и сохранилось даже тогда, когда ураган превратил Новый Орлеан в гигантскую приемную скорой помощи: врач сочувствовал эвакуированным, но это не изменило его установки — он все равно не мог увидеть в них своих потенциальных пациентов.

Когда разразился ураган «Катрина», резкое отличие между двумя мирами — миром Медицинского центра Окснера и миром Благотворительного госпиталя — внезапно привлекло внимание всех граждан США. Экономически защищенные люди уехали из города, сняли номера в отелях и начали звонить в свои страховые компании. 120 тысяч жителей Нового Орлеана, не имеющих машин, должны были рассчитывать на помощь государства. Они ждали, когда их вывезут, но помощь не приходила. Они подавали отчаянные сигналы SOS и делали

плоты из дверей холодильников. Эти факты потрясли мир, потому что, хотя мы уже привыкли к неравенству в вопросах доступности медицинской помощи или качества школьного образования, все по инерции продолжали думать, что это неравенство не касается катастроф. Все были уверены, что государство — по меньшей мере в богатой стране — должно прийти на помощь людям в момент стихийного бедствия. События в Новом Орлеане показали, что это распространенное убеждение — вера в то, что на момент катастрофы правила жесткого капитализма временно отменяются, все объединяют свои усилия и государство работает на полную мощь, — уже устарело, причем от него отказались без публичных дискуссий.

Какой-то короткий период в две-три недели подавал надежды, что бедствие в Новом Орлеане вызовет кризис в этой экономической логике, которая в силу безжалостной атаки на государственный сектор усугубила катастрофу для многих людей. «Ураган продемонстрировал плоды лжи и мистификаций неолиберализма на одном примере раз и навсегда», — писал политолог Адольф Рид-младший, уроженец Нового Орлеана³. Все разоблачительные факты прекрасно известны: это плотины, которые никогда не ремонтировались, это неработоспособная система общественного транспорта, получающая слишком мало средств, или такая мера подготовки к стихийному бедствию, как раздача DVD, которые сообщали людям, что в случае урагана им следует покинуть город.

Это также работа Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям (FEMA), лаборатории администрации Буша, которая воплощала идею правительства, где все функции выполняют корпорации. Летом 2004 года, более чем за год до урагана «Катрина», штат Луизиана подал заявку в FEMA о выделении средств для разработки всестороннего плана действий на случай сильного урагана. Заявка была отклонена. «Смягчение последствий катастроф» — профилактические правительственные мероприятия, позволяющие ограничить разрушительную силу бедствия, — так называлась одна программа, упраздненная Бушем. Однако тем же самым летом FEMA заключила контракт на 500 тысяч долларов с частной фирмой Innovative Emergency Management, которая должна была разработать план на случай «катастрофических последствий урагана в юго-восточной Луизиане и Новом Орлеане»⁴.

³ Reed A., Jr. Undone by Neoliberalism // *The Nation*. 2006. September 18.

⁴ Elliston J. Disaster in the Making // *Tucson Weekly*. 2004. September 23; IEM Team to Develop

Частная компания не жалела средств на свою работу. Она привлекла более сотни экспертов, а когда деньги кончились, то снова обратилась к FEMA; в итоге стоимость ее труда повысилась до одного миллиона долларов. В результате компания создала детальный план массовой эвакуации, куда входило множество вопросов, скажем, как распределять воду или как научить население находить пустые стоянки, которые можно немедленно превратить во временное место пребывания эвакуированных. Все эти мудрые советы не были использованы, когда разразился не воображаемый, а настоящий ураган. Отчасти это объясняется тем, что через восемь месяцев после того, как подрядчик завершил свой отчет, никакие меры не были приняты. «На реализацию этой программы не было денег», — объяснял Майкл Браун, возглавлявший на тот момент FEMA⁵. Эта история типична для государства, созданного Бушем, где существует, с одной стороны, слабый, лишенный средств и недееспособный государственный сектор, а с другой — богатая корпоративная инфраструктура. Когда речь идет об оплате труда подрядчиков, деньги никто не считает, но когда надо финансировать базовые функции государства, оказывается, что казна пуста.

Как оккупационная администрация США в Ираке оказалось пустой оболочкой, так и ураган «Катрина» продемонстрировал, что федеральное правительство имеет такую же природу и в самой Америке. Его разительное отсутствие показал тот факт, что FEMA, похоже, не знала, где находится гигантский купол новоорлеанского стадиона, на котором стояли 23 тысячи человек без пищи и воды, хотя СМИ всего мира уже несколько дней об этом говорили.

Это зрелище, которое колумнист газеты *New York Times* Пол Крюгмен назвал «правительственной немощью», вызвало мировоззренческий кризис у некоторых идеологов свободного рынка. Один из таких кающихся адептов, Мартин Келли, писал в своем знаменитом эссе: «Рухнувшие под напором стихии плотины Нового Орлеана имеют последствия для неоконсерватизма не менее глубокие, чем разрушение Берлинской стены — для коммунизма в советских странах. Надо надеяться, что теперь для всех сторонников этой идеологии, включая и меня, настанет время размышлений об ошибке наших программ».

Catastrophic Hurricane Disaster Plan for New Orleans & Southeast Louisiana // Innovative Emergency Management. Press release. 2004. June 3, www.ieminc.com.

⁵ Fournier R., Bridis T. Hurricane Simulation Predicted 61,290 Dead // *Associated Press*. 2005. September 9.

Даже такие столпы неоконсерватизма, как Джона Голдберг, призывали «большое правительство» поспешить на помощь жертвам: «Когда город погружается в воду и везде возникает народное возмущение, правительство скорее всего обязано руководить ситуацией»⁶.

Но никаких признаков раскаяния не было заметно в фонде Heritage, в котором никогда не переводились истинные ученики Фрийдмана. Да, «Катрина» — это трагедия, но, как писал Милтон Фрийдман на страницах комментариев *Wall Street Journal*, она несла «также и новые возможности». 13 сентября 2005 года, через 14 дней после разрушения плотин, фонд Heritage устроил встречу верных идеологов свободного рынка и законодателей-республиканцев. Они составили список «идей развития свободного рынка, которые можно использовать после урагана «Катрина» и на фоне повышения стоимости бензина»; этот документ содержал перечень из 32 мероприятий, каждое из которых строго соответствовало ортодоксии чикагской школы, под общим названием «ликвидация последствий урагана». Вот первые три мероприятия из списка: «в районах катастрофы следует непременно приостановить действие законов Дэвиса-Бэкона о размере заработной платы» (имеются в виду законы, согласно которым федеральные подрядчики обязаны выплачивать работникам прожиточный минимум); «превратить весь район катастрофы в свободную зону предпринимательства с налогами по единой ставке»; «сделать весь регион зоной экономического соревнования (всесторонние налоговые стимулы и отказ от регуляции)». Они также предлагали выдавать родителям ваучеры, которые можно использовать для обучения детей в частных школах⁷. Через неделю президент Буш упомянул о введении всех этих мер. В итоге ему пришлось восстановить правила охраны труда, хотя в основном подрядчики их не выполняли.

На встрече в фонде Heritage родились и некоторые другие идеи, получившие поддержку президента. Специалисты, изучающие климат, прямо связывали учащение ураганов с повышением температуры

⁶ *Krugman P.* A Can't Do Government // *New York Times*. 2005. September 2; *Kelly M.* Neoconservatism's Berlin Wall // The G-Gnome Rides Out blog. 2005. September 1, www.theggnomeridesout.blogspot.com; *Goldberg J.* The Feds // the Corner blog on the National Review Online. 2005. August 31, www.nationalreview.com.

⁷ *Friedman M.* The Promise of Vouchers // *Wall Street Journal*. 2005. December 5; *Wilke J.R., Mullins B.* After Katrina, Republicans Back a Sea of Conservative Ideas // *Wall Street Journal*. 2005. September 15; *Teller P.S.* Pro-Free-Market Ideas for Responding to Hurricane Katrina and High Gas Prices // House Republican Study Committee, e-mail sent on September 13, 2005.

океана⁸. Но это не помешало рабочей группе фонда Heritage обратиться к Конгрессу с предложением смягчить требования к охране окружающей среды в Мексиканском заливе, разрешить строительство нескольких новых нефтеперерабатывающих заводов в США и позволить «бурение скважин в Арктическом национальном заповеднике»⁹. Все эти меры должны усилить парниковый эффект, главный фактор изменения климата, однако президент немедленно поддержал их как первоочередные меры по устранению последствий урагана «Катрина».

Через несколько недель побережье Мексиканского залива стало американской лабораторией все того же правительства, передавшего свою работу подрядчикам, что впервые было опробовано в Ираке. Да и компании, получившие самые крупные контракты, принадлежали все к той же знакомой багдадской клике: Kellog, Brown and Root, дочерняя компания Halliburton, получила 60 миллионов долларов на реконструкцию военных баз на побережье. Blackwater наняли для охраны работников FEMA от грабителей. Печально знаменитая своей неудачной работой в Ираке компания Parsons получила подряд на крупное строительство моста в Миссисипи. Fluor, Shaw, Bechtel, CH2M Hill — важнейшие подрядчики в Ираке — были наняты правительством для обеспечения эвакуированных временным жильем уже через 10 дней после прорыва дамб. Все эти контракты вместе составили сумму в 3,4 миллиарда долларов, причем компаниям не пришлось для этого участвовать в открытом конкурсе¹⁰.

Как отмечали в те дни многие, через несколько дней после урагана багдадская «зеленая зона» как будто бы покинула свое пристанище на Тигре и переселилась в район дельты Миссисипи. Сходство было крайне убедительным. Shaw наняла бывшего руководителя службы реконструкции Ирака из армии США, чтобы тот возглавил деятельность компании в месте катастрофы. Fluor отозвала своего главного руководителя из Ирака, чтобы он работал в районе наводнения. «Наши работы по реконструкции в Ираке затягиваются, и поэтому

⁸ Climate Change 2007: The Physical Science Basis // Intergovernmental Panel on Climate Change. Summary for Policymakers. 2007. February. P. 16, www.ipcc.ch.

⁹ Teller P.S. Pro-Free-Market Ideas for Responding to Hurricane Katrina and High Gas Prices.

¹⁰ Lipton E., Nixon R. Many Contracts for Storm Work Raise Questions // *New York Times*. 2005. September 26; Kumar A. Speedy Relief Effort Opens Door to Fraud // *St. Petersburg Times*. 2005. September 18; Scahill J. In the Black(water) // *The Nation*. 2006. June 5; Hsu S.S. \$400 Million FEMA Contracts Now Total \$3.4 Billion // *Washington Post*. 2006. August 9.

мы можем пригласить несколько наших людей оттуда для работы в Луизиане», — объяснял представитель компании. Джо Олбоу, чья компания New Bridge Strategies обещала подарить Ираку Wal-Mart и 7-Eleven, активно занимался лоббированием при совершении многих из этих сделок. Сходство было настолько разительным, что некоторые наемные солдаты, только что вернувшиеся из Багдада, не могли приспособиться к новой ситуации. Когда репортер Дэвид Эндерс спросил вооруженного охранника, стоявшего у входа в новоорлеанский отель, насколько бурно тут развиваются события, тот ответил: «Отнюдь нет. Тут какая-то “зеленая зона”»¹¹.

О «зеленой зоне» напоминало и многое другое. Расследование Конгресса показало, что при работах по контрактам на сумму в 8,75 миллиарда долларов наблюдалось «значительное завышение цен, излишние расходы или неумелое управление»¹². (Тот факт, что те же самые ошибки, что и в Ираке, повторились в Новом Орлеане, позволяет опровергнуть утверждение, что оккупация Ирака обернулась чередой несчастных случаев и ошибок просто из-за некомпетентности или недостатка контроля. Когда одни и те же ошибки повторяются снова и снова, пора задуматься о том, являются ли они ошибками вообще.)

Как это было в Ираке, так и в Новом Орлеане ни одна из возможностей получать прибыль не была оставлена без внимания. Компания Kenyon, отдел огромного похоронного конгломерата Service Corporation International (который финансировал предвыборную кампанию Буша), была нанята собирать мертвые тела по домам и улицам. Они работали чрезвычайно медленно, так что трупы разлагались под палящим солнцем в течение нескольких суток. Работникам спасательных служб и местным добровольцам строго запретили этим заниматься, потому что прикасаться к телам означало покушаться на коммерческую территорию Kenyon. В среднем компания получала с государства по 12,5 тысячи долларов за тело, и ее до сих пор обвиняют в том, что она не снабдила многие трупы нормальными опознавательными бир-

¹¹ Shaw Announces Charles M. Hess to Head Shaw's FEMA Hurricane Recovery Program // Shaw Group. Press release. 2005. September 21, www.shawgrp.com; Fluor's Slowed Iraq Work Frees It for Gulf Coast // Reuters. 2005. September 9; Edsall T.B. Former FEMA Chief Is at Work on Gulf Coast // Washington Post. 2005. September 8; Enders D. Surviving New Orleans // Mother Jones. 2005. September 7, www.motherjones.com.

¹² Waste, Fraud and Abuse in Hurricane Katrina Contracts // United States House of Representatives, Committee on Government Reform — Minority Staff, Special Investigations Division. 2006. August. P. i, www.oversight.house.gov.

ками. На протяжении почти целого года после катастрофы разлагающиеся тела все еще находили на чердаках домов¹³.

Еще одна характеристика «зеленой зоны» заключается в том, что подрядчики практически не имели опыта работы в доверенной им области. Так, компания AshBritt, получившая полмиллиона долларов за уборку обломков, не владела ни одним самосвалом и передала всю эту работу субподрядчику¹⁴. Еще удивительнее случай с компанией, которой агентство FEMA заплатило 5,2 миллиона долларов за создание лагеря спасателей в пригороде Нового Орлеана Сент-Бернар. Этот лагерь не был сдан в срок, работа так и осталась незавершенной. При расследовании выяснилось, что компания-подрядчик Lighthouse Disaster Relief оказалась на самом деле религиозной организацией. «Из того, чем мне раньше приходилось заниматься, более всего походит на эту работу создание летнего лагеря для моего прихода», — признался директор Lighthouse пастор Гари Хелдрет¹⁵.

Как и в Ираке, правительство снова играло роль машины для передачи денег. Корпорации изымали деньги, заключая крупные контракты, а взамен возвращали правительству вовсе не доброкачественную работу, но денежные вклады в избирательные кампании или добровольцев для поддержки следующих выборов. (По данным газеты *New York Times*, «ведущие 20 подрядчиков с 2000 года потратили около 300 миллионов долларов на лоббирование и выделили 23 миллиона на избирательные кампании». В свою очередь администрация Буша между с 2000 по 2006 год выплатила подрядчикам около 200 миллиардов долларов¹⁶.)

И еще одна уже знакомая черта: нежелание подрядчиков нанимать местных жителей, для которых восстановление Нового Орлеана не просто работа, но отчасти и дело, которое дает новую жизнь местному обществу. Вашингтону ничего не стоило поставить перед каждым подрядчиком условие, чтобы компании нанимали местных людей за достойную оплату, чтобы они сами налаживали жизнь на своих родных местах. Вместо этого обитатели побережья Мексиканского залива, подобно иракцам, могли только наблюдать, как подрядчики

¹³ King R.J. Big, Easy Money: Disaster Profiteering on the American Gulf Coast // CorpWatch. 2006. August, www.corpwatch.org; Barry D. A City's Future, and a Dead Man's Past // *New York Times*. 2006. August 27.

¹⁴ Danner P. AshBritt Cleans Up in Wake of Storms // *Miami Herald*. 2005. December 5.

¹⁵ Private Companies Rebuild Gulf // PBS NewsHour with Jim Lehrer. 2005. October 4.

¹⁶ Shane S., Nixon R. In Washington, Contractors Take on Biggest Role Ever.

создают экономический бум, используя легкодоступные деньги налогоплательщиков и относительную свободу от регулирования.

Неудивительно, что в результате, когда субподрядчики каждого уровня получили свою долю, денег на оплату труда тех, кто непосредственно выполнял работу, не хватило. Например, писатель Майк Дэвис исследовал одну такую историю с судьбой денег, выделенных на реконструкцию. FEMA платила подрядчику Shaw по 175 долларов за квадратный метр синего непромокаемого брезента, установленного на поврежденных крышах, хотя сам брезент поставляло правительство. Когда все субподрядчики получили свою долю, рабочие, которые собственноручно приколачивали брезент, получили всего по два доллара за квадратный метр брезента. «Другими словами, пишет Дэвис, — каждый уровень “пищевой цепи” подрядчиков получал непомерные доходы, за исключением последнего звена, которое непосредственно выполняло эту работу»¹⁷.

Одно исследование показало, что «около четверти работников, занимавшихся восстановлением, были иммигранты без документов, почти исключительно латиноамериканцы, которые получали намного меньше денег, чем рабочие, обладающие легальным статусом». В Миссисипи после подачи группового иска суд вынудил несколько компаний выплатить сотни тысяч долларов удержанной зарплаты рабочим-иммигрантам. Некоторым из них не заплатили вообще ни цента. Нелегальные иммигранты, работавшие на одном объекте Halliburton/KBR, рассказывают, что их босс (субподрядчик) будил их среди ночи и сообщал, что якобы сюда сейчас нагрянет проверка. Большинство работников разбежались, опасаясь ареста; в итоге они могли оказаться в одной из новых тюрем для иммигрантов, которую построила Halliburton/KBR по контракту с федеральным правительством¹⁸.

Список бедных групп населения, пострадавших от так называемого «восстановления» и «преодоления последствий катастрофы», на этом

¹⁷ Davis M. Who Is Killing New Orleans? // *The Nation*. 2006. April 10.

¹⁸ Eaton L. Immigrants Hired After Storm Sue New Orleans Hotel Executive // *New York Times*. 2006. August 17; King R.J. Big, Easy Money; Stoller G. Security Generates Multibillion Business // *USA Today*. 2006. September 11. Условия труда в Новом Орлеане не стали предметом масштабных исследований, однако «Проект развития», группа новоорлеанских активистов, подсчитала, что 60 процентов работников-иммигрантов не получили сполна денег за свою работу. Browne-Dianis J., Lai J., Hincapie M. et al. And Injustice for All: Workers Lives in the Reconstruction of New Orleans // Advancement Project. 2006. July 6. P. 29, www.advancementproject.org.

не кончается. Чтобы компенсировать десятки миллиардов долларов, перешедших к частным компаниям в виде контрактов и снижения налогов, Конгресс, где доминируют республиканцы, в ноябре 2005 года заявил, что вынужден урезать федеральный бюджет на 40 миллиардов долларов. Среди прочего пришлось сократить средства на займы для студентов, на медицинскую помощь неимущим и на возможность покупать пищевые продукты по льготной цене¹⁹. Иными словами, беднейшие граждане страны дважды отдали свои деньги на процветание богатых подрядчиков: во-первых, когда ликвидация последствий урагана «Катрина» превратилась в кормушку для корпораций, где их не стесняли никакие правила, в результате чего местные жители не получили ни достойных рабочих мест, ни функционирующих общественных служб; во-вторых, когда немногие программы прямой помощи безработным или малообеспеченным работникам по всей стране были свернуты, чтобы выплатить непропорционально большие деньги подрядчикам.

Еще недавно катастрофы сглаживали социальное неравенство — в эти редкие моменты разделенные группы людей забывали о своих отличиях и собирались вместе. Но теперь катастрофы порождают обратное: они дают шанс в обществе жестокого неравенства с помощью денег и победы в соревновании купить себе возможность выжить.

«Зеленая зона» в Багдаде является самым ярким выражением такого мирового устройства. Там есть собственная электрическая сеть, свои запасы нефти, свой наисовременнейший госпиталь с чистой операционной — все это укрыто пятиметровой толщиной стен. Там возникает странное чувство, как будто ты находишься на корабле, арендованном под праздник, который стоит на якоре в океане насилия и отчаяния, в кипящей «красной зоне», каковой является весь Ирак. Можно взойти на борт, где возле бассейна официанты разносят напитки, где показывают посредственные голливудские фильмы и стоят тренажеры фирмы Nautilus. Но если ты не принадлежишь к избранным, тебя могут застрелить просто за то, что ты подошел слишком близко к этой стене.

В Ираке повсеместно видно, насколько разную ценность имеют разные категории людей. Западные люди и их иракские коллеги входят на свои улицы через контрольные пункты, их дома окружены взрывозащитными стенами, у них есть бронежилеты, и они могут

¹⁹ Klein R. Senate Votes to Extend Patriot Act for 6 Months // *Boston Globe*. 2005. December 22.

в любой момент дня или ночи вызвать по телефону частных охранников. Они ездят по стране в сопровождении грозного вооруженного конвоя из наемных солдат, которые держат дула автоматов наготове, поскольку их основной принцип — «защита клиента». Каждый жест привилегированных людей беззастенчиво сообщает: мы избранные, наша жизнь стоит бесконечно дорого. Иракцы из среднего класса находятся на одну ступень ниже на этой социальной лестнице: за деньги они могут защититься от местных людей с автоматами, а также в состоянии заплатить выкуп за похищенного члена семьи. У большинства же иракцев нет вообще никакой защиты. Как только они выходили на улицу, сразу становились объектами для любого насилия: от очередного взрыва машины их защищает лишь тонкая ткань одежды. Самые счастливые обзавелись жилетами из кевлара, остальные оснащены всего-навсего мусульманскими четками.

Сначала мне казалось, что феномен «зеленой зоны» встречается исключительно в Ираке. Но сейчас, когда я побывала во многих зонах катастроф, начала понимать, что «зеленые зоны» возникают в любом месте, завоеванном капитализмом катастроф, где происходит то же самое расслоение на привилегированных и изгоев, на защищенных и проклятых.

Это относится и к Новому Орлеану. После наводнения и без того неоднородный город стал полем битвы между находящимися за заборами «зелеными зонами» и кипящими от возмущения «красными зонами» — что вовсе не было результатом стихийного бедствия, но результатом одобренных президентом мероприятий «в пользу свободного рынка». Администрация Буша не позволила выплачивать зарплаты государственным служащим из резервного фонда, поэтому Новый Орлеан, потерявший свою базу налогообложения, после урагана «Катрина» был вынужден увольнять по 3000 работников в месяц. Были уволены и 16 сотрудников муниципального отдела планирования (это напоминает процесс «дебаасификации» в Ираке) в тот самый момент, когда Новый Орлеан отчаянно нуждался в планировании. Вместо этого миллионы из общественных денег получили посторонние консультанты, многие из которых были экспертами по недвижимости²⁰. Разумеется, были также уволены тысячи учителей государственных школ, чтобы эти школы можно было превратить в частные в соответствии с призывом Фридмана.

²⁰ *Duncan J. The Unkindest Cut // Times-Picayune. New Orleans. 2006. March 28; Nussbaum P. City at a Crossroads // Philadelphia Inquirer. 2006. August 29.*

После урагана прошло два года, но Благотворительный госпиталь так и не был открыт. Судебная система работала с трудом, а приватизированная электроэнергетическая компания Entergy не смогла снова подключить весь город к электросети. После угрозы резко повысить цены компания умудрилась получить от федерального правительства 200 миллионов долларов помощи. Система общественного транспорта была опустошена и потеряла почти половину работников. Большинство государственных жилых домов стоят пустые и заколоченные досками, 5000 из них предназначены на снос по решению федеральных властей, ответственных за жилищное строительство²¹. Подобно тому как в Азии лоббисты туристического бизнеса стремились очистить берег от рыбацких селений, так и в Новом Орлеане дельцы жадно смотрели на государственные жилые дома, из которых некоторые стояли на первосортной территории около французского квартала, притягательного для туристов.

Эндеша Джокали участвовал в организации лагеря протеста около пустых и заколоченных государственных жилых домов в Сент-Бернаре. По его словам, «они давно имели свои планы относительно района Сент-Бернар, но, пока там жили люди, ничего не могли сделать. Поэтому они воспользовались катастрофой, чтобы очистить район от жителей, причем от самых бедных... Это прекрасное место для строительства больших особняков и домов с частными квартирами. Единственная проблема заключалась в том, что на этом участке живут черные бедняки»²².

В Новом Орлеане, где пострадали школы и жилые дома, больницы и общественный транспорт, а многие части города остались без чистой воды, государственная сфера так и не была восстановлена — она была упразднена под предлогом стихийного бедствия. На ранней стадии капиталистического «творческого разрушения» большие территории Соединенных Штатов утратили свою производственную базу, и там стоят закрытые фабрики рядом с заброшенными поселениями. Новый Орлеан после урагана «Катрина» представил картину опустошения нового рода — возможно, на Западе такое появилось впервые, — заплесневелые развалины появились здесь в результате действия раз-

²¹ Anderson E. Federal Money for Entergy Approved // *Times-Picayune*. New Orleans. 2006. December 5; Donze F. 146 N.O. Transit Layoffs Planned // *Times-Picayune*. New Orleans. 2006. August 25; Quigley B. Robin Hood in Reverse: The Looting of the Gulf Coast, justicefornorleans.org. 2006. November 14.

²² Mr. Endesha Juakali // Asian Coalition for Housing Rights, www.achr.net.

рушительной комбинации двух факторов: слабости общественной инфраструктуры и мощи стихий.

В 2007 году Американское общество инженеров-строителей заявило, что США настолько мало заботятся об общественной инфраструктуре — дорогах, мостах, школах, дамбах, — что потребуется потратить более полутора триллионов долларов в течение пяти лет, чтобы вернуть все это в нормальное состояние. Однако расходы подобного рода продолжают сокращать²³. В то же время общественная инфраструктура по всему миру испытывает беспрецедентные нагрузки из-за ураганов, циклонов, наводнений и лесных пожаров, которые возникают все чаще и становятся интенсивнее. Можно представить себе картину из будущего, когда катастрофы разрушают в городах хрупкие и заброшенные инфраструктуры — и никто не восстанавливает повреждений и не налаживает работу необходимых служб. Тогда самые благополучные люди переедут в поселения, окруженные забором, где их нужды будут обслуживать частные компании.

Признаки такого будущего уже появились в 2006 году с приближением сезона ураганов. Индустрия, связанная со стихийными бедствиями, всего за один год пережила огромный подъем, на рынке появилось множество новых корпораций, которые гарантируют безопасность и спокойствие в случае очередной катастрофы. Один из самых амбициозных проектов такого рода принадлежит авиакомпании из Уэст-Палм-Бич (штат Флорида). В своей рекламе компания Help Jet объявляет, что это «первая программа спасения от урагана, которая превратит эвакуацию перед лицом бедствия в первоклассный отдых». В случае приближения урагана авиакомпания заказывает для своих клиентов номера в пятизвездочных отелях с полями для гольфа, отправляет их на курорты или в Диснейленд. Зарезервировав места для отдыха, компания вывозит клиентов из зоны бедствия на роскошном реактивном самолете. «Никаких очередей, никаких перебранок с озлобленными людьми, просто комфорт высшего класса, который превращает проблему в отдых... Можно просто наслаждаться мыслью о том, что вам удалось избежать кошмара обычной эвакуации в случае урагана»²⁴.

Тем, кому это недоступно, предлагают приватизированные решения иного рода. В 2006 году Красный Крест подписал новый договор о партнерстве в спасательных работах при катастрофах с Wal-Mart.

²³ Herbert B. Our Crumbling Foundation // *New York Times*. 2007. April 5.

²⁴ Help Jet, www.helpjet.us.

«Все это со временем станет частным предприятием, — заявил Билли Вагнер, глава отдела управления в случае чрезвычайных ситуаций в Florida Keys. — У них есть опыт. Им доступны нужные ресурсы». Он выступал на конференции, посвященной ураганам, в Орландо (штат Флорида). Эта конференция становится все популярнее — она превратилась в ежегодную торговую ярмарку для компаний, продающих все, что может понадобиться в случае очередной катастрофы. «Люди тут говорят: “Послушайте, это же большой бизнес — это мой новый бизнес. Я уже не занимаюсь ландшафтами, я хочу стать подрядчиком по расчистке развалин после урагана”», — сообщил Дейв Блендфорд, участник конференции, демонстрируя свой товар — «самоподогревающуюся еду»²⁵.

Параллельная экономика катастроф создавалась на деньги налогоплательщиков благодаря буму восстановления после войны. Крупнейших подрядчиков, которых в Ираке и Афганистане называют «первыми», часто обвиняли в том, что они тратят большую часть своих доходов от правительственных контрактов на собственные накладные расходы корпораций — от 20 до 55 процентов, согласно ревизии 2006 года, проведенной в Ираке²⁶. Значительная часть этих денег совершенно легальным путем щедро расходуется на содержание инфраструктуры корпорации: землеройные машины Bechtel, самолеты и грузовики Halliburton, средства для наблюдения, созданные L-3, CACI или Booz Allen.

К наиболее ярким примерам такого рода относятся инвестиции Blackwater в свою паравоенную инфраструктуру. Компания, основанная в 1996 году, постоянно получала контракты и за время правления Буша создала собственную частную армию из 20 тысяч наемных солдат, готовых выполнять свои функции по первому требованию, и большую военную базу в Северной Каролине, стоимость которой составляет 40—50 миллионов долларов. Согласно одному описанию на данный момент компании Blackwater доступны следующие возможности: «Быстрые операции по материально-техническому обеспечению, благодаря чему возможно осуществление доставки 100 или 200 тонн герметичных пакетов с гуманитарной помощью, причем компания делает это быстрее, чем Красный Крест. Летное отделение во Флориде имеет 26 различных площадок — от площадки для вооруженного

²⁵ Borenstein S. Private Industry Responding to Hurricanes // *Associated Press*. 2006. April 15.

²⁶ Glanz J. Idle Contractors Add Millions to Iraq Rebuilding // *New York Times*. 2006. October 25.

вертолета до площадки для тяжелого Boeing-767. Компания владеет также одним дирижаблем. Самый большой в стране полигон для отработки вождения машин в боевых условиях... Искусственное озеро площадью 80 тысяч квадратных метров с грузовыми контейнерами на понтонах, оснащенные макетами кораблей и предназначенными для отработки захвата судна противника. Отделение дрессировки собак, которое на данный момент состоит из 80 групп, базирующихся по всему миру... Стрельбище для подготовки снайперов с дальностью стрельбы 1100 метров»²⁷.

Правый американский журнал назвал Blackwater «Аль-Каидой» для хороших парней»²⁸. Потрясающая аналогия! Где бы ни обосновался капитализм катастроф, вслед за ним появляются негосударственные вооруженные группировки. И это неудивительно: когда восстановлением страны заняты люди, которые не верят в правительство, они неизбежно создают слабое государство, способствуя возникновению рынка альтернативных служб безопасности, будь то «Хезболла», Blackwater, «Армия Махди» или шайки на улицах Нового Орлеана.

Появление этих параллельных частных инфраструктур важно отнюдь не только с точки зрения поддержания безопасности. Если посмотреть на все инфраструктуры подрядчиков, разросшиеся за годы правления Буша, как на единую систему, то мы увидим вполне сформировавшееся государство в государстве, которое обладает силой и имеет огромные возможности, тогда как настоящее государство стало хрупким и немощным. Это теневое корпоративное государство было создано почти исключительно за счет общественных ресурсов (напри-

²⁷ *Hemingway M. Warriors for Hire.* Эта индустрия внушает опасения из-за ее однозначных идеологических симпатий. Так, Blackwater тесно связана с движением против абортот и другими движениями правого крыла. Она жертвует деньги исключительно республиканской партии, а не делает ставки на разные направления, как поступает большинство крупных корпораций. Halliburton посылает 87 процентов своих пожертвований на предвыборную кампанию республиканцев, а CH2M Hill — 70 процентов. Трудно вообразить, что произойдет в том случае, если политические партии будут нанимать эти компании для сбора информации о соперниках по выборам — или для проведения тайных операций, которые настолько сомнительны, что их нельзя поручить даже ЦРУ. *Scahill J. Blackwater Down // The Nation.* 2005. October 10; Oil & Gas: Top Contributors to Federal Candidates and Parties. Election Cycle 2004 // Center for Responsive Politics, www.opensecrets.org; Construction: Top Contributors to Federal Candidates and Parties. Election Cycle 2004 // Center for Responsive Politics, www.opensecrets.org.

²⁸ *Manchester J. Al Qaeda for the Good Guys: The Road to Anti-Qaeda // TCSDaily.* 2006. December 19, www.tcsdaily.com.

мер, 90 процентов своих доходов Blackwater получает за счет государственных контрактов), включая и подготовку персонала (подавляющее большинство которого составляют бывшие государственные служащие, политики и солдаты)²⁹. Тем не менее эта огромная инфраструктура контролируется ее частными собственниками, тогда как граждане, которые ее финансировали, не имеют никакого права претендовать на участие в этой параллельной экономике или на ее ресурсы.

Тем временем настоящее государство утратило способность выполнять свои ключевые функции без помощи подрядчиков. Его собственное оснащение устарело, а лучшие специалисты ушли отсюда в частный сектор. После урагана «Катрина» Федеральному агентству по чрезвычайным ситуациям пришлось нанять подрядчика для заключения контрактов с подрядчиками. Подобным образом, когда настало время обновить инструкции армии США относительно ее взаимоотношений с подрядчиками, военные доверили эту работу одному из своих главных подрядчиков MPRI — они уже разучились наводить порядок на собственной территории. ЦРУ потеряло так много кадров, которые ушли заниматься разведкой в частный сектор, что ему пришлось открыто запретить подрядчикам вербовать себе сотрудников в столовой Разведывательного управления. «Один оперативный сотрудник, недавно ушедший на пенсию, рассказал, что однажды он услышал сразу два предложения, пока стоял в очереди за кофе», — писала газета *Los Angeles Times*. А когда Министерство национальной безопасности приняло решение о создании «виртуального ограждения» на границах США с Мексикой и Канадой, заместитель министра Майкл П. Джексон сказал подрядчикам: «Это необычное предложение... Мы просим вас сказать нам, как мы должны выполнять нашу работу». Генеральный инспектор министерства объяснял, что органы национальной безопасности «не в состоянии эффективно разрабатывать Программу [безопасности границ], вводить ее в действие и наблюдать за ее осуществлением»³⁰.

Во время правления Буша государство сохранило все атрибуты правительства: величественные здания, президентские пресс-конференции, политическую борьбу, — но думать, что они продолжают выполнять реальную работу правительства, было бы столь же

²⁹ Sizemore B., Kimberlin J. Profitable Patriotism // *The Virginian-Pilot*. Norfolk. 2006. July 24.

³⁰ King R.J. Big, Easy Money; Leslie Wayne L. America's For-Profit Secret Army // *New York Times*. 2002. October 13; Miller G. Spy Agencies Outsourcing to Fill Key Jobs // *Los Angeles Times*. 2006. September 17; Shane S., Nixon R. In Washington, Contractors Take on Biggest Role Ever.

наивно, как предполагать, что в главном офисе компании Nike сотрудники шьют спортивную обувь.

Последствия решения нынешнего поколения политиков передать все функции, ради исполнения которых их выбирали, посторонним исполнителям, отнюдь не ограничены сферой администрирования. Как только создается новый рынок, его необходимо защищать. Компании, образующие комплекс капитализма катастроф, видят и в государстве, и в некоммерческих организациях своих соперников — с точки зрения корпораций, когда правительство или благотворительные организации выполняют свои традиционные роли, они лишают подрядчиков работы, которая могла бы принести прибыль.

«Небрежность в вопросах обороны: мобилизация частного сектора для поддержки национальной безопасности» — так назывался отчет, подготовленный в 2006 году; в комитет, работавший над документом, вошли крупнейшие корпорации из сферы безопасности. Отчет предупреждал, что «желание проникнутого состраданием правительства срочно оказать помощь жертвам катастроф мешает рынку управлять факторами финансового риска»³¹. В этом отчете, опубликованном Советом по международным отношениям, говорилось, что если люди ожидают помощи от правительства, они не склонны платить за безопасность частным компаниям. Тем же духом было проникнуто состоявшееся через год после урагана «Катрина» собрание руководителей 30 крупнейших корпораций США под эгидой Business Roundtable, куда входят такие компании, как Fluor, Bechtel и Chevron. Они создали группу под названием «Партнерство для преодоления последствий катастроф». Ее члены сетовали на то, что их миссии препятствует «воровство» со стороны некоммерческих организаций, которые действуют в месте катастрофы. И действительно, когда благотворительные и неправительственные организации даром раздают необходимые вещи, они посягают на права рынка, поскольку сеть магазинов Home Depot могла бы поставлять эти же вещи за плату. Одновременно представители фирм во весь голос заявляли, что они лучше оснащены для участия в миротворческих операциях в Дарфуре, нежели ООН³².

³¹ В комитет, составлявший отчет, входили представители корпораций Lockheed Martin, Boeing и Booz Allen. *Flynn St.E., Prieto D.B.* Neglected Defense: Mobilizing the Private Sector to Support Homeland Security, CSR №. 13. 2006. March // Council on Foreign Relations, p. 26, www.cfr.org.

³² *Fetterman M.* Strategizing on Disaster Relief // *USA Today*. 2006. October 12; *Langfitt F.* Private

Такие новые нападки на конкурентов во многом объясняются тем, что, как уже начали понимать в корпоративном мире, золотая эра щедрых федеральных контрактов не может продлиться долго. Правительство США приближается к экономическому кризису, не в последнюю очередь по причине бюджетного дефицита, который возник из-за финансирования приватизированной экономики катастроф. Это означает, что количество контрактов значительно сократится — причем это может произойти очень скоро. В конце 2006 года аналитики начали предсказывать, что в течение ближайшего десятилетия бюджет Пентагона может сократиться на 25 процентов³³.

Когда бум вокруг катастроф кончится, такие компании, как Bechtel, Fluor и Blackwater, потеряют большую часть источников дохода. Они сохранят свою современнейшую технику и оборудование, купленные на деньги налогоплательщиков, но им придется искать новую модель бизнеса, чтобы оправдать их высокую стоимость. Следующую стадию капитализма катастроф можно представить себе довольно ясно: в случае катастрофы правительство будет не в состоянии оплатить расходы, граждане окажутся в трудном положении перед лицом «правительственной немощи», а параллельное корпоративное государство начнет распродавать свою инфраструктуру, обслуживающую катастрофы, тем, кто сможет их приобрести, и по той цене, которую предложат на рынке. И тогда распродано будет все: и вертолеты, которые позволяют эвакуировать людей с крыш, и питьевая вода, и постели для временных убежищ.

Богатство уже сейчас позволяет обезопасить себя от многих катастроф: приобрести систему, заблаговременно подающую сигнал о приближении цунами, или запасы Tamiflu на случай будущей вспышки птичьего гриппа. За деньги можно купить бутылки с водой, аварийный генератор, спутниковый телефон или нанять частного охранника. Во время израильского вторжения в Ливан в 2006 году американское правительство поначалу хотело заставить граждан этой страны оплатить их эвакуацию, но затем вынуждено было отказаться от этой идеи³⁴. Если мы будем и дальше двигаться в этом направлении, вид людей, толпящихся в ожидании на крышах, будет не толь-

Military Firm Pitches Its Services in Darfur // National Public Radio: All Things Considered. 2006. May 26.

³³ Pae P. Defense Companies Bracing for Slowdown // *Los Angeles Times*. 2006. October 2.

³⁴ Neuman J., Spiegel P. Pay-as-You-Go Evacuation Roils Capitol Hill // *Los Angeles Times*. 2006. July 19.

ко напоминанием о неразрешенных проблемах расового неравенства в американском прошлом, но и предвестником будущего апартеида катастроф, в которых выживает лишь тот, кто в состоянии оплатить свое спасение.

Когда мы думаем о грядущих экологических и политических невзгодах, то часто молчаливо предполагаем, что будем встречать их все вместе, что достаточно иметь нормальных лидеров, которые увидят, каким саморазрушением мы все это время занимались. Но я в этом не уверена. Возможно, одной из причин того, почему многие представители нашей элиты — и политической, и корпоративной — с таким оптимизмом относятся к перемене климата, заключается в их убеждении в том, что в любых самых ужасных обстоятельствах они купят себе спасение. Это отчасти объясняет и то, почему столь многие приверженцы Буша — христиане, которые верят в конец света. Дело не только в их вере, что из этого ужасного мира, который они создают, есть запасной выход. «Взятие на небо» как нельзя лучше описывает то, что они строят, — систему, которая порождает разрушения и катастрофы, а затем посылает за ними частный вертолет и уносит их вместе с друзьями в божественную безопасность.

Среди альтернативных источников доходов, которые лихорадочно ищут оборонные подрядчики, существует один очевидный — обеспечение безопасности других корпораций. Этим занимался и Пол Бремер до приезда в Ирак: он превращал транснациональные монополии в островки безопасности, где можно спокойно работать, даже если государство, на территории которого они действуют, переживает кризис. Непосредственные результаты такого труда можно увидеть в вестибюлях офисных зданий Нью-Йорка или Лондона, где контрольные пункты, снабженные рентгеновским устройством, работают, как в аэропортах, и где требуется предъявить пропуск с фотографией. Но это только начало, у этой индустрии замыслы куда шире: например, создание частных глобальных коммуникационных сетей, своей системы скорой медицинской помощи, аварийных запасов источников электроэнергии, средств для нахождения и транспортировки работников со всего мира в условиях серьезного бедствия. Другим потенциальным источником доходов для комплекса капитализма катастроф является муниципальное правительство, которое может по контракту передать частным компаниям функции полиции и пожарной службы. Представитель Lockheed Martin говорил об этом

так: «Они выполняли эту работу для армии в городе Фалуджа, почему они не могут выполнить ее для полиции города Рино?»³⁵

Деловые люди предсказывают, что в ближайшее десятилетие этот рынок резко разрастется. К чему это приведет, откровенно поведал Джон Робб, бывший руководитель секретных операций подразделения «Дельта», а ныне успешный консультант по вопросам управления. В своем широко известном манифесте, написанном для журнала *Fast Company*, он описывает «конечный итог» войны против террора: это будет «новый, более гибкий подход к вопросам национальной безопасности, он будет строиться не вокруг государства, но вокруг отдельных граждан и частных компаний... Безопасность будет зависеть от того, где ты живешь и на кого работаешь, как это уже произошло с охраной здоровья»³⁶.

Робб пишет: «Первыми коллективную систему защиты покинут богатые люди и транснациональные корпорации, которые вместо этого воспользуются услугами частных военных компаний, таких как Blackwater и Triple Canopy, для защиты своих домов, своего имущества и создания защитного экрана в своей повседневной жизни. Параллельная транспортная сеть — она может возникнуть на базе таких авиакомпаний, работающих в режиме таймшер, как Warren Buffett's NetJets, — будет обслуживать эту категорию людей, перемещая их из одного безопасного участка в другой». Этот элитный мир уже существует, но Робб предсказывает, что их примеру скоро последует средний класс, который «создаст пригородные сообщества для совместной оплаты безопасности». В этих ««бронированных пригородах» будут установлены аварийные генераторы и аварийные каналы связи», их будут патрулировать частные вооруженные охранники, «которые прошли подготовку в своей корпорации и имеют свою совершенную систему помощи на случай катастрофы».

Иными словами, это будет мир пригородных «зеленых зон». Что же касается людей, живущих вне охраняемого ограждения, «им придется рассчитывать на то, что осталось от государственной системы. Они будут стремиться жить в городах Америки, где им придется стать объектами вездесущей слежки и полагаться на маргинальные, почти несуществующие службы. Для бедных людей иного пристанища не будет».

³⁵ Weiner T. Lockheed and the Future of Warfare.

³⁶ В двух следующих абзацах использована информация из статьи: Robb J. Security: Power to the People // *Fast Company*. 2006. March.

Будущее, которое описывает Робб, слишком похоже на настоящее — на то, что произошло в Новом Орлеане, где на развалинах выросло два совершенно разных сообщества, окруженных забором. С одной стороны, это так называемые виллы FEMA: заброшенные, расположенные в удаленных местах ряды автофургонов, образующих лагеря, которые субподрядчики Bechtel или Fluor соорудили для малоимущих эвакуированных; их жизнью управляют частные компании, их охранники расхаживают по насыпанному гравию, ограничивают количество гостей, не допускают сюда журналистов и обращаются с жертвами катастроф так, как будто они преступники. С другой стороны, это охраняемые поселения за забором с воротами в тех районах, где живут богатые, например в районах Одубон или Гарден-Дистрикт, и кажется, что эти места уже полностью отделились от государства. Через несколько недель после урагана сюда провели воду, установили мощные генераторы. Заболевших из этих районов лечат в частных госпиталях, а местные дети ходят в новые «частные» школы. И конечно, таким людям совершенно не нужен общественный транспорт. В районе Сент-Бернар, в пригородах Нового Орлеана, многие функции полиции исполняет DynCorp, в других местах обитатели тоже наняли охранные компании. Между этими двумя типами приватизированных суверенных государств находится новоорлеанский вариант «красной зоны», где сильно возросло количество убийств, а жизнь людей напоминает знаменитый Нижний Девятый район, который превращается в апокалиптическую ничейную землю. Хит рэппера Джувинайла, появившийся на следующее лето после урагана «Катрина», прекрасно передает эту атмосферу: «Мы живем, как в Гаити, без всякого правительства» — без кончившегося государства США³⁷.

Билл Квигли, местный юрист и активист, отмечает: «То, что происходит в Новом Орлеане, концентрированно и образно показывает, что происходит по всей стране. Каждый город в нашей стране чем-то похож на Новый Орлеан. В каждом городе есть свои заброшенные районы. Каждый город в Америке отказался от каких-то программ государственного образования, жилищного строительства, здравоохранения или уголовного судопроизводства. Люди, которые не поддерживают общественное образование, здравоохранение и жилищное строительство, будут продолжать превращать всю нашу страну в Нижний Девятый район, пока мы их не остановим»³⁸.

³⁷ Juvenile. Got Ya Hustle On // The album *Reality Check*. Atlanta/Wea label, 2006.

³⁸ Quigley B. Ten Months After Katrina: Gutting New Orleans // CommonDreams.org. 2006.

Этот процесс уже идет полным ходом. Еще одно проявление апартеида катастроф можно наблюдать в богатых пригородах вокруг Атланты, где живут республиканцы. Тамошние обитатели решили, что не желают больше видеть, как их налоги идут на субсидии школам и полиции в бедных районах округа, где живут афроамериканцы. Они проголосовали за открытие своего собственного города Сэнди-Спрингс, который может тратить налоги на обслуживание своих 100 тысяч жителей и не обязан делиться ими со всем округом Фултон. Единственной проблемой было полное отсутствие в новом городе каких-либо муниципальных структур, и их пришлось создавать с нуля: и налоговые органы, и зонирование, и даже парки и места для отдыха. В сентябре 2005 года, в тот самый месяц, когда был затоплен новый Орлеан, к жителям Сэнди-Спрингса обратился гигант строительства и консультирования CH2M Hill с удивительным предложением: давайте мы сделаем это за вас. По начальной цене 27 миллионов долларов в год подрядчик обещался создать город, начиная с «чистого листа»³⁹.

Несколько месяцев спустя Сэнди-Спрингс стал первым «городом по контракту». В новом муниципалитете в штате работали всего четыре человека — все остальные были контрактниками. Рик Хэрскорн из CH2M Hill, возглавивший этот проект, говорил о Сэнди-Спрингсе как о «чистом листе бумаги, где нет никаких следов деятельности правительства». Он сказал другому журналисту, что «никому из наших коллег еще не приходилось целиком создавать город такой величины»⁴⁰.

Газета *Atlanta Journal-Constitution* писала, что «когда Сэнди-Спрингс нанял корпоративных работников управлять новым городом, это казалось смелым экспериментом». Однако всего за год заразная мания строить контрактные города охватила богатые пригородные районы Атланты, так что это превратилось в «стандартную процедуру на севере округа Фултон». Соседние поселения оценили опыт Сэнди-Спрингса и также начали голосовать за создание автономных городов с правительством по контракту. Один из таких городов, Милтон, сразу же предложил CH2M Hill взяться за эту работу, ведь у этой кор-

June 29, www.commondreams.org.

³⁹ Nurse D. New City Bets Millions on Privatization // *Atlanta Journal-Constitution*. 2005. November 12.

⁴⁰ Gentile A. Fewer Cities Increase Outsourced Services // *American City & County*. 2006. September 1; Nurse D. New City Bets Millions on Privatization.

порации, в конце концов, уже имеется опыт. Затем началась кампания за объединение таких корпоративных городов, чтобы они могли образовать собственный округ, а это означает, что ни один доллар из их налогов не перепадет бедным людям, живущим с ними рядом. Этот план подвергся яростной критике со стороны жителей, не входящих в предполагаемое объединение. Политики говорили, что без этих налогов станет невозможно содержать большие госпитали и систему общественного транспорта, разделение округа на части породит бес- сильное государство на одних территориях при крайне роскошной жизни на других. То, что они описывали, сильно напоминало Новый Орлеан, а отчасти — и Багдад⁴¹.

В этих богатых пригородах Атланты закончился крестовый поход корпоративизма по разграблению государства: не только правительственные службы были переданы в чужие руки, но и самая главная функция правительства — управление. И весьма символично, что эту территорию заняла именно компания CH2M Hill. Эта корпорация в Ираке получила контракт на много миллионов, чтобы выполнять ключевую функцию правительства — наблюдать за работой других подрядчиков. В Шри-Ланке после цунами она не только выстроила порты и мосты, но и «отвечала за общее управление программой восстановления инфраструктуры»⁴². После урагана «Катрина» в Новом Орлеане она получила 500 миллионов за строительство «вилл FEMA» и за готовность проделать то же самое в случае очередного бедствия. Она в совершенстве овладела искусством приватизировать государство при чрезвычайных обстоятельствах, а теперь делала то же самое в обстоятельствах обычных. Если Ирак был лабораторией радикальной приватизации, то этот этап испытаний был уже пройден.

⁴¹ Nurse D. City Hall Inc. a Growing Business in North Fulton // *Atlanta Journal-Constitution*. 2006. September 6; Gross D. Proposal to Split Georgia County Drawing Cries of Racism // *Seattle Times*. 2007. January 24.

⁴² Humanitarian Situation Report — Sri Lanka. 2005. September 2—8 // United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs, www.reliefweb.int.

КОГДА МИРНАЯ ЖИЗНЬ СТАНОВИТСЯ НЕВЫГОДНОЙ:

ИЗРАИЛЬ КАК ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Большие ограды и стены на границах не принадлежат к миру ГУЛАГа, это звукозащитные ограждения вдоль автострад, это ограды роскошных лож на спортивных стадионах, барьеры зоны для некурящих, ограждения безопасного пространства в аэропортах и заборы охраняемых богатых поселений... Они открыто говорят о привилегиях имущих и вызывают зависть у неимущих, что вызывает беспокойство у обеих сторон. Но это не значит, что они не выполняют своей задачи.

Кристофер Колдуэлл, редактор журнала *The Weekly Standard*, ноябрь 2006 г.¹

На протяжении десятилетий существовало общее убеждение в том, что массовые волнения истощают силы глобальной экономики. Отдельные шоки и кризисы, разумеется, можно было использовать как рычаг для открытия новых рынков, но когда шок выполнял свою работу, для устойчивого экономического роста требовались мир и стабильность, хотя бы относительные. Этим привычно объясняли то, почему 90-е годы были эпохой процветания: с окончанием холодной войны экономические системы могли сконцентрировать свои усилия на торговле и инвестициях, а поскольку страны стали более открытыми и взаимозависимыми, вероятность военных конфликтов между ними снизилась.

Однако на Всемирном экономическом форуме в Давосе (Швейцария) политики и руководители корпораций ломали головы, размыш-

¹ Caldwell C. The Walls That Work Too Well // *Financial Times*. London. 2006. November 18.

ляя о ситуации в мире, которая казалась насмешкой над всеми законами здравого смысла. Это явление окрестили «давосской дилеммой». По словам Мартина Вульфа, колумниста газеты *Financial Times*, суть этой дилеммы — «контраст между успешной экономикой и сомнительной политикой стран всего мира». Он писал, что экономика «перенесла серию потрясений: кризис фондового рынка после 2000 года; шок терактов 11 сентября 2001 года; войны в Афганистане и Ираке; разногласия относительно действий США; скачок цен на нефть, подобного которому не было с 1970-х; приостановка переговоров [ВТО] в Дохе; столкновения по поводу ядерных планов Ирана», — но при всем этом экономика «переживает золотой период повсеместного роста». Иными словами, мир превращается в ад, нигде нет стабильности, а в это время глобальная экономика торжественно возвещает о своем существовании. Некоторое время спустя бывший министр финансов США Лоренс Саммерс говорил о «практически полном отсутствии связи» между политикой и рынком: «Это напоминает Диккенса: стоит поговорить с экспертом по международным отношениям, и видишь, что ты живешь в самые мрачные времена. А затем ты поговоришь с потенциальными инвесторами, и оказывается, это наилучший период в истории»².

Эту же загадочную тенденцию отражает экономический показатель под названием «индекс оружие—икра». Он высчитывается по соотношению доходов от продаж реактивных истребителей (оружие) к доходам от продаж частных самолетов, так называемых *executive gets* («икра»). В течение 17 лет можно было наблюдать одну закономерность: когда шла оживленная торговля истребителями, продажа роскошных реактивных самолетов уменьшалась, и наоборот. Разумеется, какая-то группа людей постоянно богатели от продажи оружия, но их экономическое значение было относительно малым. И все разделяли одну простую истину, что бурный экономический рост несовместим с насилием и нестабильностью.

Но эта истина уже не подтверждалась. С 2003 года, год спустя после вторжения в Ирак, высчитывая «индекс оружие—икра», можно было заметить, что быстро и одновременно подскочили продажи как истребителей, так и роскошных самолетов. Это значило, что в мире растет насилие, а одновременно накапливаются огромные доходы³.

² Wolf M. A Divided World of Economic Success And Political Turmoil // *Financial Times*. London. 2007. January 31; Ex-Treasury Chief Summers Warns on Market Risks // *Reuters*. 2007. March 20.

³ *Aboulafia R. Guns-to-Caviar Index*. Teal Group, 2007.

Стремительный экономический рост Китая и Индии сыграл свою роль в повышении спроса на предметы роскоши, но не меньшую роль тут сыграло и расширение узкого военно-промышленного комплекса до масштабного комплекса капитализма катастроф. И сегодня всеобщая нестабильность выгодна не только горстке торговцев оружием; она приносит неизмеримую прибыль всему сектору высоких технологий, сектору капитального строительства, частным медицинским компаниям, которые лечат раненых солдат, индустрии нефти и газа — и, разумеется, оборонным подрядчикам.

Объем доходов тут достаточно велик, чтобы породить экономический бум. Компания Lockheed Martin, бывший вице-президент которой возглавил комиссию, активно призывавшую начать войну с Ираком, только в 2005 году получила 25 миллиардов долларов из денег американских налогоплательщиков. По замечанию конгрессмена от демократов Генри Уэксмана, эта сумма «превышает стоимость валового внутреннего продукта 103 стран, включая Исландию, Иорданию и Коста-Рику... и это больше, чем сумма бюджетов Министерства торговли, Министерства внутренних дел, Управления малого бизнеса и всей ветви законодательной власти правительства». Сама по себе Lockheed стала новым рынком. Она и другие подобные компании (стоимость акций которых выросла втрое с 2000 по 2005 год) спасли фондовый рынок от затяжного кризиса после 11 сентября. Стоимость обычных акций упала, однако общий оборонный индекс — «показатель стоимости акций компаний, работающих в сфере обороны, национальной безопасности и авиакосмической промышленности» — повышался с каждым годом, в 2001—2006 годы в среднем на 15 процентов, превышая в 7,5 раза средние показатели роста компаний из списка Standard & Poor's 500 за тот же период⁴.

Ситуация «давосской дилеммы» углубилась еще сильнее благодаря созданию крайне прибыльной модели приватизированной реконструкции, созданной в Ираке. Акции капитального строительства, которым занимаются крупные инженерные фирмы, получающие после войны или стихийного бедствия лакомые контракты без конкурса, поднялись в цене на 250 процентов в 2001—2007 годы. Восстановление сегодня стало таким большим бизнесом, что за каждым новым разрушением следует горячая компания первичного размещения акций: 30 миллиардов долларов на реконструкцию Ирака, 13 миллиардов — на восстановление

⁴ Dollars, Not Sense; Weiner T. Lockheed and the Future of Warfare; Swibel M. Defensive Play // *Forbes*. 2006. June 5.

стран, пострадавших от цунами, 100 миллиардов — на Новый Орлеан и побережье Мексиканского залива, 7,6 миллиарда — на Ливан⁵.

Террористические акты, которые раньше вызывали кризисы на бирже, теперь вызывают оживление рынка. После 11 сентября 2001 года индекс Доу—Джонса упал на 685 пунктов, как только открылись торги. Однако 7 июля 2005 года, когда в лондонском общественном транспорте четыре взрыва убили десятки и ранили сотни людей, ситуация была совершенно иной: цена американских акций на момент закрытия торгов повысилась по сравнению с предыдущим днем — индекс Nasdaq вырос на семь пунктов. В августе того же года, в день, когда английскими стражами порядка было арестовано 24 подозреваемых в подготовке теракта — взрыва самолетов, летящих в США, — при закрытии биржи индекс Nasdaq повысился на 11,4 пункта, во многом благодаря росту стоимости акций компаний, работающих в сфере национальной безопасности.

Сюда же надо отнести невероятные доходы нефтяных компаний. В 2006 году только ExxonMobil получила прибыль в 40 миллиардов долларов — мировой рекорд из всех зарегистрированных случаев в истории, и от нее не так уж сильно отставали конкурирующие компании, такие как Chevron⁶. Подобно корпорациям, связанным с обороной и занимающимся капитальным строительством и национальной безопасностью, в нефтяном секторе положение улучшается с каждой очередной войной, после каждого теракта или разрушительного урагана. Нефтяные компании не только пожинают плоды от временного повышения цен при нестабильности в важнейших нефтеносных регионах, эта индустрия постоянно извлекает из катастроф долговременные выгоды. Например, благодаря усилиям нефтяных компаний значительная доля денег, отпущенных на восстановление Афганистана, пошла на строительство дорогой инфраструктуры дорог для нового трубопровода (тогда как многие другие проекты ре-

⁵ Индекс Доу—Джонса по акциям компаний в сфере капитального строительства остановился на уровне 143,34 доллара по итогам торгов 10 сентября 2001 г., а 4 июня 2007 г. это показатель вырос до 507,43 доллара. DJ—2357, «Historical Quotes», money.cnn.com; Glanz J. Iraq Reconstruction Running Low on Funds // *International Herald Tribune*. Paris. 2005. October 31; Nakashima E. A Wave of Memories // *Washington Post*. 2005. December 26; Simmons A.M., Fausset R., Braun St. Katrina Aid Far from Flowing // *Los Angeles Times*. 2006. August 27; Cooper H. Aid Conference Raises \$7.6 Billion for Lebanese Government // *New York Times*. 2007. January 26.

⁶ McCarthy Sh. Exxon's «Outlandish» Earnings Spark Furor // *Globe and Mail*. Toronto. 2007. February 2.

конструкции были приостановлены), в Ираке, охваченном огнем, был принят новый закон о нефти, а ураган «Катрина» позволил протолкнуть проект открытия новых нефтеперерабатывающих заводов на территории США впервые после 70-х. Нефтегазовая промышленность неразрывно связана с экономикой катастроф — одновременно она является и важнейшей причиной многих бедствий, и бизнесом, позволяющим получать от этого доходы, — а потому вполне заслужила звание почетного члена в составе комплекса капитализма катастроф.

Никаких теорий заговоров

Недавний поток катастроф обернулся такими баснословными доходами, что многие люди по всему миру пришли к убеждению, что богатые и сильные мира сего сознательно готовят эти бедствия, чтобы их использовать. В июле 2006 года опрос жителей США показал: треть из них думает, что правительство приложило руку к терактам 11 сентября или не пыталось их предотвратить, «потому что желало вовлечь Соединенные Штаты в войну на Ближнем Востоке». И подобные подозрения сопровождали большинство катастроф последних лет. После урагана «Катрина» среди обитателей временных приютов ходили слухи, что плотины вовсе не прорвала вода — их нарочно разрушили, чтобы «уничтожить в городе районы чернокожих, сохранив районы белых», как говорил лидер «Нации ислама» Луис Фаррахан⁷. В Шри-Ланке мне доводилось слышать, что цунами произошло из-за подводного взрыва, и это сделали США в намерении ввести войска в Южную Азию и установить полный контроль над экономикой региона.

Истина же, с одной стороны, не столь неприглядна, но с другой — внушает еще большие опасения. Экономическая система, нуждающаяся в постоянном росте, которая при этом отказывается предпринимать какие-либо серьезные меры по охране среды, сама по себе порождает постоянные катастрофы: военные, экологические или финансовые. Жадность относительно легкой и быстрой добычи при помощи чистых спекуляций с инвестициями превратила фондовый рынок, валютный рынок и рынок недвижимости в машину по созданию кризисов, как то продемонстрировали кризис песо в Мексике или крах рынка доткомов. Наша всеобщая зависимость от грязных невозобновляемых источников энергии готовит новые чрез-

⁷ *Curiel J. The Conspiracy to Rewrite 9/11 // San Francisco Chronicle. 2006. September 3; Wooten J. Public Figures' Rants Widen Racial Chasm // Atlanta Journal-Constitution. 2006. January 22.*

вычайные ситуации: природные бедствия (по сравнению с 1975 годом их количество возросло на 430 процентов) и войны за контроль над дефицитными ресурсами (и не только войны в Ираке и Афганистане, но и не такие яркие конфликты в Нигерии, Колумбии и Судане), что в свою очередь порождает ответные удары террористов (как показало одно исследование 2007 года, количество терактов с начала войны в Ираке выросло в семь раз)⁸.

Обусловленные ростом температуры, как климатической так и политической, будущие катастрофы возникают отнюдь не под покровом заговоров. Все свидетельствует о том, что достаточно сохранять нынешний курс, и бедствия станут все более частым явлением. Поэтому разумнее думать, что порождением катастроф занимается невидимая сила рынка — они исходят именно оттуда.

Хотя комплекс капитализма катастроф намеренно не планирует катастрофы, которые его кормят (Ирак тут, возможно, является весьма значимым исключением), все говорит о том, что его отдельные механизмы изо всех сил работают над тем, чтобы сохранить нынешнее катастрофическое положение. Крупные нефтяные компании уже много лет финансируют группы людей, которые отрицают проблему изменения климата; за последнее десятилетие ExxonMobil потратила на эти цели примерно 16 миллионов долларов. Это явление всем известно, однако связь между подрядчиками при катастрофах и создателями общественного мнения для многих остается не столь очевидной. Некоторые влиятельные мозговые центры Вашингтона, например Институт государственной политики и Центр политической безопасности, щедро финансируют производители оружия и оборонные подрядчики, которые получают огромные доходы благодаря тому, что интеллектуалы из этих заведений непрерывно представляют публике мир как мрачное и порочное место, где все проблемы решаются исключительно с помощью силы. Сектор национальной безопасности все теснее соединяется с медиа-корпорациями, последствия этого союза могут напомнить антиутопию Оруэлла. В 2004 году монстр цифровых коммуникаций LexisNexis заплатил 775 миллионов долларов компании Seisint, занимающейся обработкой информации, которая тесно сотрудничает со службами федерального уровня и штатов в вопросах слежки. В том же году General

⁸ 2006 Disasters in Numbers // EM-DAT, The OFDA/CRED International Disaster Database, www.em-dat.net; Bergen P., Cruickshank P. The Iraq Effect: War Has Increased Terrorism Sevenfold Worldwide // *Mother Jones*. 2007. March—April.

Electric, владелец канала NBC, приобрела InVision, крупного производителя современных устройств для поиска взрывчатых веществ, которые применяют в аэропортах и других общественных местах. InVision получила колоссальную сумму в 15 миллиардов долларов от Министерства национальной безопасности в виде контрактов с 2001 по 2006 год, что превосходит объем контрактов с другими компаниями⁹.

Постепенное проникновение комплекса капитализма катастроф в СМИ может обернуться новой формой сотрудничества корпораций на основе столь модной в 90-е годы вертикальной интеграции. Очевидно, с точки зрения бизнеса это имеет смысл. Чем сильнее общество охвачено паникой, подозревая, что в каждой мечети кроются террористы, тем выше рейтинг выпусков новостей, тем больше спрос на устройства биометрической идентификации или определения жидких взрывчатых веществ, поставляемых компаниями, входящими в комплекс капитализма катастроф, тем больше строится высокотехнологичных ограждений. Если в 90-е годы успехом пользовалась мечта об открытой «маленькой планете» без границ, то в новом тысячелетии такую же роль играет образ грозного Запада, превращенного в надежную крепость, которую осаждают воины джихада и нелегальные иммигранты. И единственное, что угрожает растущей экономике катастроф, от которой в такой огромной мере зависит ее благосостояние, куда входит вооружение и нефть, техника для наблюдения и запатентованные лекарственные препараты, — это возможность с помощью каких-либо усилий стабилизировать изменения климата и достичь мирного геополитического состояния.

Израиль и стабильность апартеида катастроф

Пока аналитики размышляют о причинах «давосской дилеммы», возникает новое понимание ситуации. Нельзя сказать, что рынок в полной мере защитил себя от нестабильности, этого еще не произошло. Тем не менее непрерывный ряд катастроф стал таким привычным, что гибкий рынок изменился и приспособился к новому положению вещей — нестабильность дает ему стабильность. Когда обсуждают этот новый экономический феномен, появившийся после 11 сентября

⁹ McCarthy Sh. Exxon's «Outlandish» Earnings Spark Furor; Hartung W., Ciarrocca M. The Military-Industrial-Think Tank Complex // *Multinational Monitor*. 2003. January—February; O'Harrow R. Jr. LexisNexis to Buy Seisint for \$775 Million // *Washington Post*. 2004. July 15; Monahan R., Beaumont E.H. Big Time Security.

2001 года, как правило, ссылаются на Израиль. На протяжении последнего десятилетия Израиль занимался решением своей местной «давосской дилеммы»: войны и теракты участились, однако деловая жизнь на бирже Тель-Авива по активности побивала все прошлые рекорды, несмотря на продолжающееся насилие. Как сказал, выступая на канале Fox News после терактов 7 июля в Лондоне, один аналитик, «в Израиле приходится опасаться террора ежедневно, но рынок тут за последний год вырос»¹⁰. Можно согласиться, что, как и глобальная экономика в целом, политическая ситуация в Израиле находится в катастрофическом положении, но экономика страны никогда не была столь прочной, и показатели ее роста за 2007 год сравнимы с показателями Китая и Индии.

С точки зрения модели «оружие — икра» пример Израиля интересен тем, что его экономика устойчива перед лицом серьезных политических потрясений, таких как война с Ливаном 2006 года или захват Газы «Хамасом» в 2007 году. Израиль построил такую экономическую систему, в которой при эскалации насилия наблюдается заметный подъем. И этот феномен не является загадкой. За годы до того, как американские и европейские компании осознали выгоды глобального бума вокруг безопасности, израильские технологические фирмы уже создавали домашнюю индустрию защиты, так что они занимают ведущее положение в этом секторе и сегодня. По подсчетам Израильского института экспорта, в стране существует 350 корпораций, которые продают местную продукцию, связанную с безопасностью, а в 2007 году на рынке появилось 30 новых компаний подобного рода. С точки зрения корпораций Израиль был той моделью, которую следовало использовать на рынке после 11 сентября 2001 года. Однако с социальной и политической точек зрения Израиль следует воспринимать иначе — как грозное предупреждение. Тот факт, что страна наслаждается экономическим благоденствием, несмотря на войну с соседями и растущую жестокость на оккупированных территориях, показывает, насколько опасно строить экономику на основе непрерывной войны и углубления катастроф.

Способность Израиля сочетать «оружие и икру» является кульминацией решительного изменения экономического курса в стране в течение последних пятнадцати лет, и параллельно это изменение крайне негативно отразилось на перспективах достижения мира —

¹⁰ Recap of Saturday, 2005, July 9 // Fox News: *The Cost of Freedom*, www.foxnews.com.

последнему вопросу уделяли мало внимания. Положение, при котором существовал реальный шанс достичь мира на Ближнем Востоке, последний раз наблюдалось в начале 1990-х, когда множество израильтян понимали, что постоянный конфликт не лучшее решение проблемы. В то время пал оплот коммунизма, начиналась информационная революция, и в деловом сообществе Израиля было широко распространено убеждение в том, что кровавая оккупация Газы и Западного берега реки Иордан, за которой последовал бойкот Израиля со стороны арабских стран, ставит под угрозу будущее израильской экономики. Израильские корпорации, наблюдавшие за стремительным развитием новых рынков по всему миру, устали преодолевать сопротивление войны, хотели стать частью мира без границ, приносящего доходы, но битвы в регионе заставляли их сидеть у себя дома. Если бы израильскому правительству удалось договориться о мире с палестинцами, соседние страны прекратили бы бойкот и Израиль благодаря своему расположению мог бы превратиться в ближневосточный центр свободной торговли.

В 1993 году Дан Гиллерман, тогдашний президент Федерации израильских торговых палат, озвучивал эту позицию так: «Израиль может стать обычным государством... Он может стать стратегическим, снабженческим и рыночным центром всего региона, ближневосточным Сингапуром или Гонконгом, где расположены офисы транснациональных компаний... Мы говорим об экономике совершенно иного рода... Израиль должен действовать и быстро приспособливаться к ситуации, иначе эта судьбоносная возможность для экономики будет упущена и нам останется только с сожалением говорить: “а мы могли бы”»¹¹.

В том же году Шимон Перес, министр иностранных дел, объяснял группе израильских журналистов, что мир стал неизбежностью. Конечно, это будет мир особого рода. «Нам не нужен мир флагов, — говорил он, — нам нужен мир рынков»¹². Несколько месяцев спустя израильский премьер-министр Ицхак Рабин и глава Организации освобождения Палестины Ясир Арафат обменялись рукопожатием на лужайке перед Белым домом в знак вступления в действие со-

¹¹ *Gillerman D.* The Economic Opportunities of Peace. Press statement. Chambers of Commerce. 1993. September 6; цит. по: *Ben-Porat G.* A New Middle East?: Globalization, Peace and the «Double Movement» // *International Relations* 19. 2005. № 1. P. 50.

¹² *Davidi E.* Globalization and Economy in the Middle East — A Peace of Markets or a Peace of Flags? // *Palestine-Israel Journal* 7. 2000. № 1—2. P. 33.

глашения, подписанного в Осло. Этому радовался весь мир, и эти трое — Перес, Рабин и Арафат — разделили между собой Нобелевскую премию мира 1994 года. Но затем все пошло по другому сценарию.

Осло было самым радужным периодом в израильско-палестинских отношениях, но знаменитое рукопожатие не было символом окончания конфликта. Оно было только знаком начала процесса, когда все самые острые вопросы еще не были разрешены. Арафат оказался в унижительном положении, когда ему пришлось выпрашивать позволения вернуться на оккупированные территории, кроме того, ему не удалось договориться ни о судьбе Иерусалима, ни о палестинских беженцах, ни о еврейских поселениях, ни даже о праве палестинцев на самоопределение. Стратегия переговоров в Осло, по словам их участников, строилась на идее продвинуть вперед «мир рынков» в надежде, что затем станет на свои места и все остальное: предполагалось, что когда израильтяне и палестинцы откроют свои границы и присоединятся к торжественной процессии глобализации, обе стороны конфликта увидят такое улучшение условий жизни, что появятся условия и для будущих переговоров о «мире флагов». И казалось, Осло дает основания для таких надежд.

Мира не удалось достичь в силу ряда причин. Израильтяне во всем винят теракты смертников и убийство Рабина. Палестинцы упоминают стремительное разрастание израильских поселений во время переговоров в Осло: это доказывало для них, что такой мир «основывался на неокOLONIALИЗМЕ», если использовать выражение Шломо Бен-Ами, израильского министра иностранных дел в правительстве рабочей партии Эхуда Барака. Как писал Бен-Ами, «когда мы действительно установим мир с палестинцами, уже разовьется ситуация зависимости, структурное неравенство между двумя социальными группами»¹³. Споры о том, кто же сорвал мирные переговоры и стремились ли участники на самом деле достичь мира, хорошо известны и широко обсуждались. Однако два фактора, которые способствовали возвращению Израиля к односторонней позиции, остаются в тени, причем оба они связаны с крестовым походом чикагской школы за распространение свободного рынка. Первый из них — это приток евреев из советских стран, прямое следствие экспериментов с шоковой терапией в России. Другой заключался в из-

¹³ *Ben-Ami Sh. A Place for All. Tel Aviv: Hakibbutz Hameuchad, 1998, p. 113; цит. по: Davidi E. Globalization and Economy in the Middle East, p. 38.*

менении экспортной экономики Израиля: ранее экспорт был основан на продаже традиционных товаров и высоких технологий, но постепенно центр тяжести переместился, и предметом продажи стали накопленный опыт и торговля устройствами, связанными с контртерроризмом. Оба этих фактора препятствовали осуществлению программы Осло: приток людей из России снизил зависимость Израиля от палестинской рабочей силы и позволил ему закрыть оккупированные территории, в то время как стремительное развитие экономики высокотехнологичной безопасности раздражило аппетиты израильских богачей и власть имущих, так что они предпочли отказаться от установления мира в пользу ведения бесконечной и постоянно расширяющей свои масштабы войны против террора.

По воле истории начало переговоров в Осло точно совпало с самым мучительным этапом эксперимента чикагской школы в России. Рукопожатие возле Белого дома произошло 13 сентября 1993 года, ровно через три недели Ельцин послал танки, обстрелявшие здание парламента, чтобы убрать препятствия для крайне жестокого применения экономического шока в огромных дозах.

В течение 1990-х около одного миллиона евреев покинули бывший Советский Союз и переехали в Израиль. Сегодня выходцы из бывшего СССР составляют более 18 процентов от всего еврейского населения Израиля¹⁴. Трудно оценить последствия столь масштабного и стремительного изменения состава населения в столь небольшой стране, как Израиль. По пропорциям это примерно равносильно тому, как если бы все население Анголы, Камбоджи и Перу упаковало свой багаж и одновременно прибыло в Соединенные Штаты. Или, если говорить о Европе, как если бы все население Греции переместилось во Францию.

Первую волну советских евреев, устремившихся в Израиль, составляли преимущественно люди, желавшие жить в еврейском государстве, потому что они всю свою жизнь подвергались гонениям на религиозной почве. Однако затем количество евреев, покидавших Россию, резко возросло, что прямо связано со страданиями, на которые россияне обрекли их шоковые доктора из экономистов. Последующие волны иммигрантов из России уже не состояли из ревностных сионистов (у многих и сами претензии на еврейское происхождение выглядели весьма сомнительно), это были отчаявшиеся экономические

¹⁴ The Russians // *Settlements in Focus* 1. 2005. № 16. December 23, www.peacenow.org.

беженцы. «Самое важное не куда мы едем, но откуда выезжаем», — сказал один человек, стоящий в очереди около посольства Израиля в Москве, корреспонденту газеты *Washington Times* в 1992 году. Представитель «Сионистского форума советских евреев» сетовал, наблюдая за этим исходом: «Их не притягивает Израиль, их выталкивает из СССР политическая нестабильность и экономическая разруха». И действительно, большая волна советских евреев переехала в разгар ельцинского переворота 1993 года — в тот самый момент, когда в Израиле начался мирный процесс. Позднее туда прибыло еще 600 тысяч переселенцев из стран бывшего СССР¹⁵.

Такое изменение демографии положило конец и без того ненадежному движению к миру. До приезда переселенцев из СССР Израиль не мог бы и одного дня просуществовать без палестинцев, живущих в Газе и на Западном берегу реки Иордан; его экономика нуждалась в этой рабочей силе, подобно тому как экономика Калифорнии не могла бы обойтись без труда мексиканцев. Каждый день Газу и Западный берег покидали около 150 тысяч палестинцев, которые направлялись в Израиль чистить улицы и строить дороги, а фермеры и торговцы из палестинцев наполняли свои грузовики товарами, чтобы продавать их в Израиле и за его пределами¹⁶. Обе стороны жили во взаимной экономической зависимости, и Израиль активно препятствовал тому, чтобы палестинские территории строили автономные торговые отношения с арабскими странами.

А затем, именно тогда, когда вступили в силу соглашения Осло, эта взаимная зависимость внезапно исчезла. Присутствие в Израиле рабочих-палестинцев бросало вызов проекту сионизма, поскольку они требовали компенсации за захваченные земли и равноправия граждан, но сотни тысяч выходцев из СССР, прибывших в Израиль, воспринимались совершенно иначе. Они укрепляли сионизм, заметно увеличив количество евреев относительно арабов, а одновременно создали резерв дешевой рабочей силы. Так Тель-Авив неожиданно получил возможность изменить свою политику относительно палестинцев. 30 марта 1993 года Израиль приступил к «закрытию» границ

¹⁵ Nadler G. Exodus or Renaissance? // *Washington Times*. 1992. January 19; Ford P. Welcome and Woes Await Soviet Jews in Israel // *Christian Science Monitor*. 1991. July 25; Talesnick L. «Unrest Will Spur Russian Jews to Israel», Official Says // Associated Press. 1993. October 5. Israel's Alienated Russian Voters Cry Betrayal // Agence France-Presse. 2006. May 8.

¹⁶ Myre G. Israel Economy Hums Despite Annual Tumult // *International Herald Tribune*. Paris, December 31. 2006; Israel Reopens Gaza Strip // United Press International. March 22. 1992.

между израильскими и оккупированными территориями, иногда на несколько дней или недель подряд, не давая возможности палестинцам добраться до своей работы или продавать свои товары. Поначалу это было временной чрезвычайной мерой в ответ на террористическую угрозу. Но такое «закрытие» быстро превратилось в обычное положение вещей, при этом палестинские территории отрезали не только от Израиля, но и одну от другой, для чего создавалась все более сложная, унижительная система контрольно-пропускных пунктов.

Ожидали, что 1993 год станет началом новой мирной эры; но оказалось, что именно в этом году оккупированные территории, ранее бывшие чем-то вроде рабочих поселков для неимущих граждан израильского государства, начали превращаться в закрытые лагеря. Количество израильских поселений на оккупированных территориях в 1993—2000 годах удвоилось¹⁷. Произошедшее с бывшими сторожевыми заставами, превратившимися в роскошные охраняемые пригороды со своими собственными закрытыми для палестинцев дорогами, ясно показывало принадлежность этих поселений к государству Израиль. Во время действия соглашений Осло Израиль также захватывал важнейшие резервуары воды на Западном берегу, распределяя ее среди поселений и направляя драгоценную воду в Израиль.

И тут новые переселенцы опять сыграли важную роль. Многие люди из бывшего Советского Союза приехали в Израиль без гроша в кармане, поскольку их накопления полностью исчезли во время обесценивания денег при шоковой терапии, так что их притягивали оккупированные территории, где дома и квартиры стоили намного дешевле, тем более что за это им предлагали особые льготы и займы. Некоторые из наиболее известных поселений, такие как Ариэль на Западном берегу, гордящееся своим университетом, отелем и небольшой площадкой для игры в гольф, построенной в техасском стиле, активно вербовали поселенцев в странах бывшего Советского Союза, направляя туда своих эмиссаров и поддерживая русскоязычные веб-сайты. Благодаря этому население Ариэля увеличилось вдвое, и сегодня это место напоминает маленькую Москву, где в магазинах все написано на двух языках: на иврите и русском. Половина обитателей этого места — выходцы из бывшего СССР. По оценке группы «Мир сегодня» около 25 тысяч израильских граждан, живущих в нелегаль-

¹⁷ *Hirschberg P. Barak Settlement Policy Remains Virtually the Same as Netanyahu's // Jerusalem Report. December 4. 2000.*

ных поселениях, относятся именно к этой категории; представители группы также отмечают, что многие выходцы из России приезжают сюда «без ясного понимания того, куда они направляются»¹⁸.

За годы, прошедшие после соглашений Осло, Израиль умело использовал возможности для развития торговли и достиг удивительных успехов. Во второй половине 1990-х годов израильские компании взяли глобальную экономику приступом, особенно это касается фирм, занимающихся телекоммуникацией и веб-технологиями, которые сделали Тель-Авив и Хайфу как бы ближневосточной Силиконовой долиной. В разгар бума вокруг информационных технологий 15 процентов валового внутреннего продукта Израиля и половину экспорта из страны составляла высокотехнологичная продукция. Как писал журнал *Business Week*, это сделало экономику Израиля «самой технологически ориентированной в мире», где доля высокотехнологичной продукции вдвое больше, чем в Соединенных Штатах¹⁹.

И опять же новые переселенцы сыграли решительную роль в этом экономическом скачке. Среди сотен тысяч евреев, переселившихся в Израиль в 1990-х из бывшего СССР, сюда прибыли ученые, квалификация которых была выше, чем у выпускников ведущих технических учебных заведений Израиля за 80 лет существования последних. Многие из этих ученых работали на холодную войну, и они, по словам одного израильского экономиста, «стали ракетным топливом для технологического прорыва [в Израиле]». Говоря о годах, последовавших за рукопожатием около Белого дома, Шломо Бен-Ами называл их «одной из самых головокружительных эпох экономического роста и создания новых рынков за всю историю [Израиля]»²⁰.

Предполагалось, что открытие рынков обернется выгодой для обеих сторон конфликта, однако, за исключением коррумпированной элиты из окружения Арафата, палестинцам откровенно не давали доступа к участию в экономическом буме после Осло. Главным препятствием к этому послужило «закрытие» их территорий, эти мероприятия, введенные в 1993 году, неизменно продолжали осуществляться на

¹⁸ Americans for Peace Now. The Russians.

¹⁹ Simons D. Cold Calculation Of Terror // *Forbes*. 2002. May 28; Klein Z. January—May Trade Deficit Shoots up 16% to \$3.59 Billion // *Globes*. Tel Aviv. 2001. June 12; Sandler N. As If the Intifada Weren't Enough // *Business Week*. 2001. June 18.

²⁰ Термин «ракетное топливо» упоминается Шломом Майталем, профессором Израильского технического института менеджмента. Schwartz N.D. Prosperity without Peace // *Fortune*. 2005. June 13; Ben-Ami Sh. Scars of War, Wounds of Peace: The Israeli-Arab Tragedy. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 230.

протяжении последовавших 14 лет. По словам Сары Рой, гарвардского эксперта по Ближнему Востоку, когда в 1993 году границы внезапно закрыли, это обернулось катастрофой для экономики палестинцев. В интервью она прокомментировала это событие такими словами: «Закрытие границ было самой дискредитирующей особенностью экономики в период действия соглашений Осло и далее, и эта мера нанесла непоправимый ущерб и без того слабой экономике».

Рабочие не могли попасть на место работы, торговцы — продавать свои товары, фермеры — добраться до собственных полей. В 1993 году на оккупированных территориях уровень валового национального продукта на душу населения упал примерно на 30 процентов, к следующему году уровень бедности среди палестинцев подскочил до 33 процентов. К 1996 году, говорит Рой, собравшая множество документов относительно экономических последствий «закрытия», «66 процентов работоспособных палестинцев были либо безработными, либо имели крайне мало работы»²¹. Для палестинцев это был не «мир рынков», о котором мечтали в Осло, но упразднение рынков, сокращение рабочих мест и ограничение свободы и — что самое страшное, по мере роста израильских поселений — потеря земли. Именно это положение превратило оккупированные территории в очаги пламени, когда Ариэль Шарон в сентябре 2000 года посетил в Иерусалиме место, которое мусульмане называют Харам аль-Шариф, а евреи — Храмовой горой, что спровоцировало вторую интифаду.

Как обычно утверждают в израильской и международной прессе, мирный процесс провалился из-за того, что в июле 2000 года палестинцы в Кемп-Дэвиде отвергли щедрое предложение Эхуда Барака и Арафат не пошел навстречу Израилю, а это доказывало, что он никогда искренне не стремился установить мирные отношения. После этого события и второй интифады израильтяне потеряли веру в переговоры, выбрали Ариэля Шарона и начали строить так называемый барьер безопасности, который палестинцы называют «стеной апартеида», — систему бетонных стен и металлических ограждений, выступающих за «зеленую зону» 1967 года на па-

²¹ United Nations Special Coordinator in the Occupied Territories // Quarterly Report on Economic and Social Conditions in the West Bank and Gaza Strip. 1997. April 1; *Ben-Ami Sh. Scars of War, Wounds of Peace*, p. 231; *Roy S. Why Peace Failed: An Oslo Autopsy* // *Current History* 101. 2002. № 651. January 2002. P. 13.

лестинские территории, которая позволяет присоединить большие участки земли с еврейскими поселениями к Израилю, в том числе районы, включающие до 30 процентов водных источников²².

Арафат, без сомнения, ожидал более выгодного предложения, чем те, что он услышал в Кемп-Дэвиде или Табе в январе 2001 года, но предложения Израиля действительно не были адекватны ситуации. Израильтяне постоянно повторяют, что это — беспрецедентно щедрые уступки, однако в Кемп-Дэвиде ничего не говорилось о палестинцах, вынужденных покинуть свои дома и земли при создании государства Израиль в 1948 году, и палестинцам не давали права на самоопределение хотя бы в самых скромных масштабах. В 2006 году Шломо Бен-Ами, главный представитель израильского правительства на переговорах в Кем-Дэвиде и Табе, вопреки мнению своей партии признал, что «Кемп-Дэвид вовсе не был упущенной прекрасной возможностью для палестинцев, и будь я сам палестинцем, я бы также отверг прозвучавшее там предложение»²³.

Есть и другие факторы, заставившие Тель-Авив после 2001 года отказаться от серьезных переговоров о мире, не менее весомые, чем подозрительное упрямство Арафата или стремление Шарона создать «великий Израиль». Один из них связан с расцветом израильской технологической экономики. В начале 1990-х экономическая элита Израиля стремилась к миру ради процветания, но после Осло ей удалось создать процветание иного рода, куда менее зависящее от мира, чем думали раньше. Когда Израиль занял свою нишу в глобальной экономике, оказалось, что он торгует информационными технологиями, а это значило, что для роста важнее посылать программы и микрочипы в Лос-Анджелес и Лондон, чем грузовые суда — в Бейрут и Дамаск. Для успеха в сфере технологий Израилю не требовалось дружбы с соседними арабскими государствами или прекращения оккупации территорий. Однако подъем экономики высоких технологий был только первым этапом в судьбоносной экономической трансформации Израиля. Второй этап наступил после краха доткомов в 2000 году, когда ведущим израильским компаниям пришлось думать о новой нише на глобальном рынке.

Поскольку экономика Израиля по удельному весу в ней технологий стояла на первом месте в мире, крах информационного рынка

²² McGreal C. *Deadly Thirst // Guardian*. London. 2004. January 13.

²³ Norman Finkelstein & Former Israeli Foreign Minister Shlomo Ben-Ami Debate // *Democracy Now!* 2006. February 14, www.democracynow.org.

ударил по этой стране сильнее всего. Все немедленно начало приходить в упадок, и в июне 2001 года аналитики предсказывали, что около 300 израильских фирм, работающих в сфере высоких технологий, должны обанкротиться, после чего последует увольнение десятков тысяч работников. Заголовок в тель-авивской деловой газете *Globes* утверждал, что 2002 год — это «наихудший год для израильской экономики после 1953 года»²⁴.

Как отмечает газета, единственной причиной, почему ситуация не ухудшилась до предела, было то, что израильское правительство в ответ быстро увеличило военные расходы на 10,7 процента, отчасти за счет сокращения социальных программ. Правительство также стремилось помочь технологической индустрии переключиться с информационных технологий и коммуникаций на безопасность и наблюдение. В тот период вооруженные силы Израиля играли роль инкубатора для бизнеса. Молодые израильские солдаты экспериментировали с устройствами для связи или наблюдения, проходя обязательную службу, а затем, после демобилизации, создавали на основе своего опыта бизнес-планы. Появилась масса новых проектов, таких как разработка систем поиска уличающей информации в базе данных, создание сети камер наблюдения или всестороннее исследование психологических особенностей террористов²⁵. И когда после 11 сентября для такой продукции молниеносно появился рынок, израильское государство открыто поддерживало новое направление национальной экономики: на смену буму информационных технологий должен прийти бум национальной безопасности. Это было идеальным сочетанием боевого духа партии «Ликуд» и радикальной приверженности экономике чикагской школы, и такое сочетание воплощали в себе министр финансов Шарона Беньямин Нетаньяху и новый шеф израильского центрального банка Стенли Фишер, который ранее как представитель МВФ руководил экспериментами по шоковой терапии в России и Азии.

К 2003 году положение экономики в Израиле удивительным образом поправилось, а в 2004 году страна производила впечатление чуда:

²⁴ По данным израильской деловой газеты *Globes*, с 2001 по 2003 год в Израиле наблюдалось «падение производства в целом на 8,5 процента на душу населения», что является крайне высоким показателем такого рода. *Klein Z. 2002 Worst Year for Israeli Economy Since 1953 // Globes. Tel Aviv. 2002. December 31; Sandler N. As If the Intifada Weren't Enough.*

²⁵ *Heller A., Bagnall J. After the Intifada: Why Israel's Tech Titans Are Challenging Canadian Entrepreneurs as a Global Force // Ottawa Citizen. 2005. April 28; Schwartz N.D. Prosperity without Peace.*

после глубокого упадка она просто опережала любую другую западную страну. И во многом этот рост объясняется тем, что Израиль своевременно начал позиционировать себя как ярмарку технологий безопасности. Правительства всего мира внезапно почувствовали острую необходимость обзавестись орудиями охоты на террористов, а также изучить практические навыки разведывательной работы в арабском мире. Израиль под руководством партии «Ликуд» представлял себя мировому сообществу как выставочный образец передового государства национальной безопасности, которое обрело бесценный опыт за те десятилетия, когда ему приходилось бороться с арабами и отражать угрозы со стороны мусульманского мира. Обращаясь к Северной Америке и Европе, Израиль откровенно заявлял: война против террора, которая у вас только что началась, нам знакома с самого рождения. Наши фирмы, занимающиеся высокими технологиями, и частные разведывательные компании покажут вам, как это делается.

Таким образом Израиль моментально стал «страной, в которую едут в поисках технологий борьбы с терроризмом», как о том писал журнал *Forbes*.²⁶ Начиная с 2002 года ежегодно тут проводились десятки крупных конференций по национальной безопасности, куда приезжали юристы, начальники полиции, шерифы и руководители компаний со всего мира, причем количество и масштаб подобных мероприятий все время возрастали. Опасности отпугнули многих обычных туристов, зато официальные посетители, приехавшие в рамках программ борьбы с террором, отчасти заполнили образовавшуюся пустоту.

В феврале 2006 года на одном из мероприятий такого рода, в рекламе которого стояли слова «борьба [Израиля] с терроризмом: путешествие за кулисы», представители ФБР, Microsoft, системы городского транспорта Сингапура и другие посещали самые популярные туристические места: Кнессет, Храмовую гору, Стену плача. И везде восхищенные посетители могли понаблюдать за надежной работой систем безопасности и подумать, что из этого можно применить у себя на родине. В мае 2007 года Израиль пригласил руководителей нескольких крупных американских аэропортов на семинар, посвященный выявлению опасных пассажиров и системе проверки, применяемой в тель-авивском Международном аэропорту Бен-Гуриона. Стивен Гроссмен, руководитель авиации Международного аэропорта Окленда (штат Калифорния), сообщил, что приехал сюда, «потому что израильская безопасность пользуется легендарной славой». Иногда эти

²⁶ Karlin S. Get Smart // *Forbes*. 2005. December 12.

мероприятия похожи на зловещие театральные представления. Так, на Международной конференции по национальной безопасности 2006 года израильские военные представили хорошо разработанную «имитацию массовой катастрофы, которая началась в городе Несс-Зиона, а закончилась в госпитале «Асаф а-Рофе», как о том сообщали организаторы²⁷.

Это не просто методические конференции, но прибыльные коммерческие демонстрации мастерства израильских фирм, работающих в сфере безопасности. В результате экспорт контртеррористической продукции из Израиля за 2006 год вырос на 15 процентов, предполагалось, что в 2007 году эта цифра должна вырасти до 20, что в сумме составляет 1,2 миллиарда долларов дохода. Оборонный экспорт из страны за 2006 год достиг рекордного уровня в 3,4 миллиарда долларов (в 1992 году он составлял 1,6 миллиарда), что позволяет поставить Израиль на четвертое в мире место по объему торговли оружием (тут он опережает Великобританию). В индексе Nasdaq Израиль по количеству своих технологических компаний — многие из них связаны с безопасностью — опережает все другие страны, и количество израильских патентов, зарегистрированных в США, превосходит сумму патентов Индии и Китая. На сегодня его технологический экспорт, преимущественно связанный с безопасностью, составляет 60 процентов всего экспорта из страны²⁸.

В журнале *Fortune* приведены слова Лена Розена, известного израильского банкира, занимающегося инвестициями: «Безопасность значит больше, чем мир». Во время переговоров в Осло, говорил он, «люди стремились к миру ради экономического роста. Теперь же они стремятся к безопасности, так что уровень насилия не влияет на этот рост»²⁹. Он мог бы пойти дальше и сказать: бизнес по созданию «безопасности» — для Израиля и всего мира — непосредственно связан со стремительным экономическим ростом Израиля за последние годы.

²⁷ Dagoni R. O'seas Cos, Gov'ts to Inspect Israeli Anti-Terror Methods // *Globes*. Tel Aviv. 2006. January 22; Winograd B. U.S. Airport Directors Study Tough Israeli Security Measures Ahead of Summer Travel // Associated Press. 2007. May 8; International Homeland Security Conference, 2006 // State of Israel, Ministry of Public Security. 2006. March 19, www.mops.gov.il.

²⁸ Heller A., Bagnall J. After the Intifada; Katz Y. Defense Officials Aim High at Paris Show // *Jerusalem Post*. 2007. June 10; Manor H. Israel in Fourth Place among Defense Exporters // *Globes*. Tel Aviv. 2007. June 10; Rodan S., Rosenfeld J. Discount Dealers // *Jerusalem Post*. 1994. September 2; Dorsch G. The Incredible Israeli Shekel, as Israel's Economy Continues to Boom // *The Market Oracle*. 2007. May 8, www.marketoracle.co.uk.

²⁹ Schwartz N.D. Prosperity without Peace.

И можно без преувеличения сказать, что индустрия войны против террора спасла экономику Израиля от спада, подобно тому как комплекс капитализма катастроф помог спасти глобальный рынок ценных бумаг.

Вот всего лишь несколько примеров, которые демонстрируют размах этой индустрии.

- Телефонный звонок в полицейское управление Нью-Йорка записывается и анализируется с помощью технологии, разработанной израильской фирмой Nice Systems. Та же система применяется полицией Лос-Анджелеса и компанией Time Warner, на ней же основана работа камер наблюдения в аэропорту Рональда Рейгана, ее используют и десятки других важных клиентов³⁰.
- В лондонском метро видеозапись ведется с помощью камер наблюдения Verint, разработанных огромной израильской технологической корпорацией Comverse. Устройства для наблюдения Verint применяются также в Министерстве обороны США, в Международном аэропорту Далласа в Вашингтоне, на Капитолийском холме и в метро Монреаля. Компания обслуживает клиентов из более 50 стран, а также помогает таким корпоративным монстрам, как Home Depot и Target, наблюдать за своими сотрудниками³¹.
- Работники Лос-Анджелеса и Колумбуса (штат Огайо) пользуются идентификационными карточками со встроенными микропроцессорами производства SuperCom, израильской компании, которая хвалится тем, что ее консультативный совет возглавляет бывший директор ЦРУ Джеймс Вулси. Одна европейская страна (название которой держат в секрете) заказала SuperCom национальную систему идентификационных карт, другая поручила ей осуществить пробную программу создания «биометрических паспортов»; оба этих проекта вызывают споры³².

³⁰ Там же; Nice Digital Video Surveillance Solution Selected by Ronald Reagan Washington National Airport // Nice Systems. Press release. 2007. January 29, www.nice.com; Time Warner (Charlotte), Success Stories // Nice Systems, www.nice.com.

³¹ Bagnall J. A World of Risk: Israel's Tech Sector Offers Lessons on Doing Business in the New Age of Terror // *Ottawa Citizen*. 2006. August 31; Draper E. Durango Office Keeps Watch in War on Terror // *Denver Post*. 2005. August 14.

³² SuperCom Signs \$50m National Multi Id Agreement with a European Country // SuperCom.

- Брандмауэр для компьютерных сетей некоторых крупнейших электроэнергетических компаний в Америке создан знаменитой израильской компанией Check Point, хотя эти корпорации просили не разглашать их названий. По данным Check Point, «89 процентов компаний из списка Fortune 500 используют нашу систему безопасности»³³.
- При подготовке к финалу Суперкубка 2007 года все работники Международного аэропорта в Майами прошли тренинг, где их учили выявлять «не только плохие предметы, но и плохих людей» с помощью психологической системы «Распознавание поведенческих моделей», разработанной израильской фирмой New Age Security Solutions. В список аэропортов, которые в последние годы нанимали New Age для обучения своих сотрудников, входят аэропорты Бостона, Сан-Франциско, Глазго, лондонский Хитроу и многие другие. Тренинг New Age прошли работники порта в дельте реки Нигер, где непрерывно возникают конфликты, а также сотрудники Министерства юстиции Голландии, охранники у Статуи Свободы и агенты Бюро по борьбе с терроризмом Управления полиции Нью-Йорка³⁴.
- Когда богатые обитатели новоорлеанского района Одубон после урагана «Катрина» решили, что им нужна собственная полиция, они наняли частную израильскую охранную фирму Instinctive Shooting International³⁵.
- Служащие Королевской конной полиции Монреаля и федеральной полицейской службы Канады прошли тренинг от International Security Instructors, компании из Вирджинии, которая занимается подготовкой солдат и стражей порядка. В рекламе компании, гордящейся своим «приобретенным дорогой ценой израильским опытом», говорится, что инструкторами тут работают «ветера-

Press release. 2006. September 19; City of Los Angeles to Deploy Supercom's IRMS Mobile Credentialing and Handheld Verification System // SuperCom. Press release. 2006. November 29; SuperCom Signs \$1.5m ePassport Pilot Agreement with European Country // SuperCom. Press release. 2006. August 14, www.supercomgroup.com.

³³ Facts at a Glance // Check Point, www.checkpoint.com.

³⁴ *Machlis D.* US Gets Israeli Security for Super Bowl // *Jerusalem Post*. 2007. February 4; Partial Client List / New Age Security Solutions, www.nasscorp.com.

³⁵ *Johnson K.* Mansions Spared on Uptown's High Ground // *USA Today*. 2005. September 12.

ны израильских частей особого назначения из... вооруженных сил Израиля, отделений по борьбе с терроризмом Национальной полиции Израиля и Общей службы безопасности («Шин бет»)). В круг элитных клиентов компании входят ФБР, Армия США, Морская пехота США, подразделение ВМС США «Морские котики» и полицейская служба лондонского метро³⁶.

- В апреле 2007 года агенты Министерства национальной безопасности США, занимающиеся иммиграцией и работающие на границе с Мексикой, прошли интенсивный восьмидневный курс тренинга компании Golan Group. Эта компания, основанная бывшими служащими израильского спецназа, гордится тем, что имеет более 3500 клиентов в семи странах. «Мы используем в работе главным образом хитрости, усвоенные в Израиле», — объяснял Томас Пэрсонс, директор-распорядитель компании, рассказывая об этом учебном курсе, куда входит широкий спектр навыков, таких как рукопашный бой, стрельба по мишеням или даже «проактивное использование внедорожников». Golan Group, сейчас работающая во Флориде, но все равно торгующая своими израильскими навыками, также производит рентгеновские устройства, металлоискатели и стрелковое оружие. Она обслуживает много правительственных учреждений и знаменитостей, а кроме того, к ее клиентам относятся ExxonMobil, Shell, Texaco, Levi's, Sony, Citigroup и Pizza Hut³⁷.
- Когда потребовалось установить новую систему безопасности в Букингемском дворце, была выбрана разработка Magal, одной из двух израильских компаний, которые играли основную роль в строительстве «стены безопасности»³⁸.
- Когда Boeing начала строить «виртуальное ограждение» на границах США с Мексикой и Канадой — систему из 1800 башен, снабженную электронными датчиками, беспилотными летательными аппаратами и камерами наблюдения, — ее важнейшим партнером стала Elbit, вторая израильская фирма из двух, сыгравших главную

³⁶ «About» and «Clients», www.isiusa.us.

³⁷ Golan Group Launches Rigorous VIP Protection Classes. Press release. 2007. April; Clients // Golan Group, www.golangroup.com.

³⁸ Schwartz N.D. Prosperity without Peace; Sandler N. Israeli Security Barrier Provides High-Tech Niche // *Engineering News-Record*. 2004. May 31.

роль в строительстве столь спорной «стены безопасности», которую называют «важнейшим строительным проектом за всю историю Израиля» и которая обошлась в 2,5 миллиарда долларов³⁹.

По мере того как все больше и больше стран превращаются в крепости (стены и ограды на основе высоких технологий возводятся на границах между Индией и Кашмиром, между Саудовской Аравией и Ираком, между Афганистаном и Пакистаном), «стены безопасности» могут стать основным товаром на рынке капитализма катастроф. Вот почему Magal и Elbit могут игнорировать общественное недовольство по поводу израильской «стены безопасности» по всему миру — фактически это является для них бесплатной рекламой. «Люди видят, что во всем мире только мы могли проверить эту технику в реальных условиях», — говорил руководитель Magal Якоб Евен-Эзра⁴⁰. Стоимость акций Magal и Elbit после 11 сентября выросла вдвое, и это обычное явление для ценных израильских бумаг, связанных с национальной безопасностью. Verint, которую зовут «прадедушкой видеонаблюдения», до 11 сентября была нерентабельной, но с 2002 по 2006 год стоимость ее акций выросла более чем в три раза благодаря буму вокруг наблюдения⁴¹.

Необычайное процветание израильских компаний, работающих в сфере национальной безопасности, хорошо известно всем, кто интересуется фондовым рынком, но его редко рассматривают как политический фактор. Отнюдь не случайно решение государства Израиль сделать «контртерроризм» основой экспортной экономики точно совпало с отказом от мирных переговоров, а также желанием представить конфликт с палестинцами не как борьбу против национального движения, имеющего конкретные требования относительно земли и прав, но как часть глобальной борьбы против террора — против иррациональных и фанатичных сил, которые жаждут чистого разрушения.

Разумеется, экономика не была первичным мотивом для эскалации насилия в регионе после 2001 года. Тут всегда хватало поводов для взаимной ненависти обеих сторон. Но на каких-то этапах экономика служила противовесом войне, она вынуждала упрямых поли-

³⁹ Hubler D. SBInet Trawls for Small-Business Partners // *Federal Computer Week*. 2006. October 2; Sandler N. Israeli Security Barrier Provides High-Tech Niche.

⁴⁰ Schwartz N.D. Prosperity without Peace.

⁴¹ Historical Prices // Elbit Systems Ltd. and Magal Security Systems Ltd. Yahoo! Finance, finance.yahoo.com; Wall B. Fear Factor // *International Herald Tribune*. Paris. 2006. January 28; Draper E. Verint Systems Emerges as Leader in Video Surveillance Market.

тиков вести мирные переговоры, как это было в начале 90-х. Однако бум по поводу безопасности и экономика начали толкать политиков в противоположную сторону, когда возник мощный сектор, основанный на непрерывном насилии.

И как это происходило и раньше, когда чикагская школа захватывала новые территории, чудовищно разросшийся в Израиле после 11 сентября сектор безопасности привел к резкой стратификации общества, к разделению на богатых и бедных внутри государства. Создание системы безопасности сопровождала волна приватизации при снижении расходов на социальные программы, и это в буквальном смысле упразднило наследие рабочего сионистского движения и породило всеобщее неравенство, которого израильтяне никогда раньше не знали. В 2007 году 24,4 процента израильтян жили за чертой бедности, в том числе среди бедных оказалось 35,2 процента от всех детей страны — 20 лет назад эта цифра для детей составляла 8 процентов⁴². И хотя плоды экономического бума пожинает не все общество, оно сделало крайне богатыми малую часть израильтян, которые естественным образом внедряются и в армию, и в правительство (со всеми привычными в подобных случаях корпоративными скандалами), так что это губит всякую надежду на мирное решение конфликтов.

Изменение ориентации израильских деловых кругов было крайне резким. На тель-авивской бирже уже мечтают превратить Израиль не в центр региональной торговли, но в крепость будущего, способную устоять даже перед натиском океана решительных врагов. Эту новую установку ярко отражают события лета 2006 года, когда израильское правительство превратило рядовые переговоры с «Хезболлой» по поводу обмена пленными в полномасштабную войну. Крупнейшие израильские корпорации не просто поддерживали эту войну — они ее спонсировали. Недавно приватизированный огромный банк Leumi раздавал наклейки на бамперы с лозунгами: «Мы победим!» и «Мы сильны!», а израильский журналист и романист Ицхак Лаор в те дни писал: «Нынешняя война — первая война, которая дала шанс развернуться одной из наших крупнейших компаний сотовой связи, устроившей себе в этих условиях рекламную кампанию»⁴³.

⁴² Friedman T.L. Outsource the Cabinet? // *New York Times*. 2007. February 28; Eglash R. Report Paints Gloomy Picture of Life for Israeli Children // *Jerusalem Post*. 2006. December 28.

⁴³ Katzman K. Some Stories You May Not Have Heard // Report to the Jewish Federation of Greater Washington, www.shalomdc.org; Laor Y. You Are Terrorists, We Are Virtuous // *London Review of Books*. 2006. August 17.

Нет сомнений, что у израильской экономики уже не было причин бояться войны. В отличие от 1993 года, когда вооруженные конфликты воспринимали как угрозу росту, активность тель-авивской биржи возросла в августе 2006 года — в тот самый месяц, когда в Ливане шла опустошительная война. В последнем квартале этого года, когда после победы «Хамаса» на выборах на Западном берегу и в Газе произошли кровавые стычки, общий экономический рост Израиля составил 8 процентов, что в три раза превышает экономический рост США за тот же период. Между тем экономика Палестины за 2006 год сократилась на 10—15 процентов, а уровень бедности приблизился к 70 процентам⁴⁴.

Спустя месяц после того, как ООН объявила о прекращении огня между Израилем и «Хезболлой», Нью-Йоркская биржа созвала конференцию по проблемам инвестиций в экономику Израиля. На нее собрались представители более 200 израильских фирм, многие из этих фирм действовали в секторе национальной безопасности. В тот момент в Ливане экономическая активность приближалась к нулю и около 140 предприятий, производящих различную продукцию — детали для строительства домов, лекарства или молоко, — занимались разбором руин после израильских бомбардировок. Однако, несмотря на войну, на встрече в Нью-Йорке царил деловой энтузиазм. «Израиль открыт для бизнеса — и всегда был открыт для бизнеса», — заявил представитель Израиля в ООН Дан Гиллерман, открывая собрание⁴⁵.

Всего 10 лет назад подобный энтузиазм во время войны невозможно было себе представить. В те годы именно Гиллерман, возглавлявший Федерацию израильских торговых палат, призывал Израиль стать «ближневосточным Сингапуром». Теперь же он превратился в одного из самых яростных израильских «ястребов» и призывал к еще более жестоким мерам. Гиллерман заявил на канале CNN: «Возможно, не слишком политически корректно и не совсем верно будет утверждать, что все мусульмане — террористы, но очень близко к истине

⁴⁴ TASE Main Indicators // Tel Aviv Stock Exchange Ltd. 2006. August 31, www.tase.co.il; Friedman T.L. Outsource the Cabinet?; GDP Growth Figure Slashed // *Los Angeles Times*. 2007. March 1; Myre G. Amid Political Upheaval, Israeli Economy Stays Healthy // *New York Times*. 2006. December 31; West Bank and Gaza Update. 2006. September // World Bank Group, www.worldbank.org.

⁴⁵ Lerner S. Israeli Companies Shine in Big Apple // *Jerusalem Post*. 2006. September 17; Habib O. Labor Minister Says War Led to Huge Jump in Number of Unemployed // *Daily Star*. Beirut. 2006. October 21.

то, что почти все террористы — мусульмане. Поэтому это не просто война Израиля. Это война всего мира»⁴⁶.

Это тот же самый рецепт войны мирового масштаба, который после 11 сентября предложила администрация Буша и который обещал процветание зарождавшемуся комплексу капитализма катастроф. Эту войну не сможет выиграть ни одна страна, но победа тут и не цель. Целью же всего этого является поддержание «безопасности» внутри страны-крепости, чему способствуют бесконечно кипящие за ее стенами конфликты относительно малого масштаба. В каком-то смысле к этому же стремятся работающие на безопасность частные компании в Ираке: обезопасить малую территорию, защищать клиента. Багдад, Новый Орлеан и Сэнди-Спрингс позволяют заглянуть в будущее огражденных поселений, построенных и управляемых комплексом капитализма катастроф. Но именно Израиль пошел по этому пути дальше других стран: вся страна превратилась в надежно огражденное поселение, окруженное людьми-изгоями, живущими в замкнутом пространстве вечной «красной зоны». Вот каким становится общество, когда оно теряет экономические стимулы к мирной жизни, вкладывает огромные средства в борьбу и получает доходы от бесконечной войны против террора, в которой невозможно победить. Одна его часть похожа на Израиль, вторая — на Газу.

Израиль — это крайний случай, но подобного рода общества могут возникнуть и в других местах. Комплекс капитализма катастроф питается благодаря изнурительным конфликтам малой интенсивности. Этим может закончиться развитие любой зоны катастрофы, от Нового Орлеана до Ирака. В апреле 2007 года военные приступили к осуществлению плана по превращению нескольких нестабильных кварталов Багдада в закрытые поселения, окруженные контрольно-пропускными пунктами и бетонными стенами, где за иракцами будут следить с помощью биометрических технологий. «Теперь мы превратимся в палестинцев», — предсказал один из обитателей Адамии, наблюдая, как вокруг соседнего квартала строят ограждение⁴⁷. Когда стало ясно, что Багдад никогда не станет Дубаем, а Новый Орлеан — Диснейлендом, в действие вступил план Б: сделать из них новую Колумбию или Нигерию, с бесконечными сражениями, которые в основном ведут частные солдаты и полувоенные, когда эти битвы лишь

⁴⁶ Интервью с Даном Гиллерманом 14 июля 2006 года // *CNN: Lou Dobbs Tonight*.

⁴⁷ *Brulliard K. «Gated Communities» for the War-Ravaged // Washington Post. 2007. April 23; Yates D. Baghdad Wall Sparks Confusion, Divisions in Iraq // Reuters. 2007. April 23.*

слегка приглушают для того, чтобы можно было добывать полезные ископаемые из земли под охраной наемников, поддерживающих безопасность вокруг нефтяных скважин, транспорта и источников воды.

Очень часто милитаризованные гетто Газы и Западного берега реки Иордан, окруженные бетонными стенами, электрифицированными ограждениями и контрольно-пропускными пунктами, сравнивают с системой для народа банту в Южной Африке, где черные жили в гетто, для выхода из которого требовался пропуск. «Законы и практические мероприятия Израиля на ОПТ [оккупированных палестинских территориях] определенно напоминают некоторые аспекты апартеида», — сказал в феврале 2007 года южноафриканский юрист Джон Дугард, специальный докладчик ООН по проблемам прав человека на палестинских территориях⁴⁸. Это удивительное сходство, хотя тут есть и некоторые особенности. Поселения банту в Южной Африке по сути были трудовыми лагерями, которые позволяли контролировать черных, чтобы обеспечить шахты дешевой рабочей силой. Израиль же создал систему с противоположной целью: оградить рабочих от их работы, посадить в загон, куда попадают миллионы лишних людей.

В эту категорию попадают не только палестинцы: миллионы русских стали лишними в собственной стране, из-за чего многие покинули родину в надежде найти работу и обрести достойную жизнь в Израиле. И хотя старая система угнетения банту в Южной Африке прекратила существование, один из четырех людей, живущих в трущобах, также является лишним в новой неолиберальной Южной Африке, а трущобы там постоянно растут⁴⁹. Такого рода устранение от 25 до 60 процентов населения из экономической жизни было фирменной маркой чикагской школы с того момента, как «деревни убогих» начали расти в Южном полушарии в 70-х. В Южной Африке, России и Новом Орлеане богатые окружили себя стенами. Израиль зашел в этом дальше — он выстроил стены вокруг опасных бедняков.

⁴⁸ *McCarthy R. Occupied Gaza like Apartheid South Africa, Says UN Report // Guardian. London. 2007. February 23.*

⁴⁹ *Wines M. Shantytown Dwellers in South Africa Protest the Sluggish Pace of Change.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

УСТРАНЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ШОКА:

НАРОД БЕРЕТ ВОССТАНОВЛЕНИЕ В СВОИ РУКИ

Я хочу сказать вам, мои индейские братья, собравшиеся здесь, в Боливии, что 500-летняя борьба не была напрасной. Сегодняшняя демократическая общественная борьба — это продолжение борьбы наших предков, борьбы [народного предводителя борьбы с колониализмом] Тупака Катари, продолжение борьбы Че Гевары.

Эво Моралес, после инаугурации в качестве президента Боливии, 22 января 2006 г.¹

Народ знает лучше. Люди знают каждый участок своего района, они знают все мельчайшие подробности жизни своего сообщества. Они также знают и свои слабые места.

Пишит Ратакул, исполнительный директор Азиатского центра готовности к катастрофам, 30 октября 2006 г.²

Люди этого района отстраивали город дважды. Днем они строили дома богатых, а ночью и по выходным все вместе мы строили наши собственные дома, наш квартал.

Андрес Антильяно, житель Каракаса, 15 апреля 2004 г.³

¹ *Forero J.* Bolivia Indians Hail the Swearing in of One of Their Own as President // *New York Times*. 2006. January 23.

² *Kerr T.* People's Leadership in Disaster Recovery: Rights, Resilience and Empowerment. Phuket disaster seminar. 2006. October 30 — November 3 // Asian Coalition for Housing Rights, Phuket City, www.achr.net.

³ Антильяно — член земельного комитета района Ла Вега около Каракаса. *Hablemos del Poder // Talking of Power*. Documentary directed by Nina López, produced by Global Women's Strike, 2005, www.globalwomenstrike.net.

Когда в ноябре 2006 года умер Милтон Фридман, многие из его последователей почувствовали тревогу, как будто его смерть была знаком конца его эпохи. Теренс Коркорен, один из самых преданных учеников Фридмана, выразил в канадской газете *National Post* свои сомнения насчет того, сможет ли продолжаться глобальное движение, созданное этим экономистом. «Фридман, последний лев экономики свободного рынка, — писал Коркорен, — оставил после себя пустоту... Из живущих ныне людей никто не способен занять его место. Смогут ли принципы, которые Фридман сформулировал и за которые боролся, сохраниться и далее при отсутствии нового поколения надежных харизматических интеллектуальных вождей? Трудно ответить на этот вопрос»⁴.

Делая свои мрачные прогнозы, Коркорен не упоминал о положении дел безграничного капитализма на тот момент. Интеллектуальные наследники Фридмана в США, неоконсерваторы, создавшие комплекс капитализма катастроф, переживали самый трудный период за всю историю своего существования. Это движение добилось величайшего успеха в тот момент, когда в 1994 году республиканцы одержали победу в Конгрессе; всего за девять дней до смерти Фридмана они пережили поражение и их вытеснили демократы. Поражение республиканцев на промежуточных выборах 2006 года объясняется тремя основными причинами: коррупцией среди политиков, ошибочными действиями в связи с войной в Ираке и ощущением, которое лучше всех выразил победивший демократический кандидат в сенаторы Джим Вебб, сказавший, что страна превращается «в классовое общество, подобного которому мы не знали с XIX века»⁵. И каждая из этих трех причин прямо связана с ключевыми принципами экономики чикагской школы: с приватизацией, отказом от государственного регулирования и контроля и сокращением расходов на правительственные программы.

В 1976 году Орландо Летельер, ставший одной из первых жертв этой контрреволюции, утверждал, что великое неравенство доходов, появившееся в Чили благодаря деятельности «чикагских мальчиков», вовсе не было «экономической необходимостью, но временным политическим достижением». По мнению Летельера, правила «свободного рынка» при диктатуре делали именно то, на что и были изначально рассчитаны: они не порождали гармоничную экономику,

⁴ Corcoran T., Free Markets Lose Their Last Lion // *National Post*. Toronto. 2006. November 17.

⁵ Webb J. Class Struggle // *Wall Street Journal*. 2006. November 15.

но превращали уже богатых людей в чрезвычайно богатых, а организованный рабочий класс — в бедняков. И такая же стратификация возникала везде, где побеждала идеология чикагской школы. Так, в Китае, несмотря на поразительный экономический рост, разрыв в уровне доходов горожан и 800 миллионов бедных сельских жителей за последние 20 лет увеличился в два раза. В 1970 году в Аргентине 10 процентов самых богатых людей имели доходы в 12 раз больше, чем 10 процентов самых бедных, к 2002 году они начали получать в 43 раза больше. Так «политический успех» Чили получил распространение в глобальных масштабах. В декабре 2006 года, через месяц после смерти Фридмана, одно исследование ООН показало, что «два наиболее обеспеченных процента населения земного шара владеют более чем половиной всех богатств». Это изменение особенно ярко проявляется в США, где в 1980 году, когда Рейган начал осуществлять программу Фридмана, руководители компаний получали в 43 раза больше, чем средний работник. К 2005 году руководители получали в 411 раз больше. Для этой группы людей контрреволюция, родившаяся в подвалах университета общественных наук в 1950-х, действительно обернулась успехом, но за эту победу пришлось заплатить — люди повсеместно утратили веру в основное обещание идеологов свободного рынка, которые говорили, что богатство возрастет и его поделят между всеми членами общества. Как говорил Вебб во время предвыборной кампании, «экономика “просачивания благ сверху” оказалась неработоспособной»⁶.

Как мы могли видеть, подобное накопление богатства крохотной группой людей не происходило мирным путем, а часто не было и законным процессом. Коркорен справедливо задавался вопросом о нынешних лидерах движения, однако этот вопрос отнюдь не сводится к тому, что в мире не осталось экономистов, которых можно по масштабу сравнить с Фридманом. Проблема заключалась в том, что многих предводителей движения за свободный рынок во всем мире постоянно сопровождали удивительные скандалы и уголовные дела, начиная от первых экспериментов в лабораториях Латинской Америки и кончая недавними событиями в Ираке. Программу чикагской школы

⁶ York G. Beijing to Target Rural Poverty // *Globe and Mail*. Toronto. 2006. March 6; Rohter L. A Widening Gap Erodes Argentina's Egalitarian Image // *New York Times*. 2006. December 25; Pioneering Study Shows Richest Two Percent Own Half World Wealth. 2006. December 5 // World Institute for Development Economics Research. Press release, www.wider.unu.edu; Anderson S. et al. Executive Excess 2006; Webb J. Class Struggle.

на протяжении последних 35 лет осуществлял тесный союз, состоящий из властных дельцов, ревностных идеологов и сильных политических лидеров. К 2006 году ключевые фигуры каждого из этих лагерей находились за решеткой либо преследовались по суду.

Аугусто Пиночет, первый политический лидер, который реализовал шоковую программу Фридмана, тогда находился под домашним арестом (он умер, не дождавшись суда по обвинениям как в коррупции, так и в убийствах). На другой день после смерти Фридмана полиция Уругвая арестовала Хуана Марию Бордаберри по обвинению в убийстве четырех известных лидеров левого движения в 1976 году. Бордаберри правил Уругваем в период жестокого навязывания экономики чикагской школы, его советниками служили главные коллеги и ученики Фридмана. Суды Аргентины лишили бывших вожаков хунты неприкосновенности, в результате чего к пожизненному заключению были приговорены бывший президент страны Хорхе Видела и адмирал Эмилио Массера. Доминго Кавальо, глава центрального банка при диктатуре, который осуществлял масштабную программу шоковой терапии в условиях демократии, также был обвинен в «мошенничестве в сфере распределения общественных средств». Сделка Кавальо с иностранными банками в 2001 году обошлась стране в 10 миллиардов долларов, и судья, отдавший распоряжение заморозить личную собственность Кавальо на сумму в 10 миллионов, утверждал, что администрация действовала, «прекрасно осознавая», какой ущерб наносят стране ее решения⁷.

В Боливии по обвинению в нескольких преступлениях, включая расстрел демонстрантов и заключение контрактов с иностранными газовыми компаниями, которые нарушали законы страны, разыскивается бывший президент Гонсало Санчес де Лосада — тот самый человек, в доме которого была создана экономическая «атомная бомба»⁸. Что касается России, обвинения в мошенничестве были выдвинуты не только против людей из Гарварда, но и против многих русских олигархов, известных бизнесменов, заработавших миллиарды на молниеносной приватизации, осуществлять которую помогала гарвардская команда, в результате чего олигархи либо оказались за решеткой,

⁷ *Garces R. Former Uruguayan Dictator Arrested // Associated Press. 2006. November 17; Argentine Judge Paves Way for New Trial of Ex-Dictator Videla // Agence France-Presse. 2006. September 5; Former Argentine Leader Indicted for 2001 Bond Swap // MercoPress. 2006. September 29, www.mercopress.com.*

⁸ *Former Latin American Leaders Facing Legal Troubles // Miami Herald. 2007. January 18.*

либо покинули страну. Михаил Ходорковский, ранее возглавлявший огромную нефтяную компанию ЮКОС, приговорен к восьмилетнему тюремному заключению и находится в Сибири. Его коллега и важнейший акционер Леонид Невзлин скрывается в Израиле, как и олигарх из того же круга Владимир Гусинский; печально известный Борис Березовский обосновался в Лондоне и лишен возможности вернуться в Москву в связи с угрозой ареста по обвинению в мошенничестве, хотя все эти люди отрицают свою вину⁹. Конрад Блек, который благодаря своей связи с сетью газет был самым влиятельным проводником идеологии Фридмана в Канаде, обвинен со стороны США в обмане акционеров компании Hollinger International, с которой он, по словам обвинителей, обращался как «с персональным банком Конрада Блека». В Соединенных Штатах в июле 2006 года скончался Кен Лэй из Enron — его имя постоянно упоминают, когда говорят об опасных последствиях отмены регулирования энергетики, — обвиненный в преступном сговоре и мошенничестве. А Грувер Норквист, известный интеллектуал и последователь Фридмана, автор знаменитой фразы, от которой у прогрессивных людей волосы вставали дыбом: «Я не сторонник отмены правительства. Я просто хочу его уменьшить в размерах, чтобы оно могло поместиться у меня в ванной и я мог спустить его в канализацию», — оказался замешан в скандале вокруг вашингтонского лоббиста Джека Абрамоффа, хотя обвинение против Норквиста не было выдвинуто¹⁰.

И хотя все эти люди, от Пиночета до Кавальо и от Березовского до Блека, утверждают, что стали жертвами незаконных политических преследований, этот далеко не полный список дает совершенно иную картину, несколько не похожую на официальный миф о возникновении неолибералов. Экономический крестовый поход по мере своего продвижения подавался в обертке респектабельности и уважения к законам. Публика могла увидеть, что за таким прикрытием скрывалась система великого имущественного неравенства, которая вводилась с помощью самых откровенных и вопиющих преступлений.

Кроме проблем с законом возникла еще одна. Действие шока, которое играло столь важную роль в создании иллюзии идеологическо-

⁹ Osborn A. The A—Z of Oligarchs // *Independent*. London. 2006. May 26.

¹⁰ Waldie P. Hollinger: Publisher or «Bank of Conrad Black»? // *Globe and Mail*. Toronto. 2007. February 7; Political Activist Grover Norquist // *National Public Radio Morning Edition*. 2001. May 25; Weisman J. Powerful GOP Activist Sees His Influence Slip Over Abramoff Dealings // *Washington Post*. 2006. July 9.

го консенсуса, начало испаряться. Родольфо Вальш, одна из первых жертв чикагского крестового похода, рассматривал его торжество в Аргентине как временный регресс, а не как продолжительную победу. Террор хунты поверг страну в состояние шока, но Вальш знал, что шок по самой своей природе является временным состоянием. И перед своей гибелью от пули на улице Буэнос-Айреса Вальш предсказал, что аргентинцам понадобится 20—30 лет, пока не окончится воздействие террора, и затем они снова встанут на ноги, исполнятся смелости и веры в себя и будут готовы снова сражаться за экономическое и социальное равенство. В 2001 году, 24 года спустя, Аргентина действительно снова начала протестовать против жестоких мероприятий, навязанных МВФ, и всего за три недели вынудила уйти в отставку пятерых президентов.

В этот период я была в Буэнос-Айресе и могла видеть, как люди кричат: «Сегодня диктатура закончилась!» Тогда я не понимала смысла этого торжества, поскольку со дня окончания диктатуры уже прошло более 17 лет. Теперь же я это понимаю: оцепенение шока прошло, как это предсказывал Вальш.

В последующие годы сопротивление шоку получило широкое распространение и в других странах, где проводили экономические эксперименты: в Чили, Боливии, Китае, Ливане. И когда люди избавляются от коллективного страха, который несли с собой танки и пытки электричеством, внезапное перемещение капитала или резкое сокращение социальных расходов, многие из них начинают требовать больше демократии и более полного контроля над рынком. Подобные требования являются самой серьезной угрозой наследию Фридмана, потому что ставят под вопрос его основной тезис, что капитализм и свобода — это две части одного неделимого проекта.

Администрация Буша настолько упорно продолжает поддерживать этот ложный союз, что в 2002 году включила в Стратегию национальной безопасности Соединенных Штатов Америки следующий пункт: «Величайшие битвы двадцатого столетия между свободой и тоталитаризмом закончились решительной победой сил свободы — победой единственной устойчивой модели успеха страны, которая сводится к свободе, демократии и свободному предпринимательству»¹¹. Это утверждение, подкрепленное всей военной мощью США, не помешало многочисленным гражданам, использующим разные формы своей

¹¹ *Bush G.W.* The National Security Strategy of the United States. 2002. September, www.whitehouse.gov.

свободы, отказываться от признания ортодоксии свободного рынка — даже в Соединенных Штатах. Как говорил заголовок в газете *Miami Herald* после промежуточных выборов 2006 года, «демократы побеждают благодаря противостоянию идеям свободной торговли». По данным опроса, проведенного газетой *New York Times* совместно с CBS несколько месяцев спустя, 64 процента граждан США считают, что государство должно покрывать расходы на здравоохранение для всех, и «продемонстрировали решительную готовность... пойти на компромиссы» ради достижения этой цели, включая выплату дополнительных 500 долларов в год в виде налогов¹².

Если же говорить обо всем мире, то твердые противники неолиберальной экономики побеждают на одних выборах за другими. Президент Венесуэлы Уго Чавес, использовавший в своей предвыборной кампании программу «социализма XXI века», в 2006 году был выбран на третий срок, набрав 63 процента голосов. Несмотря на попытки администрации Буша представить Венесуэлу псевдodemократической страной, опрос в том же году показал, что 57 процентов венесуэльцев удовлетворены положением своей демократии. Это ставит Венесуэлу по уровню одобрения на второе место в Латинской Америке после Уругвая, где правительство сформировала коалиционная партия левых «Френте амплио», а серия референдумов сорвала планы проведения масштабной приватизации¹³. Другими словами, в двух государствах Латинской Америки, где результаты голосования стали реальным вызовом для «вашингтонского консенсуса», граждане обрели новую веру в способность улучшить свою жизнь демократическим путем. От этого энтузиазма резко отличается положение в тех странах, где экономическая программа остается прежней, несмотря на любые обещания, данные во время предвыборной кампании. Тут опросы показывают устойчивое снижение веры в демократию, и это проявляется в неявке на выборы, глубоко циничном отношении к политикам и подъеме религиозного фундаментализма.

Столкновения между свободным рынком и свободными людьми происходили также и в Европе в 2005 году, где на референдумах двух стран граждане отвергли Конституцию Евросоюза. Во Франции этот документ был воспринят как кодекс корпоративного порядка. Это

¹² Bussey J. Democrats Won Big by Opposing Free-Trade Agreements // *Miami Herald*. 2006. November 20; Toner R., Elder J. Most Support U.S. Guarantee of Health Care // *New York Times*. 2007. March 2.

¹³ Latinobarometro Report. 2006 // Corporaciyn Latinobarometro, www.latinobarometro.org.

был первый случай, когда граждан прямо попросили ответить на вопрос, желают ли они, чтобы в Европе воцарился свободный рынок, и они использовали этот шанс, сказав свое «нет». Парижская активистка и писательница Сюзан Жорж по этому поводу писала: «Люди не знали, что вся Европа описана в одном-единственном документе, вся сводится к нему... Как только начинаешь его цитировать и люди понимают, что это такое на самом деле, и узнают, что это вступит в силу как необратимый и не подлежащий изменению закон, они начинают испытывать смертельный ужас»¹⁴.

Решительное отвержение «дикарского капитализма», как его называют французы, принимает разные формы, в том числе реакционные или окрашенные расизмом. В США злость по поводу сокращения численности среднего класса с легкостью оборачивается призывом строить ограждения — это позволяет Лу Доддсу вести на CNN ежевечернюю кампанию против «вторжения нелегальных чужаков», которые «ведут войну против американского среднего класса» — крадут у него работу, распространяют преступность, а также сеют вокруг себя «крайне заразные болезни».¹⁵ (Такого рода поиск козлов отпущения породил крупнейшую в истории США волну протестов со стороны иммигрантов, когда в серии демонстраций в 2006 году участвовало более миллиона людей — еще один знак отсутствия страха со стороны жертв экономического шока.)

Подобным образом в Голландии референдум 2005 года по поводу Конституции Евросоюза использовали партии, борющиеся против иммиграции, так что он стал голосованием не столько против корпоративного порядка, сколько против массы торговцев из Польши, наводнивших Западную Европу, из-за которых снижаются заработные платы. Многие участники референдумов как во Франции, так и в Голландии руководствовались так называемым страхом перед «польским водопроводчиком», или «фобией водопроводчиков», по словам бывшего комиссара по торговле Евросоюза Паскаля Лами¹⁶.

Тем временем в Польше негативное отношение к экономическим мероприятиям, породившим всеобщую нищету в 90-х, вызвало к жизни ряд мучительных фобий. Когда «Солидарность» предала рабочих,

¹⁴ George S., Wesselius E. Why French and Dutch Citizens Are Saying NO. 2005. May 21 // Transnational Institute, www.tni.org.

¹⁵ Dobbs L. CNN: Lou Dobbs Tonight. 2005. April 14; CNN: Lou Dobbs Tonight. 2006. June 23.

¹⁶ Arnold M. Polish Plumber Symbolic of all French Fear about Constitution // *Financial Times*. London. 2005. May 28.

создавших это движение, многие поляки от нее отвернулись и в итоге проголосовали за ультраконсервативную партию «Закон и порядок», которая и пришла к власти. Теперь страной управляет президент Лех Качиньский, разочаровавшийся активист «Солидарности», который, будучи мэром Варшавы, прославился тем, что запретил проведение гей-парада — марша «гордости нормальных людей»¹⁷. У Качиньского есть брат-близнец Ярослав (теперь премьер-министр), вместе с которым они победили на выборах 2005 года, и в своей предвыборной кампании братья широко пользовались риторическими атаками на программу чикагской школы. Их основные соперники обещали упразднить государственную систему пенсий и ввести 15-процентный налог по единой ставке — в полном соответствии со сценариями Фридмана. Близнецы утверждали, что подобные мероприятия будут грабежом бедных и обогатят лишь горстку крупных дельцов и продажных политиков. Тем не менее, когда партия «Закон и порядок» пришла к власти, она избрала для себя более удобные мишени: гомосексуалистов, евреев, феминисток, иностранцев, коммунистов. Один редактор польской газеты писал по этому поводу: «Их программа — это, без сомнения, обвинительный акт последним семнадцати годам жизни Польши»¹⁸.

В России многие видят в эпохе правления Путина подобную реакцию против эпохи шоковой терапии. Поскольку десятки миллионов разорившихся граждан все еще исключены из участия в быстро растущей экономике, политикам несложно управлять общественным мнением относительно событий начала 90-х, которые часто описывают как заговор иностранцев с целью поставить советскую империю на колени и подчинить Россию «внешнему контролю»¹⁹. Хотя преследование некоторых олигархов со стороны закона при Путине носило преимущественно символический характер — учитывая подъем нового поколения «государственных олигархов» вокруг Кремля, — память о хаосе 90-х заставляет многих россиян испытывать благодар-

¹⁷ Такого рода предрассудки характерны не только для Польши. В марте 2007 года мэр Лондона Кен Ливингстон предупреждал об опасности «сильной реакции против движения за права лесбиянок и геев по всей Восточной Европе».

¹⁸ Curry A. The Case Against Poland's New President; Halliday F. Warsaw's Populist Twins // *OpenDemocracy*. 2006. September 1, www.opendemocracy.net; Traynor I. After Communism: Ambitious, Eccentric — Polish Twins Prescribe a Dose of Harsh Reality // *Guardian*. London. 2006. September 1; Livingstone K. Facing Phobias // *Guardian*. London. 2007. March 2.

¹⁹ Anderson P. Russia's Managed Democracy // *London Review of Books*. 2007. January 25.

ность Путину за восстановление порядка, хотя при нем журналисты и критики режима умирают от загадочных причин, а спецслужбы, по видимому, пользуются полной безнаказанностью.

Поскольку социализм все еще пробуждает ассоциации с десятилетиями жестокостей во имя идеалов, раздражение общества реализуется преимущественно в таких вариантах, как национализм и неофашизм. Количество случаев насилия на этнической почве ежегодно растет на 30 процентов, и в 2006 году подобные события фиксировались почти ежедневно. Лозунг «Россия для русских!» поддерживает около 60 процентов населения²⁰. «Власти прекрасно понимают, что их социальная и экономическая политика совершенно неспособна обеспечить приемлемые условия для большинства населения», — сказал Юрий Вдовин, деятель антифашистского движения. Тем не менее «все неудачи единодушно приписывают присутствию чужих людей не той веры, не того цвета кожи или этнического происхождения»²¹.

Есть горькая ирония в том, что, когда России и странам Восточной Европы прописывали шоковую терапию, ее мучения часто оправдывали тем, что это — единственный способ предотвратить повторение Веймарской Германии, приведшей к становлению нацизма. Несправедливое исключение десятков миллионов людей из нормальной жизни идеологией свободного рынка породило подобное взрывоопасное положение — гордый народ, которому кажется, что его унижают иностранцы, жаждет восстановить свою национальную гордость, нападая на самых незащищенных людей.

В Латинской Америке — первоначальной лаборатории чикагской школы — обратная реакция приобретает иные формы, которые вселяют куда больше надежд. Она направлена не на слабых и ранимых, но непосредственно на идеологию, лежащую в основе вытеснения людей из экономических процессов. И в отличие от России и стран Восточной Европы, латиноамериканцы с энергичным энтузиазмом берутся за идеи, которые не удалось реализовать в прошлом.

Несмотря на заявление администрации Буша о том, что XX столетие закончилось «решительной победой» свободного рынка над любыми формами социализма, многие латиноамериканцы прекрасно понима-

²⁰ *Radyuhin V.* Racial Tension on the Rise in Russia // *The Hindu*. 2006. September 16; *Russian Federation: Violent Racism Out of Control*. 2006. May 4 // Amnesty International, www.amnesty.org.

²¹ *Womack H.* No Hiding Place for Scared Foreigners in Racist Russia // *Sydney Morning Herald*. 2006. May 6.

ют, что в странах Восточной Европы и Азии произошел крах именно авторитарной версии коммунизма. Демократический социализм, при котором не только социалистические партии приходят к власти путем выборов, но и существуют демократические формы управления предприятиями и земельными владениями, показал свою работоспособность во многих регионах, от Скандинавии до эффективной традиционной кооперативной экономики в районе Эмилия-Романья в Италии. Именно такую комбинацию демократии и социализма пытался осуществить Альенде в Чили в 1970—1973 годах. Горбачев мечтал о подобной, хотя и не столь радикальной, модели для Советского Союза, который он думал превратить в «путеводную звезду социализма» по скандинавскому образцу. Хартия Свободы, вдохновлявшая народ на длительную борьбу за освобождение Южной Африки, также была одним из вариантов третьего пути: это не государственный коммунизм, но рынок, существующий параллельно с национализацией банков и природных ископаемых, доход от которых позволяет строить удобные жилые дома и достойные школы, это экономическая и политическая демократия. Рабочие, основавшие в 1980 году «Солидарность», призывали бороться не с социализмом, но за него, чтобы в итоге победившие рабочие могли сами руководить работой своих предприятий и своей страны демократическим путем.

Неолиберальная эра хранит в себе один грязный секрет: эти идеи проиграли не в результате открытого состязания в дискуссиях и не потому, что их не поддержали избиратели. Их грубо отбросили из соображений политической конъюнктуры. Когда люди начинали за них активно бороться, на них обрушивалось насилие — в виде танков Пиночета, Ельцина и Дэна Сяопина. Иногда же их предавали с помощью «вуду-политики», если воспользоваться выражением Джона Уилльямсона: так действовала тайная экономическая команда боливийского президента Виктора Паса Эстенсоро после его выборов (на фоне массового задержания профсоюзных лидеров); или представители АНК, тайно предавшие на переговорах Хартию Свободы ради секретной экономической программы Табо Мбеки; или уставшие лидеры «Солидарности», согласившиеся после выборов подчиниться шоковой терапии в обмен на денежную помощь. Именно потому, что мечта об экономическом равенстве настолько популярна и ее так трудно опровергнуть в честном сражении, приходилось использовать доктрину шоковой терапии.

Вашингтон всегда видел в демократическом социализме более опасного соперника, чем тоталитарный коммунизм — последний

было куда легче дискредитировать и превратить в удобного врага. В 1960—1970-х годах для борьбы с опасной популярностью девелопментализма и демократического социализма обычно применялась одна излюбленная тактика: их приравнивали к сталинизму, намеренно игнорируя отличительные черты этих мировоззрений. (Сегодня с той же целью всякую оппозицию обвиняют в терроризме.) Яркий пример такой тактики дают рассекреченные документы, относящиеся к первым дням чикагского крестового похода в Чили. Хотя пропагандисты, финансируемые ЦРУ, изображали Альенде как диктатора советского типа, истинные опасения Вашингтона по поводу победы Альенде на выборах раскрывает служебная записка Генри Киссинджера для Никсона: «Успех на выборах марксистского правительства в Чили, безусловно, повлияет на другие части мира — и даже послужит прецедентом, — особенно это касается Италии; повсеместное распространение подобных моделей нарушит соотношение сил в мире и изменит наше положение в нем»²². Иными словами, необходимо было скорее устранить Альенде, чтобы воспрепятствовать распространению демократического, третьего, пути.

Он боролся за мечту, которая не потерпела поражения. Ее на время заглушили, как говорил Вальш, ее залили волной страха. И потому, по мере того как Латинская Америка приходит в себя после десятилетий шока, старые идеи возвращаются — происходит «повсеместное распространение подобных моделей», чего так опасался Киссинджер. После кризиса 2001 года в Аргентине противостояние приватизации стало обычным явлением на континенте, из-за чего свергались и ставились правительства; к 2006 году это движение породило «эффект домино». Луис Инасио Лула да Сильва был снова избран президентом Бразилии в основном потому, что превратил голосование в референдум относительно приватизации. Его противник из партии, ответственной за распродажу бразильских богатств в 90-е годы, появлялся на публике в обличье социалиста, участника гонок NASCAR, в куртке и бейсболке с логотипами государственных компаний, которые еще не были проданы. Однако избирателей это не впечатлило, и Лула получил 62 процента голосов, несмотря на скандалы, связанные с коррупцией в его правительстве. Вскоре после этого в Никарагуа Даниэль Ортега, бывший предводитель Сандинистского движения, сделал основой своей победной кампании по-

²² Kissinger H.A. Memorandum to the President, Subject: NSC Meeting, November 6 — Chile. 1970. November 5, www.gwu.edu/~nsarchiv.

стоянные перебои с подачей тока в стране; он уверял, что продажа национальной электроэнергетической компании испанской фирме *Uniyu Fenosa* после урагана «Митч» была причиной всех проблем. «Братья, вы страдаете от этих перебоев каждый день! — восклицал он. — Кто же привел *Uniyu Fenosa* в нашу страну? Это сделало правительство богачей, которое служит дикому капитализму»²³.

В ноябре 2006 года выборы президента в Эквадоре превратились в идеологическую битву. Рафаэль Корреа победил бананового магната Альваро Нобоа, одного из богатейших людей в стране. Корреа использовал в своей официальной кампании песню группы *Twisted Sister* под названием «Нам это не нужно» (*We're not going to take it*) и призывал страну «преодолеть все ошибки неолиберализма». После победы новый президент Эквадора заявил, что он «не фанат Милтона Фридмана»²⁴. К тому моменту уже заканчивался первый год пребывания на посту президента Боливии Эво Моралеса. Он послал военных, чтобы отнять месторождения газа у транснациональных «грабителей», и начал национализацию отдельных предприятий горнодобывающей промышленности. В то же время в Мексике прошли выборы 2006 года, фальсифицированные результаты которых были поставлены под сомнение, в результате чего возник беспрецедентный феномен «параллельного правительства» народа, когда решения принимались на улицах и площадях вне резиденции правительства в Мехико-Сити. В штате Оахака власти правого направления послали специальные отряды полиции, чтобы разогнать забастовку учителей, требовавших повышения заработной платы. Это породило во всем штате широкое возмущение против коррупции корпоративистского государства, длившееся несколько месяцев.

Политические лидеры Чили и Аргентины также противопоставляют свое направление экспериментам чикагской школы, хотя вопрос о том, предлагают ли они какие-то реальные альтернативы, остается предметом жарких споров. По меньшей мере, это победа на символическом уровне. Несколько членов кабинета аргентинского президента Нестора Киршнера, как и сам глава государства, во время диктатуры сидели в тюрьмах. 24 марта 2006 года, ровно через 30 лет со дня военного переворота 1976 года, Киршнер обратился к собравшимся

²³ *Chang J.* Fear of Privatization Gives Brazilian President a Lead in Runoff // *Knight Ridder*. 2006. October 26; *Tobar H.* Nicaragua Sees Red Over Blackouts // *Los Angeles Times*. 2006. October 30.

²⁴ *Kozloff N.* The Rise of Rafael Correa // *CounterPunch*. 2007. November 26; *Romero S.* Leftist Candidate in Ecuador Is Ahead in Vote, Exit Polls Show // *New York Times*. 2006. November 27.

на Пласа-де-Майо, где когда-то стояли матери людей, пропавших без вести, и заявил им: «Мы вернулись» — от имени поколения людей 70-х, переживших террор. Он сказал, что собравшиеся тут — это «лица 30 тысяч пропавших без вести наших товарищей, которые сегодня вернулись на эту площадь»²⁵. Президент Чили Мишель Бачелет также принадлежит к числу жертв режима Пиночета. В 1975 году ее вместе с матерью бросили в тюрьму «Вилла Гримальди», знаменитую своими деревянными камерами для изоляции, где можно разместиться лишь скрючившись, и подвергли пыткам. Ее отец был военным, он отказался участвовать в перевороте и был убит людьми Пиночета.

В декабре 2006 года, месяц спустя после смерти Фридмана, лидеры Латинской Америки собрались на историческом саммите в Боливии, в городе Кочабамба, где несколько лет назад народное возмущение против приватизации системы водоснабжения вынудило компанию Bechtel покинуть страну. Моралес открыл встречу обещанием перевязать «вскрытые вены Латинской Америки»²⁶. Эти слова указывали на книгу Эдуардо Галеано «Вскрытые вены Латинской Америки: пять столетий разграбления континента» (*Open Veins of Latin America: Five Centuries of the Pillage of a Continent*), проникновенный и убедительный рассказ настоящего писателя о жестоком грабеже, который сделал богатый континент бедным. Впервые книга была опубликована в 1971 году, за два года до того, как был свергнут Альенде — за то, что попытался перевязать вскрытые вены страны путем национализации медных рудников. После переворота началась новая эпоха грабежа, когда национальные структуры, созданные движением девелопментализма, были разграблены, разобраны на части и проданы.

И сегодня латиноамериканцы снова намерены осуществить ту программу, которую так жестоко подавляли все эти годы. Многие их мероприятия всем хорошо знакомы: национализация ключевых секторов экономики, земельная реформа, значительные инвестиции в образование, развитие грамотности населения и здравоохранение. Это не революционные идеи, но за ними стоит представление о государстве, которое помогает достичь равенства, и они дают отпор Фридману, который в 1975 году писал Пиночету:

²⁵ Argentine President Marks Third Year in Office with Campaign-Style Rally // BBC Monitoring International Reports. 2006. May 26.

²⁶ Keane D. South American Leaders Dream of Integration, Continental Parliament // Associated Press. 2006. December 9.

«Как я думаю, огромная ошибка — верить в то, что можно делать добро с помощью чужих денег».

Несомненно, нынешние движения в Латинской Америке продолжают давнюю традицию, но не являются простым повторением программ предшественников. Главным отличием нового поколения деятелей является ясное понимание необходимости защитить людей от шоков, пережитых в недавней истории: от переворотов, от иностранных шоковых терапевтов, от мастеров пыток, обученных в США а также от долгового шока и обесценивания валюты 1980—1990-х годов. Участники массовых движений в Латинской Америке, благодаря которым во многих странах на выборах победили кандидаты от левых сил, учатся создавать модели, которые смягчают действие шока. Например, у них меньше централизации, чем в 60-х, поэтому сломить движение с помощью ареста нескольких лидеров будет сложнее. Несмотря на то что вокруг Чавеса возникает культ личности и он пытается создать централизованную власть в государстве, сеть прогрессивных деятелей Венесуэлы в большой степени децентрализована и их власть распределяется между рядовыми активистами и группами посредством местных советов и кооперативов. Движение народа Боливии, благодаря которому Моралес пришел к власти, организовано подобным же образом, и его участники дали понять, что будут поддерживать президента только на определенных условиях — если Моралес останется верен своим демократическим обещаниям, и никак иначе. Такие сетевые структуры помогли Чавесу пережить попытку переворота в 2002 году: как только революция оказалась под угрозой, обитатели пригородных районов Каракаса вышли на улицу и стали требовать восстановления прежнего строя. Такого рода народных протестов не было во времена переворотов в 1970-е годы.

Новые лидеры Латинской Америки также принимают меры, чтобы предотвратить возможные перевороты при поддержке США, которые могли бы разрушить достижения демократии. Правительства Венесуэлы, Коста-Рики, Аргентины и Уругвая объявили, что не будут посылать своих студентов в школу для обучения военнослужащих из стран Латинской Америки (которая теперь носит название «Институт Западного полушария по сотрудничеству в сфере безопасности») — печально знаменитый учебный центр для полиции и военных в Форт-Беннинге (штат Джорджия), где многие самые жестокие латиноамериканские убийцы изучали последние «контртеррористические»

техники и методики, которые применялись в борьбе с фермерами Эль-Сальвадора или рабочими-автомобилестроителями Аргентины²⁷. Боливия и Эквадор также думают разорвать отношения с этим заведением. Чавес заявил, что если правые экстремисты в боливийской провинции Санта-Крус будут угрожать правительству Эво Моралеса, войска Венесуэлы поднимутся на защиту демократии Боливии. Самый же радикальный шаг предпринял Рафаэль Корреа. В портовом городе Эквадора под названием Манта сейчас располагается крупнейшая военная база США в Южной Америке, где сосредоточены военные, ведущие «войну против наркотиков», преимущественно в Колумбии. Правительство Корреа заявило, что договор об аренде базы, срок которого закончится в 2009 году, не будет возобновлен. Министр международных отношений Мария Фернанда Эспиноза сказала: «Эквадор — суверенная страна. Мы не хотим, чтобы на нашей земле находились иностранные войска»²⁸. Если же американские военные лишатся своих баз и обучающих программ, их власть подвергать латиноамериканцев воздействию шока заметно уменьшится.

Новые лидеры Латинской Америки подготовились к шоку нестабильного рынка. Одним из главных факторов нестабильности последних десятилетий была скорость перемещения капитала или внезапное падение цен на массовую продукцию, которое может разорить сельскохозяйственный сектор. Большинство стран Латинской Америки уже пережили этот шок, который оставил после себя заброшенные индустриальные пригороды и участки необработанных земель. Поэтому новые левые поставили перед собой задачу разобрать обломки глобализации и снова заставить работать заброшенные предприятия и хозяйства. В Бразилии активисты и разорившиеся фермеры объединились в «Движение безземельных людей», которое создало сотни кооперативов для осваивания неиспользованных земель. В Аргентине это движение «восстановленных компаний» — двух сотен обанкротившихся предприятий, которые превратились в кооперативы с демократическим управлением. Такие кооперативы защищены от шока, связанного с уходом инвесторов, поскольку последние уже их покинули. Можно сказать, что эти опыты восстановления пред-

²⁷ *Campbell D.* Argentina and Uruguay Shun US Military Academy // *Guardian*. London. 2006. April 6; *Costa Rica Quits US Training at Ex-School of the Americas* // *Agence France-Presse*. 2007. May 19.

²⁸ *Burbach R.* Ecuador's Government Cautiously Takes Its First Steps // *NACLA News*. 2007. February 19, www.nacla.org.

ставляют собой новый тип реконструкции после катастрофы — реконструкцию после относительно медленно развивавшейся катастрофы неолиберализма. Это резко отличается от модели, которую комплекс капитализма катастроф навязал Ираку, Афганистану или побережью Мексиканского залива: в Латинской Америке процессом восстановления руководят те же люди, которые пострадали от катастрофы. И неудивительно, что их свежие решения представляют собой подлинный третий путь, который с помощью шока пыталась заблокировать всемирная кампания чикагской школы. Это настоящая демократия в повседневной жизни.

В Венесуэле Чавес рассматривает кооперативы как приоритет политики: правительство в первую очередь передает им контракты, кроме того, экономические стимулы способствуют их торговле между собой. К 2006 году в стране насчитывалось около 100 тысяч кооперативов, в которых занято свыше 700 тысяч работников²⁹. Многие из них являются частями инфраструктуры государства, как, например, сбор таможенных пошлин, содержание автострад или лечение в клиниках, переданных под управление местных жителей. Эта политика противоположна передаче государственных функций подрядчикам, распродаже частей государства большим корпорациям, так что они выходят из зоны демократического контроля. Тут те самые люди, которые пользуются этими ресурсами, получают право ими управлять, что — по крайней мере, теоретически — создает рабочие места и увеличивает ответственность их руководителей. Разумеется, многочисленные критики Чавеса говорят, что это просто милостыня и нечестное субсидирование. Однако если вспомнить, что Halliburton на протяжении шести лет использует правительство США как персональный банкомат и присвоила себе 20 миллиардов долларов только за иракские контракты, отказывается нанимать местных работников и на побережье Мексиканского залива, и в Ираке и выражает свою признательность американским налогоплательщикам тем, что перемещает свою штаб-квартиру в Дубай (где пользуется доступными поблажками законов и где платят налоги ее сотрудники), то непосредственная поддержка простых людей со стороны Чавеса выглядит менее экстравагантно.

Главный фактор защиты стран Латинской Америки от шока в будущем (а следовательно, и от доктрины шока) заключается в том, что континент все меньше зависит от финансовых институтов Вашинг-

²⁹ Kraul C. Big Cooperative Push in Venezuela // *Los Angeles Times*. 2006. August 21.

тона, что является результатом все более тесной интеграции правительств региона. «Боливарианская альтернатива для Латинской Америки» (ALBA) — это ответ континента на зону свободной торговли Америк, на уже оставленную мечту корпоративистов создать зону свободной торговли от Аляски до Тьерры дель Фуего. Хотя проект ALBA только начинает осуществляться, Эмир Садер, социолог, живущий в Бразилии, говорит, что он многое обещает как «прекрасный пример подлинно справедливой торговли: каждая страна поставляет то, что ей легче всего производить, а в ответ получает то, в чем острее всего нуждается, независимо от цен на глобальном рынке»³⁰. Так, Боливия поставляет газ по стабильным льготным ценам; Венесуэла отдает нефть, при сильных государственных субсидиях, беднейшим странам и делится своим опытом разработки месторождений полезных ископаемых; Куба посылает тысячи докторов, которые оказывают бесплатную медицинскую помощь по всему континенту, одновременно обучая студентов из других стран в своих медицинских институтах. Это модель совершенно иного рода, чем академический обмен студентами, начатый в Чикагском университете в середине 50-х, когда представителям Латинской Америки прививали одну-единственную жесткую идеологию, а затем посылали домой, чтобы они разносили ее по всему континенту. Главная сила ALBA заключается в том, что это бартерная система, где сами страны определяют стоимость товара или услуги, не позволяя назначать на них цену торговцам из Нью-Йорка, Чикаго или Лондона. Это делает торговлю намного более стабильной перед лицом неожиданных колебаний цен, разрушавших латиноамериканскую экономику в недавнем прошлом. Окруженная бурными водами мировых финансов, Латинская Америка создает зону относительного экономического спокойствия и предсказуемости — недавно казалось, что это неосуществимо в эпоху глобализации.

Когда в одной из стран возникают финансовые проблемы, благодаря усилению интеграции ей не нужно просить о помощи МВФ или Казначейство США. И это очень важно, поскольку Вашингтон все еще придерживается доктрины шока, как это показывает Национальная стратегия безопасности США 2006 года, где говорится: «При возникновении кризиса МВФ должен приложить усилия, чтобы увеличить меру ответственности страны за свои экономические решения. МВФ должен ставить поддержку рыночных институтов и обу-

³⁰ Sader E. Latin American Dossier: Free Trade in Reciprocity // *Le Monde Diplomatique*. 2006. February.

чение рынку на первое место относительно финансовых решений». Такое «обучение рынку» можно навязать стране лишь в том случае, если правительство отправляется просить о помощи в Вашингтон; как во время финансового кризиса в Азии говорил Стенли Фишер, МВФ может помочь только тогда, когда его об этом просят, «но когда [у страны] не осталось денег, существует не так много мест, куда можно обратиться»³¹. Это уже перестало быть правдой. Благодаря высоким ценам на нефть Венесуэла стала крупнейшим работодателем для других развивающихся стран, которые теперь могут обойтись без Вашингтона.

Это вызвало резкие изменения. Бразилия, столь долго находившаяся у Вашингтона в плену из-за своего необъятного долга, отказывается заключать новый договор с МВФ. Никарагуа ведет переговоры о выходе из фонда, Венесуэла вышла из МВФ и Всемирного банка, и даже Аргентина, в прошлом «образцовая ученица» Вашингтона, также движется в этом направлении. В своем докладе Конгрессу в 2007 году президент Нестор Киршнер сообщил, что иностранные кредиторы говорят ему: «Вы должны договориться с Международным фондом, чтобы заплатить долги». Мы им отвечаем: «Господа, мы независимая страна. Мы хотим вернуть долг, но какого черта нам снова договариваться с МВФ?» В результате МВФ, столь мощный в 1980—1990-е годы, утратил свое влияние на этом континенте. В 2005 году на Латинскую Америку приходилось до 80 процентов всех займов, выданных МВФ; в 2007 году эта цифра составляла всего 1 процент — невероятное изменение всего за два года. «Существует жизнь и после МВФ, — заявил Киршнер, — и это хорошая жизнь»³².

Это изменение касается не только Латинской Америки. За последние три года сумма займов, выданных МВФ, сократилась с 81 миллиарда до 11,8 миллиарда долларов, причем основная ее часть была выдана Турции. Для МВФ, утратившего любовь столь многих стран, в которых он использовал кризисы для получения прибыли, начинается период заката. Подобное будущее ожидает и Всемирный банк. В апреле 2007 года президент Эквадора Рафаэль Корреа сообщил,

³¹ *Bush G. W.* The National Security Strategy of the United States of America. 2006. March. P. 30, www.whitehouse.gov; Интервью со Стенли Фишером 9 мая 2001 года.

³² *Rueda J.* Chavez Says Venezuela Will Pull out of the IMF, World Bank // *Associated Press*. 2007. May 1; *Ortiz F.* Argentina's Kirchner Says No New IMF Program // *Reuters*. 2007. March 1; *Swann C.* Hugo Chávez Exploits Oil Wealth to Push IMF Aside // *International Herald Tribune*. Paris. 2007. March 1.

что он приостановил получение всех займов от Всемирного банка и сделал еще один чрезвычайный шаг — объявил представителя банка в Эквадоре персоной нон грата. Два года назад, объяснял Корреа, Всемирный банк использовал заем в 100 миллионов долларов, чтобы сорвать введение экономических законов, которые бы позволяли распределять доходы от нефти между бедняками страны. «Эквадор является суверенным государством, и страна не должна поддаваться шантажу со стороны международной бюрократии», — сказал он. В то же время Эво Моралес объявил, что в Боливии перестанет действовать арбитражный суд Всемирного банка — орган, который позволяет транснациональным корпорациям предъявлять иски национальному правительству, если какие-либо его мероприятия снижают их прибыль. «Правительства Латинской Америки, да, вероятно, и весь мир никогда не выигрывают в подобных делах. Тут всегда побеждают транснациональные корпорации», — сказал Моралес. Когда в мае 2007 года Пол Вулфовиц был вынужден оставить пост президента Всемирного банка, этой организации пришлось прибегнуть к отчаянным мерам, чтобы справиться с глубоким кризисом утраты своей репутации. Во время скандала вокруг Вулфовица газета *Financial Times* писала, что, когда руководители Всемирного банка раздают свои советы развивающимся странам, «над ними уже просто смеются»³³. Если вспомнить также и о срыве переговоров Всемирной торговой организации в 2006 году (когда стали говорить, что «глобализация умерла»), можно понять, что три важнейших института, которые под прикрытием экономической необходимости распространяли идеологию чикагской школы, в недалеком будущем могут исчезнуть.

Неудивительно, что в бунте против неолиберализма дальше всего продвинулась именно Латинская Америка — она была первой лабораторией шока, и у латиноамериканцев было больше времени прийти в себя. Годы демонстраций породили новые политические группировки, которые постепенно набирали силу и могли, в конце концов, не только захватить власть в государстве, но и приступить к изменению структур государства. Есть признаки того, что и другие бывшие лаборатории шока движутся в том же направлении. В Южной Африке в 2005—2006 годах обитатели надолго забытых трущоб реши-

³³ Там же; Ecuador Expels World Bank Representative // *Agence France-Presse*. 2007. April 27; Latin Leftists Mull Quitting World Bank Arbitrator // *Washington Post*, Reuters. 2007. April 29; Callan E., Guha K. Scandal Threatens World Bank's Role // *Financial Times*. London. 2007. April 23.

тельно отказались от поддержки партии АНК и начали требовать выполнения обещаний Хартии Свободы. Иностранные журналисты отмечают, что возмущений такого рода не наблюдалось с тех пор, как жители пригородов выступали против апартеида. Но наиболее радикальные изменения происходят в Китае. Многие годы кошмар бойни на площади Тяньаньмэнь успешно подавлял недовольство по поводу упразднения прав рабочих и углубления нищеты в сельских районах. Но этот период кончился. По официальным правительственным данным, в 2005 году в Китае прошло 87 тысяч крупных акций протеста, в которых участвовало более 4 миллионов рабочих и крестьян³⁴. Правительство Китая ответило на это репрессиями — наиболее жестокими за время после 1989 года, однако демонстранты одержали кое-какие победы: были отпущены крупные средства на развитие сельских районов, улучшена система здравоохранения, правительство также обещало отменить плату за обучение. Китай тоже приходит в себя после шока.

Любая стратегия использования новых возможностей, возникающих после болезненного шока, во многом основана на неожиданности. По определению состояние шока — это момент, когда возникает разрыв между стремительно развивающимися событиями и доступной информацией, которая позволила бы эти события объяснить. Французский мыслитель Жан Бодрийяр называл террористические акты «переизбытком реальности»; в этом смысле события 11 сентября для Северной Америки оказались поначалу чистым несчастным случаем, сырой реальностью, не переработанной с помощью подходящей истории, нарратива или чего-либо, что позволило бы заполнить пустоту между реальностью и пониманием³⁵. Не имея объяснительной истории, мы — как это случилось со многими после 11 сентября — становимся особенно податливыми к внушениям тех людей, которые готовы использовать возможности хаоса ради своих целей. Но как только мы обретаем свой нарратив, позволяющий взглянуть на собы-

³⁴ *Wines M.* Shantytown Dwellers in South Africa Protest the Sluggish Pace of Change; *Smith B. et al.* China's Emerging Labor Movement. 2006. October 5 / Commondreams.org, www.commondreams.org. «Четыре миллиона рабочих! — удивлялись представители американской группы борьбы за права рабочих. — В США мы отметили зарождение нового масштабного социального движения, когда в 1999 году в “битве за Сиэтл” приняло участие 60 тысяч человек».

³⁵ *Baudrillard J.* Power Inferno. Paris: Galilée, 2002. P. 83.

тие шока в перспективе, мы восстанавливаем ориентацию, и мир для нас снова обретает смысл.

Это прекрасно понимают люди, которые в тюрьмах при допросах используют шок и регрессию. Именно поэтому учебники ЦРУ настойчиво рекомендуют изолировать арестованного, что позволяет создать новое представление под действием сенсорной информации других заключенных, даже от общения с охранниками. «Заключенных следует изолировать, — говорится в руководстве 1983 года. — Изоляцию — как физическую, так и психологическую — следует сохранять с самого момента задержания»³⁶. Тюремщики знают, что заключенные разговаривают друг с другом. Они предупреждают друг друга о том, чего следует ожидать; они обмениваются записками, передавая их через решетку. И когда это происходит, тюремщики теряют свои преимущества. У них остается власть причинять боль, но они потеряли самые мощные психологические средства манипуляции, позволяющие «сломать» заключенного: замешательство, дезориентацию и неожиданность. Без этих элементов не вызовешь шока.

То же самое можно сказать об обществе в целом. Когда многие люди начинают понимать весь механизм действия шоковой доктрины, все общество труднее заставить врасплох, труднее лишить ориентации, оно становится устойчивее к воздействию шока. Крайне жестокая разновидность капитализма катастроф, которая вступила в полную силу после 11 сентября, отчасти объясняется тем, что относительно слабые формы шока — долговые кризисы, обесценивание валюты или угроза отстать от хода истории — уже утратили свою силу от частого использования. Но сегодня даже ужасающий шок войны или стихийного бедствия не всегда порождает тот уровень дезориентации, который необходим для внедрения непопулярной программы экономической шоковой терапии. В мире уже появилось слишком много людей, которые напрямую столкнулись с шоковой доктриной: они понимают механизм ее работы, они пообщались с другими узниками, обменявшись записками через прутья решетки, так что критически важный элемент неожиданности уже не работает.

Удивительным примером этого является реакция миллионов ливанцев на попытку международных кредиторов навязать им «реформы» свободного рынка в качестве условия оказания помощи в реконструкции после нападения Израиля в 2006 году. Казалось бы, ничто не могло помешать осуществлению этого плана, поскольку

³⁶ Human Resource Exploitation Training Manual, 1983.

страна крайне нуждалась в деньгах. Еще до войны Ливан был одним из самых крупных должников в мире, а ущерб от разрушения дорог, мостов и взлетно-посадочных полос после нападения оценивали примерно в 9 миллиардов долларов. Поэтому когда в январе 2007 года представители 30 богатых стран собрались в Париже, чтобы предложить Ливану 7,6 миллиарда долларов в виде займов и грантов, никто не сомневался, что правительство согласится на любые условия получения помощи. Это был стандартный набор условий: приватизация телефонной и электрической сети, повышение цен на топливо, сокращение расходов общественных служб и увеличение и без того спорного налога с продаж. По подсчетам ливанского экономиста Камала Хамдана, в результате «расходы семьи увеличатся на 15 процентов из-за повышения налогов и колебания цен» — классическое наказание после достижения мира. Что же касается самой реконструкции, ею будут распоряжаться монстры капитализма катастроф, которые не нуждаются в местной рабочей силе или местных субподрядчиках³⁷.

Государственному секретарю США Кондолизе Райс задали вопрос о том, не являются ли такие масштабные требования вмешательством чужих стран во внутренние дела Ливана. Она ответила: «В Ливане демократия. Это означает, что Ливан также проводит важные экономические реформы, которые крайне необходимы для проведения работ». Ливанский министр Фуад Синьора, поддерживаемый Западом, легко согласился на эти условия, пожав плечами и сказав, что «приватизация придумана не в Ливане». Чтобы продемонстрировать свою готовность играть по предложенным правилам, он нанял связанную с Бушем занимавшуюся наблюдением компанию Booz Allen Hamilton, чтобы та служила посредником в процессе приватизации телефонной связи³⁸.

Но ливанцы не собирались с этим соглашаться. Несмотря на то что дома многих из них все еще лежали в развалинах, тысячи людей приняли участие во всеобщей забастовке, организованной коалицией

³⁷ *England A. Siniora Flies to Paris as Lebanon Protests Called Off // Financial Times. London. 2007. January 23; Ghattas K. Pressure Builds for Lebanon Reform // BBC News. 2007. January 22; Ohrstrom L. Reconstruction Chief Says He's Stepping Down // Daily Star. Beirut. 2006. August 24.*

³⁸ *Cooper H. Aid Conference Raises \$7.6 Billion for Lebanese Government // New York Times. 2007. January 26; Habib O. Siniora Unveils Reform Plan Aimed at Impressing Paris III Donors // Daily Star. Beirut. 2007. January 3; Habib O. Plans for Telecom Sale Move Ahead // Daily Star. Beirut. 2006. September 30.*

профсоюзов и политических партий, включая исламистскую партию «Хезболла». Демонстранты заявляли, что, если для получения средств на восстановление требуется поднять стоимость жизни людей, пострадавших от войны, это нельзя называть помощью. И пока Синьора показывал свою лояльность кредиторам в Париже, вся страна замерла из-за повсеместных протестов и перекрытых демонстрантами дорог. Это было первым в истории народным возмущением, непосредственно направленным против капитализма катастроф, следующего за войной. Демонстранты также устроили сидячую забастовку, из-за чего центр Бейрута на два месяца превратился в помесь палаточного лагеря и уличного карнавала. Многие репортеры говорили, что это была демонстрация силы со стороны «Хезболлы», однако Мохамад Баззи, глава ближневосточного отделения нью-йоркской газеты *Newsday*, говорил, что подобная интерпретация фактов не позволяет заметить главного: «Главным мотивом, заставившим этих людей разбить свой лагерь в центре города, были не Иран или Сирия и не споры суннитов с шиитами. Этим мотивом было экономическое неравенство, которое десятилетиями испытывали на себе ливанские шииты. Это было восстание бедняков и рабочего класса»³⁹.

Место, выбранное для забастовки, красноречиво объясняет, почему ливанцы оказались настолько устойчивыми относительно шока. Эту часть в центре Бейрута местные жители называют «Солидер» — по имени частной компании *Solidere*, занимающейся развитием, которая почти все тут построила и захватила во владение. Этот район появился в результате последней реконструкции Ливана. В начале 1990-х, после 15-летней гражданской войны, в стране наступила разруха, а государство было в долгах, денег на реконструкцию ему не хватало. Бизнесмен и миллиардер (ставший позднее премьер-министром) Рафик Харири сделал предложение: передайте ему право на владение землей во всем центре города — и тогда его новая компания *Solidere*, занимающаяся недвижимостью, превратит его в «Сингапур на Ближнем Востоке». Харири, убитый при взрыве машины в феврале 2005 года, снес почти все строения, превратив город в «чистый листок». А затем на месте древних базаров стали появляться пристани для яхт и роскошные частные жилые дома (некоторые были снабжены подъемниками для лимузинов) и пышные торговые центры⁴⁰. Почти все

³⁹ Bazzi M. People's Revolt in Lebanon // *The Nation*. 2007. January 8; Schuh T. On the Edge of Civil War: The Cedar Revolution Goes South // *CounterPunch*. 2007. January 23, www.counterpunch.org.

⁴⁰ Hennock M. Lebanon's Economic Champion // *BBC News*. 2005. February 14; Gragg R. Beirut //

в деловом районе — здания, дворцы, служба охраны — является собственностью Solidere.

Внешнему миру район «Солидер» казался ярким символом восстановления Ливана после войны, но для многих местных жителей он был чем-то вроде миража. За пределами ультрасовременного центра в Бейруте часто отсутствовали важнейшие инфраструктуры, например электрической сети для общественного транспорта, а дыры от пуль гражданской войны на фасадах многих зданий так и не были заделаны. Именно в этих заброшенных районах, окружавших сияющий центр города, «Хезболла» создала себе базу сторонников, устанавливая генераторы и трансмиттеры, организуя уборку мусора, обеспечивая безопасность — и таким образом сделавшись «государством в государстве». Когда жители обшарпанных районов хотели попасть на территорию «Солидер», нередко им преграждали дорогу частные охранники, поскольку присутствие бедняков пугало туристов.

Раида Хатум, активистка движения за социальную справедливость, рассказывала мне, что когда Solidere начала реконструкцию, «люди радовались окончанию войны и тому, что восстанавливаются разрушенные дома. К тому моменту, когда мы поняли, что целые улицы были проданы и стали частной собственностью, было уже слишком поздно. И мы не знали, что эти деньги были даны в займы и их надо потом вернуть». Неожиданно осознание того, что самые бедные люди должны платить за реконструкцию, которая принесла благополучие лишь горстке элиты, превратило ливанцев в знатоков механики капитализма катастроф. Именно этот опыт помог стране быстро сориентироваться и мобилизоваться после войны 2006 года. Когда они выбрали в качестве места для проведения забастовки роскошный район «Солидер» и палестинские беженцы разбили свои лагеря около мегастора Virgin и самых дорогих кафе («Если я съем тут один сэндвич, — сказал кто-то из демонстрантов, — я потрачу столько денег, сколько мне нужно на неделю»), участники забастовки этим ясно обозначили свои цели. Им не нужна новая реконструкция в том же роде, с роскошными кварталами и запущенными пригородами — с огражденными «зелеными зонами» и неистовыми «красными зонами». Им нужно настоящее восстановление всей страны. «Как мы можем терпеть правительство, которое ворует? — говорил один из участников

демонстрации. — Правительство, которое строит роскошные дома и накапливает невообразимые долги? Кто за все это будет платить? За это придется платить мне, а после меня — моему сыну»⁴¹.

Сопrotивление шоку в Ливане не ограничивалось протестами. Оно проявилось и в попытке провести параллельное восстановление своими силами, которая имела огромные последствия. Уже через несколько дней после прекращения огня местные комитеты «Хезболлы» осмотрели многие дома, разрушенные бомбежками, оценили ущерб и начали раздавать по 12 тысяч долларов наличными семьям, оставшимся без крова, что позволяло на год снять квартиру и обзавестись мебелью. Независимые журналисты Ана Нogueйра и Сасин Кавзали сообщали из Бейрута: «Это количество денег в шесть раз превышает то, что FEMA выплатила жертвам урагана “Катрина”». И лидер «Хезболлы» шейх Хассан Насрулла, обращаясь к стране по телевидению, сказал слова, которые мечтали бы услышать и жертвы «Катрины»: «Вам не надо никого просить о милости, вам не надо становиться в очередь». Помощь, которую предлагала «Хезболла», не проходила через правительство или неправительственные организации. На эти деньги не собирались строить пятизвездочные отели, как в Кабуле, или олимпийские бассейны для полицейских, как в Ираке. Но «Хезболла» предлагала сделать именно то, чего желала бы для своей семьи Ренука, одна из жертв цунами, с которой я познакомилась в Шри-Ланке, — передать помощь прямо в руки пострадавших. Кроме того, «Хезболла» привлекла местных жителей к работе по восстановлению своих домов — она наняла местные строительные бригады (которые вместо платы забирали себе найденный металлический лом), мобилизовала полторы тысячи инженеров и собрала команды добровольцев. И при такой форме помощи уже через неделю после прекращения бомбежек восстановительные работы шли полным ходом⁴².

В американской прессе эти инициативы почти всегда изображали как подкуп или поиск сторонников — как попытку «Хезболлы» завоевать поддержку народа после того, как эта партия спровоцировала нападение, от которого пострадала вся страна (Дэвид Фрам даже выска-

⁴¹ *Bazzi M.* People's Revolt in Lebanon.

⁴² *Nogueira A., Kawzally S.* Lebanon Rebuilds (Again) // *Independent*. 2006. August 31, www.independent.org; *Foroohar K.* Hezbollah, with \$100 Bills, Struggles to Repair Lebanon Damage // *Bloomberg News*. 2006. September 28; *Abdel-Latif O.* Rising From the Ashes // *Al-Ahram Weekly*. 2006. August 31.

зал предположение, что «Хезболла» раздает фальшивые банкноты⁴³). Без сомнений, «Хезболла» занималась не только благотворительностью, но и политикой, и разумеется, эта партия могла позволить себе щедрость благодаря финансированию со стороны Ирана. Но не менее важно и то, что «Хезболла» является местной организацией, которая поднялась благодаря участию населения в восстановлении своих жилых кварталов. В отличие от чужих корпоративных служб, которые осуществляют свои планы восстановления, разработанные далекими бюрократами, с помощью иностранных руководителей, частных охранников и переводчиков, «Хезболла» могла действовать быстро, потому что знала в своем районе все углы и все аварийные устройства, а также понимала, кому можно доверить выполнение работы. И если жители Ливана были благодарны за результаты, это объясняется также и тем, что они представляли себе альтернативную помощь. Такой альтернативой была компания *Solidere**.

Шок не всегда вызывает у нас регрессию. Иногда перед лицом кризиса мы растем — причем быстро. Это особенно ясно показывают события в Испании, где 11 марта 2004 года взорвались 10 бомб в пригородных поездах и на железнодорожных станциях Мадрида, в результате чего погибло около 200 человек. Президент страны Хосе Мариа Аснар немедленно обратился к испанцам по телевидению. Он обвинил в произошедшем баскских сепаратистов и призвал оказать поддержку войне в Ираке. «Никакие переговоры невозможны и нежелательны с этими убийцами, которые столько раз сеяли смерть по всей Испании. Только наша твердость поможет остановить такие теракты», — сказал он⁴⁴.

Но испанцам не понравилось такого рода выступление. Хосе Антонио Мартинес Солер, знаменитый издатель газеты в Мадриде, переживший гонения во времена диктатуры Франсиско Франко, по этому поводу сказал: «Мы как будто продолжаем слышать эхо Франко. Каждым своим действием, каждым жестом, каждым предложением Аснар говорит народу, что он прав, владеет истиной и тот, кто с ним

⁴³ *Frum D. Counterfeit News // National Post. Toronto. 2006. August 26.*

* *Solidere* — строительная компания, созданная Радгином Харири, бывшим премьер-министром Ливана. — *Примеч. ред.*

⁴⁴ *Spain's Aznar Rules Out Talks with Basque Group ETA // Associated Press. 2004. March 11.*

не согласен, является его врагом»⁴⁵. Другими словами, те самые качества, которые американцы после 11 сентября называли качествами «сильного лидера», говоря о своем президенте, в Испании были восприняты как зловещий знак подъема фашизма. Это случилось за три дня до национальных выборов, и испанцы, вспоминая времена, когда политикой управлял страх, проголосовали против Аснара в пользу партии, которая обещала вывести войска из Ирака. Как и в Ливане, коллективное воспоминание о шоке в прошлом дало Испании силу не ломаться под воздействием новых ударов.

Все шоковые терапевты стремятся очистить память пациента. Эвен Кэмерон был убежден, что сначала надо опустошить психику, чтобы потом можно было ее восстанавливать. Американские оккупанты не останавливали грабеж музеев и библиотек Ирака в надежде, что это облегчит их работу. Но, как и в случае с бывшей пациенткой Кэмерона Гейл Кестнер, окруженной конструкцией из бумаг, записей, книг и каталогов, воспоминания можно восстановить, можно создать себе новые истории. Память — как личная, так и коллективная — является лучшей из всех нам известных защит от шока.

Несмотря на все успешные попытки использовать цунами 2004 года, память оказалась эффективным орудием сопротивления в нескольких районах катастрофы, в частности — в Таиланде. Десятки прибрежных деревень там были смыты гигантской волной, но, в отличие от Шри-Ланки, многие тайландские поселения через несколько месяцев были восстановлены. И дело тут не в особенностях правительства Таиланда. Тамошние политики так же, как и везде, мечтали использовать бедствие как повод для выселения рыбаков и на их землях создать крупные туристические объекты. Но в Таиланде жители деревень отнеслись ко всем правительственным обещаниям с крайним скептицизмом и отказались терпеливо сидеть в лагерях в ожидании осуществления официальных планов реконструкции. Вместо этого сотни местных жителей в первые же недели занялись тем, что называли «восстановлением прав» на землю. Они проходили мимо вооруженных охранников, нанятых застройщиками, с инструментами и отмечали те места, где до катастрофы стояли их дома. В некоторых случаях реконструкция началась немедленно. «Я хочу, чтобы меня кормила именно эта земля, потому что она наша», —

⁴⁵ Sciolino E. In Spain's Vote, a Shock from Democracy (and the Past) // *New York Times*. 2004. March 21.

сказала Ратре Конгватмаи, потерявшая большую часть членов своей семьи во время цунами⁴⁶.

Особенно смело «восстановлением прав» занимались тайландские рыбаки, которых называют мокенами, или «морскими цыганами». Много веков лишённые прав, мокены не питали иллюзий насчет доброго государства, которое даст им достойные участки земли на побережье вместо тех, которые были отняты. Так, в одном случае жители деревни Бан-Тун-Ва провинции Пхан-Нга «собрались вместе и отправились на свое родное место, где окружили развалины деревни веревкой, показывая таким символическим жестом, что они владеют этой землей», как говорится в отчете одной тайландской неправительственной организации. «Когда на том месте разбили лагерь все жители деревни, властям было уже сложнее их выгнать, особенно если учесть то, с каким вниманием СМИ следили за дальнейшей судьбой жертв цунами». В итоге в результате переговоров с правительством рыбаки согласились уступить часть своих земельных владений на берегу в обмен на правовые гарантии владения землей их предков. Сегодня восстановленная деревня превратилась в центр культуры мokenов, в ней построены музей, общинный центр, школа и рынок. «Сегодня чиновники района приезжают в Бан-Тун-Ва, чтобы ознакомиться с “восстановлением после цунами под управлением местных жителей”, а исследователи и студенты университетов приезжают сюда полными автобусами, чтобы изучать “мудрость туземцев”»⁴⁷.

По всем участкам побережья Таиланда, пострадавшим от цунами, такого рода восстановление стало нормой. И это удалось, как говорят активисты, благодаря тому, что «люди боролись за свои права владеть землей так, как будто находились в условиях оккупации», а некоторые при этом еще и «действовали своими руками»⁴⁸. Жертвы цунами в Таиланде также настаивали на помощи другого рода — не на милостыне, а на инструментах для осуществления собственной реконструкции. Так, например, десятки тайландских студентов-архитекторов и их преподаватели добровольно помогали членам сообщества создавать планы жилых зданий и общие планы реконструкции, а опытные кораблестроители обучали рыбаков умению строить для

⁴⁶ *Ekachai S. This Land Is Our Land // Bangkok Post. 2005. March 2.*

⁴⁷ *Kerr T. New Orleans Visits Asian Tsunami Areas. 2006. September 9—17 // Asian Coalition for Housing Rights, www.achr.net.*

⁴⁸ Там же.

себя более сложные лодки. В результате местные сообщества стали сильнее, чем они были до катастрофы. Дома на сваях, выстроенные в тайландских селениях Бан-Тун-Ва и Баан-Найрай, красивы на вид и прочны, а кроме того, они дешевле, больше и прохладнее, чем собранные из готовых частей душные комнатухи, которые предлагали построить заграничные подрядчики. Манифест, созданный объединением поселений, переживших цунами, объясняет их философию: «Работу восстановления должны выполнять местные сообщества в той мере, в какой это возможно. Не подпускайте сюда подрядчиков, дайте местным жителям возможность отвечать за строительство собственного жилья»⁴⁹.

Через год после урагана «Катрина» в Таиланде состоялась знаменательная встреча между лидерами народной реконструкции этой страны и небольшой делегацией жертв катастрофы из Нового Орлеана. Гости из США посетили несколько восстановленных тайландских селений и были изумлены быстротой восстановления. «В Новом Орлеане мы ждем, когда правительство сделает это за нас, а тут вы все делаете сами, — сказал Эндеша Джокали, основатель “деревни жертв” в Новом Орлеане. — Когда мы вернемся домой, ваш образец будет служить для нас новым ориентиром»⁵⁰.

И действительно, после возвращения лидеров общин в Новый Орлеан там начались новые акции. Место, где до наводнения жил Джокали, все еще оставалось руинами, но он нашел местных подрядчиков и добровольцев, которые начали очистку всех пострадавших домов в его квартале, потом они работали в соседних жилых массивах. Джокали сказал, что посещение района, опустошенного цунами, позволило ему «прекрасно понять... что жители Нового Орлеана могут забыть о FEMA, муниципальных властях и правительстве и задаться вопросом: “Что можно сделать прямо сейчас, чтобы восстановить наше местное общество несмотря на деятельность правительства?”» Другая представительница американской делегации, побывавшая в Азии, Виола Вашингтон, также вернулась в свой новоорлеанский район Джентилли с совершенно иной установкой. Она «разбила план Джентилли на отдельные участки, сформировала для каждого участка комитет представителей и назначила ответственных, которые будут вести переговоры о том, что именно нужно восстановить». Она говорила: «Пока мы боремся с правительством за получение наших денег, мы не хотим

⁴⁹ Kerr T. People's Leadership in Disaster Recovery: Rights, Resilience and Empowerment.

⁵⁰ Kerr T. New Orleans Visits Asian Tsunami Areas.

оставаться в полном бездействии относительно нашей дальнейшей судьбы»⁵¹.

Некоторые люди в Новом Орлеане предприняли и более решительные шаги. В феврале 2007 года группа бывших жильцов государственных домов, которые администрация Буша планировала закрыть, приступила к «восстановлению прав» на свое бывшее жилье. Добровольцы помогли очистить квартиры от мусора и собрали деньги на покупку генераторов и солнечных батарей. «Мой дом — моя крепость, и я снова его занимаю», — заявила Глория Уильямс, обитательница жилого массива Си-Джи-Пит. «Восстановление прав» превратилось в местный праздник, на котором даже играл новоорлеанский духовой оркестр⁵². И действительно, это был достойный повод для праздника: по меньшей мере одно сообщество не попало под гигантский бульдозер для культуры, который называют «реконструкцией».

Во всех приведенных примерах, когда люди сами восстанавливают свою жизнь, звучит одна общая тема: участники такой реконструкции говорят, что они не просто восстанавливают дома, но исцеляют сами себя. И это понятно. Когда люди переживают сильный шок, они чувствуют свое полное бессилие: перед лицом загадочных сил родители неспособны спасти своих детей, супруги вынуждены жить отдельно, дом — место защиты — превращается в смертельно опасную западню. И чтобы исцелиться от ощущения беспомощности, лучше всего начать помогать — получить право участвовать в общем деле восстановления. «Мы снова открываем нашу школу, и этот факт означает, что мы представляем собой особое сообщество, связанное не просто общим местом жительства, но духовными связями, общей родословной, общим желанием вернуться к себе домой», — сказал помощник директора начальной школы имени Мартина Лютера Кинга-младшего в Девятом Нижнем районе Нового Орлеана.⁵³

Такого рода народная реконструкция является антитезой для комплекса капитализма катастроф, который постоянно стремится породить состояние «чистого листа», чтобы на нем строить свое образцовое государство. Подобно латиноамериканским коопера-

⁵¹ Webster R.A. N.O. Survivors Learn Lessons from Tsunami Rebuilders // *New Orleans Business*. 2006. November 13.

⁵² Public Housing Residents Take Back Their Homes // Residents of Public Housing. Press release. 2007. February 11, www.peoplesorganizing.org.

⁵³ Слова Джозефа Рекаснера цит. по: *Ritea St. The Dream Team // Times-Picayune*. New Orleans. 2006. August 1.

ям фермеров или рабочих, народное восстановление по самой своей природе — это процесс импровизации, где используется все, что осталось, и любые ржавые инструменты, которые не смыла волна, не сломали или не украли. В отличие от представлений о взятии на небо в момент Второго пришествия и апокалиптического опустошения, от которого истинные верующие убегают в небесные сферы, движения местных жителей по восстановлению основаны на иной предпосылке: что никуда не убежишь от грязи и беспорядка, которые мы создаем, и что опустошение происходит постоянно — опустошение истории, культуры или памяти. Эти движения не стремятся начать все с «чистого листа», они начинают с того, что осталось, с лежащих вокруг обломков. Мучительное вырождение крестового похода корпоративизма продолжается, его воины все время пытаются повысить дозы шока, чтобы преодолеть растущее сопротивление людей, и в этих условиях проекты народного восстановления указывают выход за пределы всех разновидностей капиталистического фундаментализма. Участники такой реконструкции радикальны только в том, что стремятся к практической деятельности, они укоренены в жизни своей общины, связаны с местом, где живут, и заняты восстановлением. Они перестраивают то, что у них есть, преобразуют, делают все лучше и справедливее. И самое главное — растет их способность к сопротивлению, когда бы ни случился следующий шоковый удар.

ОТ АВТОРА

Может быть, в литературе и есть правило, не позволяющее посвятить две книги одному и тому же человеку. Но я его нарушила. Эта книга была бы попросту невозможна — физически, интеллектуально и эмоционально — без моего мужа, Эви Льюиса. Он мой соратник во всем: редактор, спутник в путешествиях (на Шри-Ланку, в Южную Африку, Новый Орлеан), он делает мою жизнь богаче и ярче. Мы все делали вместе.

Мне также ничего не удалось бы добиться без моей замечательной помощницы по сбору материалов Деборы Леви. Дебора посвятила этой книге три года жизни, сделав перерыв лишь при рождении ребенка. Ее блистательный дар исследователя окрасил каждую страницу этой книги. Она находила новые потрясающие сведения, одолела груды источников, провела множество интервью, а потом перепроверила все факты по рукописи. Мне не хватает слов, чтобы выказать благодарность столь увлеченной и талантливой коллеге, которая была вместе со мной все это время. Дебора хотела бы выразить свою любовь таким ценным помощникам, как Кайль Ямада и Эри Ямада-Леви, и я к ней присоединяюсь.

Два редактора, отношения которых показывают пример необычайной, достойной подражания дружбы, придали рукописи ее нынешний вид; значение их работы невозможно переоценить: это Луиза Денис из издательства Knopf Canada и Фрэнсис Коуди из Metropolitan Books. Луиза и Фрэнсис к тому же мои близкие подруги и наставницы, они помогли мне расширить горизонты моей работы и дали столь необходимое мне время, чтобы я могла выполнить поставленные ими нелегкие задачи. Луиза — мой верный редактор и неистовый защитник во всем еще со времен подготовки книги «NO LOGO: люди против брендов», и я по-прежнему искренне благоговею перед ее способностью умерить мой пафос и одновременно поддержать меня. Когда я вручила Фрэнсис исправленный и весьма разбухший черновик рукописи, она на протяжении всей работы неоднократно перестраивала и редактировала текст. То обстоятельство, что в издательском мире все еще находится место для таких интеллектуальных титанов, как эти две женщины, дает книгам надежду на будущее.

Рукопись приобрела законченный вид благодаря острым замечаниям Хелен Конфорд из издательства Penguin U.K., которая работала с нами бок о бок с первого дня. Неудержимый пыл Элисон Рейд относительно замысла книги, а также внимательное отношение к тексту делают ее вклад в работу бесценным. Я у нее в долгу.

Мой блистательный агент Аманда Урбан поверила в эту книгу, когда еще предполагалось, что она будет посвящена исключительно Ираку, и ее вера в меня только возрастала, несмотря на все пропущенные мной «последние» сроки, неоднократную переделку и постоянное разбухание рукописи. Мне повезло и с очень сильной и мудрой командой: это Маргарет Хэлтон, Кэйт Джонс, Элизабет Айвсон, Каролина Саттон и Лиз Фэррелл. В окружении этих женщин из литературного агентства ICM чувствуешь готовность сделать все что угодно, и все мы благодарны за те основы нашего труда, которые заложили Николь Уинстенли и Брюс Уэствуд.

Джеки Джойнер — администратор Klein Lewis Productions. В течение двух лет она действовала как живой щит, обеспечивая дистанцию между мной и окружающим миром, чтобы я могла сосредоточиться исключительно на работе. Когда рукопись была готова, Джеки, подобно великолепному дирижеру оркестра, привела в движение все издательские процессы. Чтобы не вызвать ни у кого зависти, описывая деловой талант и изобретательность Джеки, ограничусь только этими словами.

Команда ICM нашла безупречных партнеров для издания этой книги по всему миру, параллельно предоставив мне возможность собрать международную команду высокопрофессиональных исследователей и специалистов, без которых мы с Деборой никогда бы не довели до конца замысел такого масштаба.

Моя драгоценная подруга Андреа Шмидт, с которой я ездила в Ирак, была для меня неизменным умным товарищем, не только снабжавшим меня кипами специально отобранных вырезок и заметок о самых ужасающих вещах, но и побуждала меня идти дальше, чтобы разобраться во всех кругах этого ада. В частности, разделы о пытках в значительной мере представляют собой результат наших постоянных обсуждений. Она тоже читала наброски рукописи и делала важные для меня замечания.

Аарон Мате в 2003—2005 годах был моим основным научным консультантом, когда моя журналистская деятельность была направлена исключительно на происходящее в экономике Ирака. Работать с Ааро-

ном — человеком недюжинного ума и потрясающим журналистом — было истинным благословением. Приметы его участия безошибочно угадываются в главах, посвященных Ираку, и там, где речь идет об отношениях Израиля и палестинцев.

Фернандо Руо и Шана Яэль Шубс, подающие большие надежды исследователи Латинской Америки, нашли значительную часть малоизученных экономических материалов о взаимосвязи между кризисом и неолиберальными реформами. Именно эти документы открыли для меня ведущую роль доктрины шока в деятельности международных финансовых организаций. Фернандо провел для меня несколько интервью в Буэнос-Айресе, а Шана перевела десятки документов и статей с испанского на английский. Кроме того, они тщательно проверили все факты, связанные с Аргентиной.

Удивительная Аманда Александер была моим главным специалистом в работе над главой о Южной Африке, она находила информацию, проверяла факты и расшифровывала магнитофонные записи интервью. В этом ей помогала Одри Сессон. Помимо этого Аманда провела исследование китайского опыта шоковой терапии. На разных стадиях работы к нашей команде подключались и другие исследователи: Бруно Энили, Эмили Лодиш (особенно в том, что касается России), Хана Холлеман (финансовый кризис в Азии), Вес Энзинна (среди прочего, организовавший несколько интервью в Боливии), Эмма Руби-Сашс, Грейс Ву и Непомучено Малалуан.

Дебора Леви, будучи по специальности библиотекарем, хочет поблагодарить своих коллег: терпеливый и находчивый персонал библиотек Университета Орегона, Публичной библиотеки округа Корваллис-Бентон и Публичной библиотеки Эжен.

Мои отчеты с мест событий опирались на работу многих исследователей, переводчиков, тех, кто собирал факты, и друзей — этих людей слишком много, чтобы упомянуть каждого, но все-таки я постараюсь это сделать. В Ираке: Салам Ониби, Линда Албермани и Хаид аль-Ансари, один из лучших журналистов в Багдаде, так же как и мой друг и спутник в странствованиях Эндрю Стерн. В Южной Африке: Патрик Бонд, Хенрих Бомке, Ричард Питуз, Рай Патель и, как всегда, великолепный и неутомимый Эшвин Дезай. Особую благодарность хочется выразить Бену Каждану и его команде за предоставленные мне материалы интервью с Нельсоном Манделой и архиепископом Десмондом Туту и за многое другое. В Новом Орлеане: Джордан Флаэрти, Джеки Сухен, а также Бадди и Энни Спелл. В Шри-Ланке:

Кумари и Дилепа Витарана, которые были для нас с Эви духовными и интеллектуальными наставниками, не говоря уже о переводе многих статей и заметок. Сара Фернандо, Кэт Нобл и вся остальная команда MONLAR* были нашей базой, и без них мы вообще вряд ли бы осмелились совершить это путешествие. Когда я вернулась в Канаду, Стюарт Лейдлоу расшифровал множество интервью, а Логанатан Селлатурай и Ануша Катиравелу не только расшифровывали записи бесед, но и переводили текст с тамильского и сингальского.

Борис Кагарлицкий помогал мне в работе над главой о России. Пшемыслав Вельгош, Марчин Старнавский и Тадеуш Ковалик потратили много времени, рассказывая мне о переходном периоде в Польше. Марсела Оливьера помогла мне связаться с участниками движения против шоковой терапии в Боливии. Благодаря Тому Керру из Азиатского союза по правам на жилье мы могли ознакомиться с материалами о восстановлении после цунами в Таиланде.

Эта книга возникла благодаря году, проведенному в Аргентине, где мои новые друзья помогли мне увидеть кровавую реализацию проекта чикагской школы; часто это были душераздирающие истории — их собственные или их семей. Среди этих моих терпеливых учителей — Марта Диллон, Клаудиа Акуна, Сергио Сянкаглини, Нора Стрежилевич, Сильвия Дельфино, Эсекиэль Адамовский, Себастиан Хачер, Сесилия Сайнс, Джулиан А. Массалди-Фучс, Эстебан Магнани, Сусана Гюичал и Томас Брил Маскаренхас. Они перевернули мое восприятие мира. Исследование пыток, приведенное в книге, основано на десятках бесед с теми, кто испытал на себе, что такое тюрьма, а также с людьми, посвятившими свою жизнь юридической защите жертв репрессий. Я хочу особенно поблагодарить Федерико Аллоди и Миралинду Фриере, основателей канадского Центра жертв пыток, а также Шокоуфеха Сакхи, Кармен Силлато и Хуана Миранду.

Среди моих близких есть те, кто работает над затронутыми в этой книге темами. Они прочли мою рукопись и провели много часов, обсуждая со мной высказанные в книге мысли. Кио Маклеар вечно подбрасывала мне книжки и передавала статьи, и ее реакция на первый набросок помогла мне разобраться в различных аспектах колониализма; Сеймас Милн, превративший страничку комментариев газеты *Guardian* в настоящий дискуссионный форум глобального масштаба,

* MONLAR — движение в поддержку национализации земель и реформы сельского хозяйства в Шри-Ланке. — *Примеч. ред.*

был моим наставником по периоду правления Тэтчер и политическим советником по многим другим вопросам; Михаил Хардт неоднократно отсылал меня назад к рабочему столу и терпел мое новоявленное «кейнсианство»; Бетси Рид, мой редактор в журнале Nation, помогла мне сформулировать тему книги и редактировала мою первую статью о капитализме катастроф, так же как и десятки моих колонок; бесстрашный Джереми Скехилл прочел первые главы рукописи и поменял в ней местами тему паники и исследование о приватизации войны (и жизни); Катарина Винер была для меня светом в конце туннеля, она превратила газету Guardian в стартовую площадку для этой книги. Но самое главное — все эти дорогие мне друзья, ставшие и коллегами, вдохновляли меня в годы одинокой работы над текстом.

Я не экономист, но мой брат, Сет Кляйн, директор британо-колумбийско-канадского Центра политических альтернатив, был моим оружием в области экономики. Он терпел мои неожиданные звонки, часами отвечал на вопросы по монетаристской теории и тщательно отредактировал первый набросок книги, подгоняя меня и защищая изо всех сил. Рикардо Гринспан, блистательный экономист Йоркского университета, специализирующийся на Латинской Америке (цитаты из его статей и книг есть в тексте), был так добр, что прочел рукопись и сделал важные уточняющие замечания. То же самое сделал Стивен Мак-Брайд, директор Центра глобальной политической экономики в Университете Саймона Фрезера. Мне выпала большая честь — и тот и другой выкроили время в своем перегруженном графике, чтобы принять внеочередного студента, и ни на того ни на другого не стоит взваливать ответственность за какие бы то ни было погрешности с моей стороны.

Мои родители, Бонни и Майкл Кляйн, внимательно прочитали мои первоначальные наброски и относились ко мне с исключительной заботой, когда я перебралась к ним, чтобы работать над этой книгой. Они всю жизнь пылко защищали идею о том, что государственная сфера должна находиться вне рынка: Майкл — в здравоохранении, а Бонни — в искусстве. Моя идеальная свекровь Мишель Ландсберг прочла рукопись и ободрила меня как никто другой. Упорство моего свекра Стивена Льюиса, настоявшего на том, что пандемию СПИДа следует рассматривать в контексте фундаментализма свободного рынка, придало мне смелости написать эту книгу.

Много выдающихся издателей со своими командами поддержали этот проект, в том числе Брэд Мартин из Random House (Канада),

Джон Стерлинг и Сара Берштель из Metropolitan (Нью-Йорк), Стефан Макграт и творческая команда Penguin (Великобритания), Питер Силлем из S. Fischer Verlag, Карло Бриоши из Rizzoli, Эрик Виссер из De Geus, Клаудия Казанова из Paidos, Ян-Эрик Петтерсон из Ordfront, Инджери Энгельштад из October, Роман Козырев из «Доброй книги», Мари Катрин Вашер из Actes Sud и Лиз Бергерин со многими другими из Lemeac.

Все мы в неоплатном долгу перед невозмутимой Адриеной Филипс, исполняющей обязанности заведующей редакцией в Knopf Canada. Она не только вела всю эту огромную команду в верном направлении, но вместе с Маргарет Хэлтон и Джеки Джойнер способствовала тому, что книга смогла выйти на семи языках одновременно — это настоящее издательское чудо. Я безмерно благодарна Скотту Ричардсону за его изысканный и живой дизайн, Дорис Кован — за тщательное вычитывание корректуры и Беате Швиртлих — за квалифицированный типографский набор. Барни Джилмор был основным составителем указателя. Юрист Марк Фоулер — лучший специалист по искам о клевете, спорить с ним было истинным удовольствием. Я благодарю также Шарон Кляйн, Тару Кеннеди, Мэгги Ричардс, Прину Гаднер и Розу Глейшер, равно как и всех переводчиков, которые помогут донести этот текст до читателей по всему миру.

Кроме исследователей, непосредственно работавших над этим проектом, мне по ходу дела помогало множество активистов и писателей. Несравненные участники команды Focus on the Global South в Бангкоке первыми определили «реконструкцию» как новый рубеж неокOLONиализма — это было ответвлением в их длительной исследовательской работе, посвященной кризисам. Особенно я благодарна за остроту видения таким людям, как Шалмали Гуттал и Валден Бело. За выдающееся разоблачение капитализма катастроф в Новом Орлеане я остаюсь в долгу перед Крисом Кроммом и его командой из Института исследований Юга, а также за то, что написал и сделал юрист-правозащитник Билл Квигли. Сорен Амброз, бывший участник группы Fifty Years Is Enough, стал для меня бесценным источником сведений о международных финансовых институтах. В сборе информации по злоупотреблениям в обращении с заключенными мне в огромной мере помогли Майкл Ратнер и бесстрашная команда из Центра по конституционным правам, равно как и Джон Сифтон из Human Rights Watch, отчеты Amnesty International и Джамиль Яффер из Американского союза гражданских свобод.

Многие из рассекреченных документов, приведенных в тексте книги, были найдены замечательными помощниками в Национальном архиве безопасности. Другим моим важным источником стали интервью из документальной трилогии PBS 2002 года «Командные высоты: битва за мировую экономику» (Commanding Heights: The Battle for the World Economy). Бóльшая часть процитированных в книге материалов не вошла в фильм, однако режиссеры приняли редкостное решение выложить расшифровку сырых интервью в Интернете. Я также благодарна Эмми Гудман и всей команде программы Democracy Now! Их яркие интервью не только дополняют ежедневные новости (www.democrasynow.org), но и выступают в качестве важного инструмента исследования.

Я выразила благодарность в тексте и в примечаниях также и сотням других журналистов и исследователей, труд которых я использовала. Обширная библиография доступна на сайте www.naomiklein.org, где приведены прямые ссылки на множество документов-первоисточников. Информация из некоторых книг стала для меня бесценной помощью, даже примечания и библиография не могут отразить, насколько она важна. Это книги «Неудачный крестовый поход» (Failed Crusade) Стивена Ф. Коэна, «К вопросу о пытках» (A Question of Torture) Альфреда Маккоя, «Ночь близится» (Night Draws Near) Энтони Шадида, «Роскошная жизнь в Изумрудном городе» (Imperial Life in the Emerald City) Раджива Чандрасекарана, «Лексикон террора» (A Lexicon of Terror) Маргарит Фейтловиц, «Настоящие преступления: Родольфо Вальш» (True Crimes: Rodolfo Walsh) Майкла Маккогана, «Чудо, Вселенная» (A Miracle, a Universe) Лоренса Уэшлера, «Имперская мастерская» (Empire's Workshop) Грега Грандина, «Кровавые деньги» (Blood Money) Т. Кристиана Миллера, «Планы Буша» (Bush Agenda) Антони Джухаж, «Экономисты Пиночета» (Pinochet's Economists) Хуана Габриэля Вальдеса, «Трагедия реформ России» (The Tragedy of Russia's Reforms) Питера Реддавея и Дмитрия Глинского, «Табо Мбеки и борьба за душу АНК» (Thabo Mbeki and the Battle for the Soul of the ANC) Вильяма Мервина Гумеде, «Глобализация и ее неприятные последствия» (Globalization and Its Discontents) Джозефа Е. Стиглица, «Ненадежная жизнь» (Precarious Life) Юдит Бутлер, «Исповедь экономического убийцы» (Confessions of an Economic Hitman) Джона Перкинса, «Досье Пиночета» (The Pinochet File) Питера Корнблуха и «Новые правители мира» (The New Rulers of the World) Джона Пилджера — кроме множества других его трудов. Я в долгу

и перед многими создателями документальных фильмов, чей отснятый материал помог мне понять события, которые я не могла наблюдать непосредственно. Основательный трехтомник Патрицио Гусмана «Борьба в Чили» (*The Battle of Chile*) заслуживает особого упоминания.

Несколько теоретиков и историков неолиберализма помогли мне расширить мои представления, чего, к сожалению, не могут отразить цитаты: это Дэвид Харви, особенно его «Краткая история неолиберализма» (*A Brief History of Neoliberalism*); в огромной мере все, что когда-либо было написано Джоном Берджером, Майком Дэвисом и Арундхати Роем. Когда я читаю и перечитываю труд Эдуардо Галеано, мне кажется, что там уже все сказано. Надеюсь, он простит мои попытки просто поставить отметки на полях, чтобы подчеркнуть его выводы.

Мне хочется отдать дань памяти и уважения пяти различным серьезным интеллектуалам, преданным своему делу, в которых я вижу героев. Они умерли, пока я писала эту книгу. Это Сьюзен Сонтаг, Джон Кеннет Гэлбрейт, Молли Ивинс, Джейн Якобс и Курт Воннегут. Такую потерю мне, как и многим другим, нелегко перенести.

Мне помогали и такие люди, как Миша Кляйн, Нэнси Фридланд, Энтони Арнов, Джон Монтесано, Эстер Каплан, Джон Кусак, Кашель Ганон, Стефан Кристоф, Камиль Махди, Пратар Шатерье, Сара Анджел, Мануэль Розенталь, Джон Джордан, Юстин Подур, Джона Гиндин, Эва Ясиевич, Мауде Барлоу, Юстин Александер, Джереми Пиксер, Рик Юнг, Артур Мануэль, Джо Нигрини, Давид Уолл, Джон Грейсон, Давид Меслин, Карли Стаско, Брендан Мартин, Билл Флетчер, Дэвид Мартинес, Джозеф Хафф-Ханнон, Офелия Уайтли, Бар Джилмор вместе с моими терпеливыми коллегами по синдикату *New York Times*, Глория Андерсон и Майк Ориччио.

Роджер Ходж послал меня в Ирак от журнала *Harper's*, чтобы написать статью, которая обернулась этой книгой, а Шарон Одди Браун и Андреас Шродер предоставили мне свой коттедж, когда я вернулась. Как всегда, я благодарна Катрине ван ден Хевел, Питеру Ротбергу и Гамильтону Фишу за то, что их стараниями я чувствовала себя в журнале *Nation* как дома.

Чтобы вырастить одного ребенка, нужна целая деревня. Перечитывая длинный список имен, я вижу, что для создания этой книги понадобился настоящий глобальный заговор. Мне посчастливилось получить поддержку этой поразительной человеческой сети.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Агентство национальной безопасности США 389, 393
Аграрная лига Аргентины 149, 172
Азиатский банк развития 510
Азиатский кризис
 история 344
 долгосрочные последствия 350
Алжир, пытки 63
Аль-Каида 396, 465, 546
Американский институт предпринимательства 18, 31, 421
Американский союз гражданских свобод 395, 483
Американское общество инженеров-строителей 543
Амнезия, побочный эффект электросудорожной терапии 48
Аргентина
 после переворота 1976 г. 121
 и революция чикагской школы 122
Аргентинский трибунал против безнаказанности 172
«Армия Махди», иракские шииты 470, 477, 495, 546
Афганистан 65, 170, 276, 395—396, 443, 480, 526, 545, 556, 599
Африканский национальный конгресс (АНК), политическая партия 256—257
 см. также Хартия свободы

Б

- «Бабушки Пласа-де-Майо», Аргентина 156
Балканская война, роль Halliburton в ней 378
Банк экспорта-импорта США 209
Бедность
 безразличное отношение к ней 88
 см. также: Богатство; Капитализм катастроф
Бездомность 182
Безработица
 в Аргентине 81, 124
 в Бразилии 81
 в Индонезии 353
 в Ираке 446, 453
 в России 311
 в США 27, 179, 190
 в Чили 81, 113, 116, 118
 в Южной Корее 353
 и низкая заработная плата 491
 как признак ограничения свободы рынка 75—76
Бензин 201, 361
 см. также Нефть
Берклийская мафия 91, 99—100, 110, 167
Берлинская стена 227, 240, 259, 347, 534
Благотворительный госпиталь, Новый Орлеан 532—533, 542
Богатство
 и алчность 77, 99, 119, 121,

- 278, 283, 302, 305—306, 308, 318, 320
и рост уровня неравенства 31, 120, 163, 260, 313, 319
и сглаживание неравенства 38, 165, 181, 242, 258—259, 270, 280
контрасты его распределения 34, 82, 96, 256, 316—317
накопленное при капитализме катастроф 361, 398—399, 426, 441
см. также: Бедность; Заработная плата
- Боливарианская альтернатива для Латинской Америки (ALBA) 600
- Боливия
выборы 192
применение шока 194
экономическое опустошение 191
- Бразилия
«Бразилия: это не должно повториться», отчет 127
и революция чикагской школы 97
после переворота 1964 г. 95
- В**
- Валютный кризис в Боливии 190
- «Вашингтонский консенсус» 219, 242, 262, 273, 283, 333
- Великая депрессия 190
- Венесуэла 597
- Вербовка (военная) 497, 547
- ВИЧ 270, 312
см. также СПИД
- «Водная посадка» 66
- Военно-промышленный комплекс 27
- Война
ее приватизация 21, 24, 29—30, 33, 188, 398, 411
ее ведение 79—80
и доходы корпораций 37, 84, 417
как коллективная пытка 42, 64, 138, 433—434, 437
как шоу 297, 303, 310, 368, 430
против террора 27—28, 65, 132, 134, 369, 381, 386—387, 390—391, 393, 396, 399, 404—405, 410, 419, 421, 442
- Восстановление после катастроф 18—19, 22
- Восточный Тимор 361
- Временная коалиционная администрация Ирака 455
- Всемирная торговая организация (ВТО)
противостояние ей 346
требование проведения экономической шоковой терапии 23, 265
- Всемирный банк
изначальные принципы 218
неоконсерваторы, работающие в нем 215
правительственные долги ему 209—210, 287
противостояние ему со стороны государств 96, 363
требование проведения экономической шоковой терапии 216—217, 219, 221, 242, 262, 330, 337—338

Всемирный экономический форум 282, 517, 555
 Всеобщая декларация прав человека ООН 162
 Вьетнам, пытки в стране 62

Г

Газ природный 297
см. также Нефть
 «Газпром» 305, 413
 «Галериас Пасифико» 156
 Гарвардский институт международного развития 291, 307
 Гватемала
 и операции ЦРУ 85—86
 и пытки 62—63
 Генеральное соглашение по таможенным тарифам и торговле (ГАТТ) 262
 Геноцид 36, 138—140, 154, 177
 Германия, восстановление после войны 80
 Глобализация
 ее восхваление 272, 282, 343,
 мнимый признак здоровой экономики 30, 157
 Гондурас
 пытки и политические убийства в стране 58
 Гонконг 181, 244, 563
 «Государство отрицания» 417
 Границы, проблемы безопасности 36
 Группа по изучению Ирака 13, 492
 Группа поддержки жертв цунами, Таиланд 525
 Гуантанамо, тюрьма 28, 42, 67—69, 395—397, 443, 481

Д

Давосская дилемма 555
 Движение безземельных людей в Бразилии 598
 Девелопментализм
 его запланированная экспансия в Чили 78, 80—81
 меры, предпринятые против 86, 88
 Демократия
 начальный расцвет в Ираке 72
 ее провал в Ираке 72
 потенциальная несовместимость с экономикой свободного рынка 25, 35, 181, 213, 243—244
 стремление к ней 92, 167, 229—230, 233, 240, 247, 288—289
 см. также Неолиберализм
 «Демократия за работой», программа 262
 Депрессия экономическая 79
 см. также Великая депрессия
 Дерегуляция
 ее навязывание 82, 108
 «Доктрина одного процента» 435
 Долг правительственный
 Аргентины 185, 210—211
 Бразилии 212
 Канады 335—336
 Польши 232—234, 239
 России 287, 322, 324
 Уругвая 209
 Чили 118—119
 Южной Африки 269, 276—278

- стремительный рост 208, 213
 частичное списание 218, 220, 235
- Долговой кризис 25, 213, 218, 334—336
см. также Процентная ставка
- Долговой шок 212, 214
- Допрос в контрразведке
 методика Kubarck 33, 59
- Допросы 32, 42, 50, 52, 57, 62, 65—66, 129, 153
- Е**
- Европейский союз
 его тактика 314
см. также: Демократия; Капитализм; Комплекс капитализма катастроф; Кризис; Структурная перестройка
- Ж**
- Жадность экономическая 559
- Женевская конвенция 64, 482
- З**
- Закон
 о военной комиссии 66
 о патриотизме 398
 о свободе доступа к информации 45
 об ассигнованиях на оборону 402
- Заккрытие границ Израиля 566—569
- Заработная плата
 минимальная 82—83, 200, 266
 снижение ее уровня 115
см. также: Бедность; Богатство
- «Зеленая зона»
 для населенных пунктов 446—447, 455, 473, 479, 538, 541—542, 551
- Земельная реформа 90, 193, 265, 596
- Золотой стандарт 271
- И**
- Идеологии 26—27, 30—31, 36—38, 80, 90, 140—141, 162, 173, 194, 213, 240—241, 282, 308, 326, 330, 362, 388, 494, 592, 600
- Изменение климата 28, 537, 560—561
- Израиль
 военные расходы и политика экономики безопасности 564, 571—574, 578—579
 и закрытие границ 567
 и экономика насилия в «зеленой» зоне 562—563, 570, 580—581
 иммиграция из России в страну 565—566, 568
 консультанты по безопасности 420, 576—577
 конфликты в стране 428, 561, 569
 Израильский институт экспорта 562
- Индекс «оружие — икра» 562
см. также Давосская дилемма
- Индонезия
 после переворота 1965 г. 96—97, 168—169, 181
 уступка требованиям МВФ 348—349, 352

- экономическая депрессия
в стране 98—100, 342—343,
360—361
экономические последствия
цунами 307, 521
- Иностранная помощь
ее потенциальное значение
для России 290, 332
отказ от ее предоставления
для усиления кризиса 521
- Институт Адама Смита 455
Институт Гау 335
Институт глобализации и соци-
альных движений 297
Институт Гувера 345
Институт Западного полушария
по сотрудничеству в сфере
безопасности 597
Институт имени Аллана 45—46,
54, 57, 61, 68, 71
Институт Катона 31, 347
Институт Милкина 345
Институт политических исследо-
ваний 135
Институт Фрезера 335
- Инфляция
в Аргентине 214, 221
в Боливии 192—193, 195, 199,
202, 206
в Чили 113, 136, 155, 160
ее скрытые причины 75—76,
111, 115
- Ирак
военные действия в стране
72, 186, 198, 413, 416,
433—434, 436
грабеж и мародерство
в стране 302, 306, 394, 426,
439—441, 443—444
и смягчение долговых обяза-
тельств 414—415
неудачи восстановления 31,
314—315, 412, 417
потери среди гражданского
населения 29
применение экономического
шока 21—22, 24, 36—37, 102,
171, 316, 403, 408, 421
похищение людей 437
см. также Временная коа-
лиционная администрация
Ирака
- Иран 84—85, 183, 428
- Испания
сопротивление фашизму
в стране 610
«Истина, пытки и американский
путь» 64
- Исчезновение людей
как средство террора 124,
128, 130, 145, 147, 312
- К**
«К вопросу о пытках» 621
Калифорнийский университет
97, 181
Капитализм
его мафия 24, 78—79, 111,
134, 154, 156—157, 163, 203,
213, 234, 248—249, 251, 254,
290, 299, 303, 308—309, 313,
315, 317, 356, 412
смешанный и чистый 33—34,
74—75, 80, 141, 164, 243—245,
330
как идеологическая монопо-
лия 20, 23, 45, 189, 233,
271

- отождествление его со свободой 35, 77, 83, 108, 121, 165, 180, 190, 194, 241, 306, 327, 330, 347, 364
 оппозиция его несвязанной версии 37—38, 237, 242—243, 253, 362
см. также: Капитализм катастроф; Неолиберализм; Экономика
- «Капитализм и свобода», манифест Фридмана 34, 83, 108, 117
- Капитализм катастроф
 в Ираке 72, 421
 порожденные им конфликты интересов 19, 22, 393, 405
 после событий 11 сентября 27, 357, 388, 418—419
 создание его основ 26, 30, 223, 373, 376, 387
- Католическая церковь
 ее роль в Польше 228, 231
- Католический университет, Чили 87, 100—101, 143
- Кейнсианство 108, 326—327, 618
- «Кирпич», чилийская экономическая программа как официальная политика 101—102, 108—109, 198
- Китай
 и азиатский кризис 247, 348
 и либерализация рынка 249—251
 и рыночная экономика 243, 245—246
- Класс социальный 81, 120, 206, 294, 584
- Колониализм и экономическая эксплуатация 77, 84
- Колумбийский университет
 «Командные высоты», документальный телефильм 620
- Комиссия ООН по делам беженцев 488
- Комиссия по освобождению Ирака 412, 416
- Комитет мира, Чили 166
- Коммунизм как идеология 81, 85
- Комплекс капитализма катастроф 27, 393, 405, 411, 547
- «Конец истории» 241
- «Конец нищеты» 206, 300
- Контракты 28, 31, 291, 305, 307, 358, 377—378
- Контроль над капиталом 355
- Корпоративизм
 восстановление его разрушительных последствия 363
 его продвижение частным сектором 119, 302, 399, 411
 международная политика как его инструмент 31, 36, 173, 206, 217, 283, 488
см. также: «Оболочечные» корпорации; Транснациональные корпорации
- Коррупция
 благоприятные условия для нее в России 306, 308, 314, 317
 и беззаконие 245, 303, 315
 и идеология 209
 и правительство 185, 211, 290
 как мнимая причина экономических неудач 195

- как следствие экономической шоковой терапии в Ираке 458, 467
- Красный Крест 374
- Кризис
его искусственное создание 19—20, 25—26, 36, 188—189, 218—219, 331—337, 374
усиление его тяжести 112, 194, 201, 208, 214, 343—344, 348, 354, 359
- «Кризисная гипотеза» 190
- Куба 595
см. также Гуантанамо
- Кувейт 304, 413—415, 491, 496, 498
- Культура 36, 142—144, 439, 443
- Л**
- «Лексикон Террора» 172, 621
- «Лексус и оливковое дерево» 361
- Ливан
сопротивление шоковой терапии в стране 579, 588, 605, 608, 610
- «Ликуд», израильская партия 571
- Лишение человеческого достоинства
его роль в пытках 439
- Лоббисты 16, 411, 417, 495, 511, 587
- «Лукойл» 452
- М**
- Малайзия
ее сопротивление требованиям МВФ 348
- экономическая депрессия в стране 343
- Мальдивы, экономические последствия цунами 521
- Марксизм 78, 86, 150
- Медицинский центр Окснера 532—533
- Медицинский центр Уолтера Рида 495
- Межамериканский банк развития 211
- Международная комиссия юристов 162
- Международная организация труда 353
- Международный аэропорт Сан-Франциско 517
- Международный валютный фонд (МВФ)
его изначальные принципы 217, 339—340
его хаотичное обращение с польской экономикой 233, 239
в Ираке 305, 313
и неоконсерваторы, работающие в нем 215, 221
и правительственные долги 216
и проведение экономической шоковой терапии 212, 218—219, 287, 317, 322—323, 352
и противостояние ему 96, 319
обратная реакция на его терапию азиатского кризиса 347—349, 353, 355, 360
и усиление кризисов 197, 209, 359

Международный республиканский институт 476

Мексика

нелюбовь к корпоративистскому государству в стране 317, 559, 595

Менатеп 305

Министерство национальной безопасности США 29, 387, 390—391, 410, 543

Миротворчество 27, 498

Мозамбик 279

«Монтонеро», движение 130, 133

Мошенничество 119, 209—210, 304, 315, 340, 467, 468, 586—587

см. также: Бедность; Всемирный банк; Капитализм катастроф; Коррупция; Приватизация; Социальные расходы; Шоковая терапия

Н

Нагнетание страха 436

Наемные солдаты в Ираке 470, 495

Намибия 240

Наркоторговля 202

Насилие

его потенциальный рост после катастроф 527—528, 573

Национализация промышленности 256, 595

Национальная гвардия США 16, 370, 402

Национальный контртеррористический центр США 394

Неоконсерватизм 330, 535

Неолиберализм

и беззаконие 172, 319

и насилие 172

см. также: Чикагская школа; Демократия

Неправительственные организации 309, 427, 511, 526—527, 548, 608

Нефть

государственный контроль над ней 81, 179

доходы от нее 304

и политика цен 194, 197, 213, 311, 340

приватизация контроля над ней 167, 408

присвоение права контролировать ее распределение 99, 426

Никарагуа 183, 516, 594, 601

«Новый курс» 34, 38, 80, 82

«Новый порядок в Китае» 247

Новый Орлеан

его судьба как предостережение для США 383, 532, 535, 542, 552

нехватка общественных школ 17—18

после урагана «Катрина» 22, 24, 533—534, 543, 554, 612

«Норильский никель» 304

О

«Оболочечное» правительство Ирака 382

«Оболочечные» войны 370

«Оболочечные» корпорации 369

- Общество
его сопротивление навязанным изменениям 25, 36, 115, 140
см. также Отдача
- Общество по исследованию экологии человека 54
- Общество Мон-Пелерин 79
- «Общество собственников» 182
- Общий оборонный индекс 552
- Окружающая среда
загрязнение 537
охрана 516
- Онэксимбанк 305
- Операция «Кондор» 126, 140
- Операция «Чистка» 143
- Оружие массового поражения 428, 437
- Отдача 459—460, 469, 472, 478
см. также Общество
- Отдел информационных технологий 379
- Отдел по вопросам государственной этики 405
- П**
- Палестина
конфликт в ней 171, 564
палестинцы и экономика 579
- Патенты
противоречивые законы относительно них 376
злоупотребление ими 377, 573
- Пенсионные фонды в Южной Африке 278
- Перу 139, 183, 202, 331, 564
- «Переворот» 403
- План Маршалла 282, 324—329, 453
- Площадь Тяньаньмэнь
как место противостояния 244
- Польша
как мнимый пример успеха свободной экономики 232, 235, 239, 254
протест против последствий шоковой терапии 240, 252—253
- Помощь
жертвам катастроф 355, 415, 453, 456, 466, 499, 507, 510, 515, 519, 527, 542
иностранная 211, 266, 331, 516, 518, 521
развивающимся странам 197, 526, 608
см. также Долг правительственный
- Права человека
их нарушение в Ираке 24
Всеобщая декларация прав человека ООН 162—163, 165
неисследованные причины их нарушения 128, 156, 169
их связь с политикой и экономикой 131, 135—136, 161, 170, 354
- «Правда и примирение», комиссия 144, 146, 275—276
- Правительственные контракты США
заключение вне конкурса и без контроля 358, 411, 413
увеличение их объема 28
см. также Капитализм катастроф

Правительственный совет Ирака
474, 477

Правительство США
приватизация его функций 27
расходы на частные службы
211, 291, 307
рискованные долги 86

Приватизация
в Великобритании при Тэтчер
24, 183, 188
в Пентагоне 420
тенденция в правительстве
и армии США 337, 405, 441
и коррупция 305—306, 309,
315, 317, 373
противостояние ей 252—253,
319, 374
скрытые последствия 219,
221, 223, 278

Программа «безопасных остро-
вов» 524

Продукты потребления
их выбор 37, 201, 232

«Промывание мозгов» 51—52

Протекционизм 349

Профсоюзы
влияние на политику прави-
тельства 183, 187, 329, 350
нападки на них в Польше
228, 234
профсоюзное движение 77,
81, 145
их статус после 11 сентября
385

Процентная ставка 110, 208,
212—213, 326, 335

Пытки
их широкое распространение
145, 149

как метафора капитализма
катастроф 32, 154
как средство получения нуж-
ной информации 42, 66
как средство принуждения
63, 69, 172, 436
как терапия и унижение
человеческого достоин-
ства 62, 64—65, 170, 171,
398
обстоятельства, благопри-
ятные для их использования
95, 127, 314
руководства и методики 32,
51—53, 60, 128, 131
способы их пережить
275
см. также: Электрошок; Тер-
роризм

Р

Расизм 257, 343, 590

Распознавание поведенческих
паттернов, психологическая
методика 575

Рейганомика 30, 35, 178, 190

Реконструкция 28, 314, 387, 416,
453, 467, 469, 515, 527, 599, 604
см. также Помощь

«Реконструкция Шри-Ланки»
513—514

«Роскошная жизнь в Изумруд-
ном городе» 621

Россия

влияние чикагской школы
291, 299

и экономическая шоковая
терапия 289, 293, 295—296,
313

и падение рынка 287, 301
 навязывание стране экономической шоковой терапии 25, 309, 314
 экономика черного рынка в стране 290, 302, 306, 308, 316
см. также Советский Союз

С

Самоубийства

статистика по России 312
 статистика по Южной Корее 344, 360

Саудовская Аравия 428

Свобода

в понимании Фридмана 20, 25, 34, 74
 ее отождествление с капитализмом 95, 136, 180
 личная 77, 244

«Свободен выбирать», серия телепередач PBS 190

Свободная торговля

навязанная 23, 111, 113, 219, 292, 349, 429
 приписываемые ей преимущества 76, 259
 сопротивление ей 345, 363, 374

Секретность 66, 125, 273, 481

Сенсорная депривация 52—53, 33, 481

Сент-Бернар 539, 543, 552

Сибирская язва 384

«Сиданко»

и выгода от азиатского кризиса 304

Скандинавия

ее экономический успех 593

и социальная демократия 233, 286

СМИ

их связь с капитализмом катастроф 336, 436

Совет обороны США 412, 418

Советский Союз

его распад 35—36, 289, 295
 и социальная демократия 286
 требования провести экономическую шоковую терапию 287, 329
см. также Россия

«Солидарность», польский профсоюз 228—239, 245, 252, 254, 591

Социализм 241, 592—593

Социальные работники 150, 164

Социальные расходы 31, 349, 420

см. также Структуры социальной защиты

Специальная комиссия по перестройке, Шри-Ланка 518

Специальный комитет по Чили корпораций США 93

СПИД

патенты на лечение в Южной Африке 205, 270, 377

Структурная перестройка 215, 218, 262, 338, 340, 460, 494

Структуры социальной защиты 80, 88, 380

Т

«Табо Мбеки и... АНК» 268, 621

Таиланд

подчинение требованиям МВФ 348—350, 352

- последствия цунами 507, 521, 525, 610—612
экономическая депрессия 343, 353
- Тайная полиция 124, 130, 163, 187, 232, 373, 591
- «Текила кризис» 224, 317, 344
- Тель-Авивская биржа 578—579
- Террор
его воздействие 99, 136, 211
его искусственная организация 33, 109, 124
отрицание его использования и поддержки 131, 164, 214
см. также Война
- Терроризм
его акты 30, 428
его поддержка со стороны правительств и корпораций 27, 147, 151, 393
как оправдание арестов 169
как оправдание для нарушения закона 146, 313
как разновидность шока 427
как средство очернить противника 435
условия, его поддерживающие 389—399
см. также: Культура; Пытки; Центральное разведывательное управление; Электрошок
- «Терроризм в тисках закона», иракская телепередача 485
- Террористы-смертники 504
- «Тигры Тамила» 504
- Торговцы из Китая
как объект ненависти населения Юго-Восточной Азии 360, 633
- Транснациональные корпорации
их борьба против Альенде 602
их интересы 403—404, 444, 551
- Тринидад и Тобаго
действия МВФ относительно страны 339—340
- Турция
и займы МВФ 331, 601
- Тюрьмы
издевательства над заключенными 42, 63, 68—70, 107, 145
их приватизация 373
- У
- Убежища 130, 510—511, 533, 549
- Университет Индонезии 98, 167
- Университет Макгилла 42, 45—46, 52, 61—62, 128
- Университет Тукумана, Аргентина 180
- Университет Чили 87, 116, 143
- Уолл-Стрит 82, 181, 313
- Управление контрразведывательной полевой деятельности США 389
- Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США 375, 384
- Управление реконструкции и стабилизации США 497
- Ураган «Катрина» 18, 22, 411, 533—534, 537, 541—543, 547
- Ураган «Митч» 516—517
- Уругвай
после переворота 1973 г. 121, 126

революция чикагской школы
в стране 143, 209, 432
Устройство Пейджа-Расселла
49, 54, 63

Ф

Фармацевтическая промышленность 16

Федеральное агентство по
чрезвычайным ситуациям
(FEMA) 382
его ненадежность 382
и «оболочечное» правитель-
ство 534

Федеральный совет по нефти
и газу, Ирак 493

Фермеры

меры против них 140,
149—150

Филиппины

подчинение требованиям
МВФ 348, 359
пытки в стране 62, 214
экономическая депрессия
в стране 343, 352, 354

Фолклендская война 184,
186—188, 208

Фонд Heritage 31, 190, 331, 374,
383, 421, 463, 536

«Френте амплио», уругвайская
коалиционная партия 589

Х

Хартия свободы, Южная Африка
256—258, 260, 262, 264, 271,
274—275, 281

«Хамаз» 428, 562, 579

«Хезболла» 605—606, 608—609

Ц

Центр изучения экономики
Латинской Америки 88

Центр политики безопасности
США 560

Центральное разведывательное
управление (ЦРУ)

деятельность в странах Юж-
ного полушария 101—102,
106

деятельность против Альенде
93—94, 133

деятельность против Сукарно
96

и его интерес к методике пси-
хического управления 45, 47,
50, 52—53, 55, 57—59, 62

и пытки 32, 42, 63, 69, 107,
127, 432

инициированные им перево-
роты 85, 92, 100

финансирование Междуна-
родной комиссии юристов
162

Цунами (декабрь 2004 г.)

и денежная помощь постра-
давшим 507, 509—510, 519,
526, 528

произведенное им опустоше-
ние 503, 506, 521

местные работы по ликви-
дации последствий 504, 515,
518, 557, 611

Ч

«Черная книга коммунизма» 37

Чечня

отвлекающая война 303

Чикагская школа 20, 26, 75—77,
82, 90, 120, 131, 147, 180, 193,

- 207, 213, 218, 251, 287, 302, 351
ее продвижение Госдепартаментом США 122, 190, 215
см. также «Вашингтонский консенсус»
- Чикагские мальчики 90—92, 98—102, 108—113, 116, 118—119, 122, 141, 143, 150—151, 160, 166—167, 172—173, 177, 179, 190, 198, 210, 215—216, 218, 220—222, 237, 245, 266, 290—291, 301—302, 304, 315, 325, 338, 347
- Чикагский университет 73—74, 82, 84, 87—89, 160, 179
- Чили
зависимость от добычи меди 93, 119
и пытки в стране 32, 62, 107, 124—125, 128
и революция чикагской школы 90—91
применение шока после переворота 81, 102, 106, 115—116, 118, 120
- Чистка 143—144
см. также Культура
- Ш**
- «Шок Волкера» 212, 335
см. также: Долговой шок; Процентная ставка
- «Шок и трепет», документ 430, 435
- «Шок и трепет», военная доктрина 198, 434, 436
- Шоковая терапия
в России 201, 203, 206, 222, 233, 251, 287, 292—296, 299, 302, 307, 311—313, 374
потребность в состоянии дезориентации 235, 240
см. также Электрошок
- Шоковая терапия экономическая
ее побочное действие 115, 200, 252, 310, 314, 361, 441
мнения о ее значимости 114, 237, 249, 329
после 11 сентября 24, 27, 29, 387
реакция против нее 238, 253—254
- Шри-Ланка
планы ее экономического развития 510—512, 518
положение после цунами 22, 503, 506, 510
последствия шоковой терапии 514
проведение шоковой экономической терапии 513, 515
- Э**
- Эквадор 183, 595, 598, 602
- Экономика
индустрии безопасности 29
и ее продукция 78, 114
см. также: «Вашингтонский консенсус»; Капитализм; Чикагская школа;
- Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки 81
- Электрошок
как терапия 45, 48—49, 54, 59, 63, 114, 136
см. также Амнезия

«Это не должно повториться»,
отчет 146
см. также «Бразилия: это
не должно повториться»

Ю

Южная Африка

избавление от апартеида
240, 256, 260
воздействие разных видов
шока 259, 263, 269—270, 274,
277

Южная Корея

экономическая депрессия
в стране 343—344, 353
ее подчинение требованиям
МВФ 348—349, 352

Южноафриканский фонд прав
человека 276

ЮКОС 304, 586

ЮНИСЕФ 29, 311

А

Accenture 393

Action Against Hunger 527

ActionAid 521

Aman Resorts 511

Americas Watch 166

Amnesty International 69,
161—165

Amoco 318

AMR Corp. 318

Appeal Telecom 359

ASEA Brown Boveri 375

AshBritt 539

Ashcroft Group 410

Ashmore Investment
Management 355

AT&T 393

Atlantic Monthly 314

Automated Targeting System
(ATS) 394

В

Baker Botts 413—414

Baltimore Sun 59

Bangkok Investment 356

Bank Boston 222

Bank of America 93

Barron's 117

Bechtel 29, 190, 319, 403, 416

Bell Canada 359

Bioport 384

Blackwater 29, 370, 449, 464, 479,
495, 497, 537, 545—546, 549,
551

Blue IQ 279—280

Boeing 358, 393, 395, 405,
418—419, 576

Booz Allen Hamilton 392, 605

Boston Globe 299—300

British Gas 188

British Petroleum (BP) 188

British Telecom 188, 359

Brown & Root 377—378

Bulgari 512

Burson-Marsteller 123, 151

Business Roundtable 548

Business Week 115, 123, 194,
357—358, 568

С

CACI International Inc. 496

Capital Correctional Resources
381

Carlyle Group 356, 413—415,
455, 499

Carrefour 358

Charles Schwab 345

Chase Manhattan 123, 211

Check Point 575

Chesapeake Innovation Center
399

Chevron 408, 452, 548, 558

ChoicePoint 393

Citibank 82, 211, 222, 344

Citicorp 318

Citigroup 452, 512, 576

Coca-Cola 358, 416

Codelco 119

Cogeneration 359

Computer Sciences 380

Comsur 195

Comverse 574

Creative Associates 455

Credit Suisse First Boston 302

Crisis Consulting Practice 471

Custer Battles 23, 467—468

D

Daewoo 346, 357—358

De Beers 270, 272

De La Rue 451

Defense Venture Catalyst
Initiative 389

DynCorp 455, 465, 552

E

Elbit 577

Electronic Data Systems 380

Enron 118, 315, 318, 384—385,
480, 587

Entergy 542

Ericsson 358

ExxonMobil 403, 408, 426, 452,
558, 560, 571

F

Fast Company 551

Fiat 147

Financial Times 185, 362, 555,
602

Firestone Tire & Rubber 190

Fluor 417, 537, 548—549, 551

Forbes 302, 316—317, 572

Fortune 35, 98, 178, 370, 573,
575

Four Seasons 512, 522

Fox News 419, 562

G

General Electric 357—358, 407,
560

General Mills 190

Getty Oil 190

Gilead Sciences 376—377, 402,
406

Golan Group 576

Good Harbor Consulting 410

Guardian 187, 438, 521, 618

H

Halliburton 29, 370, 377—380,
395, 403, 405, 408—409,
454—456, 462, 465, 471, 496,
498, 537, 599

Hansol 359

Harper's 460, 622

Health Net 497

Help Jet 544

Hewlett-Packard 358

Hollinger International 587

Honeywell 407

HSBC 452, 490
 Human Rights Watch 480, 482,
 484, 620
 Hunt Oil 417
 Hyundai 346

I

IAP Worldwide Service Inc. 497
 IBM 211
 Innovative Emergency
 Management 534
 Instinctive Shooting International
 575
 Interbrew 358
 International Nickel Co. 85
 International Security Instructors
 575
 International Telephone and
 Telegraph (ITT) 93
 InVision 560

J

J.P. Morgan & Company 85
 Jeppesen International Trip
 Planning 395

K

Kenyon 538
 Kia Motors 356
 Kissinger Associates 417
 KPMG 454, 463—464, 470

L

L-3 Communications 497
 Laissez-faire 31, 74—75, 80
 LexisNexis 560
 LG 346, 358
 LG Energy 358
 Lighthouse Disaster Relief 539

Lockheed Martin 379, 416, 550,
 557
 Lonely Planet 505
 Los Angeles Times 234, 314, 378,
 439, 485, 547
 Lyonnaise des Eaux 359

M

Magal 576—577
 McDonald's 28, 442, 452, 490
 MCI Communications Corp. 318
 Mercedes-Benz Corp. 149, 211
 Merrill Lynch & Co. 356
 Michael D. Brown LLC 411
 Microsoft 369, 380, 391, 572
 MKUltra 50, 58, 60, 63
 Monsanto 173, 375
 Moody's 334—336
 Morgan Stanley 345—346,
 355—356, 358
 Motorola 359
 MPRI 547
 National Post 583

N

NBC 560
 Nestlé 358
 NetJets 551
 New Age Security Solutions
 575
 New Bridge Strategies 411, 444,
 490, 537
 New York Times 18, 25, 28,
 59—60, 117—118, 159, 192,
 203, 265, 271, 295, 325, 327,
 340, 349, 357, 363, 380, 388,
 403, 410, 414, 467, 485, 490,
 493, 528, 535, 539, 589, 622
 New York Times Magazine 25, 485

- Newsweek 160, 301
Nice Systems 574
Nike 157, 369, 547
Nissan 358
Northrop Grumman 380
Novak Biddle Venture Partners
388
Novartis 358
- O**
Oxfam 527
- P**
Pacific Architects and Engineers
499
Paladin Capital Group 410
Pan American Airways 123
Parsons 454—455, 464—465,
467, 537
PepsiCo 190
Pfizer Chemical 93
Platform 493
Powergen 358
PricewaterhouseCoopers 517
Procter & Gamble 444, 490
Purina 93
- R**
Red Herring 394
Repsol 222
Ridge Global 410
Riggs Bank 210
Royal Dutch/Shell 305, 318
- S**
Salient Stills 392
Salomon Brothers Inc. 318
Samsung 346, 357
Save the Children 527
SC Johnson & Son 357
Seagram's 358
Searle Pharmaceuticals 375
Sears 328, 375
Seisint 393, 560
Service Corporation International
538
Shaw Group 538
Shell 408, 452, 492, 576
Silicon Valley Graphics 407
Smith Barney 356, 512
Solidere 606—607, 609
Sotheby's 512
Ssangyong Information
and Communication 356
Standard & Poor's 557
Starwood 452
Sullivan & Cromwell 85
SuperCom 574
- T**
Tamiflu 376—377, 402—403,
406—407, 549
Telefynica 222
Telmex 517
Tesco 358
Texaco 576
Thames Water 359
The Nation 136, 415
The New Yorker 395, 418
Time 97, 222, 230, 286
Total 304, 408
Travelers Group 356
Triple Canopy 551
Tireme Partners 418
- U**
Union Carbide 417
United Fruit Company 85, 404

Uniyn Fenosa 517, 594—595

USA Today 457

USAID 86, 89, 142, 291, 307, 453,
510—511, 519—520, 526, 453

USIS 413, 455

V

Verint Systems 393

Vinnell 455

Vivendi 222

Volvo 357

W

Wall Street Journal 17, 35, 248,

273, 301—302, 318, 356, 408,
516, 536

Wal-Mart 444, 467, 479, 490, 537,
544

Washington Post 69, 118, 288,
295, 297, 300, 348, 351, 386,
416, 439, 462

Westcoast Energy 359

Wired 392

World Vision 527

Y

Yahoo 393

Yamaichi Securities 356

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абдулла Ахмед 439
Абрамофф Джек 409, 587
Авен Петр 291, 296
Агресто Джон 441—442
Айзенберг Кэролин 328—329
Акунья Клаудиа 170, 427
Александр Джейн 389
Али Хадж 483—484
Алими Гизель 171
Аллави Али Абдул-Амир 21
Алсогари Мария Юлия 318
Альбац Евгения 310
Альенде Сальвадор 91—95, 97,
99, 100—102, 105—106,
108—109, 111—112, 114,
116—121, 133, 135, 141—143,
159, 183, 293—294, 296
Альфонсин Рауль 208, 214, 220
Антильяно Андрес 583
Арар Махер 436
Арафат Ясир 563—564, 570
Арбатов Георгий 313
Арбенс Гусман Хакобо 87
Арендт Мариан 229
Армитидж Ричард 472, 487
Артигас Хосе Хервасио 142
Аснар Хосе Мария 609—610
Ахмед Рухел 443

Б

Бадху Дэвисон 218, 338—340
Баззи Мохамад 606
Байер Освальдо 153
Бальцерович Лешек 227, 237,
239—240, 331

Бансер Уго 192, 194—197, 199,
204
Барак Эхуд 564, 569
Бардон Альваро 267
Барцехски Чарлен 358
Басевич Эндрю 387
Браун Майкл 411, 535
Бауэрсокс Джон 491
Бачелет Мишель 596
Бегг Муаззам 154
Бедрегаль Гуильермо 196—199
Бейкер Джеймс 356, 411—415,
417, 492
Бейкер Кен 31
Бейкер Ричард 17
Бекер Гэри 73—74
Белл Дэниел 75
Беллафонте Гарри 531
Белло Уолден 349
Белька Марек 446
Бен-Ами Шломо 564, 568, 570
Бенн Тони 185
Берджер Джон 622
Березовский Борис 587
Бернстейн Джонас 306
Бивенс Мэтт 305—306
Бластейн Пол 349
Блек Конрад 587
Блендфорд Дейв 545
Блитцер Вольф 419
Блитцер Чарльз 301
Блэр Тони 186, 477, 498
Боаль Аугусто 142, 144
Бовуар Симона де 171
Бодрийяр Жан 603
Болдуин Мейтленд 53

Боливар Симон 142
 Боно 321—322
 Бордаберри Хуан Мария 214,
 586
 Бортновска Халина 239
 Борхес Хорхе Луис 184
 Боуэн Стюарт 490, 499
 Брайен Дэниэла 416
 Браудер Уильям 227
 Бремер Л. Пол 21, 412, 426, 432,
 441, 443, 446—452, 454,
 456—457, 459—461, 464,
 467—477, 479—480, 490—492,
 495—450
 Брехт Бертольд 471
 Бринкли Пол 491
 Бруно Майкл 337
 Брутус Деннис 277
 Буньян Хун 354
 Бут Джером 355
 Бутлер Юдит 621
 Буш Джордж, младший 17,
 26—27, 29, 31, 33, 36,
 164—167, 183, 186, 188, 223,
 235, 368, 373—374, 381—384,
 396, 402—405, 409, 411—419,
 422—425, 449, 452—455,
 457—462, 470—474, 476—478,
 481, 487, 489, 492, 494,
 499—500, 534—536, 538—539,
 452, 545—547, 550, 580,
 588—589, 592, 605, 613,
 620
 Буш Джордж, старший 234, 287,
 313—314, 325, 330, 356, 375,
 377—378, 401, 413, 447
 Буш Лора 365
 Бэттлз Майк 23

В

Вагнер Билли 545
 Валенса Лех 227—232, 236—237,
 239, 253—254
 Вальдес Хуан Габриель 90, 621
 Вальш Вики 131
 Вальш Родольфо 130—132,
 141—142, 144, 170, 353, 427,
 588, 594
 Ван Хуэй 247, 249, 251
 Варли Джон 511, 519—520, 529
 Васильев Дмитрий 292
 Вдовин Юрий 592
 Вебб Джим 584—585
 Веласко Портилло Сусан 196
 Вельгош Пшемислав 236, 618
 Венерозо Франк 359
 Видела Хорхе 58, 46
 Вильяни Марио 135, 153—154
 Волкер Пол 212, 214, 224, 335
 Воннегут Курт 622
 Вудворд Боб 417
 Вуек Хенрик 239
 Вулси Джеймс 410, 574
 Вулф Майкл 462
 Вулфовиц Пол 429, 447, 607
 Вульф Мартин 463, 556

Г

Гайдар Егор 291—292, 294, 300,
 306, 447, 457
 Галеано Эдуардо 21, 103, 142,
 144, 159, 596, 622
 Ганди М.К. 175
 Гарви Маркус 258
 Гардинер Сэм 401
 Гарнер Джей 450
 Гарсон Бальтасар 140
 Гартен Джефри 357

Гаюм Момун Абдул 523—524
 Гевара Че 92, 142, 207, 259, 583
 Гелб Лесли 298
 Гельб Стивен 273—274
 Геуна Грасиела 146
 Гибсон Мак-Гуайр 439
 Гиллерман Дан 563, 579
 Гингрич Ньют 513
 Гиттингер Джон 58
 Глинский Дмитрий 299, 621
 Голдберг Джон 536
 Голден Билл 395
 Голдмен Сакс 318
 Гонзалес Альберто 65
 Горбачев Михаил 231, 233, 238,
 241, 285—289, 292, 294,—295,
 593
 Гордон Майкл 475
 Горин Григорий 285
 Готтлиб Сидни 58
 Грехэм Патрик 460
 Гринспан Рикардо 198, 200, 619
 Гринспен Алан 347
 Гросс Дэниел 367
 Гроссмен Стивен 572
 Грэхэм Дуглас 416
 Гузетти Сесар Аугусто 133, 211
 Гуидотти Пабло 220
 Гуларт Жоау 90, 95
 Гумеде Вильям 267—269,
 272—273, 282, 621
 Гундер Франк Андре 88,
 116—117, 143, 312, 338
 Гусев Владимир 312
 Гусинский Владимир 587
 Гусман Патрицио 621
 Гэлбрейт Джон Кеннет 80, 622
 Гэррити Нед 94

Д
 Далео Грасиела 210
 Даллес Аллен 85—86
 Даллес Джон Фостер 85, 404
 Десай Ашвин 274—275
 Джексон Брюс 416, 420
 Джексон Майкл П. 547
 Джокали Эндеша 543, 612
 Джулиани Руди 410
 Доддс Лу 590
 Дойл Лен 98
 Дорган Байрон 466
 Доссари Джума аль- 69
 Дугард Джон 581
 Дэвис Майк 540, 622
 Дэн Сяопин 243, 249, 304, 354,
 593
 Дэниелс Митч 382

Е
 Евен-Эзра Якоб 577
 Ельцин Борис 24, 206, 287—305,
 307—317, 319, 232—325,
 329, 331—332, 447, 565—566,
 593

З
 Закариа Фарид 445
 Зикоде С'бу 282
 Зондаг Корнелиус 191

И
 Ивинс Молли 622
 Иглбергер Лоренс 325
 Илстнер Джон 399
 Иоанн Павел II 228

Й
 Йи Джеймс 68

К

Кабальеро Флоренсио 58—59
 Кавальо Доминго 211, 220—223,
 319, 337, 586—587
 Кавзали Сасин 608
 Кагарлицкий Борис 297—299,
 618
 Кайфу Тошики 287
 Калайсельвам Сеенивасагам 508
 Камдессю Мишель 338, 347
 Канизаро Джозеф 16
 Капур Аджей 512
 Кастелло Бранко Умберто 95
 Кастро Серхио де 89, 101, 108,
 110—111, 113—114, 119, 130,
 151, 153
 Кастро Фидель 92
 Качиньский Лех 591
 Качиньский Ярослав 591
 Квигли Билл 552, 620
 Кейнс Джон Мейнард 34, 38, 78,
 79—81, 85, 190, 192—194, 199,
 203, 205, 216, 241, 321, 329,
 343, 382, 386, 529
 Кейс Дерек 264
 Келли Мартин 535
 Келли Роберто 101
 Кеннеди Сирил Дж. С. 41
 Кестнер Гейл 42, 47, 49, 70—71,
 610
 Кестнер Зелла 44
 Кинзер Стивен 403—404
 Кишнер Нестор 596, 601
 Киссинджер Генри 94, 123,
 132—134, 211, 249, 412,
 417—420, 432, 512, 594
 Китс Джон 76
 Кларк Кэтлин 415
 Кларк Ричард 410

Клерк Ф.В. де 261, 267
 Клинтон Билл 261—262, 267,
 277, 297, 302, 313, 323, 325,
 345, 373, 375, 378—380, 399,
 410, 429
 Кляйн Фриц 155
 Ковалик Тадуеш 254, 618
 Колдуэлл Кристофер 555
 Конвей Билл 413
 Конгватмай Ратре 610
 Коркорен Теренс 584—585
 Корнблук Питер 621
 Корр Эдвин 197
 Корреа Рафаэль 595, 598, 602
 Коэн Ричард 425
 Коэн Стивен 283, 289, 621
 Круз Том 522
 Крус Пенелопа 321
 Крюгер Энн 331
 Крюгмен Пол 535
 Кубрик Стенли 115
 Кумара Герман 515
 Кумаратунга Чандрика 514
 Кумари 504—505, 508—509, 519,
 618
 Купперман Чарльз 416
 Курназ Мурат 70
 Куртуа Стефан 37
 Кэдейн Кэти 96—97
 Кэмерон Эвен 41—43, 45—51,
 54—63, 67—69, 71, 73—74,
 102, 432, 486—487, 610
 Кэротерс Томас 240
 Кэссиди Джон 324

Л

Лами Паскаль 590
 Лаор Ицхак 578
 Ларрулет Кристиан 108

- Лаури Ричард 314
 Ледин Майкл 429, 365
 Летельер Орландо 93, 102,
 106—107, 120—121, 135—137,
 141, 159, 161, 205, 274, 584
 Летельер Франсиско 93
 Ливингстон Кен 591
 Ливски Норберто 150
 Липтон Дэвид 234—235, 349
 Липтон Эрик 410
 Лихи Патрик 402
 Лобов Олег 303
 Лонг Хью 327
 Лопес Хорхе Хулио 138
 Лосада Санчес Гонсало де 195,
 201, 206, 236, 317—318, 586
 Лосер Клаудио 215, 221
 Лоун Салим 477
 Лоусон Найджел 187
 Лула да Сильва Луис Инасио 594
 Льюис Энтони 159
 Лэй Кен 581
- М**
- Маас Питер 485, 486
 Мазовецкий Тадеуш 232,
 238—239, 254
 Майденс Сет 503
 Майета Ике 26, 31
 Майтриан Дэн 127—128
 Макгихи Ральф 100
 Макиавелли Никколо 20, 105
 Макинтайр Джейми 437
 Макквейг Линда 335
 Маккой Альфред 62, 621
 Макферсон Питер 440—441
 Малрони Брайан 287
 Мандела Нельсон 255, 257—261,
 269—272, 276—277, 282
- Мануэль Тревор 271
 Мао Цзедун 33, 37, 231, 244,
 248
 Мараис Хайн 531
 Маркос Фердинанд 214
 Маркс Карл 132, 143
 Марроу Эдвард Р. 376
 Мартенс Роберт Дж. 96
 Мартинес де Хос Хосе Альфредо
 122—123, 150
 Мартинес Соле Хосе Антонио
 609
 Массера Эмилио 132, 586
 Матисс Джим 474
 Маттит Грег 493—494
 Мау Владимир 293
 Махмуд Фарадж 461—462, 485
 Машел Самора 259
 Мбеки Табо 262, 267—268,
 272—275, 279, 593, 621
 Мейджер Джон 356
 Мейснер Морис 244, 248
 Мельцер Аллан 182, 189
 Менем Карлос 220, 222—223,
 318—319, 337
 Мерри Уэйн 306
 Милбенк Дана 386
 Миллер Джефри 481
 Миллер Кристиан 378, 621
 Милн Сеймас 187, 618
 Милошевич Слободан 429
 Минихен Кен 389
 Миранда Хуан 129, 618
 Михайлов Александр 312
 Мичник Адам 237
 Модзелевский Кароль 253
 Моралес Эво 201, 583, 595—598,
 602
 Моссадык Махаммад 84, 85

Моффит Ронни 137
 Мохамад Махатир 348
 Муравчик Джошуа 428
 Мурильо Инес 59
 Муррей Хью 273
 Муса Ясмин 433
 Муссолини Бенито 119
 Мэйфилд Джеймс 456

Н

Найт Фрэнк 74
 Наср Хассан Мустафа Осама 69
 Насрулла Хассан шейх 608
 Невзлин Леонид 587
 Нейлор Колин 187
 Нейман Виталий 300
 Неруда Пабло 142
 Нетаньяху Беньямин 571
 Ниджам 525—526
 Никсон Ричард 91—92, 94, 99,
 112, 179—180, 183, 367, 596
 Нитисастро Виджойо 352
 Нобоа Альваро 595
 Новак Роджер 388
 Ногуйра Ана 608
 Норквист Грувер 587
 Норрис Джон 429

О

Олбоу Джозеф 384, 410, 443,
 538
 Олбрайт Мадлен 354
 Оливер Дэвид 451
 Олин Джон М. 241
 Олмос Гаона Алехандро 222
 О'Нейл Пол 501
 Оппенгеймер Гарри 272
 Ортега Даниэль 595
 Ортез Дайанна 63

Оруэлл Джордж 39, 295, 560
 Ослунд Андерс 307, 315

П

Павловски Эдуардо 148
 Падаючи Вишну 263—265, 268,
 282
 Падилья Хозе 66—67
 Пайпс Ричард 314
 Паничпакди Супачай 350
 Парра Марко Антонио де ла 152
 Пас Эстенсоро Виктор 192,
 194—206, 220, 593
 Пелоски Джей 346, 355—356
 Перес Шимон 563
 Перкинс Джон 621
 Перл Ричард 412, 417—420
 Перон Исабель 122
 Перон Хуан 81, 91, 120, 142,
 195
 Перри Джамар 15—16, 33
 Перри Джеф 482
 Пилджер Джон 621
 Пиночет Аугусто 20—21, 27,
 34, 103, 105—120, 122, 124,
 127, 135—137, 140, 142—144,
 151, 153—154, 160—161, 167,
 177, 198, 203, 205—206,
 208—209, 218, 244, 246,
 249—250, 267, 283, 285, 288,
 291, 296, 298—299, 303, 305,
 310, 323, 331, 348, 354, 363,
 381, 417, 459, 479, 586—587,
 593, 596—597, 621
 Пиньера Хосе 109—110, 117, 267,
 331, 348, 351, 381
 Питерс Ральф 457—458
 Питерс Том 371
 Поланьи Карл 39

- Понс Уильям 480—481
 Попов Гавриил 290
 Потанин Владимир 305
 Поу Педро 220
 Поханка Боб 389
 Прадо Фернандо 198
 Пребиш Рауль 81, 86
 Принс Эрик 495
 Путин Владимир 310, 314,
 591—592
 Пэрияр Джефри 89
 Пэрл Ричард 411—412, 417—420,
 448
 Пэтинкин Дон 78, 337
 Пэттерсон Элбион 86—87, 142
- Р**
- Рабин Ицхак 563—564
 Райс Кондолиза 445, 447, 605
 Райс Мэрилин 49
 Рамафоза Сирил 261
 Рамсфельд Дональд 26, 65, 159,
 179—180, 353, 365, 367—377,
 381, 389, 397, 402—403,
 405—407, 409, 412, 418, 420,
 430, 432, 434—435, 437,
 439—440, 451, 479, 494—495,
 497, 499
 Ратакул Пишит 583
 Ратер Дэн 437
 Рахим Ахмед аль- 455
 Реддуэй Питер 299
 Редленнер Ирвин 412
 Рейган Рональд 25—26, 34—35,
 178, 188, 190, 192—193,
 202, 217, 231, 286, 338, 375,
 383, 386, 418, 441, 449, 574,
 585
 Ренука 520, 608
- Рид Адольф-младший 534
 Ридж Том 410
 Рикс Томас 498
 Рильке Райнер Мария 360
 Ристон Уолтер 82, 344
 Робб Джон 551—552
 Роберт Карен 149
 Роджерс Уильям 123, 134
 Родрик Дэни 218—219, 287, 331
 Розански Карлос 138—139
 Розен Лен 573
 Розенберг Альфред 143
 Рой Арундхати 622
 Рой Сара 568—569
 Рокфеллер Дэвид 123
 Рокфеллер Нельсон 123
 Росенкоф Маурисио 129
 Руа Фернандо 319
 Рубин Боб 323
 Рузвельт Франклин Д. 80, 321,
 327, 386, 409
 Руцкой Александр 296—297
- С**
- Садер Эмир 600
 Садли Мохаммад 342, 352
 Садр Муктада аль- 469—470,
 477, 488—489, 495
 Саенс Орландо 100—101,
 111—113
 Сакс Джефри 192—197,
 199—203, 207, 213, 222,
 234—239, 252, 287, 289—291,
 300—301, 303, 307—309, 318,
 321—332, 353
 Саммерс Лоренс 285, 296, 302,
 323, 330, 556
 Санчес Рикардо 481
 Саньярту Марио 89

Саркози Николая 25
 Саттон Фрэнк 167, 616
 Свайр Питер 399
 Селовски Марсело 215
 Синьора Фуад 605—606
 Сисулу Уолтер 279
 Ситто Ноури 465
 Сифтон Джон 480, 620
 Скехилл Джереми 479, 619
 Скоков Юрий 291
 Скорсезе Мартин 221
 Смит Адам 181, 316, 320, 455
 Смит Джерард 342
 Сниман Рассул 266
 Снобелен Джон 336
 Солендт Омонд 51
 Солк Джонас 376
 Солер Хосе Антонио 609
 Сомоза Гарсиа Анастасио 184
 Сондерс Фрэнсис Стоноу 168
 Сонтаг Сьюзен 191, 622
 Соока Ясмин 266, 275—276
 Сорос Джордж 234, 308—309
 Соса Мерседес 142, 144
 Спаркс Аллистер 255
 Спилберг Стивен 321
 Сталин Иосиф 37, 84—85, 139,
 231
 Сталс Крис 264
 Старк Серхио Арельяно 107
 Стерн Эндрю 425, 617
 Стиглиц Джозеф 217, 293, 447,
 621
 Стил Джеймс 479
 Сукарно Ахмед 84, 96, 98
 Сускинд Рон 434
 Сухарто Раден 96—100, 109,
 167, 180, 342, 351—352,
 360—361

Сухарто Томми 352
 Сьяастад Ларри 121, 210

Т
 Табит Аднан 486
 Талал Алвалид бин 358
 Тэлбот Строуб 429
 Таунли Майкл 137
 Тизард сэр Генри 51
 Тинтнер Герхард 169
 Титтавелла Мано 513, 518
 Тойи Джон 334
 Томас Ричард 367
 Тофик Мохамад 447, 456
 Трейнор Бернард 475
 Трояни Педро 148—149
 Труглиа Винсент 335—336
 Туту Десмонд, архиепископ 255,
 276, 617
 Тэнт Хью 468
 Тэтчер Маргарет 24, 34—35,
 177—178, 182—187, 208, 217,
 231, 273, 338, 618

У
 Уайлли Эндрью М. 425
 Уиллетт Сэбин 68
 Уиллс Гарри 65
 Уильямсон Джон 204, 207—208,
 217, 225, 330, 332—334,
 337—338, 593
 Уильямс Глория 613
 Уинфри Опра 321
 Ульман Харлан 430, 436
 Ундуррага Серхио 101
 Уолтерс Барбара 237
 Уоррен Кристофер 300
 Уэйд Роберт 359
 Уэксмен Генри 557
 Уэшлер Лоренс 237, 621

Ф

Фаррахан Луис 559
 Фей Джордж 496
 Фейерштейн Даниель 135
 Фейт Дуглас 420
 Фейтловиц Маргерит 151, 172, 621
 Фернандес Роке 220, 267
 Фернандо Сарат 519
 Феррейра Лилия 130, 132
 Фишер Стенли 216, 301, 330, 348, 349, 362—363, 571, 601
 Флейшер Майкл 457, 464
 Фолнер Эд 374, 383
 Фонтейн Артуро 108
 Форд Генри 165, 168—169, 398
 Форд Джеральд 368, 432
 Форд Эдсель 168
 Фрам Дэвид 26, 448, 609
 Франк Андре Гундер 88, 111, 116—117, 143, 312, 339
 Франко Франсиско 609
 Фрейд Зигмунд 143, 468
 Фрейре Пауло 143
 Фридман Милтон 17—20, 24—27, 30—31, 33—35, 38, 73—79, 82—83, 86, 88—89, 91, 102—103, 105, 108, 112—118, 121, 136, 154, 159—160, 178, 185, 189—190, 193, 195, 203, 207—208, 213—218, 220, 223, 227, 239, 241, 243, 247, 249, 251, 263, 290—291, 304, 312, 316, 330, 332, 335—336, 339, 344, 348, 354, 359, 362, 374—375, 383, 385, 387,—388, 421, 427, 450, 459, 536, 542, 584—587, 590—591, 595—597

Фридман Роуз 245

Фридман Томас 28, 361, 428, 431

Фукуяма Фрэнсис 241—243

Х

Хабиб Мамдух 67

Хайек Фридрих фон 34, 79, 118, 177—178, 183—184, 186, 291

Хамдан Камал 605

Хани Крис 268

Хара Виктор 144

Харбергер Арнольд 73, 79, 88, 92, 99, 112, 118, 121, 155, 160, 180, 220—221

Харбери Дженнифер 64

Харви Дэвид 250, 316, 622

Харири Рафик 606

Харрис Джон 386

Харрольд Питер 512

Хатум Раида 607

Хебб Дональд 52—55, 60—62

Хевмен Джеймс 463

Хелдрет Гари 539

Хеллер Уолтер 89

Хелмс Ричард 92

Хемингуэй Эрнест 207

Хиллмен Джеральд 418, 420

Ховард Джон 98

Ходорковский Михаил 304, 587

Холмс Кэти 522

Хорган Дэвид 471

Хорнер Чак 430

Хусейн Саддам 314, 416, 430, 458, 478, 492

Хэггард Стивен 181, 225

Хэй Джонатан 306—307

Хэммс Томас 460

Хэрскорн Рик 553

Ц

Цзян Цзэмин 246

Ч

Чавес Уго 96, 589, 597—599

Чандрасекаран Раджив 462, 621

Чейни Дик 31, 65, 323, 330, 356,
374, 377—380, 382, 402, 405,
407—409, 413, 417, 420, 429,
432, 434

Чейни Лиз 430, 455

Черлетти Уго 41

Чжао Цзыян 246, 248

Чиарелли Питер 72, 491

Чубайс Анатолий 303, 306

Ш

Шарон Ариэль 569—571, 620,
622

Шварценеггер Арнольд 35

Шелл Орвилл 249

Шенахен Джон Н.Т. 423

Шлейфер Андрей 306—307

Шмидт Карл 177

Шрейдж Майкл 288

Штольц Ричард 59

Шульц Джордж 179, 344, 412,
415—417, 420

Шульц Теодор У. 86—87

Э

Эдвардс Себастьян 215

Эйзенхауэр Дуайт 27, 84, 375,
405

Эммануэль Виктор 151

Эндерс Дэвид 538

Эндерсон Джек 93

Эндрюс Кассандра 22

Энчил Дэвид 41

Эриксон Ричард 314

Эрхард Людвиг 115

Эскобар Филемон 205

Эспиноза Мария Фернанда 599

Эчеколац Мигель Освальдо 138,
150

Эшкрофт Джон 410

Я

Якобс Джейн 622

Ярузельский Войцех 230



ОБ АВТОРЕ

Наоми Кляйн — журналистка, всемирно известный автор бестселлера «No Logo: Люди против брэндов» (No Logo: Taking Aim at the Brand Bullies). Эта книга была переведена на 28 языков и издана миллионным тиражом (на русском языке книга вышла в свет в издательстве «Добрая книга» в 2005 году). Газета *The New York Times* назвала No Logo «библией антикорпоративного движения». Наоми является международным обозревателем журнала *The Nation* и газеты *Guardian*. Ее статьи публикуются в *Harper's Magazine*, *The Globe and Mail*, *The New York Times*. В 2002 году был издан сборник ее статей, озаглавленный *Fences and Windows: Dispatches from the Front Lines of the Globalization Debate* (под названием «Заборы и окна: хроника антиглобализационного движения» книга вышла в свет в издательстве «Добрая книга» в 2005 году). В 2004 году Наоми Кляйн выступила в качестве сценариста и сопродюсера фильма «Захват» (*The Take*), документальной киноленты о захвате рабочими одного из заводов в Аргентине. Она была стипендиатом программы *Miliband Fellow* в Лондонской школе экономики, избрана почетным профессором гражданского права в Королевском колледже (Новая Шотландия, Канада). В сентябре 2007 года была опубликована ее новая книга «Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф» (*The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism*).